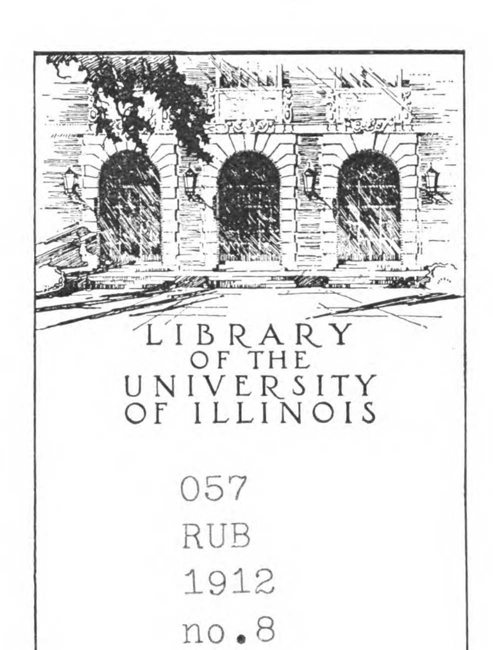

АВГУСТЪ. 1912.

4682

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 8.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія 1-й Спб. Трудовой Артели.—Лиговская, 34.
1912.

СОДЕРЖАНІЕ:

(См. на оборотѣ).

О Николаѣ Ѳедоровичѣ Анненскомъ.

I.

Послѣдніе дни.

Ранѣе, чѣмъ августовская книжка нашего журнала, составлявшаяся еще при участіи Н. Ѳ. Анненскаго, могла появиться, читающая Россія узнала изъ телеграммъ и газетныхъ сообщеній о новой тяжелой утратѣ, понесенной нашей товарищеской журнальной семьей: 26 іюля, въ 8 часовъ утра, Николая Ѳедоровича Анненскаго не стало.

Уже давно у него стали проявляться признаки сердечной болѣзни. Каждый годъ врачи посылали его на лѣтніе мѣсяцы въ Наугеймъ, и осенью онъ возвращался освѣженный и бодрый, чтобы съ тою-же живостью приняться за обычную разностороннюю работу. Въ послѣдніе годы этотъ лѣтній отдыхъ оказывалъ все меньшее дѣйствіе: въ Наугеймъ онъ привозилъ сердце все болѣе усталымъ; оттуда увозилъ его все менѣе возстановленнымъ.

Въ началѣ января нынѣшняго года онъ заболѣлъ сильнымъ припадкомъ сердечнаго удушья, и ему пришлось уѣхать отъ петербургской зимы и весенней слякоти. Поѣздка была трудна, но затѣмъ изъ Ниццы мы получали бодрыя письма. Николай Ѳедоровичъ участвовалъ даже въ праздновaніи памяти Герцена въ качествѣ представителя «Русскаго Богатства», и только настоянія врачей и близкихъ удержали его отъ болѣе дѣятельныхъ выступленій на этомъ международномъ празднествѣ. Но болѣзнь шла, все усиливаясь.

«Нашъ наугеймскій «курсъ», — писалъ мнѣ Николай Ѳедоровичъ отъ 12-25 іюня — затянувшійся въ нынѣшнемъ году далеко за обычные предѣлы, приходитъ къ концу. Въ субботу уѣзжаемъ. Разсчитывали уѣхать ранѣе, но все задерживали хвори. Всѣ мы

трое поправились, хотя и не въ одинаковой степени *)... я скверно дышу, плохо сплю въ послѣдніе дни. Докторъ обѣщаетъ, впрочемъ, что все это пройдетъ, если я буду вести «благоразумный» образъ жизни и принимать прописанныя лекарства. Какъ бы то ни было, не могу сейчасъ мечтать пріѣхать Вамъ «на смѣну», но не хочу откладывать надолго пріѣздъ «на подмогу»... Лучше конецъ «нахкура» я устрою въ Петербургѣ, такъ чтобы не запрягаться сразу въ работу, а войти въ нее постепенно... Очень бы хотѣлось недѣли 3—4 по пріѣздѣ прожить не въ городѣ, а гдѣ-нибудь на дачѣ. Но главное для меня быть поблизости отъ Васъ; самъ я первое время не знаю, буду-ли въ состояніи преодолѣвать редакціонную лѣстницу. Во всякомъ случаѣ «коренникомъ» въ данную минуту мнѣ стать трудно, могу только подпрыгивать на пристяжкѣ... Для нахкура ѣдемъ на Рейнъ, я выбралъ нѣкое мѣстечко, которое Александръ Гумбольдтъ называлъ красивѣйшимъ на землѣ—Rolandseck, около Бонна».

Это было послѣднее длинное письмо, полученное мною изъ заграницы отъ Николая Ѳедоровича. «Красивѣйшее мѣсто на землѣ» встрѣтило Анненскихъ дождемъ и холодомъ. 5-го іюля они вернулись въ Петербургъ.

Уже встрѣча на вокзалѣ не порадовала насъ, его близкихъ. Выйдя изъ вагона, Николай Ѳедоровичъ нѣкоторое время долженъ былъ отдыхать на вокзалѣ, пока миновалъ приступъ удушья. По дорогѣ на Финляндскій вокзалъ, на знакомыхъ петербургскихъ улицахъ, Анненскій вдругъ оживился. Въ вагонѣ онъ весело разговаривалъ и,—казалось,—передъ нами опять прежній Анненскій, веселый и бодрый. Но небольшой переходъ отъ вокзала въ Куоккалѣ до нанятой за нѣсколько дней дачи показалъ намъ, какія завоеванія сдѣлала болѣзнь въ его физическомъ организмѣ. Въ теченіе десяти минутъ Анненскій присаживался на встрѣчныхъ скамейкахъ, пока удавалось отдышаться; но все же намъ не приходило въ голову, что съ живымъ Анненскимъ мы идемъ по этой знакомой ему аллеѣ въ послѣдній разъ.

Наконецъ, съ видимымъ наслажденіемъ Николай Ѳедоровичъ почувствовалъ себя «дома». Приглашенные врачи ставили тревожные діагнозы. Сердечная мышца дѣйствуетъ слабо...

Однако, черезъ нѣсколько дней субъективное состояніе его стало замѣтно улучшаться, и еще черезъ нѣкоторое время наша дачка оживилась опять бодрымъ голосомъ Анненскаго, его веселыми шутками и, порой, пѣніемъ. Но... «объективная картина все та же»—со вздохомъ говорили врачи.

Три недѣли спокойной жизни на тихой дачѣ. Погода стояла

---

*) Съ Николаемъ Ѳедоровичемъ была жена Александра Никитишна и сестра.

жаркая, и большую часть времени Анненскій проводилъ въ тѣни деревьевъ, въ креслѣ, за чтеніемъ газетъ и журналовъ, а въ послѣдніе дни и за рукописями или за корректурой. Казалось, еще разъ этотъ жизнерадостный и необыкновенно бодрый, хотя и совершенно больной физически, человѣкъ обманетъ пессимистическія опасенія врачей. Пульсъ становился ровнѣе, въ лицѣ исчезла подавленность, глаза засверкали обычнымъ мягкимъ, искрящимся блескомъ. Явилось желаніе видѣть больше людей; и среди друзей это былъ опять прежній Анненскій, живой, остроумный, «самый молодой изъ присутствующихъ». Недѣли черезъ двѣ Анненскій принялся за работу, и однажды, вернувшись изъ города, я засталъ его за листомъ корректуры, поля которой были покрыты цифровыми выкладками. Старый статистикъ провѣрялъ цифры и выводы автора. Я высказалъ опасеніе,—не рано ли? Но достаточно было взглянуть на это спокойно оживленное лицо, чтобы опасенія разсѣялись.

— Знаете, В. Г.,—сказалъ онъ шутя.—Сухо дерево, завтра пятница, не сглазить: мнѣ очень хорошо сегодня.

— Значитъ, еще поработаемъ,—сказалъ я радостно.

— Поработаемъ,—весело отвѣтилъ онъ.

Это было 23 іюня. На слѣдующій день было нѣсколько хуже: давалъ себя знать старый геморрой, но 25-го опять выдался чудесный, свѣтлый и радостный день.—«Мнѣ очень, очень хорошо»,—сказалъ онъ Александрѣ Никитишнѣ. Работалъ онъ въ этотъ день очень немного,—прочелъ по набору и принялъ одну статью, къ которой сдѣлалъ нѣсколько словесныхъ дополненій съ памяти, а вечеромъ за чаемъ былъ веселъ, радостенъ, остроуменъ и то и дѣло пытался пѣть. Въ $11^1/_4$ часовъ попрощался и ушелъ въ свою комнату, опять тихо напѣвая. Такъ, подъ пѣсню за нимъ и закрылась дверь.

Утромъ 26-го племянница его, Т. А. Богдановичъ, собираясь въ 9 часовъ въ городъ, пріоткрыла дверь, чтобы попрощаться, если Николай Ѳедоровичъ проснулся, и—съ легкимъ крикомъ отшатнулась назадъ. Я вошелъ въ комнату и, подойдя къ постели, увидѣлъ, что все кончено. Анненскій лежалъ на лѣвомъ боку, съ лицомъ, повернутымъ нѣсколько внизъ и слегка перекошеннымъ. Я поправилъ положеніе. Перекошенность и багровыя пятна стали исчезать, черты приняли спокойное выраженіе.

Черезъ нѣсколько минутъ явился врачъ и констатировалъ лѣвостороннее мозговое кровоизліяніе. Смерть, безболѣзненная и мгновенная, пришла во снѣ. Будь сердце крѣпче, онъ могъ-бы жить послѣ этого перваго удара, но—безъ движенія и безъ рѣчи. А движеніе и рѣчь были сущностью этой кипучей и яркой жизни. Больное сердце избавило дорогого человѣка отъ этого ужаса, и онъ ушелъ, какъ жилъ: полный неостывшихъ умственныхъ интересовъ и веселой бодрости...

Когда я вышелъ изъ его комнаты, разгорѣлось уже чудесное лѣтнее утро. Только что прошелъ дождь, рѣдкій и крупный, оставившій круглые отпечатки капель на песчаной дорожкѣ. И мнѣ чуть ли не впервые за этотъ часъ стало такъ ощутительно ясно, что для *него* уже не было ни этого утра, ни этого дождя... Настоящее для него прекратилось. Будущее съ нимъ для насъ исчезло. Осталось прошлое, и въ немъ—такая живая, такая свѣтлая, такая—я не могу подобрать другого слова—такая радостная память, отъ которой, однако, глаза невольно застилаются слезами, а сердце сжимается отъ глубокаго горя...

II.

Черты изъ біографіи и отрывки изъ воспоминаній.

Николай Ѳедоровичъ Анненскій родился въ 1843 году, въ Петербургѣ, въ семьѣ чиновника.

Мнѣ вспоминается, какъ однажды, въ началѣ 80-хъ годовъ, въ одной компаніи, въ «Вышне-Волоцкой политической тюрьмѣ», гдѣ волею судебъ сошлись люди разныхъ племенъ, возрастовъ и состояній, завязался горячій разговоръ о національномъ. Между прочимъ, горячіе націоналисты-украинцы нападали на «безнаціональныхъ россійскихъ радикаловъ», доказывая, что «космополитизмъ» дѣлаетъ людей тусклыми, подводитъ подъ ранжиръ, обезличиваетъ и обезцвѣчиваетъ. Стали, кстати, опрашивать, кто гдѣ родился и какую мѣстность считаетъ своей родиной.

— Моя родина,—съ сдержанной улыбкой отвѣтилъ Анненскій,— Офицерская улица города Петербурга.

Можетъ быть, это не аргументъ: Анненскій несомнѣнно былъ натурой исключительной. Но въ то время въ компаніи, далеко не лишенной довольно выразительныхъ и яркихъ индивидуальностей, всѣ почувствовали ясно, что, навѣрное, самой выразительной и яркой представляется личность этого «безпочвеннаго» россійскаго радикала, уроженца Офицерской улицы, Казанской части города Санктъ-Петербурга, записаннаго въ тюремные списки званіемъ «надворный совѣтникъ Анненскій».

Родился онъ при самыхъ среднихъ условіяхъ, въ семьѣ петербургскаго чиновника. Правда, на пятомъ году жизни мальчика, отецъ его былъ переведенъ въ Омскъ, и сыну пришлось сначала учиться въ Омскомъ кадетскомъ корпусѣ. Но онъ не сдѣлался ни сибирякомъ, ни военнымъ. Отъ корпуса у него остались только юмористическія воспоминанія. Я никогда не слышалъ въ этихъ воспоминаніяхъ (вообще довольно скудныхъ) ни одной нотки озлобленія или горечи. Повидимому въ Анненскомъ эта дореформенная старина, порой наивно-свирѣпая, порой грубо-добродушная,

возбуждала только юморъ. Точно этотъ веселый, блестяще справлявшійся съ кадетской наукой юноша чувствовалъ, что военный строй не можетъ овладѣть его душой; что онъ отряхнетъ его легко и свободно.

Такъ же легко и свободно относился онъ впослѣдствіи къ чиновничьей карьерѣ. По окончаніи корпуса онъ опредѣлился въ канцелярію Омскаго губернатора... Но, затѣмъ, отецъ Анненскаго былъ переведенъ опять въ Петербургъ, и юноша, давно мечтавшій объ университетѣ, увидѣлъ близкую возможность осуществить эту мечту. Отецъ требовалъ, чтобы онъ снова поступилъ на службу по министерству вн. дѣлъ, но молодой человѣкъ предпочелъ заниматься частными уроками и записался вольно-слушателемъ по юридическому факультету. Это было время памятныхъ безпорядковъ, въ которыхъ Анненскій принималъ дѣятельное участіе, но почему-то не былъ арестованъ вмѣстѣ съ другими. Въ 1865 году онъ выдержалъ экзаменъ на гимназическій аттестатъ, въ 1867 сдалъ кандидатскій экзаменъ сначала по юридическому, потомъ (1873) по историко-филологическому факультету (въ Кіевѣ). Послѣднее объяснялось тѣмъ, что въ то время Анненскій готовилъ себя къ ученой карьерѣ и спеціальностью выбралъ исторію. Но пока—все-таки пришлось поступить на службу. Анненскій избралъ для этого контроль.

Въ то время контроль считался учрежденіемъ либеральнымъ и старался рекрутировать независимыхъ и способныхъ людей. Анненскій началъ чиновничью карьеру при наилучшихъ предзнаменованіяхъ. Въ этотъ же годъ (1866) онъ женился на Александрѣ Никитишнѣ Ткачевой, сестрѣ извѣстнаго впослѣдствіи писателя и революціонера, Петра Никитича Ткачева.

Въ 1869 году Анненскій испыталъ первый арестъ, безъ особыхъ основаній, кромѣ родства съ П. Н. Ткачевымъ, привлеченнымъ къ нечаевскому дѣлу. Когда-нибудь мы надѣемся дать подробныя воспоминанія болѣе близкаго Ник. Ѳедоровичу лица, въ которыхъ это время его жизни будетъ освѣщено подробнѣе и ярче. Пока скажемъ только, что родство съ Ткачевымъ обошлось Анненскому въ три мѣсяца крѣпости. Характерно для того времени, что этотъ арестъ нисколько не повредилъ Анненскому по службѣ: все время онъ продолжалъ числиться въ контролѣ и вскорѣ по выходѣ изъ крѣпости получилъ даже повышеніе.

Около этого-же времени Н. Ѳ. познакомился съ Алексѣемъ Адріановичемъ Головачевымъ, извѣстнымъ писателемъ (авт. книги «Десять лѣтъ реформъ») и дѣятелемъ крестьянской реформы, который устроилъ переводъ Анненскаго въ статистическій отдѣлъ министерства путей сообщенія. Въ 1879 году произошелъ второй арестъ Анненскаго во время повальныхъ обысковъ, арестовъ и всевозможныхъ репрессій, вызванныхъ покушеніемъ Соловьева.

Длился онъ со 2 апрѣля до конца мая, и опять прошелъ безъ послѣдствій: Анненскій былъ освобожденъ, какъ говорятъ, послѣ колоритно-щедринской резолюціи «ожидать поступковъ». Тогдашній министръ путей сообщенія (кажется, Посьетъ), слышавшій о способномъ молодомъ чиновникѣ, «замѣшанномъ въ политикѣ», пожелалъ лично переговорить съ Анненскимъ послѣ его освобожденія. Освѣдомившись о томъ, дѣйствительно ли онъ не принималъ никакого участія въ террористическихъ актахъ, министръ сдѣлалъ предположеніе:

— Навѣрное раздѣляете конституціонный образъ мыслей... Да? Ну, конечно! Кто-же не желаетъ конституціи? Я тоже искренно ея желаю.

Это было, на нынѣшній взглядъ, странное время: Анненскіе служили въ канцеляріяхъ и получали чины, а министры гордились конституціоналистами подчиненными и сами мечтали о конституціи...

Около этого времени, т. е. во второй половинѣ 70-хъ годовъ, я впервые увидѣлъ Николая Ѳедоровича. Его имя пріобрѣтало уже почетную извѣстность въ литературныхъ и вообще интеллигентныхъ кругахъ. Теперь мнѣ это вспоминается, какъ слабые отсвѣты, расходившіеся изъ какого-то центра, гдѣ уже тогда свѣтилась эта яркая фигура. Я на 10 лѣтъ моложе Анненскаго, и былъ еще студентомъ, когда онъ уже пользовался извѣстностью. Въ то время нѣкоторые радикальные литераторы пытались образовать интеллектуальные центры, чтобы собираться, обсуждать насущные вопросы и, быть можетъ, установить живыя связи съ молодежью и обществомъ. Попытка была совершенно невинная по существу, но... нелегко осуществимая и въ наше время. Общество получило названіе «Общества трезвыхъ философовъ», но скоро постоянныя собранія прекратились, и лишь изрѣдка, спорадически, дѣлались попытки собираться для выслушанія какого-нибудь доклада.

На одно изъ такихъ собраній мнѣ удалось проникнуть съ товарищемъ, уже посѣщавшимъ ихъ ранѣе. Докладчикомъ былъ Лесевичъ, и вопросъ касался одного изъ спорныхъ предметовъ, раздѣлявшихъ тогда два крыла народничества («Недѣли» и «Отеч. Записокъ»). Говорили, что Лесевичу собирается возражать Юзовъ-Каблицъ и еще кто-то, но Лесевичъ при первыхъ попыткахъ возраженій заявилъ, что онъ не совсѣмъ здоровъ и имѣлъ въ виду только рефератъ, а не конференцію. Произошло неловкое замѣшательство. Не знали, что-же дальше? Уходить всѣмъ, какъ по окончаніи лекціи, или ждать еще чего-то? Разбились на кучки, переходили изъ комнаты въ комнату, шептались, оглядывались. Мы съ товарищемъ собрались уходить, когда въ гостинной мое вниманіе привлекла интересная группа. На кушеткѣ, за сто-

ломъ съ лампой сидѣла красивая молодая дама, рядомъ со старымъ отставнымъ генераломъ, и еще двѣ-три фигуры, теперь не сохранившіяся въ памяти. Все мое вниманіе сразу поглотила фигура господина среднихъ лѣтъ, съ выразительнымъ лицомъ и волосами, откинутыми назадъ. Онъ оживленно жестикулировалъ и говорилъ, обращаясь къ молодой женщинѣ:

— Нѣтъ, нѣтъ, Лидія Парменовна (это, оказалось, была жена Лесевича), нехорошо, нехорошо. Я говорилъ и Владиміру Викторовичу. Надо было выслушать возраженіе. Въ этомъ для многихъ былъ главный интересъ собранія...

Онъ говорилъ то, что чувствовали всѣ, и особенно сильно молодая часть собранія, и говорилъ такъ, что все въ немъ,—голосъ, тонъ рѣчи, одушевленное лицо и плавные, оживленные жесты,—невольно привлекали симпатіи къ этой выразительной фигурѣ... Кругомъ тотчасъ-же образовалась сочувствующая группа изъ обоихъ лагерей, и когда говорившій ушелъ въ другія комнаты, здороваясь направо и налѣво, обмѣниваясь замѣчаніями, за нимъ какъ-то инстиктивно потянулась кучка людей. Хотѣлось слышать этотъ голосъ, глядѣть на эту крупную фигуру, оживленное лицо...

— Кто это?—спросилъ я у товарища, и онъ отвѣтилъ:

— Это—Николай Ѳедоровичъ Анненскій.

Вскорѣ я опять увидѣлъ его на другомъ такомъ же собраніи. Былъ докладъ А. А. Лобова, довольно тягучій и скучный. Въ серединѣ доклада вдругъ пронеслось извѣстіе: «полиція». Собраніе было совершенно невинное, но даже для того, чтобы выслушать, что «Россія—страна промышленная, а не земледѣльческая», приходилось собираться «нелегально». Произошло замѣшательство. Нѣкоторые кинулись къ платьямъ, толпились въ передней... И опять въ толпѣ для меня точно вырѣзалась уже знакомая фигура. Анненскій прошелъ, улыбаясь и кидая какія-то шутки, веселый, живой и—безпечный. Вскорѣ оказалось, что полиція дѣйствительно являлась, но послѣ разговора, кажется, съ участіемъ Анненскаго, удалилась безъ протокола. Докладъ все-таки былъ сорванъ, но еще долго стояла тѣсная кучка, окружившая характерную фигуру съ откинутыми назадъ волосами и смѣющимся взглядомъ.

Я не имѣю въ виду писать сейчасъ систематическихъ воспоминаній. Впослѣдствіи судьба столкнула насъ ближе, и мнѣ на долю досталось рѣдкое счастіе многолѣтняго общенія, общей работы и дружбы этого обаятельнаго человѣка. Мнѣ придется еще не разъ вспоминать объ этомъ, но теперь я нарочно началъ съ этихъ двухъ незначительныхъ эпизодовъ. Я увѣренъ, что если бы впослѣдствіи я ни разу не встрѣчался съ Анненскимъ ближе,—я все же запомнилъ бы навсегда этого человѣка, только промелькнувшаго передъ моими глазами, какъ не забываетъ его никто, разъ увидѣвшій его гдѣ-нибудь въ собраніи, на литературномъ ве-

черѣ, на предсѣдательскомъ мѣстѣ въ вольно-экономическомъ обществѣ, съ веселымъ тактомъ улаживающимъ болѣе серьезные конфликты съ полиціей въ «освободительные годы», или даже просто въ частномъ кружкѣ... Всюду къ нему обращались свѣтлѣющіе взгляды, тянулись для пожатій руки союзниковъ и противниковъ...

Впослѣдствіи, вспоминая собственное чувство, сразу привязавшее меня, юношу, къ этому тогда уже солидному человѣку, я пытался истолковать секретъ этого обаянія, и всякій разъ передо мной, точно вырѣзанная на сѣромъ фонѣ или освѣщенная, вставала его характерная фигура и его выразительное лицо, безпечное, оживленное и весело увѣренное среди общаго смущенія и замѣшательства. Доказывалъ ли онъ необходимость выслушать противниковъ, быть можетъ даже ему не симпатичныхъ, закрывалъ ли своимъ старымъ уже тѣломъ избиваемую на площади молодежь,—въ немъ всегда чувствовалось одно и то же: пламенное одушевленіе извѣстной мыслью или извѣстнымъ стремленіемъ и какая-то особенная, молодая, по большей части веселая безпечность относительно себя. Чувствовалось, что этого человѣка можетъ живо задѣть, глубоко,—подъ конецъ жизни даже болѣзненно — взволновать вопросъ о томъ, правильна ли такая-то мысль, нравственно ли такое-то общественное выступленіе. Но все остальное, внѣшнее,—возможныя послѣдствія для него лично,—было лишь источникомъ болѣе или менѣе юмористическихъ случайностей, которыя онъ стряхивалъ съ себя, какъ лебедь стряхиваетъ воду съ своихъ перьевъ. Онъ былъ кадетъ, писецъ канцеляріи губернатора, студентъ, чиновникъ контроля, чиновникъ путей сообщеній, арестантъ, ссыльный, земскій статистикъ, писатель, журналистъ, предсѣдатель разныхъ обществъ. И всюду его блестящія способности могли выдвинуть и выдвигали его въ первые ряды. Но онъ никогда не былъ только кадетомъ, только чиновникомъ, только статистикомъ, даже—только писателемъ или журналистомъ. Какъ ни любилъ Анненскій журналъ, въ которомъ работалъ до конца жизни съ интересомъ и увлеченіемъ,—мы, его товарищи, отлично знаемъ, что и въ это время онъ не былъ *только* редакторомъ, и не имѣемъ претензіи—покрыть своимъ дѣломъ эту широкую и изумительно оригинальную личность. Всегда онъ былъ больше, разностороннѣе, шире всякаго даннаго дѣла, всегда обаяніе *человѣка* покрывало въ его лицѣ значеніе профессіональнаго работника, какъ бы велико ни было это послѣднее. Да, всюду,—въ канцеляріи, въ тюрьмѣ, въ собраніи молодыхъ товарищей по статистикѣ,—это былъ прежде всего обаятельный *человѣкъ*. Затѣмъ — это былъ человѣкъ по истинѣ интеллигентный. Умъ его, глубокій отъ природы, былъ углубленъ просвѣщеніемъ и освѣщенъ широкими интересами. Это былъ интеллигентъ въ наилучшемъ значеніи

этого слова, человѣкъ, живущій, главнымъ образомъ, интересами мысли...

Шестидесятые годы были временемъ именно проснувшейся въ свѣтлое утро живой и кипучей мысли, стремящейся и предчувствующей свое осуществленіе. Анненскій до послѣднихъ дней донесъ эту особую радостную бодрость, въ немъ всегда сверкала и сіяла мысль, глубокая, здоровая, свѣтлая и безкорыстная.

И затѣмъ въ немъ сразу чувствовался человѣкъ *свободный*. Свободный той внутренней свободой, которую многимъ и многимъ придется еще пріобрѣтать и вырабатывать въ себѣ долго послѣ того, какъ будетъ достигнута внѣшняя свобода общественныхъ формъ. По своему жизненному пути онъ шелъ увѣренно, твердо, съ характернымъ спокойствіемъ и веселой увѣренностью человѣка, знающаго, что никто и ничто не можетъ заставить его отступить или свернуть въ сторону въ вопросахъ истины и правды.

Да, теперь даже странно вспомнить, что наши отсталыя, доконституціонныя учрежденія могли еще такъ долго уживаться съ такими людьми, какъ Анненскій, никогда не перестававшими быть самими собой, никогда не приспособлявшимися къ средѣ и обстановкѣ. Правда, недоразумѣніе, наконецъ, прекратилось. Въ 1880 году мнѣ пришлось въ третій разъ встрѣтиться съ Анненскимъ. Случилось это въ періодъ «диктатуры сердца». Это знаменательно и даже символистично. Въ лицѣ Лорисъ-Меликова устарѣлый русскій строй готовъ былъ сдѣлать уступку духу времени: ввести внѣшнія формы «конституціи». И тотъ же Лорисъ-Меликовъ началъ огромнымъ расширеніемъ административныхъ репрессій, безсудныхъ каръ и ссылокъ. Въ его лицѣ старый порядокъ готовъ былъ поступиться формами, лишь бы не давать сущности, помириться хотя бы съ лже-конституціонализмомъ, лишь бы не мириться съ свободой. И вотъ, въ началѣ марта 1880 года въ Петербургѣ были произведены массовые аресты, главнымъ образомъ среди интеллигенціи. А 26 марта, съ той же своей характерной безпечной улыбкой, надворный совѣтникъ Анненскій вошелъ въ сѣромъ халатѣ и съ тузомъ на спинѣ въ камеру «Вышневолоцкой политической № 1-й тюрьмы», гдѣ и произошла наша третья встрѣча. Чиновничья карьера надворнаго совѣтника Анненскаго была навсегда закончена. Онъ стряхнулъ ее съ своей обычной веселой граціей, а его человѣческое содержаніе засвѣтилось еще ярче въ другихъ мѣстахъ и другихъ формахъ.

Съ этихъ поръ мы съ нимъ почти уже не разлучались до конца...

Какъ-то въ житіи одного праведника мнѣ довелось прочитать, что онъ былъ надѣленъ особой благодатью: ему въ высокой степени была дана «благодать слезъ». Это значитъ, конечно, что въ

этомъ праведномъ человѣкѣ былъ живой родникъ той тихой печали, которая оплакиваетъ грѣшную юдоль земной жизни. И, конечно, къ нему приходили, чтобы онъ подѣлился этою своей печалью, и, уходя отъ праведника, люди грѣшной толпы уносили съ собой частицу его слезной благодати.

Жизнь секуляризируется все болѣе, и мы знаемъ уже не только духовныхъ, но и свѣтскихъ «праведниковъ», тоже отмѣченныхъ «благодатью слезъ». Такимъ былъ подъ конецъ своей жизни Глѣбъ Ивановичъ Успенскій, весь изболѣвшій грѣхомъ и страданіемъ міра.

Анненскій не менѣе ясно отмѣченъ благодатью другого рода. Это была благодать жизненной радости, свѣтившаяся въ каждомъ его словѣ, жестѣ, движеніи, отражавшаяся отблесками на самыхъ хмурыхъ и нерадостныхъ лицахъ. И въ этой радости, освѣщенной глубокой мыслью и благороднымъ чувствомъ,—была тайна его обаянія. Въ многочисленныхъ телеграммахъ, которыми откликнулась интеллигентная Россіи на смерть Анненскаго, въ письмахъ, получаемыхъ близкими людьми покойнаго изъ самыхъ глухихъ угловъ провинціи, въ статьяхъ, напечатанныхъ въ газетахъ, сквозитъ эта нота, отраженіе этой именно радостной, бодрящей обаятельности... Но на мой взглядъ всего ярче отразилась она въ одномъ эпизодѣ изъ довольно отдаленнаго прошлаго.

Послѣ ссылки въ Сибирь, Анненскій получилъ разрѣшеніе вернуться въ Европейскую Россію и жилъ въ Казани. Въ верхнемъ этажѣ того же дома жилъ профессоръ Ц., который опасно заболѣлъ. Ему предстояла серьезная операція, и Анненскій каждый день посѣщалъ больного. Когда пришелъ день операціи, врачъ-хирургъ серьезно дѣловымъ тономъ дѣлалъ свои подготовительныя распоряженія: комнату дезинфецировать такъ-то... И потомъ... Врачъ обратился къ близкимъ больнаго еще съ однимъ не совсѣмъ обычнымъ распоряженіемъ:

— Нельзя-ли было бы, хоть на полчаса, передъ операціей пригласить того господина, котораго я у васъ видѣлъ вчера? Его присутствіе какъ-то особенно... озонируетъ нравственную атмосферу...

Въ этомъ случайномъ замѣчаніи врача дано главное, самое существенное опредѣленіе личности замѣчательнаго человѣка, котораго 28 іюля мы опустили въ могилу у литераторскихъ мостковъ Волкова кладбища, рядомъ съ Якубовичемъ, невдалекѣ отъ Михайловскаго и Успенскаго... Да, именно: всегда, во всякихъ условіяхъ и во всякой средѣ Николай Өедоровичъ Анненскій «озонировалъ нравственную атмосферу», освѣщая всякія сумерки лучами своего замѣчательно правильнаго ума, освѣжая настроеніе своей радостной бодростью, согрѣвая всѣхъ благороднымъ обаяніемъ своей личности... О его общественной роли придется еще говорить

и вспоминать много. Въ этихъ отрывочно набрасываемыхъ замѣткахъ, я хотѣлъ хоть отчасти, хоть слабыми чертами намѣтить своеобразный, обаятельный, особенный, единственный образъ не чиновника, не статистика, не писателя, не редактора,—а милаго, любимаго, дорогаго и необыкновеннаго человѣка, продолжающаго свѣтить намъ и за таинственной гранью смерти своимъ благодатнымъ, свѣтлымъ и чистымъ обаяніемъ.

Вл. Короленко.

Надгробное.

Могильная насыпь еще не осѣла. Передъ нею трудно собрать мысли объ утратѣ, невозможно отрѣшиться отъ личнаго чувства скорби. Есть люди, которыхъ нельзя не любить, лишь только узнаешь ихъ. Мало сказать: такимъ былъ покойный. Это былъ человѣкъ, привязанность къ которому не можетъ стать привычной,—чѣмъ-то такимъ, что отстоялось, достигло своего предѣла и можетъ быть незамѣчаемо сознаніемъ въ повседневной совмѣстной работѣ. Въ повседневномъ—крупномъ и мелкомъ—онъ раскрывался, какъ человѣкъ блестящаго ума, тончайшей воспріимчивости, поразительной отзывчивости, рѣдкой душевной красоты, онъ возвышалъ, онъ воодушевлялъ, онъ умилялъ, онъ восхищалъ. Его нельзя было не любить тѣмъ глубже, чѣмъ ближе его видишь и больше узнаешь. И, стоя у его могилы, трудно осмыслить, какая крупная общественная величина исчезла изъ жизни,—забываешь, что нѣтъ Анненскаго. По логикѣ сердца, всего больнѣе, что нѣтъ Николая Θедоровича,—милаго, славнаго, дорогого Николая Θедоровича.

И не ошибается сердце... Помню мое первое, мимолетное знакомство съ Николаемъ Θедоровичемъ въ концѣ 1903 года. У меня было порученіе отъ одного провинціальнаго статистика—«справиться у Анненскаго» относительно разныхъ спеціальныхъ предметовъ. На большомъ собраніи я подошелъ къ Анненскому, съ чисто дѣловыми намѣреніями и съ тѣми чувствами, какія естественны въ пріѣзжемъ изъ провинціи, начинающемъ литераторѣ, когда онъ подходитъ къ большому общественному дѣятелю, а, между прочимъ, и къ знаменитому спеціалисту, научными трудами котораго создана цѣлая школа, съ именемъ котораго связана цѣлая эпоха въ исторіи русской статистики. Нѣсколько бѣглыхъ фразъ, милая незабвенная улыбка Николая Θедоровича,—и я забылъ и статистику, и все прочее, что зналъ объ Анненскомъ; просто—«очаровательный старикъ», «душевный человѣкъ». Тутъ кто-то вмѣшался въ нашъ едва начатый разговоръ. Я забылъ спросить и о томъ, о чемъ хотѣлъ спросить. А потомъ было некогда, пришлось спѣшно выѣхать изъ Петербурга. Такъ и осталось порученіе моего провинціальнаго знакомаго неисполненнымъ. Помню и «различіе точекъ зрѣнія», въ ту пору удивившее меня,

какъ неожиданность. Когда я подъѣзжалъ къ Петербургу и мысленно перебиралъ, что надо сдѣлать въ немъ, память подсказывала: «да, не забыть бы справиться у Анненскаго». Съ именемъ: «Анненскій» связывалось представленіе о большихъ общественныхъ заслугахъ, поскольку онѣ были мнѣ извѣстны. И съ этой точки зрѣнія человѣкъ Анненскій, Николай Ѳедоровичъ, былъ для меня не виденъ. Я его не зналъ и о немъ не думалъ. Уѣзжая изъ Петербурга и мысленно перебирая, чего не сдѣлалъ, я вспоминалъ: «вотъ такъ и не справился у Анненскаго». И при этомъ у меня оказалась новая точка зрѣнія: на первомъ планѣ былъ «очаровательный старикъ», «душевный человѣкъ», а его общественныя заслуги приняли видъ какъ бы придатка, дополненія къ Николаю Ѳедоровичу. Духовная красота личности словно заслоняла дѣла ея. Такое распредѣленіе вещей въ перспективѣ было для меня новостью. И думая о ней въ вагонѣ, подъ стукъ колесъ, я невольно вспомнилъ старый парадоксъ: «если бы человѣкъ былъ хуже, его заслуги цѣнились бы лучше».

Это мелькнуло и забылось. И снова всплыло уже въ 1905 году, въ предманифестское время: конецъ августа и сентябрь. Въ общественномъ движеніи ясно обозначались глубокія трещины. И была потребность выяснить ихъ и установить свое отношеніе къ нимъ. Наростала волна народнаго движенія. И создавалась необходимость подготовиться къ встрѣчѣ съ нею. По предложенію Николая Ѳедоровича и въ его квартирѣ на Троицкой улицѣ сталъ собираться по воскресеньямъ тѣсный кружокъ единомышленниковъ по преимуществу причастныхъ къ журналистикѣ. Въ него вошло и народническое крыло тогдашняго «Сына Отечества», представленное Г. И. Шрейдеромъ и мною. Недолго были эти «воскресенья»—окончились въ первыхъ числахъ октября. Подготовиться не удалось,—событія опередили насъ. Самое значеніе того, что было лишь намѣчено на воскресеньяхъ, опредѣлилось позднѣе. Въ моментъ «маленькихъ собраній на Троицкой» никто не могъ знать, что изъ нихъ выйдетъ. Это былъ просто - одинъ изъ многихъ эпизодовъ въ интимной исторіи общественныхъ движеній. Мнѣ, провинціалу, тогда только что переѣхавшему на постоянное жительство въ Петербургъ, были новы впечатлѣнья петербургскаго бытія. И часто во время большихъ воскресныхъ разговоровъ на большія темы у меня возникали постороннія мысли. Часто, глядя на Анненскаго, руководившаго преніями, думалось: сколько такихъ эпизодовъ изъ интимной исторіи общественныхъ движеній было въ жизни этого человѣка? сколькими нитями онъ органически связанъ вообще съ исторіей русскаго общества? Но опять, какъ два года назадъ, мнѣ казалось это лишь придаткомъ къ душевному, милому человѣку Николаю Ѳедоровичу. Какъ бы ни были велики его заслуги, онъ, какъ личность, какъ обаятельный и вмѣстѣ *праведный* человѣкъ, стоитъ на исключительной высотѣ.

Скоро послѣ «воскресеній на Троицкой» судьба дала мнѣ большое счастье—постоянно работать съ Николаемъ Өедоровичемъ, подъ его руководствомъ, въ качествѣ и политическаго единомышленника, и товарища по «Русскому Богатству». За 7 лѣтъ совмѣстной работы было время лучше узнать, что такое тотъ Анненскій, съ которымъ связана цѣлая эпоха въ исторіи не только статистики, но и всего русскаго общества, цѣлая эпоха въ исторіи опредѣленнаго направленія общественной мысли, цѣлая эпоха въ исторіи «Русскаго Богатства». Центральная сила въ передовыхъ рядахъ интеллигенціи, центральная величина всего направленія, центръ въ нашей журнальной товарищеской средѣ, человѣкъ огромнаго авторитета и поразительнаго умѣнія быстро охватывать не только принципіальное значеніе каждаго дѣла, но и мельчайшія практическія детали... На моихъ глазахъ онъ, по мѣрѣ развитія болѣзни и упадка силъ, отходилъ отъ многообразныхъ видовъ активной дѣятельности. Отходилъ не безъ протестовъ и не безъ пререканій съ друзьями, которымъ порою было не легко удержать его хотя бы только отъ наиболѣе опасныхъ при его здоровьѣ выступленій на большихъ собраніяхъ, отъ неизмѣннаго предсѣдательствованія въ многолюдныхъ, а порою и бурныхъ засѣданіяхъ. Силы, однако, падали. И кругъ дѣятельности Николая Өедоровича все болѣе и болѣе смыкался возлѣ той основной работы, какую онъ несъ въ качествѣ предсѣдателя редакціоннаго комитета «Русскаго Богатства». Въ концѣ 1911 года болѣзнь вышибла и это. Анненскій съ его дѣлами и заслугами отходилъ въ исторію. Оставался вплоть до рокового исхода Николай Өедоровичъ. И все болѣе и болѣе отчетливую выпуклость пріобрѣтала та черта въ душевномъ складѣ этого праведнаго человѣка, которую лично мнѣ часто хотѣлось назвать «святою неугомонностью»: огромная, вѣчно напряженная жажда непосредственнаго участія во всемъ томъ, что онъ считалъ общественно нужнымъ и важнымъ. Эта жажда, вообще неутолимая въ Николаѣ Өедоровичѣ, подъ конецъ была уже совершенно неутоленной. Но онъ думалъ, онъ готовился, у него были мысли и планы на будущее. И вернись къ нему хоть часть былыхъ силъ, онъ опять ринулся бы въ гущу жизни, и опять дѣлалъ бы въ сущности то же, что и дѣлалъ, и такъ же, какъ и дѣлалъ! Не могъ онъ иначе. Такой ужъ былъ цѣльный человѣкъ.

А. Петрищевъ.

Къ характеристикѣ Н. Ѳ. Анненскаго *).

Мы опускаемъ въ могилу не только честнаго писателя, но и крупнаго общественнаго дѣятеля въ области освободительнаго движенія. Покойный Николай Ѳедоровичъ уже заявилъ себя талантливыми статьями по политической экономіи и о русскихъ финансахъ, когда въ 1880 г. вынужденъ былъ отправиться въ Восточную Сибирь. Графъ Лорисъ-Меликовъ говорилъ близкому мнѣ человѣку, что эта мѣра была принята по повелѣнію высшей воли. Исторія разъяснитъ со временемъ, какимъ докладомъ она была вызвана, но во всякомъ случаѣ слѣдуетъ отмѣтить двѣ черты, весьма важныя для характеристики міросозерцанія Анненскаго и его личности. Ссылка, его постигшая, связана несомнѣнно съ тѣмъ, что онъ ранѣе многихъ другихъ близкихъ ему по убѣжденіямъ созналъ необходимость завоеванія свободнаго политическаго строя для осуществленія соціальныхъ реформъ. Другою характерною чертою его личности является то, что слово у него не расходилось съ дѣломъ, что онъ готовъ былъ жертвовать собою и въ тѣ годы уже зрѣлаго возраста, когда для него открылась возможность полезнаго литературнаго труда. Этотъ трудъ, конечно, пострадалъ отъ того, что судьба перенесла Анненскаго въ обстановку, неудобную для научно-литературныхъ занятій. Но серіозная подготовка Николая Ѳедоровича помогла ему по возвращеніи въ Европейскую Россію занять выдающееся мѣсто въ ряду изслѣдователей, изучающихъ экономическій бытъ народа.

Съ возвращеніемъ въ Петербургъ онъ становится однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ дѣятелей освободительнаго движенія, не только какъ членъ редакціи «Русскаго Богатства», но и какъ участникъ въ невидной, необходимой подготовительной работѣ для замѣны дряхлаго, разваливающагося строя новымъ. Это живое участіе въ освободительной борьбѣ приводило къ тому, что Николаю Ѳедоровичу вновь приходилось противъ воли покидать Петербургъ, но съ октября 1904 г. ему все же удалось сыграть крупную роль и въ политическихъ банкетахъ, и въ другихъ видахъ общественныхъ выступленій. Я живо помню ту энергію и горячность, съ

*) Рѣчь, сказанная В. И. Семевскимъ на могилѣ Н. Ѳ. Анненскаго.

которою онъ, какъ участникъ депутаціи 8 января 1905 г., отправленной собраніемъ писателей и общественныхъ дѣятелей, доказывалъ одному министру, что необходимо дать возможность петербургскимъ рабочимъ безпрепятственно сказать высшей власти то, что они хотятъ ей сказать. Но этому мудрому совѣту не только не вняли, но, вмѣсто благодарности за желаніе содѣйствовать мирному окончанію дѣла, Николая Ѳедоровича заставили познакомиться съ режимомъ Трубецкого бастіона.

Когда стало возможнымъ открытое устройство партій, Анненскій вступилъ въ ряды народныхъ соціалистовъ и занялъ мѣсто въ организаціонномъ комитетѣ этой партіи: это не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что ея программа вполнѣ соотвѣтствовала его міросозерцанію.

Всѣмъ извѣстна одна черта покойнаго—его великая доброта: не даромъ онъ умеръ предсѣдателемъ Литературнаго фонда. Считаю необходимымъ отмѣтить и то, какъ много сдѣлалъ онъ, чтобы поддержать матеріально бывшихъ шлиссельбургскихъ узниковъ, когда они послѣ долгихъ годовъ страданій очутились на свободѣ, свободными... отъ всякихъ средствъ къ существованію.

Миръ праху твоему, дорогой товарищъ, много и доблестно потрудившійся для общества и народа.

В. Семевскій.

ПРАСКОВЕЯ-ПЯТНИЦА.

(*Окончанiе*).

V.

Въ ограду церкви уже тянулись калѣки, спозаранку занимая мѣста на паперти. Спорили и шепотомъ перебранивались. Появленiе Самсона водворило порядокъ. Съ нимъ здоровались почтительно, какъ съ начальствомъ. Безрукiй, обнаженный до пояса, замахалъ короткими обрубками, чтобы обратить на себя вниманiе Прасковьи Захаровны. Другой, сидя на верхней ступени, выставилъ отрѣзанную до колѣна и обнаженную ногу. Тупымъ концомъ ея съ розовыми буграми онъ дѣлалъ сократительныя движенiя. Прасковья Захаровна невольно отвернулась и забыла подать милостыню.

Самсонъ ключемъ открылъ дверь и, когда всѣ трое вошли, заперъ ее изнутри. Подъ низкимъ потолкомъ еще стоялъ запахъ ладана, свѣчного дыма и человѣческихъ тѣлъ. Прасковья Захаровна взглядомъ устремилась впередъ на иконостасъ, ожидая увидѣть то, что искала. Самсонъ вошелъ въ алтарь, она остановилась у солеи, съ недоумѣнiемъ оглянулась и только тутъ поняла, почему Родiонъ отошелъ направо, громко стукнулъ колѣнями объ полъ и сталъ класть земные поклоны. Осторожно зашла она за его спину, со страхомъ глядя на большую въ массивной оправѣ икону, стоящую на подставкѣ. Тутъ было мало свѣту. Надъ закрытой южной дверью высоко глядѣло маленькое окошко. Первое, что ей бросилось въ глаза,—это бусы, разноцвѣтныя ленты, украшавшiя икону, и слабые блики позолоченной ризы. Темный ликъ робко глядѣлъ изъ-за серебра. Не было вдохновеннаго свѣта ни на челѣ, ни въ очахъ. Грустно и жутко стало Прасковьѣ Захаровнѣ. Она не могла поднять руки, чтобы перекреститься передъ бѣднымъ изображенiемъ. Закрыла глаза, увидѣла свѣтлое лицо, безъ блестящихъ ризъ, безъ яркихъ лентъ, среди зеленыхъ вѣтвей—и тогда перекрестилась.

Родіонъ всталъ на ноги, отряхнулъ полы рясы и отошелъ въ сторону. Но, увидѣвъ, что Прасковья Захаровна не молится, приблизился къ ней и сказалъ на ухо:

— Великомученица Параскева... Та самая... которая вамъ явилась...

— Нѣтъ, это не та...—твердо и съ горячностью сказала Прасковья Захаровна.—Совсѣмъ не похожа!

— И не мудрено сударыня: кто же ее видѣлъ?

— Я ее видѣла, и сейчасъ она у меня передъ глазами. На икону мнѣ обидно даже смотрѣть...

Она отошла и сѣла въ углу на табуретку. Родіонъ всталъ рядомъ и продолжалъ говорить осторожнымъ шепотомъ.

— Икона, сударыня, явленная. Говорятъ, подъ тѣмъ самымъ деревомъ явилась. Явленная икона всегда древняя, но сія икона еще отъ пожара почернѣла. Видъ несоотвѣтственный, надо правду сказать... Прости Господи и помилуй.

Послѣ долгаго молчанія, когда ясно слышались шаги Самсона въ алтарѣ, Прасковья Захаровна сказала тихо и осторожно, точно вслухъ подумала:

— Вотъ вы исправляете иконы... Отчего бы тутъ вамъ не постараться?..

Помолчавъ, она прибавила еще тише:

— Можетъ быть, для того она и явилась мнѣ, чтобы я надоумила васъ......

Родіонъ трепетно вздохнулъ.

— Говорилъ неоднократно отцу Никодиму. У него одинъ отвѣтъ: „Не хлопочи — сама просвѣтлѣетъ". А между прочимъ, краски годъ отъ году чернѣютъ. И грѣхъ, и обида.

Прасковья Захаровна подумала и, быстро замигавъ глазами, обратилась къ монаху:

— Вотъ что, Родіонъ... Если я сама пойду отдавать батюшкѣ деньги и попрошу его?.. Можетъ быть, онъ разрѣшитъ?

— По просьбѣ богомольцевъ, надо полагать, разрѣшитъ.

— Тогда вы сдѣлаете?

Лицо Родіона освѣтилось радостной надеждой. Глаза вскинулись кверху и, опустившись, поглядѣли на Прасковью Захаровну съ благодарностью.

— Какъ же не сдѣлать, сударыня, ежели въ семъ отрада моей жизни.

— Я заплачу за труды ваши.

Родіонъ замахалъ руками.

— И денегъ не надо. Мнѣ радость, мнѣ же и деньги?.. Доброе изволеніе, сударыня, цѣны не имѣетъ.

Онъ поглядѣлъ на икону долгимъ, скорбнымъ взглядомъ и покачалъ головой.

— Сколько разъ я стоялъ передъ ней на колѣняхъ и мыслилъ: великая святыня, а пребываетъ въ запустѣніи. Ликъ во мракѣ, и въ очахъ ни малѣйшей святости. Умомъ видишь многое благолѣпіе, а рука не дерзаетъ. Господи Боже мой, прости меня многогрѣшнаго: и боязно, и сердце пламенно горитъ.

— Это вѣрно, что боязно, отецъ Родіонъ. Я не знаю— сумѣете ли вы? Вѣдь это дѣло серьезное.

— Получить бы благословеніе. Это есть главный предметъ... А затѣмъ молитва и стараніе. Я имѣю въ себѣ силу нѣкую, сударыня. Тѣломъ я слабъ и къ молитвѣ бываю нерадивъ, и не то что по малости моей вѣры, а я думаю, по слабости моей словесной способности. Писанные акафисты, молитвы, тропари и прочее я хорошо знаю на память, а самъ отъ себя ни одного стиха не умѣлъ сочинить. Но письмомъ живописнымъ я очень многое изобразить могу. Какая это сила, и самъ не знаю, а только что имѣю эту силу съ малыхъ лѣтъ. Еще младенцемъ я возлюбилъ чертить святыхъ ангелочковъ...

— Вы меня послушайте, Родіонъ,—перебила его Прасковья Захаровна, неопредѣленно глядя мимо иконы,—словами это трудно объяснить, но представьте себѣ лицо свѣтлое, какъ облако, на немъ нѣтъ красокъ, и оно не похоже на лицо человѣка. У людей глаза только смотрятъ, и можно по нимъ понять однѣ простыя чувства, а эти глаза говорятъ—ихъ можно слышать и узнать слова истины.

— Глаза, сударыня, зависятъ отъ одной точки. Нужно знать, гдѣ ее поставить.

— Затѣмъ на этомъ лицѣ нѣтъ тѣней—вы понимаете?

Брови Родіона сдвинулись. Его огорчило смутное сомнѣніе.

— Безъ тѣней весьма затруднительно обойтись. Нужна лѣпка—она же тѣнями дается.

— Ну, я не знаю, а говорю вамъ только: никакихъ красокъ и никакихъ тѣней.

Родіонъ грустно посмотрѣлъ на царскія врата, гдѣ въ кругахъ блестѣли яркими красками четыре евангелиста его работы, и, какъ виноватый, отошелъ назадъ и прислонился спиною къ стѣнкѣ. Прасковья Захаровна поняла его смущеніе и промолвила:

— Да, это трудно, отецъ Родіонъ, очень трудно.

Затѣмъ встала и, какъ бы желая отойти отъ сомнѣнія, направилась къ выходу.

Самсонъ замѣтилъ ее и поспѣшилъ къ двери, звеня на ходу ключами. Родіонъ догналъ ее уже на паперти. Прежде чѣмъ сказать ей, онъ грустно и обиженно посмотрѣлъ ей въ глаза.

— Не оставляйте меня, сударыня. Вы же обѣщали пойти къ батюшкѣ.

— Да, я пойду. Самсонъ, проводите меня. Я хочу внести деньги.

— Помимо сего вы обѣщали попросить насчетъ иконы. Вы, сударыня, не сомнѣвайтесь. Я приложу усердіе.

— Хорошо, объ этомъ я тоже скажу.

Родіонъ пошелъ рядомъ съ ней. Онъ то держалъ руки на поясѣ, то подносилъ одну изъ нихъ ко рту, нервно грызя. Предстоящее рѣшеніе его сильно волновало.

...Домикъ священника стоялъ за церковью, въ глубинѣ густого садика. Самъ отецъ Никодимъ сидѣлъ у стола, поставленнаго на средней дорожкѣ, и пилъ чай со свѣжимъ вареньемъ. Кусты смородины цѣликомъ скрывали его полную фигуру въ сѣромъ подрясникѣ вмѣстѣ съ головою и густою копною бѣлокурыхъ волосъ, сіяніемъ свѣтившихся противъ солнца. Онъ только что отпустилъ церковнаго старосту, съ которымъ дѣлалъ счетъ тарелочному сбору, и переговаривался съ матушкой, сидѣвшей въ мягкомъ креслѣ на крошечной терраскѣ дома. Она боялась загара и, кромѣ того, любила это мѣсто потому, что съ нѣкотораго возвышенія черезъ прорѣху въ парусинѣ, закрывавшей балконъ, она однимъ глазкомъ могла видѣть всѣхъ проходящихъ по переулку, сама оставаясь невидимой. Прасковью Захаровну и ея спутниковъ она замѣтила уже издалека и поспѣшила донести объ этомъ батюшкѣ.

— Самсонъ чтой-то идетъ и женщина какая-то. Еще монахъ этотъ, живописецъ, тоже приплелся. Къ намъ, вѣрно, идутъ.

Самсонъ вошелъ въ калитку одинъ для предварительнаго доклада. Подойдя къ батюшкѣ, онъ сразу приступилъ къ самой сути дѣла. Объявилъ о желаніи пріѣзжей полковницы принести денежную жертву и началъ разсказывать о чудесномъ видѣніи, явившемся ей ночью. Батюшка прервалъ его и приподнялся во весь ростъ, такъ что ему стало видно стоящихъ у калитки.

— Сударыня! прошу покорно, войдите. Здорово, монахъ!— Обожди маленько.

Самсонъ вынесъ для Прасковьи Захаровны съ балкона стулъ и поставилъ около столика.

— Ежели насчетъ жертвы,—началъ отецъ Никодимъ, напрасно отыскивая на лицѣ посѣтительницы выраженіе полковницкой солидности—...ежели насчетъ жертвы, то вѣдь могли бы и въ храмѣ во время обѣдни.

Прасковья Захаровна постояла и сѣла безъ приглашенія. Посмотрѣла на красныя грозди смородины, на золоченый

крестъ надъ церковью, блестѣвшій на солнцѣ сквозь вѣтви рябины, и опустила глаза.

— Я, батюшка, не буду у обѣдни.

— Что жъ такъ?

— Я люблю молиться наединѣ. Въ большіе праздники, когда въ церкви тѣснота и давка, я не могу молиться.

— Ну чтожъ, ежели ваше такое убѣжденіе, держите его при себѣ, не разглашайте. Совратить людей легче, чѣмъ вразумить. Одна паршивая овца... съ позволенія сказать, оно такъ говорится вообще, все стадо портитъ... Ну-те-съ...

— Если вы, батюшка, смотрите на меня, какъ на грѣшницу, то, можетъ быть, я пожертвовать не имѣю права?

— Ну, этого сказать нельзя... Я приму. Вѣдь ваша жертва отъ усердія, безъ лицемѣрія и гордости...

— Кромѣ того, я затруднилась бы положить въ церкви двадцать пять рублей...

Отецъ Никодимъ торопливо глотнулъ изъ стакана и съ размаху поставилъ его на блюдечко.

— Ну, разумѣется, такую сумму лучше отдать мнѣ прямо въ руки. Вы будьте покойны—я приму.

Прасковья Захаровна вынула изъ кошелька нѣсколько золотыхъ монетъ и положила на столъ. Отецъ Никодимъ, какъ бы не замѣчая этого, все свое вниманіе сосредоточилъ на самой крупной ягодѣ варенья, стараясь выловить ее ложкой изъ банки, а лѣвой рукой нечаянно собралъ монеты и накрылъ ихъ блюдечкомъ.

Проглотивъ ягоду и запивъ чаемъ, онъ дѣловито сказалъ:

— А затѣмъ любопытно было бы услышать подлинное сообщеніе о нѣкоторомъ случаѣ. Самсонъ уже говорилъ мнѣ, но безъ подробностей.

Прасковья Захаровна почувствовала себя исповѣдницей. Отецъ Никодимъ пережидалъ ея молчаніе.

— Ну-те-съ.

Тогда она, глядя вдоль заросшей дорожки, пестрѣвшей солнечными пятнами, стала сбивчиво, отрывочными фразами, разсказывать. Батюшка слушалъ ее разсѣянно и безпокойно поглядывалъ на балконъ дома. Черезъ прорѣху парусины виднѣлись пальцы и ухо попадьи.

— Да, случай столь необыкновенный,—перебилъ отецъ Никодимъ повѣствованіе Прасковьи Захаровны.— А вы бы, матушка, вышли на волю! Мадамъ не побрезгуетъ нашей кампаніей.

Попадья появилась на лѣсенькѣ и, кивнувъ нѣсколько разъ головой, присѣла на ступенькахъ. Самсонъ отошелъ къ Родіону и сталъ съ нимъ бесѣдовать у калитки. Прасковья Захаровна сѣла бокомъ, чтобы ее слышала попадья, но

уже говорила тускло, неохотно, только чтобы скорѣе кончить.

Отца Никодима интересовало не столько содержаніе разсказа, сколько практическое значеніе событія. Онъ, между прочимъ, спросилъ, замужняя ли Прасковья Захаровна или вдова, и, не давъ ей кончить, привелъ неожиданное соображеніе:

— Мое мнѣніе таково,—самый наилучшій способъ изложить все это письменно. Можно затѣмъ напечатать въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ.

Прасковья Захаровна испугалась.

— Зачѣмъ же это, батюшка?

— Цѣль нѣкая. Случай столь необыкновенный, тѣмъ болѣе, что вашъ покойный супругъ имѣлъ чинъ полковника.

— Нѣтъ, онъ былъ коллежскій ассесоръ.

— Ну, чтожъ. Чинъ тоже немаловажный. Такое же высокоблагородіе. Вы изложите ваши слова на бумагѣ, а я просмотрю и покажу архіерею. Ежели одобритъ, можно отпечатать въ видѣ отдѣльной брошюры и продавать по двѣ либо по три копейки. Подпишите ваши званіе, фамилію и все полностью. Для богомольцевъ это будетъ весьма отрадно.

— Я бы не хотѣла этого, батюшка. И вообще жалѣю, что разсказывала объ этомъ. На словахъ выходитъ совсѣмъ не такъ, какъ было на самомъ дѣлѣ... И пришла сюда совсѣмъ не для этого.

— Понимаю. Спасибо, что пришли. Жертву вашу я пріобщу, куда слѣдуетъ.

— И это не то. У меня, батюшка, къ вамъ просьба. Я видѣла икону святой Прасковеи. Она совсѣмъ не такая.

— То есть, въ какомъ же это смыслѣ?

— Я же вамъ разсказывала. Я... видѣла ее... Я увѣрена что именно такая она и должна быть.

Прасковья Захаровна на минуту воодушевилась. Слова полились легко и красиво, складывая тотъ воздушный образъ, который ей представился. Отецъ Никодимъ поглаживалъ скатерть и кивалъ головой. Трудно было понять—слушаетъ ли онъ ее, или соображаетъ объ изданіи своихъ брошюрокъ. Замѣтивъ это, она сама перешла къ болѣе практическимъ доводамъ.

— Кромѣ того, живопись попортилась отъ пожара и отъ времени. Краски потускнѣли. Вы сами, батюшка, знаете, въ какомъ видѣ икона.

Отецъ Никодимъ вздохнулъ, поправилъ упавшіе на лобъ волосы и посмотрѣлъ на балкончикъ.

— Вы, матушка; идите себѣ. Это васъ не касается.—Попадья покорно поднялась на лѣсенку и сѣла на свое мѣсто.

— Я-то знаю,—началъ батюшка, упорно глядя на Пра-

сковью Захаровну,—а вотъ вы-то и не знаете. Икона, сударыня, святостью дорога, а не художествомъ. Иныя иконы пишутъ вродѣ картинъ, хоть на выставку вѣшай. А для храма нужна не картина, а именно иконописная живопись. Именно такъ.

— Но вѣдь на иконѣ и живописи не видно. Она почернѣла. Я думаю, что въ этомъ случаѣ можно возстановить краски.

Отецъ Никодимъ глубоко вздохнулъ.

— Подобныя мысли и у меня были, ежели хотите знать. Неоднократно объ этомъ самомъ слышалъ отъ постороннихъ. И рѣшить-то это—дѣло не легкое, а выполнить и того труднѣе.

— Тутъ, батюшка, есть монахъ-иконописецъ...—осторожно сказала Прасковья Захаровна.

— Знаю и понимаю, для чего онъ пришелъ. Просилъ меня о томъ же. И работу его знаю.

Батюшка всталъ во весь ростъ и тряхнулъ головой по направленію къ калиткѣ.

— Ну-ка ты, подойди сюда, живописецъ.

Родіонъ вошелъ въ садъ, поклонился батюшкѣ и смиренно всталъ передъ нимъ.

— Вотъ, госпожа хлопочетъ за тебя. Работу желаетъ тебѣ доставить. А понимаешь ли ты, какое это дѣло? Можешь ли ты осилить?

Родіонъ склонилъ голову и развелъ руки.

— Неужели, ваше преподобіе, вы не довѣряете? Вѣдь я не изъ корысти—денегъ мнѣ не надо. Не изъ гордости, не изъ лукавства, а единственно по призванію. Талантъ имѣю природный отъ Господа Бога, такъ неужели же нельзя довѣрить?

— Конечно, ежели не торопясь, да съ усердіемъ, да съ молитвой—одолѣть можно. Я знаю, ты кистью умѣешь владѣть. Нѣкоторое обновленіе требуется, противъ этого не спорю, а какимъ способомъ, этого ужъ сказать не могу. Можетъ быть, почистить да лакомъ покрыть.

— Все можно сдѣлать, ваше преподобіе—только благословите. Ликъ будетъ свѣтлѣе, и святость въ очахъ. Есть такая точка, нужно только знать, гдѣ ее поставить.

— Это ужъ твое дѣло—ты живописецъ.

Отецъ Никодимъ погрузился въ соображенія, а Родіонъ стоялъ передъ нимъ въ трепетномъ ожиданіи. Его безпокойный взоръ перебѣгалъ отъ бѣлой скатерти на дорожку, отъ голубого купола церкви, надъ которомъ кружились голуби, на широкій лобъ отца Никодима.

Прасковья Захаровна сидѣла смирнехонько, боясь приба-

вить лишнее слово. Ее уже начинало тяготить сознаніе, что противъ воли она сама выдвинута на первый планъ, и именно благодаря ей можетъ случиться много ненужнаго и непріятнаго.

Наконецъ, отецъ Никодимъ выразилъ свое рѣшеніе, дѣлая видъ, что это стоило ему большого труда:

— Ну чтожъ... Постарайся. Благословляю...

Родіонъ бросился на колѣни и поцѣловалъ его руку, Вставъ на ноги, онъ все еще не могъ говорить отъ радости. Его плоская грудь поднялась отъ усиленнаго дыханія. Отецъ Никодимъ тоже помолчалъ, нахмурился и добавилъ:

— Если хорошо выйдетъ, можно печатную копію приготовить въ маломъ размѣрѣ, а на оборотѣ нѣкоторое описаніе... Пробудь у насъ на праздникѣ, а потомъ и займись. Вотъ, госпожа полковница тебѣ кое-что поразскажетъ. Вы ему, мадамъ, откройте, а ты вникни.

Родіонъ перебилъ его:

— Зачѣмъ же откладывать на будущее, батюшка? Будущее невѣдомо, а нынѣ я чувствую въ себѣ силу.

— Когда же ты хочешь?

— Да сейчасъ. Принадлежности имѣю при себѣ.

— Что ты, родимый?.. Сегодня обѣдню служить, крестный ходъ пойдетъ.

Родіонъ возвелъ очи къ небу, и первыя слова сказалъ съ такимъ воодушевленіемъ, что сидѣвшая, задумавшись, Прасковья Захаровна вздрогнула.

— Ваше преподобіе! Повѣрьте мнѣ! Когда снизошло вдохновеніе, то откладывать немыслимо. Живописецъ, ваше преподобіе,—существо непонятное. Все одно, духовный, или свѣтскій. Къ духовному мои слова даже ближе касаются. Пребывающій въ спокойномъ состояніи—это тварь незамѣтная. И ежели какая работа въ подобное время, то она не имѣетъ настоящей цѣны. Но когда придетъ мигъ, и возгорится священный огонь, тогда, ваше преподобіе, нельзя удерживать себя. Даже немыслимо и грѣшно. Руки дрожатъ, во всемъ тѣлѣ горѣніе, красокъ не успѣваешь надавить на палитру. Вотъ какая это сила.

Родіонъ передохнулъ и понизилъ голосъ:

— Вся работа, ваше преподобіе, у меня сейчасъ передъ глазами. Вотъ все одно, какъ вашъ ликъ. Я съ барыней говорилъ. Мнѣ извѣстно ихнее происшествіе. Все извѣстно, и теперь настоящій ликъ у меня, какъ живой, передъ глазами.

— Ну, ты смотри, очень-то не передѣлывай. Не вышло бы худо. Изъяны подмажь кое-гдѣ, да вообще посвѣтлѣе сдѣлай. Можетъ быть, и однимъ лакомъ довольно будетъ.

Родіонъ нетерпѣливо кивалъ головой. Самсонъ показался изъ-за кустовъ.

— Ты, Самсонъ, запри его въ церкви до обѣдни. Пускай ужъ начнетъ, ежели такая охота. А вы, сударыня, послѣ крестнаго хода зайдите ко мнѣ. Потолкуемъ касательно краткаго описанія.

Батюшка всталъ. Прасковья Захаровна пожала руку, протянутую до высоты ея подбородка, и поцѣловала ее.

VI.

Родіонъ остался въ церкви одинъ. Положилъ ящикъ съ красками на табуретку, перенесъ ее къ иконѣ и поставилъ осторожно, чтобы не стукнуть. Затѣмъ, не взглянувъ на икону, неслышно ступая, прошелъ до солеи и опустился на колѣни. Прижимая пальцы ко лбу, онъ долго не отнималъ ихъ. Нижняя часть ладони прикрывала глаза и тогда въ темнотѣ рисовался безъ красокъ и тѣни свѣтлый образъ, которому онъ молился.

Положивъ три земныхъ поклона, Родіонъ робко подошелъ къ иконѣ и долго смотрѣлъ на нее. Рѣзко очерченные глаза, брови, носъ, дѣтскаго склада ротъ—все это, прописанное въ тѣняхъ тяжелымъ асфальтомъ, окаменѣло безъ общей связи, въ грубой условности, благообразно и тупо. Работа была исполнена правильно по образцамъ, какъ и другія иконы, развѣшанныя по стѣнамъ церкви.

Родіонъ открылъ ящикъ, взялъ палитру, надавилъ красокъ поближе къ краю, захватилъ нѣсколько кистей, не выбирая любимыхъ, и безъ мастихина прямо кистью сталъ мѣшать краски, нервно спѣша и боясь потерять желанную минуту. Сразу получился привычный тѣльный тонъ. Нужно было отнять у него красочность, подойти къ серебристо-сѣрому, воздушному и безкровному. Но этотъ холодный тонъ испугалъ его. Онъ прибавлялъ ему теплоты — выходило слишкомъ тѣлесно, опять охлаждалъ, старался согрѣть его своимъ воображеніемъ, клалъ мазки на палитрѣ, на большомъ пальцѣ, держащемъ ее, на крышкѣ ящика изъ-подъ красокъ, на стѣнѣ и, наконецъ, утомленный этимъ исканіемъ, подошелъ къ иконѣ и смѣлыми взмахами проложилъ этимъ тономъ свѣтовыя мѣста.

Получилось дерзко и оскорбительно. Черныя незакрытыя тѣни остались невыносимо жестки. Задыхаясь, Родіонъ составилъ тѣневой тонъ наудачу, торопливо, улавливая его при самой прокладкѣ, чтобы скорѣй связать свѣтотѣни и дать общее впечатлѣніе.

Сдѣлавъ это, онъ отошелъ и долго смотрѣлъ, прищурившись. Походило на гипсовую лѣпку. Родіонъ испугался. Тѣни отнимали воздушность, которой онъ добивался. Въ ту же минуту онъ вспомнилъ слова Прасковьи Захаровны—„на немъ нѣтъ тѣней". Это осѣнило его новой увѣренностью. Сухими кистями и шпахтелемъ онъ сталъ снимать наложенную тѣневую краску и прокладывать общій тонъ. Подмалевка была еще груба, но онъ уже угадывалъ красоту законченной работы. Широкія щетинныя кисти не годились, онъ бросилъ ихъ на полъ, схватилъ тонкія колонковыя, и легкими, чуть подогрѣтыми контурами сталъ прописывать линіи лица. Ему стало легко и радостно. Онъ находился въ томъ состояніи, когда художникъ не чувствуетъ въ пальцахъ дерева кисти, а работаетъ взоромъ и дыханіемъ. Между его душой и работой укрѣпилась тѣсная связь. Блѣдный ликъ былъ неясенъ, какъ видѣніе, но онъ уже глядѣлъ. Онъ глядѣлъ настолько остро, что нужно было сгладить контуры глазъ. Для гармоніи и другія линіи пришлось ослабить и свести почти на нѣтъ. Однако общее впечатлѣніе не только не ослаблялось, но получало ту духовную красоту, которую онъ искалъ. И какъ это было просто: ликъ безъ тѣней съ неуловимыми линіями. Ихъ можно было скорѣй понять, чѣмъ увидѣть.

Родіонъ дышалъ спокойнымъ восторгомъ. Работа, на которую надо было положить недѣлю, казалось оконченной. Онъ уже боялся тронуть ее кистью.

Забылъ о времени, о приближеніи часа обѣдни. Онъ не зналъ, прошла ли минута, или нѣсколько часовъ. Онъ сдѣлалъ свое дѣло, сдѣлалъ больше, чѣмъ ожидалъ самъ, и теперь не могъ оторвать глазъ отъ своего творенія.

Кто-то постучалъ въ дверь. Онъ не обратилъ на это вниманія. Но, когда послышался звонкій поворотъ ключа, онъ радостно насторожился, ожидая сейчасъ услышать пріятное для своего самолюбія.

Самсонъ вошелъ, громко стуча сапогами. Это не понравилось Родіону. Онъ отошелъ отъ иконы, строго посмотрѣлъ на вошедшаго и уже не спускалъ съ него глазъ.

Самсонъ посмотрѣлъ на икону и сталъ чего-то искать кругомъ.

— Гдѣ же она?—спросилъ онъ удивленно: — Вынулъ, что-ли?

— Кто?—спросилъ Родіонъ и тоже оглянулся.

— Да икона, вынулъ, что ли?

Родіонъ спокойно кивнулъ на свою работу и въ первый разъ посмотрѣлъ на нее издали.

Ризы ярко блестѣли своей позолотой. Цвѣтные камни

пестрѣли въ тяжеломъ, богатомъ металлѣ. Красныя, голубыя, желтыя ленты, ряды бусъ, искусственные цвѣты кричали о своей праздничной красотѣ. А въ круглой глубинѣ, откуда прежде глядѣлъ темный, суровый ликъ, было сѣро и пусто.

Родіонъ остолбенѣлъ. Потомъ робко подошелъ къ иконѣ и совсѣмъ близко вглядѣлся въ свою работу. Въ сѣромъ пятнѣ онъ уже не могъ разглядѣть ничего того, что онъ недавно видѣлъ въ минуты напряженнаго вниманія.

Съ испугомъ и недоумѣніемъ посмотрѣлъ онъ на Самсона. Съ такимъ же тревожнымъ вопросомъ глядѣлъ на него и тотъ, ожидая отвѣта. Но, не дождавшись его, рѣшительно подошелъ къ иконѣ и потеръ пальцами сѣрое мѣсто. Проглянуло темное старое письмо. Самсонъ понюхалъ пальцы и укоризненно покачалъ головой:

— И что выдумалъ! Сейчасъ обѣдню служить, а онъ грунтовку наложилъ. Да въ умѣ ли ты, Родіонъ?

Поглядѣвъ на монаха, неподвижно и молча стоявшаго, съ видомъ человѣка совершенно подавленнаго, Самсонъ подумалъ, что съ Родіономъ случилось неладное.

— Да никакъ у тебя языкъ отнялся? Стирай грунтовку, слышь? Успѣешь положить послѣ праздника. Давай тряпку.

Родіонъ молча подалъ ему тряпку, указалъ на жестяную фляжку скипидара, положилъ палитру и безразлично отошелъ въ сторону.

Теперь изъ открытаго окна у выходной двери онъ услышалъ шумъ и голоса, которыхъ раньше не замѣчалъ. Ему было жарко, въ особенности головѣ. Онъ снялъ скуфейку и подошелъ къ окну.

Толпа запрудила площадку и ступеньки паперти. Подъ солнцемъ блестѣли лоснящіеся затылки и цвѣтные платки вблизи, и потныя лица въ дальнихъ рядахъ. Родіонъ всталъ у края окна, чтобы его не увидѣли. Но всѣ глаза были устремлены на человѣка, стоящаго на верхней ступени. За угломъ крытаго входа виднѣлось только плечо; но, когда повернулась приподнятая голова съ выступающей впередъ скомканной бородой, Родіонъ узналъ слѣпого. Всѣ кричали, перебивали другъ друга, а слѣпой говорилъ медленно, не возвышая голоса, и слышать его можно было только урывками. Онъ говорилъ:

— И тая самая особа удостоилась... Явилась къ ней Великомученица... явилась къ ней и будто сказала: „Ты, говоритъ, угодна стала мнѣ своей вѣрою и щедростью... Много нынче пришло сюда угодныхъ для меня въ этотъ мой день. Прежде мало приходило угодныхъ, и ликъ мой на иконѣ былъ печальный и темный... А теперь, говоритъ, много

угодныхъ, а потому ликъ мой просвѣтлѣетъ"... Вотъ, значитъ, православные, такъ и понимайте: просвѣтлѣетъ икона, стало быть. Зазвонятъ къ обѣднѣ, идите въ храмъ и смотрите. Всѣ смотрите... Нынче я тоже увижу. Будьте усердны и, между прочимъ, не забывайте убогихъ... Тая барыня много пожертвовала отъ богатства своего, а еще угоднѣе, ежели кто отъ своей бѣдности...

Ананій говорилъ, очевидно, давно и повторялся. Нѣкоторые изъ толпы уходили, но большинство слушали съ вниманіемъ. Задавали ему вопросы, онъ отвѣчалъ, и рѣчь его переходила въ собесѣдованіе. На протянутую ладонь клали ему монеты, и онъ быстро зажималъ ихъ въ кулакъ другой руки и этимъ полновѣснымъ кулакомъ жестикулировалъ, причемъ въ воздухѣ болтался привязанный веревкой къ локтю посохъ.

Кто-то изъ толпы закричалъ:

— А гдѣ камень? Покажь!

— Тотъ камень у меня подъ грудями. Прежде самъ увижу, а потомъ и другимъ покажу. Всѣ увидятъ. Ни одинъ зрячій не нашелъ, а я вотъ слѣпой и нашелъ. Это слѣдоваетъ обязательно понимать...

Родіонъ пересталъ слушать. Безпокойная мысль о своей начатой работѣ опять кольнула его. Ему странной показалась эта связь ея съ ожиданіями богомольцевъ. Странной и въ то же время необходимой. Мучительныя потуги создать изображеніе святой чистоты стояли передъ нимъ, какъ тяжелая задача, а громкіе голоса сзади совершенно ясно кричали ему, что они требуютъ отъ него гораздо меньше, чѣмъ онъ самъ отъ себя.

Вспомнивъ, что Самсонъ остался хозяйничать около иконы и могъ натворить бѣды, Родіонъ пошелъ къ нему.

Но положеніе дѣла оказалось болѣе, чѣмъ удовлетворительно. Самсонъ встрѣтилъ его ласковымъ одобреніемъ.

— Ну, и мастеръ же ты, Родіонъ. Ей Богу. Я думалъ, онъ грунтовку наложилъ, а это у него составъ особенный. Ужъ я стиралъ, стиралъ—всю тряпку вымазалъ, а ликъ вишь какой сталъ.

Ликъ, дѣйствительно, сталъ другимъ. Онъ посвѣтлѣлъ. Самсонъ все еще держалъ тряпку въ рукѣ, приподнявъ ее, какъ художникъ свою кисть, сдѣлавшую на картинѣ послѣдній ударъ. Онъ смотрѣлъ передъ собою съ благоговѣйнымъ восторгомъ, а Родіонъ съ недоумѣніемъ.

Вмѣстѣ съ копотью сошло—очевидно, отъ скипидара—бывшее на иконѣ вторичное письмо, а, можетъ быть, грубая лесировка непрочными чернѣющими лаками. Контуры остались тѣ же, но исчезло аскетическое, тусклое выраженіе.

Щеки закруглились, въ глазахъ открылись бѣлки, брови раздвинулись, отнявъ этимъ у лица суровость. Если прежнее изображеніе тонуло въ безнадежномъ мракѣ, то это новое, улыбающееся, искало свѣта и радости. Два усердныхъ художника въ своихъ взглядахъ разошлись до крайнихъ предѣловъ человѣческихъ чувствъ, но ни одинъ не сумѣлъ подняться выше ихъ.

Мѣстами виднѣлись изъяны: верхняя краска не отошла, оставивъ пятна, а мѣстами нижнее письмо стараніями Самсона было протерто до дерева. Онъ сообразилъ, что исправить это — дѣло пустое, и самъ подалъ Родіону палитру.

— Пусть будетъ такъ... повторилъ нѣсколько разъ Родіонъ, не трогаясь съ мѣста. Онъ чувствовалъ, что съ него снята тяжесть, но вмѣстѣ съ нею и надежды, которыя онъ лелѣялъ.

— Подмажь, милый,—торопилъ его Самсонъ. — Долго ли тебѣ. Ну, и мастеръ же ты, монахъ... Ей Богу, мастеръ.

Покорно взялъ Родіонъ поданныя кисти и сталъ машинально подбирать тона и записывать изъяны. Мысли его путались. Онъ видѣлъ себя въ темномъ глухомъ лѣсу, гдѣ отыскивалъ драгоцѣнный кладъ, между тѣмъ какъ посланъ онъ только для того, чтобы принести вязанку валежника.

Самсонъ искренно радовался. Вся работа будетъ окончена за одинъ разъ. И батюшка, и богомольцы, и Прасковья Захаровна—всѣ останутся довольны.

— Прибавь румянцу, милый... Не жалѣй краски... Такъ пріятнѣе будетъ.

Родіонъ поддался уговорамъ Самсона. Даже находилъ ихъ разумными. До сихъ поръ онъ смотрѣлъ только на одинъ ликъ, теперь же, отходя назадъ и видя всю икону съ ея блескомъ и яркими пятнами, онъ чувствовалъ, что въ лицѣ, для связи, не хватаетъ красокъ. Въ каждомъ взмахѣ своей кисти онъ видѣлъ грѣхъ и старался скорѣй кончить, чтобы уйти изъ храма и никогда больше не взглянуть на свою работу.

Самсона удивляло безучастное молчаніе живописца. Онъ замѣтилъ даже, какъ тотъ украдкой утеръ глаза рукавомъ рясы.

— Да никакъ у тебя слезы, отецъ Родіонъ?

— Слезы, милый. Это ты вѣрно замѣтилъ.

— Съ чего же это? Работу кончишь до обѣдни. Ни хлопотъ тебѣ, ни заботъ. Насчетъ награды тоже не бойся. Отецъ Никодимъ цѣлковый дастъ,—это ужъ вѣрно. Полковница тоже не оставитъ.

— Не поймешь ты меня, Самсонушка, вотъ что. И разъясню тебѣ, а все-таки не поймешь. Отъ обиды плачу. Вѣдь ликъ-то былъ ужъ написанъ, а ты его стеръ. Ты своими глазами не видалъ, а я видѣлъ...

Самсонъ заглянулъ въ прищуренные влажные глаза Родіона и строго нахмурился.

— Полно тебѣ врать. Кончай да отдохни. Голова у тебя слабая.

Родіонъ положилъ палитру и кисти въ ящикъ. Всталъ бокомъ къ иконѣ, глядя на царскія врата, сгорбился и, захвативъ лѣвой рукой правый локоть, началъ нервно грызть свои ногти.

— Дерзнулъ я, Самсонушка. Возгордился выше мѣры. Я рабъ ничтожный и скудоумный. Какъ изобразить божественное? Это дѣло непостижимое. И для міра земного непонятное. Захотѣлъ я писать по своему разумѣнію. И не осилилъ. Отъ этого обида великая и смущеніе. И скажу я себѣ теперь: оставь, Родіонъ, свои помыслы. Пиши по образцамъ. Вотъ какъ...

VII.

Не зная, куда дѣваться, Прасковья Захаровна пошла бродить по ярмаркѣ. Почти сутки она ничего не ѣла, но не чувствовала голода. Она искала, гдѣ бы утолить мучившую ее жажду.

Въ тѣсной толпѣ трудно было пробираться и даже увидѣть что-нибудь. Неподвижный горячій воздухъ держалъ надъ головами пыль, поднимаемую тысячами ногъ. Точно стеклянный колпакъ покрылъ ярмарку. Люди дышали не воздухомъ, а чужимъ дыханіемъ. Дымъ отъ самоваровъ не подымался, а стелился облаками. По дорогѣ, огибающей церковь, тянулись ларьки съ галантереями, образами и лакомствами. Большія бочки съ селедками, пригрѣтыми солнцемъ, придавали остроту спертому воздуху. Около каждаго покупателя толпилось человѣкъ по десяти любопытныхъ.

На площади передъ воротами въ церковную ограду размѣстились фокусники, за три копейки глотающіе гвозди, непрерывно вертящіяся карусели съ развеселыми пассажирами, лотерейные столики съ пирамидой никому ненужныхъ бездѣлушекъ и обязательнымъ и неприкосновеннымъ самоваромъ наверху.

Крикъ, ругань, взвизгиваніе женщинъ и усталый хрипъ шарманокъ съ бубнами.

Въ концѣ деревни золотистая пыль подымалась выше. Тамъ находилась конная. Не доходя до площади, противъ

солиднаго зданія трактира, на столбахъ съ перекладинами, какъ на висѣлицахъ, висятъ хомуты и сбруя. Телѣги, таратайки, брички, городскія пролетки съ поднятыми оглоблями смѣшались въ широкомъ кольцѣ кругомъ площади. Въ повозкахъ и въ тѣни подъ повозками уже третьи сутки ночуютъ и сидятъ ошалѣвшія отъ жары бабы. У нихъ большая забота—слѣдить за своими мужьями. Если какая-нибудь хозяйка зазѣвается или вздумаетъ пройти за крестнымъ ходомъ, хозяинъ-продавецъ метнетъ въ трактиръ и оставитъ тамъ не малую долю своей выручки. Если же онъ покупатель и крѣпко держитъ свой кошель, то, побывавъ тамъ, придетъ въ такое состояніе, что торговаться съ ловкимъ цыганомъ ему уже будетъ не по силамъ.

Въ кругѣ, въ облакахъ пыли гоняютъ коней, торгуются до одурѣнія, ругаются до слезъ, по десятку разъ бьютъ по рукамъ, плюютъ, расходятся и опять принимаются торговаться.

Повинуясь теченію толпы, Прасковья Захаровна обошла ярмарку и свернула на лужайку, гдѣ подъ широкимъ парусиновымъ навѣсомъ стояли наскоро сколоченные столы и скамейки. Тутъ пили чай и закусывали. Въ сторонкѣ два громадныхъ самовара поочередно доливались и закипали. Расторопный парень въ голубой плисовой жилеткѣ и розовой рубахѣ, потный и ошалѣлый, бросался, какъ на пожарѣ, разнося кипятокъ. Подъ низкимъ навѣсомъ было душно, какъ въ банѣ, однако изъ глубины столовъ то и дѣло покрикивали:

— Эй, милый! Тащи водицы пожарчѣе!

Прасковья Захаровна сѣла на крайнюю скамейку. Сосѣди посторонились, но особеннаго вниманія на нее не обратили. Она, между прочимъ, замѣтила, что всѣ получаютъ только кипятокъ и завариваютъ собственный чай. Многіе имѣли даже свои кружки и стаканы. У расторопнаго торговца вся посуда была въ расходѣ, поэтому ей долго пришлось ожидать свободной кружки.

Противъ нея за столомъ сидѣла женщина съ груднымъ ребенкомъ. Испуганно взглянувъ на Прасковью Захаровну, она такъ все время и не спускала съ нея глазъ. Ея мужъ сидѣлъ бокомъ, спиною къ ней, пилъ съ блюдечка чай и разсказывалъ кому-то, что вчера за крестнымъ ходомъ одна старуха шла на колѣняхъ, а на лбу въ волосахъ прицѣпила себѣ зажженную свѣчу. Поспѣвать ей было трудно, и она цѣплялась за другихъ. На нее смотрѣли жалостливо и подсобляли. Кончилось однако плохо. У одного купца вытащила она изъ кармана кошелекъ съ деньгами. Забрали ее,

да такъ со свѣчей на лбу и повели къ старостѣ. Тамъ при ней и другія краденыя вещи нашли.

— Грѣхъ-то какой...—отозвался женскій голосъ.

— Безъ грѣховъ тоже нельзя,—отвѣтилъ разсказчикъ и внушительно посмотрѣлъ на говорившую.—Они, грѣхи, способствуютъ для покаянія: одно къ одному.

Расторопный парень подалъ Прасковьѣ Захаровнѣ кружку чаю, отзывавшагося рыбой, и два куска сахару на ладони. Не торопясь, она отпивала по глоточку, изнывая отъ жары и смутно слушая, что кругомъ говорилось. Мужикъ съ женой и ребенкомъ ушли, и на ихъ мѣсто сѣли новыя лица. Справа у края столовъ появились цыганки въ яркихъ нарядахъ, старыя и молодыя. Онѣ безцѣльно толкались на одномъ мѣстѣ, какъ люди себѣ не принадлежащіе и ожидающіе приказанія хозяина. Тамъ же на краю сидѣлъ за столомъ солидный мужчина, по виду приказчикъ изъ экономіи, съ толстой серебряной цѣпочкой на шеѣ. Самая старая цыганка долго приставала къ нему съ предложеніемъ погадать, но солидный мужчина надменно отказывалъ ей чуть замѣтными движеніями головы. Однако старая цыганка не отвязывалась и наконецъ съумѣла таки его соблазнить.

— Роскошный баринъ! Заграничные твои глаза! А хочешь, наши дѣвицы тебѣ станцуютъ? Веселый баринъ, самъ знаешь—хорошо танцуютъ наши дѣвицы.

Веселый баринъ согласился, и молодыя цыганки пустились въ плясъ. Маленькій цыганенокъ лѣтъ шести, въ лиловой шелковой рубахѣ, завертѣлся между ними, какъ волчокъ, взвизгивая и хлопая въ ладоши.

Танцы привели веселаго барина въ восторгъ. Его маленькіе глазки, задвинутые полными щеками, совсѣмъ закрылись, ноги заходили подъ столомъ, руки застучали по столу съ такой силой, что зазвенѣла посуда. Онъ защелкалъ языкомъ и въ неудержимомъ экстазѣ выкрикивалъ:

— Ай да балетъ-бараньи глазки! Веселый народъ! Арабскій народъ!

Танцы неожиданно прекратились. Раздался церковный звонъ къ обѣднѣ. Веселый баринъ сразу сталъ серьезенъ и перекрестился. Приставшую опять къ нему старую цыганку онъ выругалъ, отогналъ и упрекнулъ въ безбожіи, а всѣхъ танцовавшихъ обозвалъ иродами. Наконецъ, смягчился, далъ имъ нѣсколько мелкихъ монетъ и ушелъ, преслѣдуемый всѣмъ таборомъ.

Изъ сидящихъ никто не пошелъ въ храмъ. Было извѣстно, что въ оградѣ набралось столько народу, что и имъ всѣмъ не хватило бы мѣста въ церкви.

Прасковья Захаровна прислушалась. Докучливый шумъ пьянаго разгула ослабѣлъ подъ ударами колокола. Затихли крики, пѣсни, ругань, и только шарманки подъ каруселями лихо заливались, какъ зарвавшійся гуляка. Звонъ колокола казался не ласковымъ и молитвеннымъ, а тревожнымъ и предостерегающимъ.

На душѣ у Прасковьи Захаровны было пусто и тоскливо. Издалека прибывъ сюда, она думала, что ее захватитъ религіознымъ упоеніемъ. Но чистыми минутами остались только тѣ, смутныя, какъ сонъ, проведенныя ночью подъ березой. Все остальное, всѣ люди, всѣ слова были оскорбительны для ея ожиданій.

Черезъ два-три стола отъ нея въ глубину какой-то новопришедшій человѣкъ съ растрепанными волосами снималъ полосатый шерстяной шарфъ, накрученный на шеѣ, и, улыбаясь, жаловался, что въ толпѣ потерялъ новую фуражку. Онъ хотѣлъ пробраться въ церковь, но его затерли на паперти.

— Слѣпой тамъ одинъ,—разсказывалъ онъ, утирая ладонью мокрую шею,—про икону говорилъ: будто она просвѣтлѣла за ночь. А ночью будто генеральша изъ Питера видѣла Прасковею великомученицу подъ ейнымъ деревомъ у часовни. Сто рублей на храмъ дала по этому случаю, а икона отъ радости просвѣтлѣла.

Прасковья Захаровна слушала со страхомъ, и ей казалось, что всѣ глаза узнали ее и смотрятъ въ ея сторону. Слова разсказа звучали грубо и кощунственно. Это были не тѣ слова, которыми можно говорить о религіи. Они омрачали ее. Чистая радость темнѣла, какъ божій свѣтъ за стекломъ, засиженнымъ мухами.

— Про камень тоже говорилъ, — продолжалъ разсказчикъ,—тотъ самый камень съ дерева. Сколько лѣтъ ищутъ а вотъ слѣпой нашелъ. Большой, говорятъ, камень — съ кулакъ. Не показываетъ народу. На груди держитъ. Щупать тоже никому не даетъ. Не имѣетъ права. Узнаетъ попъ велитъ отобрать.

Разсказчика поддержали. Кто-то подалъ мысль немедленно отобрать камень и вернуть церкви въ видѣ усердія.

„Моя вина",—подумала Прасковья Захаровна, и кровь застучала у нея въ вискахъ. Она не хотѣла слушать, что говорилось дальше, и, облокотясь на столъ, закрыла ладонями уши.

Кто-то тронулъ ее за плечо. Она испуганно оглянулась и увидѣла Родіона. Онъ пристально смотрѣлъ на нее и, казалось, говорилъ совсѣмъ не то, что хотѣлъ сказать.

— Я васъ долго искалъ, сударыня. Всю ярмарку исходилъ, искавши васъ... Жара непостижимая.

Онъ медленно сѣлъ спиною къ столу и уперся локтями въ колѣни.

— Хотѣлъ васъ увидѣть по важному дѣлу и вотъ нашелъ.

— Вы хотите мнѣ сказать что нибудь, Родіонъ?

— Весьма многое, сударыня, только здѣсь, при людяхъ, неудобно.

— Тогда уйдемте.

Прасковья Захаровна постучала кружкой, положила на столъ двугривенный и пошла вслѣдъ за Родіономъ.

— Въ избѣ Самсона остался мой зонтикъ и платокъ, — сказала она дорогой.

Родіонъ ничего не отвѣтилъ и повернулъ къ знакомому дому. Дверь оказалась на замкѣ. Черезъ окно на табуреткѣ виднѣлись и шаль, и зонтикъ. Они обошли съ огорода, гдѣ окно было открыто. Родіонъ хотѣлъ влѣзть, но Прасковья Захаровна его удержала, и оба они присѣли на завалинкѣ.

Родіонъ долго молчалъ. Казалось, то, что онъ хотѣлъ сообщить, было значительно и боялось быть открытымъ. Заставила его заговорить новая мысль, явившаяся на выручку.

— Вы бы, сударыня, уѣхали... Помолились великомученицѣ, удостоились благодати, а теперь, благословясь, идите себѣ домой...

— Я еще хочу пройти съ крестнымъ ходомъ.

Родіонъ испуганно посмотрѣлъ на нее.

— Любопытствуете насчетъ иконы? Ѣзжайте домой, сударыня. Вы видѣли довольно. Вашъ путь будетъ радостный.

Прасковья Захаровна замѣтила въ глазахъ Родіона тревожную мольбу и осторожно спросила:

— А вы уже сдѣлали что-нибудь?

Родіонъ растерялся, какъ уличенный преступникъ. Сначала слова его посыпались торопливо и раздражительно. Но чѣмъ дальше, тѣмъ рѣчь его становилась спокойнѣе, и онъ видимо наслаждался своимъ раскаяніемъ.

— Все сдѣлалъ... Все сударыня. Больше мнѣ ничего не остается сдѣлать. Все для глазъ людскихъ и ничего для сердца. Я взялъ большое дѣло и сдѣлалъ изъ него малое. Драгоцѣнный камень я вложилъ въ пращу. Такъ говорится въ книгѣ притчей Соломоновыхъ.. Не знаю, сударыня, повѣрите ли, насколько мнѣ тяжко. Вознесся я выше силъ человѣческихъ. Дерзнулъ до грѣховности. Захотѣлъ изобразить божественное. Но сказано—„доселе дойдеши и не пе-

рейдеши". Божественное изобразить невозможно. Не вытащишь удою Левіаѳана.

Родіонъ съ силой надавилъ свой лобъ ладонью и заговорилъ шопотомъ:

— Оно хотя и можно, но никто не увидитъ. Я одинъ увижу. Другой, могущій изобразить, тоже увидитъ, а для постороннихъ будетъ чистое мѣсто. Вы не думайте, сударыня, что я безумный. Скажу вамъ какъ на исповѣди. Я дерзнулъ и сотворилъ. Сегодня передъ обѣдней тамъ, въ храмѣ. Я помнилъ ваши слова, что ни красокъ ни тѣней. Сіе дано для тѣлеснаго. И я умалялъ краски и сводилъ тѣни. Казалось мнѣ, что я уже дошелъ до предѣла, но спустилась завѣса и закрыла все. И узналъ я тогда, что, какъ Агуръ, сынъ Іакеевъ, подлинно я болѣе невѣжда, нежели кто-либо изъ людей, и не научился я мудрости, и познанія святыхъ не имѣю.

Родіонъ трепетно передохнулъ.

— Что же дѣлать мнѣ послѣ такого упадка? Гдѣ найти утѣшеніе? Стоялъ я при дверяхъ и толкался, но не отворились двери мнѣ. Если бы не Господь былъ мнѣ помощникомъ, вскорѣ вселилась бы душа моя въ страну молчанія. У меня такая мысль, сударыня, чтобы уйти отъ своего дѣла. Довольствоваться и искать услады въ единой молитвѣ. Лики творить въ умѣ своемъ. Что написано, то останется. Еже писахъ—писахъ. Но больше писать не надо. Кистями и красками божественное выразить невозможно.

Родіонъ замолчалъ, и Прасковья Захаровна осторожно вставила свою мысль:

— Это вѣрно... Словами тоже... Зачѣмъ я разсказывала о томъ, что видѣла... Развѣ есть такія слова, чтобы описать это? Когда я говорила, то чувствовала, что не только не поясняла, а пятнала то радостное, которое испытала.

Она говорила все тише, и постепенно слова ея перешли въ думы.

«Стонъ, слезы, улыбки выражаютъ страданіе, горе, радость лучше всякихъ словъ. Люди идутъ впередъ, чувствуютъ тоньше, придумываютъ новыя слова, но все это слова для выраженія или новыхъ ученыхъ познаній, или для земныхъ испытаній, а для божественнаго остались все тѣ же слова, которыми говорили, когда поклонялись идоламъ".

Прозвонили къ „Достойно". Родіонъ перекрестился и растерянно посмотрѣлъ по сторонамъ. Прасковья Захаровна встала, переминая уставшими ногами. Родіонъ боялся смотрѣть на нее и услышать о ея намѣреніяхъ.

— Со вчерашняго дня я ничего не ѣла,—сказала она со

спокойной улыбкой,—и ничего не хочу. Почему вы не въ храмѣ, Родіонъ?

— Съ такими мыслями, какія у меня сейчасъ на душѣ, сударыня, не мѣсто въ храмѣ. И васъ прошу—ѣзжайте себѣ домой.

— Послѣ крестнаго хода поѣду. Хочу посмотрѣть икону...

Родіонъ порывисто всталъ со своего мѣста и скрестилъ на груди руки.

— Ради Бога, сударыня, молю васъ, не ходите. Пускай смотрятъ и поклоняются другіе, а вы не можете. Не хочу, чтобы видѣли грѣхъ мой... Вы, видѣвшая многое, не омрачайте себя. Не стыдите меня своими глазами.

Прасковьѣ Захаровнѣ было жаль слезно молящаго Родіона, но въ то же время она знала, что его просьбы она исполнить не можетъ. Она смутно догадывалась о томъ, что произошло съ иконой, и ее тянуло увидѣть и почувствовать тоже, что пережилъ Родіонъ.

— Не просите меня—я пойду. Я не хочу закрывать глаза и увижу сегодня все. Если увижу что-нибудь худое, то знаю заранѣе, что я сама виновата.

Уловивъ эту мысль, Прасковья Захаровна убѣжденно и твердо повторила:

— Да, это мой грѣхъ. Я разболтала тайну. Пришла молиться, а сама нагрѣшила. Тамъ слѣпой показываетъ камень. Все это обманъ. Никакого камня нѣтъ. Слѣпой видитъ лучше насъ. Его исцѣленіе тоже обманъ. Родіонъ, помогите мнѣ уличить его, или просто увести, уговорить, чтобы онъ ушелъ оттуда.

Родіонъ кивалъ головой, что-то припоминая и тупо глядя на потоптанныя и заросшія сорной травой грядки огорода.

— Сколько обиды и горя, сударыня, вмѣсто радости въ такой день, какъ нынѣшній.

— Вамъ Родіонъ горевать нечего—это мой грѣхъ.

Она незамѣтно отошла, а Родіонъ опять сѣлъ на завалинку, уперся локтями въ колѣни и сталъ нервно грызть ногти.

VIII.

Еще далеко до входа въ ограду церкви на улицѣ тянулась длинная вереница людей, крѣпко державшихъ другъ друга сзади за талію или за плечи. Это были желавшіе пройти подъ иконой У входа вереница кончалась. Дальше полиція ихъ не пускала. Въ оградѣ была уже такая давка, что Прасковья Захаровна едва туда пробралась. Урядники

и пѣшіе казаки расчищали проходъ для шествія иконъ и духовенства. На паперти происходила суматоха. Стоящихъ тамъ сгоняли прочь. Обѣдня еще не кончилась, но уже выносили второстепенныя иконы и хоругви, чтобы установить порядокъ и затѣмъ пропустить впередъ Прасковею-Пятницу. Всѣ двери храма были открыты, и оттуда слышалось пѣніе хора, перебиваемое съ улицы залихватской музыкой. При хоругвяхъ стояли мѣстныя почетныя лица. Отставной полковникъ въ накрахмаленномъ бѣломъ кителѣ, богатый арендаторъ изъ крестьянъ, въ черномъ сюртукѣ до пятъ, старшина и староста. Иконы держали большею частью женщины. Натискъ толпы досаждалъ участникамъ процессіи и мѣшалъ ихъ торжественному виду. Хоругви колебались въ воздухѣ. Урядники, сами затертые толпой, напрасно отгоняли напиравшихъ. У каждаго богомольца было свое дѣло и своя нужда. На самыя иконы и на рукоятки носилокъ вѣшали натѣльные крестики для освященія, разныя фигурныя изображенія, сдѣланныя изъ воска, тѣста и дерева. На шнурочкахъ болтались: косы, уши, головы, руки, ноги, сердца, зубы, вырванные или выпавшіе, какъ наглядныя выраженія просьбъ святителю излечить ту или другую часть тѣла.

Больные и калѣки подползали подъ иконы и, лежа подъ ними, преувеличенно стонали.

Съ улицы подошла новая партія казаковъ и стала расчищать путь. Поднялись крики, жалобы. Больныхъ топтали ногами. Богомольцы перемѣшали повѣшенные на иконахъ головные платки, пояски съ молитвой, заговоренныя ленты, шнурочки.

Но казаки сумѣли сдѣлать свое дѣло. Проходъ освободился.

Прасковья Захаровнз воспользовалась этимъ и пробралась мимо паперти на другую сторону, за церковь, гдѣ скромно скучились холмики и кресты сельскаго кладбища. Путь былъ просторнѣе, и публика собралась болѣе спокойная и равнодушная. Преобладали городскіе костюмы. Радуясь возможностью отдохнуть, Прасковья Захаровна присѣла на свободный, поникшій къ землѣ, холмикъ безъ креста. Напротивъ сидѣли двѣ полныя женщины, весьма похожія одна на другую, и видимо изнывали отъ жары. Лица ихъ почти закрывались легкими шарфами. Рядомъ на травѣ лежалъ спящій ребенокъ и тутъ же—круглая ручная корзина съ остатками закуски и водки.

Къ нимъ подошелъ франтоватый мужчина, съ бритымъ лицомъ и въ лакированныхъ сапогахъ, по виду берейторъ. Женщины точно проснулись, и у нихъ началась бесѣда.

— Что новаго у васъ?—спросила одна изъ женщинъ.— Вы читаете газеты, все знаете. Какія новыя болѣзни?

— Особенныхъ болѣзней незамѣтно, кромѣ политики. А вотъ насчетъ генеральши... слыхали?

— Это — которая пожертвовала? Только фамиліи не знаемъ.

— Никто не знаетъ. Извѣстно, что генеральша, богатѣйшая особа.

И онъ обстоятельно разсказалъ, какъ неизвѣстная нищенка пришла ночью къ часовнѣ. Тамъ ей явилась Великомученица и сразу узнала, что это не нищенка, а богатая генеральша. Ея покойный мужъ, генералъ, на войнѣ одержалъ три побѣды. Про все это извѣстно Пятницѣ, и генеральша призналась, что нарядилась нищенкой изъ усердія. Тогда Прасковея велѣла ей пожертвовать на храмъ тысячу рублей и за это обѣщала исцѣлить одного слѣпого, двухъ глухихъ и трехъ безногихъ.

— Всего шесть персонъ,—закончилъ берейторъ.

— Да еще вотъ какъ,—прибавила вторая женщина,— когда, говоритъ, меня понесутъ, ты подходи—я кивну тебѣ головой отъ радости. А еще слѣпому дала найти камень, тотъ самый подъ деревомъ. Ходитъ теперь въ народѣ и хвалится.

Прасковья Захаровна невольно оглянулась, отыскивая въ толпѣ Ананія. Потомъ хотѣла вмѣшаться въ разговоръ, опровергнуть грубую басню, но отдумала и съ грустной досадой отошла прочь.

Несмотря на старанія полиціи и заявленія, что въ оградѣ никто подъ икону допущенъ не будетъ, плотная вереница людей все таки собралась тутъ. Плотнѣе всего толпились у паперти. Каждому скорѣе хотѣлось пройти подъ иконой. Но ширина ея не позволяла пропустить болѣе одного-двухъ человѣкъ. Въ суматохѣ и толкотнѣ могли раздвинуть несущихъ икону и уронить ее.

Стражники и казаки яростно налетали на живую стѣну, и отрывали отъ нея по нѣсколько человѣкъ. Отброшенные, отбѣжавъ къ другому мѣсту, снова прицѣплялись къ плотной вереницѣ.

— По одному въ рядъ!—кричалъ охрипшимъ голосомъ маленькій казачій офицеръ безъ фуражки, съ налипшими на потномъ лбу волосами.

Онъ выбивался изъ силъ, самъ принимая участіе въ рукопашной.

Команды и крики заглушали церковное пѣніе, вылетавшее изъ открытыхъ дверей храма. Но вотъ кто-то съ высоты паперти тихо и взволнованно сказалъ:

— Несутъ.

На нѣсколько секундъ отдѣльные крики прекратились. Шумъ сдѣлался глуше, тѣла зашевелились и стали давить другъ друга. Слово „несутъ" повторилось ниже, осторожнымъ шепотомъ понеслось дальше къ воротамъ, сплачивая и волнуя толпу.

На паперти происходила давка. Выходящіе изъ церкви наталкивались на желающихъ пройти подъ иконой. Казачій офицеръ на секунду растерялся. Метнулся въ сторону, вытеръ платкомъ мокрый лобъ и бросился на паперть, расталкивая богомольцевъ.

— Разбивай съ головы!—крикнулъ онъ боевымъ кличемъ.

Казаки поднялись за нимъ и стали очищать выходъ. Люди покатились по ступенькамъ. Кричали угрожающе и страдальчески. Звонко и однообразно голосила истерическая женщина. Калѣки, сознавая свое право, злобно протестовали и лѣзли обратно на свои мѣста. Проходъ, однако, былъ очищенъ. Только на нижней ступени утвердилась голова вереницы изъ нѣсколькихъ людей. Они испуганно глядѣли передъ собой и, казалось, готовы были на отчаянное сопротивленіе. Впереди всѣхъ стоялъ Ананій съ поднятой сѣрой бородой и неподвижными бѣлками глазъ. Онъ что-то говорилъ и властно отмахивался рукой, держащей круглый камень, величиною съ кулакъ. Передъ наступавшими казаками онъ потрясалъ имъ, какъ грознымъ оружіемъ. За него уцѣпилось нѣсколько женщинъ. Маленькій офицеръ остановился передъ нимъ въ нерѣшительности, осмотрѣлъ его отъ онучей до поднятаго халата и отошелъ въ сторону. Слѣпого съ бабами казаки пощадили и стали разбивать вереницу дальше, оставляя по одному въ рядъ.

Настала минута, давно ожидаемая всѣми—средоточіе праздника. Присмирѣвшая толпа дышала трепетной радостью, но Прасковья Захаровна чувствовала себя тутъ лишней, среди благоговѣйно вѣрующихъ. Ее удерживало желаніе что-то сдѣлать, предупредить выходку, недостойную торжественнаго событія.

Можетъ быть, среди всѣхъ собравшихся она была въ эту минуту самая невѣрующая. Ей было жутко. Хотѣлось на чемъ-нибудь остановить взоръ и успокоить душу. Стоило только поглядѣть на святыню, выплывающую изъ храма. Она хотѣла этого и боялась. Знала, что и пришла сюда, чтобы убѣдиться въ словахъ Родіона и понять его разочарованіе. Страстное желаніе найти утѣшеніе, а съ другой стороны увѣренность, что она его не найдетъ, какъ тисками, сдавили ея волю. Неотступно мучило ее сознаніе, что сама же она создала искушенія для себя и для Ананія. Она сама

себѣ подготовила горькую обиду и должна вкусить ее, какъ наказаніе за свои сомнѣнія.

Ее толкали, давили, отгоняли, замѣчая странную безпокойность ея поведенія. Нѣсколько разъ она порывалась ухватить за руку Ананія, подбѣгала къ женщинамъ, его окружавшимъ, но онѣ ее отгоняли, а странники водворяли на мѣсто. Она кричала, чтобы увели слѣпого, потому что онъ хочетъ обмануть своимъ исцѣленіемъ. Она не слышала своихъ словъ и думала, что говоритъ не то, что слѣдуетъ. такъ какъ окружающіе смотрѣли на нее, какъ на полоумную,

Маленькій офицеръ деликатно отвелъ ее въ сторону, но она опять бросилась къ паперти. Два казака ухватили ее, удерживая на мѣстѣ, не зная, что съ ней дѣлать. Въ это время съ паперти сошелъ Самсонъ, разгоняя налѣзающихъ на ступени. Увидѣвъ Прасковью Захаровну, онъ подбѣжалъ къ ней, шепнулъ что-то казакамъ и сталъ втискивать ее въ очередь. Уцѣпившіеся другъ за друга богомольцы не давали ей мѣста, сама Прасковья Захаровна упиралась, не желая подходить подъ икону.

— Оставьте меня! Я не хочу. Возьмите слѣпого! Вы же знаете, кто онъ. Уведите его!

Самсонъ, испуганный возможнымъ скандаломъ, шепотомъ уговаривалъ ее:

— Ваше благородіе... Зачѣмъ безобразить! Пожалуйте подъ икону. Посторонитесь, православные... Дайте мѣсто госпожѣ.

— Я не хочу! Уведите слѣпого. Самсонъ, вы же знаете его. Что же вы молчите? Какъ вы допускаете это?

— Чистое наказаніе съ вами. Зачѣмъ такія слова?.. Вотъ ужъ икону несутъ, а вы съ безобразіемъ.

...Широкимъ вздохомъ ахнуло въ толпѣ. Въ черномъ входѣ храма блеснулъ нижній лѣвый уголъ позолоты, и на свѣтъ Божій, подъ яркое солнце выплыла икона.

Прасковья Захаровна собрала силы, отстранила руки Самсона, твердо стала на ноги и подняла испуганные глаза.

Изъ-за массивной ризы, ослѣпляющей своимъ блескомъ, смотрѣло розовое, веселое личико большими, удивленными, дѣтскими глазами. Они не понимали ни восторговъ, ни поклоненія толпы.

— Матушка наша... Просвѣтлѣла, великомученица,—сказалъ чей-то пѣвучій голосъ.

— Не она,—тихо, какъ бы въ отвѣтъ, произнесла Прасковья Захаровна.

Самсонъ съ новымъ усердіемъ ухватилъ ее сбоку. Съ другого бока помогали ему чьи-то руки, и Прасковью Захаровну потащили подъ икону.

Теряя силы и желая вылить наружу всю тоску своего разочарованія, она пронзительно закричала:

— Не она! Не хочу! Оставьте!

Маленькій казачій офицеръ подбѣжалъ и нетерпѣливо скомандовалъ:

— Ведите же вы припадочную! Не задерживайте.

Затѣмъ Прасковьѣ Захаровнѣ стало душно, голова больно ударилась о раму, колѣни подогнулись и ударились о землю. Она упала, и на нѣкоторое время объ ней, казалось, совсѣмъ забыли. Кругомъ толпились люди, выходившіе изъ храма. Кто-то наступилъ ей на руку, она попыталась встать, но опять упала, смятая толпой. Смутно услышала она знакомый голосъ. Онъ пробудилъ ее къ сознанію. Ей пришла въ голову страшная мысль, что ее могутъ затоптать на смерть. Она приподнялась на локтѣ и увидѣла надъ собой бѣлокурый локонъ и бархатную скуфейку. Родіонъ, взволнованный, кричалъ что-то окружающимъ и силился поднять ее костлявыми, дрожащими руками. Онъ съ трудомъ вывелъ ее изъ потока людей и усадилъ на ступеньки у стѣны храма. Самъ сѣлъ рядомъ, упершись локтями въ колѣни.

Оба стѣснялись подымать разговоръ о случившемся, избѣгая даже взглянуть другъ на друга. Опять начавшійся кругомъ шумъ дѣлалъ незамѣтнымъ ихъ тяжелое молчаніе. Крестный ходъ удалялся, сворачивая изъ воротъ направо. Надъ оградой колебались на мѣстѣ хоругви, поджидая отставшую икону. Вереница людей у воротъ сбилась въ кучу, казаки разбивали ее, и надъ головами мелькали ихъ нагайки. Съ другой стороны, изъ-подъ иконы одинъ за другимъ выскакивали богомольцы, съ растеряннымъ видомъ стояли на мѣстѣ, крестились или шли за крестнымъ ходомъ. Калѣки и больные садились на землю. Одни радовались исцѣленію, другіе—стонали, третьи—истерично плакали.

А кругомъ храма, не переставая, гудѣла ярмарка, ликовалъ праздникъ. Скрипѣла карусель, шарманки, перебивая одна другую, издавали, вмѣсто мотивовъ, неопредѣленный ревъ, звенѣли бубны, и барабанъ билъ упорно, изступленно.

— Мнѣ жаль,—сказала Прасковья Захаровна, и не договорила, что ей жаль было дорогой тайны, вынесенной на улицу. Жаль своей слабости и неумѣнія найти источникъ для твердой утѣшительной вѣры.

Родіонъ робко посмотрѣлъ на нее.

— Я говорилъ вамъ, сударыня, чтобы вы не ходили. Самъ на глаза не хотѣлъ показываться, если бы не видѣлъ вашего паденія.

Прасковья Захаровна ничего не отвѣтила и махнула рукой. Только теперь она вспомнила, что эта рука была

придавлена въ толпѣ и, почувствовавъ боль, подняла руку къ губамъ и стала дуть.

Большинство богомольцевъ ушло за крестнымъ ходомъ. Въ оградѣ оставались больные, калѣки и усталые, расположившись на землѣ. Только толпа человѣкъ въ пятьдесятъ скопилась у угла церкви. Родіонъ глядѣлъ туда, какъ въ пустое пространство, но, когда при движеніи людей открылась голова и плечи слѣпого, онъ узналъ его и сталъ смотрѣть внимательнѣе.

Ананій что-то говорилъ, но разобрать его слова было нельзя. Въ толпѣ голосили, перебивали его, протягивали руки. Но больше всего поразило Родіона, что глаза слѣпого были открыты и глядѣли радостной увѣренностью.

Чтобы провѣрить свое впечатлѣніе, Родіонъ поглядѣлъ на Прасковью Захаровну. Она уже замѣтила Ананія, силилась что-то сказать, указывала на него рукой и нѣсколько разъ другой рукой тронула Родіона.

— Позовите его сюда... Или отведите отъ толпы.

Родіонъ нерѣшительно всталъ, сложилъ кисти рукъ и хрустнулъ пальцами.

Ему до боли хотѣлось вѣрить въ чудо исцѣленія. Онъ такъ привыкъ принимать это безотчетно, а теперь такое душевное утѣшеніе ему необходимо нужно было, какъ лекарство больному. Но онъ не вѣрилъ въ силу этого лекарства. И не слова, сказанныя недавно Прасковьей Захаровной о слѣпомъ, смущали его. Онъ сумѣлъ бы пренебречь ими. Его глаза видѣли, уши слышали, а душа не умилялась.

Ананій стоялъ среди толпы, какъ проповѣдникъ. Въ поднятой рукѣ онъ держалъ камень. Плавными торжественными движеніями подносилъ его то къ одному, то къ другому изъ окружающихъ, и каждый жадно цѣловалъ этотъ камень. Картина говорила сама за себя убѣдительно и ярко. Но Родіону этого было мало. Сегодня глаза обманули его, и онъ имъ больше не вѣрилъ. Ему уже нужно было узнать и понять, увидѣть духовными очами, а тогда повѣрить.

Онъ отошелъ бы прочь, если бы Прасковья Захаровна снова не попросила его позвать Ананія.

Родіонъ протолкался въ толпѣ и тронулъ Ананія за руку.

— Братъ, повремени... Госпожа хочетъ посмотрѣть твои глаза.

Ананій оглянулся надъ головами и, замѣтивъ Прасковью Захаровну, направился къ паперти. Она этого не ожидала, полагая, что одно напоминаніе о ней смутитъ его, и онъ скроется. Но смутиться пришлось ей самой. Ананій остано-

вился передъ ней въ пяти шагахъ и, отстраняя забѣжавшихъ впередъ, устремилъ на нее свои зоркіе глазки.

Онъ долго смотрѣлъ на нее, подыскивая слова, чтобы сразить ее и обезвредить въ глазахъ толпы. Онъ казался выше, держался увѣренно и видимо увлекся своей ролью. Угнетенный видъ Прасковьи Захаровны обнадежилъ его, и онъ заговорилъ съ нею по пріятельски.

— Вижу барыню-благодѣтельницу. Своими глазами. вижу. Простите, если чѣмъ обидѣлъ. Вы напослѣдокъ, послѣ обѣдни, меня самого обидѣли. Ну, это мнѣ ни къ чему. Я самъ нынче поднялся. Передъ всѣми людьми поднялся. Захочу—весь народъ пойдетъ за мной.

Онъ посмотрѣлъ на Родіона и повелительнымъ жестомъ указалъ рукой на Прасковью Захаровну.

— Монахъ, поди, найми лошадей на станцію. Пора ей домой...

Родіонъ ничего не отвѣтилъ и отвернулся.

Прасковья Захаровна отъ удивленія повела плечами. Теперь очевидно было, что Ананій ея не боялся. Онъ овладѣлъ волей толпы и въ ней чувствовалъ свою силу. Однако Прасковья Захаровна не утерпѣла и тихо, что бы онъ одинъ могъ слышать, сказала ему:

— Зачѣмъ вы смущаете и обманываете этихъ людей? Не грѣшите. Бросьте камень... Родіонъ, возьмите у него камень!

Ананій мотнулъ бородой и громко съ обидой въ голосѣ объявилъ:

— Барыня желаетъ, чтобы этотъ камень отнять у меня Сама всю ночь искала подъ березой, да не нашла. А я слѣпой былъ и нашелъ. Теперь завидуетъ. Не отдамъ никому. Я, такую силу, да чтобы отдать!.. Заступитесь, православные!..

Въ толпѣ сочувственно загудѣли, но одинъ голосъ посмѣлѣе выдѣлился недовѣріемъ:

— Знаемъ тебя! Извѣстный путешественникъ. Людей морочишь. Тебя бы этимъ камнемъ по загривку! Цыганъ арестантскій!

Всѣ повернули головы въ сторону говорившаго. Это былъ закоптѣлый мужичекъ небольшого роста въ бѣлой чистой рубахѣ, подпоясанный подъ самымъ животомъ и въ шапкѣ, надвинутой на косматыя брови. Онъ стоялъ въ сторонѣ и забрелъ сюда изъ любопытства.

Ананій злобно метнулъ на него глазами. Ему нужно было немедленно возстановить свой авторитетъ. Онъ потрясъ рукою, держащей камень.

— Меня-то знаютъ. Я иду съ міромъ заодно. Я—человѣкъ

Божій. А ты чей? Сатаны пріятель! Передъ храмомъ въ шапкѣ стоитъ. Скидавай шапку!

— Шапки долой!—поддержали Ананія въ толпѣ.

Мужичекъ снялъ шапку, перекрестился на храмъ и опять надѣлъ ее, не двигаясь съ мѣста. Ананій крикнулъ ему:

— Ты есть хулитель и другъ сатаны! Вотъ, кто ты! Православные! Этотъ самый камень я могу бросить, ежели желаете. Онъ упадетъ на голову хулителя. Такая въ немъ сила.

Поднялся шумъ, въ которомъ трудно было разобрать какое-нибудь опредѣленное желаніе толпы. Больше всего голосили женщины. Нѣсколько человѣкъ бросились къ мужику и сбили съ него шапку. Толпа увеличивалась прибѣгавшими на шумъ. Всѣмъ приказывали снимать шапки, а съ ослушниковъ сбивали силой.

Ананій держалъ надъ головами камень, какъ магическую силу, готовую поразить нечестивца. Увеличенный своей ролью предводителя покорной толпы, онъ вошелъ въ азартъ и уже не думалъ о послѣдствіяхъ.

Родіонъ стоялъ въ сторонкѣ и въ волненіи грызъ ногти. Его обуяло страстное неодолимое желаніе подойти къ Ананію и стать подъ его камень. У него самого на душѣ былъ тяжелый камень, который надо было сбросить. Сейчасъ должно произойти что-то невыразимо печальное, но неизбѣжное. Видимый камень упадетъ, и послѣ этого онъ получитъ желанное успокоеніе.

Прасковья Захаровна, замѣтивъ, что Родіонъ, шатаясь, пошелъ къ Ананію, почуяла недоброе, вскочила съ мѣста, приближаясь къ нему и громко сказала:

— Надо позвать полицію! не связывайтесь съ нимъ...

Родіонъ отстранилъ ее, ласково заглянулъ ей въ глаза, точно благодарилъ за сочувствіе, и двинулся дальше.

— Братъ! не ищи хулителя!—сказалъ онъ, пробираясь черезъ толпу къ Ананію.—Я—твой хулитель. Не вѣрю въ камень, ибо онъ въ нечистыхъ рукахъ. И вы, братья, не вѣрьте! Не сотвори себѣ кумира!

Нѣсколько рукъ ухватили Родіона, чтобы оттащить его, но онъ упирался и продолжалъ говорить, перебиваемый криками:

— Онъ рабъ ничтожный и взялъ силу надъ вами, и эту силу вы сами дали ему... Исцѣленный долженъ молиться, а не грозить... А потому онъ—обманщикъ...

Родіону не дали продолжать. Толпа заходила волной. Крики звучали ненавистью и мщеніемъ. Ананій все еще стоялъ съ поднятой рукой и, какъ палачъ, ожидалъ сигнала.

— Безсовѣстный, а еще монахъ!—кричали на Родіона.

— Бей его! Мазни его камнемъ!

— Бросай камень!

— Бей его!—повторялось на разные голоса.

Ананій дрогнулъ бровями, отвелъ поднятую руку назадъ и размахнулся справа налѣво.

Родіонъ удивленно оглядѣлся, протянулъ руку, чтобы на кого-нибудь опереться, но отъ него шарахнулись по сторонамъ. Первая бросилась къ нему Прасковья Захаровна, а за ней нѣсколько мужчинъ,—ни одна изъ женщинъ не поддержала его. Въ испугѣ онѣ безтолково метались, причитали и всхлипывали.

Родіона хотѣли посадить на ступеньки паперти, но онъ указалъ рукой впередъ и слабо произнесъ:

— На погостъ.

Его довели до могилокъ и положили въ тѣни березы на травѣ, головой на старый осѣвшій дерновый холмикъ безъ креста. Съ головы сняли скуфейку.

Изъ лѣваго виска широкой полосой текла кровь, окрашивая ухо. Неопытныя руки прикладывали къ ранѣ носовые и головные платки. Совѣтчики спорили, качали головами, вздыхали, не зная, какъ остановить кровотеченіе. Среди многотысячной толпы съ калѣками, больными, припадочными не нашлось ни одного врача.

Принесли ведро воды. Смочили голову, смыли рану, и кровь пошла съ новой силой.

Лицо Родіона, спокойное и радостное, побѣлѣло отъ быстрой потери крови. Сухіе пальцы чего-то искали на груди. Онъ находился въ безсознательномъ состояніи.

— Кончается,—сказалъ кто-то.—Не тревожьте напрасно.

Прасковья Захаровна стояла около него на колѣняхъ. Ослабѣвшая и потрясенная, она застыла на мѣстѣ. Ей казалось, что вся черная тяжесть ошибокъ и печалей этого дня давитъ на ея грудь.

Трясущимися руками, сложенными у рта, она старалась удержать крикъ души, просящійся наружу.

Наконецъ, не выдержала, упала лицомъ на землю и, рыдая, повторяла никому непонятныя слова:

— Мой грѣхъ... мой грѣхъ...

Вл. Табуринъ.

Польша передъ возстаніемъ 1830 г.

I.

12 декабря 1825 года былъ положенъ конецъ не только надеждамъ русскаго общества, но и польскимъ чаяніямъ. Эта роковая дата русской исторіи имѣетъ не менѣе роковое значеніе и въ польской. Отъ нея ведетъ свой ходъ возстаніе 1830 года. Весь этотъ періодъ существованія такъ называемаго конгрессоваго королевства, эти 15 лѣтъ съ 1815 до 1830 года представляютъ сплошную трагедію народа, которому было дано много обѣщаній безъ серьезныхъ намѣреній ихъ исполнить, трагедію маленькаго королевства, основы котораго такъ разнились отъ того, что имѣлось въ сюзеренномъ государствѣ. Какъ бы ни былъ лояленъ польскій народъ, онъ не сумѣлъ бы удержать своей конституціи: по той или иной причинѣ—все равно она не могла существовать. Русскій посолъ въ Вѣнѣ, Татищевъ, громогласно заявилъ въ 1831 г. Меттерниху: «Кто желаетъ добра нашему императору, долженъ радоваться польскому возстанію; наконецъ-то, оно положитъ конецъ той аномаліи, которая была возможна только въ незрѣлой головѣ Александра» (Ien. Zamoyski. 351). А такъ какъ это было убѣжденіе власть имущихъ, то не щадили средствъ къ тому, чтобы и самъ польскій народъ помогъ имъ въ осуществленіи ихъ желаній. Одинъ изъ наиболѣе освѣдомленныхъ людей этой эпохи, Владиславъ Замойскій, совершенно опредѣленно говоритъ о провокаціи въ своихъ недавно напечатанныхъ мемуарахъ. Конечно, за всѣ эти 15 лѣтъ въ существованіи польскаго народа накопилось такъ много взрывчатаго матеріала, что конфликтъ былъ возможенъ. Но онъ не былъ неизбѣженъ.

Такимъ образомъ, исторія Царства Польскаго до возстанія 1830 года представляетъ весьма сложную картину самыхъ разнообразныхъ теченій, вліяній, событій *).

---

*) За послѣдніе годы для возстановленія этой картины собрано очень много данныхъ, почерпнутыхъ, по большей части, въ рукописныхъ архивовъ. Обобщающее цѣлое представилъ проф. Львовскаго университета

Эпоху конституціоннаго существованія русской Польши можно раздѣлить на два періода: въ первый, продолжавшійся приблизительно до 1822 года, въ польскомъ обществѣ еще хранилась вѣра въ конституціонность русскаго правительства, въ его намѣреніе и способность хранить заключенный имъ въ Вѣнѣ договоръ. Совершенно антиконституціонныя дѣйствія императора Александра I разбили эту вѣру, но на путь возстанія Польша вступила не сразу. Нужно было опредѣленное заявленіе императора Николая о невозможности выполнить обѣщанное его предшественникомъ возсоединеніе Польши съ Литвой и неконституціонное рѣшеніе отправить польскія войска на борьбу съ французской революціей, чтобы превратить общее возбужденіе въ военное возстаніе. Періодъ съ 1822 года характеризуется развитіемъ конспираціи, переворотомъ въ литературѣ, въ которой лозунги романтизма смѣняютъ обветшалый ложноклассицизмъ, выступленіемъ новыхъ вождей на политическую арену.

Для пониманія развитія польской идеи въ первый періодъ необходимо остановиться на взаимоотношеніи двухъ центральныхъ фигуръ, Александра и Адама Чарторыйскаго, которые въ это время (въ 1813 г., когда начинается недавно открытый днев-

---

Шимонъ Аскеназы въ книгѣ „Rosya-Polska“ (1815—1830). Lwów. 1907. Ему же принадлежитъ превосходный трудъ о конспираціяхъ и конституціонной борьбѣ въ Польшѣ до смерти императора Александра I: „Zukasiński“. 2 тома. Warszawa. 1908. Въ 1910 году изданы мемуары и письма адъютанта цесаревича Константина, графа Владислава Замойскаго („Ienerał Zamoyski“ 1803—1888. Tom I. 1803—1830. Poznań. 1910), а въ 1909 году относящіеся къ востанію мемуары Юліана Нѣмцевича („I. U. Niemcewicza, Pamiętniki z 1830—1831 roku“. Kraków. 1909). Проф. Ст. Смолька далъ чрезвычайно обстоятельный трудъ о государственной жизни Польши за этотъ періодъ (Polityka Lubeckiego przed powstaniem listopadowem“ 2 тома. Kraków. 1907). Литературная революція, подготовившая возстаніе 1830 года, изображена Третякомъ въ недавно вышедшемъ сочиненіи: „Bohdan Zaleski“ (1802—31) и А. Сливинскимъ въ его книгѣ о Мохнацкомъ („Maurycy Mochnacki. Zywot i dzieła“. Lwów. 1910) и Мицкевичѣ («Mickiewicz jako politik»). Въ русской литературѣ о декабристахъ видное мѣсто удѣлено ихъ отношеніямъ къ польскимъ конспираціямъ. Особенно цѣнны въ этомъ отношеніи изданія записокъ и показаній декабристовъ. Я пользовался здѣсь фундаментальнымъ изслѣдованіемъ В. В. Семевскаго „Политическія и общественныя идеи декабристовъ“ (1909), „Мемуарами декабристовъ“, изданными М. В. Довнаръ-Запольскимъ въ 1906 г., „Русской Правдой“ П. И. Пестеля (въ изданіи „Культура“) 1908, сборникомъ А. К. Бороздина «Изъ писемъ и показаній декабристовъ“ 1906, „Записками И. Д. Якушкина“ (Библіотека декабристовъ, вып. 7) 1908, „Политической жизнью въ Россіи“ М. А. Фонвизина и „Проектомъ конституціи“ Никиты Муравьева (Библ. декабр., вып. 4) 1907. Наконецъ, въ 1910 году вышли 131—132 томы „Сборника Имп. Рус. Истор. Общ.“, заключающіе въ себѣ переписку императора Николая съ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ. Извлеченія изъ нихъ сдѣлали В. Тимощукъ въ „Русской Старинѣ“ (ноябрь, 1911 г.) и А. А. Кизеветтеръ.

никъ Чарторыйскаго *) уже не довѣряли другъ другу. Первое свиданіе бывшихъ друзей послѣ долгой разлуки произошло 30 марта 1813 г., и бесѣда зашла о будущемъ устройствѣ Польши. Александръ требовалъ въ это время полнаго довѣрія къ себѣ со стороны поляковъ и такой сдержанности съ ихъ стороны, чтобы ни австрійская, ни прусская дипломатія не могли заподозрить, что «рѣчь идетъ еще и о Польшѣ». Планы Александра сводились весной 1813 года къ слѣдующему: «Когда все окончится счастливо, Россія при заключеніи договора должна получить герцогство, а все остальное императоръ завершитъ потомъ у себя дома на основаніи своей власти и безъ шума, какъ онъ это сдѣлалъ для финновъ». Расположенія къ полякамъ Чарторыйскій не нашелъ въ это время въ настроеніи Александра. Въ бесѣдахъ съ другими императоръ жаловался на «вѣтренныя головы поляковъ, съ которыми нельзя ничего подѣлать», сообщалъ, что не хочетъ связывать себѣ рукъ польскимъ вопросомъ, и потому по дорогѣ заграницу намѣренно миновалъ Варшаву. Княжество Варшавское было оккупировано русскими войсками, а въ мартѣ 1813 года было создано временное правительство въ видѣ высшаго совѣта, состоявшаго изъ пяти человѣкъ. Предсѣдателемъ былъ назначенъ Ланской, членами два поляка,—князь Друцкій-Любецкій, одинъ изъ самыхъ выдающихся государственныхъ людей этого времени, и старикъ Вавржецкій. Остальные были не поляки. Новосильцевъ, нѣкогда либералъ, дѣлался по мѣрѣ повышенія въ чинахъ, по общему русскому обычаю, консерваторомъ, націоналистомъ и полонофобомъ. Коломбъ, состоявшій ранѣе управляющимъ имѣніями герцога Варшавскаго, представлялъ фигуру типичнаго прусскаго карьериста. Такимъ образомъ, пренія въ самомъ комитетѣ были неизбѣжны, и самый составъ его, съ перевѣсомъ неполяковъ, являлся плохимъ предзнаменованіемъ для нетерпѣливыхъ, настаивавшихъ на скорѣйшемъ разрѣшеніи польскаго вопроса. Къ тому же Высшій совѣтъ находился въ непосредственной зависимости отъ главной квартиры, и первѣйшей обязанностью, которая лежала на немъ, являлась доставка нужныхъ русской арміи средствъ. За одинъ 1813 годъ край, испытавшій уже такъ много невзгодъ во время войны, доставилъ деньгами и натурой средствъ на 72 мил. пол. зл., не говоря уже о самовольныхъ поборахъ войскъ и о низкихъ цѣнахъ, установленныхъ правительствомъ. Отношенія между русскими и поляками становились все болѣе враждебными, а положеніе Наполеона вовсе еще не было безнадежнымъ. Неизвѣстно было также, какіе замыслы относительно Польши питаютъ государи коалиціи, направленной противъ Наполеона. Вслѣдствіе этого состояніе

*) См. статьи Аскеназы подъ названіемъ „Polska i Europa“ въ „Bibliot. Warszawska“. 1909.

умовъ въ Польшѣ не могло быть спокойнымъ. Создавалась почва для будущихъ тайныхъ организацій.

Между тѣмъ Чарторыйскій не занималъ никакого офиціальнаго положенія. Александръ поручилъ ему привлечь на сторону Россіи князя Понятовскаго и польскія войска, но это щекотливое порученіе еще усугубляло тяжесть положенія Чарторыйскаго. Штейнъ подтрунивалъ надъ мечтами этого послѣдняго и приводилъ ему заявленія русскихъ «бородачей:» «Пусть себѣ Александръ царствуетъ въ Польшѣ, если хочетъ дать полякамъ королевство». Уже онъ доказывалъ, что «при русскомъ самодержавномъ императорѣ конституція не удержится въ странѣ, привыкшей къ самоволію и населенной энергичнымъ и упрямымъ народомъ». Между тѣмъ, русскія войска вступили въ Парижъ въ апрѣлѣ 1814 г. Чарторыйскій опять услышалъ отъ Александра требованіе, чтобы «поляки видѣли въ немъ единственнаго своего уполномоченнаго и дали ему дѣйствовать по своему». Отношеніе русскихъ къ Чарторыйскому было явно враждебное. Иностранные дипломаты держались съ нимъ холодно и уклончиво. И самъ Александръ, видимо, косился на своего бывшаго друга: «Zle traktuje, ledwo raz przemówił» (онъ косится на меня, всего одинъ разъ обратился ко мнѣ),— жалуется онъ въ своемъ дневникѣ въ іюнѣ 1814 года. А въ іюлѣ отмѣчаетъ еще болѣе знаменательный фактъ: «Злость москалей на насъ; клянутся, что не станутъ служить вмѣстѣ съ нами; подъ Лейпцигомъ была партія противъ императора, теперь она уменьшилась; козломъ отпущенія является Польша». Особенно возмущалъ русскихъ титулъ короля, который долженъ былъ принять Александръ. Таковы были *omina*, которыя не предсказывали будущимъ русско-польскимъ отношеніямъ ничего утѣшительнаго. Личнымъ дѣломъ Александра было созданіе на Вѣнскомъ конгрессѣ, при упорномъ сопротивленіи Австріи и Пруссіи, автономнаго Польскаго королевства. Какъ извѣстно, одно время въ воздухѣ висѣла даже возможность новой войны, на этотъ разъ изъ-за Польши. Какими побужденіями руководился въ эту пору имп. Александръ, сказать трудно: можетъ быть, онъ думалъ о новомъ территоріальномъ увеличеніи своего государства, въ чемъ его упрекали союзники-соперники; можетъ быть, въ его душѣ возобладало на время благородное стремленіе осчастливить польскій народъ. Якушкинъ въ своихъ запискахъ передаетъ даже слухъ, будто Александръ, «ненавидя и презирая Россію, намѣренъ перенести столицу свою въ Варшаву». Душа Александра оставалась неясна даже для ближайшихъ людей, и современники дали о немъ столько же разнообразныхъ отзывовъ, сколько было наблюдателей и критиковъ. Вѣчно дѣйствуя одновременно въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ, Александръ и теперь, съ одной стороны, готовилъ территоріальное увеличеніе имперіи, съ другой, шелъ въ направленіи его уменьшенія, подготовляя соединеніе литовскихъ губерній съ польскими.

Такимъ образомъ, положеніе становилось все болѣе грознымъ уже потому, что ясной и опредѣленной системы въ польскомъ вопросѣ у главнаго вершителя его, русскаго императора, не было; а, съ другой стороны, уже назрѣвала вражда между русскими приближенными Александра, которые смотрѣли на себя, какъ на побѣдителей Наполеоновскихъ союзниковъ, и хотѣли поэтому самовластно править завоеваннымъ государствомъ, и польскими государственными людьми, которые смотрѣли на возстановленіе Польши и возсоединеніе ея съ Литвой, какъ на дѣло само собой разумѣющееся. Рано или поздно конфликтъ долженъ былъ наступить. 18 января 1815 г. Чарторыйскій пишетъ, что «военные ему не кланяются». Въ мартѣ, когда Наполеонъ неожиданно возвратился съ Эльбы, князь заноситъ въ свой дневникъ слѣдующія скорбныя строки: «Всѣ къ намъ враждебны и равнодушны, никто не скажетъ добраго слова, никто не поддержитъ. Во враждебныхъ водахъ, гдѣ нѣтъ ниоткуда помощи, гдѣ нѣтъ нигдѣ убѣжища, и такъ много подводныхъ скалъ, мы должны управлять нашей несчастной ладьей»... А управлять ладьей народа было тѣмъ труднѣе, что и онъ самъ не отдавалъ себѣ достаточно ясно отчета въ уже совершенномъ и въ трудностяхъ дальнѣйшаго совершенія. Въ Варшавѣ Чарторыйскій встрѣтилъ негодованіе: возмущались, что онъ добился столь немногаго, что главнокомандующій польской арміей, вел. кн. Константинъ, не ограничивался военной сферой, но вмѣшивался и въ гражданское управленіе краемъ. Въ обществѣ особенно негодовали на польскихъ членовъ Высшаго совѣта и называли Любецкаго измѣнникомъ. Не была удовлетворена создавшимся положеніемъ вещей и противная сторона, «русская партія», во главѣ съ Новосильцевымъ, возмущавшимся учрежденіемъ Королевства Польскаго. И среди либеральныхъ русскихъ людей, будущихъ декабристовъ, образованіе конституціоннаго польскаго королевства вызвало противорѣчивыя чувства: генералъ М. Ф. Орловъ въ своемъ показаніи на слѣдствіи говорилъ, что онъ не только считалъ этотъ актъ «истиннымъ несчастіемъ для Россіи», но пошелъ еще дальше: «Предубѣжденный будучи, что возстановленіе Польши не могло столь сильно быть поддерживаемо русскимъ правленіемъ безъ вліянія польскаго тайнаго общества надъ намѣреніями и волею государя», онъ «вознамѣрился къ первому моему предмету (письмо къ имп. Александру) присоединить и другой, т. е. противопоставить польскому русское тайное общество». Подъ вліяніемъ Н. И. Тургенева, Орловъ нѣсколько смягчилъ свой взглядъ на Польшу, но позже (уже въ 1835 г.) опять утверждалъ, что созданіе Царства Польскаго—огромная ошибка *). И въ ме-

*) Довнаръ-Запольскій. Мемуары декабристовъ. 3—4. В. И. Семевскій. Полит. и общ. идеи декабристовъ. 396—397.

муарахъ декабриста С. Волконскаго проходитъ та же несимпатизирующая по отношенію къ полякамъ нотка.

О содержаніи конституціи польское общество знало мало. 25 мая 1815 года было обнародовано «основаніе конституціи» (Bases de la Constitution du Royaume de Pologne), гдѣ въ § 37 значилось чрезвычайно важное постановленіе: «Великая конституціонная хартія, которую мы даруемъ жителямъ Нашего Польскаго королевства, должна считаться навсегда главной и самой священной связью, которой Королевство будетъ соединено безвозвратно и навсегда (irrévocablement uni à perpétuité), съ имперіей Всероссійской какъ въ Нашемъ лицѣ, такъ и въ лицѣ всѣхъ Нашихъ наслѣдниковъ и преемниковъ» *). Такимъ образомъ, создавалось нѣчто въ родѣ династической уніи (на манеръ Ягеллоновской), скрѣпленное конституціей. Это разрѣшеніе вопроса и послужило поводомъ для опасеній русскаго общества. Быть можетъ, считаясь съ ними, хотя и негодуя на сопротивленіе русскихъ («свѣдѣніе» о письмѣ М. Ф. Орлова дошло до Государя, который долго сердился на него), Александръ подвергъ конституцію переработкѣ. Въ Варшаву онъ пріѣхалъ изъ Вѣны черезъ Берлинъ, въ половинѣ ноября 1815 года, и занялся составленіемъ окончательной редакціи конституціи вмѣстѣ съ Новосильцевымъ, которому была поручена окончательная редакція. Въ этой послѣдней положеніе королевства по отношенію къ имперіи представилось уже совершенно иначе: о конституціи, какъ о связи частей, уже не говорилось; ей приписывалось только «установленіе» этой связи Польши съ имперіей, въ *составъ* которой она теперь входила. Конституція была подписана 27 ноября, но оглашена лишь послѣ отъѣзда императора почти черезъ мѣсяцъ, 24 декабря. Намѣстникомъ былъ назначенъ не вел. кн. Константинъ, не Адамъ Чарторыйскій, котораго такъ хотѣли въ Польшѣ, но безличный и престарѣлый, мало популярный въ обществѣ генералъ Зайончекъ. Это вызвало всеобщее недоумѣніе и неудовольствіе. Вѣдь власть намѣстника была чрезвычайно значительна. Принципъ: «neminem captivabimus» (никого не арестуемъ), который былъ названъ въ «Основахъ» 25 мая «la loi ancienne fondamentale», теперь, въ окончательной редакціи замѣнился весьма скользкимъ и просторнымъ терминомъ: «neminem captivare permittemus» (не дозволимъ никого арестовать), который съ «разрѣшенія» монарха или даже его намѣстника фактически отмѣнялъ неприкосновенность личности.

Неясно было сказано и про коронацію польскихъ королей, преемниковъ Александра: въ проектѣ говорилось о столицѣ коро-

---

*) Напечатано въ книгѣ І. Боясинскаго. Rządy tymczasowe w Królestwie Polskiem (Maj –Grudzień 1815). Warszawa. 1902, Wydanca Szimon Askenazy, т. I). (Monografie w zakresie dziejów nowozytnych).

левства, какъ мѣстѣ коронаціи; въ окончательной редакціи просто о столицѣ, подъ которой можно было подразумѣвать и Москву, и Петербургъ, и Варшаву. Забота о предоставленіи королю возможно широкаго произвола даже при соблюденіи конституціи проглядывала и въ другихъ пунктахъ этой своеобразной «хартіи вольностей». Такъ, Гос. Совѣтъ, состоявшій изъ министровъ, государственныхъ секретарей и лицъ, назначенныхъ его членами, долженъ былъ, по первоначальному проекту конституціи, составлять законодательныя предположенія, быть высшей судебной инстанціей, отдавать подъ судъ чиновниковъ и представлять сенату и палатѣ депутатовъ свои соображенія о правительственныхъ злоупотребленіяхъ и общихъ нуждахъ края. Разумѣется, эта послѣдняя обязанность Гос. Совѣта являлась важнымъ соединительнымъ звеномъ между всѣми главными административными учрежденіями королевства, и это не прошло незамѣченнымъ: въ послѣдней редакціи Гос. Совѣтъ входитъ по указаннымъ вопросамъ въ сношенія не *съ представителями страны*, но съ самимъ государемъ, а государь пользуется для такихъ сношеній услугами спеціальнаго должностного лица. Создавалось «средостѣніе», и Новосильцевъ, усердно подыгрывавшійся къ вліятельной консервативной партіи Россіи, недоумѣвавшей и негодовавшей по поводу полонофильства императора, сумѣлъ использовать свое положеніе «средостѣнія» такъ удачно, что довелъ дѣло до восстанія 1830 года, послѣ котораго уже можно было уничтожить и самую конституцію.

Народное представительство устанавливалось въ видѣ сейма, который въ первоначальномъ проектѣ получалъ точно также гораздо большія права, чѣмъ въ послѣдней редакціи, хотя и по первоначальному плану функціи сейма были весьма ограничены временемъ. Что могло сдѣлать законодательное собраніе, созывавшееся разъ въ два года на 30-дневную сессію? Въ проектѣ исключительно сейму было предоставлено право законодательной иниціативы; въ окончательной редакціи Александръ совершенно лишилъ сеймъ этого права и предоставилъ ему только обсужденіе вносимыхъ правительствомъ законопроектовъ, составленіе бюджета, разсмотрѣніе общаго отчета о положеніи государства, который представляется сейму Гос. Совѣтомъ. Что касается бюджета, то Александръ, зачеркнувъ § 162 проекта конституціи, гдѣ говорилось, что первый бюджетъ, подписанный королемъ, обязателенъ лишь до перваго сейма,—произвелъ этимъ такое измѣненіе конституціи, которое гарантировало верховной власти полную свободу въ составленіи бюджета. Какъ бы то ни было, и въ этомъ видѣ конституція 1815 года представляла для края, который такъ долго подвергался произволу того или другого завоевателя, драгоцѣнное основаніе для дальнѣйшаго развитія. О подробностяхъ избирательной системы я не буду здѣсь распространяться. Надо отмѣтить, что и на административныя должности въ воеводствѣ выборы кандидатовъ про-

изводились самими жителями, и не только дворянами-помѣщиками, но и купцами, и представителями школы, промышленности, церкви. Далѣе, согласно конституціи, судъ былъ объявленъ независимымъ, и судьи могли быть удаляемы въ отставку лишь по судебному приговору. Численность войска (первоначально опредѣленная въ 30 тысячъ человѣкъ) не была указана въ окончательной редакціи конституціи; самое же войско оставалось польскимъ: обмундированное въ національные цвѣта, оно имѣло польскую команду. Такимъ образомъ, національный бытъ новаго государства былъ обезпеченъ. Но, какъ выражался старикъ Бадени, министръ юстиціи съ 1820 г., «на столѣ была конституція, а подъ столомъ кнутъ», при чемъ по мѣрѣ надобности вынимались то конституція, то кнутъ. Кнутъ примѣнялся къ самымъ чувствительнымъ мѣстамъ новаго организма, прежде всего къ бюджету (ни одинъ бюджетъ не былъ разсмотрѣнъ нормальнымъ образомъ), затѣмъ къ дѣламъ школьнымъ, церковнымъ и, разумѣется, къ печати. За 15 лѣтъ существованія Царства Польскаго должно было собраться 7 сеймовъ. Въ дѣйствительности же они были созваны лишь 4 раза, такъ какъ королю принадлежало право откладывать созывъ сейма, и онъ широко пользовался имъ. Католическое духовенство не внушало власти особаго довѣрія, и вотъ оно подчиняется строгому надзору (1817 г.) со стороны коммиссіи исповѣданій и просвѣщенія. Вскорѣ (1819 г.) была возстановлена цензура сначала для газетъ, а потомъ и для всего, что выходило въ Царствѣ Польскомъ.

Личность главнокомандующаго, цесаревича Константина, въ рукахъ котораго намѣстникъ королевства (не Чарторыйскій, котораго желало польское общество, но уже упомянутый ничтожный Зайончекъ) былъ простой игрушкой,—личность цесаревича точно самимъ фатумомъ была избрана для того, чтобы привести молодое королевство къ катастрофѣ. Изъ всѣхъ сыновей императора Павла Константинъ былъ больше всего похожъ на него, съ тѣмъ различіемъ, что дѣйствовалъ сознательнѣе: отъ отца онъ унаслѣдовалъ способность къ переходамъ отъ дикаго бѣшенства къ добродушію, но онъ былъ способенъ издѣваться надъ человѣческой личностью дольше и систематичнѣе. Бывало, призоветъ съ утра жертву своего гнѣва и мучитъ ее до завтрака, а за завтракомъ мило шутитъ съ адъютантомъ, дружно бесѣдуетъ съ женой, княгиней Ловицкой, а потомъ опять возвращается къ прежнему занятію. Большой любитель «выпушекъ, петличекъ», цесаревичъ увлекался каждое утро парадами, на которыхъ маршировка была доведена до балетнаго совершенства, но къ войнѣ онъ чувствовалъ величайшее отвращеніе, и всякое кровопролитіе сильно дѣйствовало на его нервы. Когда императоръ Николай I ввелъ во всей арміи зеленыя панталоны и потребовалъ, чтобы и великій князь Константинъ совершилъ эту «реформу» въ польскомъ войскѣ, тотъ долго

боролся и потомъ, по разсказу Замойскаго, ворчалъ: «я уступилъ ему тронъ; могъ бы онъ мнѣ уступить панталоны». Конечно, къ личности офицера онъ относился съ полнымъ пренебреженіемъ, а, между тѣмъ, ему приходилось имѣть дѣло съ народомъ, въ которомъ рыцарская честь была развита иногда до абсурда. Гоноръ, nie pozwalam,—вотъ что оставила старая сеймиковая Польша своей шляхтѣ, и сколько бѣдъ она ни перенесла послѣ разгрома Рѣчи Посполитой, чувство достоинства шляхта хранила. А теперь приходилось выслушивать публичную грубую брань изъ-за какого нибудь ничтожнаго повода. Къ тому же Константинъ долго не могъ примириться съ конституціонными «свободами» поляковъ, шелъ за указкой такихъ враговъ Польши, какъ Новосильцевъ и извѣстная петербургская партія, возмущался самой идеей отдѣльнаго Царства Польскаго и настаивалъ на простомъ включеніи пріобрѣтенныхъ земель въ границы Русской имперіи. И уже въ 1815 году, когда еще была такъ жива надежда на возсоединеніе Польши съ Литвой, онъ подчеркивалъ во всѣхъ своихъ выступленіяхъ враждебное отношеніе къ этой идеѣ. Своимъ же обращеніемъ съ польской арміей онъ наводилъ просто на мысль, какъ пишетъ Аскеназы (Zukasiński I. 53), что «онъ хочетъ провоцировать не только польское войско, но и всю страну, создать настроеніе и условія, которыя сдѣлаютъ невозможнымъ правильное развитіе русско-польскихъ отношеній съ самаго разсвѣта открывающейся новой эры». Отвѣтомъ на безчисленныя обиды великаго князя было необычайное развитіе самоубійствъ среди польскихъ офицеровъ, которые не находили иного способа возстановить свою честь: за первые четыре года правленія Константина 49 офицеровъ покончили съ собою. Съ другой же стороны, уже въ 1816 году, находятъ признаки конспиративныхъ движеній. Но настроеніе еще сдерживалось надеждой на грядущее возсоединеніе Польши и Литвы. О немъ говорили ораторы и поэты, все общество вѣрило и мечтало.

Соединеніе Польши съ Литвой было съ давнихъ поръ, съ самаго подчиненія Александра, еще въ бытность великимъ княземъ, вліянію Чарторыйскаго, *une idée favorite*. Съ этой «любимой мыслью» Александръ не разстался до конца своихъ дней; для ея осуществленія, особенно въ области военной, онъ и сдѣлалъ кое-что. Но всѣ его шаги въ этомъ направленіи были такъ неопредѣленны, такъ двусмысленны, что, раздражая и волнуя русскихъ націоналистовъ, они не удовлетворяли и поляковъ. Этой приманкой Александръ игралъ съ польскимъ народомъ поистинѣ жестоко, точно съ разсчетомъ затянуть дѣло до самой своей смерти и оставить преемникамъ распутать завязанный имъ узелъ. Какъ въ Италіи Александръ поддерживалъ связи съ партіями народныхъ движеній и независимости, какъ во Франціи его долго считали покровителемъ революціоннаго броженія противъ Бурбоновъ, какъ въ самой Россіи онъ игралъ идеями конституціи,—такъ же точно, съ той же

трагической неуловимостью въ продолженіе всего своего царствованія дразня поляковъ смутнымъ обѣщаніемъ созданія одного государства изъ двухъ частей прежней Рѣчи Посполитой. Но боязнь оппозиціи въ Россіи не позволяла ему идти дальше.

Осенью 1817 года начались выборы въ первый польскій сеймъ, который былъ назначенъ на 27 марта 1818 г. Александръ пріѣхалъ въ Варшаву за нѣсколько дней до этого числа и былъ полонъ благоволенія ко всѣмъ. Цесаревичу онъ сказалъ на одномъ изъ парадовъ, что «весьма желалъ бы, чтобы у него (у императора) въ Петербургѣ и гвардія такъ прошла»: именно такая шагистика считалась тогда лучшимъ обученіемъ войскъ. Въ тронной рѣчи, въ которой онъ хотѣлъ непремѣнно подчеркнуть свою «любимую идею», онъ сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: «Надежды ваши и мои желанія исполняются. Народъ, который вы представлять призваны, наслаждается, наконецъ, собственнымъ бытіемъ, обезпеченнымъ созрѣвшими уже и временемъ освященными установленіями» *). Далѣе онъ указывалъ на историческія основы польской конституціи въ учрежденіяхъ (organisation), относящихся ко временамъ Рѣчи Посполитой. Это слово *organisation* было переведено кн. Вяземскимъ, состоявшимъ при Новосильцевѣ, словомъ *образованіе*, изъ чего русское общество извлекло неправильное пониманіе рѣчи императора. «Образованіе, существовавшее въ вашемъ краѣ, дозволило мнѣ ввести немедленно то, что я вамъ даровалъ, руководствуясь правилами законно-свободныхъ учрежденій, бывшихъ непрестанно предметомъ моихъ помышленій, и которыхъ спасительное вліяніе надѣюсь я, при помощи Божіей, распространить и на всѣ страны, Провидѣніемъ попеченію моему ввѣренныя. Такимъ образомъ вы мнѣ подали средство явить моему отечеству то, что я уже съ давнихъ лѣтъ ему пріуготовляю, и чѣмъ оно воспользуется, когда начала столь важнаго дѣла достигнутъ надлежащей зрѣлости». Въ концѣ была знаменательная фраза, намекающая какъ будто на возможное соединеніе Польши съ Литвой; по крайней мѣрѣ, такъ поняли ее тѣ, кто этого хотѣлъ. «Послѣдствія вашихъ трудовъ въ семъ первомъ собраніи,—говорилъ императоръ,—покажутъ мнѣ, чего отечество должно впредь ожидать отъ вашей преданности къ нему и привязанности вашей ко мнѣ; покажутъ мнѣ, могу-ли, не измѣняя своимъ намѣреніямъ, распространить (étendre, rozszerzyć въ польскомъ переводѣ) то, что мною уже для васъ совершено?»

Эта рѣчь императора составила эру въ русско-польскихъ отношеніяхъ александровскаго времени. Не только М. Ф. Орловъ, но и другіе привлеченные къ слѣдствію по дѣлу декабристовъ высказывались отрицательно о полонофильствѣ императора. Въ своихъ запискахъ Якушкинъ говоритъ слѣдующее: «Въ 17-омъ году была

*) Шильдеръ. «Имп. Александръ Первый». IV. 86 и дал.

напечатана по французски конституція Польши. Въ послѣднихъ пунктахъ этой конституціи было сказано, что никакая земля не могла быть отторгнута отъ Царства Польскаго, но что по усмотрѣнію и волѣ высшей власти могли быть присоединены къ Польшѣ земли, отторгнутыя отъ Россіи, изъ чего слѣдовало заключить, что, по волѣ императора, часть Россіи могла сдѣлаться Польшей. Все это поселяло ненависть къ императору Александру въ людяхъ, готовыхъ жертвовать собой для блага Россіи... Въ концѣ 17 года (на собраніи у А. Муравьева) онъ прочелъ намъ только что полученное письмо отъ Трубецкого, въ которомъ онъ извѣщалъ всѣхъ насъ о петербургскихъ слухахъ: во первыхъ, что царь влюбленъ въ Польшу, и это было всѣмъ извѣстно; на Польшу, которой онъ только что далъ конституцію и которую почиталъ несравненно образованнѣе Россіи, онъ смотрѣлъ, какъ на часть Европы; во вторыхъ, что онъ ненавидитъ Россію, и это было вѣроятно послѣ всѣхъ его дѣйствій въ Россіи съ 15-го года; въ третьихъ, что онъ намѣревается отторгнуть нѣкоторыя земли отъ Россіи и присоединить ихъ къ Польшѣ, и это было вѣроятно»... Тогда и возникла мысль убить императора. «Записка о полковникѣ кн. Трубецкомъ» (у Довнаръ-Запольскаго, стр. 333) сообщаетъ, что «въ 1817 году большая часть членовъ отправилась въ Москву въ отрядѣ гвардейскаго корпуса. Тогда Трубецкой писалъ къ Александру Муравьеву, что государь императоръ намѣревался присоединить къ царству Польскому россійско-польскія провинціи и, зная неудовольствіе, какое произведетъ это въ дворянствѣ, рѣшился уѣхать со всею императорскою фамиліею въ Варшаву». Были однако люди, которые искренно радовались конституціи Польши и негодовали на то, что Александръ вскорѣ «сталъ умалять льготы, данныя Польшѣ» (В. И. Семевскій. Идеи декабристовъ, 193—194). Во всякомъ случаѣ, какъ отмѣчаетъ В. И. Семевскій (тамъ же 262), «польская конституціонная хартія и рѣчь государя на первомъ сеймѣ Царства Польскаго въ 1818 году были крупными козырями въ рукахъ декабристовъ во время слѣдствія», потому что на нихъ они основывали свои стремленія къ государственнымъ преобразованіямъ.

Первый сеймъ стремился показать королю, что онъ исполненъ лояльныхъ чувствъ. Онъ принялъ внесенный правительствомъ законопроектъ объ ипотечномъ правѣ, новый уголовный кодексъ, предложеніе сокращенной процедуры при разграниченіи недвижимыхъ имуществъ. Новый законъ о бракахъ, гражданскихъ, но освященныхъ молитвой ксендза, какъ нѣчто, вообще, съ принципіальной точки зрѣнія незаконченное и неясное, сеймъ отвергъ, но въ такомъ отношеніи къ этому закону онъ проявилъ, скорѣе, лоялизмъ къ церкви, достопочтенный консерватизмъ, а не оппозицію правительству. И, конечно, само правительство не ставило этого шага въ вину сейму. Зато сеймъ старался какъ-нибудь не

обидѣть короля жалобой на ненавистнаго всѣмъ Новосильцева и на самодурства Константина.

Александръ остался доволенъ всѣмъ, даже тѣмъ, что изъ правительственныхъ законопроектовъ одинъ не былъ утвержденъ. «Свободно избранные должны и разсуждать свободно», заявилъ онъ въ своей прощальной рѣчи и прибавилъ: «Я не отступлюсь отъ своихъ намѣреній. Они вамъ извѣстны». Польское общество, естественнымъ образомъ, увидѣло здѣсь намекъ на ту же «любимую идею» императора. «Возможность присоединенія забранныхъ провинцій къ королевству все болѣе утверждается въ его мысляхъ», писалъ Чарторыйскій.

Почему же послѣ этого такъ внезапно и такъ круто измѣнилось настроеніе Александра? Во первыхъ, потому, что неосторожныя слова императора, не связанныя съ дѣйствительно твердымъ намѣреніемъ исполнить полу-обѣщанное, дали поводъ и въ русскомъ, и въ польскомъ обществѣ къ такимъ толкамъ и сужденіямъ, которыя могли только возмущать деспотическую и презирающую людей душу императора, и онъ былъ не прочь сейчасъ же зажать ротъ говорунамъ. Во-вторыхъ, потому что онъ увлекался именно въ 1819 году мечтами о русской конституціи и вырабатывалъ ее въ Варшавѣ при ближайшемъ участіи Новосильцева, который внушилъ подозрительному, а потому и легковѣрному государю, что Польша будетъ помѣхой при введеніи конституціи въ Россіи. «Двѣ конституціи въ одной и той же имперіи излишни и даже вредны». Слѣдовательно, оставалось только уничтожить конституцію Польскаго королевства. Нельзя, конечно, миновать и общаго тяготѣнія Александра къ реакціи, которое тогда переживалъ этотъ удивительный человѣкъ, сочетавшій планы о военныхъ поселеніяхъ съ вольнолюбивыми мечтами о конституціи. Это раздвоеніе личности обнаружилось въ томъ же 1819 году еще ярче: охотно внимая нашептываніямъ Новосильцева о полномъ сліяніи Польши съ Россіей, Александръ I провелъ, однако, нѣсколько реформъ, которыя имѣли въ виду соединеніе Польши съ Литвой какъ разъ въ духѣ возсоединенія территоріи Рѣчи Посполитой. Именнымъ указомъ Сенату въ іюлѣ 1819 г. на губерніи Виленскую, Гродненскую, Минскую, Волынскую, Подольскую и на округъ Бѣлостокскій была распространена военная власть цесаревича Константина. Такимъ образомъ, во всѣхъ важнѣйшихъ случаяхъ всѣ власти, какъ военныя, такъ и гражданскія, новоприсоединенныхъ къ королевству Польскому губерній должны были обращаться не къ императору, но къ великому князю Константину, который, въ силу рескрипта 1812 года, «изображалъ особу императора и облекался властью Его Императорскаго Величества». Въ то же время съ явнымъ нарушеніемъ конституціи вводилась цензура, а цесаревичъ Константинъ и вообще не стѣснялся никакими законами. Такъ, весной 1819 года, недовольный нѣсколькими статьями «Gazety Codziennej», онъ при-

казалъ привести къ себѣ издателей, изругалъ ихъ на чемъ свѣтъ стоитъ и опечаталъ ихъ типографію, на что конституція не давала ему рѣшительно никакого права. Естественно, что въ польскомъ обществѣ, какъ оно ни было запугано терроромъ многихъ минувшихъ лѣтъ, создавалась почва для недовольства и конспирацій.

Въ Польшѣ попытки военныхъ конспирацій восходятъ еще ко временамъ легіоновъ. Онѣ не прекращаются и позже. Среди офицеровъ было много недовольныхъ, жаловавшихся на чрезмѣрную тяжесть службы, на жестокое обращеніе русской власти съ солдатами. Въ воспоминаніяхъ, писанныхъ Лукасинскимъ въ Шлиссельбургской крѣпости, гдѣ онъ провелъ 40 лѣтъ, онъ все еще съ ужасомъ вспоминаетъ: «Сто палокъ за малѣйшую ошибку считалось еще самымъ мелкимъ наказаніемъ; въ припадкѣ гнѣва (Константинъ) увеличивалъ число палокъ до тысячи. Онъ не любилъ проливать кровь, но находилъ особое удовлетвореніе въ мученіи людей. Бывая въ Замостьѣ (гдѣ была военная тюрьма), великій князь Константинъ, расхаживая между заключенными, изъ которыхъ, при своей необыкновенной памяти, онъ зналъ многихъ вмѣстѣ съ ихъ преступленіями, онъ съ особенной радостью издѣвался надъ ними»...

Растерянное и сконфуженное такимъ неожиданнымъ къ себѣ отношеніемъ польское общество не знало, что ему дѣлать, куда обратиться за совѣтомъ. Генералъ Домбровскій, старый соратникъ Костюшки, теперь естественный духовный вождь польскаго народа, подалъ мысль объединенія войска и народа во всѣхъ частяхъ прежней Польши для того, чтобы въ случаѣ надобности «направить всю энергію на помощь нашему монарху, а въ случаѣ, если бы исходъ войны не былъ для него благопріятенъ, отстоять собственную независимость и свободу подчиненія королю, котораго народъ захотѣлъ бы выбрать». Это говорилось въ 1818 году, распространялось конспиративно среди офицеровъ и, несомнѣнно, въ цѣпи событій, приведшихъ къ 1830 году, было однимъ изъ самыхъ важныхъ звеньевъ. Между тѣмъ, польское масонство по разнымъ причинамъ переживало кризисъ. И вотъ у Лукасинскаго, одного изъ скромныхъ офицеровъ Стрѣлковаго полка, человѣка большихъ организаторскихъ способностей и желѣзнаго характера, явилась мысль использовать этотъ кризисъ для національзаціи уже мало кого удовлетворявшаго абстрактнаго и ненароднаго масонства. Загадочныя рѣчи императора Александра на сеймѣ еще болѣе подливали масла въ огонь, заставляя мечтать о народности, о единствѣ Польши и Литвы. Трагедія Фелинскаго «Варвара Радзивиллъ», гдѣ была представлена трогательная любовь польскаго короля къ литовской княжнѣ, ради которой онъ готовъ былъ пожертвовать собой,—эта трагедія, какъ и «Историческія пѣсни» Нѣмцевича, (1817) поддерживала патріотическое и націоналистическое настроеніе въ польскомъ обществѣ.

Wolnomularstwo Narodowe (народное масонство) было основано

Лукасинскимъ весною 1819 года (3 мая, въ памятный для поляковъ день). Среди ритуальныхъ вопросовъ и отвѣтовъ были и такіе: «Какъ велика твоя ложа?—Высокія горы, два большихъ моря и двѣ рѣки служатъ ей границами.—Гдѣ собираются товарищи?—У алтаря Отечества, который наверху поврежденъ, но фундаментъ его стоитъ, и на немъ надпись: *adhuc stat*». Символика этого ритуала ясна. На вопросы и отвѣты предсѣдатель произносилъ слѣдующую формулу: «Сплетемъ узелъ единства и силы, подавъ другъ другу братскія руки въ знакъ взаимнаго обѣщанія, что, если мы не сможемъ возстановить этотъ алтарь во всемъ его блескѣ, мы не дадимъ ему, по крайней мѣрѣ, упасть. Всѣ вмѣстѣ»... Когда спрашивали, въ чемъ должны заключаться свойства мастера, отвѣтъ гласилъ: «Въ самопожертвованіи!» Лукасинскій старался придать задуманному имъ обществу, по крайней мѣрѣ на низшихъ ступеняхъ его, вполнѣ легальный характеръ обычной масонской ложи. Онъ дѣлалъ попытки перенести «Народное масонство» и на Литву, дать ему широкое распространеніе въ арміи, но никогда оно не достигло большого развитія, и число его членовъ въ лучшія времена не превышало сотенъ двухъ. Бóльшее вліяніе, по словамъ проф. Аскеназы (I—250), общество оказывало косвенно, своимъ воздѣйствіемъ на болѣе широкіе классы, на военныя сферы, на чиновничество, на обычное масонство и особенно на молодежь. Но «всѣ преувеличенныя утвержденія о какомъ-то огромномъ развѣтвленіи какъ Народнаго масонства, такъ и позднѣйшаго Патріотическаго Общества, являются или дѣломъ доносительскихъ фантазій Новосильцева и компаніи, или плодомъ партійной фикціи и эмигрантскаго воображенія». Моральная инфильтрація—вотъ въ чемъ заключалось, по мнѣнію этого изслѣдователя, значеніе организаціи Лукасинскаго, въ которую, однако, сразу проникли подозрительные, едва ли не провокаторскіе элементы.

Одновременно съ «Wolnomularstwem Narodowym» стали распространяться студенческія общества, для которыхъ имѣлся образецъ въ студенческихъ Tugendbund'ach сосѣдней Германіи. Въ первый же годъ существованія новоучрежденнаго Варшавскаго университета здѣсь былъ организованъ Мауерсбергеромъ студенческій Союзъ друзей (Panta Koina) *), который первоначально едва ли преслѣдовалъ какую-нибудь политическую цѣль. Уже въ концѣ 1820 года Союзъ фактически пересталъ существовать, давъ, однако, начало родственной организаціи польскихъ студентовъ въ Берлинѣ. Возникли студенческія организаціи филоматовъ, потомъ филаретовъ, и среди виленской молодежи, во главѣ которой стали Миц-

*) Объ этомъ обществѣ см. спеціальную работу Ал. Краусхара. Miscellanea historyczne № 15. Panta Koina (1907), а также исторію Варшавскаго университета (1816—1831), написанную I. Бѣлинскимъ.

кевичъ и Θома Занъ *). Послѣдній извѣстенъ и какъ членъ литовскаго отдѣленія «Народнаго масонства», чѣмъ устанавливается связь между Лукасинскимъ и этимъ кружкомъ виленскаго студенчества. Въ Варшавѣ въ 1818 и 1819 годахъ образовалось, съ разрѣшенія ректора университета, нѣсколько научныхъ кружковъ (Почитатели наукъ, Литературное общество), которые были воодушевлены пламенной любовью къ родинѣ. Но самое существованіе студенческихъ обществъ кололо глаза властямъ, и въ іюнѣ 1819 года они были офиціально закрыты, чѣмъ легальное студенческое движеніе было направлено на путь конспираціи. Конечно, оно и пошло по нему, сначала робко и неувѣренно.

Для борьбы со всякаго рода «крамолой» правительство Царства Польскаго было хорошо вооружено. Цесаревичъ Константинъ питалъ формальное пристрастіе къ тайной полиціи. Уже въ 1813 году, во время военной оккупаціи Варшавы, Ланской завелъ сложный и дорогой аппаратъ тайной полиціи, перлюстраціи писемъ и т. под. Горячее участіе въ организаціи полиціи принялъ и Новосильцевъ, который обратился черезъ Аракчеева къ императору съ докладомъ объ устройствѣ «контрполиціи», такъ сказать тайной полиціи для наблюденія за явной полиціей. Новосильцевъ находился во главѣ комитета высшаго полицейскаго надзора, задачей котораго было производство слѣдствій на основаніи доносовъ. Изъ эпохи до Вѣнскаго конгресса комитетъ перешелъ въ полной силѣ въ Царство Польское **), хотя, разумѣется, конституціонныя гарантіи не допускали этого. Но такъ мало считались съ конституціей, торжественно обѣщанной въ Вѣнѣ, сейчасъ же послѣ ея введенія. И это былъ опять-таки весьма печальный показатель будущаго. Болѣе того: именно теперь число шпіоновъ, которые были названы дипломатически «лазутчиками», дошло до почтенной цифры 20 на Варшаву, 50—100 на воеводства королевства. Цесаревичъ Константинъ оказывалъ слѣпое довѣріе этой полиціи, окружалъ себя ею, возвышалъ ея начальниковъ на выдающіеся административные посты. Главной фигурой въ организаціи этой полиціи былъ помощникъ Новосильцева, генералъ Рожнецкій, циникъ и переметчикъ. Въ 1816 году онъ подалъ императору Александру докладную записку о необходимости учредить въ Польшѣ, съ цѣлью «сохраненія спокойствія, порядка и безопасности во всей странѣ», корпусъ жандармовъ. Въ бытность свою въ Варшавѣ, въ октябрѣ 1816 г. Александръ утвердилъ проектъ Рожнецкаго, и Царство Польское обогатилось новымъ институтомъ жандармовъ, который уже въ слѣдующемъ году императоромъ былъ распространенъ и на всю Россію. Корпусъ жандармовъ состоялъ въ Польшѣ изъ 280 человѣкъ, «добрыхъ нра-

---

*) Объ этомъ подробно въ моей книгѣ „Адамъ Мицкевичъ. Его жизнь и творчество", 2 тома. 1912.

**) См. объ этомъ въ уже цитированной нами книгѣ I. Боясинскаго „Rządy tymczasowe w królestwie Polskiem".

вовъ, умѣющихъ читать и писать, въ возрастѣ отъ 30 до 50 лѣтъ»; главнымъ шефомъ жандармовъ былъ назначенъ самъ Рожнецкій.

Несмотря на такое противуконституціонное поведеніе правительства, это были все-таки лучшіе годы новаго Польскаго королевства. Самоуправленіе является уже само по себѣ такимъ благомъ, что даже въ узкихъ границахъ тогдашней польской конституціи, постоянно нарушаемыхъ деспотическими привычками русской власти, жизнь все-таки начинала складываться и организовываться. Особенно обнаружилось это въ школьномъ дѣлѣ: былъ учрежденъ университетъ, сплотившій вокругъ себя ученыя силы, прежде группировавшіяся около Общества Любителей Наукъ. Въ 1816 году была основана въ Кѣльцахъ Горная академія (szkoła akademiczno-górnicza); въ 1818 г. была открыта спеціальная Лѣсная школа (szkoła leśnictwa); въ 1820—агрономическій институтъ, для котораго былъ предназначенъ цѣлый рядъ фольварковъ. Въ 1817 г. въ университетѣ былъ открытъ спеціальный строительный факультетъ, который выпускалъ инженеровъ. Въ томъ же году были учреждены въ Варшавѣ воскресныя ремесленныя школы. Правда, новѣйшій историкъ всѣхъ этихъ техническихъ учебныхъ заведеній, А. Родкевичъ, отмѣчаетъ малоуспѣшность попытокъ насадить техническое образованіе въ тогдашней Польшѣ *). Но вѣдь дѣло было новое и при дальнѣйшемъ развитіи должно было привести къ хорошимъ результатамъ, тѣмъ болѣе, что промышленность, опиравшаяся на иностранные капиталы, уже пускала все болѣе глубокіе корни въ Польшѣ. Зато въ области народнаго образованія прогрессъ былъ очевиденъ: за два года (1815—1817) число низшихъ школъ возросло почти на 25 процентовъ; было учреждено много среднихъ школъ, кадетскій корпусъ, учительская семинарія и т. п. Дѣлала успѣхи и добывающая промышленность: разрабатывались Олькушскія копи, строились чугуннолитейные заводы, города росли, приводились въ порядокъ, поднималась торговля. Но при всѣхъ усиліяхъ народа поднять свой бытъ, культурное развитіе, матеріальное благосостояніе, препятствія были такъ велики, что Польша шла къ экономическому разоренію, и только позже искусное веденіе дѣлъ министромъ финансовъ, княземъ Любецкимъ, поправило положеніе. Препятствія эти заключались въ т. наз. Петербургской конвенціи (19 дек. 1818 г.) съ Пруссіей, которая обременяла непомѣрно тяжелой пошлиной польскій вывозъ и широко раскрывала двери прусскому ввозу. Проф. С. Смолька (I. 213) называетъ эту конвенцію прямо убійственной для Царства Польскаго и Литвы. Только въ 1825 г. она была замѣнена новымъ тарифнымъ соглашеніемъ, болѣе благопріятнымъ Польшѣ. Другое препятствіе заключалось въ обремененіи бюджета расходами на армію. Это была самая скользкая почва. Вѣдь, если бы

*) A. I. Rodkiewicz. Pierwsza Politechnika Polska (1825—1831). 1904 (Monografie, т. VI).

Польша оказалась матеріально не въ силахъ вынести данную ей конституцію,—какой удобный поводъ представился бы тѣмъ, кто кричалъ объ уничтоженіи ея. Такъ оно и случилось въ дѣйствительности. Военные расходы поглощали около 30 мил. польск. злотыхъ, между тѣмъ какъ весь бюджетъ Королевства достигалъ въ 1817 г. $55^1/_2$ мил., въ 1818 г. 72 мил., въ 1819 г. 74 мил. Такого быстраго скачка финансы Польши не допускали, и въ 1819 г. дефицитъ достигъ огромной суммы—19 съ лишнимъ мил. польск. злотыхъ. Такъ обстояли дѣла въ Польшѣ передъ 1820 годомъ, годомъ политическихъ движеній во всей Европѣ: возстаніе въ Испаніи и Неаполѣ, убійство герцога Беррійскаго во Франціи и Коцебу въ Германіи, съѣзды монарховъ въ Опавѣ, Веронѣ и Люблянѣ и все болѣе мрачная реакція ознаменовали этотъ годъ.

Открытіе сейма въ 1818 году было понято въ Пруссіи, какъ открытіе военныхъ дѣйствій Россіи противъ королевства Гогенцоллерновъ. За два года эти послѣдніе не мало поработали надъ императоромъ Александромъ, и въ 1820 году отношеніе его къ Польшѣ уже не оставляло желать ничего лучшаго, конечно, съ точки зрѣнія *du roi de Prusse.* Въ разговорахъ съ Меттернихомъ Александръ каялся въ своемъ прежнемъ либерализмѣ и увѣрялъ, что онъ уже не тотъ, чѣмъ былъ въ 1813 году. «Въ 1820 году я ни за что не сдѣлаю того, что совершилъ въ 1813». Всюду мерещились ему призраки революціи, и въ самой законной оппозиціи законодательнаго собранія, какимъ былъ польскій сеймъ, онъ, конечно, видѣлъ теперь лишь преступное противодѣйствіе волѣ монарха. «Сатанинскій духъ», господство котораго онъ замѣчалъ повсюду въ Европѣ, пугалъ его и въ Варшавѣ, и при открытіи сейма 1 сентября онъ произнесъ не столько привѣтственную, сколько угрожающую рѣчь о «духѣ зла», который будто бы паритъ надъ частью Европы и уже накопляетъ злодѣянія и готовитъ пагубныя событія. Впрочемъ и въ этой рѣчи промелькнули неясныя, блѣдныя обѣщанія о «цѣли вашихъ и моихъ надеждъ». Сеймъ на этотъ разъ, дѣйствительно, проявилъ «духъ зла», то-есть извѣстную независимость сужденья: онъ отвергъ почти всѣ правительственные законопроекты. Эти послѣдніе, дѣйствительно, мало согласовались съ духомъ конституціи: такъ уголовное судопроизводство исключало судъ присяжныхъ, чрезвычайно ограничивало гласность судебнаго разбирательства и давало слишкомъ большой перевѣсъ прокуратурѣ передъ адвокатурой (Askenazy, Ros. i Pol. 89). Этотъ законопроектъ былъ отвергнутъ большинствомъ 117 голосовъ противъ 3. Уставъ Сената, представленный правительствомъ на утвержденіе Сейма и отвергнутый имъ, ограничивалъ право законодательныхъ палатъ обвинять министровъ въ незаконныхъ дѣйствіяхъ. Оказались приняты, и то послѣ долгихъ преній, лишь два незначительные проекта. Зато сеймъ широко использовалъ принадлежащее ему право петицій, въ которыхъ онъ жаловался на противоконституціонныя дѣйствія пра-

вительства и, съ другой стороны, настаивалъ на скорѣйшемъ проведеніи такихъ щекотливыхъ реформъ, какъ аграрное устройство крестьянъ на государственныхъ земляхъ и т. п. Депутатъ калишскій, Винцентій Немоевскій, стоялъ во главѣ оппозиціи и въ одной изъ рѣчей произнесъ нѣсколько фразъ, лично задѣвшихъ императора. Поэтому, закрывая сеймъ 1 октября, Александръ въ своей тронной рѣчи бросилъ нѣсколько рѣзкихъ упрековъ ему и произнесъ тяжкую угрозу: «вы задержали своимъ поведеніемъ дѣло возстановленія вашей родины. Эта тяжелая отвѣтственность будетъ лежать на васъ». Въ поведеніи палаты императоръ увидѣлъ желаніе resserrer son pouvoir, сузить его власть а этого онъ никакъ не могъ допустить, хотя, казалось бы, уже въ самомъ принципѣ законодательнаго учрежденія заключалось ограниченіе монаршей власти.

Покидалъ Варшаву Александръ въ гнѣвномъ настроеніи. Новосильцовъ совѣтовалъ ему просто уничтожить конституцію, но Каподʼ Истріа, тотъ министръ, противодѣйствія котораго опасался Меттернихъ, сумѣлъ повліять на самолюбіе императора. «Что же мы скажемъ въ Оппау? Какъ провозглашать либеральныя идеи послѣ такого скандала?» Эти вопросы,—такъ сказать, высшія соображенія международнаго характера,—спасли на этотъ разъ конституцію Царства Польскаго. Тѣмъ не менѣе провожавшему его цесаревичу Константину императоръ бросилъ два загадочныхъ слова: «Carte blanche».—«А конституція?» — спросилъ опѣшившій цесаревичъ.—«Конституцію беру на себя».

Такъ закончился первый періодъ «конституціонной» жизни Варшавы. Начались репрессіи и административныя перемѣны. Либеральный министръ народнаго просвѣщенія, авторъ сатиры на обскурантизмъ духовенства, ложноклассикъ и мыслитель въ стилѣ конца 18 вѣка, Станиславъ Потоцкій, получилъ отставку, и на его мѣсто назначенъ всѣми презираемый прихвостень Новосильцева, Грабовскій, который въ обществѣ получилъ названіе «министра затемненія» (minister ociemnienia), названіе, обезпечивавшее ему хорошую карьеру. Очень сдержанный въ отзывахъ о людяхъ графъ Влад. Замойскій ограничивается сухимъ замѣчаніемъ о немъ: «всю жизнь легкомысленный, на видъ ученый, какъ будто и религіозный, но прежде всего—придворный человѣкъ». Новосильцовъ дѣлалъ изъ него, что хотѣлъ.

А чего хотѣлъ въ это время Новосильцевъ? Дождавшись въ маѣ 1821 года возвращенія императора Александра изъ Любляны, онъ подалъ ему рапортъ о положеніи Царства Польскаго и о средствахъ «утвержденія въ немъ на основахъ религіи и нравственности добраго порядка». Новосильцевъ аппелировалъ къ справедливому недовольству императора на безуспѣшность прошлой сессіи сейма, на нѣсколько бурныхъ засѣданій его и оппозицію, «которая, кажется, становится систематической». Въ сущности этотъ рапортъ представлялъ собой искусный доносъ,

способный оказать могущественное дѣйствіе на такого подозрительнаго, безвольнаго, запутавшагося въ себѣ человѣка, какимъ въ эту пору былъ Александръ. Здѣсь шла рѣчь и о тайныхъ обществахъ, которыя «приводятъ въ дѣйствіе» (mettent en action) самыя гибельныя намѣренія, хотя никакихъ серьезныхъ тайныхъ обществъ въ это время, какъ мы видѣли, еще и не было. Большую опасность «доброму порядку» Новосильцевъ находилъ также въ народномъ просвѣщеніи, въ прессѣ, въ сеймикахъ,—во всемъ, въ чемъ проявлялась свободная мысль общества. Нѣтъ сомнѣнія, что Польша, дѣйствительно, переживала эпоху либерализма, «возвратныхъ волнъ» ложноклассическаго либерализма 18 вѣка, какъ выражается одинъ изъ изслѣдователей этой любопытной эпохи *). Но какая опасность грозила отъ этого Польшѣ или Россіи и ихъ соединенію въ одномъ государствѣ?

Въ то время, какъ въ Вильнѣ возникшій въ 1817 году кружокъ ученыхъ и писателей, назвавшій себя въ шутку «Szubrawcy» **) (Плуты), отстаивалъ въ своемъ органѣ «Уличныя Извѣстія» (Wiadomości Brukowe) идеи вѣка просвѣщенія и раціонализма,—въ Варшавѣ прокладывали себѣ дорогу и болѣе радикальныя воззрѣнія. Здѣсь говорилось о томъ, что аристократія «заключаетъ въ себѣ кое-что сходное съ деспотизмомъ, а съ точки зрѣнія общественной приближается къ мракобѣсію». Цѣлая книжка была посвящена проповѣди демократизма и нападкамъ на аристократію, господствомъ которой объяснялось и самое паденіе государства. Въ началѣ Польскаго Царства, то-есть вскорѣ послѣ Вѣнскаго конгресса, въ Польшу постепенно проникаютъ воззрѣнія романтизма.

Въ самомъ обществѣ любителей наукъ, хранителѣ старыхъ литературныхъ традицій, возникаетъ кружокъ людей, которые скрыли свои фамиліи подъ всевдонимомъ X. Это общество иксовъ уже не чуждается и нѣкоторыхъ новшествъ и даже высказывается, правда, довольно робко, въ пользу превосходства Шекспира надъ французскимъ театромъ. Но иксы, тогдашняя родовая и умственная знать Варшавы, уступали скорѣе напору времени, чѣмъ собственному влеченію къ свободной отъ правилъ литературѣ и весьма рѣшительно настаивали на томъ, что обыкновенный писатель, особенно молодежь, не можетъ обойтись безъ «правилъ». Имъ представлялся еще наиболѣе возможнымъ компромиссъ, предложенный Каз. Бродзинскимъ, который признается основателемъ польскаго романтизма, хотя, въ сущности, былъ только проповѣдникомъ народности въ литературѣ.

---

*) Dr. M. Szyjkowski. Génie du Christianisme a prądy umysłowe w Polsce porozbiorowej. Lwów. 1908.

**) См. соч. I. Bieliński, Szubrawcy w Wilnie (1817--1822). Wilno. 1910. Исторіи Общества любителей наукъ посвящено многотомное сочиненіе А. Краусхара, откуда мы черпаемъ свѣдѣнія и объ обществѣ иксовъ.

Сочувствіе, съ какимъ былъ принятъ старыми, авторитетнѣйшими вождями ложноклассицизма этотъ лозунгъ національности въ литературѣ, указывало на глубокое проникновеніе всей польской жизни началами народнаго возрожденія. Въ 1821 году литература уже всецѣло прониклась народностью. Отрицая господство разсудка въ литературѣ и необходимость компромисса въ политикѣ, польскій романтизмъ требовалъ свободы для человѣческой дѣятельности, не стѣсняемой тираннiей условныхъ литературныхъ «правилъ» или гнетомъ внѣшней власти. Такъ какъ эта власть была иноземная, чуждая народу, пришедшая въ страну вмѣстѣ съ завоеваніемъ, то въ борьбѣ за освобожденіе отъ французскаго «классицизма» въ литературѣ и отъ русскаго владычества въ политикѣ романтики стремились опереться на то, что являлось своимъ. Это были народныя массы, и потому польскій романтизмъ вмѣстѣ съ нарушеніемъ ложноклассической формы боролся и съ аристократическими стремленіями, и съ политикой компромисса «во чтобы то ни стало», выгоднаго лишь для той же аристократической партіи. Онъ несъ съ собой демократизмъ, который выступаетъ такъ ярко уже въ статьяхъ Бродзинскаго, въ первомъ сборникѣ стиховъ Мицкевича. Въ «Балладахъ и романсахъ» его, вышедшихъ весной 1822 года, провозглашалось первенство чувства надъ разумомъ. Высокія цѣли ставились передъ народомъ, какъ идеалъ, къ которому онъ долженъ «примѣрять свои силы». Это были революціонные лозунги, отрицавшіе примиреніе съ дѣйствительностью; это были симптомы броженія, которое охватило молодежь. И было естественно, что старшее поколѣніе испугалось поэзіи Мицкевича и увидѣло въ ней опасность для всего того, чего оно сумѣло добиться для своего народа. 1822 годъ—время перелома въ исторіи короткаго существованія Царства Польскаго (1815—1830). Созрѣвало поколѣніе, которое создало возстаніе 1830 года, и оно уже начинало проявлять себя.

Въ связи съ этимъ складывались настроенія и среди профессіональныхъ политиковъ. Было ясно, что русская власть, инспирируемая Новосильцевымъ, замышляетъ отнять у Польши конституцію. Но для этого нуженъ былъ предлогъ. 25 мая 1821 г. императоръ обращается черезъ статсъ-секретаря Соболевскаго къ административному совѣту королевства съ вопросомъ: «Можетъ ли королевство Польское при теперешней своей организаціи вести собственными средствами политическое и гражданское существованіе, которое оно получило, или оно должно, признавъ свою несостоятельность, подчиниться введенію такого строя, который болѣе соотвѣтствуетъ его силамъ и размѣрамъ»? Никто не могъ сомнѣваться, что въ этомъ вопросѣ заключается серьезнѣйшая угроза конституціи 1815 года. Но Новосильцевъ былъ имъ недоволенъ: это былъ, по его мнѣнію, un faux pas, такъ какъ слишкомъ рано открывалъ карты (S. Smołka. Polityka Lubeckiego I, 109). Самъ

Новосильцевъ хлопоталъ о двухмилліонномъ пособіи отъ русской казны, изъ котораго нѣкоторая часть могла прилипнуть къ его рукамъ, какъ прилипало весьма многое.

Въ такихъ условіяхъ министромъ финансовъ былъ назначенъ въ 1821 году кн. Любецкій. Едва ли въ исторіи часто встрѣчаются такія обращенія ко всѣмъ жителямъ страны, съ какимъ обратился министръ финансовъ въ октябрѣ 1821 г. къ населенію Польши. «Горячо желая избѣгнуть вредныхъ явленій, которыя могли бы имѣть для всей страны тягчайшія послѣдствія», онъ просилъ согражданъ проявить благородство, достойное свободныхъ людей, и внести добровольно и въ скорѣйшій срокъ все то, что они обязаны дать государству къ 1 января слѣдующаго года. Намеки, заключавшіеся въ этомъ обращеніи, были очень ясны. Положеніе страны было дѣйствительно трагическое. Королевство находилось въ положеніи человѣка, который долженъ во чтобы то ни стало добыть денегъ на какихъ угодно условіяхъ. Любецкому удалось получить отъ варшавскихъ банковъ 500 тыс. пол. зл. Черезъ мѣсяцъ капиталистъ Берекъ Шмуль согласился дать еще 500 тыс. Явились и другія предложенія; октябрьское обращеніе также принесло свои результаты, и для устройства финансовъ, которымъ Польша была обязана финансовому искусству кн. Любецкаго, явилось твердое основаніе.

Но угроза Александра помнилась обществомъ и вызывала живую патріотическую тревогу. Не прекращались и конспираціи. Послѣ неудачи народнаго масонства, въ маѣ 1821 года, возникло, по инцiативѣ того же Лукасинскаго, патріотическое общество, которое было организовано строго конспиративно. Уставъ его былъ выработанъ въ іюнѣ того же года, уже послѣ запроса Александра. Цѣль общества, какъ она рисовалась Лукасинскому, заключалась въ двухъ кардинальныхъ пунктахъ, которые волновали все польское общество: въ объединеніи королевства Польскаго съ Литвой (и Познанью) и въ спасеніи конституціи. Такъ консерваторы и лоялисты (Любецкій и правительство) сходились въ общемъ стремленіи съ революціонерами.

При такихъ условіяхъ предстояло открыть сеймъ 1822 года. Предзнаменованія были самыя злыя. Въ январѣ 1822 г. на мѣсто умершаго предсѣдателя сената, либеральнаго и стойкаго Станислава Потоцкаго, былъ назначенъ Станиславъ Замойскій, родственникъ Адама Чарторыйскаго. Это былъ человѣкъ недурной, но консерваторъ до мозга костей, не обладавшій широкимъ политическимъ кругозоромъ и готовый идти на помогахъ у петербургской власти. Онъ могъ быть только орудіемъ въ чужихъ рукахъ, а ему приходилось брать на себя чрезвычайно трудныя и отвѣтственныя обязанности. Въ тотъ же самый мѣсяцъ, когда состоялось это назначеніе, правительство совершило вопіющее нарушеніе конституціи: по приказанію намѣстника Зайончка, были арестованы уже отпечатанные листы сеймовыхъ протоколовъ и

прекращено печатаніе дальнѣйшихъ. Александра засыпали доносами на польскіе заговоры и планы возстанія, которыхъ, какъ мы знаемъ теперь достовѣрно, не было. Императоръ придавалъ такое значеніе этимъ анонимнымъ доносамъ, что хранилъ ихъ до самой смерти въ своемъ кабинетѣ среди самыхъ важныхъ бумагъ.

Въ скоромъ времени предстояло открытіе слѣдующаго очередного сейма. Уже дѣлались приготовленія къ предвыборной кампаніи. Правительство не желало ни въ какомъ случаѣ допустить оппозицію: Александръ лично вычеркнулъ изъ списка избирателей Калишскаго депутата Немоевскаго; за самый выборъ этого послѣдняго на предшествующій сеймъ калишскій воеводскій совѣтъ (Rada wojewódzka kaliska) былъ распущенъ королевскимъ декретомъ на неограниченное время. Вмѣсто Соболевскаго министромъ статсъ-секретаремъ былъ назначенъ Стефанъ Грабовскій, который былъ, еще больше, чѣмъ Замойскій, человѣкомъ нестойкимъ и неспособнымъ стоять за права народа.

Въ августѣ 1822 года въ Варшавѣ остановился на недѣлю по дорогѣ на Веронскій конгрессъ императоръ Александръ. Чарторыйскому писали объ этомъ пребываніи слѣдующее: «Его Величество былъ какъ-то холоденъ со всѣми и даже, когда хвалилъ насъ, военныхъ, казалось, произносилъ лестныя слова скорѣе по привычкѣ, чѣмъ вслѣдствіе дѣйствительнаго удовольствія. Если съ каждымъ своимъ пріѣздомъ къ намъ Его Величество будетъ такъ остывать по отношенію къ намъ, то вѣроятно, его проектъ соединенія нашихъ земляковъ (то-есть, Литвы) съ нами совсѣмъ заледенѣетъ. Онъ не принялъ ни бала, никакихъ другихъ развлеченій. Между нами, военными, не роздалъ никакихъ орденовъ».

Если императоръ ограничился тѣмъ, что проявилъ очевидную немилость къ народу, противъ котораго его такъ искусно и упорно наущали Новосильцевъ и петербургская придворная камарилья, то про цесаревича Константина нечего и говорить. Владиславъ Замойскій въ своихъ мемуарахъ сохранилъ любопытныя черты того настроенія, въ которомъ жила тогдашняя Польша. «Весь край,—говоритъ онъ,—пребывалъ въ постоянной тревогѣ, а великій князь видѣлъ въ этой тревогѣ доказательство своей силы.—Я не хочу, чтобы меня любили, увѣрялъ онъ, но хочу, чтобы всѣ передо мной трепетали.—И онъ тѣмъ смѣлѣе поддерживалъ въ Польшѣ такую тревогу, что полагался на польскій характеръ и чувствовалъ себя въ безопасности, зная, что поляки не такъ скоры, какъ русскіе (Moskale), на месть и убійства. Такое управленіе было для Варшавы печальной новинкой. Характерною чертою Варшавы служили веселость и свобода; даже потеря независимости не истребила ея. Напротивъ, такъ называемыя прусскія времена оставили по себѣ память распущенной веселости. Въ эпоху французскую, когда была надежда на возрожденіе страны, все казалось милымъ: король Саксонскій былъ любимъ и уважаемъ, а надъ войскомъ,

которое представляло какъ бы самую соль народа, стоялъ всѣми любимый Князь Іосифъ (Понятовскій)». Теперь пришлось переживать иныя времена: правительственный терроръ проникалъ повсюду. «Великій князь любилъ слѣдить,—говоритъ тотъ же Замойскій,—за дѣйствіями не только тѣхъ, кто казался ему подозрительнымъ, но слѣдилъ за будничной жизнью самыхъ благонадежныхъ людей и хвалился тѣмъ, что зналъ о томъ, что говорится и дѣлается въ салонахъ и въ семейномъ кругу. Нерѣдко это вызывало преслѣдованіе невинныхъ, строгія наказанія за поступки, которыми именно вслѣдствіе этого народъ начиналъ восхищаться, хотя эти поступки далеко не всегда были доблестны, а иногда и противорѣчили существующимъ законамъ». Такъ говоритъ лояльнѣйшій изъ лояльныхъ, адъютантъ великаго князя Константина, умѣвшій найти и въ немъ, и въ его нелѣпой строгости положительныя стороны. Что же должна была чувствовать масса?

1822 годъ—роковой годъ царствованія Александра. Въ этомъ году онъ оформилъ отреченіе Константина отъ престола въ пользу младшаго брата, Николая, запретилъ всякія тайныя общества, въ томъ числѣ и масонскія, и на Веронскомъ конгрессѣ одобрилъ австрійскія репрессіи въ королевствѣ Ломбардскомъ. Польской конституціи онъ пока не уничтожилъ, но сейма въ этомъ году такъ и не собралъ. Когда въ 1823 году Чарторыйскій послѣдній разъ въ жизни бесѣдовалъ съ Александромъ, онъ формулировалъ въ смѣлыхъ словахъ настроеніе всего края, вызванное тяжелыми разочарованіями прошлыхъ лѣтъ. «Вся страна чувствуетъ, что вы уже больше не желаете ей добра, и край уже не полагается больше на чувства Вашего Величества. Страна опасается, что будетъ уничтожено все, что вы ей дали, и въ уже совершенныхъ насиліяхъ находитъ подтвержденіе своихъ опасеній относительно будущаго».

Такъ неспособность императора хранить свое слово, его двуличная игра въ конституцію вели Польшу къ роковому шагу 1830 года.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ПО АМНИСТІИ.

(Изъ прошлаго).

Насталъ октябрь.

У насъ были очень смутныя представленія о томъ, что дѣлается за кирпичной стѣной, окружавшей мѣсто нашихъ прогулокъ. За послѣднее время обычныя строгости усилились, и о газетахъ нечего было и мечтать.

По вечерамъ, приложивъ ухо къ дверному „волчку", мы силились уловить обрывки разговоровъ корридорныхъ надзирателей, которые то и дѣло сворачивали на „политическія" темы. Иногда кто-нибудь изъ уголовныхъ, убирая парашу или подавая миску съ супомъ, успѣвалъ шепнуть самую свѣжую новость.

— Поѣзда-то у насъ третій день не ходятъ. Забастовали.

Или:

— Демонстраціи-то какія вездѣ! У-ухъ...

Одинъ разъ ходилъ по политическимъ одиночкамъ начальникъ тюрьмы, статскій совѣтникъ, создавшій у насъ режимъ, который прославился на весь югъ. Видъ у него былъ сверхштатно торжественный, а голосъ—кроткій.

Онъ учтиво раскланивался и въ каждой камерѣ говорилъ одно и то же.

— Помолитесь Богу. По его милосердію, можетъ быть, и ваши грѣхи простятся.

А мнѣ, какъ закоренѣлому злодѣю, прибавилъ еще:

— Даже и вы можете надѣяться на пріятную неожиданность.

Я сидѣлъ подъ слѣдствіемъ уже около года. Другіе приходили и освобождались, а я все не покидалъ своей насиженной одиночки и не собирался еще судиться.

Послѣ ухода начальника началась у насъ оживленная переписка. Народъ у насъ все былъ юный и неопытный, и ко мнѣ, какъ къ единственному „нелегалу" и мужу искушенному, посыпались запросы:

— Возможно ли?

Тюремный докторъ обѣщалъ амнистію еще на Пасхѣ, когда я ходилъ къ нему жаловаться на боль въ груди и кровохарканье. Поэтому я нѣкоторое время подумалъ и опредѣлилъ:

— Врутъ.

Дня черезъ два послѣ визита статскаго совѣтника я безмятежно гулялъ по двору со своимъ компаньономъ, бывшимъ сельскимъ учителемъ, котораго присоединили ко мнѣ по особой милости и въ уваженіе къ моему разстроенному здоровью.

Учитель былъ защитникомъ трудового крестьянства, а я считалъ себя представителемъ сознательнаго пролетаріата, и, поэтому, въ первые дни совмѣстныхъ прогулокъ мы перепортили себѣ много крови. Затѣмъ учитель заявилъ мнѣ, что его не переубѣдишь, потому что онъ сердцемъ чувствуетъ истину, и мы порѣшили, въ концѣ концовъ, программныхъ вопросовъ не касаться. А такъ какъ вся тюремная политика, безъ достаточнаго питанія извнѣ, заключается только въ программахъ, то наши бесѣды приняли весьма обывательскій характеръ.

И вотъ, шагали мы съ учителемъ по заплеванному дворику, смотрѣли на бѣгавшихъ по тюремной крышѣ голубей и рѣшали вопросъ, возможно ли голубей отнести къ числу домашнихъ птицъ, или нельзя. Вопросъ почти уже былъ рѣшенъ отрицательно, когда въ узенькомъ переулкѣ, ведущемъ на передній дворъ, показалась знакомая фигурка конторскаго вѣстового, въ штанахъ на выпускъ и мундирѣ безъ пояса. Вѣстовой поманилъ насъ пальцемъ и объяснилъ:

— Пожалуйте въ контору.

Пошли. Дорогой учитель поинтересовался, которое сегодня число. Оказалось—двадцатое.

— Должно быть, расписываться въ полученіи кормовыхъ,—сообразилъ тогда учитель.—Только зачѣмъ же такъ рано?

На переднемъ дворѣ насъ встрѣтилъ завѣдующій политическими помощникъ, по прозвищу Банный Листъ.

Въ рукѣ у него были какія-то бумаги.

— Ну-съ, господа, идите въ камеры. Тамъ ваши вещи собираютъ. Присмотрите, чтобы чего-нибудь не осталось.

Слѣдовало бы, конечно, спросить помощника о причинѣ такого рѣшенія, но мы, по правдѣ говоря, пошли прямо въ камеры и довольно скорымъ шагомъ.

Были открыты только двѣ одиночки: моя и учителя. Значитъ, освобождали или, можетъ быть, перевозили куда-ни-

будь только насъ двоихъ. Шагая по корридору со свернутой постелью въ одной рукѣ и чайникомъ въ другой, я сообщилъ остающимся:

— Товарищи! Меня со Скуратовымъ уводятъ.

Нашъ одиночный корпусъ былъ построенъ по такъ называемой новой системѣ, то есть въ верхнемъ этажѣ вмѣсто корридора шла толька узкая желѣзная галлерея вокругъ всѣхъ дверей одиночекъ. Резонансъ въ двухъ-ярусномъ корридорѣ былъ прекрасный и поэтому я надѣялся быть услышаннымъ.

— Куда?—спросилъ чей-то волчекъ въ отвѣтъ на мой кличъ.

— Не знаю!—Я развелъ руками и уронилъ подушку.

Въ конторѣ были въ сборѣ всѣ помощники, а самъ начальникъ присутствовалъ если не тѣломъ, то духомъ, потому что говорилъ въ эту минуту изъ города по телефону съ однимъ изъ помощниковъ.

Помощникъ отвѣтилъ „слушаю-съ!“, раскланялся передъ телефономъ, повѣсилъ трубку и обратился къ намъ:

— Присядьте, господа... Хотите покурить?.. Безкозырный, выдай имъ деньги и цѣнныя вещи подъ расписку.

Писарь Безкозырный принялся рыться въ реестрахъ, а политическій помощникъ погрузился въ чтеніе тѣхъ самыхъ бумагъ, которыя онъ держалъ въ рукѣ, когда мы встрѣтились съ нимъ на переднемъ дворѣ.

Я почувствовалъ себя нѣсколько обиженнымъ.

Теперь, все-таки, время либеральное. А въ либеральныя времена полагается предупредить человѣка прежде, чѣмъ вздумаютъ съ нимъ что-нибудь сдѣлать. Я оторвалъ помощника отъ его занятія и попросилъ объяснить мнѣ положеніе дѣлъ.

Помощникъ недоумѣвающе поднялъ брови.

— Да развѣ вы не видите? Освобождаетесь, конечно.

— А почему?

— Ну... По предписанію, конечно. Не могу же я васъ своей властью освобождать. Приказано—и освобождаемъ.

— Позвольте... Мнѣ интересно было бы узнать это нѣсколько подробнѣе. Вы войдите въ мое положеніе: сидѣлъ человѣкъ цѣлый годъ, ждалъ карающаго правосудія и соотвѣтственно настроился,—и вдругъ ему просто на просто говорятъ: ступай.

Помощникъ укоризненно покачалъ головой.

— И какой вы, въ самомъ дѣлѣ... Я, вотъ, если бы сидѣлъ въ тюрьмѣ на вашемъ мѣстѣ, и если бы мнѣ сказали, что я свободенъ, такъ я поскорѣе подобралъ бы ноги, да бѣгомъ... бѣгомъ...

Я все-таки не былъ удовлетворенъ, но въ это время Безкозырный принесъ мнѣ часы, кошелекъ и перочинный ножикъ, а затѣмъ дверь открылась, и въ контору, сопровождаемые старшимъ надзирателемъ, явились еще двое моихъ товарищей по заключенію. Одного я зналъ въ лицо, а другой былъ привезенъ сравнительно недавно, сидѣлъ все время въ нижнемъ корридорѣ, далеко отъ моей одиночки, и былъ мнѣ совсѣмъ незнакомъ.

— Такъ и вы тоже?—изумился учитель.

Новоприбывшіе объяснили, что ихъ тоже освобождаютъ, и что, кажется, въ контору ведутъ еще двоихъ.

Тогда я рѣшилъ повести дѣло на чистоту и подступилъ къ помощнику.

— Скажите, это—амнистія?

— Ахъ, какой же вы?—нѣсколько огорчился помощникъ.— Вѣдь, сказалъ же я вамъ, что это по предписанію.

— Откуда предписаніе?

— Вотъ оно. Смотрите сами, если хотите. Изъ судебной палаты.

Я посмотрѣлъ поданную мнѣ бумагу съ бланкомъ предсѣдателя. Тамъ очень коротко и опредѣленно переименовывались шесть нашихъ фамилій съ предписаніемъ: „освободить“. Но насъ сидѣло не шесть, а человѣкъ двѣнадцать. Амнистія выходила какъ будто очень даже частичная.

Мы вчетверомъ устроили въ углу конторы совѣтъ и постановили: частичной амнистіи не принимать и изъ тюрьмы по собственной волѣ не уходить.

Помощникъ совсѣмъ огорчился.

— Позвольте, господа! Да вѣдь васъ же выпускаютъ! Мы не имѣемъ права васъ держать больше.

— А мы не пойдемъ.

— Но тогда васъ выведутъ.

— А мы вернемся.

Помощникъ побѣжалъ къ телефону, а мы начали, не спѣша, обмѣниваться впечатлѣніями. Незнакомый мнѣ товарищъ, оказалось, располагалъ кое-какими свѣдѣніями съ воли, потому что ѣздилъ на-дняхъ на допросъ въ жандармское управленіе. Тамъ вахмистръ разсказалъ ему, что старому строю—крышка, и что не сегодня-завтра выйдетъ манифестъ со всякими свободами. Разсказалъ еще, что въ городѣ, во время забастовки, была большая демонстрація. А въ Петербургѣ, будто бы, кромѣ настоящаго правительства засѣдаетъ еще и другое—наше.

Вообще, новостей оказалось много,—и все самыхъ головокружительныхъ. А помощникъ принесъ отъ телефона еще одну.

— Сейчасъ пришлютъ изъ суда офиціальную бумагу, которая докажетъ вамъ, что подлежатъ ссвобожденію всѣ содержащіеся. Тогда-то ужъ вы, я думаю, уйдете?

— Если бумага достаточно опредѣленно составлена— уйдемъ.

Старшій надзиратель привелъ еще двоихъ: старика-крестьянина, обвинявшагося въ распространеніи прокламацій, и грека, матроса, уже обвиненнаго въ томъ же и теперь „отсиживавшаго срокъ". Они оба знали о существующемъ положеніи меньше всѣхъ насъ, но мы ввели ихъ въ курсъ дѣлъ, и они присоединились къ нашему рѣшенію, старикъ— спокойно, а матросъ—не безъ нѣкотораго колебанія.

Незнакомый мнѣ товарищъ оказался рабочимъ, взятымъ на демонстраціи со знаменемъ.

Мы сидѣли, курили и терпѣливо ждали. Къ терпѣнію пріучила тюрьма. Грекъ, впрочемъ, часто вздыхалъ, а учитель Скуратовъ грызъ ногти и плевался. Помощникъ, повидимому, тоже хотѣлъ отъ насъ избавиться какъ можно скорѣе и то и дѣло подходилъ къ телефону.

Пріѣхалъ, наконецъ, посыльный изъ суда и привезъ бумагу. Помощникъ сначала записалъ ее во входящія, а затѣмъ передалъ намъ на разсмотрѣніе. Бумага объясняла, что всѣ числящіеся за судебной палатой и мѣстнымъ жандармскимъ управленіемъ освобождаются немедленно, а числящіеся за иногородними жандармами будутъ освобождены по полученіи необходимыхъ справокъ, но не позже завтрашняго дня.

Прочли бумагу, посмотрѣли подписи и признали инцидентъ исчерпаннымъ.

— Итакъ, мы свободны?—спросилъ я для большей увѣренности.

Помощникъ утвердительно кивнулъ головой.

— Разумѣется. Но только, знаете, мы должны всѣхъ васъ отправить теперь въ полицейское управленіе. Такой ужъ у насъ порядокъ. Всѣ, кто освобождается—идутъ черезъ полицейское управленіе.

Это намъ не понравилось. Знаемъ мы, что это такое полицейское управленіе. Попасть-то туда легко, а выйти... Мы начали дѣйствовать убѣжденіями.

Освобожденіе по амнистіи—это совсѣмъ не то, что освобожденіе такъ, по какому-нибудь пункту законовъ. Если мы освобождаемся по амнистіи, то между тюрьмой и свободой не должно быть никакихъ передаточныхъ пунктовъ.

Помощникъ признавалъ силу нашихъ аргументовъ, но оставался непреклоннымъ.

— Отъ меня, господа, ничего не зависитъ. Я на все го-

товъ. Но не могу же я дѣйствовать противъ закона, пока онъ еще не отмѣненъ!

Мы долго и энергично протестовали, но, въ концѣ концовъ, примирились съ фактомъ. Въ сущности это не такъ уже трудно—прогуляться въ послѣдній разъ туда, гдѣ есть камеры съ клопами.

Вызвали нашъ конвой—шесть солдатъ со старшимъ и передали насъ ему съ рукъ на руки, какъ самыхъ обыкновенныхъ арестантовъ. Но мы знали, что мы, въ сущности, уже свободные граждане и, проходя подъ низкими тюремными воротами, чувствовали себя очень недурно. Штыки провожатыхъ насъ не смущали. Къ такимъ мелочамъ легко привыкаешь.

Помощники на прощаніе сдѣлали намъ подъ козырекъ, а старшій пожелалъ счастливаго пути. Простились, однимъ словомъ, не безъ нѣкоторой сердечности, а потомъ дружно зашагали по глинистой, кочковатой дорогѣ среди пожелтѣвшихъ виноградниковъ. Шли мы налегкѣ: по общему согласію пожитки наши рѣшено было оставить въ конторѣ, съ тѣмъ, чтобы кто-нибудь изъ насъ пріѣхалъ потомъ за ними на извощикѣ.

Былъ третій часъ дня. Погода ясная, теплая. Далеко-далеко на горизонтѣ синѣли горы, казавшіяся такими соблазнительными изъ окна одиночной.

Солдаты провели насъ съ четверть версты по всѣмъ правиламъ конвойной службы, но, когда тюрьма скрылась за поворотомъ дороги, потеряли равненіе и, смѣшавшись съ нами, пошли просто толпой. Очевидно, они тоже знали уже, что мы—люди свободные, и что побѣга опасаться нечего.

Оказалось, кромѣ того, что мѣстный батальонъ, къ которому принадлежали наши провожатые, несъ теперь въ городѣ, въ виду революціоннаго времени, караульную службу.

— Минуты покою нѣтъ! — жаловался старшой. — Васъ вотъ приведемъ теперь—и въ казарму, а изъ казармы сейчасъ опять ужъ и погонятъ на Красную улицу. Три ночи не спали. Вотъ какія дѣла! И главная вещь—безпорядку никакого въ городѣ нѣтъ. Ну, ходятъ тамъ съ флагами, ораторы говорятъ — все тихо и мирно. А мы стоимъ, какъ столбы, на всѣхъ перекресткахъ.

— Вчера былъ безпорядокъ, такъ мы не ходили!—поправилъ другой солдатъ.

— И вѣрно. Какъ безпорядокъ—такъ насъ сейчасъ въ казармы, а на улицу—казаковъ. Вчера хулиганы такой погромъ учинили... Трехъ человѣкъ соціалистовъ убили, доктора Быстрова домъ сожгли. Большущій двухэтажный домъ былъ.

Это было для насъ уже совсѣмъ новостью. Изъ области освободительнаго движенія мы знали пока одни только плюсы, и это былъ первый минусъ. Въ городѣ происходило что-то болѣе сложное, чѣмъ это намъ показалось подъ свѣжими впечатлѣніями „амнистіи“. Мы засыпали солдатъ вопросами и, въ концѣ концовъ, нѣсколько выяснили положеніе.

Оказалось, что, кромѣ революціонеровъ, въ городѣ не безъ успѣха орудуетъ и черная сотня. Численностью она ничтожна, но зато съ нею—полиція и казаки.

— Ну, а вы съ кѣмъ?—спросилъ я старшого.

Старшой перекинулъ винтовку на другое плечо и, послѣ длинной паузы, отвѣтилъ:

— Мы сами по себѣ... Пока что... А только народъ у насъ недоволенъ. Даже обѣдъ на посты не развозятъ. Такъ цѣлый день и стоишь голодомъ.

За разговорами время шло быстро, но дорога до города была длинная, а передъ городомъ предстояло еще пройти изъ конца въ конецъ улицу предмѣстья. Предмѣстье было населено, по преимуществу, торгующими мѣщанами, и еще въ то время, когда я былъ на волѣ и пріѣхалъ въ этотъ городъ работать, отличалось своимъ черносотеннымъ направленіемъ.

Улица была пустынна. Только ребятишки возились въ дорожной пыли, да кое-гдѣ таскали ведрами воду изъ колодцевъ.

— Въ городъ пошли!—сообразилъ старшой.— Сегодня лавки громить собираются.

— Да вѣдь евреевъ нѣтъ здѣсь?—удивился кто-то изъ нашихъ.

— Ничего, и православныхъ пощупаютъ. А не то за армянъ возьмутся.

— Армянъ не тронутъ!—отрицательно покачалъ головой другой солдатъ.—У нихъ оружія много.

Между предмѣстьемъ и городомъ дорога шла по узкой дамбѣ, насыпанной черезъ заросшее высокими камышами болото. У корня этой дамбы мы сдѣлали привалъ. Одинъ изъ солдатъ оставилъ свою винтовку и рысью побѣжалъ за водкой, а всѣ остальные присѣли на краю дороги.

— Что же это мы, товарищи?—спохватился вдругъ нашъ рабочій.—Идемъ на волю и даже... даже не спѣли ничего... Словно насъ на убой гонятъ!

Рѣшили спѣть. Кое-кто изъ солдатъ хотѣлъ было протестовать, но скоро примирились. Все равно здѣсь никто не услышитъ. Другіе даже подтягивали.

— Вотъ она—матушка революція-то!—пришелъ въ восторгъ рабочій.

Вернулся бѣгавшій за водкой солдатикъ, принесъ бутылку съ красной головкой и три огурца на закуску. Конвойные выпили сами, угостили и насъ, потомъ тронулись дальше.

У меня былъ какой-то сумбуръ въ головѣ. Свобода, погромы, солдаты, подтягивающіе пѣнію. Все это не хотѣло мирно укладываться въ мозгу. А тутъ еще теплый осенній день, солнечные лучи въ глубинѣ зеленыхъ водъ, и тихій шелестъ пожелтѣвшихъ камышей послѣ полумрака каменнаго гроба—одиночки.

Въ концѣ концовъ, я не былъ даже еще вполнѣ убѣжденъ, что мнѣ удастся освободиться сегодня. Арестовали меня съ фальшивымъ паспортомъ. У полиціи, стало быть, есть прекрасный предлогъ задержать.

Зато нашъ старикъ былъ вполнѣ доволенъ.

— Дожилъ, голубчики, и я на старости лѣтъ. Изъ полиціи такъ прямо къ сыновьямъ въ деревню и поѣду. Нечего мнѣ больше въ городѣ околачиваться. Теперь дѣло деревенское пойдетъ.

— Земля, главное дѣло!—рѣшилъ одинъ изъ солдатъ, до сихъ поръ раскрывшій ротъ только для того, чтобы протестовать противъ пѣнія марсельезы.—У насъ, считай, полдесятины песку на душу. А кругомъ—господа живутъ.

— А мы ихъ уберемъ—господъ-то!—успокоилъ его старикъ.—Мужичье царство пришло.

Вотъ, наконецъ, и городъ. Теперь уже и до полицейскаго управленія было совсѣмъ близко. Солдаты немного подтянулись.

На перекресткѣ встрѣтился товарищъ и, замѣтивъ наше шествіе, подбросилъ шляпу.

— Поздравляю, товарищи! Завтра на митингѣ увидимся.

— Куда вы бѣжите такъ?

— На заводъ. У насъ всѣ маслобойни бастуютъ: требуютъ восьмичасового... А вы въ городѣ поосторожнѣе: бьютъ.

— Какъ бьютъ?

— Да такъ. Шпики указываютъ, а черносотенцы бьютъ. Вчера трехъ убили, а сегодня уже четверо ранено.

— А что же наши-то смотрятъ?

Товарищъ развелъ руками.

— Ничего не подѣлаешь. Тутъ теперь такая работа... Да и оружія мало. Вотъ армянъ сегодня позвали въ оборону... До свиданья!

Въ пятомъ часу достигли, наконецъ, цѣли нашего ше-

ствія. Дежурный городовой пропустилъ насъ въ калитку и крикнулъ кому-то во дворѣ:

— Авиловъ, принимай!

Подошелъ Авиловъ, взялъ у старшого бумагу.

— Кто такіе? Почему?

— А это уже насъ не касательно. Расписывайся, старая селедка. Мы еще сегодня не обѣдали. Въ казармы пора.

Авиловъ молча указалъ пальцемъ на сводчатую дверь, которая вела въ подвалъ. Мы знали уже по собственному опыту, что за этой дверью находятся тѣ самыя клоповныя камеры, которыя оставили у каждаго изъ насъ такое непріятное воспоминаніе, и поэтому шумно запротестовали.

— Что такое?—окончательно изумился Авиловъ.—По какому такому правилу не идти въ камеры, разъ ежели васъ привели съ конвоемъ?

— Потому что мы уже не арестанты. Мы—свободные граждане.

— Они на освобожденіе,—пояснилъ старшой.—Читай бумагу-то...

— Чортъ ихъ знаетъ, что за времена пришли!—огорчился Авиловъ.—Погодите, сейчасъ пристава позову.

Пристава мы прождали долго, минутъ пятнадцать. Солдаты ворчали, мы тоже начали приходить въ скверное настроеніе.

По небу тянулись густые клубы дыма. Гдѣ-то былъ пожаръ.

— Не иначе, какъ опять кого-нибудь жгутъ!—рѣшилъ старшой.

Явился, наконецъ, въ сопровожденіи Авилова, приставъ и посмотрѣлъ на насъ съ такимъ недоумѣніемъ, какъ будто мы не изъ тюрьмы пришли, а съ неба свалились.

— Васъ всѣхъ освобождаютъ?

— Какъ видите.

— Очень пріятно слышать. Только ужъ вы, господа, зайдите все-таки въ камеру, пока полиціймейстеръ пріѣдетъ. Мы васъ и запирать не будемъ, а все-таки зайдите.

— Да неужели нѣтъ у васъ другого помѣщенія для того, чтобы обождать?

— Насъ то отпустите, пожалуйста!—взмолился старшой.

— До сей поры не обѣдали.

— Конвой можетъ идти. А вы, господа, пожалуйте въ камеру. Это недолго... Васъ это, значитъ, по амнистіи?

— Надо думать—по амнистіи. Да у васъ развѣ нѣтъ еще манифеста?

— Ничего у насъ нѣтъ!—отмахнулся приставъ.—И намъ это все равно, разъ судъ приказываетъ выпустить.

Спорить намъ надоѣло, и мы пошли въ камеру—тѣсную и сырую подвальную комнату съ узкимъ окномъ, забраннымъ двумя рѣшетками. Ровно три четверти камеры занимали широкія нары съ блестящими и скользкими отъ грязи досками настилки. Штукатуренныя стѣны сплошь были украшены хитро переплетающимся узоромъ изъ темнокоричневыхъ запятыхъ—результатъ долговременной борьбы нашихъ предшественниковъ съ одолѣвавшими ихъ паразитами.

Заросшее пылью и плѣсенью оконце съ двумя рѣшетками пропускало совсѣмъ мало свѣта, и въ камерѣ висѣлъ густой полумракъ, казавшійся намъ совсѣмъ непрогляднымъ послѣ яркаго солнца на улицѣ.

Почти ощупью нашли себѣ мѣста на нарахъ и сѣли. Оказалось, что кромѣ насъ шестерыхъ въ углу копошится еще что-то маленькое. Рабочій зажегъ спичку и освѣтилъ мальчика лѣтъ двѣнадцати, въ формѣ городского училища, который сжался въ комочекъ и поглядывалъ на насъ испуганными, заплаканными глазками.

— Ты что тутъ дѣлаешь, паренекъ?—удивился крестьянинъ.

— Сижу-у...—жалобно отвѣтилъ тоненькій голосокъ.

— Плохи твои дѣла... За что-же тебя—этакого? Или съ мамкой поссорился?

— Нѣтъ... Я за политику.

— А-а...

Крестьянинъ почесалъ за ухомъ.

— Чудны дѣла твои, Господи... Старыхъ выпускаютъ, а малыхъ сажаютъ. Да ты что дѣлалъ-то? Бомбы бросалъ?

— Нѣтъ... Я пристава обругалъ. А онъ меня и... заперъ...

— Только и всего? Ну, ничего, малецъ, не горюй. Теперь, видишь ты, амнистія... А за что же ты его обругалъ-то?

— Да потому что теперь эта самая... какъ ее... Вотъ, мы стояли, а онъ насъ разгонялъ. Я его и обругалъ... а онъ меня... онъ меня... заперъ...

Мальчикъ утиралъ кулаками глаза и жалобно всхлипывалъ. Крестьянинъ погладилъ его по головѣ.

— Ничего, паренекъ, не убивайся, я тебѣ говорю... Выходитъ, за правду потерпѣлъ. Вотъ и держи себя молодцомъ.

Мальчикъ притихъ, свернулся калачикомъ и скоро началъ дышать ровно и медленно. Должно быть,—заснулъ.

Мы сидѣли въ потемкахъ и чувствовали себя очень глупо. Грекъ обнялъ свои колѣни руками и, покачиваясь

изъ стороны въ сторону, затянулъ какую-то заунывную пѣсню на незнакомомъ языкѣ.

— Не войте, Георгопуло!—потянулъ его за рукавъ учитель.—И безъ васъ тошно.

Помолчали.

— Что же теперь дальше будетъ?—сонно спросилъ рабочій.—Вѣдь это выходитъ—наша взяла, а все старое на своихъ мѣстахъ... Такъ оно и будетъ?

— Поживемъ—увидимъ!—отозвался кто-то. Можетъ быть, еще и изъ участка не выпустятъ.

Дверь пріоткрылась, и въ щели показалась физіономія Авилова.

— Можетъ, вамъ лампу подать?

— Давайте!—обрадовались мы.—Все таки веселѣе будетъ.

Стражъ повѣсилъ на стѣну маленькую жестяную лампочку. Сдѣлалось, дѣйствительно, немного веселѣе: по крайнѣй мѣрѣ, противный сѣрый мракъ остался теперь только въ дальнихъ углахъ.

Я посмотрѣлъ на часы.

— Знаете, господа, уже шесть. Когда же будетъ конецъ?

Учитель предложилъ подождать еще ровно полчаса и затѣмъ, если и тогда дѣло останется все въ томъ же положеніи, поднять скандалъ.

— Вѣдь это издѣвательство! Что имъ еще отъ насъ нужно?

Съ улицы, черезъ рѣшетчатое оконце, донесся какой-то глухой шумъ. Какъ будто вдали, кварталовъ за пять, дикими голосами кричала большая толпа. Мальчикъ проснулся, заворочался и поднялъ голову.

— Ой, что это?... Опять громятъ, должно быть.

Никакъ нельзя было разобрать, что именно такое кричатъ: не то „ура", не то—„долой". Какъ бы то ни было, непонятный ревъ разжигалъ любопытство, и камера начала казаться намъ все несноснѣе. Тамъ, за стѣной, люди что-то такое дѣлаютъ, а мы, свободные граждане, сидимъ въ полицейскомъ подвалѣ и разсматриваемъ темно-коричневыя арабески.

Опять показалась голова Авилова.

— Слышите?

— Слышимъ.

— Громить зачали.

— А вы помогаете?

Авиловъ обидѣлся.

— Зачѣмъ такъ говорить? Мы, то есть полиція, имѣемъ обязанность наблюдать порядокъ... А только что у насъ теперь никакой силы нѣту.

— Какъ это силы нѣту?

— Очень даже просто. Обезсилѣли. Теперь мы смотримъ только, какъ бы самихъ себя сохранить. Потому- бунтъ. И подавленіе безпорядковъ поручается военнымъ силамъ... Вотъ, если вы на погромщиковъ-то попадете—плохо. Разорвутъ.

— Благодаримъ покорно.

Авиловъ исчезъ. Я опять посмотрѣлъ на часы: еще двадцать минутъ остается.

Ревъ затихъ. Ушли дальше или, можетъ быть, военныя силы занялись подавленіемъ. Гдѣ-то бухнулъ револьверный выстрѣлъ.

— Боюсь!—пробормоталъ мальчикъ, стараясь скорчиться въ углу такъ, чтобы его совсѣмъ нельзя было замѣтить. Нашъ старикъ опять принялся его успокаивать.

— Чего ты, дурашный? Развѣ тебя тронутъ?

— Бо... боюсь... Убьютъ!

— Спи лучше. Выспишься, а тамъ тебя и на волю отпустятъ. Къ мамкѣ пойдешь.

— А моя мамка далеко!—меланхолически протянулъ грекъ.—Она меня уже два года не видала.

Жестяная лампочка на стѣнѣ свѣтила плохо, но чадила такъ, что становилась трудно дышать. Рабочій вдругъ вскочилъ съ мѣста и сердито выругался, разстегивая рубаху.

— Кусаютъ уже, каторжные! Ну ее къ чорту, амнистію эту... Въ тюрьмѣ лучше было.

— Да, въ самомъ дѣлѣ, господа, пойдемте наверхъ! Не до ночи же мы такъ будемъ сидѣть!

Мы рѣшительно двинулись къ выходу, но въ этотъ моментъ дверь распахнулъ какой-то околодочный и любезно предложилъ:

— Пожалуйте, господа!

Вышли изъ подвала, прошли нѣсколько шаговъ по двору и поднялись по лѣстницѣ въ пріемную полицейскаго управленія. Тамъ были хорошія лампы, мягкая мебель, портреты на стѣнахъ,—однимъ словомъ, по сравненію съ подвальной камерой, полный комфортъ. Дверь въ сосѣднюю комнату была открыта, и за ней виднѣлись согнувшіяся надъ столами фигуры писцовъ. Толстый помощникъ полиціймейстера ходилъ между столами и дымилъ сигарой. Какой-то другой чиновникъ, рангомъ пониже, вышелъ къ намъ навстрѣчу.

— Скажите пожалуйста, въ какомъ участкѣ находится квартира каждаго изъ васъ?

Мы съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ переглянулись. Никто изъ насъ, садясь въ тюрьму, квартиры за собой, разумѣется,

не оставилъ, и поэтому всѣ мы опредѣленнаго жительства теперь не имѣли. Я разъяснилъ чиновнику это обстоятельство, и онъ, хотя и не сразу, но все-таки понялъ.

— Дѣйствительно... Это мы не приняли во вниманіе. Я сейчасъ доложу.

Въ сосѣдней комнатѣ онъ переговорилъ, энергично жестикулируя, съ помощникомъ полиціймейстера и потомъ вернулся къ намъ вмѣстѣ съ нимъ.

Помощникъ обвелъ насъ оловянными глазами, а потомъ перенесъ взглядъ на собственную сигару.

— Такъ у васъ нѣтъ квартиръ?

— Нѣтъ.

— А гдѣ вы ихъ наймете?

— Гдѣ случится.

— Это невозможно, господа. Никакъ невозможно. Мы должны выпустить васъ подъ гласный надзоръ. Да, подъ гласный надзоръ. Полиціймейстеръ находитъ, что такъ слѣдуетъ изъ смысла бумаги о вашемъ освобожденіи.

Я не имѣлъ никакого представленія о томъ, насколько правъ полиціймейстеръ. Манифеста объ амнистіи никто не читалъ, да его, повидимому, въ городѣ еще и не было. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ дѣянія наши прощены только подъ условіемъ гласнаго надзора. Всетаки нужно провѣрить.

Я заявилъ о желаніи увидѣть самого господина полиціймейстера.

— Уѣхалъ съ докладомъ... Да вы не безпокойтесь, это уже вѣрно!—утѣшилъ меня младшій чиновникъ.

— Да вы гдѣ будете жить, напримѣръ?—настаивалъ помощникъ.

— Ну, предположимъ, что въ первомъ участкѣ.

— Очень хорошо. Мы отсюда отправимъ васъ въ первый участокъ, а тамъ приставъ васъ освободитъ, взявъ подписку.

Оловянные глаза медленно проползли по нашимъ лицамъ, а затѣмъ ихъ обладатель возвратился въ сосѣднюю комнату.

Чиновникъ принялся допрашивать другихъ, хотя и свободныхъ, но поднадзорныхъ гражданъ,—гдѣ они намѣрены остановиться. Ко мнѣ присоединился, по старой тюремной дружбѣ, учитель Скуратовъ, а остальные четверо остановились почему-то на четвертомъ участкѣ.

Недоразумѣніе разрѣшилось къ обоюдному удовольствію, и чиновникъ отправился писать соотвѣтствующія бумаги.

А мы опять принялись ждать.

Ждать здѣсь, въ пріемной, было, впрочемъ, много весе-

лѣе, чѣмъ въ подвальной камерѣ: то и дѣло являлись довольно занимательные посѣтители.

Спрашивали они всѣ „самого" полиціймейстера, а, узнавъ, что его нѣтъ, грустно вздыхали и мирились на помощникѣ.

Первымъ пришелъ толстый человѣкъ въ синей поддевкѣ и съ проборомъ въ волосахъ,—повидимому, изъ торгующихъ мѣщанъ. Помощникъ тупо таращилъ на него глаза, а тотъ жаловался, вытирая клѣтчатымъ платкомъ вспотѣвшее лицо.

— Громятъ все подрядъ... Сдѣлайте ваше одолженіе! До меня уже только двѣ лавки остались... и никакой защиты не имѣю... Сдѣлайте ваше одолженіе! Я всегда за вѣру и отечество... почему же долженъ пострадать? Соблаговолите двухъ человѣкъ для охраны... Ужъ я по мѣрѣ силъ... Сдѣлайте ваше одолженіе...

Помощникъ топорщилъ усы.

— Не могу. Нѣтъ людей и потому не могу. Люди нужны намъ самимъ для охраны управленія и участковъ.

— Такъ вѣдь я... Ахъ, Боже ты мой! Сдѣлайте ваше одолженіе! А я со своей стороны...

Торгующій мѣщанинъ отворотилъ полу поддевки и полѣзъ въ карманъ. Помощникъ ухватилъ его за рукавъ и увелъ въ противоположный уголъ комнаты, подальше отъ нашихъ любопытныхъ взоровъ.

— Хорошо. Поѣзжайте въ вашъ участокъ. А я скажу по телефону приставу, чтобы онъ выдалъ вамъ охрану.

— Сдѣлайте ваше одолженіе! Теперь, можетъ, меня и громятъ уже...

Сейчасъ же послѣ человѣка въ поддевкѣ явился старый армянинъ съ длинными бѣлыми усами и большимъ носомъ.

— Господинъ хорошій! Господинъ генералъ! Мая шашлычная пропалъ, съ концомъ пропалъ! Почему такъ?

— А ты не кричи, любезный! — посовѣтовалъ помощникъ.—Говори потише, потому что я не глухой.

Армянинъ въ отчаяніи всплеснулъ руками.

— Ахъ, какъ не хорошо! разбойникъ ходилъ, посуда ломалъ, вино выпилъ, сыръ, колбасъ, петрушка поѣлъ... Почему такъ? Твой полицейскій стоялъ, я ему кричалъ, онъ мнѣ ничего не помогалъ! Почему такъ?

— Будешь еще кричать, я тебя вонъ выгоню! — еще хладнокровнѣе сказалъ помощникъ, помусливъ палецъ и заклеивая на сигарѣ трещинку.

— Какъ я могу не кричать, когда меня въ одной рубашкѣ пускалъ? Почему такъ? Я твоему полицейскому деньги платилъ, шашлыкъ кормилъ. Почему не помогалъ?

Теперь буду звать свой молодой человѣкъ. У нихъ большой кинжалъ есть. Въ пузо разъ, и готово.

Армянинъ сдѣлалъ картинный жестъ, прицѣливась помощнику пониже послѣдней пары форменныхъ пуговицъ. Помощникъ сказалъ:

— Пошелъ вонъ!—повернулся и ушелъ.

Въ промежуткахъ между жалобщиками яростно звонилъ телефонъ. Помощникъ отзванивалъ, прикладывалъ къ уху трубку и говорилъ:

— Что такое? Не торопитесь, ничего не могу понять... Пять человѣкъ?.. Ага... Не знаю... А приставу докладывали?.. Что сгорѣло?.. Хорошо, я распоряжусь... Задержали? Доставьте собственными средствами. Свободныхъ городовыхъ нѣтъ.

А чаще всего сообщалъ:

— Ничего не знаю. Обратитесь къ его превосходительству.

Младшій чиновникъ вызвалъ, наконецъ, въ сосѣднюю комнату тѣхъ товарищей, которымъ понравился четвертый участокъ. Тамъ онъ долго, путаясь и начиная сначала, провѣрялъ по списку ихъ фамиліи, а затѣмъ отправилъ съ четырьмя городовыми въ новое путешествіе.

Мы съ учителемъ остались вдвоемъ и совсѣмъ загрустили. Учитель, какъ натура болѣе экспансивная, неистово грызъ свою бородку и ворчалъ подъ носъ самыя страшныя проклятія по адресу предержащихъ властей. Я предпочиталъ, считаясь съ отношеніемъ наличныхъ силъ, болѣе „парламентскій“ образъ дѣйствій и отправился въ сосѣднюю комнату.

Секретарь управленія, завидѣвъ меня издали, хотѣлъ было ускользнуть, но я поймалъ его за рукавъ и началъ жаловаться:

— Помилуйте, на что же это похоже? Мы, кажется, съ двухъ часовъ дня все освобождаемся и освободиться не можемъ. Я, наконецъ, ѣсть хочу.

Толстый секретарь высвободилъ рукавъ и развелъ руками:

— Не отъ меня зависитъ, сударь. Бумага для васъ уже готова, а городовыхъ для сопровожденія нѣтъ. Было четыре человѣка, такъ мы ихъ отправили съ вашими... соучастниками. Теперь уже придется вамъ подождать, пока они назадъ вернутся.

— А какъ долго это протянется?

— Ну... полчаса. Или часъ, въ крайнемъ случаѣ.

— А нельзя ли намъ самихъ себя отправить въ участокъ? Безъ сопровожденія? Мы возьмемъ бумагу и пойдемъ.

— Нѣ-ѣтъ...—задумчиво протянулъ секретарь.—Это не-

возможно. Во-первыхъ, съ васъ еще не взята подписка о подчиненіи гласному надзору, а во-вторыхъ — э... во-вторыхъ, знаете, вамъ не безопасно будетъ теперь ходить по улицѣ безъ охраны. Вы знаете, какое время...

Вторая причина показалась мнѣ довольно нелѣпой, но секретарь заявилъ:

— Жалуйтесь, если хотите. А ждать придется.

Я вернулся въ пріемную. Учитель сидѣлъ тамъ на своемъ прежнемъ мѣстѣ и читалъ какой-то печатный листокъ.

— Что это у васъ?

Онъ, молча, передалъ мнѣ листокъ. Наверху стоялъ заголовокъ телеграфнаго агентства, а немного ниже—напечатанная крупными буквами обычная формула начала манифеста. Совсѣмъ внизу, подъ манифестомъ, было подписано: „Данъ въ Петербургѣ, октября 17-го дня"...

Тутъ только я и прочелъ его въ первый разъ, этотъ манифестъ.

— Такъ вотъ какія дѣла!—многозначительно проговорилъ учитель, когда листокъ съ манифестомъ былъ отложенъ въ сторону, и стремительно побѣжалъ въ сосѣднюю комнату—воевать. Оттуда до меня донесся его высокій теноръ съ аккомпаниментомъ цѣлаго хора полицейскихъ голосовъ, и когда теноръ добрался до самыхъ высокихъ нотъ, и въ немъ почувствовалась нѣкоторая хрипота, я отправился на подкрѣпленіе.

Учитель читалъ секретарю, помощнику и младшему чиновнику очень живую лекцію по конституціонному праву. Я подождалъ, пока онъ совсѣмъ задохся отъ негодованія, и поставилъ слушателямъ ультиматумъ:

— Или немедленно ведите насъ въ участокъ, или я немедленно вызываю сюда по телефону прокурора суда для выясненія конституціонныхъ недоразумѣній.

— Да мы, пожалуй, найдемъ вамъ двухъ городовыхъ,— задумчиво сказалъ помощникъ.—Только примите во вниманіе, что въ городѣ теперь сильное волненіе. И по причинѣ сильнаго волненія ходить опасно. Я совѣтовалъ бы вамъ лучше переночевать въ управленіи. Мы не можемъ брать на себя никакой отвѣтственности, въ случаѣ, если васъ убьютъ или изувѣчатъ дорогой, во время освобожденія.

Я поблагодарилъ помощника за гостепріимство, но заявилъ, что ночевать въ управленіи мы не намѣрены. Мы желаемъ, наконецъ, воспользоваться конституціонными гарантіями. Мы желаемъ быть на свободѣ. Въ возможности же нашей насильственной смерти я очень сомнѣваюсь, такъ какъ, благодаря конвою, насъ могутъ принять скорѣе всего

не за освобожденныхъ революціонеровъ, а за арестованныхъ погромщиковъ.

— Ну... арестованные погромщики... — съ неудовольствіемъ повторилъ помощникъ. — Арестованные погромщики... Видѣли вы ихъ, арестованныхъ погромщиковъ? Вотъ, мы отдадимъ вамъ всѣхъ городовыхъ, такъ они еще и полицейское управленіе разгромятъ.

И, доставъ изъ кармана новую сигару, онъ послалъ младшаго чиновника предупредить нашихъ будущихъ провожатыхъ, чтобы они были готовы къ отправленію.

Повели насъ на улицу чернымъ ходомъ, и мы прошли черезъ большую комнату, биткомъ набитую городовыми, въ шинеляхъ, шапкахъ и полной амуниціи. Одни спали прямо на полу, въ повалку, другіе курили и играли въ карты, третьи, повидимому, пили водку. По крайней мѣрѣ пахло въ комнатѣ, какъ въ винномъ складѣ.

Двое городовыхъ, которыхъ оторвали, благодаря намъ, отъ этой дружной компаніи, были очень недовольны и обижены. На наше несчастье оказалось, что первый участокъ расположенъ очень далеко, чуть ли не на другомъ концѣ города. А городовые, по ихъ словамъ, были очень утомлены службой, такъ что одинъ изъ нихъ даже не совсѣмъ твердо держался на ногахъ. Другой былъ уже старикъ, съ большой серебряной медалью на шеѣ. Старикъ особенно обижался на безпокойство.

— Служишь, служишь двадцать пять лѣтъ. А никакой тебѣ настоящей благодарности нѣтъ.. Пойдемте, что ли!

Старикъ съ медалью пошелъ впереди, за нимъ учитель, потомъ я, а сзади всѣхъ, въ видѣ вооруженнаго арріергарда—ослабѣвшій.

— По Красной не пойду, тамъ опасно, свѣтло очень! — рѣшилъ нашъ путеводитель. И мы свернули въ какой-то темный закоулокъ.

Вечеръ выдался пасмурный и мрачный. Беззвѣздное, затянутое тучами небо низко повисло надъ самыми крышами домовъ. На тучахъ игралъ еще чуть замѣтный розоватый отблескъ зарева.

— Сожгли базаръ, проклятые!—ворчалъ старикъ.—Теперь съ армяшками не раздѣлаешься.

Я закурилъ папиросу и при свѣтѣ ея огонька посмотрѣлъ на часы. Было уже около половины девятаго.

Долго шли молча. Только вооруженный арріергардъ часто спотыкался на деревянномъ досчатомъ тротуарѣ и при каждой катастрофѣ неизмѣнно отпускалъ одно и то же длинное и забористое ругательство.

Улицы, по которымъ мы шли, были совсѣмъ пустынны.

Кое-гдѣ только мелькали торопливо какія-то темныя фигуры, да и тѣ замѣтно старались держаться подальше отъ свѣта рѣдко разставленныхъ фонарей.

— Вишь, ходятъ!—разсердился почему-то на эти темныя тѣни старикъ съ медалью.

— А кто это?—поинтересовался учитель.

— Почемъ я знаю? Люди...

Помолчалъ немного и спросилъ:

— Вы сами-то кто будете? Соціалисты?

Мы подтвердили его догадку.

— Такъ... Стало быть, вамъ теперь тоже свобода вышла?

— Вышла.

— Дай Богъ. А намъ, вотъ, такъ отъ этой свободы одно безпокойство. Скорѣй бы ужъ ея не было.

— Всегда будетъ. Теперь нельзя безъ свободы!—нравоучительно замѣтилъ учитель.

— Я полагаю, скоро ее выведутъ. Безпокойства много. Конечно, которые приличные люди, тѣмъ можно и свободу. Да теперь всякая шентрапа впередъ лѣзетъ. Намедни я на площади слыхалъ: вылѣзъ передъ народъ какой-то молокососишка, отъ земли его не видать, и какъ началъ сыпать, какъ началъ сыпать... И того долой, и этого долой... А народъ, извѣстно, ржетъ, словно кобыла. Ему, конечно, всячески лестно.

— Къ чорртовой ихъ матери!—вмѣшался въ разговоръ вооруженный арріергардъ.—По какому такому праву... когда я тебя могу за шиворотъ?

Я инстинктивно подался немного впередъ, такъ какъ конституціонныя гарантіи, очевидно, еще недостаточно прочно привились въ сознаніи нашихъ провожатыхъ. Но арріергардъ неожиданно ласковымъ тономъ добавилъ:

— А я, господинъ, когда-то васъ караулилъ. Того... Прошлой осенью, никакъ. Неужто все и сидѣли?

— Все и сидѣлъ.

— Ахъ, къ чортовой ихъ матери! Ну, теперь ничего... Теперь погуляете...

Запахло гарью. Какіе-то желѣзные листы, обгорѣлыя балки, обломки мебели загородили намъ дорогу.

— Доктора Быстрова домъ!—пояснилъ старикъ съ медалью.

Я посмотрѣлъ налѣво. Большое двухъ-этажное зданіе зіяло въ темнотѣ выгорѣвшими черными окнами. Часть стѣны обвалилась и лежала безформенной грудой обломковъ. Какъ разъ рядомъ съ этой грудой горѣлъ фонарь и освѣщалъ сосѣдній домъ, одноэтажный особнякъ съ изло-

маннымъ крыльцомъ и множествомъ круглыхъ отверстій въ оконныхъ стеклахъ.

— А это чей же?

Старикъ съ медалью сердито отвернулся.

— Протопоповъ... изъ каѳедральнаго собора.

— За что же его... тоже?

— Рядомъ стоитъ. Ну, казаки стрѣляли, да и попали, невзначай. Конечно, выпивши. Всю посуду въ буфетномъ шкапу переколотили пулями.

— Убили кого-нибудь?

— Нѣтъ, кухарку оцарапали малость. Самъ-то протопопъ легъ на полъ, его и не задѣло. А другіе убѣжали. Глупость одна.

Вооруженный арріергардъ зацѣпился ногой за брошенную поперекъ тротуара балку и грузно упалъ на землю. Ноги пришлись выше головы, и онъ тщетно барахтался, пытаясь подняться.

Старикъ легонько пихнулъ его подъ бокъ ножнами шашки.

— Вставай, что ли! Разсыпался...

— Колѣно зашибъ... Скажи пожалуйста... Загородили...

— Вставай, говорю!

Шашка ткнулась еще разъ—и уже покрѣпче.

— Не пихайся... Дай срокъ.

Арріергардъ всталъ на всѣ четыре конечности и въ такомъ видѣ поползъ куда-то въ сторону.

— Куда она, проклятая, задѣвалась?

— Что потерялъ?

— Шапку... Слетѣла и не найдешь.

Старикъ поднялъ фуражку своего сослуживца, нахлобучилъ ему на голову, и мы въ прежнемъ порядкѣ тронулись дальше.

— Далеко еще?—справился учитель.

Старикъ утвердительно кивнулъ головой.

— Порядочно...

У меня созрѣла въ головѣ идея. Чѣмъ таскаться ночью по городу неизвѣстно куда и зачѣмъ, не проще ли предоставить нашихъ провожатыхъ ихъ собственной судьбѣ, а самимъ идти, куда нужно? Я поравнялся съ учителемъ и шепнулъ ему на ухо эту идею. Тотъ отвѣтилъ тоже шепотомъ:

— Дойдемъ до переулка и налѣво... Чортъ съ ними. Мнѣ тоже надоѣло.

Блистательный планъ разстроился, благодаря старику съ медалью. У него слухъ оказался гораздо острѣе, чѣмъ предполагалъ учитель.

— Не полагается, господа! Не по благородному это. До участка дойдете, тамъ и выпустятъ. Мнѣ тоже развѣ охота зря ногами-то болтать? А нельзя: порядокъ. Опять же я долженъ буду стрѣлять. Въ темнотѣ-то, можетъ, и не попаду, а все-таки безпокойство. Ужъ вы, лучше дойдите... Право, дойдите... Мы скорехонько... Павловъ! Прибавь шагу!

— Ну, если скоро, такъ ладно!—согласился учитель.—А то убѣжимъ.

— Помилуй Богъ! Въ пять минутъ дойдемъ... И вы ужъ, пожалуйста... Павловъ—онъ, конечно, немного размякши, а я человѣкъ старый. Какая же вамъ отъ этого честь будетъ? Вы лучше по благородному, въ порядкѣ.

И старикъ съ медалью торопливо засеменилъ ногами. Арріергардъ опять началъ запинаться, потомъ, на поворотѣ, упалъ съ тротуара на мостовую, да тамъ и остался. Мы ушли дальше безъ него.

По мѣрѣ приближенія къ участку, улицы дѣлались болѣе людными. Бросалось въ глаза только отсутствіе извозчиковъ.

— Бастуютъ, гужеѣды! — объяснилъ старикъ. — Новой таксы хотятъ у города добиваться. Съ большой забастовки такъ работать и не начали.

Во дворѣ участка почему-то пахло конюшней. Я приглядѣлся и увидѣлъ рядъ лошадиныхъ круповъ и толпу лохматыхъ казачьихъ фигуръ.

Кто-то окликнулъ изъ темноты:

— Кто идетъ?

— Свои!—отозвался нашъ провожатый.—Къ приставу.

— Проходи...

Мы прошли.

Въ участкѣ было тѣсно, грязно, дымно. Въ передней, на скамейкѣ, клеилъ конверты дежурный городовой. Длинный и сухой околодочный, изогнувшись въ три погибели, что-то торопливо строчилъ.

Старикъ отдалъ околодочному бумагу, къ которой мы „прилагались". Тотъ просмотрѣлъ ее и понесъ въ кабинетъ къ приставу. Приставъ минуты черезъ двѣ выскочилъ уже къ намъ: маленькій, кругленькій, бойкій, съ нафабренными усиками и съ браунингомъ въ замшевомъ футлярѣ подъ полой сюртука. Заговорилъ весело:

— Знаю, знаю ужъ въ чемъ дѣло! Мнѣ сообщили по телефону изъ управленія. Очень радъ, очень радъ вашему освобожденію.

Сдѣлалъ правой рукой изящный жестъ, потомъ вдругъ принялъ таинственный видъ и спросилъ:

— Но скажите пожалуйста, вы не читали еще особаго манифеста объ амнистіи?

— Нѣтъ, не читали.

— Странно, знаете. И никто не читалъ. Онъ, представьте себѣ, еще не полученъ. Судъ, очевидно, освобождаетъ по телеграфному предписанію. И теперь у насъ путаница. Мнѣ говорятъ: подъ гласный надзоръ. Я, конечно, долженъ исполнить. Но по моему гласный надзоръ—это фикція. Развѣ можетъ быть амнистія—подъ гласный надзоръ? Но вы, во всякомъ случаѣ, не безпокойтесь. Я сейчасъ же составлю двѣ подписки... Обождите немного, господа. Все будетъ устроено.

И исчезъ такъ же быстро, какъ появился.

Тощій околодочный подошелъ къ намъ и нѣкоторое время разсматривалъ насъ съ большимъ любопытствомъ.

— Сидѣли?

— Сидѣли.

— А теперь на свободу?

— На свободу.

— Это удивительно.

— То есть, что именно, удивительно?—не понялъ я.— То, что мы сидѣли, или то, что насъ теперь освобождаютъ?

— А знаете, и то, и другое. Вообще—все удивительно. Я ничего не понимаю, представьте себѣ.

Мы съ учителемъ собрали послѣдніе остатки нашего терпѣнія и мирно ждали. Но явилось неожиданное осложненіе.

Пришелъ дряхлый, сгорбленный старичекъ лѣтъ семидесяти, одѣтый въ огромную баранью шубу, съ тяжелой дубиной и деревянной „колотушкой" въ рукахъ. По всѣмъ признакамъ—ночной сторожъ.

Онъ нѣсколько мгновеній молча переводилъ духъ, затѣмъ закашлялся, и потомъ уже спросилъ у дежурнаго.

— Приставъ здѣся?

— Здѣсь. А ты откуда?

— Я то? Я на базарѣ, въ красномъ ряду, сторожемъ.

— Зачѣмъ тебѣ пристава?

— Какъ зачѣмъ? Извѣстно, воры пришли. Душъ двадцать привалило. Меня прогнали, а сами, извѣстно, ломать. Скажи приставу-то.

Дежурный доложилъ о событіи околодочному, тотъ отправился къ приставу въ кабинетъ. Приставъ вылетѣлъ бомбой, пристегивая на бѣгу шашку и, видимо, вполнѣ готовый къ бою.

— Дежурный, — лошадь! И шестерыхъ казаковъ — со мной.

Намъ онъ успѣлъ бросить по пути утѣшеніе:

— Сію минуту, господа! Это недолго.

На дворѣ, а потомъ на улицѣ, подъ окнами участка, застучали копыта.

— Часто у васъ такъ?—уныло спросилъ учитель ночного сторожа.

— Зачѣмъ часто? Николи не бывало. Теперь, извѣстно, свобода. Вотъ и грабятъ... Охъ, замаялся. Рысью бѣжалъ.

— Далеко отсюда до рядовъ?

— Нѣтъ, близенько. Сейчасъ за угломъ и будетъ. Старъ я сталъ бѣгать. А то—близко.

Не прошло и пяти минутъ, какъ копыта застучали уже въ обратномъ направленіи. Въ широко раскрытую дверь вкатился приставъ, весь проникнутый еще воинскимъ пыломъ.

— Убѣжали, мошенники. Жаль. Я бы имъ показалъ... Я бы имъ показалъ, гдѣ раки зимуютъ... А ты чего тутъ торчишь? — набросился онъ на сторожа. — Твое мѣсто здѣсь? Тамъ у двухъ лавокъ замки взломаны. Ступай, карауль.

Уславъ сторожа, приставъ заходилъ изъ угла въ уголъ, заложивъ руки въ карманы брюкъ, такъ что браунингъ оказался на виду, и началъ жаловаться.

— Вы представить себѣ не можете, господа, сколько у меня теперь хлопотъ. Я вамъ скажу откровенно: у насъ всѣ потеряли голову. Да, потеряли голову.

Онъ повернулся на носкахъ и остановился.

— Происходитъ, такъ сказать, ломка стараго строя. Это вполнѣ естественно. И въ результатѣ—а-нар-хі-я. Развѣ я не правъ? Я, господа, не политикъ. Полиція должна быть въ сторонѣ отъ политики.

— Это—въ будущемъ, или таковъ вообще вашъ принципъ?—спросилъ я осторожно, вспомнивъ, какъ въ свое время этотъ самый присталъ, при пособіи отряда городовыхъ, держалъ меня посреди улицы за шиворотъ.

— Мм... Мы, видите, были обязаны... въ силу обстоятельствъ...—пояснилъ приставъ и съ гордостью добавилъ:— Но теперь—теперь этого больше не будетъ. Прежде всего нужно привить въ сознаніи массъ, что есть границы... Вы понимаете? Мы стараемся прививать, но это трудно... Недовѣріе и недовѣріе на каждомъ шагу. Напримѣръ, меня самаго обвиняютъ въ городѣ, будто бы я—организаторъ и руководитель такъ называемой черной сотни. Но посудите сами, господа: развѣ это въ моемъ характерѣ? Я всегда дѣйствую открыто. Если-бы я былъ недоволенъ реформами, я прямо и заявилъ бы объ этомъ... А, между тѣмъ, всѣ повторяютъ нелѣпый слухъ, и даже, представьте себѣ,

я получилъ уже предупрежденіе, будто бы меня собираются убить. Но за что же, господа, скажите, пожалуйста? Я—человѣкъ еще не старый, семейный. У меня малолѣтнія дѣти. И вдругъ—убить. Что вы на это скажете?

Учитель издалъ неопредѣленное мычаніе.

— Вы, конечно, согласны, что это недоразумѣніе?—заторопился приставъ.—Вы, наконецъ, сами можете убѣдиться... Неужели разъ уже на человѣкѣ надѣтъ полицейскій мундиръ, такъ ему нельзя оказывать никакого довѣрія? Ахъ, господа... Я тоже когда-то въ гимназіи учился... Э... Что тамъ такое?

Явилась цѣлая группа. Впереди шелъ городовой, съ хмурой и недовольной физіономіей. За нимъ два какихъ-то господина въ мягкихъ фетровыхъ шляпахъ вели, держа подъ руки, третьяго господина—безъ шляпы, но въ очень приличномъ осеннемъ пальто.

— Грабителя изловили!—доложилъ городовой.

— Ты изловилъ?—поднялъ брови приставъ.

— Такъ точно. И вотъ эти господа.

Въ рукахъ у городового былъ какой-то большой свертокъ. Онъ бережно положилъ этотъ свертокъ на столъ и объяснилъ:

— Награбленное имущество.

Въ сверткѣ оказалось нѣсколько паръ брюкъ, пиджаки, жилеты, дамское пальто на ватѣ. Все—довольно хорошаго сорта, совсѣмъ новенькое и съ пришпиленными къ каждой вещи бѣлыми магазинными ярлычками.

Господа въ шляпахъ разсказали, что они задержали грабителя около красныхъ рядовъ, вмѣстѣ съ этимъ самымъ сверткомъ, и, такъ какъ грабитель при задержаніи сопротивлялся, то они подозвали на помощь проходившаго мимо городового.

— А вы сами, кто такіе?—нѣсколько сухо спросилъ приставъ.

— Мы? Мы просто такъ. Обыватели.

— Ага... Ну, что же... Потрудитесь дать показанія для составленія протокола. Пожалуйте ко мнѣ въ кабинетъ. А этого мошенника—обыскать.

Задержанный, молодой парень лѣтъ двадцати, смотрѣлъ исподлобья и иронически улыбался, пока полицейскія руки снимали съ него модное пальто и обшаривали карманы.

— Вишь, какимъ генераломъ одѣлся!—сказалъ дежурный, стягивая съ ногъ задержаннаго высокіе сапоги.—Дорого платилъ за пальто?

— Сорокъ три съ полтиной!—отчеканилъ грабитель.

— Не много-ли?.. Эгэ... Что это у тебя въ сапогѣ-т ?

Долото? Стало быть прямымъ путемъ въ арестантскія роты. Не успѣлъ дурень долото выбросить?

— Я—столяръ!—съ прежнимъ лаконизмомъ возразилъ задержанный.

— Магазинныя двери починяешь? Знаемъ мы васъ... Эхъ, ты! Мастеровой кислощейнаго цеха! Какъ это нарвался ты?

Ироническая улыбка на губахъ задержаннаго заиграла сильнѣе.

— Что-же,—теперь сажать меня?

— Извѣстно, сажать. Перезимуешь въ тепломъ мѣстѣ.

— Такъ. Больше, значитъ, не нуженъ сталъ?

— А кому ты былъ нуженъ?—почему-то внезапно разсердился городовой и, захвативъ въ охапку все отобранное имущество, перебросилъ его со стола въ уголъ, на скамейку.—Чего зря болтать-то?

— Зря не зря, а денегъ сулили. И въ случаѣ чего—защиту и оборону. А это теперь какъ-же,—тоже защита?

— Надѣвай сапоги! Нечего языкомъ зря молоть. Ежели ты есть грабитель, такъ и должны мы тебя посадить. Никакихъ тутъ разговоровъ больше нѣту. Какую еще защиту выдумалъ?

— Отводи глаза! — усмѣхнулся задержанный.—Память, видно, слаба стала. Теперь, выходитъ, за ваши грѣхи да мнѣ же и каяться?

Онъ вдругъ повернулся въ нашу сторону.

— Да что тутъ! Вотъ вы, господа, свидѣтели будете... Я въ случаѣ чего и на судѣ готовъ подтвердить. Это мнѣ даже обидно. Вдругъ какіе-то тамъ люди хватаютъ, а полицейскій оказываетъ помощь, когда намъ обѣщано...

— Не разговаривай!—разомъ перебили его оба городовыхъ. Даже тотъ старикъ, который привелъ насъ въ участокъ, вдругъ окрысился и молча ткнулъ задержаннаго кулакомъ въ шею. Потомъ всѣ трое подхватили его подъ руки и быстро выволокли во дворъ.

Когда городовые вернулись обратно, видъ у нихъ былъ сердитый и какъ будто нѣсколько сконфуженный.

— Совсѣмъ разбаловались! — недовольно бормоталъ дежурный.—Городятъ, Богъ знаетъ, что... Прямо уму непостижимо, до чего разбаловались.

Старикъ подошелъ къ отобраннымъ вещамъ и внимательно разсматривалъ каждую въ отдѣльности, щупая, встряхивая и поднося поближе къ лампѣ. Резюмировалъ свои наблюденія:

— Рублей на двѣсти набралъ, такой-сякой.

— Оставь!—сказалъ ему дежурный.—Пускай лежатъ.

Изъ кабинета вышелъ приставъ вмѣстѣ съ двумя господами въ шляпахъ. Распрощался съ ними очень любезно и пожелалъ счастливаго пути.

— Очень вамъ благодаренъ, господа, за содѣйствіе. Вы знаете, такое время... Мы положительно изнемогаемъ...

Когда господа ушли, довольные выполненіемъ своего гражданскаго долга, приставъ круто повернулся къ дежурному.

— А гдѣ тотъ?

— Увели, ваше высокоблагородіе. Разныя скверныя слова говорилъ.

— Въ одиночную?

— Такъ точно, въ одиночную.

— Ага... Ну, хорошо... Пусть до завтра тамъ будетъ. Завтра допрошу и отправлю рапортъ.

— Десять часовъ, господинъ приставъ!—напомнилъ я со всей возможной степенью любезности.

Приставъ хлопнулъ себя по бедрамъ.

— Виноватъ! Совсѣмъ закрутился, знаете. Будьте любезны пройти ко мнѣ. Вы подпишетесь, и я васъ освобожу.

Прошли въ кабинетъ и подписали двѣ бумажки съ объявленіемъ о гласномъ надзорѣ.

— Вы будьте увѣрены, что это только формальность!—успокаивалъ приставъ.—Но тѣмъ не менѣе придется вамъ пока посѣщать меня раза два въ недѣлю... И, кромѣ того, сообщите, пожалуйста, завтра же ваши адреса. Я, вообще, отъ всей души готовъ облегчить вамъ всѣ непріятности... Замѣтьте, господа, что я не какой-нибудь бурбонъ, и затѣмъ я—внѣ политики. Разувѣрьте, пожалуйста, вашихъ товарищей въ тѣхъ клеветахъ, которыя сыплются на мою голову. Конечно, я готовъ ко всему,—приставъ отворилъ полу сюртука и поигралъ браунингомъ,—но все-таки нежелательно, чтобы эта роковая ошибка имѣла свои послѣдствія... До свиданья, господа!

Черезъ минуту мы были уже вдвоемъ съ учителемъ на темной улицѣ, одни, безъ провожатыхъ. У насъ не было пока еще ни квартиры, ни пріюта. Учитель былъ человѣкъ наѣзжій, а большинство моихъ товарищей успѣло исчезнуть неизвѣстно куда за время моего пребыванія въ тюрьмѣ. Часы показывали одинадцатый часъ ночи, въ участкѣ лежали наши подписки о гласномъ надзорѣ, но, тѣмъ не менѣе, мы были свободны, и это чувство наполняло наши души восторгомъ.

Потомъ кто-то насъ увидѣлъ и кто-то за нами гнался, обѣщая выпустить кишки. Мы перелѣзли нѣсколько заборовъ и счастливо избѣжали погони. Потомъ мы добрались

таки до дома, гдѣ жила семья товарищей, и тамъ насъ встрѣтили тепло и радостно.

Для бѣднаго учителя это было уже послѣдней радостью. Его убили черезъ нѣсколько дней въ сосѣдней станицѣ.

Такъ мы вышли по амнистіи и сдѣлались свободными гражданами.

Николай Олигеръ.

За желѣзной рѣшеткой.

(Окончаніе).

IV.

„Поправѣвшіе".

Люди, испытавшіе въ тюрьмѣ то особое «полѣвѣніе», о которомъ я говорилъ на предыдущихъ страницахъ, эволюціонировали въ сторону своеобразнаго индивидуализма. И индивидуализмъ, къ которому они приходили, былъ настолько проникнутъ хулиганскимъ духомъ, что я не поколебался опредѣлить конечную точку его развитія, какъ моральную смерть, полное нравственное разложеніе. Но все же этотъ индивидуализмъ оставался непокорнымъ, протестующимъ. Это не было примиреніе съ тюрьмой, не было приспособленіе къ требованіямъ желѣзной рѣшетки. Въ душѣ узника продолжало горѣть пламя протеста, приведшее его въ тюрьму. Только свой протестъ узникъ не могъ уже вылить въ прежнія формы: тюрьма подсказывала ему новыя формы,—уродливыя и безплодныя...

Совершенно иную картину представляетъ собой «поправѣніе», которое увы! мнѣ приходилось наблюдать въ тюрьмѣ еще чаще, чѣмъ эволюцію въ сторону крайняго индивидуализма.

«Поправѣвшій» революціонеръ отказывается отъ борьбы и склоняетъ шею передъ тѣмъ, противъ чего прежде неудачно боролся. Примиряется иногда только пассивно, заглушая въ себѣ ненависть и просто воздерживаясь отъ участія въ соціальной и политической борьбѣ. А иногда начинаетъ славословить то, что раньше проклиналъ, и предаетъ проклятьямъ то, за что раньше готовъ былъ умереть. Въ душѣ «поправѣвшаго» въ концѣ-концовъ изсякаетъ самая потребность протеста, потребность движенія впередъ, къ какому бы то ни было идеалу.

Въ слѣдующей главѣ я попытаюсь намѣтить главные типы «поправѣнія».

Извѣстно, что тюремное заключеніе не для всѣхъ одинаково

мучительно. Карающая рука правосудія можетъ помѣстить двухъ «преступниковъ» въ тюрьму на одинъ и тотъ же срокъ. Условія, при которыхъ будутъ отбывать наказаніе эти два узника, могутъ быть совершенно тожественны. И все же въ итогѣ одинъ изъ нихъ выйдетъ изъ тюрьмы совершенно истерзаннымъ и разбитымъ; а надъ другимъ тюрьма будетъ безсильна или почти безсильна.

Отчасти это зависитъ отъ того, что люди сами по себѣ не одинаково сильны и выносливы. Но кромѣ этого, здѣсь дѣйствуетъ еще и другое условіе. Какъ общее правило, допускающее, разумѣется, извѣстныя исключенія, можно было бы формулировать такой законъ:

«Преступникъ» тѣмъ легче переноситъ тюрьму, чѣмъ сильнѣе его «преступная» воля; заключеніе въ тюрьмѣ для «преступника» тѣмъ мучительнѣе и тяжелѣе, чѣмъ слабѣе его «преступная» воля.

Этотъ общій законъ одинаково приложимъ и къ уголовнымъ, и къ революціонерамъ. Изъ уголовныхъ лучше всего устраиваются, и всего свободнѣе чувствуютъ себя въ тюрьмѣ иваны-рецидивисты; всего сильнѣе страдаютъ и быстрѣй всего чахнутъ случайные преступники и невинно осужденные. Изъ революціонеровъ легче всего переносятъ тюрьму тѣ, у кого больше всего силы, энергіи, непримиримости; а тяжелѣе всего дается тюрьма тѣмъ, кто попалъ въ революціонеры подъ вліяніемъ минутнаго увлеченія или по капризу жандармовъ, которые желали проявить чѣмъ-нибудь свою дѣятельность, но представить по начальству настоящихъ революціонеровъ не могли. Вообще, при наказаніи «преступниковъ» лишеніемъ свободы *субъективная жестокость наказанія обратно пропорціональна злой волѣ «преступника» и той опасности, которую онъ представляетъ для общества.* Въ этомъ отношеніи тюрьма, какъ наказаніе, является такимъ же абсурдомъ, какъ и смертная казнь *).

На различныхъ «преступниковъ» тюрьма дѣйствуетъ неодинаково тяжело, но дѣйствіе ея всегда проявляется, прежде всего, въ насильственномъ и крайне уродливомъ суженіи того міра, въ которомъ живетъ узникъ. Двигаться онъ можетъ на-столько-то шаговъ влѣво, на-столько-то шаговъ вправо. Передъ глазами его вѣчно однѣ и тѣ же стѣны. Въ ушахъ его вѣчно одни и тѣ же звуки. Даже воздуха отпускается ему ежедневно лишь столько, сколько абсолютно необходимо для дыханія. У него отнята воля въ мелочахъ. Вставать и ложиться, ходить и стоять, ѣсть, пить, а въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ также и отправлять свои естественныя потребности,—все долженъ онъ дѣлать по звонку, по командѣ. Короче, тюрьма стремится превратить узника въ безвольный автоматъ.

---

*) См. въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1910 г. „Смертники“.

И нечего говорить, что при достаточно неуклонномъ примѣненіи этой системы силы самаго крѣпкаго человѣка рано или поздно начнутъ падать. Жизнь станетъ казаться ему какой-то безконечной и безсмысленной ненужной канителью. Это—тотъ же результатъ, къ какому приводитъ человѣка продолжительная и тяжелая болѣзнь. Но тяжелая болѣзнь, какъ извѣстно, нерѣдко вызываетъ въ человѣкѣ такую безумную, ненасытную жажду жизни, какой никогда не испытывалъ здоровый. И такую же страстную жажду жить и пользоваться жизнью нерѣдко порождаетъ въ узникахъ тюрьма.

Жизнь и воля! Жить, только бы жить на волѣ! Пусть эта жизнь будетъ сѣра и тосклива, какъ осенняя ночь! Пусть вернется та самая жизнь, которую раньше мы проклинали, про которую раньше мы говорили: «Такъ жить нельзя. Лучше умереть, чѣмъ терпѣть эту муку»... Пусть вернется даже худшая жизнь на волѣ! Но только бы не тюрьма и не могила!

Иногда съ безумной силой просыпаются въ узникѣ мечты о волѣ. Все, оставшееся за тюремными стѣнами, начинаетъ казаться необыкновенно привлекательнымъ, сказочно красивымъ. И эта страстная жажда жизни нерѣдко идетъ параллельно съ упадкомъ жизненныхъ силъ и даже съ развитіемъ отвращенія къ жизни. Узникъ стоитъ на границѣ самоубійства. И вдругъ вспыхиваетъ въ немъ это мучительное желаніе: жить, только бы жить на волѣ! А черезъ нѣсколько часовъ снова нѣтъ и слѣда отъ этого желанія, снова жизнь кажется ненужной обузой.

Это находитъ какъ-то полосами.

Изъ окна камеры я, напримѣръ, часто смотрѣлъ на небо. Въ окно виденъ былъ лишь клочокъ неба, обрѣзанный снизу линіей тюремной ограды и исчирканный вдоль и поперекъ черными полосами оконной рѣшетки. И вотъ этотъ жалкій клочокъ синевы казался такимъ глубокимъ, сіяющимъ! Я вспоминалъ голубой шатеръ, которымъ любовался когда-то въ совершенно иной обстановкѣ, на южномъ берегу Крыма и въ Италіи. Но то небо никогда не было такъ чарующе прекрасно, какъ этотъ клочокъ надъ пыльнымъ дворомъ нашей губернской тюрьмы! И то же самое чувство читалось въ глазахъ моихъ товарищей по заключенію.

Какъ-то ранней весной, во время прогулки, я нашелъ во дворѣ кустикъ зеленой травки. Тайкомъ отъ надзирателя я сорвалъ эту травку, осторожно спряталъ ее подъ бушлатомъ и принесъ съ собой въ камеру. Травка почти не помялась. Въ камерѣ мы бережно разсматривали нѣжные зеленые стебельки. И эти слабенькіе ростки, которые на волѣ мы безжалостно и безучастно растоптали бы ногами, здѣсь, въ тюрьмѣ, казались такими трогательно прекрасными. Каждый мечталъ про себя о душистой, усѣянной цвѣтами лужайкѣ съ развѣсистымъ тѣнистымъ деревомъ. Лежать бы на травѣ, среди цвѣтовъ, прислушиваясь къ тому, что говорятъ листья, любуясь летящими надъ головой облаками! Какое счастье

было бы провести такъ хотя бы одинъ часъ! Какъ природный горожанинъ, я относился равнодушно къ весенней зелени луговъ, говору листьевъ, къ полету облаковъ въ небесной вышинѣ. И только въ тюрьмѣ почувствовалъ я, сколько прелести скрыто во всемъ этомъ...

Помню, какъ-то въ весенній вечеръ наблюдали мы изъ башни грозу. День былъ необыкновенно душный, и эта духота особенно тягостна была въ башнѣ съ ея вѣчнымъ запахомъ затхлости и гнили. Мы измучились за этотъ день и съ трудомъ дождались вечерней прохлады. Стемнѣло. Въ воздухѣ было совершенно тихо. И вдругъ весело забарабанили по желѣзнымъ листамъ крыши частыя, тяжелыя капли. Молнія прорѣзала тьму за окномъ, Оглушительный ударъ грома прокатился надъ самой тюрьмой... Ливень становился все яростнѣй и сильнѣе. Чаще и ярче сверкали молніи, и стѣны тюрьмы гудѣли отъ могучихъ раскатовъ грома... Это была чудная, живительная весенняя гроза. Мы настежь открыли окно, не думая о томъ, что вечерняя повѣрка давно уже прошла, и что за приближеніе къ окну мы можемъ легко получить пулю отъ часового. Дождь былъ косой, и въ одно мгновенье вода залила подоконникъ и побѣжала на полъ. Уже цѣлыя лужи воды стояли на асфальтовомъ полу, но намъ этого было мало. Мы прижимались къ прутьямъ оконной рѣшетки, подставляя голову, шею, раскрытую грудь подъ холодныя струйки дождя. Старались подальше вытянуть руки за рѣшетку, чтобы достать до струи, сбѣгавшей съ какого-то выступа крыши надъ окномъ, громко смѣялись, отталкивая другъ друга отъ узкаго окна. Какъ весело было намъ въ тотъ вечеръ! Хорошо, что часовой за раскатами грома не слышалъ нашего смѣха въ окнѣ и не замѣтилъ при вспышкахъ молніи нашихъ фигуръ, прижавшихся къ рѣшеткѣ. Иначе намъ пришлось бы дорогой цѣной расплатиться за минутное веселье. Впрочемъ, и такъ наше веселье быстро погасло. Каждый думалъ съ тоской о томъ, какъ хорошо теперь на вольномъ воздухѣ, гдѣ-нибудь въ полѣ или лѣсу. И при этой мысли неволя становилась такой мучительной, такой тяжелой, будто всѣ камни окружающихъ насъ толстыхъ стѣнъ разомъ навалились на грудь. Какъ хороша гроза, какъ хороша жизнь на волѣ! Какъ прекрасно все, чего насъ лишила тюрьма! Мы не говорили этого вслухъ, можетъ быть, мы сочли бы это малодушіемъ и сантиментальностью, но таковы были волновавшія всѣхъ насъ чувства. Чортъ возьми! не то нервы ослабли въ тюрьмѣ, не то на волѣ я жилъ съ закрытыми глазами, не замѣчая, какъ прекрасна жизнь. Такъ думалъ я, лежа безъ сна на своей койкѣ въ эту весеннюю ночь.

Еще сильнѣе поразилъ меня видъ города, когда послѣ годового заключенія мнѣ пришлось идти изъ тюрьмы въ судъ за полученіемъ копіи обвинительнаго акта. Много разъ проходилъ я по этимъ улицамъ еще вольнымъ человѣкомъ, и я считалъ тогда, что

трудно нарочно придумать городъ болѣе сѣрый, болѣе пошлый, болѣе отвратительный. Но теперь этотъ городъ почему-то представлялся мнѣ въ совершенно иномъ видѣ. Какъ-то жадно смотрѣлъ я на дома, магазины, на попадавшихся навстрѣчу людей, на проѣзжавшіе мимо насъ вагоны трамвая и извозчичьи пролетки. И все восхищало меня. Какими свѣтлыми, какими роскошными, веселыми, шумными казались мнѣ эти улицы послѣ нашихъ тюремныхъ корридоровъ! Какой нарядной казалась уличная толпа послѣ того, какъ глазъ привыкъ къ вшивымъ арестантскимъ бушлатамъ, къ лохмотьямъ пересыльниковъ да къ выцвѣтшимъ, полинявшимъ, вѣчно пыльнымъ и засаленнымъ мундирамъ надзирателей! И лица у всѣхъ встрѣчавшихся намъ людей были здоровыя, веселыя, красивыя...

Я замѣчалъ, что такое же впечатлѣніе производилъ видъ городскихъ улицъ и на товарищей, ходившихъ изъ тюрьмы въ судъ или отправлявшихся по этапу изъ одного города въ другой, изъ одной тюрьмы въ другую. Во всѣхъ этихъ впечатлѣніяхъ проявляется дѣйствіе общеизвѣстнаго закона контрастовъ. Днемъ мы не видимъ въ безоблачномъ небѣ ни одной звѣзды. Но стоитъ взглянуть на тоже небо изъ глубокаго темнаго колодца, — и звѣзды становятся доступны нашему глазу.

Такъ и въ обыденной сѣрой жизни, оставленной нами за стѣнами тюрьмы, мы открываемъ прекрасныя, яркія звѣзды,—лишь только приходится намъ взглянуть на эту жизнь сквозь черные квадраты желѣзной рѣшетки. И это нерѣдко зажигаетъ въ сердцѣ узника такую безумную жажду жить, такое страстное желаніе хоть разъ еще окунуться въ вольную жизнь, что мучительность тюрьмы становится для него невыносимой.

Здѣсь получается заколдованный кругъ.

Чѣмъ хуже въ тюрьмѣ, тѣмъ прекраснѣе кажется жизнь на волѣ. Но чѣмъ сильнѣе идеализируетъ узникъ жизнь на волѣ, чѣмъ больше стремится онъ къ ней, тѣмъ невыносимѣе становится для него лишеніе свободы.

Такимъ образомъ, страстная жажда жизни, просыпающаяся въ узникѣ, становится для него источникомъ новыхъ мученій.

Но этого мало.

Жажда жизни, даже связанная съ ея идеализаціей, сама по себѣ, является здоровымъ, положительнымъ чувствомъ. Но при уродливыхъ тюремныхъ условіяхъ она не только терзаетъ узника, но нерѣдко толкаетъ его въ сторону примиренія съ дѣйствительностью, въ сторону отказа отъ прежнихъ идеаловъ и отъ собственной личности. Это нерѣдко становится источникомъ «поправѣнія» и прямого отступничества.

Узникъ, вспоминая свою прошлую жизнь, думаетъ о томъ, что все могло бы сложиться по-иному. Не сдѣлай онъ рокового шага,— онъ былъ бы теперь на волѣ, дышалъ бы вольнымъ воздухомъ,

жилъ бы вольной жизнью. И этотъ роковой шагъ можетъ принять въ его глазахъ видъ глубокой ошибки. Та жизнь, какъ-никакъ, была слишкомъ хороша... Не слѣдовало рисковать... Нужно было взвѣсить всѣ послѣдствія.. Нужно было предвидѣть...

Конечно, не у всякаго являются эти малодушныя мысли. Не можетъ жалѣть о своемъ шагѣ человѣкъ, для котораго жизнь была только въ борьбѣ, для котораго и утрата свободы мучительна, главнымъ образомъ, тѣмъ, что въ неволѣ связаны его руки, что онъ ничѣмъ не можетъ отвѣтить торжествующимъ врагамъ.

Но слабые люди, случайные участники революціи, случайныя жертвы реакціи, жертвы судебной ошибки, преступники по несчастью, всѣ тѣ, которые составляютъ главный контигентъ населенія всѣхъ тюремъ... У этихъ людей нерѣдко приходится наблюдать глубокое сожалѣніе по поводу того шага, который привелъ ихъ въ тюрьму. Это своеобразное «раскаяніе» у уголовныхъ и политическихъ выливается въ различныя формы.

Уголовные чаще всего сожалѣютъ о той или иной технической ошибкѣ, допущенной ими при отправленіи ихъ опаснаго ремесла. Почти всегда причиной своего крушенія они считаютъ или собственную неосторожность, или какой-нибудь техническій недосмотръ: забрался въ церковь, а сторожа не прирѣзалъ,—понадѣялся на то, что тотъ спитъ; вздумалъ кассу на мѣстѣ ломать, а ее нужно бы съ собой забрать; на товарища положился, а тотъ, какъ начали его бить въ участкѣ, все и выдалъ; марухѣ *) слишкомъ довѣрился,—про всѣ дѣла знала и все полиціи донесла... Я почти не помню у уголовныхъ иного вида «раскаянія» въ совершенномъ преступленіи. И если тюрьма должна вызвать въ преступникѣ именно такое «раскаяніе», если подобное раскаяніе является признакомъ или предвозвѣстникомъ нравственнаго возрожденія человѣка, то сторонники современной пенитенціарной системы могутъ поздравить себя съ блестящимъ успѣхомъ!

У политиковъ «раскаяніе» выливается иногда въ форму сожалѣнія о томъ, что дешево продалъ свою свободу врагамъ. Но наиболѣе слабые, случайные политики начинаютъ сожалѣть о томъ, что вмѣшались не въ свое дѣло, приняли участіе въ борьбѣ, неудачный исходъ которой привелъ ихъ въ тюрьму.

Это и есть начало тюремнаго «поправѣнія».

«Поправѣвшій» узникъ сперва только скорбитъ о своемъ старомъ увлеченіи, а затѣмъ предпринимаетъ попытку исправить послѣдствія этого увлеченія. Простѣйшимъ средствомъ является подача прошенія о помилованіи. Въ прошеніи надо выразить свое полное раскаяніе и горячую готовность загладить свой грѣхъ «вѣрной службой». Хорошо также попутно облить помоями прежнихъ товарищей и свалить вину за свое увлеченіе на жидовъ...

*) «Маруха» на воровскомъ жаргонѣ—любовница, жена.

Когда прошеніе написано и отправлено, можно на досугѣ пересмотрѣть въ памяти всѣ событія, предшествовавшія аресту и суду, и въ этихъ событіяхъ не трудно найти тысячу оправданій собственнаго отступничества. Это отступничество окажется либо «военной хитростью», либо актомъ благоразумія и самосохраненія, либо маленькимъ компромиссомъ, вполнѣ допустимымъ, такъ какъ всѣ кругомъ «подлецы».

Впрочемъ, не слѣдуетъ обобщать этой картины «поправѣнія». Очень часто «поправѣніе» протекаетъ и въ иныхъ формахъ. Иные «правѣютъ», повидимому, вполнѣ искренно, не заботясь о томъ, чтобы оправдать какъ-нибудь свое отступничество.

Легче всего «правѣютъ» въ тюрьмѣ и чаще всего подаютъ прошенія о помилованіи крестьяне-аграрники. Это—почти сплошь случайные люди въ тюрьмѣ, сравнительно слабо связанные съ политикой; и при низкомъ уровнѣ ихъ политической сознательности имъ не трудно эволюціонировать въ какую-угодно сторону подъ вліяніемъ тяжелыхъ условій тюремной жизни.

Изъ «поправѣвшихъ» аграрниковъ, которыхъ я встрѣчалъ въ тюрьмѣ, пожалуй, всѣхъ типичнѣе былъ нѣкій Гавриловъ, приговоренный къ 8 годамъ каторги за участіе въ разгромѣ какого-то графскаго завода.

Это былъ мужикъ лѣтъ 40, съ обыкновеннымъ крестьянскимъ лицомъ. Русые волосы, рыжеватая клинообразная бородка, голубые задумчивые глаза, стертые наполовину зубы, тихій голосъ, медленныя движенія. Онъ не былъ похожъ ни на уголовнаго преступника, ни на революціонера, и при взглядѣ на него невольно являлась мысль о глухой русской деревнѣ, изъ которой выхватили зачѣмъ-то этого человѣка, и въ которой остались всѣ помыслы его, всѣ его заботы и привязанности.

Гавриловъ держался въ сторонѣ отъ всѣхъ, вѣчно одинокій, погруженный въ какія-то думы. Я зналъ про него, что въ 5-омъ году онъ организовалъ въ своей деревушкѣ «крестьянскій союзъ», соціалисты-революціонеры считали его «своимъ», партійнымъ, или, во всякомъ случаѣ, сочувствующимъ партіи. Больше ничего я не зналъ о немъ. И хотя меня интересовала его вѣчная глубокая задумчивость, и мнѣ хотѣлось разгадать, чѣмъ живетъ этотъ человѣкъ, столь явно не подходящій къ тюремной обстановкѣ, но не было случая разговориться съ нимъ: къ интеллигентамъ Гавриловъ относился, какъ къ «господамъ», и всячески избѣгалъ сближенія съ ними.

Но однажды онъ самъ подошелъ ко мнѣ за тѣмъ же, за чѣмъ обращались ко мнѣ въ тюрьмѣ довольно часто,—попросилъ, чтобы я написалъ ему письмо домой въ деревню.

— Сдѣлайте такую милость, господинъ,—просилъ онъ какъ-то застѣнчиво и нерѣшительно:—напишите... Самъ-то я малограмотный, не выходитъ у меня ничего.

— Съ удовольствіемъ, товарищъ. Сейчасъ же и напишемъ, а на повѣркѣ вы сможете отдать.

Мы присѣли къ столу.

— Вамъ къ кому писать? Къ сыну или къ женѣ?

— Къ женѣ бы написать...

— Хорошо! Вы какъ ее зовете?

— Маренй...

— Ладно! Значитъ, такъ и начнемъ: «Дорогая жена Марөа!.. А дальше что писать?

— Извѣстно, что.

Гавриловъ вздохнулъ и задумался.

— Вы говорите, а я буду писать.

— Да что говорить? Вы, господинъ, чай, лучше моего все знаете?

— Нѣтъ, какъ же я буду самъ писать? Я напишу все,—только вы говорите, о чемъ писать.

Какъ это всегда бываетъ съ малограмотными крестьянами, Гавриловъ никакъ не могъ понять, почему это я, человѣкъ «ученый», заставляю его указывать себѣ, какъ и что писать. И онъ началъ говорить, не столько диктуя мнѣ письмо, сколько попросту изливая душу, какъ бы выкладывая вслухъ свои мысли.

— Описать бы все полностью, какъ здѣсь живется-то. На прошлой недѣлѣ письмо я получилъ изъ деревни, отъ брата ейнаго. Пишетъ, безъ хлѣба сидятъ, лошадь продали. И, какъ мнѣ въ укоръ, пишетъ, что черезъ меня все врозь пошло. Тебѣ, дескать, хорошо на казенныхъ хлѣбахъ, на всемъ готовомъ. Вотъ бы и написать имъ все сполна, какъ мы здѣсь корки сухія гложемъ, да кровью своею вшей кормимъ. Безъ табаку, безъ всего... Солнышка за день-деньской не увидишь... Все сердце изныло... Помереть лучше, чѣмъ муку такую терпѣть. Они тамъ думаютъ,—у меня объ нихъ и думушки нѣтъ. А я-то и день, и ночь только о домѣ думаю. Что тамъ, да какъ? Да кто за хозяйствомъ присмотритъ, да кто работу справитъ? Жена-то у меня хворая, а у брата—своя семья, своя обуза... Только и есть думы, что о хозяйствѣ. Хлѣбъ-молъ снимать самое время... Какъ бы тамъ дня не опустили... И ни къ чему это, а все объ одномъ да объ одномъ душой болѣешь... Истомился совсѣмъ. Кабы я одинокій былъ, и тюрьма бы мнѣ тюрьмой не была. Пусть руки, ноги въ желѣза куютъ, пусть на части рвутъ,—ничего! А какъ домъ-то оставить пришлось безъ хозяина, да жену, да дѣтей, — вотъ тутъ-то и тюрьма... И то, братъ ейный правильно тогда говорилъ, что не слѣдъ мнѣ съ семьею въ такія дѣла мѣшаться. Безъ меня будто бъ дѣло не сдѣлалось бы, безъ меня будто бъ дураковъ мало! Эхъ! поздно за умъ берешься: ничего уже не подѣлаешь.

Мужикъ говорилъ монотоннымъ, тоскливымъ голосомъ, медленно и тягуче изливая свою душу въ жалобахъ. Я быстро писалъ подъ его слова.

— Напишите, господинъ, чтобъ и брату она передала: Егоръ, молъ, винится, что и впрямь дуракомъ въ ту пору былъ, что тебя не послушалъ. А еще, пусть не больно-то убивается, что хозяйство неладно идетъ. Богъ дастъ, скоро выду я на волю тогда поправимся какъ-нибудь...

Гавриловъ опустилъ голову и замолчалъ въ глубокомъ раздумьи.

— Какъ это, скоро выдете на волю?—переспросилъ я:—Вѣдь срокъ у васъ еще не маленькій?

Мужикъ замялся немного, а потомъ сказалъ тихо и просительно:

— А я васъ же, господинъ, просить буду прошеньице мнѣ аписать...

— Какое прошенье?

— Да о скидкѣ со срока или чтобы совсѣмъ помиловали. Семья вѣдь черезъ меня пропадаетъ...

— То есть, прошенье на Высочайшее имя?

Опять замялся Гавриловъ, но затѣмъ сказалъ:

— Вотъ это самое, это самое. Вы же, господинъ, такое прошеньице для ротной камеры писали недавно... Я слышалъ.

Ко мнѣ нерѣдко обращались въ тюрьмѣ съ просьбами составить прошеніе о помилованіи. Подобныя просьбы уголовныхъ я удовлетворялъ всегда безъ всякаго колебанія, политикамъ же отказывалъ. Но относительно аграрниковъ, солдатъ и матросовъ иногда затруднялся рѣшить вопросъ.

И теперь я спросилъ Гаврилова:

— Вы по какому дѣлу судились? Правда, что вы были эсэромъ?

— По крестьянскому дѣлу насъ судили... А что объ эсэрахъ, такъ неправда это совсѣмъ. Какимъ я эсэромъ былъ? Я, почитай, въ тюрьмѣ-то только и узналъ, чего соціалисты хотятъ. И какъ я понимаю, совсѣмъ это для насъ, мужиковъ, неподходящее... хотя, можетъ, вамъ, какъ людямъ ученымъ, лучше все извѣстно. А что на судѣ показывали, что я тогда супротивъ помѣщиковъ и начальства шелъ, вѣрно это. Противъ я ничего не скажу. Только нужно, господинъ, и то въ разсужденіе взять, какое время-то тогда было. Вотъ и земскаго нашего начальника за эти же самыя дѣла въ тюрьму засадили. Изъ сосѣдняго уѣзда двухъ учителей да врача казеннаго въ Сибирь куда-то угнали. Помѣщика нашего, господина Малишевскаго, дочка за это же и теперь еще въ тюрьмѣ сидитъ. А образованная, въ Петербургѣ училась! Да и все вѣдь господа, образованные люди. Такая ужъ линія тогда выходила. Съ нашего брата, мужика, и спрашивать меньше бъ должны, мы вѣдь по дурости своей больше, по темнотѣ...

Гавриловъ говорилъ такъ, какъ будто онъ оправдывался передо мной, стараясь убѣдить меня написать ему прошеніе о помилованьи.

Я спросилъ его:

— Что же, теперь вы считаете, что были неправы, что шли противъ помѣщиковъ и противъ начальства? Не слѣдовало этого дѣлать?

— А кто разберетъ? Можетъ, слѣдовало, а можетъ, и нѣтъ. Плохо-то живемъ мы, вѣрно это. А начальство—для кого плохое выходитъ, а для кого и хорошее. Можетъ, и правда, что тогда у насъ на сходѣ ораторъ говорилъ: по иному, молъ, лучше бъ жить стало... А можетъ, и хуже прежняго пошло бы... Кто разберетъ? Хочешь лучше, а оно на худшее выдетъ... Думалъ, ужъ такъ плохо, такъ плохо, что хуже и быть нельзя... А оно такъ обернулось, что тогда хорошо было, а теперь самъ себя погубилъ...

Медленно, сбивчиво и неуклюже говорилъ Гавриловъ. А затѣмъ прибавилъ увѣренно и твердо:

— Только не слѣдъ бы мнѣ, съ семьей-то на шеѣ, въ такія дѣла лѣзть. Говорили у насъ мужики въ ту пору: плохо живемъ... нужда одолѣла... голодъ... земли нѣтъ! Вотъ и сдѣлали себѣ лучше! Да мнѣ бы теперь хоть годъ такъ пожить, какъ прежде мы, до забастовокъ жили! Кажись, не зналъ бы, какъ Бога благодарить. У насъ, бывало, говорятъ: не жизнь, молъ, у насъ, мужиковъ, а каторга. То-то и говорятъ, чего не знаютъ...

— А развѣ хорошо вамъ жилось?

— Кто скажетъ, что хорошо? А все же, какъ ни есть, да жили себѣ... А перемѣнить захотѣли,—и хуже сдѣлали. И я такъ думаю, что не спроста это такъ вышло.

— Т. е. что именно?

— А все... Я по ученому объяснить-то не умѣю. А только, намъ не напротивъ идти надо, а такъ, чтобы польза была. Напротивъ идти, — ничего не получишь. Ораторы тоже пріѣзжали. Я слушалъ, слушалъ: за насъ, кажись, говорятъ. Самое для насъ нужное. А вышло такъ, что насъ же подъ разстрѣлъ, да подъ висѣлицу, да подъ каторгу подвели. Уговорили! Тамъ противъ царя, что ли, пошли... забастовки разныя устраивать начали. Ну, и достигли. Выходитъ, я тогда дуракомъ былъ. А придись теперь случай, я бы такого оратора угостилъ...

Лицо Гаврилова приняло мрачное выраженіе, и онъ сжалъ кулакъ.

— Спасибо, дядя, что предупредилъ!—замѣтилъ я съ укоромъ.— Коли придется мнѣ въ вашей деревнѣ бывать, въ хату Гаврилова не постучусь.

Гавриловъ сконфузился и, полагая, что лично обидѣлъ меня, постарался загладить неловкость:

— Да развѣ я, господинъ, человѣка не разберу? Развѣ мы звѣри? Вотъ вы, дай вамъ Богъ здоровьица, письмецо моей Маррѣ написали... Прошеньице, можетъ, тоже напишете? Развѣ я вашу

милость забуду? Я только сказать не умѣю... Такъ вы темноту-то мужицкую простите.

— Да за что простить? Мнѣ на васъ обижаться не съ чего. Только не понимаю, что вамъ «ораторы» плохого сдѣлали?

— А то сдѣлали, что черезъ нихъ и смутеніе-то у насъ пошло.

— Какъ черезъ нихъ?

— Да такъ, что они разсказывать стали: то нехорошо, это нехорошо...

— А безъ нихъ вы слѣпы, что ли, были?

— А то нѣтъ? Мы люди темные, сами ничего не поймемъ.

— Значитъ, черезъ нихъ-то, по крайней мѣрѣ, поняли?

— Поняли, да не то, что нужно намъ, по нашему положенію...

— Да что же вамъ нужно?

— То нужно, что живи себѣ, человѣкъ, какъ умѣешь. Другого не тронь,—и тебя не тронутъ. Смутеніемъ ты себѣ не поможешь. Хоть какъ тамъ,—а живи. Этой-то правды ораторы, небось, не сказали? А здѣсь-то она, первая правда, и есть.

Неожиданно Гавриловъ принялся разсказывать про брата своей жены.

— Степана мы тогда за послѣдняго человѣка считали за то, что онъ отъ мірского дѣла сторонился. Сколько разъ я ему выговаривалъ: дуракъ ты, дуракъ! Ничего не смыслишь, а хочешь умнѣе образованныхъ людей быть. А онъ мнѣ все говорилъ: не я, дескать, дуракъ, что въ сторонѣ этого; а вы дураки, что впередъ лѣзете! А теперь такъ оно и вышло, что мы дураками передъ нимъ оказались... Спасибо еще, что въ бѣдѣ насъ не вовсе оставилъ, семьѣ помогаетъ!

Я слушалъ тягучія рѣчи крестьянина и думалъ о безнадежно тупой покорности судьбѣ, къ которой пришелъ этотъ человѣкъ. Одинъ разъ въ жизни осмѣлился онъ смутно мечтать о лучшей участи, и вотъ теперь проклинаетъ тѣхъ, кто зажегъ въ его душѣ эту мечту! Этотъ раскаивающійся «поправѣвшій» аграрникъ казался мнѣ воплощеніемъ вѣчной покорности. Покорность звучала въ его голосѣ, покорность смотрѣла изъ его глазъ. И ясно говорила эта покорность о крушеніи всѣхъ надеждъ, объ отчаяніи безысходномъ.

Въ концѣ-концовъ, я написалъ Гаврилову прошеніе о помилованіи.

Приходилось писать такія прошенія и другимъ аграрникамъ. Иные изъ нихъ были на волѣ настолько несознательны, что ихъ никакъ нельзя было считать «поправѣвшими» въ тюрьмѣ. Другіе, наоборотъ, вполнѣ опредѣленно отрекались отъ минувшаго увлеченія, и отрекались чаще всего такъ же откровенно, такъ же рѣзко, какъ Гавриловъ. И такъ же, какъ у Гаврилова, безпомощно путалась ихъ мысль при попыткѣ опредѣлить причину постигшаго ихъ несчастья.

«Поправѣвшіе» солдаты и матросы-повстанцы были непохожи на «поправѣвшихъ» аграрниковъ. Эти тоже покорились желѣзной рѣшеткѣ, но въ ихъ покорности не было той простоты, пассивности, какъ въ «стихійной» покорности крестьянъ, въ нихъ чувствовалась какая-то глухая озлобленность, не находящая себѣ выхода.

Они легко писали прошенія о помилованьѣ. Получивъ отказъ на одно прошеніе, тотчасъ принимались сочинять другое, позабористѣе. Всего усерднѣе подчеркивали они въ этихъ прошеніяхъ свою готовность «вѣрной службой царю и отечеству, вѣрной защитой престола отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ загладить свою вину и великій свой грѣхъ передъ Богомъ и передъ родиной». Короче, при составленіи этихъ прошеній они пускали въ ходъ весь цвѣтистый жаргонъ полковой литературы. Иныя изъ солдатскихъ прошеній представляли собой цѣлыя произведенія искусства. Въ тюрьмѣ у нихъ были свои мастера-спеціалисты по изготовленію прошеній, работавшіе иной разъ безплатно, иной разъ за деньги. Но плату за трудъ они брали, во всякомъ случаѣ, невысокую: 1 рубль,—50 копѣекъ, рѣдко больше.

Не вполнѣ довѣряя своимъ искусникамъ, солдаты-подаванцы иной разъ приносили мнѣ свои прошенія:

— Посмотрите, дескать, товарищъ, правильно ли здѣсь все поставлено? Можетъ быть, здѣсь что-нибудь не такъ написано?..

Чаще всего подаванцы сами стыдились немного своихъ прошеній. Бывало, просматриваю я прошеніе, а «поправѣвшій», кающійся солдатъ сидитъ здѣсь же рядомъ и поясняетъ:

— Я его не просилъ совсѣмъ писать про враговъ «внѣшнихъ и внутреннихъ». Это онъ отъ себя вставилъ. Да ничего... Этакъ оно лучше выходитъ. Пускай думаютъ тамъ, что совсѣмъ я на ихъ сторону перешелъ. Вѣдь на это скорѣе вниманіе обратятъ... Правда, товарищъ?.. А я-то, вѣдь, какимъ былъ, такой и остался. Я, товарищъ, завсегда на все готовъ. Здѣсь-то я только для нихъ поставилъ... Дымъ въ глаза пускаю...

Возвращая ему прошеніе, я указывалъ на то, что въ прошеніи много лишняго:

— На что вашъ мастеръ здѣсь столько черносотенства пустилъ: «жиды», «крамольники», «кровь свою пролить»—все это совершенно лишнее.

— А какъ же безъ этого?

— Если ужъ рѣшили писать, пишите по формѣ: о семьѣ упомяните, и только. Больше ничего не нужно.

— Да вѣдь всѣ такъ пишутъ, какъ здѣсь, вотъ, написано. Про жидовъ онъ, правда, зря написалъ... Но и безъ этого не знаю какъ. Измѣнить, говорите, слѣдуетъ?

— Пишите, какъ знаете. Только такое прошеніе подавать стыдно.

— Я, товарищъ, подумаю... Можетъ быть, иначе какъ-нибудь напишу... А здѣсь-то больно хорошо поставлено насчетъ того, чтобы грѣхъ загладить.

Но, въ концѣ-концовъ, солдатъ подавалъ все же прошеніе съ «жидами» и «крамольниками». И мнѣ всегда казалось, что эти конфузящіеся нерѣшительные подаванцы въ своихъ прошеніяхъ искреннѣе, чѣмъ въ своихъ оговоркахъ къ этимъ прошеніямъ. Искренни въ выраженіи своей готовности «загладить вину».

Но стоило заговорить съ ними о начальствѣ, объ офицерахъ, о судьяхъ, о правительствѣ и т. д.,— куда только дѣвались ихъ лояльныя чувства! Въ ихъ рѣчахъ звучала тогда самая неподдѣльная ненависть къ тѣмъ побѣдителямъ, которые замуровали ихъ въ тюремныхъ стѣнахъ.

И здѣсь не было противорѣчія. Какой-нибудь случайный солдатъ-каторжанинъ отъ всей души ненавидѣлъ все начальство, въ которомъ видѣлъ своихъ тюремщиковъ-мучителей. Но оно было для него непобѣдимой, всемогущей силой. Только милость начальства могла вернуть ему жизнь и волю и, чтобы угодить начальству, онъ съ готовностью застрѣлилъ бы отца, перегрызъ бы горло брату.

Это было, воистину, жалкое зрѣлище.

Правда, не всѣ солдаты-подаванцы были таковы. Иные подавали прошенія о помилованіи, наполненныя выраженіями раскаянія, просто «такъ себѣ», на авось: можетъ быть, поможетъ выкрутиться. Эти тоже были «поправѣвшими», но все же у нихъ сохранялось извѣстное понятіе о чести, и они не согласились бы подписать «слишкомъ» забористое прошеніе, не согласились бы также прибѣгнуть къ доносу или предательству. Такъ далеко ихъ «поправѣніе» не шло.

Но нѣкоторые начинали заглаживать свою вину усердной борьбой съ «врагами царя и отечества» еще въ тюрьмѣ, выслѣживая крамолу среди товарищей. Это было вѣнцомъ «поправѣнія».

Попадались «поправѣвшіе» и среди массовиковъ-политиковъ, рабочихъ и разночинцевъ. Эти были всего разнообразнѣе, и въ ихъ «поправѣніи», пожалуй, всего ярче проявлялось дѣйствіе желѣзной рѣшетки на психологію узниковъ.

«Поправѣвшіе» рабочіе иногда выражали свое раскаяніе въ такихъ прошеніяхъ, что лицемѣрная лживость ихъ била въ глаза изъ каждой строчки. И если когда-нибудь историкъ нашего кошмарнаго времени будетъ разбирать архивы канцеляріи по пріему прошеній на Высочайшее имя, онъ найдетъ тамъ много матеріаловъ для характеристики этого тюремнаго «поправѣнія» и «поправѣнія» вообще.

У меня сейчасъ нѣтъ этихъ документовъ подъ рукой, а приводить ихъ на память не стоитъ, но все же я познакомлю читателя съ отрывками изъ одного такого прошенія. Авторъ его—

вполнѣ интеллигентный рабочій большого механическаго завода. На волѣ онъ былъ членомъ партіи, но попалъ въ тюрьму не за партійное дѣло, а за какую-то довольно темную экспропріацію. Въ тюрьмѣ держался, какъ «непримиримый» революціонеръ, и пользовался среди товарищей большимъ уваженіемъ. И вдругъ оказалось, что этотъ «непримиримый» подалъ прошеніе о помилованьѣ, да еще какое прошеніе!

Обнаружилось это совершенно случайно. Одинъ изъ тюремныхъ надзирателей выругалъ политическаго площадными словами. Тотъ отправился по этому поводу къ начальнику тюрьмы объясняться. Начальникъ его принялъ довольно нелюбезно и, выслушавъ заявленіе, сказалъ:

— Ну, и выругался надзиратель! Эка важность! Надзиратели у меня въ институтѣ для благородныхъ дѣвицъ не обучались! Мало и вы межъ собой ругаетесь...

— Политическіе всегда старались...

— Политическіе, политическіе! Плевать мнѣ на вашу политику! Если хотите знать цѣну вашей политикѣ... вотъ, читайте!

Начальникъ протянулъ арестанту листъ бумаги, сложенной вчетверо, какъ складываются прошенія. Смѣясь, онъ развернулъ бумагу и пододвинулъ ее по столу къ арестанту:

— Видите? Канцелярія по пріему прошеній... Руку своего товарища узнаете? Фамилію эту знаете?

Арестантъ немного смутился, но, подозрѣвая ловушку, сказалъ довольно рѣшительно:

— Намъ не о чемъ толковать. А ваши конторскія бумаги меня не интересуютъ.

И онъ двинулся къ двери. Но начальникъ остановилъ его:

— Нѣтъ, послушайте! Я, вотъ, прочту вамъ... Ей-Богу занятно. «Въ канцелярію по пріему прошеній... ссыльно-каторжнаго...» Это все по формѣ... «Всемилостивѣйшій Государь! Августѣйшій Монархъ. Всеподданнѣйше припадая къ стопамъ»... Ишь, сволочь, и форму знаетъ... А вотъ его собственное начинается... Слушайте! «Я былъ неопытнымъ юношей, когда злодѣи увлекли меня на путь преступленій, усыпивъ лукавыми рѣчами мою совѣсть. Только подъ вліяніемъ рѣчей злодѣевъ-подстрекателей могъ я забыть на время, что я русскій человѣкъ, и нарушить долгъ вѣрности обожаемому монарху, который подсказывало мнѣ мое русское сердце даже въ дни самаго глубокаго моего паденія...» Хорошо? А? Слушайте-ка дальше—еще лучше есть... «Я былъ безъ работы. И злодѣи воспользовались моей рястерянностью и бѣдственнымъ моимъ положеніемъ, чтобы соблазнить меня.. Одинъ изъ рабочихъ завода, съ котораго я былъ разсчитанъ, настоящій волкъ въ овечьей шкурѣ, позвалъ меня къ себѣ. Я, какъ неопытный юноша, пошелъ къ нему. У него на квартирѣ было собраніе, первое преступное собраніе, на которое я попалъ, не подозрѣвая даже, что стремлюсь

къ собственной погибели. На собраніи говорилъ рѣчь какой-то молодой человѣкъ еврейскаго типа съ длинными волосами и горящими глазами!» Ха-ха-ха! Хорошо? А? Интересно? А тутъ вотъ: «Жиды толкнули меня на путь преступленія, вложили мнѣ въ руку оружіе для убійства. Погубили меня тѣ же злодѣи, которые губятъ всю русскую землю»... Ну, здѣсь о старушкѣ-матери идетъ и о маленькихъ сестрахъ... Какъ во всѣхъ прошеніяхъ,—это неинтересно. А вотъ самый конецъ: «...чтобы могъ я загладить свой великій грѣхъ передъ Богомъ и людьми своей беззавѣтно вѣрной службой Престолу и борьбой съ тѣми забывшими Бога злодѣями и жидами, которые губятъ русскую землю. Всю жизнь свою отдамъ я этой борьбѣ»... Вотъ оно, какъ ваши товарищи пишутъ. Ха-ха-ха!

Арестантъ вышелъ изъ конторы, какъ оплеванный.

Къ вечеру вся тюрьма знала объ этомъ прошеніи, но авторъ его категорически заявилъ, что ничего подобнаго не писалъ. Пошли въ контору для выясненія этого недоразумѣнія. Начальникъ, торжествуя униженіе политическихъ, снова досталъ прошеніе и со смакомъ и чувствомъ прочелъ его вслухъ. Посмотрѣли подпись и почеркъ: сомнѣній не могло быть. Тюрьма была потрясена этимъ случаемъ. Но авторъ прошенія заявилъ рѣшительно и твердо:

— Отчета въ своихъ поступкахъ я давать никому не намѣренъ. На васъ всѣхъ и на ваши резолюціи мнѣ наплевать. А показывать вамъ мое прошеніе начальникъ не имѣлъ права.

Отъ него отвернулись, какъ отъ зачумленнаго.

Впрочемъ, этотъ случай почти исключительный. Существуютъ вѣдь и другія, болѣе скромныя формы для того, чтобы отказаться отъ старыхъ увлеченій.

Самая скромная форма «поправѣнія»—исповѣдыванье стараго русскаго правила: моя хата съ краю, ничего не знаю. Въ примѣненіи къ тюремнымъ условіямъ это правило означаетъ: на волѣ никакого касательства къ революціи я не имѣлъ; въ тюрьму посадили меня по ошибкѣ; и впредь, по выходѣ изъ тюрьмы, я буду держаться въ сторонѣ.

Зналъ я въ тюрьмѣ одного немолодого желѣзнодорожнаго служащаго. Это былъ очень маленькій человѣчекъ, слабый и хилый, но подвижной, живой, съ нѣкоторымъ огонькомъ. На волѣ онъ давалъ свою квартиру для собраній, для ночевокъ нелегальнымъ, для явокъ, для храненія литературы. Держалъ гектографъ, хранилъ одно время печать и даже взялся собирать въ пользу партіи деньги по чековой книжкѣ. Первое время послѣ ареста онъ охотно разсказывалъ о своей дѣятельности, явно гордясь своими революціонными знакомствами и тѣмъ, что онъ, маленькій человѣкъ, все же могъ «послужить великому дѣлу». Жестокій приговоръ суда поразилъ его; тюрьма давалась ему, быть можетъ, тяжелѣе, чѣмъ кому бы то ни было. Цѣлыми днями ходилъ онъ по камерѣ молчаливый, за-

думчивый. Со свиданій возвращался совершенно разстроенный, съ покраснѣвшими отъ слезъ глазами.

Маленькій человѣкъ убѣдился, что послѣдствія «служенія великому дѣлу» тяжелѣе, чѣмъ онъ думалъ раньше. И вотъ начало мѣняться его отношеніе къ этому дѣлу. Онъ уже неохотно говорилъ о своихъ знакомыхъ-революціонерахъ, а про свою жизнь на волѣ разсказывалъ, какъ про самое спокойное существованіе мелкаго служащаго, ни въ чемъ не «замѣшаннаго», ничѣмъ не интересующагося. Обижался и пугался, когда къ этимъ его разсказамъ относились недовѣрчиво или насмѣшливо. Мечтая о томъ, какъ придется ему жить съ семьей послѣ тюрьмы, онъ подчеркивалъ неизмѣнно, что будетъ жить такъ тихо, уединенно и замкнуто, какъ только возможно; будетъ избѣгать всякихъ знакомствъ; не будетъ ходить ни къ кому, не будетъ никого принимать у себя; не будетъ вмѣшиваться ни въ какія «глупости»; весь уйдетъ въ заботы о семьѣ, о дѣтяхъ.

Какъ ни мучился этотъ человѣкъ въ тюрьмѣ, онъ все же не подалъ прошенія о помилованіи.

— Не поможетъ это,—говорилъ онъ женѣ своей, упрашивавшей его подать такое прошеніе:—сколько народу подавало, да почти всѣмъ отказано. Досижу какъ-нибудь!

Въ этомъ «поправѣніи» не было ни измѣны, ни ренегатства, но это было несомнѣнное проявленіе душевнаго упадка. Это было вынужденное примиреніе человѣка побѣжденнаго и обезсиленнаго.

Прямую противоположность этому «поправѣвшему» желѣзнодорожнику представлялъ сидѣвшій въ нашей тюрьмѣ сельскій учитель Кирилловъ. Худощавый и длинный, съ блѣднымъ, желтымъ лицомъ, съ безпокойными глазами и нервными порывистыми движеніями, онъ производилъ впечатлѣніе человѣка, сильно потрепаннаго жизнью. Казалось, всю жизнь свою онъ голодалъ и хворалъ, и жизнь сохранилась въ его тѣлѣ какимъ-то чудомъ.

На волѣ онъ былъ не крупнымъ, но дѣятельнымъ партійнымъ работникомъ. Служа въ глухой деревнѣ, онъ велъ пропаганду среди крестьянъ, распространялъ литературу, доставлялъ связи съ другими учителями губерніи и вѣчно организовывалъ что-нибудь—то крестьянскій союзъ, то учительскій съѣздъ, то какую-нибудь спеціальную мѣстную газетку. Въ партіи его считали человѣкомъ съ причудами, но цѣнили и уважали за беззавѣтную преданность партійному дѣлу.

Я его встрѣтилъ въ тюрьмѣ, когда онъ былъ еще подслѣдственнымъ. Слѣдствіе по его дѣлу тянулось почему-то безконечно долго. Онъ ждалъ суда уже третій годъ, и за это время тюрьма совершенно измучила его: онъ упалъ духомъ, вѣчно нервничалъ жаловался на судьбу. Какъ человѣку до крайности экспансивному ему постоянно нуженъ былъ кто-нибудь, передъ кѣмъ онъ могъ бы изливать свою душу.

Въ числѣ другихъ, приходилось выслушивать его изліянія и мнѣ. Онъ охотно и подробно разсказывалъ о своей дѣятельности на волѣ, особенно о своихъ организаторскихъ попыткахъ. Но всѣ свои разсказы неизмѣнно кончалъ жалобами:

— Я вотъ на части разрывался,—туда, сюда, повсюду. Минуты свободной не было... Въ городъ надо съѣздить, напримѣръ. Кому ѣхать? Тотъ занятъ, другой занятъ, у третьяго семья, у четвертаго лошади нѣтъ, у пятаго зубы болятъ... Пусть Кирилловъ ѣдетъ! Нужно литературу въ дальнюю волость отвезти. Опять Кирилловъ! Вотъ до тюрьмы и доѣздился... А изъ товарищей, вы думаете, хоть кто-нибудь позаботился навѣстить или помочь чѣмъ-нибудь? Никто! Я и подъ залогъ могъ выйти, и совсѣмъ можно было бы все дѣло замять, если бы похлопоталъ кто-нибудь съ воли. Да развѣ ихъ это дѣло касается? Это урокъ мнѣ хорошій, чтобы впредь умнѣе быть. Теперь, если на волю выйду, пальцемъ о палецъ для другихъ не ударю. Довольно я поработалъ. Пусть другіе спину подставляютъ. Да-съ...

Онъ волновался, сердито брызгалъ слюной и отъ волненія мучительно кашлялъ, говоря объ этихъ «другихъ», для которыхъ онъ столько перенесъ и которые въ бѣдѣ не поддержали его. Я спросилъ:

— Кто эти «они», другіе», на которыхъ вы все сердитесь?

— Какъ кто? Да товарищи... Хотя бы тѣ же учителя!

— А развѣ на волѣ вы для *нихъ* дѣлали что-нибудь?

— Вѣдь я говорилъ вамъ... Можетъ быть, вы моимъ словамъ не вѣрите?

— Не въ этомъ дѣло. Я только думаю: что̀ вы дѣлали на волѣ, вы для себя дѣлали. Вамъ это доставляло удовлетвореніе, и требовать какого-нибудь особаго вниманія отъ оставшихся на волѣ товарищей вы не имѣете права.

— Ну, этой вашей философіи я не понимаю. Вы можете это какъ вамъ угодно понимать. Только будетъ съ меня этой науки. Пусть другіе дураками будутъ...

И ясно было, что это у него не пустыя слова, что, выйдя на волю, онъ спрячется въ свою скорлупу и будетъ трусливо сторониться всего, что можетъ быть принято за «общественное» дѣло.

По суду учитель получилъ ссылку на поселеніе. Прошенія о помилованіи онъ не подалъ, со средой политическихъ не порвалъ. Но вскорѣ я потерялъ его изъ виду и не знаю, что стало съ нимъ впослѣдствіи.

У этого учителя «поправѣніе» имѣло совершенно ясно выраженныя черты психологическаго упадка. Но справедливость требуетъ отмѣтить, что тюремное «поправѣніе» иногда бывало свободно отъ такого упадническаго характера. Изъ числа «поправѣвшихъ», сохранившихъ извѣстную самостоятельность, извѣстное

чувство собственнаго достоинства, особенно хорошо помню я одного рабочаго, Желѣзняка.

Желѣзняку, когда я познакомился съ нимъ, было не больше 25 лѣтъ, но по виду ему можно было дать 30 или 35. Его подвижное, немного нервное лицо обличало въ немъ умъ и энергію. Въ тюрьмѣ онъ держался очень независимо, нѣсколько въ сторонѣ отъ другихъ, много читалъ и занимался. Читалъ больше всего по естественнымъ наукамъ, занимался преимущественно математикой. Его усидчивость и способность работать въ шумной переполненной камерѣ были изумительны.

Отъ другихъ я узналъ, что Желѣзнякъ сидитъ въ тюрьмѣ уже третій годъ. Несмотря на свою молодость, онъ былъ давнишнимъ партійнымъ работникомъ: въ партійный кружокъ онъ вступилъ въ 1899 году и съ тѣхъ поръ работалъ не переставая, такъ что единственные перерывы въ его дѣятельности составляла тюрьма.

Энергичнымъ и умнымъ человѣкомъ показался мнѣ Желѣзнякъ и въ тюрьмѣ. Мнѣ приходилось нѣсколько разъ бесѣдовать съ нимъ, такъ какъ онъ часто обращался ко мнѣ за разъясненіями по поводу интересовавшихъ его вопросовъ изъ физики, геологіи и т. п. Я удовлетворялъ его любопытство, какъ умѣлъ. Но меня немного удивляло, что интересы его постоянно вращаются въ кругу этихъ наукъ.

Какъ-то разъ я спросилъ его:

— Вы только естественнонаучными вопросами интересуетесь товарищъ?

— Да, вотъ занимаюсь помаленьку естественными науками. Жалѣю, что поздно началъ.

— Въ области этихъ вопросовъ у нашего брата всегда слабовато,—замѣтилъ я:—наверстываете?

— Нѣтъ, не наверстываю. Просто на другіе рельсы сталъ.

— Въ какомъ смыслѣ?

— Да я съ тѣхъ поръ, какъ читать научился, и до тюрьмы только политическими да общественными вопросами и интересовался. Сперва брошюры читалъ, потомъ и къ серьезнымъ книгамъ перешелъ, но все изъ этой области. По исторіи читалъ, политическую экономію проходилъ, соціологіей, антропологіей занимался... Все больше урывками, по тюрьмамъ да въ рѣдкіе свободные часы дома. У меня, знаете, на волѣ особое отношеніе къ книгамъ выработалось: если могу я изъ книги извлечь что-нибудь для кружка или для массовки, или, скажемъ, хоть для дискуссіи,—полезная книга, стоитъ ее читать. Если такого матерьяла книга мнѣ не даетъ,—безполезная, никчемная книга, и читать ее — только время терять. Признайтесь, вѣдь такъ на книги большинство партійной публики смотритъ... Да и вы меня спросили о моихъ занятіяхъ такъ, какъ будто удивляетесь: зачѣмъ это человѣкъ астрономіей да геологіей занимается, когда это время можно

было бы потратить на изученіе IV-го тома «Капитала»? Правда вѣдь? Была у васъ эта мысль?

— Ничего подобнаго!—запротестовалъ я:—развѣ можно всегда однимъ и тѣмъ же заниматься!

— Ну, можетъ быть, вы этого и не думали. Но у другихъ партійцевъ прежде всего эта мысль явится. А знаете, какъ теперь я къ книгамъ отношусь и вообще къ наукамъ?

— Какъ?

— Я считаю, что зря потерялъ тѣ годы, когда учился только, чтобы для кружка или массовки зарядиться! И книги тѣ ненужны мнѣ были, и знанія тѣ—или вѣрнѣе та поддѣлка подъ науку—все это было для меня лишнее. Эхъ! Если бы мнѣ съ самаго начала правильный путь указали, какъ учиться, сколько бы я уже сдѣлать успѣлъ! А теперь 8 лѣтъ жизни, и притомъ лучшіе годы зря пропали.

— Какъ такъ зря?

— Конечно, зря! Что я теперь знаю? Вотъ только въ тюрьмѣ, какъ слѣдуетъ, грамотно писать выучился и прошелъ кое-что. А на волѣ, что я за эти годы сдѣлалъ, что видѣлъ?

— Мнѣ передавали, что вамъ удавалось дѣлать не меньше, чѣмъ другимъ. А видѣли и пережили мы всѣ достаточно.

Желѣзнякъ скептически улыбнулся:

— Вы все на политику сворачиваете. А я вовсе не объ этомъ. Что мнѣ съ того, что я 5 лѣтъ вмѣстѣ съ другими возился надъ «развитіемъ классоваго самосознанія и сплоченности пролетаріата?» Вѣдь это—не жизнь. Вѣдь есть что-то выше, значительнѣе этого. А этого настоящаго я и не замѣтилъ...

— Вы какъ-то туманно выражаетесь. «Выше», «значительнѣе», «настоящее»... Что это такое?

— Да сама жизнь, какъ она есть, со всѣмъ тѣмъ, что можно отъ нея взять.

— А развѣ борьба—не жизнь?

— Нѣтъ, только часть жизни! Задворки жизни, необходимое зло! Не больше этого! Я, товарищъ, знаю рабочихъ, знакомъ и съ рабочимъ движеніемъ и со всѣмъ тѣмъ, что вы, какъ соціалъ-демократъ, будете мнѣ о рабочемъ движеніи говорить. И я вотъ что скажу. Борьба для рабочихъ только потому и нужна, что безъ нея рабочій классъ въ цѣломъ не получитъ доступа къ жизни. Наука, литература, искусство, театръ—все для него закрыто. Даже лучшіе уголки земли для него закрыты. Онъ, какъ слѣпой кротъ подъ землею, живетъ. А жизнь нужна ему. Отсюда историческая необходимость борьбы пролетаріата. Я борьбу признаю. Но она—только средство, а жизнь—цѣль. И глупо средство ставить выше цѣли и цѣнить наравнѣ съ цѣлью. Глупо ради чего бы то ни было другого отказаться отъ жизни съ ея красотой!

Желѣзнякъ говорилъ увѣренно и съ воодушевленіемъ, какъ о

вещахъ, о которыхъ онъ много думалъ. Я первый разъ встрѣчался съ подобной постановкой вопроса у бывшаго революціонера-рабочаго, и потому слушалъ его съ интересомъ.

— Вѣдь я могъ—говорилъ онъ:—прямымъ путемъ, никого не дожидаясь, вступить въ жизнь. А вмѣсто того пошелъ самымъ длиннымъ, самымъ труднымъ путемъ... жизнь прошла мимо меня, и я не видалъ ее. И сколько рабочихъ сдѣлало ту же ошибку!

— А какъ же должны были бы всѣ они поступить?

— Да мало ли есть путей? Учиться! Черезъ желѣзнодорожное училище, черезъ ремесленную школу, черезъ какое-нибудь штейгерское или электро-техническое училище можно въ люди выйти. А въ крайнемъ случаѣ—просто пошелъ бродяжить, хоть безъ гроша въ карманѣ! Трудно развѣ по образу пѣшаго хожденія всѣ страны исходить, все видѣть, все слышать! Пока солнце взойдетъ, роса очи выѣстъ! Пока у насъ будетъ революція, да конституція, да парламентъ, да борьба за соціализмъ, да пока мы до соціализма доберемся, не только насъ самихъ—дѣтей нашихъ въ живыхъ не будетъ, внуковъ нашихъ кости въ землѣ сгніютъ. Значитъ, сколько поколѣній напрасно жизнь свою отдали! Сколько людей, ради какого-то туманнаго будущаго, отъ жизни, отъ настоящаго отказались! А я жить хочу здѣсь, теперь, и ни для кого, ни для чего не откажусь я отъ этого.

— Т. е., вы проповѣдуете погоню за личнымъ мѣщанскимъ благополучіемъ?

— Я не знаю, какъ вы назовете то, что я проповѣдую, но вамъ трудно безпристрастно судить объ этомъ. Вы вѣдь въ какой обстановкѣ выросли? Вы гдѣ только не побывали, чего только не видѣли, прежде чѣмъ революціонеромъ сдѣлались. Наука, искусство, культурная жизнь—все для васъ было открыто, всего вы попробовали. Значитъ, вы отъ жизни все, что могли, получили и, когда насытились, встали изъ-за стола. Вы отъ этого отказались, чтобы больше получить. А мы? Я про себя вамъ скажу. Въ театрѣ я за всю жизнь раза два-три былъ, и то на самыхъ дурацкихъ пьесахъ. Въ книжкахъ я снимки съ картинъ знаменитыхъ художниковъ разсматриваю, а картины настоящей никогда не видалъ... Только лубки видѣлъ, да иконы. На берегу моря я никогда не былъ, горъ никогда не видѣлъ настоящихъ. Кромѣ южныхъ трехъ-четырехъ губерній, ничего, какъ есть, не видалъ. Что же изъ жизни я взялъ: дымныя улицы, мастерскія, да наше подполье! Нѣтъ, мало мнѣ этого. Я теперь читаю какую-нибудь книгу—хоть по біологіи, хоть по геологіи или по астрономіи, и прямо до слезъ обидно становится, что прошлые годы не употребилъ я на то, чтобы жить, учиться, пользоваться всѣмъ міромъ. Вѣдь могъ я это сдѣлать, а погнался за призракомъ.

Желѣзнякъ замолчалъ, но затѣмъ снова заговорилъ:

— Мнѣ не матеріальныхъ жертвъ жалко. Нѣтъ. Я бы съ ра-

достью голодалъ, я босикомъ бы всю Европу исходилъ, чѣмъ угодно добывая себѣ кусокъ хлѣба, только бы видѣть жизнь. Мнѣ жалко безплодно потраченныхъ лѣтъ и силъ своихъ. Вѣдь ихъ не вернешь.

— Значитъ, съ революціей вы навсегда порвали?—спросилъ я Желѣзняка.

— Навсегда. Я уважаю революціонеровъ, какъ честныхъ и искреннихъ людей, уважаю ихъ за ихъ нравственную силу. Но съ вами я не пойду. Для меня вы—слѣпые люди, вы за призракомъ гонитесь, когда достаточно протянуть руку, чтобы взять все, чего хочешь... Впрочемъ васъ обращать въ свою вѣру я не намѣренъ, но и вы меня не агитируйте. У меня свой путь, у васъ,—свой. Лучше вы мнѣ здѣсь о силикатахъ объясните: въ геологіи здѣсь что-то запутанно изложено.

Переспорить его было невозможно. Въ немъ не было стремленія къ мѣщанской сытости или къ чувственнымъ наслажденіямъ жизни, и въ его страстной любви къ жизни, въ его стремленіи все взять отъ нея не было ничего пошлаго, отталкивающаго. Но все же и въ отказѣ Желѣзняка отъ борьбы, въ его желаніи не измѣнить жизнь, а взять ее такой, какова она есть, въ его своеобразномъ индивидуализмѣ мнѣ чуялось дѣйствіе желѣзной рѣшетки.

Въ этомъ человѣкѣ было много общаго съ «полѣвѣвшими» индивидуалистами, но его отличалъ отъ нихъ прямой и честный отказъ отъ революціи. И, «поправѣвъ», онъ остался человѣкомъ, увѣреннымъ въ себѣ и въ своихъ силахъ, но въ его лицѣ—еще одна голова склонилась передъ мощью желѣзной рѣшетки.

Среди бывшихъ революціонеровъ-рабочихъ встрѣчались люди, единственный пунктъ «поправѣнія» которыхъ заключался въ томъ, что они утратили вѣру въ соціализмъ. Цѣлый рядъ условій способствовалъ утратѣ этой вѣры: разочарованіе въ собственныхъ силахъ, разочарованіе въ рабочемъ движеніи, измѣненіе масштаба для измѣренія времени историческихъ событій. Нѣкоторые начинали скептически относиться къ осуществимости соціализма подъ вліяніемъ знакомства съ исторіей соціалистическихъ движеній.

— На что намъ революція, на что намъ измѣненіе политическаго строя, если рабство наемнаго труда, угнетеніе бѣдныхъ богатыми, эксплуатація и неравенство составляютъ вѣчный законъ жизни? Тысячи лѣтъ уже люди стараются установить на землѣ равенство, и всегда эти попытки кончались ничѣмъ. Гибли только тѣ, кто пытался измѣнить строй жизни, и гибли безсмысленно, безъ слѣда и безъ пользы. А мы повторяемъ теперь ихъ ошибку.

Такъ, или приблизительно такъ, разсуждали извѣрившіеся, и въ подтвержденіе своего скептическаго отношенія къ соціализму каждый изъ нихъ приводилъ свои доводы. Но сквозь всѣ ихъ разсужденія проглядывалъ одинъ невысказанный мотивъ: борьба оказалась слишкомъ трудной, жертва слишкомъ тяжелой, кремни-

стый путь къ будущему слишкомъ длиннымъ. И вотъ, люди, которые взялись поутру за дѣло, не взвѣсивъ своихъ силъ, останавливались въ сумерки истомленные и измученные, опускали руки къ землѣ и говорили:

— Ничего не выйдетъ. Это дѣло безнадежное.

И, какъ безнадежное, они бросали это дѣло.

Я наблюдалъ случаи, когда подъ тяжелымъ гнетомъ желѣзной рѣшетки сдавались люди сильные и смѣлые, незнакомые со страхомъ, единственное несчастье которыхъ заключалось въ томъ, что они чутко, слишкомъ болѣзненно ощущали горе и страданіе ближнихъ. Про одного такого человѣка, павшаго подъ тяжестью окружавшихъ его страданій, я хочу разсказать.

Я встрѣтился съ нимъ въ слѣдственной камерѣ N-ской тюрьмы. Съ первой же встрѣчи онъ приковалъ къ себѣ мое вниманіе.

Есть лица, которыя въ тысячной толпѣ бросаются въ глаза, которыя съ перваго же раза врѣзаются въ память, такъ что впослѣдствіи забыть ихъ невозможно. У Матвѣя было такое лицо: блѣдное, продолговатое лицо, обрамленное мягкой свѣтлой бородой, темно-каштановые длинные волосы и глаза необыкновенно красивые, глубокіе, полные какой-то невыразимой нѣжной грусти. Спокойная, ласковая улыбка и эти грустные глаза какъ-то странно противорѣчили грубой тюремной обстановкѣ и царившей въ тюрьмѣ нервной озлобленности.

Это лицо напомнило мнѣ что-то. Казалось, я гдѣ-то уже видѣлъ его, но гдѣ? Я вспомнилъ, что эти глаза я видѣлъ на одной старинной итальянской картинѣ.

Матвѣй былъ однимъ изъ видныхъ анархистовъ на югѣ Россіи. За нимъ числилось нѣсколько громкихъ дѣлъ, и среди товарищей онъ пользовался огромнымъ вліяніемъ. Его цѣнили, какъ человѣка необыкновенной нравственной чистоты, какъ вдумчиваго анархиста и какъ дружинника выдающейся смѣлости. Мнѣ казалось страннымъ, чтобы этотъ человѣкъ съ постоянной ласковой улыбкой на устахъ и съ этимъ нѣжнымъ взглядомъ грустныхъ глазъ могъ быть хорошимъ боевикомъ. Но мнѣ разсказали про его дѣла, про его отстрѣлы, и оказалось, что онъ дѣйствительно способенъ былъ биться, какъ левъ.

Я никогда ни раньше, ни позже не встрѣчалъ человѣка, который относился бы къ товарищамъ съ такой добротой и мягкостью, какъ Матвѣй. Онъ умѣлъ какъ-то особенно вліять даже на самыхъ дикихъ и озлобленныхъ людей. И малокультурные экспропріаторы, относившіеся къ политикѣ враждебно и вызывающе, благоговѣли передъ нимъ.

Несмотря на полное несходство характеровъ, мы быстро сошлись, и я очень цѣнилъ бесѣды съ нимъ, такъ какъ во всемъ, что онъ говорилъ, проглядывала самостоятельная, свободная мысль.

Какъ-то я высказалъ ему свое удивленіе, какъ удается ему ладить съ совершенно дикими, нравственно-неразвитыми людьми. Онъ объяснилъ секретъ своего вліянія.

— Вы, товарищъ, какъ и всѣ, привыкли судить людей, хороши они или плохи. И, какъ судья, вы подходите къ каждому человѣку. А это озлобляетъ человѣка и дѣлаетъ его вашимъ врагомъ, хотя бы вы и ничѣмъ не оскорбили его. Судью всякій невольно ненавидитъ. Но сколько вы ни судите, вы человѣка никогда не поймете. Вы вѣдь не знаете ни того, что онъ думаетъ и чувствуетъ, ни того, какъ сталъ онъ такимъ, какимъ вы его встрѣтили. А я знаю, что никого судить я не въ силахъ и не сужу людей, какъ не сужу цвѣтовъ въ полѣ или облаковъ въ небѣ. Приговоровъ я не выношу никому, а принимаю всѣхъ людей, какъ они есть. Вѣдь хорошее что-нибудь есть въ каждомъ...

Въ бесѣдахъ и спорахъ со своими товарищами-анархистами Матвѣй часто возвращался къ этой темѣ: анархистъ не долженъ быть судьей, не долженъ судить человѣка.

На этой почвѣ у него выходили любопытныя разногласія съ товарищами.

Товарищи его были анархисты-коммунисты направленія заграничнаго органа «Буревѣстникъ» (довольно близкаго къ крапоткинскому ученію). Они признавали терроръ экономическій и политическій, Матвѣй же рѣшительно отрицалъ право анархистовъ прибѣгать къ личному террору.

— Вѣдь прежде, чѣмъ убить инженера, или пристава, или министра, вы обсуждаете его вину, вы судите его, вы выносите свой приговоръ. А судить человѣка анархистъ не можетъ. Судить человѣка—значитъ отрицать его свободу.

Но странно: исходя изъ этихъ положеній, Матвѣй не приходилъ къ отрицанію террора. Онъ признавалъ терроръ, какъ средство борьбы, но только особый и странный терроръ, который подъ названіемъ «безмотивнаго» проповѣдывался въ Россіи «бунтарцами». Проявленіемъ его былъ знаменитый взрывъ въ кофейнѣ Либмана въ Одессѣ.

— Здѣсь вы никого не судите,—защищалъ Матвѣй идею «безмотивнаго» террора:—Вамъ дѣла нѣтъ до Иванова, Сидорова, Карпова и до того, какіе они люди,—плохіе или хорошіе. Вы боретесь съ буржуазіей вообще, вотъ гдѣ вашъ врагъ. Вы бросаете бомбу въ кофейную, въ толпу на улицѣ, въ театръ, въ вагонъ трамвая, и вамъ дѣла нѣтъ до того, кто попадетъ подъ ея осколки. Невинные пострадаютъ? Такъ что же? Вѣдь мы не судьи, передъ нами нѣтъ виновныхъ. Всѣ невинные. Развѣ Плеве или Сипягинъ виноваты, что они были такіе, а не другіе? Убивать для анархиста—самое ужасное, но если уже нужно убивать—убивай, закрывши глаза. Какъ молнія убиваетъ, а не такъ, какъ убиваетъ судья и палачъ.

Матвѣй былъ «безмотивникомъ», т. е. принадлежалъ къ самому крайнему и нелѣпому теченію русскаго анархизма. Но, когда онъ развивалъ свои крайніе взгляды, меня охватывало странное чувство: мнѣ казалось, что этому человѣку легче было бы взойти на костеръ за свои убѣжденія, чѣмъ поднять руку на ближняго, какимъ бы злодѣемъ ни былъ этотъ ближній. И все же, повинуясь велѣнію внутренняго голоса, считая, что это нужно, онъ пойдетъ въ толпу, гдѣ будутъ и старики и дѣти, и твердой рукой, не колеблясь, броситъ бомбу, хотя каждый стонъ раненаго имъ человѣка будетъ для него мучительнѣе смерти.

Въ сужденіяхъ о людяхъ, въ бесѣдахъ на общія темы Матвѣй обнаруживалъ всегда столько чуткости и оригинальности, что я считалъ его вполнѣ интеллигентнымъ человѣкомъ. Совершенно случайно открылъ я, что во многихъ вопросахъ Матвѣй невѣжественъ, какъ ребенокъ.

Я объяснялъ одному товарищу начала космографіи, говорилъ о шарообразности земли, о величинѣ солнца и звѣздъ. Матвѣй сидѣлъ тутъ же рядомъ и внимательно слушалъ. Когда я кончилъ, онъ спросилъ меня съ выраженіемъ живого интереса:

— Неужто это правда, что земля — шаръ? Можетъ быть, это только предположеніе?

— Нѣтъ, это вполнѣ точно установлено.

— Какъ же люди могли узнать это?

Я объяснилъ. Матвѣй слушалъ съ величайшимъ вниманіемъ, не сводя съ меня своихъ грустныхъ, удивленныхъ глазъ. Потомъ онъ попросилъ меня:

— Разскажите еще разъ, товарищъ, что вы говорили о величинѣ земли и звѣздъ.

Я удовлетворилъ его просьбу. Когда я кончилъ, онъ сказалъ:

— Какъ странно все это! Я никогда объ этомъ не думалъ... Значитъ земля наша—совсѣмъ маленькая... А человѣкъ...

Онъ умолкъ и долго въ глубокомъ раздумьѣ ходилъ по камерѣ. Меня удивило это. Я не могъ представить себѣ, чтобы человѣкъ съ живымъ умомъ, много читавшій, много видавшій въ жизни, встрѣчавшійся постоянно съ интеллигентными людьми, никогда не слыхалъ о томъ, что такое земля.

Часа черезъ два послѣ нашего разговора Матвѣй снова подошелъ ко мнѣ.

— Я вотъ все думаю, товарищъ, о вашихъ словахъ,—сказалъ онъ:—Если все это вѣрно, то вѣдь человѣкъ—песчинка въ мірѣ. Странно!

Я спросилъ его:

— Неужели вы только отъ меня въ первый разъ узнали обо всемъ этомъ?

— Въ первый разъ... Да и то мнѣ трудно повѣрить. Я же не учился нигдѣ.

— Но развѣ въ книгахъ вы не натыкались на эти вопросы?

Матвѣй улыбнулся.

— Теперь мнѣ самому странно, что я никогда не думалъ о томъ, что такое земля. Но это такъ вышло... Меня только люди занимали, объ ихъ жизни я думалъ... А земли я какъ-то не замѣчалъ. Сегодня чуть не въ первый разъ за всю жизнь я объ этомъ задумался.

Въ тюрьмѣ Матвѣй началъ писать стихи. Эти стихи были неправильны и временами безграмотны. Но было въ этихъ стихахъ столько теплаго чувства, столько любви къ міру и столько тихой красоты, что товарищи переписывали ихъ въ тетрадки и заучивали на память.

Въ слѣдственной камерѣ я просидѣлъ вмѣстѣ съ Матвѣемъ нѣсколько мѣсяцевъ. Затѣмъ его взяли изъ камеры, переодѣли въ казенное отрепье и заковали въ кандалы, хотя судъ предстоялъ еще не скоро. Снова встрѣтилъ я его въ корридорѣ уже послѣ перехода въ башню. За то время, пока я его не видалъ, онъ сильно осунулся, исхудалъ. Въ грязномъ сѣромъ бѣльѣ, съ кандалами на ногахъ онъ какъ будто еще рѣзче выдѣлялся изъ окружающей арестантской среды. На губахъ его была прежняя добрая улыбка, а глаза смотрѣли еще печальнѣе.

Я не успѣлъ поговорить съ нимъ, но вечеромъ удалось переправить ему въ камеру маленькую записку. На другой день я получилъ отъ него отвѣтъ, который сильно удивилъ меня.

«Товарищъ, вы спрашиваете, какъ я живу. Плохо, очень плохо, дорогой товарищъ. Меня мучатъ какія-то странныя мысли, которыхъ я раньше не зналъ. Чудится, будто вся земля и эти стѣны вокругъ насъ стонутъ отъ муки, отъ страданій и преступленій, которыми люди наполнили свою жизнь. Особенно ночью, когда заснетъ тюрьма, слышенъ этотъ стонъ. Я слышу его, какъ слышу голосъ человѣка, который говоритъ со мной. Земля ропщетъ. Земля устала и не хочетъ принимать трупы, падающіе на нее. Кровь стоитъ кругомъ лужами. Вотъ, двинешь рукой,—и, пальцы уйдутъ въ липкую теплую кровь. Ступишь на землю—и ноги будутъ въ крови. И надъ всѣмъ этимъ хохотъ, какой-то ужасный хохотъ, хохотъ сатаны. Этотъ хохотъ, какъ удары молота, падаетъ въ уши. Надъ нами хохочетъ сатана, надъ нами, которые хотѣли разбить его царство. Товарищъ, дорогой товарищъ! Развѣ вы не слышите этого хохота? Мое царство вѣчно, смѣется сатана. Вы не сломите его, вы только головы свои разобьете объ стѣны, которыми я окружилъ васъ. Уже тысячи лѣтъ хохочетъ сатана, и кто услышалъ его хохотъ, тотъ, какъ безумный, бросается на него и гибнетъ. И насъ всѣхъ велъ этотъ хохотъ. Насъ обманулъ этотъ хохотъ»...

Меня удивило это письмо, и первая моя мысль была, что писавшій его сошелъ съ ума. Но я вспомнилъ, какъ смотрѣлъ онъ на меня вчера на корридорѣ... Нѣтъ, онъ не сумасшедшій! Вѣроятно,

онъ просто выразилъ въ аллегорической формѣ терзающую его тоску. Но что значатъ его слова о хохотѣ сатаны, который велъ и обманулъ насъ? Неужели и онъ палъ духомъ?

Опять переправилъ я ему записку, полную словъ ободренія и дружбы. Черезъ два дня пришелъ отвѣтъ.

«Вы не поняли меня, товарищъ,—писалъ Матвѣй.—Развѣ я жалѣю о томъ пути, который я выбралъ? Нѣтъ, если бы я имѣлъ тысячу жизней, я бы всѣ ихъ прожилъ такъ же, какъ провелъ я свою короткую жизнь, и пусть всѣ они кончаются висѣлицей. Пусть всѣ они будутъ полны муки, но иначе я жить не хочу. И про своихъ погибшихъ друзей я скажу то же... Вѣдь у меня было много друзей, съ которыми у меня все было общее,—и мысли, и чувства. Всѣ они погибли, и я теперь остался одинъ, ожидая своей очереди. Они должны были погибнуть. Я самъ бы отправилъ ихъ на гибель... Однажды на дѣлѣ мнѣ пришлось пристрѣлить раненаго товарища, чтобы онъ не попался въ руки враговъ. Онъ самъ просилъ насъ объ этомъ. Но товарищамъ тяжело было сдѣлать это, а я любилъ его, какъ родного брата. Я обнялъ его, поцѣловалъ его въ послѣдній разъ, приложилъ свой маузеръ къ его виску и выстрѣлилъ. Онъ смотрѣлъ мнѣ въ глаза, когда я стрѣлялъ, и сказалъ: «Благодарю»! Но онъ не кончилъ слова. И я смотрѣлъ ему въ глаза и видѣлъ, какъ разлетѣлся его черепъ... Легче бы было умереть сто разъ, чѣмъ сдѣлать это. Но я и теперь бы это сдѣлалъ. Мы должны были погибнуть всѣ, такъ какъ мы услышали хохотъ сатаны, и онъ звалъ насъ. Но жизнь улучшить мы не могли. Зло въ мірѣ вѣчно, такъ какъ владыка міра сатана. И онъ вызываетъ людей на борьбу съ собою только для потѣхи. Хохотомъ вызываетъ ихъ впередъ и хохочетъ, когда они гибнутъ. Вѣдь бороться можно двумя оружіями: любовью и насиліемъ. Любовь—это оружіе Христа. А насиліе—оружіе сатаны. И когда мы слышимъ хохотъ сатаны, мы, какъ безумные бросаемъ оружіе Христа, какъ безумные, хватаемся за оружіе сатаны. А сатана хохочетъ, видя наше безуміе. Мы же съ оружіемъ сатаны бросаемся на владыку міра, на князя насилія, и гибнемъ. И тогда опять хохочетъ сатана. И хохотъ его пробуждаетъ новыхъ борцовъ. Лучшіе юноши и дѣвушки идутъ на борьбу, и всѣ гибнутъ, такъ что земля не успѣваетъ впитывать кровь и принимать трупы. А хохотъ сатаны надъ землею съ каждымъ днемъ становится громче и громче. И скоро онъ заглушитъ всѣ звуки...»

Къ этому хохоту сатаны снова и снова возвращалась его измученная мысль. Повидимому, это была галлюцинація, преслѣдовавшая его.

Онъ еще нѣсколько разъ писалъ мнѣ и въ одномъ изъ писемъ пытался подвести итогъ своимъ измѣнившимся взглядамъ. Къ моему изумленію оказалось, что онъ эволюціонировалъ въ сторону толстовскаго непротивленства:

«Самымъ лѣвымъ революціонеромъ,—писалъ онъ,—былъ Христосъ. И его тактика самая крайняя, самая противоположная тому, что есть. А мы, вмѣсто того, чтобы пользоваться въ борьбѣ его средствами, приняли пріемы борьбы нашихъ враговъ...»

Такимъ образомъ, террористъ-«безмотивникъ» превратился въ тюрьмѣ въ толстовца-христіанина.

Отчасти его привело къ этому развитіе его стараго правила—не судить человѣка. Но было въ его эволюціи также и нѣчто иное: и для него, сильнаго и смѣлаго, оказалась слишкомъ ужасной борьба съ ея безчисленными безплодными жертвами. Онъ, быть можетъ, не отказался бы отъ борьбы, если бы могъ на свои плечи принять всѣ жестокіе удары ея. Но душа его не выдержала, подъ конецъ, зрѣлища земли, залитой кровью. Нервы не выдержали ежедневныхъ казней и убійствъ. И смѣхъ подгулявшаго надзирателя въ коридорѣ—или, быть можетъ, смѣхъ сошедшаго съ ума смертника въ секреткѣ—смѣхъ надъ трупами породилъ въ немъ рядъ галлюцинацій. Невыносимый ужасъ жизни сломилъ его разумъ, обратилъ его къ мистикѣ и фантасмагоріямъ.

Матвѣя судили за грабежъ, въ которомъ онъ не участвовалъ. На судѣ онъ отказался отъ защиты и сказалъ всего нѣсколько словъ:

— Я не дѣлалъ этого дѣла. И вы это знаете. Но вамъ нужно повѣсить меня, какъ анархиста. Вашъ судъ—только комедія, и участвовать въ ней я не буду. Что хотите сдѣлать со мной, дѣлайте открыто и прямо.

Его, разумѣется, приговорили къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Послѣдній разъ я видѣлъ его въ окнѣ секретки наканунѣ казни. Онъ стоялъ у рѣшетки спокойный, какъ-будто примиренный со всѣми. И когда мы проходили мимо него, онъ смотрѣлъ на насъ своими печальными, ласковыми глазами и тихо намъ улыбался.

Я никогда не забуду ни этихъ глазъ, ни этой улыбки... Можетъ быть, именно то, что эти глаза, какъ живые, стоятъ передо мною, заставило меня такъ подробно разсказать объ этомъ загадочно-странномъ человѣкѣ.

Я припомнилъ цѣлый рядъ прошедшихъ передо мною рабочихъ, которые раньше были революціонерами, а въ тюрьмѣ эволюціонировали и рѣшили уйти отъ борьбы.

«Поправѣвшихъ» интеллигентовъ тоже встрѣчается въ тюрьмѣ не мало. И ихъ «поправѣніе» тоже принимаетъ самыя разнообразныя формы.

Чаще всего «правѣющіе» студенты, отказываясь отъ борьбы, мотивируютъ свой отказъ необходимостью или желаніемъ учиться. Иногда этотъ мотивъ выдвигается вполнѣ искренно. Иногда «ученье» и интересъ къ наукѣ служатъ лишь ширмами для прикрытія самаго обыкновеннаго желанія «пристроиться».

Болѣе бойкіе, болѣе фразистые студенты охотно мотивируютъ

свой отказъ отъ борьбы и отъ всякой общественной дѣятельности ссылкой на «права личности»... Общество, молъ, не должно поглощать личности. Личность живетъ для себя, повинуясь законамъ своей воли. Я хочу жить самъ по себѣ,—значитъ такъ я и долженъ жить. Личность, достигшая извѣстной зрѣлости, просто отказывается отъ навязанныхъ ей обществомъ цѣлей и задачъ...

Все это иной разъ звучитъ гордо. Но чаще всего защитникамъ «правъ личности», которыхъ я встрѣчалъ въ тюрьмѣ, не удавалось сохранить даже внѣшней гордости, внѣшняго достоинства.

Наиболѣе дряблые изъ «поправѣвшихъ» интеллигентовъ, тѣ у которыхъ «поправѣніе» является вмѣстѣ съ тѣмъ и отступничествомъ, самой удобной мотивировкой своей эволюціи считаютъ соображенія о «военной хитрости», о томъ, что всѣ средства хороши, чтобы обмануть врага.

V.

„Уцѣлѣвшіе“.

Въ тюрьмѣ ежедневно разыгрывались тяжелыя драмы. Не только казни и жестокіе приговоры суда, не только издѣвательства надъ заключенными, избіенія, выстрѣлы часовыхъ въ окна и вереница гробовъ, которые выносили чуть не каждый день изъ тюремной больницы,—ложились невыносимой тяжестью на душу. Еще тяжелѣе, пожалуй, были явленія психическаго упадка и разложенія, о которыхъ я говорилъ на предыдущихъ страницахъ.

Не оставалось мѣста ни для вѣры въ жизнь, ни для вѣры въ людей. Ни во что, ни въ кого нельзя было вѣрить. И это состояніе было такъ тягостно, что трудно описать его словами. Кругомъ зіяла какая-то абсолютная пустота. Люди казались призраками. И все вокругъ живыхъ и мертвыхъ, отступниковъ, предателей и людей, сохранившихъ свою стойкость и гордость—все обволакивалъ какой-то сѣро-кровавый туманъ.

Ничто уже не дѣйствовало на умъ такъ сильно, какъ прежде. Не оставалось силы ни для негодованія, ни для презрѣнія. Умирали въ груди всѣ чувства, всѣ желанія. Не оставалось ни желанія выйти на волю, ни желанія жить. Безсильно опускались руки. Пустъ идетъ все такъ, какъ идетъ. Только бы скорѣе конецъ! Это было состояніе полной апатіи.

Изрѣдка оно прерывалось вспышкой мучительно страстнаго желанія жить, бороться, выйти на волю. Хотѣлось рвать прутья желѣзной рѣшетки, зубами грызть камни стѣны. Хотѣлось рыдать отъ сознанія собственнаго безсилія. Тогда минувшее состояніе апатіи казалось малодушіемъ и смертью; мозгъ сверлила мысль, что при такомъ упадкѣ духа окончательная гибель неминуема.

Это было чувство, которое, вѣроятно, является у человѣка, заснувшаго летаргическимъ сномъ, ошибочно принятаго за мертвеца и опущеннаго въ землю, когда онъ просыпается въ своей могилѣ. Онъ узнаетъ, что погребенъ заживо, хочетъ кричать, хочетъ вырваться изъ могилы... Но кругомъ земля... Могила не возвращаетъ своихъ жертвъ... Онъ проснулся лишь затѣмъ, чтобы со всей ясностью ощутить свою смерть... Смерть надвигается, она неизбѣжна... Вотъ-вотъ, снова погаснетъ пробудившееся въ немъ сознаніе. И легче становилось, когда эта воля къ жизни снова замирала, апатія вступала въ свои права, и сѣрый туманъ опять обволакивалъ все вокругъ.

Въ этомъ туманѣ жили въ тюрьмѣ «уцѣлѣвшіе» политики, т. е. тѣ, которые сохранили свою прежнюю идеологію, не отступили отъ нея ни влѣво—въ сторону крайняго индивидуализма, ни вправо — въ сторону примиренія со зломъ, холопства и угодничества.

Я довольно долго противостоялъ дѣйствію этого тумана, довольно долго сохранялъ бодрость и боролся съ надвигавшейся апатіей. Но затѣмъ докатилась волна и до меня. Произошло это, когда изъ общей камеры меня перевели въ башню.

Здѣсь жилось сравнительно спокойно. Рѣже, чѣмъ въ общихъ камерахъ, подвергались мы оскорбленіямъ со стороны надзирателей, и во внутренней жизни не происходило у насъ тѣхъ отвратительныхъ столкновеній и ссоръ, которыя отравляли жизнь въ общихъ камерахъ. Было здѣсь чище, просторнѣе, не приходилось и голодать. Но именно здѣсь рѣзче, чѣмъ въ общей камерѣ, бросалась въ глаза та апатія, та безнадежная усталость, во власти которой были заключенные.

Здѣсь сидѣло, кромѣ меня, семь человѣкъ,—всѣ политическіе. Какъ всегда, преобладала молодежь. Старше другихъ были аграрникъ Харько и вѣчный студентъ тов. Валентинъ; имъ было за 30 лѣтъ. Но былъ среди насъ и совсѣмъ молодой 17-лѣтній паренекъ, с.-р. Женя.

Харько отбывалъ роты, но его посадили съ нами, отдѣльно отъ остальныхъ аграрниковъ, такъ какъ опасались его вліянія на темныхъ крестьянъ. Это былъ добродушный и остроумный человѣкъ, упорный и твердый во всѣхъ своихъ рѣшеніяхъ, но нѣсколько вялый и малоразвитой. Валентинъ, старый партійный работникъ с.-д., еще не судился. Его перевели въ башню изъ больницы, какъ безнадежно чахоточнаго. Мы знали всѣ, что онъ скоро умретъ, и онъ зналъ это, но держался мужественно, стараясь никого не обременять своей болѣзнью. Подъ слѣдствіемъ состоялъ еще и Женя, наивный живой юноша съ почти дѣтскимъ безусымъ личикомъ. Ему предстояло судиться не скоро, и онъ, какъ многіе въ N-ской тюрьмѣ, не зналъ точно, за что его будутъ судить, но съ достаточной степенью вѣроятности предвидѣлъ, къ какому наказанію его приговорятъ: на допросѣ слѣдователь объявилъ ему чуть ли

не 10 различныхъ дѣлъ, изъ которыхъ каждое грозило ему висѣлицей; а при такомъ оборотѣ слѣдствія всегда приходится ожидать, что по 5—6 обвиненіямъ оправдаешься, 2—3 обвиненія слѣдователь самъ отстранитъ, какъ явно нелѣпыя, а по какому-нибудь одному обвиненію тебя все же вздернутъ. Этого ждали мы всѣ для Жени, этого ожидалъ для себя и онъ самъ.

Молодой рабочій - анархистъ Григорій тоже былъ вѣроятнымъ смертникомъ. Ему предъявили сперва обвиненіе въ принадлежности къ группѣ, но затѣмъ слѣдователь принялся вызывать его «на опознаніе», результаты котораго оказались для Григорія печальными: одинъ почтальонъ призналъ его похожимъ на человѣка, участвовавшаго въ ограбленіи почты; двѣ чиновницы узнали въ немъ молодого человѣка, приходившаго къ нимъ за полученіемъ 100 р. по угрожающему письму; а одинъ старикъ изъ хохловъ показалъ, что Григорій два раза проходилъ мимо окна его хаты въ тотъ день, какъ въ ихъ деревнѣ убили урядника... Быть можетъ, при иныхъ условіяхъ все это показалось бы только забавнымъ, но въ N-ской тюрьмѣ за такими опознаніями слѣдовала неизмѣнно висѣлица.

Сравнительно менѣе печально было положеніе старосты нашей башни, рабочаго Семенова. Онъ былъ приговоренъ къ 8 годамъ каторги за принадлежность къ группѣ анархистовъ - коммунистовъ, подалъ кассаціонную жалобу и ждалъ теперь разсмотрѣнія ея въ Главномъ Военномъ Судѣ.

Бундовецъ Перецъ только что получилъ четыре года каторги и тоже кассировалъ приговоръ. Но его положеніе ухудшалось тѣмъ, что жандармы раскопали какія-то старыя его дѣлишки.

Наконецъ послѣдній обитатель нашей камеры, молодой рабочій - шахтеръ Митя Птичкинъ висѣлъ между небомъ и землей. Его могли отправить въ административную ссылку, но могли и вздернуть на висѣлицу. А всего вѣроятнѣе было, что онъ не доживетъ ни до ссылки, ни до висѣлицы: онъ кашлялъ кровью, еле двигался по камерѣ и угасалъ съ каждымъ днемъ на нашихъ глазахъ: сказывались послѣдствія побоевъ, которымъ подвергли его на первомъ допросѣ, сразу послѣ ареста.

Итакъ, мы сидѣли въ башнѣ при сравнительно благопріятныхъ условіяхъ. Сидѣли сплошь политическіе, и не было среди насъ ни ренегатовъ, ни людей, зашедшихъ слишкомъ далеко въ «полѣвѣніи», или въ усвоеніи тюремной романтики кулака. Но надъ нами вѣяла смерть. При взглядѣ другъ на друга невольно думали мы все объ одномъ и томъ же. И о чемъ бы мы ни говорили, что бы мы ни дѣлали, все казалось ненужнымъ, лишнимъ.

Въ общихъ камерахъ, гдѣ политическіе сталкиваются съ уголовными, гдѣ революціонерамъ, уцѣлѣвшимъ среди общаго психическаго распада, приходится выдерживать стычки со своими вчерашними товарищами, отклонившимися въ сторону индивидуа-

лизма или примиренства, въ общихъ камерахъ внутренняя борьба нѣсколько прикрываетъ и ослабляетъ апатію и безнадежную усталость, владѣющую узниками. Но здѣсь, въ башнѣ, эта апатія и усталость проявлялись во всей безысходности.

Нѣтъ чувства болѣе заразительнаго, чѣмъ это пассивное отчаяніе, и вскорѣ послѣ перехода въ башню я почувствовалъ, что оно овладѣваетъ и мною.

Сперва я старался подавить въ себѣ это чувство, старался отмахнуться отъ него, какъ отъ постыднаго малодушія. И это, какъ будто, удавалось мнѣ.

Я говорилъ себѣ:

— Вѣдь не могутъ же дѣйствовать на меня матеріальныя лишенія, которымъ я подвергаюсь въ тюрьмѣ, а моральныхъ униженій тюрьма причинить не можетъ, пока я самъ себя не запятнаю. Значитъ, бѣда только въ томъ, что я оказался слишкомъ близко отъ этого очага заразы, отъ этого моря униженія и страданій, отъ этого престола смерти. Бѣда въ томъ, что я принужденъ изо дня въ день видѣть и слышать такія вещи, которыхъ, при иныхъ условіяхъ, не видѣлъ бы и не слышалъ бы. Но вѣдь это не бѣда, а, пожалуй, счастье! Человѣкъ, избравшій, своимъ жизненнымъ путемъ борьбу, а орудіемъ борьбы избравшій слово—долженъ все видѣть, все слышать: я здѣсь на своемъ посту. Это своего рода командировка, и я обязанъ дать обществу отчетъ обо всемъ, что увижу и услышу здѣсь. Значитъ, я не имѣю права опускать руки. Умъ мой долженъ сохранить свою твердость, глаза все время должны быть открыты.

Товарищи добродушно подсмѣивались надъ моей теоріей «командировки», но мнѣ лично нѣкоторое время она придавала большой запасъ силъ и энергіи. Увы! только «нѣкоторое время».

Затѣмъ, все чаще и чаще сталъ я ловить себя на мысли, что живу среди мертвецовъ. Въ это время что-то неладное началось со мной. Пошатнулось здоровье, начались какіе-то припадки сердцебіеній. Большую часть дня приходилось лежать на койкѣ, бросивъ мысль о какихъ бы то ни было занятіяхъ. Энергія быстро падала. Теорія «командировки» мнѣ самому стала тогда казаться смѣшной и нелѣпой. И, иронизируя надъ собою, я думалъ:

— Не надолго же хватило у тебя пороху! Думалъ ты, что тебя природа лѣпила изъ другого тѣста, чѣмъ остальныхъ... Нѣтъ, лучше не тратить зря силы, идти покорно на дно!

Правда, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ здоровье у меня возстановилось, и настроеніе опять измѣнилось къ лучшему. Но вѣдь «нормальное» состояніе для тюрьмы—не здоровье и самоувѣренная бодрость, а именно болѣзнь и упадокъ духа. И потому именно во время своей болѣзни я ближе всего пережилъ господствующее въ тюрьмѣ среди «уцѣлѣвшихъ» политиковъ утомленіе жизнью. И въ

это время всего лучше понялъ я душевное состояніе своихъ товарищей по заключенію...

Помню, какъ встрѣчали мы въ башнѣ 1-ое Января 1909 года.

День 31 декабря былъ необыкновенно суетливый и утомительный. Съ утра началась уборка камеръ, мыли и скребли полы обметали стѣны, протирали стекла въ окнахъ. Наводили на все блескъ и глянецъ,—на случай, если завтра кто-либо изъ высшаго начальства вздумаетъ посѣтить тюрьму.

И едва успѣли управиться съ уборкой, началась новая суматоха,—свиданія. Собственно говоря, это не былъ день свиданій, но начальство, ради собственнаго удобства, перенесло на этотъ день завтрашнія новогоднія свиданія.

На этотъ разъ волновались въ ожиданіи свиданія еще больше, чѣмъ обыкновенно. Свиданія ожидали только трое изъ насъ: къ Григорію и къ Семенову должны были придти ихъ жены, Женя ожидалъ къ себѣ мать и сестру. Всѣ трое стояли они у двери, ожидая, когда выкликнутъ ихъ фамиліи.

Вотъ вызвали Григорія, за нимъ Женю. Семеновъ съ мрачнымъ выраженіемъ лица отошелъ отъ двери и легъ къ себѣ на кровать.

— Ну, ко мнѣ, значитъ, не придутъ сегодня,—сказалъ онъ.— Ольга позже 12 часу никогда не приходила. Вѣрно, дома что-нибудь случилось... Съ дѣтьми, можетъ быть, или съ ней самой... Больна, что-ли, или обыскъ...

— Э, полно! Какой тамъ обыскъ? Просто замѣшкалась,—успокаивалъ его Харько.

Вернулся со свиданія Григорій. Лицо у него было блѣдное, разстроенное, будто онъ перенесъ только-что большую непріятность. Въ глазахъ свѣтилась обида, презрѣніе, ненависть. Вошелъ въ башню, небрежно бросилъ на койку узелокъ съ бѣльемъ и передачей и, молча, не глядя ни на кого, сѣлъ къ окну.

Митя Птичкинъ съ сочувствіемъ посмотрѣлъ на него и спросилъ:

— Что, поговорить не удалось? Или новости плохія узналъ?

— Да,—коротко отвѣтилъ Григорій.

— Что же разсказываютъ?

Григорій молча сидѣлъ у окна, нервно барабаня пальцами по стеклу. Затѣмъ, вдругъ обернулся къ намъ и заговорилъ, спѣша и волнуясь:

— Жена у меня была. Разсказала, какъ она этотъ мѣсяцъ мѣсто себѣ искала. Раньше все вскользь упоминала, а сегодня все разсказала... У, сволочи, мерзавцы! Мнѣ бы только на волю выйти,—показалъ бы я имъ. Ее, было, прислугой въ больницу взяли. Работа тяжелая, непріятная, да она пошла. Зачислили ее. Два дня проработала, а на третій день ее старшій докторъ къ себѣ въ кабинетъ вызвалъ.—Вы, спрашиваетъ, замужняя?— Да, говоритъ.—Съ мужемъ живете, или разошлись?—Съ мужемъ.—

А гдѣ теперь вашъ мужъ?—Она думаетъ,—зачѣмъ это имъ? Однако, сказала:—Въ тюрьмѣ. Докторъ говоритъ:—Это намъ извѣстно. А за какія художества твой мужъ въ тюрьму попалъ?—Сразу на «ты» перешелъ. Она ему говоритъ:—Не знаю, за что его взяли. Преступленій онъ никакихъ не сдѣлалъ...

— По уголовному дѣлу или по политическому, тоже не знаешь?

— Нѣтъ, это знаю, — по политическому. — То-то! Такъ вотъ твой паспортъ, вотъ тебѣ рубль за два дня работы... Можешь идти. Анархистокъ намъ въ больницѣ не требуется! — Такъ и прогналъ ее, мерзавецъ. Эхъ, еслибъ мнѣ его повидать... Показалъ бы я ему, что ему требуется, что не требуется.

Большими шагами ходилъ Григорій взадъ и впередъ по камерѣ, сжимая кулаки отъ бѣшенства. Затѣмъ, немного успокоившись, онъ продолжалъ:

— Ну, Настя рѣшила другого мѣста искать, хоть кухаркой. Сказали ей, что въ Еловкѣ священнику мѣстному прислуга требуется. Передъ праздниками пошла она туда. Священникъ старичокъ, ласковый такой. Разспрашивалъ ее обо всемъ.—Замужняя?—Да!—А что же отъ мужа на мѣсто поступаешь?—Жить, говоритъ, нечѣмъ.—Мужъ, значитъ, безъ работы или пьянствуетъ? — Нѣтъ, въ тюрьмѣ мужъ сидитъ.—Священникъ еще посочувствовалъ:—Ишь несчастье какое! Ну, не убивайся, говоритъ, это отъ Бога. Это со всякимъ выйти можетъ. Коли будетъ такая милость Господня,—еще съ мужемъ поживешь. А ко мнѣ хоть съ третьяго дня праздниковъ поступить можешь. — Насчетъ жалованья условились: 10 р. въ мѣсяцъ. Однимъ словомъ попъ такимъ ей хорошимъ показался, что хоть и не попу въ пору. А вчера съ утра пришла она къ нему... Онъ благословилъ ее, далъ руку поцѣловать, а тамъ и говоритъ: — Вотъ, что, голубушка. Я тогда съ тобой не толковалъ объ этомъ, но ты сама, чай, не маленькая... Я безъ жены живу, а человѣкъ еще не старый. Такъ у меня заведено, чтобы кухарка у меня не отказывалась... Потому и жалованье такое положено...—Она сперва отъ обиды слова сказать не могла, а потомъ плюнула старому чорту прямо въ рожу и убѣжала. Былъ бы я теперь на волѣ, я бы надъ этой стервой натѣшился, чтобы зналъ, какъ честныхъ женщинъ заманивать... Собака!

Пересыпая свою рѣчь непечатными словами, Григорій бѣшено грозился по адресу оскорбившаго его жену попа. И, глядя на его сведенное лицо, я думалъ, что старый сластолюбецъ въ рясѣ не обрадовался бы встрѣчѣ съ нимъ.

Затѣмъ Григорій затихъ и легъ на койку. Сжалъ зубы, закрылъ глаза и дѣлалъ видъ, будто спитъ. Казалось, онъ раскаивается въ томъ, что повторилъ передъ нами разсказъ жены. И всѣмъ было не-по себѣ...

Вернулся въ башню и Женя. Онъ былъ, какъ всегда, оживленъ, веселъ.

Валентинъ встрѣтилъ его вопросомъ:

— Гдѣ ты столько времени пропадалъ? Мы думали, тебя уже въ карцеръ забрали.

— А я на лѣстницѣ три очереди ждалъ. За то новостей вамъ привезъ—съ три короба.

— На свиданіи разсказывали?

— Какъ же? на свиданіи разскажутъ, когда насъ 10 человѣкъ разомъ за рѣшетку загнали... И лицъ-то разглядѣть нельзя было... На свиданіи больше я разсказывалъ. Разсказалъ мамѣ, что жандармы обѣщали меня до начала поста выпустить. Повѣрила!

— Ну, а новости какія?

— Новости... Прежде всего вамъ, Семеновъ, новость... И не совсѣмъ пріятная.

Семеновъ поднялъ голову и насторожился:

— Что такое?

— Третьяго дня у вашей жены былъ обыскъ. Искали оружія Захватили фотографическія карточки, какія-то письма изъ Женевы и на дворѣ, за кладовкой нашли свертокъ, кажется, съ патронами. Просили передать, что жандармы, какъ пришли, такъ сразу и отправились за кладовку. Значитъ, провокація!..

Семеновъ слушалъ съ измѣнившимся лицомъ.

— А Ольга?—спросилъ онъ глухо.

— Ольга арестована. Сидитъ въ третьей части. Просила передать вамъ, что чувствуетъ себя вполнѣ спокойно и ничего не боится. Дѣтей у тетки какой-то оставила. Вотъ и все, что я знаю.

Женя разсказывалъ это своимъ обыкновеннымъ веселымъ голосомъ, который такъ нравился всѣмъ намъ. Мы слушали объ этомъ арестѣ, какъ слушали раньше о тысячѣ подобныхъ арестовъ, но Семеновъ былъ совершенно убитъ этой новостью.

— Я такъ и зналъ,—тихо произнесъ онъ.

Снова легъ на койку и спряталъ лицо въ жесткую подушку Валентинъ попробовалъ утѣшить его.

— Полно, Сеня,—сказалъ онъ:—авось административной высылкой обойдется. Подержатъ полгода и выпустятъ.

Семеновъ ничего не отвѣтилъ. И всѣмъ сразу стало ясно, какъ нелѣпо оптимистическое предположеніе Валентина.

— Что же другихъ новостей не спрашиваете?—спросилъ Женя.

— А у тебя все такія?—полушутя, полусерьезно замѣтилъ Харько.

— Нѣтъ, есть и лучше: Зандерсъ и Смирновъ передъ праздниками подали прошенія.

— Не можетъ быть!—вскричалъ Валентинъ:—Я Зандерса съ 1902 г. знаю... Это тюремная утка!..

— Мнѣ Костя передалъ. Онъ съ Зандерсомъ въ одной камерѣ

сидитъ. Зандерсъ и не скрывалъ, что подаетъ прошеніе. Даже далъ Костѣ прочесть. Въ прошеніи нѣтъ ничего особеннаго: все, какъ водится. Костя его назвалъ прохвостомъ и измѣнникомъ.

— А онъ что?

— Онъ—ничего. А у самого Кости дѣла швахъ. Передъ праздниками получилъ копію обвинительнаго акта. 279 статья по двумъ пунктамъ.

Такого же сорта оказались и всѣ Женины новости. Въ больницѣ за ночь умерло двое. Въ секреткѣ смертниковъ еще одинъ осужденный подалъ прошеніе на палача. Въ третьей-слѣдственной камерѣ произошла драка между двумя политическими (сильно «полѣвѣвшими» въ тюрьмѣ): дѣло началось изъ-за освободившагося мѣста на нарахъ, а кончилось тѣмъ, что одинъ разбилъ другому голову эмальированнымъ чайникомъ.

Разсказывалъ Женя обо всемъ одинаково живо, почти весело. Казалось, его все забавляетъ: и отступничество Зандерса, и драка, и то, что смертникъ лучше желаетъ быть палачомъ, чѣмъ самому подвергнуться повѣшенію. Но, окончивъ свой разсказъ, онъ замѣтилъ совсѣмъ другимъ, унылымъ и печальнымъ голосомъ:

— Ну, вотъ и всѣ обычныя новости. Другихъ у насъ давно не было. Живемъ по старому.

И на его молодомъ лицѣ обозначилась такая страдальческая складка, что, казалось, онъ сразу постарѣлъ лѣтъ на десять.

Я не принималъ участія въ этой бесѣдѣ, такъ какъ лежалъ больной, укрывшись всякимъ тряпьемъ: меня била жестокая лихорадка. Но, лежа въ сторонѣ, я внимательно прислушивался... Все одно и то же, одно и то же. Сегодня то же, что было вчера; завтра то же, что было сегодня. Къ чему все это? Скоро-ли будетъ конецъ?

Въ камерѣ было тихо. Всѣ сидѣли, лежали или ходили по башнѣ, погруженные въ свои думы. Я поднялся съ койки и подошелъ къ окну. Долго смотрѣлъ на возвышающуюся за окномъ стѣну, эту мертвую лѣтопись тюрьмы. И передо мной проходили воспоминанія обо всемъ, что видѣла эта стѣна. Вонъ, между двумя кирпичными столбами, мелькаютъ имена повѣшенныхъ товарищей. Сколько ихъ было? Кого я помню изъ нихъ?.. А вонъ, крупная надпись: «Да здравствуетъ соціализмъ!» Это писалъ Филиппъ. Недавно онъ подалъ прошеніе о помилованіи. Вонъ надпись, сдѣланная Самуиломъ, который теперь корчитъ изъ себя ивана на ротномъ коридорѣ. Вонъ еще имена, еще имена... Цѣлый синодикъ погибшихъ. А вонъ, выше, надъ надписями, яркія пятна свѣжаго излома кирпичей, зазубрины, выбоины. Сюда ударялись пули... Новыя имена ужъ не появятся на этой стѣнѣ: передъ нею, въ трехъ шагахъ отъ нея, протянута колючая проволока. Даже черточками, проведенными на кирпичахъ этой стѣны, не могутъ

оставить память о себѣ погибающіе... Одинъ общій памятникъ останется у нихъ—эта пропитанная кровью и плѣсенью тюрьма. Общій памятникъ надъ общей братской могилой.

Сгущались сумерки за окномъ. Уже не видно было надписей на стѣнѣ. Остался лишь мрачный силуэтъ чего-то огромнаго, тяжелаго.

— Чего безъ огня сидишь? — крикнулъ надзиратель за дверью:—зажигай лампу! На повѣрку становись.

Быстро зажгли лампу, прибрали камеру и стали въ два ряда противъ двери.

Вотъ и вечерняя повѣрка. Отворили тяжелую дверь. Въ камеру вошло человѣкъ 10 надзирателей. Спереди старшій, какъ всегда торжественный, надутый, съ краснымъ вздрагивающимъ лицомъ, съ мутными глазами, съ тщательно расчесанными длинными усами. Пересчиталъ насъ. Обвелъ глазами башню, чтобы провѣрить, все ли въ порядкѣ. Надзиратель съ тяжелымъ деревяннымъ молотомъ подошелъ къ окну и началъ выстукивать рѣшетку. Тяжело падаютъ тупые удары на гудящія полосы желѣза. Кажется, вотъ-вотъ поддастся рѣшетка. Но нѣтъ, это только обманъ зрѣнія: уже десятки лѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ построена тюрьма, каждый день, утромъ и вечеромъ выстукиваютъ вотъ такъ эти желѣзныя рѣшетки, а онѣ все держатся, будто скрыта въ нихъ какая-то таинственная вѣчная сила.

Повѣрка ушла изъ башни.

Я снова ложусь на койку и укрываюсь потеплѣе. Въ камерѣ тихо.

Харько и Женя молча играютъ въ шашки. Перецъ сосредоточенно слѣдитъ за ихъ игрой. Григорій усѣлся у лампы писать письмо, но написалъ всего двѣ строчки, и дальше дѣло у него не подвигается впередъ. Валентинъ пытается сосредоточиться надъ какой-то старой книжкой, но мысли его витаютъ гдѣ-то далеко, далеко. Митя и Семеновъ лежатъ на своихъ койкахъ.

Всѣмъ скучно, всѣхъ гложетъ тоска.

Женя первый прервалъ молчаніе.

— Товарищи,—заговорилъ онъ:—Мы вѣдь чуть не забыли, какой день сегодня! Будемъ Новый годъ встрѣчать. До 12 часовъ не ложиться! Пиръ устроимъ, рѣчи,—все какъ слѣдуетъ! Идетъ? А?

— Идетъ,—отозвался Григорій.

А Харько замѣтилъ дѣловымъ тономъ:

— Новый-то Годъ встрѣтимъ. Это—ладно. Только насчетъ пира-что намъ староста скажетъ? Товарищъ Семеновъ, колбасы намъ дадите Новый Годъ встрѣтить?

— Погоди съ колбасой, хохолъ,—вмѣшался Григорій:—Нужно рѣшить, все по порядку. Товарищъ Сергѣй, вы рѣчь скажете?

— У меня не выдетъ ничего,—отвѣтилъ я:—голова трещитъ и трясетъ всего... Какая тутъ рѣчь?

— Ну, такъ товарищъ Валентинъ не откажется.

— Отказываюсь.

— Ну, такъ и праздника у насъ не будетъ. Товарищъ Валентинъ, развѣ трудно вамъ? Васъ просятъ... Хоть пару словъ скажите.

— Ну ладно, чортъ васъ дери!..

Въ башнѣ стало какъ-то веселѣе. Начали готовиться къ празднику. Смѣялись, шутили. Покрыли столъ полотенцемъ. Харько нарѣзалъ тоненькими ломтиками фунта два колбасы и разложилъ эти ломтики звѣздой на бумагѣ. Кругомъ положилъ ломти чернаго хлѣба и отдѣльно отъ нихъ куски булки, полученной въ сегодняшнюю передачу. Все это показалось ему до того изящно, что онъ не могъ удержаться отъ выраженія восхищенія собственнымъ искусствомъ.

— Вотъ это столъ, такъ столъ! Въ буржуазныхъ домахъ лучше не бываетъ! Ты, Перецъ, лучше видалъ когда-нибудь?

— Лучше видалъ. А вотъ хуже,—не помню.

— Врешь! Ты смотри: изъ ничего вѣдь какой столъ парадный вышелъ!

Между тѣмъ, Григорій привѣсилъ надъ лампой чайникъ и кипятилъ воду, готовя чай.

— Ложись спать!—раздалась команда за дверью.

— Ложимся!—отвѣтили мы по обыкновенію.

Начали говорить шепотомъ.

— Женя, твоя койка въ прозорку видна. Устрой тамъ.

— Я туда чучело положу.

Женя свернулъ чье-то пальто, уложилъ его на своей койкѣ. Примостилъ тамъ же чайникъ и два мѣшочка съ бѣльемъ, покрылъ все одѣяломъ, а поверхъ его протянулъ сложенное полотенце.

— Вотъ это такъ чучело!—ликовалъ онъ:—И съ руками, и лицо, какъ мое. Лежи смирно, тебѣ говорятъ!

Толкнувъ свое чучело ногой въ бокъ, онъ вернулся вглубь башни.

Сѣли къ столу и ждали, когда поспѣетъ чай. Подсѣлъ къ столу и Семеновъ, и Митя. Всѣмъ хотѣлось ознаменовать чѣмъ-нибудь встрѣчу Новаго Года, хотѣлось, чтобы праздникъ вышелъ возможно торжественнѣе, но каждый думалъ невольно о томъ, что принесъ намъ минувшій годъ, что несетъ намъ Новый, начинающійся. И отъ этихъ думъ у каждаго становилось на душѣ тяжело и тоскливо. Позади невозвратимыя утраты, паденія, разочарованія. Впереди—тьма безпросвѣтная, утрата того, что еще не утрачено, быть можетъ, новыя еще болѣе печальныя паденія, смерть. Хоть бы маленькій просвѣтъ, хоть бы искорка надежды впереди. Ничего, ничего, кромѣ тьмы и холода могилы!

Я тоже сидѣлъ у стола, прислонившись къ стѣнкѣ. Было такъ тяжело, что хотѣлось плакать, хотя глаза ужъ давно отвыкли

отъ слезъ. Смотрѣлъ внимательно на готовящихся къ встрѣчѣ новаго года товарищей.

Вотъ, сидитъ, не видя ничего вокругъ себя, погруженный въ свои невеселыя думы Семеновъ. Ему сидѣть въ тюрьмѣ еще не меньше 7 лѣтъ. Что жена его получитъ каторгу,—это несомнѣнно. А мы знаемъ, что представляла для него семья. Выдержитъ ли онъ это испытаніе? Пока онъ ни въ чемъ не измѣнилъ себѣ. Но слишкомъ низко опустилъ онъ теперь свою голову. Выдержитъ ли? Можетъ быть, теперь уже зрѣетъ въ немъ рѣшеніе, которое оттолкнетъ его отъ насъ...

Вотъ возится около чайника Григорій. Онъ надѣется еще выдти на волю, мечтаетъ о мести, но я знаю отлично, что онъ не выйдетъ изъ тюрьмы. Его повѣсятъ. И почему-то мнѣ не жалко его. Не повѣсили бы его теперь, такъ повѣсили бы немного позже. Такихъ, какъ онъ, при мнѣ повѣсили не одинъ десятокъ. Теперь повѣсятъ еще одного...

Вотъ задумался надъ чѣмъ-то товарищъ Валентинъ. Его желтое лицо при свѣтѣ лампы кажется лицомъ мертвеца. О чемъ онъ думаетъ? Можетъ быть, вспоминаетъ весь пройденный жизненный путь,—рѣдкіе часы подъема, восторга и годы страданій. Это тоже конченный человѣкъ.

Конченный человѣкъ и молчаливый, скромный Перецъ. Разъ жандармы раскопали его старыя дѣла, значитъ, смертный приговоръ ему обезпеченъ. Можетъ быть, замѣнятъ висѣлицу вѣчной каторгой, но вѣдь это одно и то-же.

Харько крѣпче другихъ. Можетъ быть, онъ и выживетъ,—благо и срокъ у него небольшой. Но какимъ человѣкомъ выйдетъ онъ изъ тюрьмы? На что будетъ онъ годенъ послѣ этой передѣлки?

Относительно Мити гадать нечего: онъ протянетъ не долго: можетъ быть, съ мѣсяцъ, можетъ быть два... Онъ и теперь, какъ неживой.

А вотъ хлопочетъ, убирая столъ, самый молодой, самый жизнерадостный изъ насъ, Женя. Мы всѣ знаемъ, что его повѣсятъ, и онъ твердо знаетъ это. Тюрьма еще не вытравила красокъ съ его молодого, почти дѣтскаго лица, еще не потушила огня его глазъ, еще не заглушила его звонкаго голоса. Но онъ—обреченная жертва висѣлицы. На его шеѣ виднѣется иногда полоска отъ узкаго ворота, тонкая, красная полоска на нѣжной, бѣлой кожѣ. Теперь, когда онъ наклоняется надъ столомъ, я ясно вижу его шею съ краснѣющей на ней черточкой, и думаю: «Точь-въ-точь по этой полоскѣ петля придется»...

Я внимательно вглядываюсь въ лица готовящихся къ встрѣчѣ Новаго года товарищей. И все яснѣе и яснѣе становится мнѣ, что всѣ мы уже не принадлежимъ этому міру, міру живыхъ. Люди, стоящіе одной ногой въ могилѣ... Люди, обреченные висѣлицѣ и

смерти,—мы устраиваемъ себѣ праздникъ, встрѣчая Новый Годъ! Забавно...

Тоскливо тянулись минуты. Наконецъ, Григорій провозгласилъ:

— Готово, товарищи!—и торжественно поставилъ на столъ кипящій чайникъ!

Харько заварилъ чай и разлилъ его по кружкамъ.

— Ну, теперь приступимъ!—пригласилъ онъ.

Опять начались шутки и смѣхъ, скучныя шутки, невеселый смѣхъ. Казалось, будто мы нарочно стараемся поднять свое настроеніе.

— Товарищъ Валентинъ! На линію огня! Рѣчь говорите!

— Тише! слушайте!

— Что-нибудь повеселѣе! На мотивъ «Громъ побѣды раздавайся!

— Что-нибудь не философическое, а агитаціонное.

Валентинъ молчалъ, и лицо его было грустное и утомленное

— Я не буду,—сказалъ онъ серьезно и устало.

— Да ну-же, вы обѣщали.

— Нельзя отказываться!

— О чемъ же говорить?—спросилъ Валентинъ.

— О чемъ угодно. О прошломъ, о настоящемъ, о будущемъ.

— Хорошо. Я скажу новогоднюю рѣчь, товарищи. Лучше высказать, чѣмъ таить про себя.

— Слушаемъ! Слушаемъ!

— О минувшемъ годѣ не буду я говорить. Минувшее всѣ мы знаемъ. И слишкомъ темно, слишкомъ печально минувшее, чтобы вспоминать все... въ такой радостный часъ, при такой веселой обстановкѣ.

Въ голосѣ Валентина слышался рыдающій сарказмъ. И медленно сползли съ лицъ его слушателей улыбки. Онъ продолжалъ:

— Я только о ближайшемъ будущемъ буду говорить. Его можно предвидѣть. Оно будетъ мрачнѣе и ужаснѣе всего пережитаго... Кровь, слезы и грязь,—вотъ что ждетъ насъ. Всего больше грязи... Черезъ двѣнадцать мѣсяцевъ нѣкоторые изъ насъ опять будутъ встрѣчать Новый годъ. Только нѣкоторые, не всѣ, далеко не всѣ. Тогда они вспомнятъ тѣхъ изъ насъ, которыхъ уже не будетъ въ живыхъ... И они позавидуютъ намъ, позавидуютъ тому, что мы лежимъ въ землѣ и ничего не видимъ, ничего не слышимъ, ничего не чувствуемъ... Товарищи! я не хочу дожить до слѣдующей встрѣчи Новаго года и никому изъ васъ не желаю этого... Скорѣй конецъ! Вотъ моя новогодняя рѣчь, товарищи!..

Голосъ Валентина дрожалъ, все лицо его передергивалось, какъ отъ сдерживаемыхъ рыданій. Я не узнавалъ его, всегда столь уравновѣшеннаго, сдержаннаго. Но видно было, что его несуразная

новогодняя рѣчь—стонъ, вырвавшійся изъ самой глубины его измученной души.

И всѣ, казалось, почувствовали, что Валентинъ высказалъ общую думу, общее настроеніе. Не было больше смысла шутить, смѣяться и внѣшней веселостью маскировать свою тоску. Сразу оборвались шутки. Встрѣча Новаго года разстроилась. Мы сидѣли молча, стараясь не глядѣть другъ на друга...

Въ это время за дверью раздался сердитый окрикъ:

— Чего послѣ команды сидите? Спать ложись, сволочь!

Тихо улеглись мы каждый на свое мѣсто. И каждый думалъ про себя:

— Правъ Валентинъ. Скорѣй бы конецъ!

Эту мысль можно было прочесть и на упрямомъ морщинистомъ лицѣ Харько, и на полудѣтскомъ лицѣ Жени.

Я вспомнилъ эту встрѣчу Новаго года въ башнѣ, когда заговорилъ о душевномъ состояніи «уцѣлѣвшихъ» въ тюрьмѣ. Вспомнилъ этотъ случай, такъ какъ онъ характеризуетъ ту безнадежную пустоту, въ которой мы жили въ разгаръ реакціи въ Н—ской тюрьмѣ

Правда, не во всѣхъ тюрьмахъ узники встрѣчаютъ Новый годъ съ такими безотрадными чувствами. И въ той же Н—ской тюрьмѣ 1910-ый годъ мы встрѣтили въ болѣе бодромъ настроеніи. Я не хочу обобщать свои тягостныя наблюденія, не хочу сгущать краски.

Въ то время, какъ мы, «уцѣлѣвшіе», мечтали «скорѣй бы конецъ!», въ это время гдѣ-нибудь другіе «уцѣлѣвшіе», быть можетъ, съ бодрой вѣрой смотрѣли впередъ. Но все же и наше положеніе въ башнѣ было не исключительное. Такъ-же тогда встрѣтили 1909-ый годъ многія сотни и тысячи людей и въ тюрьмахъ, и на волѣ.

С.

У ДАЛЬНЯГО МОРЯ.

Картинки изъ временъ войны.

I.

Былъ конецъ ноября 1904 года.

На улицахъ только что прошедшій снѣгъ смѣшался съ грязью мостовыхъ, и лишь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ его не коснулась человѣческая нога, онъ лежалъ, пухлой бѣлой пеленой, рыхлѣя отъ выглянувшаго изъ-за тучъ солнца...

Бухта „Золотой Рогъ", скованная льдомъ, была вся испещрена колесами пролетокъ, привозившихъ сѣдоковъ на военныя суда. Вокругъ судовъ чернѣли проруби и, среди сплошного льда, казались чернильными пятнами на бѣлой скатерти. По утрамъ около этихъ зіяющихъ дыръ толпились матросы съ кирками и ломами въ рукахъ, и желѣзо впивалось въ зеркальную поверхность народившагося за ночь льда, откалывая отъ него куски, нырявшіе въ темно-синюю воду.

По случаю войны, военныя суда не прекращали кампанію; изъ ихъ широкихъ черныхъ трубъ круглыя сутки клубился дымъ, и вилась тонкая струйка пара.

Каждое утро на кормѣ этихъ судовъ взвивался военный флагъ, а послѣ заката солнца флагъ медленно сползалъ по флагштоку... Съ подъемомъ его, жизнь на судахъ начинала бить ключомъ: на палубѣ слышались крики команды и пѣніе сигнальныхъ рожковъ. Но едва только на бухту наползала ночь,—всѣ суда вдругъ окутывало молчаніе, и они стояли до утра безмолвными, чернѣющими громадами.

Совсѣмъ другую жизнь велъ городъ: и ночью онъ игралъ освѣщенными окнами шантановъ и клубовъ, мигалъ огоньками фонарей. И въ то время, когда надъ бухтою спускалась зловѣщая тишина, прерываемая изрѣдка окликами часовыхъ, надъ городомъ стояло зарево, и слышался неясный гулъ.

Въ одинъ изъ такихъ дней, послѣ полудня, по направленію къ Сибирскому Флотскому Экипажу ѣхалъ „прапорщикъ по морской части" Александръ Борисовичъ Караевъ *). Ему недавно минуло двадцать шесть лѣтъ, былъ онъ высокаго роста, бѣлокурый, широкогрудый, съ небольшой, слегка вьющейся бородкой. Голубые глаза его съ длинными рѣсницами смотрѣли весело и нѣсколько лукаво, а розовое лицо дышало молодостью и здоровьемъ.

Навстрѣчу ѣхалъ флотскій офицеръ, и Караевъ узналъ въ немъ завѣдующаго транспортами, капитана второго ранга Загорѣльскаго. Караевъ приложилъ руку къ фуражкѣ, флотскій сдѣлалъ то же, и каждый поѣхалъ въ свою сторону.

Но вдругъ флотскій обернулся и крикнулъ:

— Прапорщикъ Караевъ!.. послушайте...

Караевъ слѣзъ съ извощика, подбѣжалъ къ флотскому и приложилъ руку къ козырьку.

— Здравствуйте!..—сказалъ Загорѣльскій, подавая руку.— А я вотъ увидѣлъ васъ и вспомнилъ: хотите идти въ Артуръ?

Щеки Караева заалѣли...

— Разумѣется!...—воскликнулъ онъ.—На чемъ?

— На транспортѣ „Миссури"! Онъ пойдетъ въ началѣ декабря и повезетъ Артуру провіантъ и снаряды. Но предупреждаю: путешествіе опасное! Можно даже сказать—авантюра!

Пока Загорѣльскій говорилъ, Караевъ учитывалъ предложеніе. Онъ понялъ одно—что представляется возможность участвовать въ войнѣ. Надоѣла бездѣятельность, притупившая нервы и толкавшая на кутежи и карты. И Караевъ сказалъ, дѣлая небольшой поклонъ:

— Я согласенъ! Благодарю васъ за вниманіе!

Загорѣльскій ласково улыбнулся.

— Не за что! Я васъ назначу на транспортъ старшимъ офицеромъ. Увѣренъ, что останетесь довольны! Тѣмъ болѣе,— онъ снова улыбнулся, — что у васъ только начальникъ экспедиціи будетъ флотскій; остальные—всѣ прапорщики.

Простясь съ Караевымъ, Загорѣльскій поѣхалъ дальше, а Караевъ, садясь на извощика, вдругъ рѣшилъ, что ему въ Экипажѣ сегодня дѣлать нечего, и приказалъ повернуть въ городъ.

„Поѣду лучше къ Аристарху. Подѣлюсь съ нимъ своею радостью".

---

*) Моряки коммерческаго флота, капитаны и ихъ помощники, зачисляются въ запасъ флота прапорщиками и, во время войны, призываются въ этомъ чинѣ въ военный флотъ, гдѣ несутъ обыкновенныя офицерскія обязанности.

Съ Аристархомъ Федоровымъ Караевъ былъ очень друженъ. Служилъ Федоровъ въ портовой конторѣ младшимъ дѣлопроизводителемъ и былъ извѣстенъ въ военномъ кругу Владивостока, какъ веселый и неунывающій малый. Почти ежедневно у него собирались гости. Приходили мелкіе портовые чиновники, молодое офицерство, незначительные подрядчики, нуждающіеся въ военныхъ знакомствахъ, и устраивали пирушки въ складчину, принося каждый что-нибудь изъ съѣстного или напитковъ. И сейчасъ Караевъ, проѣзжая мимо гастрономическаго магазина, купилъ цѣлый ворохъ закусокъ и двѣ бутылки коньяку.

Домикъ, въ которомъ жилъ Федоровъ, стоялъ въ небольшомъ тупикѣ на горѣ. Караевъ отпустилъ извощика, забралъ покупки и полѣзъ на гору. Еще издали онъ понялъ, что квартира его пріятеля полна гостей; это было слышно по гулу голосовъ, вырывающихся на улицу въ открытую форточку, по треньканью балалайки и по руладамъ какого-то баритона, выводившаго на весь тупикъ: „Ахъ, зачѣмъ эта ночь такъ была хороша".

У подъѣзда Караевъ сложилъ покупки и позвонилъ. Прождавъ съ минуту и въ сотый разъ перечитавъ на дверяхъ визитную карточку: „Аристархъ Петровичъ Федоровъ, Чиновникъ морского вѣдомства",—позвонилъ снова.

За дверью послышался лай, затѣмъ чьи-то шаги, и дверь открыли. На порогѣ стоялъ совершенно незнакомый Караеву морской докторъ. Онъ взялъ у Караева кулекъ съ покупками и понесъ. Прапорщикъ прошелъ крытыми сѣнями, вошелъ въ переднюю, и сразу же окунулся въ волны табачнаго дыма, въ запахъ какой-то снѣди и въ неообразимый шумъ...

Пока Караевъ вѣшалъ пальто, отбиваясь отъ ласкъ облапившаго его сеттера,—въ сосѣдней комнатѣ кто-то кричалъ, стуча ножемъ по тарелкѣ, стараясь перекричать всѣ голоса:

— Господа!.. кто пьетъ водку пополамъ съ пивомъ?.. подходи!..

Въ переднюю вбѣжалъ Федоровъ,—средняго роста брюнетъ лѣтъ тридцати пяти, съ умными карими глазами, розовымъ лицомъ и вьющейся шевелюрой. На немъ была ночная сорочка, воротъ которой былъ открытъ, обнажая мохнатую грудь. Наотмашь пожавъ руку прапорщика, Аристархъ улыбнулся...

— А я сегодня опять на службу не пошелъ. Неохота!

Прапорщикъ сочувственно кивнулъ головой.

— Я тоже ѣхалъ въ Экипажъ и не доѣхалъ!

Онъ обдернулъ на себѣ тужурку и прибавилъ:

— Ты знаешь: я иду въ Артуръ.

Аристархъ вскинулъ на него глаза.

— Неужели? На чемъ?

— На „Миссури"! Сейчасъ встрѣтилъ Загорѣльскаго. Онъ меня туда назначаетъ.

Федоровъ схватилъ Караева за руку и потащилъ въ комнаты.

— Господа!..—крикнулъ онъ съ порога.—Се человѣкъ, идущій въ Артуръ!..

Въ комнатѣ было нѣсколько офицеровъ и чиновниковъ. Одни изъ нихъ толпились у стола, уставленнаго закусками и напитками, другіе,—въ углу, за ломбернымъ столомъ играли въ карты. Тутъ же, на спинкахъ стульевъ лежали ихъ сюртуки и жилеты. Пѣхотный подпоручикъ Дульскій держалъ въ рукахъ балалайку, перебирая пальцами струны. Онъ былъ тоже безъ сюртука и стоялъ одинъ, посреди комнаты, мечтательно устремивъ глаза въ потолокъ.

Въ раскрытую форточку врывались клубы морознаго воздуха, но, не смотря на это, въ комнатѣ было жарко и страшно накурено; бурыя струйки дыма ползли къ потолку...

Когда Аристархъ съ прапорщикомъ вошли, голоса немного стихли, но высокій чиновникъ съ рачьими глазами и большимъ зобомъ рявкнулъ басомъ, потрясая налитымъ стаканомъ:

— Караевъ!.. голу̀ба!.. иди пить водку пополамъ съ пивомъ!..

Караевъ улыбнулся и сразу почувствовалъ, какъ къ сердцу подступило что-то веселое и безшабашное. Хотѣлось громко говорить, хохотать во все горло, дѣлать глупости, шалить, какъ ребенокъ.

Изъ всей компаніи прапорщикъ былъ незнакомъ только съ морскимъ докторомъ. Остальные были завсегдатаями квартиры Аристарха и встрѣтили Караева, какъ своего.

Начались разспросы. Караева поздравляли, трясли ему руку, хлопали по плечу.

Потомъ потащили къ столу. Долго и много пили, играли въ карты, пѣли пѣсни.

Разошлись съ первыми проблесками разсвѣта.

II.

Къ транспорту „Миссури", стоявшему посреди льда, Караеву пришлось идти пѣшкомъ. Отъ края проруби и до самого судна ходила китайская шампунька, перевозившая на транспортъ желающихъ.

Высокій и неуклюжій, походившій на гигантскую желѣз-

ную коробку, „Миссури" на фонѣ покрытаго снѣгомъ берега казался большимъ грязнымъ пятномъ. Купленный недавно у одной нѣмецкой фирмы, транспортъ этотъ, до покупки его морскимъ вѣдомствомъ, былъ скромнымъ угольщикомъ *), и, какъ говорили злые языки, стоилъ много меньше того, что за него заплатили.

Придя съ приказомъ о назначенiи, Караевъ прошелъ въ каютъ-кампанiю, гдѣ за чаемъ сидѣли всѣ офицеры „Миссури". Караевъ представился командиру,—пожилому уже „прапорщику" Губину и познакомился съ остальными офицерами, тоже прапорщиками. Кромѣ Губина, на транспортѣ были: штурманскiй офицеръ Сухотинъ, ротный Быстрицкiй и механикъ Котовъ.

— Возможно, что намъ и удастся прорваться въ Артуръ!..—сказалъ командиръ въ разговорѣ.—Главное: проскочить сѣверъ Японiи, а тамъ уже съ полгоря! Ночью будемъ идти безъ огней, а днемъ—подъ разными флагами.

— А если встрѣтятся японцы?..—спросилъ Караевъ.

— Попытаемся проскочить! Не удастся,—спустимъ команду на шлюпки и затопимъ или взорвемъ транспортъ!

Весь этотъ день прошелъ у Караева въ прiемѣ должности старшаго офицера и въ осмотрѣ транспорта. Перевезъ онъ свои вещи изъ квартиры, устроилъ свою каюту, составилъ списокъ командѣ и судовому имуществу. Всей команды на „Миссури" было сорокъ человѣкъ. Набиралась она тоже изъ „охотниковъ", и были это все люди, знавшiе на что и куда идутъ.

Судового имущества на „Миссури" оказалось очень мало. То и дѣло не хватало самаго необходимаго, и, когда Караевъ заговорилъ на эту тему съ командиромъ, тотъ безнадежно махнулъ рукой.

— Я нѣсколько разъ говорилъ объ этомъ въ штабѣ! И каждый разъ слышалъ одинъ отвѣтъ: „Какое вамъ еще имущество? Все, равно: или взорветесь, или васъ захватятъ съ имуществомъ японцы... Старайтесь только дойти"... Это отношенiе штаба къ предстоящему походу отчасти смущало Караева.

„Ужъ если самъ штабъ не вѣритъ въ походъ,—думалъ онъ съ горечью,—такъ какъ же мы должны смотрѣть на свое будущее"?—Но гдѣ-то, въ глубинѣ души, все-же теплилась у него маленькая искорка надежды: „а вдругъ... достигнемъ цѣли?"

И Караевъ дѣлалъ свое дѣло съ горделивымъ сознанiемъ,

---

*) «Угольщикомъ» называется коммерческiй пароходъ, занимающiйся перевозкой угля.

что выполняетъ долгъ передъ родиной. Грядущее казалось загадочнымъ, но въ то же время и исключительнымъ. Не хотѣлось вѣрить, что все останется по старому, что въ судьбѣ не произойдетъ никакой перемѣны. Бывали минуты, когда Караеву безумно хотѣлось приподнять хоть краешекъ той завѣсы, которая скрывала отъ него будущее. Попеременно онъ или рисовалъ себѣ картины удовлетвореннаго честолюбія, или же впадалъ въ уныніе, убѣждаясь, что на успѣхъ шансовъ очень мало.

Во всякомъ случаѣ, новизна обстановки волновала Караева, и уже это было интересно. Было жутко думать о томъ, что на карту ставится жизнь, которая можетъ прерваться при первой встрѣчѣ съ непріятелемъ. Отъ одной этой мысли по спинѣ Караева пробѣгала мелкая, холодная дрожь, и въ вискахъ сильно стучало, но въ то же время не вѣрилось, что это случится. Слишкомъ ужъ хотѣлось жить, и впереди была огромная, заманчивая дорога, на которую вели Караева молодость и громадный запасъ неистраченныхъ еще силъ. Не вѣрилось въ смерть потому, что слишкомъ ярко свѣтило милое, хорошее солнце, хорошо и ласково улыбались окружающіе. И когда на Караева смотрѣло это солнце, смерть казалась невозможной; ему хотѣлось кричать отъ радости,—кричать съ торжествомъ звѣря, уходящаго изъ-подъ выстрѣла охотника...

На другой день на „Миссури" заѣхалъ Загорѣльскій, отвелъ командира въ сторону и сказалъ:

— Васъ завтра начнутъ нагружать... Но команда „Миссури" къ нагрузкѣ касаться не должна. Имѣйте это въ виду!

Вечеромъ пришелъ ледоколъ и повелъ транспортъ къ артиллерійскимъ пакгаузамъ.. Два дня грузили снаряды, послѣ чего транспортъ отвели къ пакгаузамъ морского вѣдомства и стали грузить провіантъ. На погрузку были присланы спеціальные люди, и продолжалась она дней пять.

За это время Караевъ былъ два раза на берегу и сдѣлалъ необходимыя покупки. Видѣлся онъ и съ Федоровымъ.

— Неужели ты думаешь, что попадешь въ Артуръ?..— спросилъ тотъ, иронически улыбаясь.

— Не увѣренъ, конечно, но надѣюсь.

Аристархъ покачалъ головой.

— Вьюноша ты еще, Александръ Борисовичъ! Сразу видно, что флотъ тебѣ мало знакомъ! Ужъ кто-кто, а я-то наше морское вѣдомство знаю.

Караевъ протестовалъ, увѣряя, что въ данномъ случаѣ,

„морское вѣдомство“ не причемъ: успѣхъ зависитъ отъ счастья и отъ морскихъ способностей экипажа „Миссури“.

Но Федоровъ упорно стоялъ на своемъ.

— Не причемъ какъ разъ ваши способности! Не дойдете до Артура просто потому, что корабль-то вашъ ни къ черту не годится! Гнилье!

И, словно въ доказательство правоты Аристарха, первый разговоръ, на который наткнулся Караевъ въ каютъ-компаніи по возвращеніи съ берега, былъ о дефектахъ транспорта. Котовъ жаловался, что въ порту не хотятъ дѣлать никакого ремонта въ машинѣ.

— Просилъ хоть упорный подшипникъ укрѣпить... Отказалъ! А вѣдь подшипникъ-то, какъ балерина, танцуетъ!

— Вы имъ говорили, что въ такомъ видѣ невозможно выйти въ море?..—спросилъ командиръ.

— Говорилъ! Твердитъ одно: „какъ-нибудь, дастъ Богъ, дойдете“! Что съ нимъ подѣлаешь!

Командиръ пожималъ плечами, механикъ ругалъ на чемъ свѣтъ стоитъ портовую контору, а Караевъ сидѣлъ мрачный и думалъ:

— Кажется, Аристархъ правъ: не дойти намъ до Артура!

Вчерашнія мечты объ успѣхѣ казались ему уже несбыточными, и становилось скорбно на душѣ. Сразу какъ-то опускались руки, и не хотѣлось ничего дѣлать... И все чаще и чаще капли сомнѣнія падали на разочарованную душу, и мозгъ сверлила назойливая, тревожная мысль: ужъ не отказаться ли, пока не поздно, отъ этого похода? Все равно, ничего изъ него не выйдетъ. Но, подумавъ, Караевъ рѣшилъ, что отступать поздно.

„Суждено остаться въ живыхъ—буду въ Артурѣ! Нѣтъ,—значитъ такая судьба“!

Наконецъ, „Миссури“ былъ нагруженъ, трюма его опечатаны, и вѣдомость груза сдана Караеву, какъ старшему офицеру.

На досугѣ Караевъ разсмотрѣлъ эту вѣдомость. Оказалось, что на „Миссури“ погружено шесть тысячъ тоннъ *) снарядовъ и провіанта и двадцать тоннъ **) динамита. Оцѣненъ былъ этотъ грузъ въ огромную сумму.

Какъ только погрузка была окончена, „Миссури“ отвели на прежнее мѣсто, и на транспортъ начали съѣзжаться начальство и гости.

---

*) Около 360 тысячъ пудовъ.

**) 1200 пуд.

Первымъ пріѣхалъ командующій флотомъ,—плотный вице-адмиралъ съ безучастнымъ лицомъ и апатичными движеніями. Пріѣхалъ онъ въ сопровожденіи начальника экспедиціи, лейтенанта Литавкина. И, по первому взгляду на этого франтоватаго офицера, на транспортѣ поняли, что лейтенантъ—бѣлоручка и ничего не смыслитъ въ морскомъ дѣлѣ. Носилъ онъ форму гвардейскаго экипажа, не выговаривалъ букву „р" и смотрѣлъ свысока на окружающихъ.

Когда адмиралъ представилъ ему офицеровъ транспорта, Литавкинъ прищурился на Губина:

— Ска-ажите: вы пгапогщикъ?

Губинъ спокойно отвѣтилъ:

— Я—командиръ транспорта, г. лейтенантъ! А зовутъ меня Николаемъ Васильевичемъ!

Лейтенантъ смутился, но, не встрѣтивъ поддержки во взглядѣ адмирала, понялъ, что поступилъ безтактно. И, краснѣя, спросилъ что-то о походѣ.

Затѣмъ пошелъ осматривать транспортъ и, вернувшись минуты черезъ три, авторитетно заявилъ:

— Пгекгасный тganспогтъ!.. Хогошо будетъ на немъ плавать!

Командующій флотомъ остался завтракать и разсѣянно слушалъ разговоры офицеровъ. Завтракъ тянулся долго и былъ скученъ. Адмиралъ стѣснялъ всѣхъ. Онъ это понялъ и уѣхалъ до окончанія завтрака. Послѣ его отъѣзда настроеніе сразу приподнялось, и всѣ почувствовали себя свободно. Сталъ совсѣмъ другимъ и лейтенантъ.

За шампанскимъ онъ добродушно сказалъ Губину:

— Вы пожалуйста на меня не обижайтесь. Пгосто я взялъ не ту ноту! Будемъ дгузьями!

Они подали другъ другу руки и, неожиданно для всѣхъ, поцѣловались.

Къ вечеру привезли лейтенанту безчисленное количество чемоданчиковъ и баульчиковъ. Когда ихъ выгружали съ лодки на палубу, Караевъ стоялъ у трапа вмѣстѣ съ лейтенантомъ.

— Неужели все это вы возьмете въ походъ?..—спросилъ онъ удивленно.

Лейтенантъ самодовольно улыбнулся.

— Ахъ, мой дгугъ!.. Вѣдь мы идемъ чегтъ знаетъ куда?.. А я такъ пгивыкъ къ удобствамъ!

Весь слѣдующій день пріѣзжали гости: знакомые и незнакомые, штатскіе и военные, мужчины и дамы. Входили всѣ на транспортъ съ такимъ видомъ, будто пріѣхали по приглашенію, и отъ нихъ зависитъ судьба похода.

Были тутъ и родственники артурцевъ, посылавшіе письма и посылки, были и жертвователи, отправлявшіе осажденнымъ подарки въ видѣ головъ сахара, окороковъ, папиросъ, всевозможной снѣди. И каждый обязательно хотѣлъ, чтобы его выслушали, записали адресъ его родственника или знакомаго.

Пріѣзжали дамы-патронессы съ цѣлыми кипами иконъ, книгъ духовнаго содержанія и всего того, чѣмъ богата обычная благотворительность.

Вся команда „Миссури", не исключая офицеровъ, оказалась обвѣшанной образками и ладонками.

Наконецъ, доступъ постороннимъ былъ прекращенъ, и стали готовиться къ походу. Пріѣхалъ опять командующій флотомъ съ портовымъ начальствомъ. Послѣ молебна, адмиралъ сказалъ нижнимъ чинамъ рѣчь, изрѣдка бросая взглядъ на листокъ бумаги, спрятанный у него въ лѣвой рукѣ.

На разсвѣтѣ пришелъ ледоколъ, проломалъ около „Миссури" ледъ, и транспортъ пошелъ въ море, слѣдуя до залива Петра Великаго за ледоколомъ...

III.

Федоровъ жилъ одинъ, но у него была жена Анна Васильевна, кончавшая медицинскіе курсы. Пріѣзжала она къ мужу на лѣтніе мѣсяцы, и съ ея пріѣздомъ образъ жизни Аристарха рѣзко измѣнялся: прекращались и попойки, и визиты пріятелей. Самъ Аристархъ пилъ значительно меньше.

Каждый разъ послѣ отъѣзда жены Федоровъ входилъ въ осиротѣвшую квартиру, долго сидѣлъ у окна, безцѣльно смотря на улицу, и мрачно пилъ. Продолжалось это обыкновенно дня три, а затѣмъ опять широко открывались двери его квартиры, и попойки возобновлялись.

О женѣ Аристархъ не любилъ говорить съ посторонними. На разспросы о ней онъ или отвѣчалъ шутками, или молчалъ и хмурился. И каждый понималъ, что этого вопроса касаться нельзя,—что кроется здѣсь какая-то драма.

Только одинъ человѣкъ изъ приближенныхъ къ Федорову—подпоручикъ Дульскій—былъ посвященъ въ закулисную сторону семейной жизни Аристарха. Тотъ часто жаловался ему на свою судьбу, а послѣ послѣдняго отъѣзда жены сказалъ подпоручику, шагая изъ угла въ уголъ:

— Опять одинъ!.. Опять, значитъ, попойки... безсонныя ночи...

— Ты самъ виноватъ...—замѣтилъ Дульскій.—Гони насъ всѣхъ въ шею, и вся недолга!

— Нельзя! Понимаешь: нельзя; боюсь я одинъ, самъ съ собой, въ квартирѣ оставаться! Жутко мнѣ самого себя!

— Живи съ кѣмъ-нибудь изъ товарищей!

— Думалъ и объ этомъ! Но все это не то! Мнѣ нуженъ не человѣкъ, а люди. Мнѣ нужны огни, пьяный угаръ и пьяное веселье!

Онъ подсѣлъ къ Дульскому и дотронулся до его колѣна.

— Понимаешь: люди мнѣ нужны!.. Когда я одинъ, со мной происходитъ что-то странное...

Аристархъ откинулся на спинку кресла и провелъ рукой по волосамъ. Видъ его былъ жалокъ, и въ глазахъ горѣлъ ужасъ пережитаго...

— Иногда мнѣ кажется, что я схожу съ ума: то за моей спиной кто-то стоитъ, то, по вечерамъ, я вижу въ углу чью-то тѣнь! А ночью меня душатъ кошмары.

— Много пьешь. Нужно пить меньше!

Аристархъ махнулъ рукой.

— Ахъ, совсѣмъ не то! Это только кажется, что я много пью, а на самомъ дѣлѣ я пью не больше другихъ! Такихъ какъ я—мильонъ!..—продолжалъ онъ послѣ паузы.—Почему же они живутъ спокойно, ничего имъ не чудится, не страшно имъ одиночество?

Онъ опять заходилъ по комнатѣ.

— Многіе, вѣроятно, думаютъ, что я пью съ горя, что я несчастливъ съ Анной Васильевной. И ты, навѣрно, это же думалъ?...—обернулся онъ къ подпоручику.

— Думалъ, пока не увидѣлъ васъ вмѣстѣ!

— Неправда-ли: мы вѣдь любимъ другъ друга? Да?

— Кажется!

— Мы боготворимъ другъ друга!.. — восторженно воскликнулъ Аристархъ, останавливаясь съ горящими глазами передъ Дульскимъ.—Ты прочти только ея письма ко мнѣ! Постой!

Онъ побѣжалъ въ спальню и вернулся сейчасъ же, неся письмо.

— Вотъ это ея послѣднее письмо! Она пишетъ, что сюда попадетъ не скоро. Пишетъ съ дороги. Узнала, вѣроятно, что женщинъ въ крѣпость больше не пускаютъ. Слушай, что она пишетъ!

Онъ сѣлъ верхомъ на стулъ и приблизилъ къ лицу почтовую бумагу.

— „...мой бѣдный, далекій мальчикъ. Если бы ты зналъ, какъ рвется мое сердце къ тебѣ“... Или вотъ тутъ...—о

быстро перевернулъ страницу и сталъ искать глазами.— Ахъ, да! ...„И какъ подумаю, что ты тамъ одинъ, что некому тебя приласкать, поддержать тебя въ трудную минуту—мое сердце обливается кровью“...

Аристархъ опустилъ письмо и смотрѣлъ на Дульскаго влажными глазами.

— Ну, развѣ не любитъ? Развѣ такъ пишутъ нелюбимому человѣку?

— Зачѣмъ же вы три четверти года живете порознь?..— поинтересовался подпоручикъ. — Я понимаю: твоей женѣ нужно жить въ столицѣ изъ-за курсовъ. Но ты то ничѣмъ не привязанъ! Перевелся-бы въ Питеръ, — и вопросъ рѣшенъ.

Федоровъ слушалъ подпоручика, загадочно улыбаясь.

— Все это такъ... — наконецъ сказалъ онъ, — но ты не знаешь очень многаго! Конечно, я здѣсь не пришитъ и, въ крайнемъ случаѣ, могу уйти со службы. Получаю я здѣсь сто рублей, а при здѣшней дороговизнѣ это все равно, что пятьдесятъ въ Москвѣ.

Вдругъ онъ опять весь какъ-то съежился, и Дульскій понялъ, что какая-то больная мысль угнетаетъ Аристарха. И когда Аристархъ подсѣлъ къ нему, Дульскому показалось, что рядомъ съ нимъ сидитъ глубоко несчастный, даже какъ будто постарѣвшій человѣкъ.

— Немыслимо намъ жить вмѣстѣ!..—сказалъ Аристархъ глухимъ голосомъ, въ которомъ звучало отчаяніе.—Немыслимо потому, что я ей не пара!

Дульскій молчалъ, чувствуя, что надо дать пріятелю высказаться.

— Вѣдь я и она — небо и земля! Я — полуграмотный, мелкій чиновникъ, не прошедшій четырехъ классовъ гимназіи. Она — ученая, будущій докторъ. Пока ея нѣтъ, мнѣ кажется, что все это ерунда, что такихъ союзовъ, какъ нашъ, много. Я убѣждаю себя, что во мнѣ говоритъ только глупое, подчасъ пьяное самолюбіе. Въ такія минуты я готовъ бѣжать къ ней, поступить въ столицѣ на первое подвернувшееся мѣсто, согласенъ подметать улицы, чистить прохожимъ сапоги!.. Но стоитъ ей пріѣхать и... для меня начинается каторга!

— Въ чемъ же дѣло?

— Постой! Я тебѣ объясню! Скажетъ Аня, напримѣръ, какую-нибудь фразу, сдѣлаетъ какой-нибудь жестъ. Что, кажется, въ этомъ страшнаго? А я вижу, что ни этой фразы, ни этого жеста мнѣ не сказать и не сдѣлать... жена гораздо умнѣе меня и образованнѣе! И мнѣ это больно, и я страдаю! Или начнемъ читать какую-нибудь книгу. Ч-

таетъ всегда она, а я слушаю. И мнѣ начинаетъ казаться, что все, что въ этой книгѣ написано, укладывается въ ея головѣ какъ-то иначе, что она тоньше чувствуетъ, видитъ между строкъ то, чего я не вижу. И опять я страдаю!

Подпоручикъ слушалъ внимательно, крутя лѣвый усъ.

— Въ этомъ-то вся и драма, что Аня неизмѣримо выше меня и каждую секунду, безсознательно, даетъ мнѣ это чувствовать!..—продолжалъ Аристархъ, и глубокая морщина легла у него между бровями.—Возьмемъ хотя бы ея духовный міръ и мой. Я — мѣщанинъ не только по рожденію, но и по духу... Она — дворянка по рожденію и орлица по стремленіямъ! Она читаетъ умныя книжки, бѣгаетъ тамъ, въ Москвѣ, на сходки, говоритъ рѣчи. И я пробовалъ читать эти книжки. Изъ-за нея самъ, кажется, готовъ бы сдѣлаться хоть революціонеромъ! Но у меня ничего не вышло. Глупъ ли я очень, недостаточно ли образованъ,—я ужъ не знаю! Не интересуетъ меня все это.

Тоска была написана на лицѣ Аристарха.

— Ну, для этого-то не надо образованія... — сказалъ Дульскій,—достаточно вдуматься, такъ сказать, въ нѣкоторыя стороны жизни...

— Вотъ видишь! Ты говоришь: вдуматься. А для меня эти книжки—абракадабра! Читаю и ничего понять не могу. И скучно такъ, что зѣвать хочется!

Онъ посмотрѣлъ опять на письмо и опустилъ голову.

— Когда теперь свидимся, Богъ вѣсть! А, можетъ, и не свидимся!

Дульскій удивился.

— Почему?

— А чертъ знаетъ, что съ нами черезъ мѣсяцъ будетъ! Придутъ японцы, разгромятъ весь городъ, можетъ быть, шальнымъ снарядомъ убьютъ!.. А то отъ тифа околѣешь или отъ другой какой пакости.

Въ передней задребезжалъ звонокъ. Аристархъ всталъ и пошелъ открыть двери.

Черезъ полчаса началась попойка, столъ уставили напитками, закусками, и Аристархъ въ этотъ вечеръ много пилъ, былъ забавенъ и веселъ, острилъ и дурачился.

IV.

„Миссури“ вышелъ въ Японское море при сильномъ юго-восточномъ штормѣ.

Транспортъ былъ сильно нагруженъ, и потому его особенно не качало, за то зарывался онъ въ волны чудовищно и плохо слушалъ руля. Теперь, на ходу, Караевъ все болѣе убѣждался, что Аристархъ былъ правъ въ своей характеристикѣ „Миссури“... Гнилая посудина!

Прапорщикъ стоялъ на мостикѣ и прислушивался къ работѣ машины,—неровной, съ перебоями.

— Нечего сказать: пароходикъ!.. — иронически сказалъ рядомъ стоявшій Губинъ и нахмурился. — Недалеко мы уйдемъ на немъ... ахъ, недалеко!

И, какъ бы въ подтвержденіе словъ командира, за кормой раздался трескъ, и носъ транспорта вдругъ покатился въ правую сторону.

На корму пробѣжалъ боцманъ...

— Что случилось?..—крикнулъ ему съ мостика Губинъ.

— Штуртроссъ *) лопнулъ!..—донеслось съ кормы.

Губинъ съ Караевымъ побѣжали сами на корму. На палубѣ валялись обрывки рулевой цѣпи... Перевели временно рулевыхъ на кормовой штурвалъ **), привели транспортъ на курсъ и стали исправлять поврежденіе. Но звенья настолько проржавѣли, что исправить штуртроссъ оказалось невозможнымъ. Пришлось импровизировать штуртроссъ изъ талей ***).

Лейтенантъ Литавкинъ не вышелъ изъ своей каюты ни къ завтраку, ни къ обѣду. Посланному за нимъ вѣстовому онъ отвѣтилъ, что ѣсть совсѣмъ не хочетъ и желаетъ выспаться, такъ какъ ужасно усталъ. Въ каютъ-компаніи поняли, что начальникъ экспедиціи укачался и оставили его въ покоѣ.

Вечеромъ онъ вышелъ на палубу желтый, съ провалившимися глазами, весь осунувшійся. Около машиннаго люка стояли всѣ офицеры. Литавкинъ поздоровался, посмотрѣлъ на бушующія кругомъ волны и дѣланно-равнодушнымъ тономъ, замѣтилъ:

— Кажется, погода не особенно того... хорошая!

— Да нѣтъ, ничего себѣ!.. — отвѣтилъ Губинъ, улы-

*) Система цѣпей, приводящая въ движеніе рулевое колесо.

**) Рулевое колесо.

***) Снасть съ блоками.

баясь. — А васъ, кажется, немного укачало?.. — заботливо спросилъ онъ.

Видно было, что вопросъ этотъ пришелся не по душѣ лейтенанту. Но онъ зналъ, что отрицательно отвѣтить нельзя—все равно не повѣрятъ,—и, краснѣя, сознался:

— Немного, да! Никогда ганьше не укачивался — и вдгугъ!..

— А вы давно послѣднiй разъ выходили въ море?..— спросилъ Губинъ.

Литавкинъ подумалъ.

— Погядочно! Около двухъ лѣтъ.

— Гдѣ же вы все это время были?

Ему, старому моряку, былъ непонятенъ морякъ, два года не выходившiй въ море, и нѣчто вродѣ презрѣнiя мелькнуло во взорѣ командира, скользнувшемъ по фигурѣ лейтенанта.

А тотъ добродушно отвѣтилъ:

— Гдѣ я былъ? Да на бегегу!.. Адъютантомъ пги главномъ штабѣ!

Заговорили о походѣ.

— Мы, газумѣется, за этотъ походъ всѣ получимъ Геоггiя!..—сказалъ лейтенантъ тономъ, не допускавшимъ сомнѣнiй. И при этомъ окинулъ всѣхъ благожелательнымъ, добродушнымъ взглядомъ.

Вечеромъ Литавкинъ пришелъ въ каютъ-компанiю къ ужину и дѣлалъ видъ, что ѣстъ, но на самомъ дѣлѣ только ковырялъ вилкой. И вдругъ поблѣднѣлъ, растерянно посмотрѣлъ на сидящихъ и бомбой вылетѣлъ въ свою каюту...

Ночь прошла благополучно. Вахта Караева была съ четырехъ и до восьми утра. Прапорщикъ вышелъ на мостикъ, надѣвъ сверхъ теплаго пальто еще барнаульскiй тулупъ, купленный во Владивостокѣ, передъ походомъ.

Вѣтеръ былъ „по носу“,—холодный, порывистый, несущiй брызги не то дождя со снѣгомъ, не то заледенѣвшей морской воды.

Впереди было темно, какъ въ могилѣ. Караевъ, по привычкѣ, взялъ было бинокль и сталъ смотрѣть на темный горизонтъ, но рѣшилъ, что напрасно только морозитъ себѣ руки: надъ моремъ лежала пустая тьма, опасности столкнуться съ кѣмъ-нибудь не предвидѣлось.

А вѣтеръ бушевалъ, тоскливо вылъ въ снастяхъ и въ вантахъ *). Когда Караевъ нечаянно распахивалъ тулупъ,— вѣтеръ забирался въ открытое мѣсто, стараясь уязвить холодомъ, сыростью и дыханiемъ зимней ночи... Луны совер-

---

*) Снасти, поддерживающiя мачту.

шенно не было, и транспортъ шелъ навстрѣчу плотной загадочной мглѣ...

За спиной Караева, въ штурвальной рубкѣ *) монотонно скрипѣло рулевое колесо, и вахтенный рулевой тоскливо всматривался въ балансирующую въ нактоузѣ **) компасную картушку.

Караевъ нѣсколько разъ оглядывался на рулевого. „О чемъ думаетъ этотъ матросъ, вотъ сейчасъ, сію минуту? Вѣроятно о семьѣ, если только она у него есть... О родной деревнѣ"...

Мысли его тоже невольно перенеслись на югъ Россіи, въ небольшой приморскій городокъ... Отца у него не было,— умеръ лѣтъ пять назадъ,—а мать-старуха живетъ съ двумя его сестрами въ небольшомъ собственномъ домикѣ. Мать получаетъ пенсію, а сестры учительствуютъ. Въ домикѣ такъ хорошо, уютно... Караеву стало грустно. Понесся мыслями дальше... Всего два квартала отъ нихъ — другой домикъ, но уже въ два этажа, съ лѣпной штукатуркой на фасадѣ. И во второмъ этажѣ „ея" окно... Она тоже учительница, — подруга его сестеръ.

Караевъ зажмурилъ глаза. Теплый тулупъ и поздній часъ нагоняли на него дремоту. А мечты, далекія, какъ этотъ сонъ, который стучался сейчасъ ему въ глаза, заставили прапорщика прислониться къ рулевой рубкѣ и плотнѣе сомкнуть вѣки...

Но онъ быстро открылъ ихъ, встряхнулся и зашагалъ по мостику, тревожно всматриваясь въ темную, какъ чернила, жуткую даль... Что тамъ?.. Море? Мгла? Ночь?.. Его будущее?..

Транспортъ покачивался и тяжело шелъ впередъ...

V.

Прошли еще сутки.

Штормъ утихъ, и только зыбь все еще не могла успокоиться и ходила сердитыми, лохматыми валами...

Пересталъ зарываться въ волны и „Миссури" и шелъ теперь ровно, плавно поднимаясь на гребни сѣдыхъ валовъ.

Перемѣна погоды сейчасъ же сказалась и на лейтенантѣ. Онъ и къ завтраку, и къ обѣду выходилъ чистенькій, въ безукоризненно шитой тужуркѣ. Въ тонкости похода лей-

*) Помѣщеніе, въ которомъ находится рулевой.

**) Деревянная тумба для компаса.

тенантъ, повидимому, не намѣренъ былъ вмѣшиваться. По крайней мѣрѣ, онъ это далъ понять Губину:

— Вѣдь я, дгугъ мой, тутъ для мебели!.. — откровенно сознался онъ.—Мнѣ нужно только загаботать Геоггія!..

Часовъ около восьми вечера, когда команда уже окончила судовыя работы и находилась на нижней палубѣ,—въ машинномъ отдѣленіи что-то произошло...

Машина остановилась.

Офицеры выбѣжали на палубу, а навстрѣчу имъ изъ машиннаго люка валилъ клубами паръ...

Мелькнуло у всѣхъ, что взорвало или цилиндры, или одинъ изъ котловъ. Но, когда изъ машиннаго отдѣленія выскочилъ блѣдный и перепуганный механикъ,—оказалось, что лопнула главная паровая магистраль... На счастье, въ машинномъ отдѣленіи въ эту минуту никого не было.

— Но какъ вы сами-то остались цѣлы?.. — спросилъ командиръ.

Котовъ развелъ руками.

— Счастье! Я какъ разъ находился въ сторонѣ, около главнаго парового винтиля. И, прямо инстинктивно, закрылъ его!

Временно поставили паруса и стали исправлять магистраль. Черезъ часъ машину опять пустили въ ходъ, но Котовъ заявилъ въ каютъ-компаніи:

— Магистраль исправлена, но предупреждаю: не на долго! Первый штормъ,—и она можетъ лопнуть такъ, что и мы всѣ сваримся въ машинѣ, и транспортъ больше не тронется съ мѣста!

Начали обсуждать: что дѣлать? Возвращеніе во Владивостокъ никому не улыбалось. Сидѣли долго, нахмурившись, предлагая различные проекты. И только проектъ, внесенный Котовымъ, былъ пріемлемъ: зайти на Сахалинъ, въ Постъ Корсаковскій.

— Мы все равно пойдемъ Лаперузовымъ проливомъ...— сказалъ механикъ.—До Корсаковскаго, слѣдовательно, недалеко. Ну, потеряемъ недѣлю, эка важность! По крайней мѣрѣ исправимся и пополнимъ запасъ угля!

— А вы увѣрены, что въ Корсаковскомъ можно исправиться?..—спросилъ командиръ.

— Не сомнѣваюсь! Тамъ еще существуетъ каторжная тюрьма, и при ней есть механическія мастерскія.

Заговорили о Корсаковскомъ. Вспомнили, что спасавшійся отъ японцевъ крейсеръ „Новикъ“ зашелъ въ Корсаковскій и тамъ затопился. Рѣшили, что, въ крайнемъ случаѣ, можно съ крейсера взять новую магистраль, и по не-

многу пришли къ заключенію, что зайти въ Корсаковскій необходимо.

Только одинъ Караевъ нерѣшительно спросилъ:

— А какъ же... Артуръ?

— Чегтъ съ нимъ, съ Агтугомъ!.. — вскричалъ лейтенантъ.—Не умгетъ! Гогаздо хуже, если насъ пагомъ свагитъ!..

Но все-таки подумали и надъ вопросомъ, поднятымъ Караевымъ, и въ концѣ-концовъ рѣшили, что за потерянную недѣлю съ Артуромъ ничего не случится.

Ночью открылись берега Сахалина. Высокой, плоской стѣной выступили они на разсвѣтѣ, убѣгая въ туманную даль.!. И казалось, что транспортъ идетъ навстрѣчу гигантскому таинственному гробу, скучающему среди неба и воды,—до того мраченъ былъ видъ острова.

И, по мѣрѣ того, какъ Сахалинъ приближался,—непривѣтливый, хмурый въ своемъ одиночествѣ,—у всѣхъ, кто смотрѣлъ на него, сжималось въ тоскѣ сердце, и жизнь казалась сплошнымъ страданіемъ.

Караевъ стоялъ на мостикѣ и разсматривалъ въ бинокль близкій уже островъ. „Такъ вотъ онъ каковъ, этотъ островъ страданій, цѣпей и бритыхъ головъ,—думалъ молодой человѣкъ.—Сколько загубленныхъ жизней носила его земля, сколько похоронила надеждъ“.

Въ полдень проходили Лаперузовымъ проливомъ. Прошли мимо Крильонскаго маяка, бездѣйствовавшаго по случаю войны. На маякѣ жили только смотритель и телеграфистъ, и бѣлая высокая башня маяка торчала, какъ указательный палецъ, грозящій сѣрому, въ обрывкахъ, небу...

Къ вечеру повернули въ заливъ Анива, гдѣ находился Постъ Корсаковскій. Въ заливѣ встрѣтили ледъ, и „Миссури“ долго шелъ среднимъ ходомъ, боясь пропороться о льдины.

На мѣсто пришли ночью, но войти въ бухту побоялись, не зная, есть ли въ ней минное загражденіе на случай прихода японцевъ. Встали за мысомъ на якорь, переночевали и лишь на разсвѣтѣ вошли въ бухту.

На мостикъ вышли всѣ офицеры. Литавкинъ смотрѣлъ въ бинокль на открывающійся городъ и вдругъ воскликнулъ:

— Огудія!.. ей-Богу огудія!

Губинъ схватилъ подзорную трубу.

— Гдѣ вы ихъ видите?

— На бегегу!

Дѣйствительно, съ одного мыска какъ будто выглядывала батарея.

— Поднимите военный флагъ...—крикнулъ командиръ.— Могутъ принять насъ за японцевъ и стрѣлять начнутъ.

На флагштокѣ взвился андреевскій флагъ, и на мачтахъ зашелестѣли военные вымпела... И сейчасъ же всѣ увидѣли, какъ отъ берега отвалила шлюпка, направляясь къ транспорту.

„Миссури“ убавилъ ходъ и сталъ выжидать. Шлюпка подошла. Въ ней сидѣли два офицера и шесть матросовъ. Одинъ офицеръ былъ армейскій, уже немолодой, съ погонами полковника, нашитыми на романовскій полушубокъ. Черезъ плечо шла портупея съ шашкой казацкаго образца, а сбоку торчалъ кобуръ револьвера. Полковникъ сидѣлъ на рулѣ и махалъ платкомъ. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ молодой мичманъ, все время смотрѣвшій въ бинокль на транспортъ.

Спустили трапъ, и сидѣвшіе въ шлюпкѣ поднялись на палубу. Полковникъ отрекомендовался исполняющимъ обязанности корсаковскаго коменданта, а мичманъ—охраняющимъ имущество затопленнаго „Новика“, команда котораго, во главѣ съ командиромъ, три дня назадъ, переправившись въ Николаевскъ, пѣшкомъ пошла во Владивостокъ.

— А гдѣ „Новикъ“?..—спросилъ Губинъ.

Мичманъ перегнулся за бортъ и указалъ на двѣ черныхъ точки, выглядывавшія изъ воды.

— Вонъ онъ, ближе къ берегу!... Теперь приливъ, и потому крейсеръ почти весь покрытъ водой. Въ обыкновенное же время видна часть его корпуса и вся палуба.

Мичманъ говорилъ, а Караевъ искалъ въ его глазахъ отраженіе тоски. Но глаза мичмана смотрѣли весело, и говорилъ онъ такъ, будто съ крейсеромъ ничего не случилось.

— А вѣдь мы васъ сначала за японцевъ приняли!..— улыбнулся мичманъ:—и не подними вы флагъ еще одну минуту,—мы бы васъ разстрѣляли!—Онъ разсказалъ, что съ „Новика“ сняты всѣ орудія, которыми и вооруженъ берегъ Корсаковскаго.

Пошли всѣ въ каютъ-компанію, а затѣмъ Литавкинъ съ Губинымъ одѣлись и уѣхали съ корсаковцами на берегъ, съ визитомъ къ начальнику округа. Вернулись они съ берега поздно. По ихъ словамъ, ихъ встрѣтили криками „ура“.

— Этакій востоггъ...—увлекался лейтенантъ.—Меня даже качали, ей Богу!

На разсвѣтѣ транспортъ подошелъ къ берегу, къ борту его подвели угольную баржу, и на транспортъ вошли грузчики-каторжники. Одѣты они были въ сѣрыя куртки, такіе же штаны, а на головѣ у нихъ были маленькія, сѣрыя шапочки.

Караевъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на каторжниковъ. Онъ привыкъ видѣть ихъ въ другой обстановкѣ, закованными въ цѣпи, окруженными хмурыми конвойными... Но тѣ были мрачные, съ печатью проклятія на лицахъ, эти же—обыкновенные люди, съ обыденными лицами.

Нѣкоторые каторжники съ любопытствомъ осматривали транспортъ. Ходили кучками по палубѣ, заглядывая въ офицерскія помѣщенія и въ нижнюю палубу. Одного изъ нихъ Караевъ остановилъ.

— Скажите: вы давно въ Корсаковскомъ?

Каторжникъ прищурилъ сѣрые, улыбающіеся глаза.

— Двѣнадцатый годъ пошелъ.

Онъ попросилъ у Караева папиросу, характерно сплющилъ мундштукъ и сталъ курить, мечтательно пуская колечки дыма.

— Незамѣтно время прошло, ваше благородіе!..—сказалъ онъ, послѣ паузы.—Сначала было тяжело, а потомъ полегчало!

Караеву ужасно хотѣлось задать ему одинъ вопросъ, но онъ не рѣшался.

— Осудили на безсрочную. А потомъ, стало быть, манифесты разные пошли. Скинули! Опять же, былъ признанъ хорошаго поведенія! Такъ и отбылъ десять съ чѣмъ-то лѣтъ! А теперича я какъ бы на поселеніи.

— А за что васъ осудили?..—рѣшился, наконецъ, спросить Караевъ.

Каторжникъ лукаво подмигнулъ лѣвымъ глазомъ, но подумалъ и отвѣтилъ съ ясной улыбкой:

— Семью прирѣзалъ! Да оно бы, можетъ, и ничего... шестью, а то десятью годами бы ограничилось. Да я, вишь, ребеночка годовалаго тоже прикончилъ... Ну, безсрочную и дали!

Онъ говорилъ это спокойнымъ тономъ, ясно улыбались его сѣрые глаза... Караеву въ первую минуту показалось, что надъ нимъ издѣваются, но онъ вглядѣлся въ лицо каторжника и отошелъ съ непріятнымъ чувствомъ.

На транспортъ начали пріѣзжать гости. Были тутъ чиновники, дамы, офицеры, торговый народъ и даже туземцы-айны. И все это расхаживало по палубѣ съ такимъ видомъ, будто пришли смотрѣть на диковинку, упавшую съ неба.

Многіе просили „на время“ табаку, мыла, какихъ-нибудь консервовъ. Сначала съ ними дѣлились всѣмъ, но потомъ командиру это надоѣло, и онъ распорядился очистить транспортъ отъ публики.

На другой день, вечеромъ, всѣ офицеры „Миссури“—за исключеніемъ вахтеннаго—поѣхали на обѣдъ къ начальнику

округа. Еще со шлюпки они замѣтили цѣлую толпу корсаковцевъ, усѣявшую берегъ. Многіе стояли съ факелами въ рукахъ, и огненные языки, идущіе отъ горящей смолы, придавали всей картинѣ фантастическій видъ.

Начальникъ округа жилъ недалеко отъ берега, въ двухъэтажномъ домѣ. Оркестръ изъ каторжниковъ грянулъ прибывшимъ встрѣчный тушъ и игралъ во время обѣда. Столовая была большая, отдѣланная въ русскомъ стилѣ. Винъ и закусокъ оказалось такое изобиліе, что не вѣрилось, что находишься на Сахалинѣ,—вдали отъ всякой „культуры“.

За большимъ длиннымъ столомъ усѣлось человѣкъ тридцать. Начальникъ округа, его чиновники и офицеры гарнизона были въ полной парадной формѣ, при орденахъ. Тутъ же сидѣли ихъ жены, сестры и дочери. Дамы были въ какихъ-то вычурныхъ, допотопной моды, платьяхъ, нѣкоторыя сильно декольтированы и подкрашены.

Литавкинъ смотрѣлъ на это дамское общество почти съ испугомъ. Начался обѣдъ. Корсаковцевъ гости вначалѣ видимо стѣсняли, но, когда выпили, развязались языки, покраснѣли лица. Дамы не отставали отъ мужчинъ и пили не меньше.

За шампанскимъ говорились рѣчи, предлагались тосты. Пили за флотъ, за армію, за начальника округа, за гостей и всѣхъ присутствующихъ.

Подъ конецъ обѣда между аборигенами то и дѣло стали вспыхивать ссоры, личные счеты. Нѣкоторыя дамы перессорились и наговорили другъ другу довольно непріятныхъ вещей... Мужчины пикировались, упрекали другъ друга во взяточничествѣ... Вечеръ грозилъ окончиться скандаломъ, но начальникъ округа пригласилъ всѣхъ въ гостиную; ссоры сразу прекратились, и недавніе враги, какъ ни въ чемъ не бывало, разбрелись кучками по другимъ комнатамъ.

Въ гостинной былъ сервированъ кофе, и приготовлено нѣсколько карточныхъ столовъ.

Караевъ не игралъ въ карты. Онъ подсѣлъ къ какому-то благообразному, пожилому штатскому. Оказалось, что штатскій долго жилъ въ Петербургѣ, гдѣ кончилъ технологическій институтъ. Онъ разговаривалъ съ Караевымъ, а самъ въ это время рисовалъ что-то на листѣ почтовой бумаги и вдругъ протянулъ листокъ Караеву... На немъ поразительно была нарисована карандашемъ... трехрублевка.

— Что это?..—спросилъ, не вѣря своимъ глазамъ, прапорщикъ.

— А это вамъ на память!..

Караевъ началъ разсматривать рисунокъ.

— Вы замѣчательно рисуете кредитки...—сказалъ онъ, помолчавъ.

И добавилъ смущенно:

— Вы даже можете ихъ... поддѣлывать, ей Богу!..

— Я и поддѣлывалъ!..—скромно опустилъ глаза штатскій и вздохнулъ.—За это и былъ сосланъ на каторгу!

Караевъ сдѣлалъ большіе глаза и ужасно растерялся, не зная: уйти ему отъ страннаго собесѣдника или продолжать разговоръ. Наступила большая, неловкая пауза. Штатскій грустно улыбнулся и сказалъ вполголоса:

— Васъ испугало то, что я вамъ сказалъ? Но вѣдь такіе, какъ я, здѣсь явленіе обычное! Мы, интеллигенты, попадая сюда за какія-нибудь преступленія, отбываемъ свой срокъ, а потомъ служимъ... конечно, по вольному найму.

Вечеръ закончился танцами. Танцы были какіе-то странные; Литавкинъ корчился на стулѣ, махалъ рукой и говорилъ стоявшему около него Караеву:

— Ой, ой... дгугъ мой... пгистгѣлите меня скогѣй!.. Гади Бога пгистгѣлите!..

Разошлись на разсвѣтѣ.

Караевъ ѣхалъ на транспортъ съ страннымъ чувствомъ. Онъ былъ совершенно оглушенъ этимъ вечеромъ, послѣ котораго у него осталось впечатлѣніе, какъ отъ какого-то шабаша. Не нравились ему и громкія фразы объ ихъ походѣ, произносимыя за столомъ. Въ нихъ было столько бахвальства, что даже не сомнѣвавшійся въ успѣхѣ лейтенантъ Литавкинъ нашелъ ихъ „преждевременными". Вообще корсаковцы произвели на офицеровъ транспорта впечатлѣніе тягостное. Было видно, что вся жизнь здѣсь, на этомъ далекомъ островѣ, въ суровой обстановкѣ дикой природы и тюремъ,—мельчаетъ, тускнѣетъ, сводится къ пьянству, мелкимъ интригамъ и сплетнямъ, къ мѣщанскому взаимному озлобленію и неприглряднымъ сѣрымъ буднямъ.

Транспортъ простоялъ въ Корсаковскомъ больше недѣли; офицеры ежедневно съѣзжали на берегъ, участвуя то на одномъ, то на другомъ обѣдѣ. Катались на собакахъ, ѣздили на медвѣжью охоту.

И только одинъ Караевъ просиживалъ на транспортѣ. Днемъ онъ выходилъ на палубу и смотрѣлъ въ бинокль на остатки „Новика", торчавшіе изъ воды. Во время отлива уходящая вода обнажала корпусъ крейсера, лежавшаго на одномъ боку. И казалось Караеву, что это, лежитъ сраженный предательской рукой, богатырь,—лежитъ, закованный въ броню, устремивъ печальный взоръ въ несправедливое небо... Ночью же, когда выглядывала луна и звѣзды свѣтили особенно ярко,—тихій, бѣлый свѣтъ сползалъ на за-

топленный крейсеръ и цѣловалъ холодныя стальныя плиты послѣднимъ, прощальнымъ поцѣлуемъ...

Тогда Караеву казалось, что отъ воды поднимается длинная бѣлая тѣнь и бродитъ, тоскуя, по бухтѣ, ища кого-то...

Въ концѣ недѣли „Миссури" исправилъ магистраль и снялся въ море, провожаемый криками корсаковцевъ и салютомъ изъ орудій...

VI.

Прошло Рождество,—наступилъ январь. Въ порту уже знали о паденіи Портъ-Артура, но о „Миссури" въ газетахъ ничего не упоминалось. И многіе рѣшили, что транспортъ или захваченъ японцами, или же погибъ въ пути, натолкнувшись на подводную мину.

Такъ думалъ и кружокъ Аристарха. Особенно жалѣли Караева.

— Чертъ съ нимъ, съ транспортомъ...—говорилъ Аристархъ.—А вотъ Караева жалко, славный былъ парень! Говорилъ я ему тогда, чтобы онъ не ходилъ въ этотъ походъ,—не послушался!

Въ серединѣ января Федоровъ, придя на службу, услышалъ новость: „Миссури" вернулся и стоитъ у острова Аскольда, ожидая пріѣзда командующаго флотомъ.

— Да не можетъ быть!...—вскричалъ обрадованный Аристархъ.—И это не басня?

Ему показали телефонограмму съ „Аскольда". Въ ней говорилось, что „Миссури" вечеромъ придетъ въ бухту.

На другой день транспортъ уже стоялъ въ бухтѣ. Пришелъ онъ изъ похода весь обледенѣвшій, съ поцарапаннымъ корпусомъ и погнутой носовой частью. И такой онъ былъ жалкій и пришибленный на видъ, что подъѣхавшему къ нему Аристарху сдѣлалось жутко...

Въ каютъ-компаніи было много народу. Налицо было все портовое начальство; много офицеровъ съ другихъ судовъ. Всѣ интересовались походомъ, но офицеры „Миссури" на всѣ разспросы отвѣчали уклончиво.

Караевъ увелъ Аристарха въ свою каюту.

— Ты, голубчикъ, не спрашивай меня при другихъ о походѣ! Неудобно при всѣхъ отвѣчать. Вечеромъ я приду и все вамъ разскажу.

Въ этотъ вечеръ у Аристарха собралось много гостей. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждали Караева и, когда онъ пришелъ, закидали его вопросами.

Начавъ съ выхода изъ Владивостока, съ поломки паровой магистрали въ Японскомъ морѣ, Караевъ описалъ слушателямъ стоянку въ Корсаковскомъ и послѣдующій путь.

Выйдя изъ Корсаковскаго, „Миссури“ долго пробивался во льду въ заливѣ Анива и прошелъ Курильскими островами, на виду у японскаго маяка Пико, въ Тихій океанъ.

— Жутко было проходить мимо этого маяка...—разсказывалъ Караевъ—чувствовалось, что вступаешь въ непріятельскую территорію... Проливъ Пико прошли благополучно и вышли въ океанъ при жестокомъ сѣверо-восточномъ штормѣ. Продолжался онъ около недѣли. Первые дни экипажу „Миссури“ казалось, что часы его сочтены: транспортъ поминутно ложился на бокъ, трещалъ по всѣмъ швамъ, и были минуты, когда слѣдующая волна грозила переломить его на-двое. Цѣлую недѣлю жили впроголодь: на кухнѣ нельзя было развести огня,—его сейчасъ же заливало волнами, перекидывавшимися черезъ палубу. Голодные, холодные, измученные моряки проклинали и транспортъ, и себя... По цѣлымъ суткамъ Губинъ съ Караевымъ выстаивали на мостикѣ,—стояли привязанными къ периламъ его и, когда смѣняли другъ друга, шли, шатаясь, въ свои каюты, не раздѣваясь бросались на койки и спали тревожно, готовые при первомъ зовѣ бѣжать наверхъ.

— А какъ чувствовалъ себя вашъ лейтенантъ?..—спросилъ Аристархъ.

Караевъ добродушно улыбнулся.

— Ему что!.. Онъ пролежалъ всю эту недѣлю безъ заднихъ ногъ.

Когда штормъ утихъ, и получилась возможность оріентироваться,—опредѣлили свое мѣсто на картѣ и пришли въ ужасъ: „Миссури“ за шесть сутокъ прошелъ всего полтораста миль, дѣлая въ часъ одну милю съ небольшимъ... Собрали совѣтъ. До Артура было еще минимумъ двѣ тысячи миль, принимая во вниманіе, что придется обогнуть всю Японію. Вычислили, что на такой путь не хватитъ угля, но твердо рѣшили продолжать походъ, надѣясь на попутный вѣтеръ. Шли безъ приключеній еще сутокъ двое. И вдругъ въ машинѣ выдуло у одного котла пробки... На новомъ совѣтѣ единогласно рѣшили, что продолжать походъ немыслимо. Обидно было повертывать назадъ, но другого выхода не было. Пришлось опять заходить въ Корсаковскій, пополнить запасъ угля.

— Это былъ номеръ, я вамъ скажу, когда мы опять появились въ Корсаковскомъ...—воскликнулъ Караевъ.—На этотъ разъ никто уже насъ не встрѣчалъ; мы сами поѣхали на берегъ. И тутъ-то мы узнали о паденіи Артура.

На лицѣ Караева выступили красныя пятна, и голосъ его пресѣкся. Будто началъ разсказывать про скверный сонъ, вспоминать о которомъ не хотѣлось.

— Меня это извѣстіе ошеломило... Потемнѣло въ глазахъ, подкосились ноги; чуть не упалъ. А когда пришелъ въ себя,—стало ужасно обидно за транспортъ... За всю Россію... за себя самого!

Наступила большая, тяжелая пауза. Висячая лампа надъ столомъ бросала желтые лучи на лица слушателей, молчаливыхъ, понурившихъ головы. И у всѣхъ стало скорбно на душѣ: будто только что вынесли изъ комнаты дорогого покойника... Недавнее горе, разсосавшееся отъ времени въ будничныхъ заботахъ, всколыхнулось и поднялось изъ глубины души, какъ поднимается темная муть со дна потревоженнаго пруда... Чувствовалось, что спаяны сейчасъ эти люди одной общей обидой... Понялъ это разсказчикъ и рѣшилъ заговорить о другомъ.

— А вы думали, что мы погибли?..—спросилъ онъ Аристарха, закуривая папиросу.

— Да! Или что васъ поймали японцы!

— Японцы-то насъ ловили, но только не поймали!

Онъ разсказалъ, что, когда „Миссури“ вышелъ изъ Корсаковскаго, чтобы идти во Владивостокъ, на параллели Крильонскаго маяка съ транспорта замѣтили японцевъ.

— Было это ночью. Шли мы, какъ у насъ говорятъ, изъ неба, сплошь покрытаго тучами, шли, конечно, безъ огней, на звѣздное небо. Горизонтъ былъ виденъ прекрасно, но насъ не было видно. И вдругъ замѣтили какіе-то огоньки... То вспыхиваютъ, то гаснутъ... Пригляделись: сигнализація. А такъ какъ мы ее не поняли, значитъ, не наша, а японская. Повернули назадъ и шли такъ часа два, потомъ пошли опять къ югу. Ничего не видно. Рѣшили идти на проломъ. Идемъ еще часа два,—никого!.. Такъ и улизнули.

— Можетъ быть, вамъ это показалось?..—спросилъ кто-то.

— Мы сами такъ думали, но командующій флотомъ разсказалъ намъ вчера, что онъ получилъ изъ Корсаковскаго телеграмму: „Миссури“ вышелъ во Владивостокъ“. А черезъ часъ пришла вторая телеграмма съ Крильонскаго маяка: „на горизонтѣ—пять японскихъ миноносцевъ“.

Слушали разсказчика съ напряженнымъ вниманіемъ, совершенно забывъ, что на столѣ ждутъ закуски и напитки. Объ этомъ вспомнилъ Аристархъ. Онъ поднялся и направился къ столу, кинувъ сидящимъ:

— Идите-ка, хлопцы, сюда!.. Соловья баснями не кормятъ! Выпьемъ и поздравимъ героя съ возвращеніемъ!

Въ голосѣ Федорова прозвучала иронія, но Караевъ понялъ, что она не по его адресу.

Садясь за столъ, Караевъ сказалъ серьезно, какъ бы оправдывая себя въ собственныхъ глазахъ:

— Мы сдѣлали все, что отъ насъ зависѣло! Мы полтора мѣсяца голодали, не спали ночи, готовы были каждую минуту отдать свою жизнь. Намъ не удалось добиться цѣли...— онъ развелъ руками,—не наша вина!

Заходили рюмки и стаканы; заработали ножи и вилки... И вдругъ Караевъ застучалъ ножемъ по тарелкѣ:

— Постойте!.. постойте!.. главнаго-то я и не разсказалъ! Когда мы второй разъ пришли въ Корсаковскій, сахалинскій губернаторъ просилъ по телеграфу командующаго флотомъ разрѣшенія взять съ „Миссури" пулеметы. Адмиралъ разрѣшилъ. Мы открыли трюма и вынули всѣ пулеметы. Но къ нимъ, какъ вамъ извѣстно, полагаются ленты съ гнѣздами для пуль. Всѣхъ пулеметовъ было у насъ штукъ двадцать, а лентъ—болѣе ста. И сложены онѣ были въ спеціальные окованные ящики. Раскрыли мы эти ящики... ни одной ленты.

Караевъ остановился и посмотрѣлъ на слушателей. У нѣкоторыхъ на лицахъ было написано изумленіе; другіе ехидно улыбались.

Аристархъ сидѣлъ, нахмурившись, и барабанилъ пальцами по столу.

— Пустые ящики были?..—сквозь зубы спросилъ онъ.

— Зачѣмъ пустые! А! Не хочется и разсказывать!.. Давайте пить!..

Слушатели переглянулись... Ни у кого не явилось желанія задать какой-нибудь вопросъ. Не хотѣлось говорить дальше на эту тему. Словно въ комнату вползло что-то отвратительное и склизкое, до чего не хотѣлось, изъ брезгливости, дотрогиваться.

Аристархъ нахмурился еще больше, налилъ стаканъ коньяку и съ силой поставилъ его на столъ.

— Довольно!. Будемъ пить! Лучше сгорѣть отъ алкоголя, чѣмъ отъ стыда.

Къ нему потянулись руки со стаканами и рюмками. И каждый хотѣлъ въ этотъ вечеръ какъ можно больше выпить, чтобы заглушить въ себѣ что-то такое, отъ чего въ безсильной ярости губы шептали проклятія...

Много пилъ въ этотъ вечеръ и Караевъ.

На тѣхъ, кто былъ посвященъ въ тайны нагрузки „Миссури", неожиданное возвращеніе транспорта произвело угнетающее впечатлѣніе...

Запахло скандаломъ, „Корсаковская" исторія съ лентами

дошла до командующаго флотомъ и была образована специальная комиссія для пріема всего груза обратно съ транспорта. Выгрузка производилась уже не такъ конспиративно, какъ нагрузка; къ ней былъ допущенъ и экипажъ „Миссури". Стоя у трапа и слѣдя за выгрузкой, Караевъ благодарилъ судьбу, не допустившую транспортъ дойти до Артура: было бы позорно доставить подобный грузъ осажденной крѣпости...

Онъ разсказывалъ обо всемъ этомъ съ пѣной у рта... Аристархъ совѣтовалъ ему не горячиться:

— Скажите, какой ребенокъ!..—иронизировалъ Федоровъ.—Будто первый разъ слышишь... Да я тебѣ больше скажу...—нагнулся онъ къ прапорщику.—Когда пришли изъ Петербурга подводныя лодки...

Аристархъ разсказывалъ, смѣялся тихимъ, нехорошимъ смѣхомъ, и злой огонекъ горѣлъ въ его глазахъ. А Караеву дѣлалось жутко. Что-то подступало къ горлу. Онъ сжималъ кулаки и не находилъ подходящихъ словъ.

VII.

Продолжая бывать ежедневно у Аристарха, Караевъ сблизился съ подпоручикомъ Дульскимъ. Почему-то раньше онъ мало обращалъ на него вниманія, считалъ его шпютомъ и недалекимъ. Но теперь, приглядѣвшись къ нему, измѣнилъ о немъ мнѣніе. Сблизило ихъ и то, что Дульскій совершенно ничего не пилъ, а Караевъ послѣдніе дни пересталъ пить и, приходя къ Аристарху, чувствовалъ себя во время попойки одинокимъ и лишнимъ. Въ такія минуты онъ подсаживался къ Дульскому, и они бесѣдовали. Подпоручикъ оказался очень начитаннымъ, и его міросозерцаніе близко подходило къ взглядамъ Караева.

На слѣдующій день Дульскій обѣдалъ у Караева на „Миссури", а вечеромъ прапорщикъ пошелъ къ Дульскому. Подпоручикъ жилъ далеко отъ центра города, занимая въ семьѣ чиновника небольшую комнату.

Когда Караевъ вошелъ, ему показалось, что онъ зашелъ въ комнату барышни, до того все было въ ней по женски устроено и поражало чистотой. И кроватъ Дульскаго, съ розовымъ одѣяломъ и съ грудой подушекъ подъ кружевнымъ покрываломъ, и рѣзной деревянный туалетъ съ массой щеточекъ, флакончиковъ и бездѣлушекъ,—все это совершенно не гармонировало съ представленіемъ о томъ, что въ этой комнатѣ живетъ офицеръ.

Дульскій замѣтилъ, что прапорщикъ удивленъ.

— Васъ поражаетъ моя комната? Очень возможно, что я живу не по мужски! Но я люблю красоту во всемъ, тяготѣю къ мечтамъ, къ тихому лѣтнему вечеру съ открытымъ окошкомъ, у котораго и просиживаю иногда часами съ мандолиной.

Мандолина висѣла тутъ же, на стѣнѣ. Дульскій снялъ ее, присѣлъ къ столу и сыгралъ неаполитанскую мелодію.

— Вы, можетъ быть, и поете?..—спросилъ Караевъ.

Подпоручикъ кивнулъ головой и, не дожидаясь просьбы, запѣлъ цыганскій романсъ. У него былъ небольшой, но чрезвычайно пріятный баритонъ. Караевъ слушалъ и все припоминалъ, гдѣ онъ слышалъ уже этотъ голосъ? И вдругъ вспомнилъ: это было въ тотъ день, когда его назначили на „Миссури"... онъ шелъ къ Федорову и слышалъ, какъ кто-то пѣлъ: „ахъ зачѣмъ эта ночь"... Тогда пѣлъ Дульскій. И сейчасъ подпоручикъ съ чувствомъ пропѣлъ что-то, задумчиво красивое, вскидывая временами на слушателя темно-каріе глаза, выразительные и нѣсколько грустные.

— Почему вы не учитесь пѣть?..—спросилъ Караевъ.—У васъ такой красивый голосъ. Можетъ быть, со временемъ пошли бы на сцену.

Дульскій пересталъ играть.

— Не судьба. Думалъ раньше идти въ консерваторію, была даже возможность. Но для того, чтобы учиться, нужны деньги. А я вѣдь круглый сирота...—вздохнулъ онъ.—Меня воспиталъ другъ моего отца—армейскій офицеръ, человѣкъ многосемейный и очень бѣдный. Надо было скорѣе кончать юнкерское и самому зарабатывать деньги. А я...

Онъ замялся и добавилъ, виновато улыбаясь:

— Поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ. Зачѣмъ бередить старыя раны.

На дворѣ бушевала метель, и гонимыя вѣтромъ снѣжинки ударялись въ окно. Казалось, что маленькія, безпомощныя существа царапаются въ стекла, прося пустить ихъ въ уютную комнату... Хотѣлось думать, что заоконная метель безсильна, что надвигающаяся ночь съ ея мракомъ и холодомъ существуетъ для другихъ, но не для тѣхъ, кто сидитъ здѣсь.

Просидѣлъ Караевъ довольно долго и ушелъ, унося какое-то умиленіе въ душѣ.

Спустя нѣсколько дней, вечеромъ, Караевъ встрѣтилъ Дульскаго на улицѣ.

— Вы, куда?..—спросилъ онъ подпоручика.

— Къ одному моему сослуживцу, поручику Лаптеву. Хотите, зайдемте вмѣстѣ?

— Удобно ли, я вѣдь съ нимъ незнакомъ.

— Вотъ глупости. Я васъ представлю, какъ своего друга. Онъ будетъ очень радъ.

И онъ взялъ Караева подъ руку.

— Идемте, идемте. Кстати познакомитесь съ этимъ оригиналомъ.

Караевъ согласился, и по дорогѣ подпоручикъ разсказывалъ о Лаптевѣ много дѣйствительно интереснаго. Лаптевъ служилъ раньше въ гвардіи, но былъ переведенъ въ армію за рядъ дебошей и скандаловъ. Въ свое время онъ прожилъ два крупныхъ состоянія, но теперь, кромѣ долговъ, ничего у него не было. Остался только прежній характеръ—вспыльчивый, не терпящій никакихъ возраженій. Лаптеву нѣсколько разъ грозилъ дисциплинарный судъ, но съ нимъ боялись связываться, и потому ему все сходило съ рукъ. Во Владивостокѣ Лаптева тоже побаивались, но тутъ негдѣ было развернуться, и Лаптевъ велъ себя нѣсколько скромнѣе, чѣмъ въ Петербургѣ.

— Въ общемъ онъ хорошій парень!..—закончилъ Дульскій.—Только со странностями, и съ нимъ нужно быть на чеку, умѣть къ нему приноровиться. Да, впрочемъ, вы сами увидите!

Лаптевъ жилъ недалеко и занималъ меблированную квартиру въ три комнаты. Дверь отворилъ деньщикъ, молодой солдатикъ съ простоватымъ русскимъ лицомъ.

— Баринъ дома?..—спросилъ Дульскій.

— Такъ точно, ваше благородіе!—Онъ пропустилъ офицеровъ въ переднюю.—Чай кушаютъ!

Черезъ дверь доносился чей-то громкій хохотъ; были слышны голоса.

— У васъ есть кто-нибудь?..—поинтересовался Дульскій, снимая пальто.

— Такъ точно: капитанъ Пурищевъ и подпоручикъ Соймоновъ!

Дверь отворилась, и на порогѣ появился Лаптевъ. Это былъ высокаго роста, худощавый офицеръ, съ крупнымъ носомъ на розовомъ лицѣ и рыжими, щетинистыми усами. На видъ ему можно было дать лѣтъ тридцать пять, хотя въ дѣйствительности ему было тридцать. Небольшіе сѣрые глаза его сидѣли глубоко въ орбитахъ и смотрѣли холодно и жестко, а на губахъ, тонкихъ, какъ бумага, все время играла ироническая улыбка.

Подойдя къ пришедшимъ, Лаптевъ подалъ руку Дульскому и вопросительно взглянулъ на Караева.

— Мой другъ Караевъ!..—представилъ прапорщика Дульскій.

— Очень пріятно!..—процѣдилъ Лаптевъ.—Милости просимъ!

Онъ круто повернулся и пошелъ впередъ. Караевъ съ Дульскимъ прошли маленькую гостиную и вошли въ столовую, гдѣ, за столомъ, сидѣло еще два офицера, тоже сослуживцы подпоручика. Тутъ же стояли три стакана, наполненныхъ желтоватой жидкостью. Сначала Караевъ было подумалъ, что это чай, но, увидя рядомъ со стаканами, на блюдцахъ куски лимона съ мелкимъ сахаромъ, догадался, что это—коньякъ.

— Ганимедъ!..—крикнулъ Лаптевъ.—Два стакана и еще коньяку!.. Живо!..

Вбѣжавшій деньщикъ поставилъ на столъ требуемое и хотѣлъ было уйти, но Лаптевъ его остановилъ:

— Погоди! Ты раньше скажи: кто ты?

Солдатъ сталъ, какъ вкопанный, вытянувъ по швамъ руки.

— Я, ваше благородіе, Ханимедъ, сынъ троянскаго царя Троса, унесенный за красоту на Олимпію, гдѣ сдѣлался виночерпіемъ и любимцемъ Юпитера!

Деньщикъ выпалилъ это, какъ изъ пушки, окаменѣвъ въ одной позѣ, безсмысленно вращая бѣлками глазъ.

Пуришевъ съ Соймоновымъ покатились со смѣху.

Лаптевъ продолжалъ:

— А я кто?

— Вы, ваше благородіе, поручикъ сто тридцать четвертаго...

— Врешь, сукинъ сынъ!..—не угадалъ...—ну?..

Глаза деньщика испуганно забѣгали. Караевъ отвернулся, ему было непріятно это издѣвательство.

— Вы, ваше благородіе, господинъ Юпитеръ, старѣйшій и величайшій изъ боговъ; царь и отецъ людей и боговъ! Хозяинъ Ханимеда!

— Пошелъ вонъ!

Какъ только деньщикъ ушелъ, Лаптевъ какъ ни въ чемъ не бывало сталъ разговаривать съ гостями.

Караевъ сидѣлъ, какъ на иголкахъ. Онъ уже ненавидѣлъ Лаптева и ругалъ себя за то, что согласился къ нему пойти. Но уйти сразу нельзя было, и пришлось поддерживать разговоръ, вертѣвшійся на мѣстныхъ событіяхъ.

Отъ коньяку и Дульскій, и Караевъ отказались, и имъ принесли чаю. Потомъ стали ужинать. За ужиномъ зашелъ разговоръ о деньщикахъ. Лаптевъ увѣрялъ, что деньщики—народъ тупой, и съ ними можно разговаривать только при помощи пинка.

— Мнѣ кажется, поручикъ, что вы не совсѣмъ правы,—

замѣтилъ Караевъ.—Очень возможно, что есть и такіе, которые, кромѣ пинка, ничего не понимаютъ. Но ихъ—меньшинство. Наконецъ и съ безтолковыми лаской больше сдѣлаешь, чѣмъ зуботычиной! Врядъ ли это нужно доказывать!

Караева поддержалъ Дульскій, но Лаптевъ стоялъ на своемъ.

— Да вотъ, я вамъ сейчасъ докажу!..—воскликнулъ онъ.—Ганимедъ!..

Пришелъ деньщикъ. Опять сталъ въ прежнюю позу.

— Ты знаешь Черную Рѣчку?..—спросилъ его поручикъ.

— Такъ точно, знаю!

— Сколько это будетъ отсюда верстъ?

Солдатъ подумалъ.

— Верстъ восемь будетъ, ваше благородіе!

— Восемь? Прекрасно! Такъ вотъ ты сейчасъ пойдешь на Черную Рѣчку!

— Слушаю съ!

— Тамъ есть маленькая фруктовая лавка!

— Такъ точно!

— Ты войдешь въ нее и спросишь сифонъ сельтерской воды. Ты знаешь, что значитъ: сифонъ?

— Никакъ нѣтъ.

— Это такая бутылка, что шипитъ. Понялъ?

— Такъ точно!

— Спросишь сифонъ сельтерской воды, нальешь изъ него себѣ стаканъ и выпьешь! Слышишь?

Деньщикъ молчалъ. Лицо его сдѣлалось бѣлымъ, какъ скатерть.

— Ваше благородіе!..

— Молчать!..—холодно сказалъ Лаптевъ.—Не разсуждать! Нальешь и выпьешь!

Деньщикъ вдругъ опустился на колѣни. Изъ глазъ его брызнули слезы.

— Ваше благородіе...—рыдалъ онъ, протягивая руки къ поручику:—Разрѣшите не пить!.. За двадцать верстъ пойду, если прикажете!.. Только разрѣшите не пить!..

— Ну, хорошо! Вставай и проваливай на кухню!

Что хотѣлъ доказать Лаптевъ этой сценой, Караевъ не понялъ. Не понялъ и Дульскій. Оба рѣшили, что Лаптевъ—хамъ, и что ему не слѣдуетъ подавать руки.

Сергѣй Гаринъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Очерки соціальной исторіи Малороссіи.

1. Возстаніе Богдана Хмельницкаго и его послѣдствія.

Весною 1648 года въ подвластныхъ Польшѣ малорусскихъ областяхъ шло глухое волненіе. Изъ устъ въ уста передавались темные слухи о бѣжавшемъ на Запорожье чигиринскомъ сотникѣ Богданѣ Хмельницкомъ, объ ожидаемомъ возвращеніи его во главѣ козацкаго войска, о готовящемся возстаніи противъ польскаго владычества. Ни для кого изъ людей, достаточно знакомыхъ съ страной и ея населеніемъ, не могло быть сомнѣнія въ неизбѣжности болѣе или менѣе серьезной смуты. Но никто и не представлялъ себѣ вполнѣ ясно, какіе размѣры сможетъ принять эта смута. И меньше всего предугадывали это мѣстныя польскія власти, глубоко убѣжденныя въ прочности того соціальнаго порядка, представителями и охранителями котораго онѣ являлись. «Нѣкая часть, тисеча или мало-що болшъ своеволниковъ козаковъ черкасцовъ,—писалъ въ мартѣ 1648 года воевода брацлавскій Адамъ Кисель пограничному путивльскому воеводѣ, кн. Юрію Долгорукому,—избѣгли на Запороже; а старшимъ у нихъ простый холопъ, нарицаеться Хмельницкій; и думають донскихъ козаковъ подбити на море». «Гетманъ великій коронный—продолжалъ брацлавскій воевода,—и я съ нимъ о томъ ворѣ промышлять будемъ; аще ли збѣжить зъ Запорожа на Донъ, и тамъ бы его не пріймати, не щадити, ни на море пустити» *). Черезъ мѣсяцъ свѣдѣнія польскихъ властей о планахъ Хмельницкаго стали нѣсколько точнѣе, но отношеніе къ нему не измѣнилось. «Довлѣетъ знати то милостямъ вашимъ,—писалъ Адамъ Кисель 24 апрѣля 1648 г. московскимъ боярамъ, благодаря ихъ за извѣстія о «крымскихъ замыслахъ и черкасскихъ збѣгахъ»,—што никогда холопская рука, найпаче же змѣнниковъ, невозможна есть подвизатися противъ своимъ господиномъ; и тотъ холопъ нашъ змѣнникъ черкасскій зъ дружиной своею въ сихъ днехъ, аще не избѣжитъ въ Крымъ, измѣнною главою своею запечатуеть: полемъ убо и Днѣ-

*) Акты Ю. и З. Россіи, т. III, № 163, сс. 166—7.

промъ на него пошло войско наше». И даже слухъ о готовящейся помощи Хмельницкому со стороны крымской орды не вызывалъ смущенія у Киселя: «острыми польскими шаблями—писалъ онъ—дастъ Богъ витати поганскія главы будемъ» *).

Не прошло и мѣсяца съ момента написанія этихъ горделивыхъ строкъ, какъ по Украинѣ громомъ прокатилась вѣсть о желтоводскомъ и корсунскомъ пораженіяхъ польскихъ войскъ. По обѣимъ сторонамъ Днѣпра разсыпались козацкіе отряды, и тамъ, гдѣ появлялись они, немедленно вспыхивалъ огонь народнаго возстанія, яростнаго и безпощаднаго. «Хмельницкій, государь, гетманъ,—доносилъ въ Москву 9 іюня 1648 г. путивльскій воевода Плещеевъ,—разослалъ отъ себя полковниковъ и сотниковъ съ запорозскими козаки по сю сторону Днѣпра въ украинные городы и велѣлъ имъ, полковникамъ и сотникамъ, прибирать козаковъ; и урядниковъ, и державцевъ, и поляковъ, и жидовъ велѣлъ побивать» **). Призывъ козацкаго гетмана нашелъ себѣ горячій откликъ въ массахъ малорусскаго крестьянства, и возстаніе быстро разрослось, охватывая даже такія области, куда не успѣли еще проникнуть организованные козацкіе отряды, и въ своемъ неудержимомъ порывѣ опрокидывая и польскій государственный порядокъ, и охранявшійся имъ соціальный строй. «Посполитство—разсказывалъ объ этомъ времени немного позже въ Москвѣ посланникъ Хмельницкаго, полковникъ Мужиловскій,—въ козачество все поворотилось и какъ на сей сторонѣ, такъ и на той Днѣпра пановъ своихъ, которые не убѣжали, ляховъ, жидовъ, ксендзовъ побили, костелы попустошили, городы, въ которыхъ ляхи и жиды позапиралися, поимали» ***). Польскіе владѣльцы на Украинѣ не могли уже больше не видѣть, что имъ приходится имѣть дѣло съ возстаніемъ всего народа. «Непріятель,—писалъ сенату въ іюлѣ 1648 года кіевскій воевода Тышкевичъ,—все больше ширится и крѣпнетъ, такъ что каждаго хлопа приходится считать врагомъ, каждый городъ, каждую деревню—вражескимъ гнѣздомъ» ****). Одни изъ польскихъ владѣльцевъ безпомощно гибли въ волнахъ разбушевавшагося народнаго моря, другіе спасались бѣгствомъ

---

*) Акты Ю. и З. Россіи, т. Ш, № 177, с. 185.

**) Тамже, № 200, с. 211.

***) Востоковъ. Первыя сношенія Богдана Хмельницкаго съ Москвой, „Кіевская Старина", 1887 г., № 8, стр. 123. Много позже, во второй четверти XVIII вѣка, старики въ селахъ лѣвобережной Малороссіи со словъ своихъ отцовъ вспоминали „войну Хмельницкаго", какъ эпоху, „когда всюди подданіе не стали своихъ пановъ слухати, а въ смерть вбивати". Документы монастырей, переданные изъ архива Черниговской Казенной Палаты въ библіотеку кіевскаго университета, № 1616/1164.

****) Памятники, изд. Врем. Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Кіевъ. 1845 г., т. I, отд. III, стр. 174: „nieprzyiaciel... coraz się bardziey szerzy y mocni, tak że co chłop, to nieprzyiaciel, co miasto, co wieś, to catervas hostium imaginować sobie potrzeba".

отъ ярости своихъ крѣпостныхъ. Помѣщичья власть рушилась въ объятомъ возстаніемъ краѣ, шатались и всѣ другіе устои недавно еще представлявшагося прочнымъ сословнаго строя. Сбрасывая съ себя ярмо крѣпостной неволи, массы возставшаго крестьянства вступали въ ряды козацкаго войска и увлекали за собою даже такіе элементы мѣстнаго общества, которые сами по себѣ склонны были скорѣе держаться въ сторонѣ отъ козачества. «Въ это время—разсказываетъ не особенно расположенный къ козакамъ лѣтописецъ—большая скорбь и поруганье были значнымъ людямъ всякаго сословія отъ посполитыхъ людей, а особенно отъ голытьбы, то есть отъ броварниковъ, винниковъ, могильниковъ, будниковъ, наймитовъ, пастуховъ, такъ что, хотя бы иной значный человѣкъ и не хотѣлъ вступать въ это козацкое войско, ему все же приходилось дѣлать это ради того, чтобы избавиться отъ посмѣянія и нестерпимыхъ бѣдъ въ видѣ побоевъ и чрезмѣрныхъ требованій напитковъ и кормовъ, и такимъ образомъ и эти люди должны были приставать въ войско къ козачеству» *).

Новая побѣда козаковъ подъ Пилявцами, гдѣ польское войско подверглось полному разгрому, дала дальнѣйшій толчокъ окозаченію страны. И, когда весною слѣдующаго 1649 года Хмельницкій объявилъ новый походъ на поляковъ, чуть не все населеніе отозвалось на призывъ козацкаго вождя. «Мая въ розныхъ числехъ—доносили въ эту пору въ Москву со словъ побывавшихъ въ лѣвобережной Малороссіи московскихъ людей сѣвскіе воеводы—изо всѣхъ польскихъ городовъ запороскіе козаки и всякіе деревенскіе пашенные люди, конные и пѣшіе, всѣ пошли къ запороскому козачью гетману къ Богдану Хмельницкому въ сходъ къ Кіеву и въ польскихъ городѣхъ остались только самые старые люди да самые малые» **). «Такъ усе, що живо,—описываетъ этотъ моментъ малорусскій лѣтописецъ,—поднялося въ козацтво, же заледво знайшолъ въ якомъ селѣ такого человѣка, жеби не мѣлъ албо самъ, албо синъ до войска ити; а ежели самъ нездужалъ, то слугу паробка посилалъ. А иніи, килко ихъ было, всѣ ишли зъ двора, тилко одного зоставали, же трудно было о наймита. А то усе дѣялося за для того, же прошлого року збогатилися шарпаниною добръ шляхецкихъ и жидовскихъ и иныхъ людей, бы-

*) Лѣтопись Самовидца, 13: „И на тотъ часъ туга великая людемъ всякого стану значнимъ била и наругання отъ посполитихъ людей, а найболше отъ гултяйства, то есть отъ броварниковъ, вынниковъ, могилниковъ, будниковъ, наймитовъ, пастуховъ, же, любо бы якій человѣкъ значній и не хотѣлъ привязоватися до того козацкого войска, тилко мусѣлъ за для позбитя того насмѣвиска и нестерпимихъ бѣдъ въ побояхъ, напояхъ и въ кормахъ незвичайнихъ, и тіи мусѣли у войско приставати до того козацства“.

**) Акты Ю. и З. Россіи, т. III, Дополненія, № 56, стр. 58.

вающихъ на преложенствѣ, же наветъ где въ городахъ были и права Майдебурскіе — и присягліе бурмистрове, и райцы свои уряды покидали и бороды голили, до того войска ишли: бо тіе себѣ зневагу держали, которій бы зъ бородою неголеною у войску былъ. Такъ дияволъ учинилъ себѣ смѣхъ зъ людей статечнихъ» *). Но главную массу козацкаго ополченія составили, конечно, не эти «статечные люди», которыхъ могло вовлечь въ его ряды, согласно позднѣйшему представленію нѣкоторыхъ изъ нихъ, лишь дьявольское искушеніе, а «люди посполитые», или «чернь», иначе говоря, поднявшіеся противъ своихъ пановъ крестьяне. Именно они своимъ участіемъ съ самаго начала обезпечили успѣхи возстанія и сообщили ему его широкій размахъ, они же вносили въ него и наибольшую непримиримость. «Еслибъ даже Хмельницкій хотѣлъ мириться, такъ не можетъ,—говорилъ на допросѣ передъ польскими панами одинъ изъ сподвижниковъ Хмельницкаго въ апрѣлѣ 1649 года,—чернь такъ остервенилась, что стремится уничтожить шляхту или сама погибнуть» **). И эта дилемма—уничтожить шляхту или погибнуть самому—тѣмъ опредѣленнѣе стояла передъ возставшимъ крестьянствомъ, что представители польскаго правящаго класса даже въ моментъ наибольшихъ уступокъ, вынуждаемыхъ у нихъ побѣдоноснымъ возстаніемъ, не шли дальше того, «чтобы козакъ былъ козакомъ, а хлопъ хлопомъ и былъ послушенъ своему пану» ***).

Но настроеніе и взгляды крестьянъ далеко не объединяли собою всего лагеря возставшихъ и не господствовали въ немъ безраздѣльно. Исходною точкой возстанія послужило нарушеніе правъ и интересовъ козачества. Въ дальнѣйшемъ, при первыхъ же побѣдахъ возстанія, къ нему присоединилась значительная часть православнаго духовенства и кое-кто изъ православной малорусской шляхты. И эти общественные элементы наложили свою печать, если не на самый ходъ возстанія, опредѣлявшійся болѣе всего дѣйствіями крестьянъ, то на формулировку его задачъ, дѣлавшуюся его вождями. Та соціальная программа, которая, казалось, сама собою вытекала изъ факта разгорѣвшейся на Украинѣ крестьянской войны, ни разу не была развернута вождями возстанія во всей ея широтѣ. Больше того,—въ моменты переговоровъ съ Рѣчью Посполитой Хмельницкій какъ будто забывалъ о крестьянскихъ массахъ, которыя онъ призвалъ къ оружію и дѣйствія

---

*) Лѣтопись Самовидца, 20.

**) Въ письмѣ короннаго польскаго гетмана Станислава Потоцкаго Хмельницкому въ началѣ 1653 г.—Тамже, т. III (Кіевъ, 1852 г.), отд. III, стр. 26—27.

***) Памятники, изд. Врем. Коммиссіей для разбора древнихъ актовъ, т. I, отд. III, стр. 384: „Powiedział tenże Fiesko setnik, że choćby Chmielnicki chciał się zgadzać, nie może, tak się czerń zbestwiła, żeby znosiła szlachtę albo sama ginęła“.

которыхъ сообщили козацкому войску его сокрушительную силу, и говорилъ только о другихъ общественныхъ группахъ. Въ іюлѣ 1648 года козацкіе депутаты представили въ Варшавѣ рядъ пунктовъ въ объясненіе причинъ возстанія. Въ этихъ пунктахъ шла рѣчь объ обидахъ, испытываемыхъ козачествомъ, говорилось объ обидахъ, причиняемыхъ православному духовенству, и о притѣсненіяхъ православной вѣры, но совершенно не упоминалось о крестьянствѣ *). И то же самое повторилось въ тотъ моментъ, когда польская государственная власть увидѣла себя подъ Зборовомъ на краю пропасти и вынуждена была заключить мирный договоръ съ вождемъ побѣдоноснаго возстанія. Въ основу постановленій этого договора легли не стремленія малорусскаго крестьянства, а принципъ, выставленный польскими панами,—«чтобы козакъ былъ козакомъ, а хлопъ хлопомъ».

Зборовскій договоръ давалъ полную амнистію всѣмъ шляхтичамъ, почему-либо принявшимъ участіе въ возстаніи, гарантировалъ возвращеніе имѣній тѣмъ изъ нихъ, у которыхъ они были отняты, и обѣщалъ, что на будущее время должности и чины въ воеводствахъ кіевскомъ, брацлавскомъ и черниговскомъ будутъ раздаваться исключительно мѣстнымъ шляхтичамъ православной вѣры. Онъ расширялъ, далѣе, права православной іерархіи, вводя кіевскаго митрополита въ сенатъ Рѣчи Посполитой, и обѣщалъ въ будущемъ прекращеніе преслѣдованій православія, уничтоженіе уніи и возвращеніе православной церкви отнятыхъ отъ нея имуществъ. Наконецъ, онъ повышалъ число козацкаго войска до 40.000 и предоставлялъ гетману право впредь до пополненія этого числа вписывать въ козацкій реестръ крестьянъ какъ королевскихъ, такъ и шляхетскихъ имѣній въ опредѣленномъ районѣ; крестьяне же, вписанные въ реестръ за предѣлами этого района, могли, если хотѣли быть козаками, переселиться въ него со своимъ имуществомъ, не опасаясь никакихъ помѣхъ со стороны своихъ владѣльцевъ. Часть крестьянства этимъ путемъ вводилась въ привилегированные ряды козачества, но вся остальная, гораздо болѣе многочисленная, масса крестьянъ оставалась по прежнему подчиненной—въ королевскихъ имѣніяхъ замковымъ управленіямъ, въ имѣніяхъ шляхетскихъ—ихъ владѣльцамъ, и договоръ ни въ чемъ не измѣнялъ положенія этой массы **).

Такимъ образомъ Зборовскій договоръ сохранилъ въ неприкосновенномъ видѣ тотъ сословный строй, противъ котораго направляло свои удары возставшее по призыву Хмельницкаго крестьянство, и, поднявъ численную мощь козачества, оставилъ главную массу крестьянства въ прежнемъ подчиненіи безконтрольной и ничѣмъ не ограниченной вотчинной власти. Между возросшимъ

*) Тамже, т. I, отд. III, стр. 120—124.

**) Акты Ю. и З. Р., т. III, № 303. III, с. 415—6.

въ своей численности козачествомъ и оставшимся подъ властью помѣщиковъ крестьянствомъ по договору сохранялась та же рѣзкая разграничительная линія, какая существовала между ними и до возстанія. И тому же Богдану Хмельницкому, который звалъ крестьянство на освободительную войну, довелось теперь, во исполненіе постановленій договора, закрѣплять эту линію и возвращать крестьянъ подъ власть помѣщиковъ. «Вольно уже въ миру и шляхтѣ до своихъ маетностей и староствъ пріѣзжать...—писалъ Хмельницкій въ сентябрѣ 1650 года въ своемъ универсалѣ къ нѣжинскому полковнику Прокопію Шумейку. — Кождый нехай изъ свого ся тѣшитъ: козакъ нехай свого глядитъ и своихъ волностей постерегаетъ, а до тыхъ, котори не суть приняты до реестру нашого, абы дали покой». И въ томъ же универсалѣ гетманъ предписывалъ занесеннымъ въ реестръ козакамъ, засѣявшимъ еще въ «военное лѣто» панскія нивы, снявъ хлѣбъ, вернуть самыя нивы во владѣніе пановъ, а тѣмъ, которые посѣяли на панскихъ поляхъ яровые хлѣба уже послѣ мира, дать панамъ еще и «десятую копу»: «бо уже по примирьи не годылось того чинить, досыть бы тѣшитися ласкою божіею и войсковою, що до волностей своихъ принялисмо» *).

Козаковъ стало много больше, и вольности ихъ значительно увеличились, а въ остальномъ все должно было оставаться по старому: панъ долженъ былъ быть паномъ, козакъ козакомъ, крестьянинъ крестьяниномъ. Однако этотъ результатъ двухлѣтней отчаянной борьбы такъ мало соотвѣтствовалъ ожиданіямъ возбужденнаго малорусскаго крестьянства, что примирившійся съ польскимъ правительствомъ козацкій гетманъ при первыхъ же практическихъ шагахъ къ выполненію условій мирнаго договора увидѣлъ необходимость, по крайней мѣрѣ, частичныхъ отступленій отъ него. Посылая весною 1650 г. королю войсковые реестры, Хмельницкій просилъ его не обращать по своей королевской милости большого вниманія на то, что число занесенныхъ въ нихъ козаковъ превышаетъ количество, условленное въ Зборовскихъ пунктахъ: «мы и такъ — прибавлялъ гетманъ — испытали большія трудности при составленіи компутовъ войска»**). Но всѣ подобныя частичныя уступки были безсильны измѣнить существо дѣла. Какъ ни много крестьянъ было внесено въ козацкій реестръ, даже сверхъ числа, условленнаго въ Зборовскомъ договорѣ, еще большее число ихъ осталось невнесенными въ реестръ, и теперь имъ предстояло возвращаться подъ власть тѣхъ пановъ, отъ которыхъ они разсчитывали было совсѣмъ освободиться. Уцѣлѣвшіе во время возстанія паны, дѣйствительно, не замедлили вернуться въ Украину, какъ только появилась надежда на осуществленіе условій Зборовскаго договора. У гетмана были—записывалъ въ октябрѣ 1650 года въ свой статейный списокъ прожи-

*) Кіевская Старина, 1888, № 7, с. 12 (смѣсь).
**) Памятники, изд. Врем. Коммиссіей, т. II, отд. III, с. 13—14

вавшій у Хмельницкаго московскій посланецъ Унковскій — «ляхи, панъ Шподъ съ товарыщи, слуги князя Вишневецкаго, да староста лубенской панъ Нагорецкой да Бедлинской, да и многіе поляки, слуги Потоцкого и Адама Киселя и Конецпольскаго, да Бориско Грязной; а всѣ бьютъ челомъ гетману о листахъ, чтобъ имъ далъ листы, чтобъ ихъ въ городѣхъ и въ селѣхъ слушали мужики; и гетманъ имъ велѣлъ дать листы, опричь козаковъ, велѣлъ мужикомъ слушать» *).

Кое-кто изъ вернувшихся пановъ, успѣвшихъ болѣе или менѣе присмотрѣться къ состоянію страны, понималъ уже, впрочемъ, малую надежность гетманскихъ «листовъ» такого рода. Адамъ Кисель, ставшій за это время воеводой кіевскимъ, весною 1650 года писалъ королю, что козацкая старшина склонна къ соблюденію мирнаго договора. «Только окозачившаяся было чернь, исключенная изъ реестровъ,—прибавлялъ воевода—употребляетъ различные способы, чтобы уклониться отъ подданства своимъ панамъ: одни, распродавая полностью все свое имѣніе, идутъ въ оруженосцы и слуги къ козакамъ, другіе идутъ со всѣмъ имуществомъ за Днѣпръ и лишь нѣкоторые—какихъ наименьшая часть—кланяются уже своимъ панамъ. Только одинъ Господь Богъ въ своей премудрости знаетъ, какъ все это можетъ усмириться и успокоиться» **). Въ концѣ концовъ усмиреніе и успокоеніе непослушныхъ крестьянъ, не желавшихъ знать своихъ пановъ, взялъ на себя по панскимъ жалобамъ опять-таки Хмельницкій. «Дошла до насъ вѣдомость,—писалъ онъ 20 сентября 1650 г. въ своемъ универсалѣ къ «старшинѣ и черни войска его королевской милости Запорожского, яко тежъ мещаномъ и селяномъ, подданимъ усимъ, въ воеводствѣ Киевскимъ знайдуючимся», — дошла до насъ вѣдомость, же нѣкоторые своеволние подъ часъ теперешней, меновите которые до подданства належатъ, не будучи паномъ своимъ послушними и зычливыми, и овшемъ (напротивъ) неприятелми, много шляхти пановъ своихъ потопили, позабивали и теперъ, не устаючи въ передсевзятю своимъ, на здоровье панское наступаютъ и послушними быти не хотятъ, але бунти и своеволю вчинаютъ, про то симъ универсаломъ нашимъ позволяемъ, жебы сами панове веспол̄ъ (сообща) съ полковниками нашими Бѣлоцерковскимъ або Киевскимъ сурово бы и на горлѣ карали, а тые засъ, которые кровь невинную пролили и покой нарушили, горлового караня не уйдутъ, якожъ и тутъ за тое не единого на горло скарали есмо» ***).

Нѣкоторые изъ вернувшихся въ свои имѣнія пановъ пытались привести къ повиновенію непослушныхъ крестьянъ и собственной силой, не обращаясь къ помощи гетмана и его полковниковъ. Но

*) Акты Ю. и З. Р., VIII, Прибавленія, № 33. VIII, с. 345.
**) Памятники, изд. Врем. Коммиссіей, II, отд. III, с. 22—3.
***) Памятники, изд. Врем. Коммиссіей, II, отд. III. № 7, сс. 59—63 и Архивъ Ю.-З. Россіи, т. VI, ч. I, № 178, сс. 573—4.

находились среди возвращавшихся владѣльцевъ и такіе, которые старались добиться повиновенія отъ своихъ крестьянъ, дѣлая имъ въ свою очередь нѣкоторыя временныя уступки. «Вамъ, мѣщанамъ мглинскимъ и дроковскимъ, войтамъ, атаманамъ и всѣмъ мужамъ обѣихъ волостей этихъ городовъ — писалъ своимъ «подданнымъ» одинъ изъ крупнѣйшихъ владѣльцевъ Сѣверской земли, воевода троцкій Николай Абрамовичъ—съ пожеланіемъ вамъ при добромъ здоровьи благословенія Господня и мирнаго житія симъ объявляю: вручены мнѣ листы ваши, какъ отъ городовъ, такъ и отъ обѣихъ волостей, изъ коихъ усматриваю, что вы, опомнясь отъ прежнихъ своихъ преступленій и возмущенія, вновь обращаетесь къ надлежащему подданству мнѣ, господину своему... Въ чемъ поступаете истинно въ угоду Богу, ибо онъ въ предвѣчномъ своемъ божественномъ установленіи возложилъ на васъ такое состояніе, что быть вами подданными, а не панами. И отъ начала міра предки ваши въ семъ состояніи умирали и таковому Божьему опредѣленію, какъ люди богобоязненные, не воспротивлялись и на господъ своихъ руки никогда не подымали, за что, безъ всякаго сомнѣнія, наслаждаются на небесахъ лицезрѣніемъ Творца своего. Вы же, впавъ въ такой грѣхъ и воспротивясь Господу своему тѣмъ, что не оставались въ своемъ подданскомъ состояніи, умоляйте прежде всего Бога Творца своего, коему столь яростно воспротивились!— а ежели будете о томъ душевно скорбѣть и твердо вознамѣритесь болѣе въ такой грѣхъ не впадать, милосердный Богъ сіе вамъ проститъ... Какъ христіанинъ, прощаю вамъ все то, въ чемъ провинились вы въ нынѣшнія смутныя времена противъ всей отчизны и противъ меня, господина своего. И прощаю вамъ такъ: всѣ прегрѣшенія ваши ввергаю въ рѣку Ипуть и пускаю за водою въ море; и какъ невозможно обратить вспять сію текущую рѣку, такъ и я вспоминать вашихъ преступленій и карать кого-либо за нихъ не желаю и до самой смерти желать не буду; и хочу жить съ вами, какъ отецъ съ сынами своими, лишь бы и вы также жили со мной, какъ должно жить добродѣтельнымъ сыновьямъ съ отцомъ, оказывая мнѣ надлежащее подданство и повиновеніе. Приношеніе ваше, хотя я и ожидалъ, что поклонитесь чѣмъ-нибудь лучшимъ, принимаю въ виду нынѣшняго голоднаго времени, надѣясь, что, когда дастъ вамъ Богъ поправиться послѣ нынѣшнихъ замѣшательствъ въ имуществѣ вашемъ, тогда не откажетесь мнѣ за это вознаградить. Что касается облегченій въ податяхъ, то я распорядился не взыскивать того, что слѣдуетъ мнѣ лично, т. е. чиншей, дяколъ, медовъ, до самой осени, хотя и самъ я нуждаюсь, потерпѣвши такъ много раззореній въ моихъ маетностяхъ... Прошу лишь о томъ, чтобы вы для меня засѣяли на зиму жито, согласно указанію моему, данному подстаростѣ, который вамъ разскажетъ все въ подробности. Ничего тягостнаго отъ васъ не требую и увѣренъ, что вы къ сему преклонитесь и все это сдѣлаете; а я буду въ томъ

имѣть доказательство, что вы искренно и самымъ дѣломъ, а не словами, возвращаетесь къ подданству и преданности мнѣ, господину своему» *).

Однако и «горловое каранье» своевольниковъ, производившееся Хмельницкимъ и его полковниками, и жестокія усмиренія крестьянъ, практиковавшіяся нѣкоторыми владѣльцами, и частичныя уступки другихъ владѣльцевъ, соединенныя съ болѣе или менѣе кроткими и благочестивыми увѣщаніями, мало помогали дѣлу. Малорусскіе крестьяне упорно не хотѣли соглашаться съ тѣмъ, что самъ Богъ отъ начала міра опредѣлилъ ихъ «быть подданными, а не панами», и то и дѣло впадали въ тотъ грѣхъ, отъ котораго ихъ предупреждалъ троцкій воевода. Въ различныхъ мѣстностяхъ оффиціально замирившейся съ Польшею Малороссіи безпрестанно вспыхивали частичныя волненія, и не одинъ шляхтичъ, поторопившійся вернуться въ свои украинскія маетности, заплатилъ жизнью за свою поспѣшность, не одна шляхетская семья вынуждена была вновь спасаться бѣгствомъ отъ непокорныхъ подданныхъ. А случалось—въ крестьянскихъ волненіяхъ принимали участіе и отдѣленные офиціально отъ крестьянъ козаки, и даже нѣкоторые изъ ближайшихъ помощниковъ Хмельницкаго въ лицѣ поставленныхъ имъ полковниковъ подчасъ готовы были всякое напоминаніе гетмана о необходимости соблюдать воинскія предосторожности понять въ смыслѣ приглашенія «заразъ ляховъ и урядниковъ шляхту, такъ на Украинѣ, яко и у Сѣверу выбивать» **). При такихъ условіяхъ постановленіе Зборовскаго договора о возвращеніи главной массы крестьянства въ прежнее ея состояніе во многихъ случаяхъ оставалось мертвой буквой, до поры до времени рѣзко расходившейся съ дѣйствительнымъ теченіемъ жизни.

Изъ запутаннаго положенія, въ которомъ бывшій герой и вождь народнаго возстанія оказывался въ роли усмирителя крестьянскихъ волненій и защитника панскихъ интересовъ, выходъ былъ открытъ поляками, въ свою очередь не желавшими мириться съ другими постановленіями Зборовскаго договора и категорически отказавшимися соблюдать эти постановленія. Съ своей точки зрѣнія правящій классъ Рѣчи Посполитой, дѣйствительно, считалъ невозможнымъ соблюденіе Зборовскаго договора, такъ какъ точное выполненіе условій послѣдняго должно было повести за собою не только отказъ отъ успѣвшей уже стать традиціонною польской политики по отношенію къ православной церкви, но и нѣкоторое смягченіе въ малорусскихъ областяхъ помѣщичьей власти, не могшей, какъ показала дѣйствительность, не считаться съ наличностью въ краѣ большой козацкой силы. А такъ какъ эта сила обнаруживала къ

*) А. Лазаревскій, Описаніе старой Малороссіи, т. I. Кіевъ, 1888, сс. 7–8.

**) См. цитированный выше универсалъ Б. Хмельницкаго нѣжинскому полковнику Пр. Шумейку.—Кіев. Старина, 1887, № 7.

тому же явную тенденцію къ дальнѣйшему росту, то представлялось болѣе правильнымъ и благоразумнымъ еще разъ попытаться сломить ее однимъ сильнымъ ударомъ и, если не уничтожить совершенно, то, по крайней мѣрѣ, вернуть къ прежней строго подчиненной роли. Въ декабрѣ 1650 года польскій сеймъ объявилъ новую войну противъ мятежныхъ козаковъ, и положеніе внутри Украины вновь стало такимъ, какимъ оно было въ первые моменты поднятаго Хмельницкимъ движенія. Снова повторилось общее изгнаніе польскихъ пановъ изъ ихъ имѣній, снова мѣстныя крестьянскія волненія слились въ общее возстаніе, являясь лишь своеобразными партизанскими дѣйствіями въ великой народной войнѣ.

Но на этотъ разъ война была не такъ удачна. Военное счастье измѣнило Хмельницкому, успѣвшему потерять долю своей популярности въ народныхъ массахъ и испытавшему вдобавокъ неожиданную измѣну со стороны своего союзника—крымскаго хана. И новый, Бѣлоцерковскій, договоръ, явившійся результатомъ тяжелаго разгрома, понесеннаго козацкимъ войскомъ подъ Берестечкомъ, значительно сократилъ права и льготы, добытыя подъ Зборовомъ. Въ частности число козацкаго реестроваго войска понижалось по этому договору до двадцати тысячъ, и войско это должно было располагаться исключительно въ королевскихъ имѣніяхъ кіевскаго воеводства, тогда какъ польское коронное войско могло становиться въ черниговскомъ и брацлавскомъ воеводствахъ. Диктуя возставшимъ эти условія, польскіе предводители разсчитывали путемъ ихъ ослабить козачество и сдѣлать серьезный шагъ къ прочному возвращенію украинскихъ крестьянъ подъ власть помѣщиковъ. На практикѣ однако эти разсчеты плохо оправдались, и Бѣлоцерковскій договоръ оказался еще менѣе жизнеспособнымъ, чѣмъ Зборовскій. Козачество и теперь не вмѣщалось въ рамки условленнаго реестра, крестьянство по-прежнему не хотѣло знать надъ собою власти однажды прогнанныхъ «ляцкихъ пановъ», и вмѣсто мира, который долженъ былъ установить въ странѣ Бѣлоцерковскій трактатъ, въ ней почти тотчасъ же послѣ его подписанія вновь закипѣла ожесточенная и безпощадная борьба.

Два съ половиной года тянулась еще послѣ того эта борьба непримиримыхъ противниковъ, и, наконецъ, Хмельницкій, убѣдившись въ невозможности отбиться собственными силами отъ польскихъ притязаній, принялъ рѣшеніе окончательно оторваться отъ Польши и соединиться съ сосѣднимъ Московскимъ государствомъ. Въ свою очередь правительство этого послѣдняго, упорно, несмотря на всѣ просьбы Хмельницкаго, уклонявшееся отъ прямой помощи ему, пока не имѣло достаточной увѣренности въ слабости Польши и не видѣло въ такой помощи реальныхъ выгодъ для себя, охотно приняло теперь предложеніе гетмана о присоединеніи Малороссіи къ Москвѣ. И съ момента этого соеди-

ненія съ Москвою въ жизни той части Малороссіи, которая удержалась въ немъ, началась новая эпоха—эпоха своеобразнаго развитія, совершавшагося уже внѣ всякой прямой зависимости отъ польскихъ государственныхъ и общественныхъ порядковъ.

II.

Исходнымъ пунктомъ этой новой эпохи, повидимому, должны были явиться условія соединенія Малороссіи съ Москвою, выработанныя между Богданомъ Хмельницкимъ и правительствомъ царя Алексѣя Михайловича. Именно эти условія, казалось бы, должны были точно опредѣлить и закрѣпить собою всѣ главнѣйшія черты въ укладѣ страны, только что рядомъ могучихъ усилій заново перестроившей основы своего соціальнаго и политическаго существованія. На дѣлѣ, однако, случилось не совсѣмъ такъ, и названныя условія получили въ жизни Малороссіи нѣсколько иное значеніе.

Было время, когда въ нашей исторической литературѣ шелъ горячій споръ по вопросу объ общемъ характерѣ тѣхъ условій, на которыхъ состоялось присоединеніе Малороссіи къ Московскому государству. Въ то время, какъ Н. И. Костомаровъ, слѣдуя установившейся традиціи, утверждалъ, что эти условія представляли собою договоръ Хмельницкаго съ московскимъ правительствомъ, принятый въ январѣ 1654 года Переяславской радой и тогда же закрѣпленный присягой московскихъ пословъ, Г. Ф. Карповъ страстно возражалъ противъ такого утвержденія, доказывая, что никакого договора между Богданомъ Хмельницкимъ и правительствомъ царя Алексѣя не существовало, а условія присоединенія Малороссіи явились въ результатѣ «челобитныхъ» малорусскаго гетмана и «пожалованій» московскаго царя *). Формальная правота въ этомъ спорѣ была, несомнѣнно, на сторонѣ противника Н. И. Костомарова. Московскіе бояре, присланные для приведенія Малороссіи къ присягѣ на имя московскаго государя и бывшіе на Переяславской радѣ 1654 года, сами, какъ подробно разсказано объ этомъ въ ихъ статейномъ спискѣ, рѣшительно отказались присягать за государя, и въ Москвѣ они получили потомъ за это спеціальную похвалу отъ царя. Условія присоединенія къ Москвѣ, вопреки повѣствованію лѣтописи Величка, на которое опирался въ данномъ случаѣ Костомаровъ, не могли быть читаны и приняты на Переяславской радѣ уже по той простой причинѣ, что на-

*) Н. И. Костомаровъ. Богданъ Хмельницкій. Изданіе 4-е. Т. III, сс. 129—130, 132. Г. Карповъ. Критическій обзоръ разработки главныхъ русскихъ источниковъ, до исторіи Малороссіи относящихся. М. 1870, стр. 68—72, примѣчаніе 30-е.

званная рада происходила въ январѣ 1654 года, а условія эти были окончательно выработаны лишь въ переговорахъ съ посольствомъ Богдана Хмельницкаго въ Москвѣ въ мартѣ того же года *). И въ окончательномъ своемъ видѣ эти условія, сформулированныя уже послѣ принесенія населеніемъ Малороссіи присяги на вѣрность московскому государю, носили форму не скрѣпленнаго двумя сторонами договора, а односторонняго пожалованія—царскихъ жалованныхъ грамотъ и царскихъ же резолюцій, положенныхъ на просительныхъ статьяхъ гетмана. Но эта внѣшняя сторона, несомнѣнно, имѣющая извѣстное значеніе, не должна, конечно, все же заслонять отъ насъ собою существо дѣла. Оторвавшись отъ Польши, Малороссія не просто перешла въ подданство Московскаго государства. Она или, точнѣе говоря, ея тогдашнее правительство поставило при этомъ рядъ условій, которыя и были приняты новымъ ея государемъ; только принятіе ихъ было облечено въ форму не договора, а пожалованія.

Не такъ легко поддается рѣшенію другой и гораздо болѣе важный вопросъ, связанный съ переговорами Богдана Хмельницкаго съ Москвою,—вопросъ о существѣ того порядка, какой долженъ былъ установиться въ результатѣ этихъ переговоровъ для Малороссіи, и о степени его соотвѣтствія съ тѣми дѣйствительными отношеніями, которыя успѣли сложиться внутри страны благодаря ея возстанію противъ Польши. И сложность этого вопроса, скрывающаяся подъ кажущейся его простотой, не разъ вводившей въ заблужденіе позднѣйшихъ историковъ, не вглядывавшихся въ него съ достаточно пристальнымъ вниманіемъ, стоитъ въ тѣсной связи съ самымъ характеромъ переговоровъ, ведшихся между малорусскимъ гетманомъ, офиціальнымъ главою отлагавшагося отъ Польши и объятаго возстаніемъ края, и московскимъ правительствомъ.

Обѣ стороны, участвовавшія въ переговорахъ, не обладали особенно большою освѣдомленностью другъ о другѣ и въ сущности не вполнѣ отчетливо представляли себѣ тѣ послѣдствія, которыя

*) Больше того,—въ полномъ своемъ видѣ эти условія не были объявлены въ Малороссіи во все время гетманства Богдана Хмельницкаго. Какъ разсказываетъ въ своемъ статейномъ спискѣ В. Кикинъ, отправленный посланникомъ въ Малороссію послѣ смерти Богдана Хмельницкаго, вслѣдъ за похоронами гетмана «начальные люде и все войско, выслушавъ государеву грамоту, говорили промежъ себя въ радѣ гетманскому сыну Юрью Хмелницкому и писарю Ивану Выговскому, чтобъ они показали всему войску тѣ статьи всѣ, о чемъ ц. в-ву били челомъ гетманъ Богданъ Хмелницкой и все войско запорожское и присылали къ ц. в-ву къ Москвѣ посланцовъ своихъ, судью войскового Самойла Богданова да переяславскаго полковника Павла Тетерю; а мы де всѣмъ войскомъ того, чѣмъ насъ противъ нашего войскового челобитья великій государь нашъ, его ц. в-во, пожаловалъ, и до сего часу ничего не вѣдаемъ». Акр. Ю. и З. Р., XI, Прибавленія, № 3. VI, с. 799.

должно было повлечь за собою для каждой изъ нихъ задуманное и уже осуществлявшееся ихъ усиліями дѣло. Вмѣстѣ съ тѣмъ обѣ стороны, стремясь скорѣе достигнуть конечной цѣли переговоровъ, подчасъ не все въ нихъ договаривали до конца, предоставляя полное выясненіе нѣкоторыхъ сомнѣній времени. Вслѣдствіе этого въ самомъ разгарѣ переговоровъ кое-что въ нихъ оставалось не совсѣмъ яснымъ для самихъ участниковъ. И это происходило тѣмъ легче, что малорусское гетманское правительство не успѣло еще вполнѣ разобраться въ своемъ собственномъ положеніи и охватить достаточно широкой формулой жизненные факты, накопившіеся вокругъ него и отчасти даже созданные его собственной дѣятельностью. Въ виду этого оно старалось избѣгать черезчуръ большой опредѣленности и въ своихъ требованіяхъ и просьбахъ, обращенныхъ къ Москвѣ, чаще всего говорило о подтвержденіи старыхъ правъ и привилегій Малороссіи, хотя подчасъ подъ прикрытіемъ этой формулы ему приходилось просить о подтвержденіи такихъ порядковъ, которые менѣе всего могли быть уложены въ рамки старыхъ правъ.

Этотъ характеръ переговоровъ ярко сказался уже въ тѣхъ бесѣдахъ, которыя велись въ январѣ 1654 года у гетмана и окружавшей его старшины съ бояриномъ Бутурлинымъ и его товарищами, присланными принять Малороссію подъ руку московскаго государя, и которыя сохранилъ намъ статейный списокъ московскихъ бояръ. Гетманъ—разсказывается, между прочимъ, въ этомъ спискѣ—«говорилъ боярину съ товарищи: чтобъ великій государь указалъ съ городовъ и мѣстъ, которые поборы напередъ сего сбираны на короля и на римскіе кляшторы и на пановъ, сбирати на себя государя; а за которыми де монастыри мѣста и села и мѣстечки даны, и чтобъ государь пожаловалъ, велѣлъ тому всему быти за монастыри и за церквами по прежнему, для того, что тѣ мѣста къ монастырямъ и къ церквамъ данье прежнихъ великихъ князей россійскихъ». Кромѣ того, «гетманъ еще говорилъ: отданы де у нихъ промыслы въ дву или въ трехъ городѣхъ на урочныя лѣта и изъ урочныхъ лѣтъ еще не вышли, а доведетца держать годы по два и по три; и чтобъ государь пожаловалъ, велѣлъ тѣ урочныя лѣта откупщикамъ додержать, а до урочныхъ лѣтъ промысловъ у нихъ не отнимать». Бутурлинъ съ товарищами завѣрилъ гетмана, что московскій государь не станетъ отнимать имѣній у православныхъ монастырей и церквей, равно какъ позволитъ наличнымъ откупщикамъ сборовъ додержать свои откупа до условленныхъ сроковъ. Вслѣдъ затѣмъ, однако, войсковой писарь Выговскій заявилъ еще просьбу: «какъ де государь изволитъ прислать воеводъ въ городы, и чтобъ доходы на государя сбирать ихъ началнымъ людемъ и отдавать воеводамъ, для того, что де люди здѣсь къ вашимъ обычеемъ не признались». Не менѣе характерной оказалась другая часть бесѣды. Гетманъ и старшины

говорили Бутурлину съ товарищами: «въ запорожскомъ де войскѣ кто въ какомъ чину былъ по ся мѣста, и нынѣ бы государь пожаловалъ, велѣлъ быть по тому, чтобъ шляхтичъ былъ шляхтичемъ, а козакъ козакомъ, а мѣщанинъ мѣщаниномъ; а козакомъ бы де судитца у полковниковъ и у сотниковъ. А чтобъ де не такъ быть, какъ были за полскимъ королемъ: покамѣста козакъ живъ, потамѣста за нимъ и маетность; а какъ умретъ, и паны де тѣ маетности обирали на себя, а жонъ и дѣтей высылаютъ вонъ; да и волностей бы ихъ пожаловалъ государь, отнимать у нихъ не велѣлъ». Когда Бутурлинъ и товарищи его обѣщали, что и эти просьбы будутъ исполнены, Хмельницкій высказалъ желаніе, чтобъ число козацкаго войска было установлено въ 60.000 человѣкъ, Когда же бояре заявили, что объ этомъ слѣдуетъ бить челомъ государю, «гетманъ говорилъ: то де ему государю къ чести и къ повышенью, что у него государя войска будетъ много. Хотя бъ де государь пожаловалъ, велѣлъ у нихъ войску быть и болши того, то де и лутче; а жалованья они у царскаго величества на тѣхъ козаковъ не просятъ. А какъ де они были противъ короля подъ Зборовымъ, и въ тѣ де поры съ нимъ гетманомъ запорожскаго войска было 360.000». Наконецъ, гетманъ заявилъ боярамъ свое желаніе бить челомъ государю о пожалованіи ему на булаву чигиринскаго полка, а затѣмъ и войсковой писарь Выговскій сообщилъ, что намѣренъ просить государя о сохраненіи за нимъ имѣющихся у него маетностей и пожалованіи ему новыхъ *).

Такимъ образомъ гетманъ съ старшиною отдавали во владѣніе московскаго государя всѣ бывшія королевскія имѣнія, равно какъ бывшія имѣнія пановъ и католическихъ монастырей, обезпечивая лишь сохраненіе имѣній за православными монастырями и церквами, передавали въ казну государя всѣ доходы, выговаривая лишь возможность сбора ихъ мѣстными «начальными людьми» да временное сохраненіе отданныхъ уже на откупъ сборовъ за ихъ откупщиками, и одновременно вызывались держать многочисленное войско безъ жалованья и какъ будто безъ доходовъ на него. Съ другой стороны, гетманъ и старшина какъ будто были озабочены сохраненіемъ строгихъ сословныхъ граней въ мѣстномъ населеніи, а вмѣстѣ съ тѣмъ гетманъ предлагалъ держать неограниченное по численности козацкое войско, прямо ссылаясь въ этомъ случаѣ на многозначительный примѣръ Зборовскаго похода.

Эти противорѣчія, правда, значительно сгладились къ моменту окончательныхъ переговоровъ, для которыхъ въ мартѣ того же 1654 года въ Москву прибыли посланцы Хмельницкаго—войсковой судья Самойло Богдановъ и переяславскій полковникъ Павелъ Тетеря. Но и въ этотъ заключительный моментъ переговоровъ въ нихъ не было выставлено сразу вполнѣ ясной и опредѣленной

*) Акты Ю. и З. Р., X., № 4. сс. 236, 244—5, 246; 242—3, 244.

формулы, настолько отчетливой, чтобы она не могла вызывать никакихъ сомнѣній. Въ «статьяхъ», которыми Богданъ Хмельницкій снабдилъ своихъ посланниковъ и которыя были ими предъявлены въ Москвѣ, имѣлось, пожалуй, нѣкоторое подобіе такой формулы въ видѣ недвусмысленнаго указанія на то, что гетманъ хотѣлъ бы поставить Малороссію въ положеніе приблизительно такого же вассала Московскаго государства, какими были для тогдашней Турціи Венгрія, Молдавія и Валахія,—вассала, обязаннаго уплачивать своему сюзерену опредѣленную дань и выставлять въ извѣстныхъ случаяхъ вспомогательное войско, но за то пользующагося полной свободой въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ и даже нѣкоторой самостоятельностью въ сферѣ внѣшней политики *). Однакоже это указаніе далеко не занимало въ «статьяхъ» Хмельницкаго того центральнаго положенія, на какое оно могло бы претендовать по своему смыслу. Наоборотъ, брошенное какъ бы вскользь, сопровождавшееся немедленными оговорками, оно вмѣстѣ съ тѣмъ было въ сущности и мало согласовано съ содержаніемъ другихъ «статей», среди которыхъ оно помѣщалось. При такихъ условіяхъ московскимъ боярамъ удалось сразу отбросить его, повидимому, даже безъ обсужденія, и посланники Хмельницкаго легко вернулись къ прежней постановкѣ вопроса о доходахъ, согласно которой они должны были собираться въ Малороссіи мѣстными должностными лицами и передаваться государевымъ воеводамъ или присланнымъ отъ государя людямъ. Политическая мысль повелителя Малороссіи и его ближайшихъ помощниковъ въ этомъ случаѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, не поспѣвала за событіями и даже не вполнѣ охватывала собою наличные факты жизни. Въ концѣ концовъ въ своихъ переговорахъ съ Москвою Богданъ Хмельницкій въ значи-

*) «Какъ по иныхъ земляхъ—говорилось въ 15-й изъ присланныхъ Хмельницкимъ статей—дань вдругъ отдаетца, волили бы есмя и мы, чтобъ цѣною вѣдомою давать отъ тѣхъ людей, которые твоему ц. в-ву належатъ; а если бы инако быти не могло, тогда ни на единаго воеводу не позволять и о томъ договариватца, развѣ бы изъ тутошнихъ людей обобравши воеводу, человѣка достойного, имѣетъ тѣ всѣ доходы въ правду его ц. в-ву отдавати». Излагая условія гетмана на словахъ, посланцы эту статью передали слѣдующимъ образомъ: «а будетъ де государь изволитъ, и гетманъ де и войско запорожское учнутъ государю доходъ давать съ войска запорожского противъ того же, какъ сбираетъ турской салтанъ съ Венгерской и съ Мутьянской и съ Волоской земли. смѣтя мѣстнымъ дѣломъ. А переписать бы тѣ всѣ доходы и въ смѣту положить кому государь укажетъ своему государеву человѣку». Акты Ю. и З. Р., X, № 8, сс. 449 и 441. Предъидущая статья заключала въ себѣ предупрежденіе, чтобы «ц. в-ву въ кручину не былъ» свободный пріемъ гетманомъ и войскомъ пословъ, которые «изъ вѣка изъ чужихъ земель приходятъ къ войску запорожскому»; гетманъ же бралъ на себя обязательство извѣщать о томъ, что будетъ «противъ его царскаго величества». Въ царской резолюціи это право гетмана на внѣшнія сношенія подверглось довольно существеннымъ ограниченіямъ.

тельной мѣрѣ еще чувствовалъ себя козацкимъ гетманомъ стараго типа, представителемъ не столько страны, сколько одной опредѣленной общественной группы, живущей своими обособленными интересами. И это обстоятельство наложило рѣзкій отпечатокъ на характеръ условій, привезенныхъ посланцами Хмельницкаго въ Москву.

Въ ряду этихъ условій на первомъ мѣстѣ были поставлены права и привилегіи козачества, сохраненіе за нимъ полной свободы самоуправленія, своего совершенно независимаго суда и всѣхъ вообще его «вольностей». «Въ началѣ—говорилось въ первой же изъ присланныхъ Хмельницкимъ статей—изволь твое царское величество подтвердити права и волности наши войсковые, какъ изъ вѣковъ бывало въ войскѣ запорожскомъ, что своими правами суживалися и волности свои имѣли въ добрахъ и въ судахъ; чтобъ ни воевода, ни бояринъ, ни столникъ въ суды войсковые не вступался, но отъ старшихъ своихъ чтобъ товарищество сужены были: гдѣ три человѣка козаковъ, тогда два третьяго должны судить» *). За этимъ слѣдовали просьбы объ опредѣленіи числа козацкаго войска въ 60.000 человѣкъ, о свободномъ выборѣ гетмана, о пожалованіи ему на булаву Чигиринскаго староства, о неприкосновенности козацкихъ земельныхъ имуществъ и о сохраненіи ихъ по смерти казаковъ за ихъ вдовами и дѣтьми, о назначеніи жалованья на войсковую артиллерію, на гарнизонъ крѣпости Кодака и на запорожцевъ, о назначеніи жалованья деньгами и мельницами членамъ войсковой и полковой старшины, которые «расходъ великій имѣютъ» или же «на услугахъ войсковыхъ всегда обрѣтаются и хлѣба пахать не могутъ», наконецъ, о жалованьѣ всему войску козацкому. «Обычай тотъ бывалъ,—поясняла соотвѣтствующая «статья»—что всегда войску запорожскому платили: просить и нынѣ его царскаго величества, чтобъ на полковника по 100 ефимковъ, на асауловъ полковыхъ по 200 золотыхъ, на асауловъ войсковыхъ по 400 золотыхъ, на сотниковъ по 100 золотыхъ, на козаковъ по 30 золотыхъ». При этомъ гетманъ и войско въ своихъ «статьяхъ» обѣщали: «мы сами смотръ межъ себя имѣть будемъ и, кто козакъ, тотъ будетъ волность козацкую имѣть, а кто пашенной крестья-

---

*) Акты Ю. и З. Р., X, № 8, с. 446. Послѣднія слова приведенной цитаты давали подчасъ поводъ къ нѣкоторому недоразумѣнію. «Такого суда не было...—замѣчалъ, напримѣръ, покойный А. М. Лазаревскій въ одной изъ своихъ работъ.—Повидимому, дипломатія «Войска Запорожскаго» включила въ «статьи» это свѣдѣніе, чтобы обезпечить въ будущемъ полную свободу суда, причемъ указанная форма послѣдняго, можетъ быть, и практиковалась на Запорожьѣ» (А. М. Лазаревскій, Замѣчанія на историческія монографіи Д. П. Миллера о малорусскомъ дворянствѣ и о статутовыхъ судахъ. Харьковъ. 1898, с. 30). Но, думается, въ приведенныхъ словахъ слѣдуетъ видѣть не указаніе на опредѣленную форму суда, а лишь казуистическое опредѣленіе полной независимости козаковъ въ сферѣ суда отъ московскихъ властей.

нинъ, тотъ будетъ должность обыклую его царскому величеству отдавать, какъ и прежде сего».

Съ своей стороны московское правительство согласилось на всѣ эти условія, сдѣлавъ оговорки лишь по вопросу о жалованьѣ. На жалованье войсковой артиллеріи, гарнизону Кодака, запорожцамъ и старшинѣ оно дало свое согласіе, замѣтивъ только, что все это жалованье должно даваться «изъ тамошнихъ доходовъ». Отъ установленія же жалованья для всего козацкаго войска сперва рѣшено было «отговаривать» гетманскихъ посланниковъ, напомнивъ имъ, какъ самъ гетманъ въ январьскихъ переговорахъ съ Бутурлинымъ заявилъ, что не будетъ просить жалованья на козаковъ. Однакоже посланники и послѣ такихъ «отговоровъ» упрямо стояли на своей просьбѣ. Тогда окончательное рѣшеніе этого вопроса было временно отсрочено. «А что—говорилось въ объявленной посланникамъ резолюціи—въ Малой Россіи въ городѣхъ и мѣстехъ какихъ доходовъ, и про то царскому величеству невѣдомо; и великій государь нашъ посылаетъ доходы описать дворянъ. А какъ тѣ царскаго величества дворяне доходы всякіе опишутъ и смѣтятъ, и въ то время о жалованьѣ на войско запорожское, по разсмотрѣнію, и указъ будетъ».

Удѣляя такъ много мѣста и вниманія козачеству, гетманскія «статьи» все же разсматривали его при этомъ, какъ обособленный классъ малорусскаго общества, и самой козацкой администраціи, поскольку онѣ говорили объ ней, придавали значеніе администраціи, обслуживающей лишь данный классъ. Наряду съ этимъ въ «статьяхъ» Хмельницкаго говорилось и о другихъ отрасляхъ управленія и о другихъ общественныхъ классахъ, но уже далеко не съ такою обстоятельностью. Одною изъ «статей» охранялась вообще самостоятельность малорусскаго управленія отъ наѣзжихъ властей. «Въ городѣхъ—говорилось въ этой статьѣ—урядники изъ нашихъ людей чтобъ были обираны на то достойные, которые должны будутъ подданными твоего царскаго величества исправляти или урежати и приходъ належачей въ правду въ казну твоего царскаго величества отдавати». Однакоже въ послѣдовавшей царской резолюціи смыслъ этой статьи былъ нѣсколько съуженъ. «Государь—гласила эта резолюція—указалъ и бояре приговорили быть по ихъ челобитью; а быти бъ урядникомъ, войтомъ, бурмистромъ, райцомъ, лавникомъ; и доходы денежные и хлѣбные и всякіе на государя сбирати и отдавать въ государеву казну тѣмъ людемъ, которыхъ государь пришлетъ, и тѣмъ людемъ, кого для тое сборные казны государь пришлетъ, надъ тѣми сборщиками смотрѣть, чтобъ дѣлали правду». Такимъ образомъ, хотя сборъ доходовъ былъ оставленъ въ рукахъ выборныхъ городскихъ властей, но послѣднія должны были быть подчинены контролю присылаемыхъ московскимъ государемъ людей.

Что касалось, наконецъ, всѣхъ остальныхъ общественныхъ классовъ Малороссіи, кромѣ козачества, то за ними «статьи»

Хмельницкаго стремились сохранить то же самое положеніе, какое они занимали въ странѣ и раньше. И первое мѣсто среди этихъ классовъ условія, предлагавшіяся московскому государю вождемъ малорусскаго возстанія, отводили шляхтѣ,—правда, шляхтѣ лишь православнаго исповѣданія. «Шляхта,—говорилось въ одной изъ первыхъ же «статей» гетмана и войска—которые въ Малой Россіи обрѣтаются и вѣру, по непорочной заповѣди Христовѣ, тебѣ, великому государю учинили, чтобъ при своихъ шляхетскихъ волностяхъ пребывали и межъ себя старшихъ на уряды, судовые, обирали и добра свои и волности имѣли, какъ при королехъ польскихъ бывало, чтобъ и иные, увидя таковое пожалованье твоего царскаго величества, клонился подъ область и подъ высокую и крѣпкую руку твоего царскаго величества со всѣмъ міромъ христіанскимъ. Суды земскіе и градцкіе черезъ тѣхъ урядниковъ, которыхъ они сами себѣ добровольно оберутъ, исправлены быть имѣютъ, какъ и прежде сего». Въ другой изъ присланныхъ имъ статей гетманъ просилъ, чтобы вообще ни въ чемъ не нарушались «права, наданые изъ вѣковъ отъ княжатъ и королей, какъ духовнымъ, такъ и мірскимъ людемъ». Кромѣ того, на словахъ гетманскіе посланники передали его просьбу, чтобы московскій государь далъ свои жалованныя грамоты кіевскому митрополиту и всему вообще малорусскому духовенству на ихъ права, привилегіи и владѣнія. На словахъ же была передана посланниками и еще одна просьба гетмана,—«чтобъ государь пожаловалъ его, велѣлъ ему и дѣтемъ его дать въ вотчину городъ Гадячъ, что напередъ того бывало за Конецполскимъ, а ему-де въ томъ мѣстѣ дворъ себѣ ставить и временемъ пріѣзжать жить». Московское правительство на всѣ эти просьбы и условія отвѣтило опять-таки согласіемъ *).

Таковы были условія, на которыхъ состоялось окончательное соглашеніе Богдана Хмельницкаго съ московскимъ правительствомъ. Въ нашей исторической и историко-юридической литературѣ результатъ этого соглашенія до самаго послѣдняго времени обычно характеризуется, какъ династическая унія Малороссіи съ Московскимъ государствомъ. Но правильнѣе, думается, была бы въ данномъ случаѣ другая характеристика. «Статьями» Богдана Хмельницкаго Малороссія не столько заключала династическую унію съ Москвой, сколько становилась по отношенію къ послѣдней въ положеніе вассальнаго государства. Во главѣ этого вассальнаго государства долженъ былъ стоять выборный гетманъ, носившій свой санъ пожизненно и не нуждавшійся въ утвержденіи московскаго государя, а лишь извѣщавшій его о своемъ избраніи и приносившій присягу на вѣрность. Гетманъ имѣлъ право сноситься съ другими землями, за исключеніемъ, однако, Польши и Турціи,

*) Акты Ю. и З. Р., X, № 8, passim.

причемъ о сношеніяхъ, носившихъ мирный характеръ, долженъ былъ только сообщать въ Москву, пословъ же, являвшихся съ «противнымъ дѣломъ» по отношенію къ московскому государю, обязывался задерживать и не отпускать безъ государева указа. Помимо этого вассальная зависимость Малороссіи должна была выражаться въ уплатѣ городскимъ и крестьянскимъ населеніемъ края сборовъ въ казну московскаго государя и въ службѣ козацкаго войска,—службѣ, за которую ему предполагалось вслѣдъ за выясненіемъ ожидаемыхъ изъ Малороссіи доходовъ назначить то или иное опредѣленное денежное жалованье. За предѣлами этихъ вассальныхъ отношеній Малороссія получала широкую внутреннюю автономію и удерживала самостоятельный соціальный строй, причемъ этотъ послѣдній, какъ предполагалось, долженъ былъ сохранить въ общемъ въ неприкосновенности старыя сословныя дѣленія общества. Серьезною новостью въ этой области являлись только численное увеличеніе козачества и расширеніе его привилегій, долженствовавшихъ, однако, и въ этомъ расширенномъ своемъ видѣ остаться принадлежностью одной сословной группы. Во всякомъ случаѣ, рядомъ съ разросшимся козачествомъ сохранялись и другія сословныя группы: шляхта, которой гарантировались всѣ ея прежнія имущественныя и сословныя права, мѣщане, удерживавшіе свое городское самоуправленіе и свой сословный строй, наконецъ, крестьяне, которымъ предоставлялось отбывать ихъ «обыклую должность». При этомъ за московскимъ государемъ, какъ за преемникомъ правъ польскихъ королей, изъ-подъ власти которыхъ переходила къ нему Малороссія, признавалось право раздачи имѣній внутри страны, и первый, кто обратился къ такому его праву, былъ самъ малорусскій гетманъ. Для всѣхъ же вообще классовъ малорусскаго общества подтверждались прежнія «права, данныя отъ княжатъ и королей», иначе говоря, въ странѣ должны были оставаться въ силѣ какъ прежнія сословныя права и привилегіи, такъ и общіе законы, дѣйствовавшіе въ краѣ въ періодъ польскаго владычества надъ нимъ,—законы, въ свою очередь носившіе на себѣ рѣзкую печать строго сословнаго быта, въ рамкахъ котораго вдобавокъ интересы шляхетскаго сословія рѣшительно первенствовали надъ всѣми другими.

Вслѣдъ за установленіемъ этого соглашенія объ обязательствахъ и правахъ Малороссіи оно было закрѣплено рядомъ торжественныхъ актовъ московскаго правительства. Царская жалованная грамота, данная «войску запорожскому» 27 марта 1654 года, возвѣщала, что московскій государь пожаловалъ гетмана Богдана Хмельницкаго и все войско запорожское, «велѣлъ имъ быти подъ царскаго величества высокою рукою по прежнимъ ихъ правамъ и привиліямъ, каковы имъ даны отъ королей польскихъ и великихъ князей литовскихъ, и тѣхъ ихъ правъ и вольностей нарушивати ничѣмъ не велѣлъ». Перечисливъ важнѣйшія изъ усло-

вленныхъ правъ козачества — свой судъ по своимъ обычаямъ, 60.000-ную численность войска, свободный выборъ гетмана, неотъемлемость земельныхъ имуществъ,—грамота повторяла: «нашимъ царскаго величества подданнымъ, Богдану Хмельницкому, гетману войска запорожскаго, и всему войску запорожскому быти подъ нашею высокою рукою по своимъ прежнимъ правамъ и привиліямъ и по всѣмъ статьямъ, которыя написаны выше сего». Менѣе важныя условія, равно какъ условія, не касавшіяся прямо козачества, не вошли въ жалованную грамоту, но были подтверждены царскими резолюціями подъ гетманскими «статьями», и списокъ такихъ статей съ резолюціями на нихъ былъ врученъ посланникамъ гетмана. Въ тотъ же день, какъ послѣдовала жалованная грамота «войску запорожскому», 27 марта, была выдана и другая жалованная грамота—малорусской православной шляхтѣ. По просьбѣ гетмана и всего войска,—говорилось здѣсь—«мы, великій государь... шляхтѣ, которые пребываютъ въ нашей царскаго величества отчинѣ въ Малой Россіи, велѣли быть подъ нашею царскаго величества высокою рукою по прежнимъ ихъ правамъ и привиліямъ, каковы даны имъ права и привилія и волности отъ королей полскихъ, а волностей ихъ шляхетцкихъ ни въ чемъ нарушивати не велимъ, и старшихъ имъ себѣ на уряды судовые земскіе и градцкіе выбирати межъ себя самимъ, и маетностями своими владѣть поволили, и судитись имъ межъ себя по своимъ правамъ поволили» *). Вслѣдъ затѣмъ нѣсколькимъ городамъ Малороссіи по ихъ просьбамъ были также даны царскія жалованныя грамоты, подтверждавшія имъ магдебургское право, которымъ они пользовались въ періодъ польскаго владычества, и нѣкоторыя другія привилегіи и льготы городского населенія. Наконецъ, рядъ царскихъ жалованныхъ грамотъ былъ выданъ малорусскому духовенству, равно какъ отдѣльнымъ лицамъ изъ среды населенія Малороссіи, которыя пошли по слѣдамъ Богдана Хмельницкаго и обратились къ московскому государю съ просьбами о подтвержденіи за ними прежнихъ или пожалованіи имъ новыхъ имѣній.

Такимъ образомъ, судя по правовымъ нормамъ, установленнымъ въ переговорахъ съ Москвою,—нормамъ, выработаннымъ гетманскимъ правительствомъ и лишь принятымъ въ Москвѣ,—всѣ измѣненія въ соціальной жизни Малороссіи въ моментъ отторженія ея отъ Польши сводились къ численному увеличенію козачества и къ расширенію его правъ и привилегій. Во всемъ остальномъ эта соціальная жизнь и послѣ возстанія, оторвавшаго страну отъ Польши, должна была сохранять свой прежній укладъ со всѣми его характерными чертами. Такъ ли однако было это на дѣлѣ? Нѣсколько конкретныхъ эпизодовъ всего лучше помогутъ намъ отвѣтить на этотъ вопросъ.

*) Акты Ю. и З. Р., X, № 8, сс. 489—494, 495—6.

III.

Во время своихъ переяславскихъ разговоровъ, въ январѣ 1654 года, съ бояриномъ Бутурлинымъ Богданъ Хмельницкій и окружавшая его козацкая старшина настаивали на томъ, чтобы въ Малороссіи и впредь «шляхтичъ былъ шляхтичемъ, а козакъ козакомъ, а мѣщанинъ мѣщаниномъ». Разговоры эти дошли до примкнувшихъ къ возстанію шляхтичей и, повидимому, пробудили въ нѣкоторыхъ изъ нихъ вполнѣ опредѣленныя надежды, которыя они и попытались немедленно реализовать. «Къ боярину Василію Васильевичу—разсказываетъ статейный списокъ Бутурлина—въ Переяславлѣ приходили шляхта и говорили, чтобъ шляхта была межъ козаковъ знатна и судились бы по своимъ правамъ, и маетностямъ бы за ними быть по прежнему. И приносили на писмѣ имена свои, воеводства и уряды себѣ росписали. И бояринъ Василій Васильевичъ говорилъ шляхтѣ, что они то дѣлаютъ непристойнымъ обычаемъ: еще ничего не видя, сами себѣ пописали воеводства и уряды, чего и въ мысль взяти не годилось; и о томъ они, бояринъ Василій Васильевичъ съ товарищами, станутъ говорить гетману; а прежъ сего отъ гетмана государю о томъ челобитья не было. И шляхта били челомъ, чтобъ гетману о томъ не сказывать: мы де такъ писали отъ своей мысли, а не по гетманскому приказу, и то въ волѣ государевѣ: а мы де пошли присягать и попишемъ имена, какъ кого зовутъ» *). Такимъ образомъ одного напоминанія о козацкомъ гетманѣ оказалось достаточно для того, чтобы потушить затѣю шляхтичей въ самомъ ея зародышѣ. Слишкомъ легко было шляхтичамъ представить себѣ, что одно дѣло для гетмана и его старшины было разговаривать о томъ, чтобы «шляхтичъ былъ шляхтичемъ», и другое—вновь видѣть шляхту на тѣхъ воеводствахъ и урядахъ, съ которыхъ ее только что ссадило народное возстаніе. Два съ половиною мѣсяца спустя послѣ этого эпизода царская грамота, данная по просьбѣ гетмана, торжественно подтвердила шляхтѣ и ея имѣнія, и всѣ ея корпоративныя права. Но охотниковъ попытаться воспользоваться этими правами уже не нашлось. Нѣкоторое количество шляхтичей еще имѣлось въ это время въ странѣ: московскіе чиновники, приводившіе къ присягѣ Малороссію, насчитали въ ней около двухъ сотенъ шляхтичей **), а въ дѣйствительности ихъ было, вѣроятно, даже нѣсколько больше. Но, не говоря уже о томъ, что это былъ во всякомъ случаѣ ничтожный по количеству остатокъ еще недавно многочисленнаго и сильнаго класса, и эти наличные шлях-

---

*) Акты Ю. и З. Р., X, № 4, с. 248.
**) Акты Ю. и З. Р., X, № 5, с. 294

тичи безслѣдно тонули въ рядахъ козацкаго войска, въ которое они вынуждены были вступить. Въ результатѣ съ появленіемъ царской грамоты была на-лицо бумага, провозглашавшая права шляхетскаго сословія, но не было класса, который могъ бы сдѣлать реальное употребленіе изъ этой бумаги. И только черезъ сто съ небольшимъ лѣтъ послѣ грамоты 1654 года въ гетманской Малороссіи появились сословные дворянскіе суды, да и то организованные не вполнѣ согласно съ тѣмъ старымъ польскимъ образцомъ, какой указывался грамотой 1654 г.

Нѣчто подобное повторилось и въ другой области. Въ «статьяхъ» Богдана Хмельницкаго, между прочимъ, заключалась просьба о пожалованіи Чигиринскаго староства на гетманскую булаву. Просьба эта была выполнена московскимъ правительствомъ, и данная 27 марта 1654 г. царская грамота повелѣвала «староству чигиринскому со всѣми принадлежностями быть войска запорожскаго при гетманской булавѣ по прежнимъ правамъ и привиліямъ непорушимо» *). Кромѣ того Хмельницкій на словахъ черезъ своихъ посланниковъ просилъ пожаловать уже лично ему г. Гадячъ—«въ вѣчность ему и потомкамъ его». И эта просьба была исполнена, и особой грамотой 27 марта 1654 г. московскій государь пожаловалъ Хмельницкаго, велѣлъ ему и его потомкамъ «тѣмъ городомъ Гадичемъ владѣть такъ, какъ прежъ того г. Гадичъ былъ за прежними вотчинники, со всѣми къ нему принадлежностями». Сверхъ того Хмельницкій черезъ своихъ посланниковъ предъявилъ въ Москвѣ данныя ему польскимъ королемъ въ 1649—50 гг. грамоты на мѣстечки Медвѣдовку и Жаботинъ съ слободкой Каменкой, на ст. Борки и на слободку Новоселки въ Субботовскихъ земляхъ, и всѣ эти имѣнія были также подтверждены ему царскими грамотами **).

Среди козацкой старшины скоро нашлось не мало охотниковъ идти той же дорогой, по какой пошелъ Хмельницкій. И первыми пошли по его стопамъ его посланники въ Москвѣ, войсковой судья Богдановъ и переяславскій полковникъ Тетеря, среди дѣлъ своего посольства не упустившіе случая подать челобитную и о личныхъ своихъ нуждахъ. «Челомъ бьемъ и просимъ—писали они въ этой любопытной челобитной—о привиліяхъ, на хартіяхъ золотыми словами писаныхъ: мнѣ, судьѣ, на мѣстечко Имглѣевъ Старый съ подданными, въ немъ будучими, и со всѣми землями, издавна до Имглѣева належачими, а мнѣ, полковнику, на мѣстечко Смѣлую также съ подданными, въ ней будучими, и со всѣми землями, къ ней належачими... И чтобъ сами были волны въ своихъ подданныхъ какъ хотя ими урежати и обладати, мы и дѣти и наслѣдники наши, которые бы имѣли отъ насъ тѣ маетности

*) Акты Ю. и З. Р., X., № 8, с. 497.
**) Тамже, сс. 498, 462—3, 464—5, 499, 500—501.

одержати, и чтобъ до нихъ никто, кромѣ насъ и наслѣдниковъ нашихъ, никакова дѣла не имѣлъ вѣчными времены. Также чтобъ намъ волно было на тѣхъ земляхъ своихъ... людей селить, какъ которые будутъ приходити, мелницы ставити и всякіе пожитки, какіе ни будь прежде были и какіе сами можемъ привлащить и вымыслить, приспособляючи, безъ всякой въ томъ ни отъ кого помѣшки. Также и о томъ челомъ бьемъ, чтобы намъ волно было всякія питья для своихъ подданныхъ держати, вино курити и откупъ, какъ извычай есть на Украйнѣ, имѣти и при всемъ томъ извычаю, какъ въ томъ краю ведетца, пребывати. А намъ на волю, просимъ, пусть будетъ либо въ списку войска запорожскаго быти и съ нимъ службу отдавать, либо, въ присудкѣ воеводства града и земства кіевскаго будучи, въ службу его царскому величеству такую, какъ земяня и шляхта кіевскаго воеводства, исполняти и ровно съ ними тѣмъ же правомъ противъ потверженыхъ привиліемъ его царскаго величества правъ, судитися». Въ заключеніе своей просьбы челобитчики увѣряли, что они «тутъ ничего мимо дѣла не писали, но по извычаю, какъ тамъ въ тѣхъ краяхъ ведетца». И эта просьба также была исполнена, по крайней мѣрѣ, въ той ея части, которая касалась пожалованія просителей имѣньями: Богдановъ и Тетеря получили царскія грамоты, отдававшія «въ маетность» имъ и дѣтямъ ихъ желанныя ими мѣстечки «со крестьяны и со всѣми угодьи» *).

Богдановъ и Тетеря, мечтая стать владѣльцами имѣній, и при томъ даже не селъ, а цѣлыхъ мѣстечекъ, одновременно задумывали перейти изъ козаковъ въ шляхту. Другіе члены козацкой старшины просили только объ имѣніяхъ, но на послѣднія размахивались еще шире. Иванъ Ничипоровичъ Золотаренко, назначенный отъ Хмельницкаго наказнымъ гетманомъ надъ отрядомъ козацкаго войска, участвовавшимъ въ походѣ царя Алексѣя Михайловича въ 1654 г. подъ Смоленскъ, въ томъ же 1654 году обратился къ царю съ просьбой пожаловать ему «мѣсто Батуринъ со всѣми волостями, до того мѣста належачими». Просьба была удовлетворена, и царь велѣлъ «дать грамоту владѣть ему и женѣ его и дѣтямъ». Вслѣдъ за тѣмъ братъ Ивана, нѣжинскій полковникъ Василій Золотаренко, въ свою очередь обратился къ царю съ просьбою «за услуги и вѣрное подданство» пожаловать его «мѣстечкомъ Новыми Млинами съ деревнями и мелницами и со всякими угодьи, которое нынѣ недавными времены поселилося вновь на р. Сеймѣ», и эта просьба также была исполнена. Въ 1655 году Иванъ Золотаренко подъ тѣмъ предлогомъ, что мѣстечко Батуринъ «въ нынѣшнемъ году попущеніемъ Божіимъ все сгорѣло», просилъ государя «къ прежней дачѣ» пожаловать его еще «мѣстечкомъ Борзною и съ приселками его», а брата его, Васи-

*) Тамже, сс. 487—8, 501—2.

лія, «мѣстечкомъ Меною, также съ принадлежностями», и эти имѣнія, «опричь козаковъ», опять-таки даны были просителямъ царскими грамотами «въ маетность». Въ томъ же году Ив. Золотаренко просилъ для себя еще мѣстечко Глуховъ и получилъ царскую грамоту и на него. Въ то же самое время стародубскій полковникъ Тимофей Оникіенко просилъ государя: «пожалуй меня за мою службу и радѣнье мѣстечкомъ Сосницею близко брата моего, наказного гетмана Ивана Никифоровича, и мѣстечка его Батурина, чтобъ мнѣ близко братей моихъ Ивана и Василья житіе имѣть». И Сосница, «опричь козаковъ», была отдана царской грамотой Оникіенку **). Такимъ образомъ за два года значительная часть средняго теченія р. Сейма съ расположенными здѣсь крупными мѣстечками и селами была отдана во владѣніе семьи Золотаренковъ, и въ рукахъ одного только Ивана Золотаренка оказались царскія грамоты на три мѣстечка съ деревнями и приселками.

Не менѣе торопливо шли по этой дорогѣ и нѣкоторые другіе члены козацкой старшины. Кіевскій полковникъ Антонъ Ждановичъ въ 1656 г. просилъ московскаго государя дать ему свою жалованную грамоту на «впустѣ будучіе мѣстечки въ повѣтѣ кіевскомъ»—на «Обоховку, Германовку и Любечъ да село Королевку со всѣми издавна къ нимъ принадлежностми» *). Еще большую стремительность въ этомъ направленіи проявилъ ближайшій помощникъ Богдана Хмельницкаго, войсковой писарь Иванъ Выговскій, со своими родственниками. До насъ дошелъ,—правда, въ не совсѣмъ полномъ видѣ,—составленный въ Москвѣ въ 1654 г. перечень царскихъ грамотъ на имѣнія, данныхъ семьѣ Выговскихъ. Согласно этому перечню, отецъ войскового писаря, шляхтичъ Евстафій Игнатьевичъ Выговскій, получилъ жалованную грамоту на прежвія свои маетности. Самому Ивану Выговскому даны были грамоты на г. Остеръ съ селами, на мѣстечки Козелецъ, Бобровицы, Триполье и Стайки, на села Лѣсовичи, Кошеватое и другія, наконецъ, на г. Роменъ «съ селы и со всякими доходы и со всякими угодьи». Брату Ивана, Данилу Выговскому, дана была грамота на г. Прилуки и на мм. Борисполь, Барышевку, Воронковъ, Басань, Бѣлгородку и Рожево «съ селы и со всякими доходы и со всякими угодьи». Третій изъ братьевъ Выговскихъ, Константинъ, получилъ грамоту на имѣнія Казарь и Кобыщу. Наконецъ, шурину Ивана Выговскаго, шляхтичу Ивану Боглевскому, дана была грамота на прежнія его маетности—мѣстечко Глинское и село Княжую Луку **),

---

*) Акты Ю. и З. Р., XIV, № 7, сс. 171—4; № 23, сс. 605—6; № 35, сс. 785—6; № 35, сс. 783—4.

**) Акты Ю. и З. Р., III, № 354, с. 511.

***) Акты Ю. и З. Р., XV, № 1, сс. 1—4

Такимъ образомъ, едва только Малороссія перешла подъ власть Москвы, и вмѣстѣ съ тѣмъ прежнее право польскаго короля на раздачу имѣній въ странѣ было перенесено на московскаго государя, какъ часть козацкой старшины постаралась использовать это право въ своихъ интересахъ. Въ странѣ, только что цѣною напряженныхъ усилій и цѣлыхъ потоковъ крови освободившейся отъ старыхъ владѣльцевъ имѣній и «подданныхъ», появились лица, пріобрѣтавшія новыя права на тѣ же имѣнія и тѣхъ же «подданныхъ». И эти новыя права были очень обширны. Въ короткое время немалая часть Малороссіи была роздана царскими грамотами въ частное владѣніе, причемъ въ него отдавались не только села и деревни, но и мѣстечки и даже крупные города. Отдѣльные представители козацкой старшины успѣли при этомъ собрать въ своихъ рукахъ царскія грамоты на весьма значительныя владѣнія. Съ своей стороны московское правительство, выдавая такого рода грамоты по просьбамъ лицъ, занимавшихъ наиболѣе видныя и отвѣтственныя мѣста въ гетманской администраціи, врядъ-ли могло сомнѣваться въ томъ, что оно дѣйствуетъ въ данномъ случаѣ «по извычаю, какъ въ тѣхъ странахъ ведется». Еще менѣе, конечно, могло оно на первыхъ порахъ сомнѣваться въ томъ, что выпрашиваемыя у него и выдаваемыя имъ грамоты имѣютъ въ Малороссіи полную силу и сообщаютъ своимъ обладателямъ права, реализація которыхъ не встрѣчаетъ никакихъ серьезныхъ затрудненій. Но довольно скоро ему пришлось убѣдиться, что дѣло обстоитъ не совсѣмъ такъ.

Въ 1657 г. Павелъ Тетеря, вновь пріѣхавшій въ Москву посланникомъ отъ Богдана Хмельницкаго, привезъ съ собою, между прочимъ, новыя челобитныя отъ Выговскихъ. Иванъ Выговскій просилъ на этотъ разъ, чтобы государь далъ ему имѣнія въ Бѣлоруссіи, принадлежавшія раньше его покойному тестю, Богдану Статкевичу, бывшему новгородскому каштеляну, и чтобы Константину Выговскому также были даны имѣнія въ Бѣлоруссіи, находившіяся прежде во владѣніи его тестя Мещерина. Въ Москвѣ нашли эту просьбу уже чрезмѣрной, и Тетерѣ въ Посольскомъ приказѣ было указано, что «государь пожаловалъ его, писаря, и отца его и братью болшими городами и маетностями, и имъ изъ того мочно жить безъ нужды; а тѣ Статкевичевы маетности розданы шляхтѣ присяжной, а у нихъ назадъ взять нельзя». У Тетери, однако, нашелся неожиданный аргументъ. «Хотя—заявилъ онъ—царское величество его и писаря, и отца его, и братью и пожаловалъ, только де они тѣмъ ничѣмъ не владѣютъ, опасаясь отъ войска запорожскаго». Московское правительство въ это время собиралось отправить въ Малороссію для пріема ея доходовъ кн. Трубецкого, и Тетерю въ приказѣ стали успокаивать, что «нынѣ, какъ будутъ въ войскѣ запорожскомъ царскаго величества ближней бояринъ кн. А. Н. Трубецкой съ товарыщи и о тѣхъ маетностяхъ, чѣмъ кого

царское величество пожаловалъ, объявятъ, и имъ мочно будетъ, съ вѣдома войска запорожскаго, тѣмъ всѣмъ владѣть свободно». Однако эти обѣщанія не успокоили, а, напротивъ, взволновали гетманскаго посланника. «И Павелъ Тетеря говорилъ, чтобы де царское величество въ войско ни про что про то, чѣмъ кто отъ его царскаго величества пожалованъ, объявляти не велѣлъ, потому что про то и гетманъ Богданъ Хмелницкой не вѣдалъ; а только де въ войскѣ про то свѣдаютъ, что онъ писарь съ товарыщи упросили себѣ у царскаго величества такіе великіе маетности, и ихъ де всѣхъ тотчасъ побьютъ, а учнутъ говорить: они де всѣмъ войскомъ царскому величеству служили и за него государя помирали, а маетности выпросили себѣ они одни писарь съ товарыщи. Да они же де учнутъ говорить, чтобы всѣми городами и мѣсты, которые въ войскѣ запорожскомъ, владѣть одному царскому величеству, а имъ, опричь заплаты, ничто не надобно». Поэтому Тетеря вновь просилъ дать имѣнія Выговскимъ «въ литовскихъ краяхъ». «А въ войскѣ запорожскомъ—рѣшительно прибавлялъ онъ—владѣть имъ ничѣмъ нельзя». И тѣмъ не менѣе самъ Тетеря тутъ же «билъ челомъ» въ приказѣ: «дана ему царского величества жаловалная грамота на м. Смѣлую, и та де грамота была у него схоронена въ землю, опасаясь разоренья, и попортилась, и чтобъ царское величество пожаловалъ, велѣлъ ему тое свою государеву жаловалную грамоту переписать на харатьѣ; а въ войскѣ бъ де про то не являть же»*).

Этотъ эпизодъ достаточно ясно раскрываетъ дѣйствительное значеніе царскихъ грамотъ, дававшихся на имѣнія въ Малороссіи въ первый моментъ послѣ присоединенія ея къ Москвѣ. Часть козацкой старшины—въ значительной мѣрѣ та же самая, которая мечтала о сохраненіи въ странѣ шляхетскаго сословія со всѣми его правами и преимуществами,—задумывала обратиться при помощи московской власти во владѣльцевъ болѣе или менѣе крупныхъ населенныхъ имѣній. Но, питая такого рода замыслы и предпринимая даже столь серьезные съ виду шаги для ихъ осуществленія въ жизни, какъ пріобрѣтеніе царскихъ грамотъ на имѣнія, она не могла въ сущности проявлять эти свои стремленія сколько-нибудь открыто, рискуя иначе вызвать серьезное движеніе противъ себя въ рядахъ того «войска запорожскаго», офиціальной представительницей котораго она являлась. Такъ складывалось оригинальное положеніе. Отдѣльныя лица изъ рядовъ старшины пріобрѣтали въ Москвѣ права на имѣнія, но эти какъ будто вполнѣ законно пріобрѣтаемыя права не только не могли найти себѣ признанія тамъ, гдѣ они должны были примѣняться, а даже способны были въ случаѣ ихъ предъявленія стать источникомъ большой и серьезной опасности для своихъ обладателей. Послѣдніе

*) Акты Ю. и З. Р., XI, Прибавленія, № 2, сс. 717—20, 764—5.

поэтому и не предъявляли ихъ, запасаясь ими больше въ разсчетѣ на неопредѣленное будущее. Въ настоящемъ же владѣльцы такихъ царскихъ грамотъ, вмѣсто того, чтобы объявлять ихъ населенію, котораго онѣ непосредственно касались, старались, наоборотъ, всячески скрывать ихъ отъ него, и въ старшинскихъ сундукахъ, а порой землѣ, мирно покоились царскія грамоты, отдававшія въ частное владѣніе цѣлый рядъ селъ, мѣстечекъ и городовъ, жители которыхъ и не подозрѣвали объ этомъ. И въ этомъ случаѣ документы, вполнѣ согласные съ условіями, на которыхъ Малороссія офиціально присоединилась къ Москвѣ, рѣзко расходились однако съ дѣйствительными отношеніями, сложившимися въ странѣ, и въ виду этого оставались лишь мертвой буквой.

То же самое повторилось и еще въ одномъ вопросѣ, получившемъ, казалось, вполнѣ опредѣленное и твердое рѣшеніе въ мартовскихъ переговорахъ 1654 года,—вопросѣ о численномъ составѣ козачества и объ отношеніяхъ послѣдняго къ другимъ группамъ населенія. Въ основу рѣшенія этого вопроса были опять-таки всецѣло положены нормы, предложенныя самимъ малорусскимъ гетманомъ. Хмельницкій просилъ, чтобы число козацкаго войска было установлено въ 60.000 человѣкъ, и московское правительство согласилось на это. Хмельницкій предложилъ отдѣлить козаковъ отъ крестьянъ—московское правительство опять согласилось и обязало гетмана доставить въ Москву списокъ козаковъ за своею рукою, подобно тому, какъ раньше такіе списки козаковъ посылались въ Варшаву. И неожиданно оказалось, что всѣ эти торжественныя условія и обязательства остались только на бумагѣ.

Гетманскіе посланники, бывшіе въ Москвѣ въ 1654 г., какъ мы видѣли выше, усиленно настаивали на опредѣленіи козацкому войску денежнаго жалованья. Съ своей стороны московское правительство, сперва не соглашавшееся на такое жалованье, затѣмъ дало на него свое условное согласіе, отложивъ однако окончательный указъ по этому вопросу до выясненія размѣра ожидаемыхъ съ Малороссіи доходовъ. Но такое условное рѣшеніе не удовлетворило гетманскихъ посланниковъ, и они обратились къ царю съ особой челобитной, въ которой опять просили о немедленномъ назначеніи жалованья войску, хотя бы и не въ такомъ размѣрѣ, какой они указывали раньше. «Какъ столники твоего царскаго величества по городахъ къ вѣрѣ приводили, сказывали то, что войску запорожскому денги будутъ, и нынѣ во всѣхъ городѣхъ такова слава пошла—писали Богдановъ и Тетеря.—А если бы мы имѣли, того не умоливши у твоего царскаго величества, возвратитися, не вѣдаемъ, какъ имѣемъ мы, посланники, очи войску показати, и подлинно войско все по неволѣ имѣло бы ся велми засмутити, понеже не такъ идетъ войску запорожскому о денгахъ, какъ идетъ о славѣ». Повторяя, что войску запорожскому и прежде

всегда платили, посланники завѣряли, что малорусскихъ доходовъ не только хватитъ на жалованье войску, но еще «и сверхъ того въ казну твоего царскаго величества можетъ остатися» *). Эти настоянія произвели свое дѣйствіе на московское правительство и оно, оставивъ въ силѣ на будущее время свое прежнее постановленіе, рѣшилось въ настоящемъ прибѣгнуть къ временной мѣрѣ, явившейся своего рода компромиссомъ: отправленной въ апрѣлѣ 1654 года государевой грамотой Хмельницкому предписывалось «послать собрать на писаря и на списковыхъ на ясауловъ, и на обознаго, и на судей, и на полковниковъ, и на сотниковъ, и на козаковъ на 60.000 человѣкъ наше царскаго величества жалованье Малые Росіи со всѣхъ городовъ и съ мѣстъ и съ уѣздовъ и всякихъ арендъ и оброчные денги противъ прежнихъ звычаевъ, какъ и какими людми збирано напередъ сего, и роздать имъ, по чему доведетца» **). Еще раньше въ Москвѣ было рѣшено послать козакамъ экстренное жалованье отъ государя изъ московской казны въ видѣ какъ бы подарка при принятіи въ подданство. Часть этихъ денегъ, приходившаяся на 18.000-ный козацкій отрядъ, дѣйствовавшій вмѣстѣ съ московскимъ войскомъ въ Литвѣ, была отправлена изъ Москвы въ іюлѣ 1654 года въ походъ къ государю, а остальная сумма на 42.000 козаковъ еще въ іюнѣ была послана съ дворяниномъ Протасьевымъ къ Богдану Хмельницкому. Но здѣсь Протасьева встрѣтила полная неожиданность. Оказалось, что послѣ всѣхъ настойчивыхъ хлопотъ о жалованьѣ козакамъ гетманъ и старшина никакъ не могутъ рѣшиться роздать имъ уже присланное жалованье.

Явившись къ Хмельницкому, Протасьевъ, слѣдуя своему наказу, потребовалъ было роспись 42.000 козаковъ, по которой онъ могъ бы роздать всѣмъ имъ государево жалованье. Гетманъ обѣщалъ посовѣтоваться объ этомъ съ полковниками и вслѣдъ затѣмъ прислалъ къ Протасьеву нѣсколько человѣкъ старшины, которые съ большими предосторожностями, выславъ изъ шатра всѣхъ остальныхъ своихъ и московскихъ людей, объяснили гонцу, что не только такой росписи нѣтъ на-лицо, но и составить ее въ настоящее время нѣтъ возможности. «Природили де — передавалъ Протасьевъ данныя ему объясненія въ Москву — гетманъ и полковники такъ, что такой росписи нынѣ учинить на 60.000 никакими обычаи не умѣть, потому: нынѣ де, государь, они, козаки, собрались противъ твоего государева непріятеля большимъ сборомъ, кто былъ и не козакъ, и тотъ нынѣ козакъ, а всѣ де они ставятца въ равеньствѣ козаками; а которые де были у нихъ напередъ сего козаки лестровые, какъ писаны были подъ Сборажемъ, и тѣ де люди многіе побиты и померли, а послѣ де того они войску запорожскому лестра не

*) Акты Ю. и З. Р., X, № 8, с. 485.
**) Тамже, сс. 568—9.

дѣлали и не переписывали... Пошли они нынѣ противъ твоего государева непріятеля, полского короля, всѣми своими головами безъ списковъ, нынѣ де ихъ есть въ сборѣ со 100.000 и болши, и того де, государь, нынѣ учинити роспись 60.000 и писати росписи выборомъ никакъ не умѣть, потому: у нихъ де, государь, въ войскѣ будетъ рознь и смута большая; которые не будутъ написаны въ лестру, и тѣ де всѣ пойдутъ по домомъ своимъ и служить не похотятъ, и у нихъ де въ запорожскомъ войскѣ людей будетъ мало и стати противъ непріятеля не съ кѣмъ». Ища выхода изъ создавшагося труднаго положенія, войсковой судья Богдановъ предложилъ было миргородскому полковнику Григорію Лѣсницкому, чтобы полковники взяли присланныя деньги къ себѣ и роздали каждый у себя въ полку, по скольку придется на человѣка. «И миргородцкой, государь, полковникъ—разсказывалъ Протасьевъ—на судью Самойла зашумѣлъ съ великою досадою: то де вы хотите того, чтобъ насъ полковниковъ козаки побили? вѣдаешь де, какіе у насъ люди самоволные? кому де государева жалованья недостанетъ, и они де чаютъ, что мы полковники тѣмъ завладѣли сами; не толко де имъ, полковникомъ, взяти на полчанъ своихъ твое государево жалованье, и имъ де, полковникомъ, и своихъ золотыхъ, что прислано къ нимъ твое государево жалованье, для всего войска взяти не умѣть». Въ концѣ концовъ старшина предложила Протасьеву оставить присланную казну у гетмана. Протасьевъ написалъ въ Москву, но и тамъ не нашли другого выхода *).

Общей переписи козаковъ, которая строго отграничила бы козачество отъ другихъ общественныхъ группъ и прочно закрѣпила бы численность козацкаго войска, не было произведено въ Малороссіи и въ слѣдующіе годы гетманства Хмельницкаго. И когда, послѣ смерти Богдана Хмельницкаго стольникъ Кикинъ, ѣхавшій изъ Москвы на раду, которая должна была избрать новаго гетмана, по дорогѣ разспрашивалъ козаковъ, получаютъ ли они въ походахъ жалованье, и извѣстно ли имъ объ условіяхъ, устанавливающихъ такое жалованье и опредѣляющихъ количество козацкаго войска, собесѣдники говорили ему, что они объ этомъ «не вѣдаютъ и по ся мѣстъ». «А насъ козаковъ—прибавляли они—въ войску запорожскомъ и нынѣ есть съ триста тысячъ» **). Вмѣстѣ съ тѣмъ не была осуществлена при Хмельницкомъ и другая мѣра, предположенная въ условіяхъ, принятыхъ его посланцами въ Москвѣ,— передача малорусскихъ доходовъ въ казну московскаго государя. Московское правительство уже въ маѣ 1654 года собралось было отправить въ Малороссію дворянъ для описи и пріема ея доходовъ

---

*) Акты Ю. и З. Р., X, № 15, сс. 685—8, 683—6, 693—7; см. письмо Ив. Выговскаго къ боярину В. В. Бутурлину объ этомъ эпизодѣ — тамже, XIV, № 1, с. 50.

**) Акты Ю. З. Р., XI, Прибавленія, № 3. VI, с. 806.

и составило даже соотвѣтствующую инструкцію для одного изъ такихъ дворянъ—стольника Лодыженскаго. Однако эта посылка по просьбѣ гетмана была въ виду военнаго времени отложена, а вмѣстѣ съ ней было отложено и все рѣшеніе вопроса о малороссійскихъ доходахъ *). Вновь поднятъ былъ этотъ вопросъ съ московской стороны въ 1657 г., когда отправленному къ гетману окольничему Ѳ. Бутурлину поручено было указать Хмельницкому, что, хотя его посланники въ 1654 г. заключили условіе о томъ, чтобы въ большихъ городахъ Малороссіи, Кіевѣ, Черниговѣ, Переяславлѣ и Нѣжинѣ, были царскіе воеводы и къ нимъ, равно какъ къ приказнымъ людямъ, доставлялись бы собранные мѣстными сборщиками доходы, но государь «Малыя Росіи въ городѣхъ указалъ быти своимъ воеводамъ толко въ одномъ городѣ Кіевѣ, а въ иныхъ городѣхъ воеводъ и по се время нѣтъ, а доходовъ никакихъ царское величество со всѣхъ городовъ Малыя Росіи, опричь кіевскихъ малыхъ доходовъ, въ свою казну ничего не имывалъ, и тѣ всѣ городы Малой Росіи вѣдаешь и съ тѣхъ городовъ всякіе доходы збираешь на себя ты же, гетманъ». Но Хмельницкій за истекшіе годы успѣлъ лучше освоиться съ своимъ положеніемъ и на приведенный упрекъ отвѣтилъ неожиданной для Москвы репликой. «А судьѣ де Самойлу и полковнику Тетерѣ—передавалъ отвѣтъ Хмельницкаго статейный списокъ Ѳ. Бутурлина—онъ, гетманъ, не приказывалъ и въ мысли у него не было, чтобъ царское величество въ большихъ городѣхъ, въ Черниговѣ, въ Переяславлѣ, въ Нѣжинѣ, велѣлъ быти своего царскаго величества воеводамъ, а доходы бы, сбирая, отдавати царскаго величества воеводамъ. Будучи онъ, гетманъ, на трактатѣхъ царскаго величества съ ближнимъ бояриномъ В. В. Бутурлинымъ съ товарищи, только домолвили, что быти воеводамъ въ одномъ г. Кіевѣ... А доходы де въ Малой Росіи небольшіе, а которые къ нему съ которыхъ городовъ и пришлютъ, и то все расходится на кормы посломъ и посланникомъ разныхъ государствъ и на всякіе войсковые потребы» **). Такимъ образомъ гетманъ теперь совершенно устранялъ вопросъ о передачѣ доходовъ Малороссіи въ московскую казну, оставляя ихъ всецѣло въ своемъ собственномъ завѣдываніи.

Съ своей стороны московское правительство не склонно было однако такъ легко помириться съ этимъ. Въ 1657 году въ Москвѣ опять находился въ качествѣ гетманскаго посланника переяславскій полковникъ Тетеря, и къ нему обратились съ разспросами, собираетъ ли гетманъ поборы съ селъ и городовъ Малороссіи и платитъ ли условленное денежное жалованье козацкой старшинѣ и рядовымъ козакамъ. Тетеря сообщилъ, что, хотя нѣкоторые поборы и собираются полковниками, передающими часть собраннаго гетману,

*) Тамже, X, № 15, с. 665—6 и № 16, стр. 760—2.
**) Тамже, III, № 369, сс. 567, 569.

но «уставныхъ поборовъ по се время не збирывано и заплаты началнымъ людемъ и козакомъ не давывано». На дальнѣйшіе вопросы о размѣрѣ возможныхъ доходовъ Тетеря объяснилъ, что одними только поборами «войску запорожскому заплата будетъ и слишкомъ, а аренды всѣ учнутъ сбиратца въ государеву казну»: «а хотя де тѣ поборы учнуть сбирать со всякого крестьянского двора по золотому полскому или по два, и того де сберетца не мало, про то де ему Павлу вѣдомо подлинно, потому что онъ самъ въ воеводствѣ кіевскомъ сбиралъ поборы и собралъ съ кіевскаго воеводства со 120.000 золотыхъ полскихъ, а русскихъ числомъ 20.000 рублевъ». Утверждая, что передача, согласно условіямъ 1654 года, малорусскихъ доходовъ въ государеву казну съ выплатой изъ нихъ жалованья козацкому войску будетъ встрѣчена населеніемъ Малороссіи сочувственно, Тетеря намѣчалъ для московскаго правительства и планъ проведенія этой мѣры въ жизнь: «чтобъ государь — проектировалъ гетманскій посланникъ—изволилъ послѣ нынѣшняго времени, какъ война престанетъ, послать къ гетману и ко всему войску своихъ пословъ и, пріѣхавъ къ гетману, велѣть ему собрать полковниковъ и ясауловъ и всѣхъ началныхъ людей и учинить рада, и чтобы при всѣхъ людехъ та царскаго величества милость объявить и статьи вычесть; и хотя де гетману то будетъ и нелюбо, толко де войску всему то будетъ годно»*).

Въ тотъ моментъ, когда Тетеря давалъ эти совѣты и указанія московскому правительству, Богдана Хмельницкаго уже не было на свѣтѣ, и только до Москвы не успѣла еще дойти вѣсть объ этомъ. Дальнѣйшіе переговоры приходилось вести уже съ новымъ гетманомъ, и они, казалось, облегчались тѣмъ обстоятельствомъ, что статьи 1634 г. были оглашены на избирательной радѣ и встрѣтили на ней, повидимому, общее сочувствіе **). Съ другой стороны, вслѣдъ за избраніемъ въ гетманы Выговскаго, послѣдній, обезпокоенный тѣмъ протестомъ, какой встрѣчала его власть въ наиболѣе демократическихъ слояхъ козачества, нашедшихъ себѣ вождя въ полтавскомъ полковникѣ Мартынѣ Пушкарѣ, охотно давалъ свое согласіе на присутствіе въ «большихъ городахъ» Малороссіи царскихъ воеводъ съ ратными людьми, и самъ поднялъ вопросъ о скорѣйшемъ производствѣ общей переписи козаковъ. «Понеже—писалъ онъ въ 1658 г. въ наказѣ своимъ посланцамъ въ Москву, миргородскому полковнику Гр. Лѣсницкому съ товарищами,—болшая не удаетца къ смятеніямъ черезъ то причина, что безъ прямой войско зостаетъ по се время переписки, просить о томъ будетъ панъ полковникъ миргородцкій, чтобы его царское величество, пославъ съ своей стороны, учинити рос-

*) Акты Ю. и З. Р., XI, Прибавленія, № 2. VIII, сс. 743—5.

**) См. разсказъ присутствовавшаго на радѣ стольника Кикина—тамже, № 3. VI, с. 802.

пись велѣлъ, чтобъ, не будучи въ росписи, не уступались въ непотребныя волности и съ тѣхъ мѣръ, еслибъ ихъ о томъ усмирять хотѣли старшіе, бунтовъ не вчиняли» *). Въ Москвѣ на этотъ разъ нѣсколько даже смутились такимъ предложеніемъ и стали разспрашивать посланцовъ, подлинно ли гетманъ приказалъ имъ просить присылки царскихъ коммисаровъ для переписки козаковъ, и не будетъ ли отъ такой переписи бунта или какой помѣшки. Лѣсницкій съ товарищами завѣряли, что «буде великій государь изволитъ нынѣ послать въ войско запорожское комисаровъ и всему войску учинить реистръ, и тому де дѣлу помѣшки никакіе не будетъ: войско будетъ войскомъ; нынѣ де много именуетца козаковъ, какъ реистру нѣтъ; а какъ де учнутъ писать въ реистръ, и прямыхъ де старыхъ служилыхъ козаковъ только бъ съ то число съ 60.000 и было; а то де всѣ гультяи и не прямые козаки, и бунту за то всчинати имъ не за что». «А комисаровъ бы—не совсѣмъ послѣдовательно прибавляли гетманскіе посланники—изволилъ великій государь послать людей мочныхъ и при нихъ служилыхъ людей, чтобъ войску было страшно и бунтовъ бы никто всчинать не дерзалъ и не смѣлъ» **).

Во всякомъ случаѣ теперь, казалось, не было больше препятствій со стороны гетмана для осуществленія выработанныхъ въ 1564 г. условій. И попытка такого осуществленія была сдѣлана. Собираясь въ апрѣлѣ 1658 года отправить въ Малороссію боярина В. Б. Шереметева, московское правительство снабдило его инструкціей, согласно которой онъ долженъ былъ «говорити гетману и полковникомъ и сотникомъ и всему войску о числѣ войска запорожскаго, чтобы учинили смотръ и выбрать въ реестровые козаки 60.000 козаковъ, которые служатъ давно, а которые мѣщане или пашенные крестьяне записались въ козаки вновь, и тѣмъ бы быть въ прежнихъ своихъ чинахъ, а съ козаками бы имъ не мѣшатца». Вмѣстѣ съ гетманомъ и старшиной въ этомъ смотрѣ и разборѣ козаковъ долженъ былъ принять участіе и самъ Шереметевъ. «А которые козаки—продолжала инструкція—за спискомъ будутъ въ лишкѣ, и тѣхъ, поговоря съ гетманомъ, устроить на пашню; а которые получше, и ихъ въ мѣщаня». Въ случаѣ, еслибы при этомъ въ Малороссіи былъ поднятъ вопросъ о жалованьѣ козакамъ, Шереметеву предписывалось отвѣчать, что оно будетъ даваться имъ во время походовъ изъ сборовъ съ малорусскихъ городовъ. Одновременно Шереметеву поручалось привести въ извѣстность и эти сборы въ томъ видѣ, какъ они практиковались при польскихъ короляхъ, для чего онъ долженъ былъ либо взять росписи сборовъ у гетмана, либо разспросить о нихъ въ городахъ мѣщанъ и ихъ выборныхъ людей. Такимъ же путемъ предписывалось собрать свѣдѣнія и о томъ,

*) Акты Ю. и З. Р., VII, № 76, с. 212.
**) Тамже, IV, № 61, сс. 108—9.

«сколько къ которому уѣзду и въ уѣздѣ крестьянскихъ дворовъ и что съ нихъ на короля и на пановъ радъ какихъ доходовъ денежныхъ и хлѣбныхъ сбиралось, или гдѣ на пана пахали пашни и сколько гдѣ пахали». Переписавъ по собраннымъ свѣдѣніямъ всѣ доходы и угодья, Шереметевъ долженъ былъ «приказати въ королевскихъ и въ панскихъ и въ кляшторскихъ городѣхъ и мѣстѣхъ доходы всякіе сбирати тѣхъ городовъ и уѣздовъ войтамъ и бурмистрамъ и райцамъ и лавникамъ и отдавать въ казну сполна тѣмъ людемъ, которые для той казны по совѣту всѣхъ выбраны будутъ». Насчетъ же того, гдѣ и подъ чьимъ надзоромъ хранить эту казну и, въ частности, тѣ остатки ея, которые будутъ получаться послѣ роздачи жалованья козакамъ за походное время, Шереметевъ долженъ былъ поговорить съ гетманомъ *). Но, повидимому, московское правительство не черезчуръ сильно вѣрило въ успѣхъ миссіи Шереметева. По крайней мѣрѣ, почти одновременно съ составленіемъ инструкцій для послѣдняго оно прибѣгло къ другой, крайне оригинальной мѣрѣ, снабдивъ посылаемыхъ имъ въ малорусскіе города воеводъ секретными инструкціями съ предписаніемъ втайнѣ отъ жителей произвести описаніе страны, которое дало бы московскимъ властямъ свѣдѣнія какъ объ ея доходахъ, такъ и объ обычаяхъ и настроеніи ея населенія **). Въ этой своеобразной мѣрѣ какъ бы сказывалось уже предчувствіе неудачи предпріятія, возлагавшагося на Шереметева.

И задуманное предпріятіе, дѣйствительно, не удалось осуществить. Подъ кажущейся уступчивостью Выговскаго на самомъ дѣлѣ

*) Тамже, VII, № 75, сс. 202–4.

**) Въ „памяти", данной стольнику А. П. Чирикову, отправленному 26 апрѣля 1658 г. воеводой въ Полтаву, говорилось: „будучи ему въ Плотавѣ, провѣдать тайнымъ обычаемъ, чтобъ того никто не вѣдалъ, кто у нихъ нынѣ въ Плотавѣ со всякихъ товаровъ собираетъ всякую пошлину и съ арендовъ и съ мельницъ и съ иныхъ со всякихъ промысловъ откупные денги, и на кого збираютъ: на гетмана ль, или на полковника или на какіе войсковые расходы, или бурмистры и войты корыстуютца сами, и сколько чаять тѣхъ всякихъ поборовъ въ Плотавѣ и въ городахъ плотавского полку зберетца въ годъ, и много ль тѣхъ будетъ городовъ которые къ плотавскому полку, и какъ тѣ городы имянуютца, и какъ наперѣдъ сего, какъ они были за королемъ, у нихъ суды отправлялись, какимъ правомъ, и какъ у нихъ были королевскіе уряды, какими расправными дѣлы они ихъ вѣдали, и съ чего какіе денежные и хлѣбные поборы на короля збираны ль, и по чему у нихъ на короля всякихъ денежныхъ и хлѣбныхъ запасовъ збиралось въ годъ, и съ кѣмъ тѣ поборы къ королю отсылались, и про иные про всякіе вѣсти и извычаи, какъ у нихъ дѣлалось при королѣ, и которые дѣла были имъ любы или нелюбы, и какими обычаи они нынѣ живутъ, по прежнему ль или у нихъ полковники какіе дѣла и извычаи ввели вновь, и будетъ что ввели вновь, и то имъ любо ль или не любо, и что не любо". Такія же „памяти" даны были и другимъ „черкасскихъ городовъ воеводамъ", и „велѣно имъ тѣ памяти держать у себя тайно, чтобъ ихъ никто у нихъ не вѣдалъ". Акты Ю. и З. Р., XV, № 3, с. 158.

скрывалось лишь стремленіе совершенно порвать съ Москвою, и, когда онъ, наконецъ, сбросилъ съ себя маску и открыто попытался вновь возсоединить Малороссію съ Польшей, московскому правительству пришлось на время забыть о своихъ настояніяхъ насчетъ точнаго выполненія условій 1654 г. и думать только объ удержаніи Малороссіи въ своемъ подданствѣ. Правда, въ первыя минуты послѣ полученія извѣстій объ измѣнѣ Выговскаго въ Москвѣ не предполагали отказываться отъ сдѣланныхъ уже по отношенію къ Малороссіи шаговъ. Наоборотъ, въ эти первыя минуты московское правительство не только собиралось потребовать отъ новаго гетмана немедленнаго исполненія того, что обѣщалъ Выговскій,—переписи и разбора козаковъ и введенія царскихъ воеводъ въ «большіе города» Малороссіи,—но задумало даже новый и чрезвычайно серьезный шагъ въ видѣ требованія совершеннаго исключенія изъ территоріи гетманской Малороссіи Сѣверской земли съ городами Новгородъ-Сѣверскомъ, Черниговымъ, Стародубомъ и Почепомъ, какъ старинныхъ областей Московскаго государства, лишь незадолго до возстанія Хмельницкаго отошедшихъ къ Польшѣ*). Скоро однако ему пришлось убѣдиться въ неосуществимости подобныхъ плановъ. Въ переговорахъ съ смѣнившимъ Выговскаго Юріемъ Хмельницкимъ, на переяславской радѣ въ октябрѣ 1659 года, московскимъ боярамъ удалось добиться довольно серьезныхъ ограниченій гетманской власти, но попытки сокращенія территоріи гетманщины встрѣтили такой рѣшительный отпоръ со стороны козацкой старшины, что мысль о нихъ пришлось оставить. Съ другой стороны, постановленія 1654 г. объ ограниченіи численности казацкаго войска до 60.000 человѣкъ и о передачѣ малорусскихъ доходовъ въ государеву казну были вновь подтверждены на этой радѣ. Но ожесточенная междоусобица, воцарившаяся вслѣдъ затѣмъ въ Малороссіи и на нѣсколько лѣтъ превратившая ее въ арену безпрерывныхъ войнъ, отнимала всякую возможность какихъ-либо шаговъ къ реализаціи этихъ постановленій.

Такая возможность явилась лишь послѣ сравнительнаго успокоенія, по крайней мѣрѣ, лѣвобережной Малороссіи, наступившаго съ гетманствомъ Бруховецкаго. Съ этого момента московская политика и возобновила опять свои настоянія. Бруховецкій, достигшій гетманской булавы въ значительной мѣрѣ благодаря поддержкѣ московскихъ властей, пошелъ на встрѣчу такимъ настояніямъ и, пріѣхавъ осенью 1665 года въ Москву, «ударилъ челомъ государю малороссійскими городами». Въ слѣдующемъ году въ Малороссіи появились командированные изъ Москвы стольники, переписавшіе села и города лѣвобережной Малороссіи и обложившіе ихъ крестьянское и мѣщанское населеніе податями и побо-

*) Тамже, XV, № 7, сс. 319, 323—5.

рами на государя, которые должны были собираться разсаженными по городамъ воеводами. Такъ по отношенію къ лѣвобережной Малороссіи, оставшейся за Москвою, политика послѣдней достигла, наконецъ, осуществленія условій, предположенныхъ въ 1654 г.: малорусское мѣщанство и крестьянство были отдѣлены отъ козачества и изъяты изъ-подъ вѣдѣнія козацкой администраціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ важнѣйшія отрасли государственнаго хозяйства Малороссіи переходили въ непосредственное завѣдываніе московской власти. Но для Малороссіи, успѣвшей уже привыкнуть къ иного рода порядкамъ, это явилось цѣлымъ переворотомъ, и московскому правительству скоро пришлось убѣдиться въ томъ, что, вопреки увѣреніямъ, которыя оно слышало раньше отъ отдѣльныхъ лицъ, населеніе страны далеко не сочувствуетъ такому перевороту. Едва успѣли московскіе переписчики закончить свою работу, едва воеводы разсѣлись по городамъ Малороссіи и приступили къ сборамъ податей и поборовъ съ мѣстныхъ мѣщанъ и крестьянъ, какъ въ Москву стали приходить тревожныя вѣсти. Изъ различныхъ мѣстъ лѣвобережной Малороссіи воеводы одинъ за другимъ сообщали, что въ городахъ мѣщане, а въ селахъ и деревняхъ крестьяне «пишутся въ козаки», что «мѣщане и поселяне многіе начали записываться въ козаки, а въ твою великаго государя казну по окладу денегъ и хлѣба не даютъ и ни въ чемъ воеводы не слушаютъ». Не помогало дѣлу, какъ доносили воеводы, и обращеніе къ полковникамъ. Одни изъ полковниковъ, какъ прилуцкій Лазарь Горленко, ссылались на отданный гетманомъ приказъ записывать желающихъ изъ мѣщанъ и крестьянъ въ козаки; другіе, какъ нѣжинскій Артемъ Мартыновичъ, говорили, что «въ полку люди надобны», или же высказывались еще прямѣе: «люди въ малороссійскихъ городахъ вольные, вольно мужикомъ въ козаки писаться, а онъ ихъ отсылать не будетъ» *). Наряду съ этимъ въ Москву приходили и еще болѣе тревожныя вѣсти,—что въ Запорожьѣ наблюдается «шатость», что эта шатость грозитъ перекинуться и въ полтавскій полкъ, такъ какъ «запорожцы съ полтавцы живутъ совѣтно, что мужъ съ женою», что и въ другихъ полкахъ неспокойно, и воеводы «чаютъ всякаго дурна» **). Признаки надвигающейся грозы были на лицо, и въ виду ихъ Москва рѣшила отказаться, по крайней мѣрѣ, отъ части своихъ пріобрѣтеній. Въ началѣ февраля 1668 года въ Москвѣ была изготовлена царская грамота Бруховецкому. «Если—говорилось въ этой грамотѣ—малодушные за что нынѣ волнуются и великую шатость безстрашно чинятъ, чтобъ воеводамъ нашимъ для ратныхъ людей хлѣбныхъ и денежныхъ сборовъ не вѣдать, развѣе того хотятъ на ся взяти, и чтобы о томъ явное челобитье отъ всѣхъ малороссій-

*) Тамже, VII, № 8, сс. 12—24.
**) Тамже, VI, № 39, сс. 98—9; VII, № 8, с. 15.

скихъ жителей къ намъ великому государю донесено, и то бы милостиво было принято и розсуждено во всемъ, какъ народомъ легче и Богу угоднѣе. Однакожъ мы великій государь, неразумныхъ людей вины отпустивъ... тѣ сборы съ черни на ратныхъ нашихъ людей благоутѣшнымъ совѣтомъ указали полковникомъ съ бурмистры и съ войты со всей черни сбирать, по ихъ обычаемъ, безъ всякаго оскорбленія, и служивымъ людемъ въ кормѣхъ и въ одеждахъ безъ умаленія и безъ нужды давать, а воеводамъ сборщиковъ отъ себя не посылать» *). Но это отступленіе московской политики явилось слишкомъ поздно. Раньше, чѣмъ приведенная грамота могла быть отправлена по своему назначенію, въ Москву пришло извѣстіе, что вся Малороссія охвачена открытымъ возстаніемъ, и во главѣ его стоитъ самъ гетманъ Бруховецкій.

Урокъ былъ жестокъ, и онъ имѣлъ свое дѣйствіе. Втеченіе дальнѣйшихъ десятилѣтій семнадцатаго вѣка руководители московской политики немало сдѣлали для того, чтобы возможно болѣе ослабить зачатки государственной самостоятельности Малороссіи и возможно крѣпче привязать послѣднюю къ Москвѣ. У гетмана постепенно было совершенно отнято право самостоятельныхъ внѣшнихъ сношеній, власть гетмана надъ старшиною была значительно ограничена, и самый выборъ гетмана былъ въ концѣ концовъ поставленъ въ полную зависимость отъ центральной власти. И, проводя всѣ эти мѣры, московское правительство не останавливалось передъ откровеннымъ измѣненіемъ соотвѣтствующихъ «статей» Богдана Хмельницкаго, передъ внесеніемъ въ нихъ поправокъ и дополненій при выборѣ новыхъ гетмановъ. Но наряду съ этимъ то же правительство втеченіе XVII столѣтія не пыталось болѣе настаивать на безусловномъ выполненіи тѣхъ статей Хмельницкаго, которыя касались состава и содержанія козацкаго войска и доходовъ съ малорусскихъ мѣщанъ и крестьянъ. Эти доходы, легшіе въ основу государственнаго хозяйства Малороссіи, остались всецѣло въ завѣдываніи мѣстныхъ малорусскихъ властей, и центральное правительство вплоть до самаго XVIII вѣка не пыталось болѣе наложить на нихъ свою руку. Вмѣстѣ съ тѣмъ вѣдѣнію мѣстныхъ малорусскихъ властей былъ предоставленъ на весь остатокъ XVII столѣтія и потерявшій свой интересъ для московскаго правительства вопросъ о разграниченіи козачества отъ другихъ общественныхъ группъ, равно какъ въ вѣдѣніе тѣхъ же властей отошла и забота о вознагражденіи козачества за службу. При этомъ денежное жалованье козакамъ, на которомъ нѣкогда такъ усиленно настаивали въ Москвѣ посланники Богдана Хмельницкаго, продолжало еще нѣкоторое время по традиціи упоминаться въ гетманскихъ статьяхъ, продолжали нѣкоторое время и гетманы ходатайствовать о немъ у московскаго правительства. Но

*) Тамже, VII, № 13, сс. 33—4.

послѣднее неизмѣнно указывало въ этихъ случаяхъ на мѣстныя средства, и постепенно такія ходатайства прекратились, уступивъ мѣсто признанію того факта, что козаки несутъ службу исключительно съ своихъ земельныхъ участковъ *). Такимъ образомъ, если «статьи» Богдана Хмельницкаго говорили о строго разграниченныхъ одна отъ другой общественныхъ группахъ въ лицѣ, съ одной стороны, козачества, состоящаго на денежномъ жалованьѣ московскаго государя, съ другой—мѣщанства и крестьянства, уплачивающихъ черезъ своихъ выборныхъ людей подати въ казну того же государя, то малорусская дѣйствительность XVII вѣка представляла собою нѣчто совершенно иное: крестьяне и мѣщане въ этой дѣйствительности были такъ же подчинены гетманской власти, какъ и козаки, и наполняли своими взносами не государеву, а войсковую казну; козачество же, служа безъ всякаго жалованья, только за земли и вольности, вмѣстѣ съ тѣмъ было лишь очень слабо отграничено отъ другихъ общественныхъ слоевъ. Условія 1654 г. и въ этихъ своихъ пунктахъ явились лишь мертвой буквой, не вошедшей въ дѣйствительную жизнь.

Все сказанное позволяетъ намъ придти къ нѣкоторому общему заключенію о значеніи условій 1654 г. въ жизни Малороссіи послѣ ея отторженія отъ Польши. Меньше всего можно искать въ этихъ условіяхъ полнаго и яснаго отраженія дѣйствительной жизни той страны, которой они касались. Наоборотъ, въ рядѣ случаевъ они какъ нельзя болѣе рѣзко расходились съ дѣйствительностью, пытаясь закрѣпить такія нормы, которыя въ данный моментъ совершенно отсутствовали въ послѣдней. Вслѣдствіе этого въ самый моментъ заключенія названныхъ условій они въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ были уже совершенно несостоятельны. Въ цѣломъ же, заключенныя въ то время, когда группа лицъ, выдвинутыхъ возстаніемъ Хмельницкаго на роли правителей страны, не успѣла еще ни вполнѣ освоиться со своимъ новымъ положеніемъ, ни освободиться отъ старыхъ представленій о своемъ мѣстѣ въ обществѣ и отношеніяхъ къ центральной государственной власти,—эти условія въ гораздо большей мѣрѣ отразили въ себѣ психологическія переживанія данной группы, ея взгляды и желанія, чѣмъ дѣйствительныя отношенія, установившіяся въ странѣ въ результатѣ возстанія. Подлинная жизнь Малороссіи, въ частности ея соціальная жизнь, во всякомъ случаѣ не уложилась въ рамки этихъ условій. И для того, чтобы получить вполнѣ ясное пред-

*) Такъ, гетманъ Самойловичъ, прося въ 1676 г. у царя денежной поддержки для уплаты жалованья наемнымъ отрядамъ «компанейцевъ», прибавлялъ: «А которые козаки живутъ домами своими, и тѣ о его великаго государя жалованьѣ не бьютъ челомъ, и впредь о томъ бити челомъ великому государю не будутъ, служить они ради непрестанно ему великому государю безъ жалованья». Акты Ю. и З. Р., XII, № 163, с. 577.

ставленіе объ этой жизни, намъ надо обратиться къ другого рода свидѣтельствамъ, къ источникамъ, полнѣе и точнѣе отразившимъ въ себѣ дѣйствительныя отношенія, чѣмъ могли это сдѣлать акты переговоровъ и соглашеній гетманскаго правительства съ Москвою.

В. Мякотинъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

РАЗСКАЗЫ

Пьера Милля.

Переводъ съ французскаго А. Полоцкой.

I.

Дезертиръ Плевекъ.

Съ момента выхода изъ казармы, Барнаво и всѣ прочіе шесть человѣкъ, снова поступившихъ въ колоніальную пѣхоту и только что получившихъ задатокъ, не переставали пить во всѣхъ кабакахъ столицы Аннама. Но они умѣли пить: по нимъ почти ничего не было замѣтно. Обѣдъ, который они заказали у Лекуанта, въ кафе-ресторанѣ на углу, рядомъ съ лавочкой А. Пика, сапожника - китайца, даже вернулъ твердость ихъ ногамъ. Только въ головахъ у нихъ немного шумѣло. Послѣ кофе одинъ изъ шестерки— полагаю, что это былъ Пульдю—предложилъ:

— Надо поѣхать кончать вечеръ къ мадамъ Ти-Ка.

Барнаво одобрительно кивнулъ головой. Но онъ не любилъ, чтобы воображеніе товарищей не оставляло мѣста его собственной изобрѣтательности. Онъ прибавилъ:

— Въ такой день, какъ сегодня, надо поѣхать верхомъ... Это куда важнѣе.

Мальчикъ-аннамитъ пошелъ за лошадьми. Это были пони, привезенные съ сѣвера Тонкина. У нихъ были тонкія ноги, немного толстыя шеи, круглый крупъ, а глаза ихъ блестѣли изъ-подъ косматыхъ гривъ, какъ глаза европейскаго уличнаго мальчугана изъ-подъ всклокоченныхъ волосъ. Каждаго пони сопровождалъ туземецъ, бѣжавшій рядомъ съ нимъ. Какова бы ни была быстрота бѣга животныхъ, погонщики не отставали и, прижавъ къ тѣлу локти и набравъ въ грудь воздуха, бѣжали рядомъ, не задыхаясь. Шестеро пѣхотинцевъ зажали поводья въ ку-

лаки, засунули въ стремя до самыхъ каблуковъ свои грубые сапоги и пустили лошадей галопомъ. Они то и дѣло съѣзжали на своихъ сѣдлахъ внизъ, иногда приподнимаясь усиліемъ бедеръ, неувѣренные и безстрашные, смѣшные, но гордые до глубины своихъ наивныхъ душъ.

— Да, такъ куда важнѣе, — повторилъ Пульдю:—ты правъ, Барнаво!

Кавалькада достигла береговъ Красной рѣки. Выступили трубы европейской фабрики, затѣмъ показался аннамитскій домъ, построенный весь въ глубину, выходившій на дорогу только узкимъ фасадомъ и однако не лишенный физіономіи. Онъ былъ похожъ на одно изъ тѣхъ карикатурно обобщенныхъ человѣческихъ лицъ, которыя дѣти нашихъ странъ рисуютъ на стѣнахъ. Двѣ четырехугольныхъ отдушины представляли глаза. Единственное окно подъ ними играло роль носа, а дверь внизу была ртомъ безъ подбородка. Двѣ балки надъ отдушинами, поддерживавшія остроконечную крышу, оканчивались по китайскому обыкновенію какими-то запятыми, похожими на смѣшныя маленькія завитушки. Въ тотъ моментъ, когда солдаты подъѣзжали къ домику, по камнямъ застучали копыта лошадей другой кавалькады, подъѣзжавшей съ противоположной стороны, и изъ тѣни выступили восемь всадниковъ. Если бы не погонщики, произошло бы столкновеніе. Но тонкій повелительный свистъ, вырвавшійся изъ сжатыхъ губъ аннамитскихъ скороходовъ, разомъ остановилъ лошадей, какъ будто грубая рука подсѣкла имъ подколѣнки. Толчокъ былъ такъ силенъ, что людей вышибло изъ сѣдла. Барнаво уткнулся носомъ въ шею своей лошади, но сейчасъ же поднялъ голову и осмотрѣлся своими зоркими глазами.

— Американскіе матросы съ *Мангаттана*!—сказалъ онъ.— Они тоже пріѣхали къ мадамъ Ти-Ка.

— Вотъ какъ!—сказалъ Пульдю. Онъ вытащилъ изъ ноженъ свой тесакъ, и Барнаво послѣдовалъ его примѣру. Такъ ужъ полагается: когда отправляешься компаніей съ земляками и товарищами по оружію въ такой домъ, какъ домъ Ти-Ка, то ужъ не даешь туда войти другой компаніи, другого оружія и изъ другой страны. Въ темнотѣ можно было различить голубоватые тѣльники и береты американцевъ. У матросовъ нѣтъ тесаковъ! Партія была выиграна заранѣе; Барнаво посмѣивался.

Но изъ группы всадниковъ раздалась команда:

— Цѣлься, ребята!—Эти слова были сказаны по французски. Барнаво остолбенѣлъ: онъ узналъ голосъ. Онъ соскочилъ съ лошади, крича:

— Плевекъ! это ты, Плевекъ?

Командовавшій тоже спрыгнулъ съ лошади, и его товарищи сдѣлали то-же самое. Онъ угрюмо отвѣтилъ:

— Да, это—я.

И среди тѣхъ, кого онъ собирался перерѣзать, Пульдю узналъ также Клоарека, Ива Лебланъ, Лапижа, всѣхъ марсовыхъ съ крейсера „*Шато-Рено*".

— Да, это я,—повторилъ Плевекъ.

И, принявъ гордый видъ, чтобы скрыть стыдъ, который онъ испытывалъ въ глубинѣ своей простой души, онъ прибавилъ:

— Мы перешли на службу къ янки. Что-жъ тутъ особеннаго? Осточертѣлъ этотъ „*Шато-Рено*."

Барнаво не отвѣтилъ. Онъ понялъ. Американскій флотъ нуждается въ людяхъ, въ особенности въ хорошихъ наводчикахъ. Онъ набираетъ ихъ, какъ можетъ, отбивая ихъ у сосѣдей и дорого платя за переходъ. Французскому крейсеру, стоящему у одного изъ нашихъ колоніальныхъ портовъ, приходится плохо, когда тамъ появляется военный корабль Соединенныхъ Штатовъ.

Пульдю молча вложилъ тесакъ въ ножны, и Барнаво сдѣлалъ то же самое.

— Миръ заключенъ,—сказалъ онъ.—Намъ остается войти къ Ти-Ка всѣмъ вмѣстѣ.

Онъ вошелъ въ ворота, напоминавшія широкій и короткій корридоръ, закрытый въ одномъ концѣ, нѣчто въ родѣ тупика. Только на лѣвой сторонѣ находилась маленькая дверь, грубо обитая желѣзомъ. Плевекъ тоже хорошо зналъ обычаи дома. Онъ толкнулъ ногой эту дверь, крича:

— Эй, Ти-Ка!

Въ темномъ потолкѣ медленно открылся люкъ, величиной не больше форточки, и оттуда тихонько спустилась на концѣ веревочки жестяная коробка, въ какихъ обыкновенно продаются бисквиты.

— Прежде надо деньги на коробка,—сказалъ голосъ невидимой мадамъ Ти-Ка.

Таковы были обычаи почтеннаго учрежденія.

Мадамъ Ти-Ка открывала лишь послѣ того, какъ въ эту кружку опускалась установленная плата. Солдаты и матросы знали этотъ обычай. Развязавъ уголъ носового платка или порывшись въ кожаномъ кошелькѣ, они достали каждый двѣ большія бѣлыя монеты и торжественно положили ихъ въ коробку отъ бисквитовъ Альбертъ. Сверху потянули веревочку, и коробка поднялась къ люку, унося съ собой больше ста франковъ. Эти пьяные люди, только что хотѣвшіе перерѣзать другъ друга, стояли и покорно смотрѣли. Никому не пришло въ голову броситься на это сокровище

и унести его: есть вещи, которыхъ люди воспитанные не дѣлаютъ. А они всѣ гордились своей воспитанностью: жизнь въ далекихъ чужихъ странахъ одновременно превращаетъ людей въ скотовъ, но и въ джентльменовъ.

Было слышно, какъ наверху звенѣли піастры. Это мадамъ Ти-Ка считала свою выручку. Потомъ кто-то снялъ перекладину, отодвинулъ засовы, открылъ сложные замки, и обитая желѣзомъ дверь повернулась на своихъ петляхъ. Солдаты поднялись по лѣстницѣ. Они жались другъ къ другу, пытались кричать, но ноги ихъ слегка онѣмѣли отъ поѣздки верхомъ, а мысли были заняты больше, чѣмъ имъ хотѣлось это показать, предстоявшимъ имъ удовольствіемъ,— удовольствіемъ, такимъ рѣдкимъ въ ихъ солдатской жизни, что даже это мѣсто, несмотря на свою гнусность, имѣло въ ихъ глазахъ что-то священное. Въ глубинѣ души имъ было грустно, и сердца ихъ томила неопредѣленная, безпредметная ревность. Каждая изъ двухъ компаній жалѣла, что заключила миръ вмѣсто того, чтобы прогнать другую и остаться властелиномъ этого мѣста. Но особенно мраченъ былъ Плевекъ, потому что у него, единственнаго изъ всѣхъ, были вполнѣ опредѣленныя желанія.

— Ты знаешь,—сказалъ онъ сквозь зубы Барнаво,—тамъ есть одна, ее зовутъ Мао... Это будетъ моя.

— Хорошо,—съ удивленіемъ отвѣтилъ Барнаво,—хорошо, дружище.

Они были уже подъ огромной соломенной крышей, напоминавшей въ одно и то же время хижину дикарей и куполъ храма. Коптившія лампы распространяли запахъ керосина и сажи, но пахло здѣсь и дешевыми духами, и живыми цвѣтами: магноліей, жасминомъ, илангъ-илангомъ, листья и вѣнчики которыхъ умирали въ углахъ. Вездѣ, гдѣ есть аннамитки, есть и цвѣты. Эти дѣвушки изъ страны лѣсовъ и лужаекъ, тѣла и движенія которыхъ—воплощенная ласка, находятся въ постоянной гармоніи со всѣмъ тѣмъ въ природѣ, что тоже, въ сущности, есть ласка, и что не поддается опредѣленію: съ нѣжной, неуловимой музыкой, съ мягкими, неопредѣленными цвѣтами тканей, которыя оживляетъ немного болѣе яркій тонъ въ волосахъ и на груди, съ страстнымъ дыханіемъ цвѣтовъ. Ихъ было здѣсь двѣнадцать совсѣмъ молоденькихъ дѣвушекъ, которыхъ мадамъ Ти-Ка выписала изъ Верхняго Меконга. Онѣ сидѣли на корточкахъ на цыновкахъ низкаго дивана, тянувшагося вокругъ этой большой клѣтки цвѣта стараго золота, и ихъ лица тоже казались блѣдно-золотыми; въ нихъ выдѣлялись черные глаза—глаза дикихъ животныхъ—и черные, немного жесткіе волосы; густая кисея розоваго, абрикосоваго или

блѣдно-зеленаго цвѣта окутывала ихъ до грудей. Принесли напитки. Плевекъ былъ богатъ: онъ угощалъ шампанскимъ и пилъ изъ стакана Мао, самой красивой изъ всѣхъ. То, что онъ такъ быстро показалъ, кого выбралъ, вносило въ компанію нѣкоторое смущеніе.

— Такъ это правда, Плевекъ?—спросилъ Барнаво:—ты дезертировалъ, ты бросаешь „*Шато-Рено.*"

— Что-жъ тутъ такого?—грубо отвѣтилъ Плевекъ.—Мы не рабы; намъ, синдикалистамъ и революціонерамъ, наплевать на отечество. Гдѣ мнѣ хорошо платятъ, туда я и иду!

Американцы щедро заплатили ему за переходъ: онъ показалъ цѣлую пригоршню золотыхъ монетъ. Товарищи Барнаво почувствовали смутную зависть.

— Плевекъ,—опять спросилъ Барнаво,—вѣдь ты женатъ; у тебя жена въ Пэмполѣ?

— Не въ Пэмполѣ,—сказалъ Плевекъ,—въ Плуа.

Онъ поправилъ Барнаво не только изъ любви къ точности. Ему ясно представился низкій гранитный домъ на бретонскомъ берегу въ Плуа, широкая площадь съ огромной церковью и зеленый отъ обросшихъ мхомъ камней ручеекъ, сбѣгающій къ пустынному берегу въ формѣ подковы, на которомъ ряды голышей, нагроможденные волнами, спускаются до самаго бурнаго моря.

— Что-жъ, жена будетъ получать свое,—продолжалъ Плевекъ.—Она не будетъ нуждаться ни въ чемъ и малыши тоже. Но и я тоже не хочу отказывать себѣ ни въ чемъ. Я тоже хочу жить. Что-жъ тутъ такого, спрашиваю я... Кто здѣсь осуждаетъ меня?

Другіе дезертиры загоготали.

— Кто осуждаетъ насъ?—повторяли они въ свою очередь.

Пульдю сквозь зубы пробормоталъ:

— Да, онъ хорошо сдѣлаетъ, если будетъ посылать деньги! Семейка-то вѣдь увеличилась!

— Что ты говоришь, Пульдю?—спросилъ Плевекъ, выпрямляясь,—я не люблю, когда обо мнѣ говорятъ вещи, которыхъ я не понимаю. Слышишь?

— Отлично, — иронически сказалъ Пульдю, — тебя не ждутъ, можешь оставаться здѣсь. Твоя жена родила ребенка,—отъ кого, Богъ ее знаетъ. Я это знаю навѣрно, я вѣдь тоже изъ Плуа, и я сейчасъ оттуда, изъ отпуска. У тебя еще одинъ сынокъ явился.

— Врешь, мерзавецъ!—крикнулъ Плевекъ.

Въ тотъ же моментъ Мао громко вскрикнула. Плевекъ запустилъ въ Пульдю пустой бутылкой, которая вонзилась

горлышкомъ въ солому, словно граната въ стѣну. Семеро остальныхъ дезертировъ поднялись, какъ одинъ человѣкъ. Дѣло все-таки доходило до драки. Но Плевекъ больше и не думалъ драться,—онъ хотѣлъ только знать правду. Всѣ мужчины таковы: они хотятъ знать правду. Барнаво почти нѣжно взялъ обѣ его руки и стиснулъ ему колѣни своими ногами. Плевекъ упалъ обратно на цыновку.

— Скажи, что это неправда, Пульдю. — Ты солгалъ, правда? Ты пошутилъ?

Пульдю не обратилъ вниманія на взглядъ Барнаво: онъ былъ еще пьянъ, къ тому-же онъ былъ злопамятенъ. Онъ поднялъ правую руку и сплюнулъ.

— Клянусь!—сказалъ онъ.

Тогда Плевекъ сдѣлалъ головой и шеей такое движеніе, какъ будто не могъ дышать. Мао не поняла, о чемъ говорилось, но видѣла, что у него горе; она скользнула на полъ и обняла его колѣни.

— Что тебѣ до этого, Плевекъ,—удивленно спросилъ Барнаво.—Разъ ты не думаешь возвращаться, разъ это уже не твоя родина? Вѣдь ты только-что сказалъ это.

Онъ почувствовалъ, какъ мускулы матроса ослабѣли, размякли, какъ у человѣка, гнѣвъ котораго потухъ, и который чувствуетъ себя только больнымъ. Плевекъ пробормоталъ:

— Нѣтъ, это моя родина! Теперь я вижу, что это моя родина. Мнѣ больно, что у меня отняли то, что принадлежало мнѣ. Я долженъ вернуться. Я долженъ вернуться обратно. Я не могу допустить, чтобы въ моемъ домѣ творилось такое.

Барнаво тихонько положилъ руку на голову все еще распростертой Мао: но она прекрасно поняла, что эта ласка не относилась къ ней, что это былъ совѣтъ, просьба быть ласковой съ товарищемъ. Она поднялась, чтобы обнять Плевека. Ея волосы разсыпались по лицу матроса. Онъ оттолкнулъ ее.

— Да...—сказалъ онъ—я хотѣлъ бы, но не могу. Я не могу утѣшиться такъ, это невозможно. Теперь, когда я знаю, что у меня отняли ту, другую, мнѣ нужно ее...

И медленно, точно пораженный тайной, которую открылъ въ себѣ самомъ, онъ прибавилъ:

— А эту вотъ... я ея какъ будто не вижу больше!

Онъ поднялся, щупая себѣ грудь, точно удивляясь, что еще живъ, и направился къ темной лѣстницѣ.

— Куда ты, Плевекъ?—спросилъ Барнаво.

— На *Шато-Рено*—беззвучнымъ голосомъ отвѣтилъ онъ.—

Они надѣнутъ мнѣ кандалы и будутъ судить меня. Но я долженъ вернуться домой!

Семеро остальныхъ дезертировъ молча двинулись за нимъ.

— А вы?—спросилъ Барнаво.

Они не ждали этого вопроса, такъ какъ дѣйствовали безъ размышленія.

— Мы идемъ съ нимъ!—сказалъ наконецъ одинъ изъ нихъ:—на *Шато Рено*. Нельзя-же оставить его въ бѣдѣ!

* * *

Плевекъ не умѣлъ писать, а сказать своей женѣ, что онъ знаетъ, что произошло у него въ домѣ, черезъ посредство болѣе образованнаго товарища, не позволяла ему гордость. Мучило его также, хотя онъ и не отдавалъ себѣ въ томъ отчета, что съ того дня, когда онъ узналъ про это огромное несчастье, со дня, который измѣнилъ его душу, вокругъ него ничто не измѣнилось. Такъ какъ его отсутствіе продолжалось меньше шести дней, то онъ не былъ объявленъ дезертиромъ, не былъ привлеченъ къ суду, его не ждали ни кандалы, ни каторжныя работы.

Всѣ эти непріятныя ощущенія связались въ его представленіи съ его смутнымъ страданіемъ, и онъ пережевывалъ ихъ со сладострастной яростью, все больше укрѣпляясь въ убѣжденіи, что долженъ отомстить: это было ему совершенно ясно. Но до его отпуска прошло полтора года, и все это время распорядокъ службы былъ надъ нимъ съ той-же неизмѣнной правильностью, какъ смѣна временъ года или расположеніе звѣздъ! И отъ совершенія однихъ и тѣхъ же дѣйствій въ одни и тѣ же часы, отъ дисциплины, отъ вѣчнаго исполненія приказаній, отъ жизни подъ небомъ, гдѣ люди, деревья, даже крыши домовъ такъ непохожи на людей, на деревья дома у него, на родинѣ,—отъ всего этого Плевекъ впалъ въ какое-то отупѣніе. Онъ не могъ больше ощущать факта, который имѣлъ мѣсто на другомъ концѣ земного шара; онъ зналъ о немъ, но не чувствовалъ его. Вотъ почему простые люди чувствуютъ потребность пить: вино даетъ имъ воображеніе. И Плевекъ, не находя своего прежняго гнѣва и не понимая, что съ нимъ, говорилъ себѣ иногда: „Когда я думалъ такъ, я былъ пьянъ!“ Онъ былъ неправъ. Ему нуженъ былъ алкоголь, чтобы быть вполнѣ самимъ собой, человѣкомъ способнымъ на чувство, на щепетильность и на моральное страданіе.

Но когда транспортъ *Кашгаръ* доставилъ его въ Брестъ, онъ съ первыхъ-же часовъ своего освобожденія почувствовалъ безграничную грусть, одиночество выпряженной лошади, которую еще не отвели въ конюшню. Желаніе, которое возбуждали въ немъ женщины, только вызывало въ немъ воспо-

минаніе о той, которую онъ ждалъ; и однако онъ смотрѣлъ на нихъ съ дикимъ изступленіемъ, не зная, хочется-ли ему обладать ими, или бить ихъ. Потомъ имъ опять овладѣли мысли о долгѣ, предстоявшемъ ему: вернуться домой и наказать виновныхъ. Подъ вліяніемъ абсента и водки онъ вначалѣ смотрѣлъ на это наказаніе, какъ на удовольствіе, которое онъ доставитъ себѣ; и онъ смѣялся одинъ-одинешенекъ при мысли объ этомъ.

И только въ Гэнганѣ, гдѣ ему пришлось въ холодной, полутемной залѣ ждать поѣзда въ Плуа, въ голову ему вдругъ ударила злоба: часы, когда опьяненіе начинаетъ разсѣиваться, всегда полны невыносимой тоски—въ особенности въ темнотѣ. Еще видишь всѣ вещи въ томъ свѣтѣ, въ какомъ ихъ показалъ алкоголь, но уже испытываешь тоску,—тоску, которой нельзя перенести безъ жгучаго желанія отомстить. Знаешь, знаешь до глубины души, съ самой убійственной достовѣрностью, что въ твоемъ страданіи виноватъ кто-то, кому нельзя простить—потому что послѣ этого невозможнаго прощенія оставалось-бы только умереть самому: жизнь сдѣлалась-бы слишкомъ пустой и омерзительной. Да, да, самоубійство или убійство—вотъ дѣйствія, представляющіяся неизбѣжными и необходимыми ночью, когда душу томитъ горе, и когда винные пары начинаютъ разсѣиваться. Плевекъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ и чувствовалъ, какъ крѣпнетъ его воля; конечности его были холодны, какъ ледъ, а рѣшимость тверда и несокрушима. Этотъ ребенокъ, который не былъ плотью отъ его плоти, ребенокъ, котораго его заставляли кормить своимъ заработкомъ, своими грошами, своимъ каторжнымъ трудомъ на борту корабля—это было слишкомъ противоположно тому, чего онъ вправѣ былъ ожидать, это слишкомъ гнусно. У него было представленіе ужасной и низкой несправедливости, которая омрачала землю и жизнь, и которую надо уничтожить во что бы то ни стало.

Было семь съ половиной часовъ утра, когда поѣздъ прибылъ въ Плуа. Шелъ дождь. Плевекъ машинально накрылся дождевымъ плащемъ, спряталъ подъ него, подальше отъ дождя, свой тючокъ, какъ человѣкъ, заботящійся о своемъ добрѣ, и зашагалъ къ своему дому.

Очутившись передъ дверью, онъ три раза стукнулъ въ нее кулакомъ. Его жена уже не спала: ея дѣятельныя руки гремѣли горшками и мисками, слышно было также, какъ бѣгали дѣти.

— Кто тамъ?—спросила она.

— Это я, Жанни,—сказалъ Плевекъ.—Открой!

И звукъ его собственнаго голоса потрясъ его. Ему пока-

залось удивительнымъ, что онъ можетъ звучать такимъ образомъ, во внѣ: со вчерашняго дня онъ слышалъ только внутренніе голоса.

— Господи Іисусе!—воскрикнула Жанни.

Она не знала, что Плевеку все уже извѣстно, и сказать правду или даже позволить ему догадаться казалось ей ужаснымъ; но она, не колеблясь, отодвинула задвижку, потому что онъ былъ хозяинъ. Дѣти толкались за ея спиной, изъ шалости, а также изъ любопытства: имъ хотѣлось поскорѣй увидѣть человѣка, который такъ приказывалъ открыть себѣ. Здѣсь были старшій, Мишель, и двое младшихъ, Амандина и Леа; незаконный, малютка Жюль, продолжалъ сидѣть за столомъ на своемъ соломенномъ стулѣ, за деревянной перекладиной, которой его загородили, чтобы не дать ему упасть.

Когда Плевекъ увидѣлъ, что дверь начинаетъ открываться, онъ такъ толкнулъ ее плечомъ, что она отлетѣла къ стѣнѣ, и онъ увидѣлъ свою жену. Она стояла передъ нимъ, немного подавшись впередъ и сложивъ руки, съ гладкимъ лбомъ, съ ясными глазами, и уже открывала ротъ, чтобы сказать:

— Такъ это вы, хозяинъ!

Но онъ, не говоря ни слова, такъ ударилъ ее кулакомъ по лицу, что на скулѣ треснула кожа, какъ будто пальцемъ счистили кожуру спѣлаго плода. Онъ ударилъ съ такой силой, что она не могла удержаться на ногахъ и, не сгибаясь, упала головой подъ столъ, какъ разъ у высокаго стула Жюля. Она громко вскрикнула, и всѣ дѣти сейчасъ-же начали плакать. Голосъ Жюля заставилъ ее приподняться. Еслибы не это, она притворилась-бы мертвой; къ тому же отъ боли и отъ сотрясенія ее сильно тошнило. Но малютка! Что ея мужъ сдѣлаетъ съ нимъ? Ее какъ будто что-то подняло: она вскочила такимъ звѣринымъ, гибкимъ и неслышнымъ движеніемъ, что Плевекъ не могъ услѣдить за ней. Въ одно мгновеніе она вырвала Жюля изъ его соломеннаго кресла, очутилась за спиной у Плевека, бросила ребенка на дорогу и, толкая къ двери его старшаго брата, Мишеля, сказала ему:

— Бѣги съ маленькимъ, бѣги скорѣй, за церковь, куда хочешь!

И, когда это было сдѣлано, она выставила впередъ свои когти, точно разъяренное животное. Плевекъ опять началъ наносить удары. Иногда, когда пальцы его жены придвигались слишкомъ близко къ его глазамъ, онъ грубо бралъ ихъ въ руки и ломалъ ихъ; она падала на колѣни. Тогда онъ ударомъ кулака по головѣ швырялъ ее на землю.

Иногда онъ билъ ее по плечамъ и груди; онъ удивлялся мягкому звуку, который казался ему недостаточнымъ для его гнѣва, и, разжавъ руку, со всего размаху ударялъ ее по лицу. Она кричала отъ боли, но еще больше отъ страха, такъ какъ думала, что онъ убьетъ ее.

Дѣвочки, Амандина и Леа, теперь въ ужасѣ молчали. Старшая обняла и прижала къ себѣ младшую. Это характерный признакъ пола, даже когда онъ еще не доразвился. Маленькіе мальчики, если не могутъ бѣжать отъ опасности, протягиваютъ безсильные кулачки; дѣвочки-же обнимаются, причемъ старшая прижимаетъ къ себѣ младшую: дѣти дѣлаютъ то, что будутъ дѣлать впослѣдствіи, ставъ мужчинами и женщинами. Плевекъ встрѣтилъ дѣвочекъ на своемъ ужасномъ пути и такъ грубо толкнулъ ихъ ногой, что онѣ, не выпуская другъ друга изъ объятій, упали на полъ и остались распростертыми на гранитныхъ плитахъ, съ застывшими отъ ужаса глазами.

Это смутило Плевека. Въ его намѣренія не входило обижать своихъ собственныхъ ребятъ. Онъ вообще уже не сознавалъ хорошенько, что дѣлаетъ. Всѣ эти удары наносилъ какой-то другой человѣкъ, обыкновенный-же Плевекъ куда-то уходилъ на это время. Но теперь онъ вернулся, слабый, какъ послѣ тяжелой болѣзни, такой слабый, что ему хотѣлось стонать, плакать, просить лекарствъ. Но, чтобы доказать себѣ, что все это сдѣлалъ онъ, и что онъ былъ правъ, онъ повторялъ себѣ:

— Я оскорбленъ, я оскорбленъ.

Онъ какъ будто дулся; такое жалкое чувство послѣ его великолѣпной ярости смутно унижало его. Онъ спросилъ:

— Гдѣ онъ?

Онъ подразумѣвалъ ребенка. Но его жена, хотя и слышала, продолжала лежать на полу, не отвѣчая, закрывъ лицо волосами и пальцами, сквозь которые сочилась кровь.

Онъ пожалъ плечами, какъ будто желая сказать, что это не его вина, и вышелъ. Братъ Пульдю, торговецъ скотомъ, конечно, слышалъ, какъ онъ сводилъ счеты, да и всѣ, жившіе на этой улицѣ, тоже вышли изъ своихъ домовъ и слушали. Но когда Плевекъ показался на порогѣ дома, всѣ они скрылись, за исключеніемъ Пульдю, который выказалъ себя болѣе храбрымъ, такъ какъ зналъ его лучше. Онъ подошелъ къ Плевеку.

— Это ты, Плевекъ,—сказалъ онъ,—вотъ ты и вернулся? Надо, значитъ, пойти къ Нарцису, выпить по стаканчику.

Они пошли вмѣстѣ въ трактиръ, къ Нарцису Клоарекъ.

— Бутылку бѣлаго?—сказалъ Пульдю.

Въ этотъ моментъ Плевекъ почувствовалъ, что его терзаетъ жестокая жажда. Слюна какъ будто затвердѣла у него во рту и стала такой горькой, что онъ не могъ ее проглотить.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—сидру, побольше сидру.

Онъ произнесъ эти слова почти жалобнымъ тономъ, какъ будто лежалъ въ постели, въ жару. Пульдю притворился, что ничего не замѣчаетъ. Онъ заказалъ сидръ, и Плевекъ принялся пить, какъ человѣкъ, умирающій въ пустыни отъ жажды. Пульдю хранилъ молчаніе о томъ, что его не касалось. Онъ говорилъ о мѣстныхъ дѣлахъ и о своихъ дѣтяхъ. Однако онъ спросилъ:

— Ты видѣлъ твоего Мишеля?

— Нѣтъ,—сказалъ Плевекъ,—его не было дома.

— Славный мальчикъ, — примирительно продолжалъ Пульдю.—Это счастье, что онъ выкарабкался.

— Какъ это выкарабкался?

Онъ совсѣмъ отупѣлъ, и ему казалось, что слова доносятся откуда-то издалека.

— ...Выздоровѣлъ отъ чего?

— Такъ ты не знаешь?—сказалъ Пульдю.—Вѣдь у него былъ тифъ. Думали, что онъ умретъ. Докторъ, когда былъ въ послѣдній разъ, сказалъ: „Это бѣдные люди, зачѣмъ имъ напрасно тратиться на аптеку? Онъ все равно умретъ“. Тогда тетка Лебланъ положила ему голубя. Знаешь?

Плевекъ зналъ. Когда кто-нибудь умираетъ отъ злой горячки, вскрываютъ грудь живому голубю и кладутъ еще трепещущую птицу на голову умирающаго. Это не лекарство, это колдовство, болѣе древнее, чѣмъ христіанская религія, кровавая жертва, приносимая, чтобы вымолить чудо.

— ...И тогда онъ выздоровѣлъ, твой Мишель. Думали, что онъ останется идіотомъ или нѣмымъ, какъ это бываетъ. Но онъ выздоровѣлъ совсѣмъ и такъ выросъ, что его нельзя было узнать, когда онъ сталъ ходить.

Плевекъ слушалъ, почти не понимая, удивленный тѣмъ, что его могло встрѣтить при возвращеніи гораздо большее несчастье, чѣмъ то, которое источило его душу; и ему казалось ужаснымъ, почти невозможнымъ, что его первенецъ, Мишель Плевекъ, чуть не умеръ. Нѣтъ моряка, который не гордился бы своимъ первенцомъ, какъ король.

— Такъ ты говоришь, что онъ былъ такъ боленъ?

— Да, дружище.

И Пульдю хотѣлъ заговорить о другомъ, но Плевекъ повторялъ:

— Въ самомъ дѣлѣ, такъ боленъ? И ему положили голубя, и теперь онъ совсѣмъ здоровъ, это навѣрно?

Онъ впалъ въ такую задумчивость, что Пульдю стало скучно.

— Уже больше десяти часовъ,—сказалъ онъ.—Мнѣ пора.

Плевекъ вернулся домой съ такимъ смятеніемъ въ душѣ, что не чувствовалъ голода. Его жена сварила супъ. Видѣли ли вы, какъ полураздавленные муравьи все-таки тащутъ свою ношу и кончаютъ свою работу? Хозяйки похожи на нихъ. Дѣти еще не ѣли; они ждали, какъ того требуетъ почтеніе, возвращенія хозяина. Мишель, поднявъ глаза, вѣжливо сказалъ:

— Здравствуй, папа.

Плевекъ приподнялъ его съ полу, какъ будто для того, чтобы узнать, сколько онъ вѣситъ, поставилъ его на мѣсто, опять поднялъ, даже не чувствуя желанія поцѣловать его, а только какъ будто удивляясь, что онъ еще живъ. Затѣмъ онъ произнесъ:

— Надо дать ему поѣсть. Дай намъ поѣсть!

Въ это время, онъ услышалъ легкій шумъ, какъ будто кто-то жуетъ кусочекъ хлѣба съ масломъ. Это былъ Жюль, спрятанный между каминомъ и большой дубовой кроватью, той самой, на которой онъ родился. Плевекъ сдѣлалъ жестъ, и мать молча подвинулась къ ребенку.

Мужъ медленно, немного нерѣшительно, какъ человѣкъ, открывшій въ мірѣ вещи, которыхъ онъ никогда въ немъ не видѣлъ, и не умѣющій еще хорошенько выразить ихъ, сказалъ:

— Ну, все равно, все равно... Все-таки лучше однимъ больше, чѣмъ однимъ меньше!

И Жанни разлила супъ. Бока у нея были точно разбиты, а голова представляла одну сплошную рану. Но она почти не чувствовала боли. Плевекъ сѣлъ...

II.

За тысячу піастровъ.

Ти-Сои очень хорошо зналъ, куда его ведутъ: наканунѣ его, съ *кангомъ* на шеѣ, вывели изъ темницы и заставили рыть себѣ могилу. Таковъ обычай, существующій еще въ Тонкинѣ: когда туземный судъ, согласно закону предковъ, приговариваетъ человѣка къ смерти, осужденный самъ роетъ себѣ могилу съ помощью нѣсколькихъ товарищей по темницѣ, гдѣ его, по какому-то чудесному милосердію,

кормятъ на счетъ правительства. Такимъ образомъ, Ти-Сои это не показалось ни чрезвычайностью, ни жестокостью. Просто онъ зналъ, что его ждетъ сейчасъ. Но имъ овладѣло глубокое равнодушіе. Быть можетъ, цивилизованныя націи заблуждаются, когда думаютъ, что, уменьшая продолжительность ожиданія, смягчаютъ ужасы конца. А что, если наоборотъ? Если душѣ, духу, мозгу,—назовите это какъ хотите,—нужно время, чтобы привыкнуть, а тѣлу родъ усталости и скуки? Если знаешь заранѣе неизбѣжную участь, это таинственнымъ образомъ убиваетъ даже желаніе избѣгнуть ея. Какъ бы приближаешься къ тѣмъ, кто умираетъ естественной смертью, устаешь, примиряешься, живешь наполовину и какъ будто уже въ другомъ мірѣ какъ больной христіанинъ, исповѣдавшійся и причастившійся св. Таинъ. Вотъ что нужно! И, несомнѣнно, въ этомъ надо искать причину кажущейся нечувствительности осужденныхъ аннамитовъ. Если они могутъ избѣгнуть опасности,—въ битвѣ, во время пожара или кораблекрушенія,—посмотрите на нихъ: они боятся больше насъ, они щелкаютъ зубами, они—трусы! Въ часъ же смерти они мужественны, какъ никогда не бываемъ мы.

Ти-Сои шелъ спокойно, поднявъ голову, которую черезъ нѣсколько минутъ долженъ былъ отрубить палачъ. Однако, онъ отлично видѣлъ его, этого палача, который шелъ одинъ за глашатаемъ, вооруженнымъ оглушительной трубой и возвѣщавшимъ преступленія и приговоръ, покаравшій вышеозначеннаго Ти-Сои, пирата, мятежника и контрабандиста. Это былъ маленькій, но сильный человѣкъ, въ красномъ балахонѣ, съ толстой шеей, съ обнаженными, красивыми, мускулистыми ногами. На плечѣ у него была огромная сабля съ широкимъ клинкомъ; круглая рукоятка ея, чтобы не скользить въ рукѣ, была обмотана зеленымъ шнуркомъ.

Такъ шелъ Ти-Сои. Конвойные, аннамитскіе стрѣлки, были одѣты въ хаки, а ноги ихъ были обмотаны полосами желтаго холста; въ своихъ черныхъ шиньонахъ и остроконечныхъ шапкахъ они имѣли видъ женщинъ, переодѣтыхъ для цирковой пантомимы или же извращенныхъ мальчугановъ. За ними въ носилкахъ подъ зеленымъ балдахиномъ несли мандарина-судью, важнаго и торжественнаго, одѣтаго, точно епископъ, въ фіолетовой мантіи; за нимъ слѣдовали его слуги и тѣлохранители, квадратныя блузы которыхъ ярко-красными китайскими литерами возвѣщали имя и титулы ихъ высокаго господина. Шелестѣли флаги, красные, голубые и желтые; гонги издавали низкій гулъ, сводившій съ ума. А направо и налѣво, съ обѣихъ сторонъ

ровной дороги, залитыя невидимой водой, блестѣли до самаго горизонта еще молодыя рисовыя поля.

Они были очень нѣжнаго однообразнаго, но пріятнаго зеленаго цвѣта. Кое-гдѣ въ ямахъ возились женщины, изслѣдуя вершами изъ плетенаго тростника изобилующую рыбой грязь. Онѣ влѣзали въ нее почти по шею, но, заслышавъ ужасную трубу, выходили изъ нея, покрытыя панцыремъ изъ свѣжей золотистой тины, и прибѣгали взглянуть на осужденнаго. Но онѣ хранили молчаніе, выражая свое любопытство только немного нескромной поспѣшностью. Одна изъ нихъ мѣшала Ти-Сои пройти, и онъ вѣжливо сказалъ:

— Извините, почтенная дама!

Онъ поклонился, прижавъ къ груди кулаки, и она отвѣтила на поклонъ. Ти-Сои сдѣлалъ это, не думая о томъ, что дѣлаетъ. Онъ просто повторялъ жесты, которымъ его научили, когда онъ былъ ребенкомъ.

Шествіе остановилось у готовой могилы.

Ти-Сои нельзя было отрубить голову, пока его шея была въ кангѣ,—деревянной штукѣ, состоящей изъ двухъ перекладинъ, соединенныхъ на подобіе ступенекъ лѣстницы. Палачъ принялся рубить одну изъ этихъ перекладинъ большимъ кинжаломъ, лезвіе котораго онъ навострилъ о свою саблю на манеръ мэтръ д'отеля, оттачивающаго одинъ ножъ для разрѣзанія мяса о другой. Эта операція продолжалась долго, потому что дерево было очень твердо.

Барнаво молча курилъ папиросу. Онъ замѣтилъ, что я очень блѣденъ.

— Не уйти ли вамъ?—сказалъ онъ.—Это не очень пріятное зрѣлище, а?

Но въ этотъ моментъ лицо Ти-Сои прояснилось. Онъ увидѣлъ молодую женщину, которая, стоя на дорогѣ, ждала его приближенія. На шеѣ у нея были два ожерелья—одно изъ янтарныхъ, другое изъ серебряныхъ бусъ, а ея голубая туника была совершенно нова, какъ будто она разодѣлась на свадьбу. Въ этой аннамитской расѣ есть что-то такое хрупкое, что если мужчины имѣютъ видъ женщинъ, то женщины имѣютъ видъ дѣтей. Молодая женщина пять разъ упала ницъ передъ осужденнымъ, но ни одна черта на ея лицѣ не дрогнула. Возможно, что въ ея груди бушевало множество чувствъ, но она должна была въ этотъ моментъ выразить только почтеніе. Это было требовавшееся обычаемъ привѣтствіе—это было видно. Ти Сои, напротивъ, съ улыбкой положилъ руку на ея склоненную голову.

Барнаво свиснулъ.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ я.

— Это—поразительно но,—сквозь зубы сказалъ Барнаво.—

Это—удивительная вещь. Эта женщина—Ти-Ганъ, его *конгаи*, жена, и это она выдала его.

— Та, которая получила тысячу піастровъ, обѣщанныхъ, за его голову?—спросилъ я, пораженный.

— Да,—сказалъ Барнаво.

Палачъ все еще трудился надъ кангомъ, и Ти-Сои помогалъ ему. Я хочу сказать, что онъ дѣлалъ все возможное, чтобы не мѣшать ему: вполнѣ естественно, что онъ боялся, какъ бы кинжалъ не поранилъ его. Если вы когда-нибудь видѣли во Франціи бояливую покорность осужденнаго за нѣсколько минутъ до казни, когда вырѣзываютъ воротникъ его рубашки, вы поймете, что я хочу сказать. У самыхъ его ногъ помощникъ палача вбилъ въ землю колъ. Позднѣе я увидѣлъ, для чего этотъ колъ служилъ.

— Это вещи,—сказалъ Барнаво,—которыя не поддаются никакому пониманію... Изъ-за тысячи піастровъ,—это составляетъ двѣ тысячи пятьсотъ франковъ—эта негодяйка выдала своего мужа! А теперь она отвѣшиваетъ ему поклоны въ ожерельяхъ, въ новомъ *кекуанѣ*, во всей амуниціи, за которую онъ заплатитъ ударомъ сабли по его затылку. И онъ какъ будто находитъ это естественнымъ, онъ улыбается, онъ даже забываетъ о смерти, глядя на нее!

И, отказываясь понять это, онъ прибавилъ:

— Это можно увидѣть только у дикарей!

Тогда Гіенъ, старый туземный кавалеристъ, понимавшій по-французски, такъ какъ служилъ уже два раза, осмѣлился сказать съ видомъ порицанія:

— Твоя неправда. Жена Ти-Сои много хорошій.

Морщины, покрывавшія все его лицо, и сѣдой шиньонъ, выглядывавшій изъ-подъ каски, всегда дѣлали его похожимъ на старуху; въ этотъ же моментъ онъ имѣлъ видъ старой ханжи, въ присутствіи которой, при выходѣ изъ церкви, говорятъ о Богѣ. Онъ былъ глубоко оскорбленъ.

— Что онъ говоритъ?—спросилъ я.

— Онъ говоритъ, чортъ побери!—съ отвращеніемъ перевелъ Барнаво,—что я ошибаюсь, и что жена Ти-Сои молодецъ. Общественное мнѣніе вообще на ея сторонѣ. Съ ней обращаются не какъ съ крестьянкой. Она—дама. Посмотрите.

Это была правда: вокругъ нея была атмосфера уваженія.

— Это потому, что она богата,—пояснилъ Барнаво:—у нея есть тысяча піастровъ. Мерзкій народъ!

Тогда Гіенъ опять заговорилъ:

— Твоя не знаетъ,—сказалъ онъ,—бѣлый человѣкъ никто не знаетъ. Жена Ти-Сои много хорошій женщина, совсѣмъ мадамъ будда (онъ хотѣлъ сказать—подобна богинѣ). Пиратъ въ Тонкинъ прежде много хорошо! получай

сапеки, получай піастры. Все давай: рисъ, рыба, свѣчи, чай, керосинъ. Мандарины всѣ давай лепешки и патроны-ружье. Теперь нехорошо, ничего не получай. Плохой, плохой.

— Я это знаю,—гордо сказалъ Барнаво:—Это все изъ-за экспедиціи Ларшана.

Онъ подразумѣвалъ военныя операціи, предпринятыя въ послѣдній годъ противъ пирата.

— Полковникъ Ларшанъ, хорошо,—отвѣтилъ Гіенъ.—Дороги резидентъ—хорошо. Миссіонеръ—хорошо. Всѣ вмѣстѣ хорошо: пиратъ нечего кушать!

Мало-по-малу я понялъ его мысль: колонны преслѣдовали пирата; дороги, проложенныя резидентомъ, позволяли войскамъ идти быстрѣе, стянуть петли сѣти! И миссіонеры съ терпѣливой осторожностью добивались отъ своей паствы свѣдѣній и внушали ей, что, такъ какъ Ти-Сои больше не могуществен, то не стоитъ ничего давать ему.

— Ти-Сои нѣтъ ничего,—продолжалъ Гіенъ:—нѣтъ кушать, нѣтъ пули, нѣтъ гдѣ спать, нѣтъ ничего. Животъ у него—дыра, ноги, руки, спина старый, мертвый безъ мяса—скелетъ, а на дерево большой записки: продать Ти-Сои, получить тысяча піастровъ. Кто получить тысяча піастровъ? Игюенъ-Тичъ, Гюонгъ-Три-Фу, Люонгъ-Тамъ-Ку? Нѣтъ хорошо, нѣтъ хорошо: все скверный человѣкъ, не любить Ти-Сои... Тогда Ти-Сои одинъ разъ, ночь была, пришелъ свое домъ. Жена радовалась много. Ти-Сои сказалъ:

— Пиратъ кончалъ. А кто получай тысяча піастръ? Игюенъ Тичъ, Гюонгъ-Три-Фу, Люонгъ-Тамъ-Ку: все скверный человѣкъ. Плохо... Гдѣ мальчикъ? Мальчикъ Ти-Сои лежалъ цыновка, спать маленькій—маленькій не знаетъ ходить, не знаетъ говорить. Ти-Сои посмотрѣлъ мальчикъ, сказалъ жена:

— Твоя получай ему тысяча піастровъ. Деньги довольно, сдѣлать алтарь предковъ!

Тогда Ти-Сои, жена, еще разъ кланялся, плакалъ, сказалъ:—Моя хорошо.

Барнаво былъ немного тронутъ. Онъ сказалъ мнѣ:

— Теперь понимаете? Они сговорились!

Я ничего не отвѣтилъ. Это было слишкомъ героично, это стояло слишкомъ высоко надъ словами. И Ти-Сои сдѣлалъ это не для своей жены, не для своего сына, а для своей собственной души, которая будетъ спать болѣе счастливая въ богатомъ домѣ, въ дощечкахъ красиваго, хорошо содержимаго алтаря предковъ.

Кангъ былъ снятъ. Ти-Сои связали руки за спиной и привязали его за поясъ къ полу. Вотъ, для чего былъ колъ.

Затѣмъ распустили его шиньонъ, палачъ захватилъ черные волосы въ руку. Шея напряглась... Теперь палачъ держалъ обѣими руками свою саблю и раскачивался на своихъ красивыхъ ногахъ...

— Га!

Тѣло Ти-Сои продолжало стоять, точно приклеенное къ колу. А надъ шеей сверкнули и брызнули въ чистый воздухъ двѣ струи.

III.

Дорога.

Мнѣ казалось, что я знаю Барнаво, ибо знаю типичнаго солдата. А Барнаво это солдатъ съ головы до ногъ, готовый, когда отъ него этого потребуютъ, своими неутомимо шагающими ногами, своей сгибающейся подъ ранцемъ спиной и всей своей широкой грудью заплатить за право не зарабатывать хлѣба, спать подъ крышей дома или палаткой и никогда не заботиться ни о комъ, даже о себѣ самомъ. Его безстрастная наблюдательность, его объективное отношеніе къ вещамъ—правда, это была объективность не особенно высокаго пошиба, но все-же объективность--все это были его личныя качества, но источникомъ ихъ являлось одно обстоятельство: у него было на все это время! Во всемъ остальномъ это былъ, несомнѣнно, профессіональный солдатъ—типъ уже вымирающій. А мнѣ казалось, что я знаю все, что можно знать о профессіональномъ солдатѣ. Изъ этого заблужденія вывелъ меня опять-таки онъ.

Было воскресное утро, и я зашелъ за нимъ, чтобы предложить ему позавтракать вмѣстѣ. Когда мы выходили, во дворъ въѣхала карета, одна изъ тѣхъ каретъ, на шоколадно-коричневомъ кузовѣ которыхъ можно прочесть тревожащую надпись: „Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Управленіе Тюремъ“. Эти длинные прямоугольные ящики, лишенные отверстій, за исключеніемъ узкихъ боковыхъ рѣшетокъ и задѣланной рѣшеткой двери, сквозь которую виднѣется угрюмый профиль жандарма или полицейскаго, имѣютъ особенно мрачный видъ. При мысли, что туда запираютъ живыхъ людей, которымъ, какъ и всѣмъ, нуженъ воздухъ, невольно чувствуешь отвращеніе и тоску. И это не только потому, что представляешь себѣ въ нихъ какого-нибудь обвиняемаго преступника или, можетъ быть, невиннаго—словомъ, что въ нихъ скрывается тайна, что онѣ возвѣщаютъ несчастье. Нѣтъ, просто онѣ безобразны! Онѣ ужасающе похожи на тѣ фургоны погребальныхъ бюро, въ которыхъ

мертвецовъ отвозятъ на вокзалы или на отдаленныя кладбища. Такъ и кажется, что отъ нихъ идетъ тяжелый запахъ, а узники, заключенные въ нихъ, кажутся уже похожими на обитателей гробовъ.

Сидѣвшій въ каретѣ муниципальный чиновникъ взялъ ключи, загремѣлъ задвижками и замками, и изъ кареты, шатаясь, вышелъ солдатъ колоніальной инфантеріи, лицо котораго выражало такую глубину паденія и отчаянія, что даже Барнаво—а его не легко прошибить, онъ знаетъ, какія опустошенія могутъ произвести пьянство, безуміе, изнеможеніе, слѣдующее за совершенными или допущенными преступленіями—даже Барнаво на моментъ остолбенѣлъ. Онъ тихонько свистнулъ.

— Ну, этому не выкрутиться!—сказалъ онъ.

Солдатъ дрожалъ, какъ издыхающее животное. Его сѣрое, свинцовое лицо, носившее печать отравы, которую оставляетъ въ мозгу и въ жилахъ застарѣлое, закоренѣлое, нездоровое и мучительное пьянство, было покрыто влажнымъ налетомъ, похожимъ на грязь.

— Здорово хватилъ!—сказалъ я.

— Нѣтъ,—сказалъ Барнаво, внезапно заинтересованный—онъ не пьянъ. Вода отрезвила его.

Видя, что я не понимаю, онъ прибавилъ:

— Посмотрите на его шинель; она вся мокрая. Панталоны тоже. Онъ мокръ, какъ губка, бѣдняга. А какое это производитъ дѣйствіе, когда человѣкъ пьянъ!

Чиновникъ протянулъ свою вѣдомость.

— Покушеніе на самоубійство,—сказалъ онъ.—Его вытащили на набережной. Тюремная больница прислала его сюда.

— Такъ,—сказалъ Барнаво,—теперь я понимаю.—Это восьмой за двѣ недѣли. Любопытная эпидемія, правда?

— Что-же ему за это полагается?—спросилъ я.

— Двадцать четыре часа больницы, если не схватитъ воспаленія легкихъ, и мѣсяцъ тюрьмы... Законъ! И это не помѣшаетъ ему начать сначала. Вѣдь это всегда одни и тѣже.

— Любовныя огорченія?—спросилъ я.

— Любовныя огорченія?—съ негодованіемъ отвѣтилъ Барнаво,—любовныя огорченія!.. Нѣтъ это народъ для такихъ вещей слишкомъ серьезный. Это—вина правительства. Эта свол....

— Несомнѣнно, — поспѣшилъ перебить я — это достаточное основаніе для того, чтобы покончить съ собой.—Но я не вижу, въ чемъ тутъ вина правительства.

— Вы это говорите, вы!—вскричалъ Барнаво.—Правитель-

ство не хочетъ посылать солдатъ корпуса колоніальной инфантеріи въ колоніи. Оно говоритъ, что кровь французовъ слишкомъ дорога, чтобы проливать ее въ заморскихъ авантюрахъ. Это фраза, которую твердятъ газеты. Но для чего эти типы поступили въ колоніальную инфантерію, для чего поступилъ въ нее я, если не для того, чтобы видѣть новыя страны, чтобы двигаться, ходить! Тѣ, кто поступаетъ въ корпусъ, не такіе люди, какъ вы, какъ всѣ. Это... это все равно, что люди-афиши.

Онъ видѣлъ, что я не понимаю, и раздражался, не находя словъ, чтобы пояснить свою мысль.

— Да,—сказалъ онъ,—люди-афиши, люди-сандвичи, если это вамъ больше нравится, тѣ, которые ходятъ между двумя досками-рекламами за два франка въ день. Есть такіе, которые дѣлаютъ это изъ-за денегъ, но есть и другіе: для тѣхъ это призваніе или болѣзнь, ужъ не знаю, какъ назвать. Они должны ходить! Почему непосѣдливы бродяги? Почему они изображаютъ вѣчнаго жида? Когда они останавливаются или когда ихъ заставляютъ остановиться,—въ сердцѣ или въ мозгу у нихъ какъ будто что-то отрывается... Душевная тошнота: ихъ тошнитъ, или имъ хочется умереть. И въ Парижѣ, во всѣхъ большихъ городахъ, такихъ типовъ гораздо больше, чѣмъ думаютъ. Конечно, имъ кажется такимъ пріятнымъ, такимъ удобнымъ сдѣлаться солдатомъ, особенно теперь, когда въ школахъ уже не учатъ молитвамъ, и когда стало труднѣе сдѣлаться бродячимъ священникомъ, братомъ-лазаристомъ или странствующимъ послушникомъ у Бѣлыхъ Отцовъ. Вы умираете съ голода,—вамъ дадутъ ѣсть. Вы не знаете, куда преклонить голову,—отечество дастъ вамъ постель, болѣе шикарную, чѣмъ въ убѣжищахъ и безъ обязательнаго душа. Умываешься только, когда хочешь. Вы не знаете, что дѣлать съ собой, не умѣете думать: за васъ думаютъ офицеры. Ваше дѣло только поворачиваться: направо, налѣво. Одни только жесты, какъ въ церкви... Бѣда въ томъ, что какъ только пристанище, ѣда, одежда, постель найдены, какъ только всѣмъ этимъ больше не нужно заниматься, то если сейчасъ же не начнешь двигаться, въ мозгу какъ будто что-то портится. Солдатъ, котораго вы видѣли, и семеро другихъ, — всѣ они поступили въ корпусъ годъ тому назадъ въ полной увѣренности, что ихъ пошлютъ въ Марокко. А вмѣсто того ихъ оставили здѣсь. Это ихъ убиваетъ. Они не могутъ больше жить.

Онъ задумался.

— Это было такъ давно,—сказалъ онъ затѣмъ,—что я едва помню. Три каторжника, которыхъ я видѣлъ на воен-

номъ судѣ въ Алжирѣ лѣтъ пятнадцать тому назадъ, были изъ той же породы. Имъ не хотѣли вѣрить, и я тоже не вѣрилъ имъ. Я не зналъ всего того, что знаю теперь,—я былъ новичекъ. Ихъ звали Баргуйль, Кольдрю и Мальтеръ. Но главный обвиняемый былъ Баргуйль. Онъ задушилъ своего товарища Бонвена, который былъ запертъ съ нимъ и съ двумя другими въ одну и ту же яму въ лагерѣ Аинъ-Суфъ. Въ то время наказанныхъ солдатъ еще сажали въ *сило*—это суживающіяся кверху, какъ бутылки, ямы, въ которыхъ туземцы прячутъ свой зерновой хлѣбъ. Теперь это запрещено. Мальтеръ и Кольдрю обвинялись въ сообщничествѣ; они говорили, что были только свидѣтелями, и что имъ нечего сказать, кромѣ того, что они видѣли, какъ Баргуйль душилъ Бонвена. Но когда ихъ спрашивали, почему,—они пожимали плечами.

— Должно быть, не взлюбили другъ друга, — говорили они.

Я былъ въ дежурной стражѣ на судѣ, и теперь еще, когда я думаю объ этомъ, я вижу ихъ коричневыя шинели, съ которыхъ они сорвали всѣ пуговицы—зачѣмъ, не зналъ тогда никто. На судѣ они держались тупо, но вполнѣ прилично. Они не вели себя вызывающе, отвѣчали тихо; но въ душѣ они какъ будто были довольны, и то, что дѣлалось вокругъ нихъ, ихъ какъ будто не касалось. Баргуйль все время повторялъ:

— Это вѣрно, что я убилъ Бонвена, это вѣрно, и, если сказать правду, я, такъ сказать, жалѣю объ этомъ. Мальтеръ и Кольдрю только смотрѣли, они ни въ чемъ не виноваты. Больше мнѣ нечего сказать.

Но капитанъ, который былъ за прокурора, въ концѣ концовъ сталъ намекать, что причину здѣсь надо искать въ преступленіи противъ нравственности. Въ жизни каторжниковъ бываютъ такія маленькія исторіи. Ихъ нельзя обвинять за это, не правда ли? Цѣлые годы, которые длится ихъ наказаніе, они совершенно одни, безъ единой женщины, а они молоды, не правда ли, и въ каторгу они попадаютъ не прямо отъ маменькиной юбки. Тутъ вѣдь есть и разбойники, и убійцы, и всякіе бездѣльники. Въ предположеніи капитана не было ничего чрезвычайнаго. И почему-бы ему, Баргуйлю, было не признаться въ этомъ или въ чемъ-нибудь другомъ? Вѣдь онъ все равно долженъ былъ умереть, тутъ ужъ ничего нельзя было подѣлать. Но мысль о смерти внушаетъ людямъ такія идеи, о которыхъ и не подумалъ бы, что онѣ могутъ у нихъ быть. Баргуйль вдругъ принялся орать:

— Это неправда, неправда! Пусть меня разстрѣляютъ, я

не протестую, я согласенъ: что посѣешь, то и пожнешь. Но я не хочу, чтобы говорили обо мнѣ такія вещи: я не хочу, чтобы это сказали... чтобы это говорили у меня дома, въ моемъ кварталѣ.

Я чувствовалъ, что, если бы онъ посмѣлъ, онъ сказалъ бы: „я не хочу, чтобы это сказали мамѣ!“ Его родители держали мясную лавку въ Парижѣ въ кварталѣ Муффтаръ. Но онъ стыдился сказать это. И потомъ, когда произносишь нѣкоторыя слова, теряешь хладнокровіе; этого нельзя дѣлать.

Тогда Мальтеръ вдругъ сказалъ:

— Да, это несправедливо. Мы поклялись не говорить, но ему это слишкомъ тяжело. Слушай, Баргуйль, говори, какъ хочешь, это будетъ хуже для насъ, но это ничего, говори все. Послушай, Кольдрю, онъ можетъ говорить?

Кольдрю не такъ рѣшителенъ: онъ боялся послѣдствій. Однако, онъ сказалъ:

— Если вы оба за это, это выходитъ большинство. Пусть будетъ по вашему.

Баргуйль минуту подумалъ, затѣмъ сказалъ:

— Я не могу сказать это самъ, это слишкомъ трудно. Скажи лучше ты, Мальтеръ. Ты смѣлѣй и образованнѣй тоже.

— Хорошо,—сказалъ Мальтеръ.—Вотъ какъ это было:

„Мы сидѣли въ ямѣ уже двѣ недѣли. Ведро, кружка, четыре человѣка и полхлѣба на всѣхъ — вотъ все, что намъ давали. Первые дни мы все-таки пѣли, пробовали шутить и играли въ четъ и нечетъ пуговицами отъ шинелей“.

— Впослѣдствіи я узналъ этотъ обычай, — пояснилъ Барнаво. Передъ тѣмъ, какъ посадить солдатъ въ яму, ихъ конечно, обыскиваютъ; у нихъ отбираютъ карты. Но что изъ того? Они превращаются въ ребятъ и играютъ въ камушки, въ четъ или нечетъ пуговицами отъ шинелей.—Мальтеръ продолжалъ:

— Это было однако трудно, потому что на насъ были кандалы, да еще двойные. Но мы кое-какъ ухитрялись. Я только позволю себѣ замѣтить господамъ офицерамъ,—онъ произнесъ эти слова съ изящнымъ поклономъ,—относительно того, въ чемъ обвиняютъ Баргуйля: при такомъ мѣстоположеніи это было бы очень трудно.

„Бонвенъ первый началъ киснуть. Онъ спалъ вмѣсто того, чтобы играть. Когда онъ не спалъ, онъ говорилъ, что у него лихорадка. У кого ея нѣтъ? Лихорадка, какъ голодъ, она не можетъ не быть, она приходитъ и уходитъ, къ ней привыкаютъ, это—не болѣзнь. Но Бонвенъ плакалъ отъ нея.

Это доказываетъ, что тутъ было что-то другое, и это другое чувствовали мы всѣ. Были кандалы, и было скучно. Въ концѣ-концовъ Бонвенъ началъ жаловаться:

— „Здѣсь слишкомъ темно, чортъ побери!

„Это была неправда: вѣдь яма была открыта сверху. Но свѣтъ въ ней былъ какой-то тусклый, можетъ быть, изъ-за запаха,—вѣдь свѣтъ и запахъ смѣшиваются,—а можетъ быть, по сравненію съ небомъ, которое видно было сверху въ отверстіе ямы. Когда мы поднимали глаза, было свѣтло, было такъ свѣтло, какъ будто мы летали на крыльяхъ въ самомъ небѣ. А когда мы потомъ смотрѣли на свои ноги, конечно, мы переставали ихъ видѣть, было совсѣмъ темно.

„Кольдрю подхватилъ. Онъ сказалъ:

— „Это вѣрно! Я чувствую безпокойство.

— „За твое будущее?—насмѣшливо спросилъ Баргуйль.

— „Нѣтъ,—сказалъ Кольдрю.—Въ ногахъ.

„Неудивительно, что чувствуешь безпокойство въ ногахъ, когда на нихъ надѣли кандалы. Всѣ мы почувствовали его, когда онъ заговорилъ объ этомъ, но не только въ колѣняхъ или въ ягодицахъ. Никто не повѣритъ, что боль ногъ можно чувствовать въ головѣ, но это такъ.

„Я сказалъ:

— „Однако здѣсь свѣжо.

— „Свѣжѣе, чѣмъ на улицѣ, когда солнце жаритъ, когда камни трескаются на солнцѣ!

„Мы всѣ четверо принялись думать о солнцѣ. Оно было какъ огненное колесо, какъ фейерверкъ, и нашъ мозгъ вертѣлся съ нимъ вмѣстѣ. Представляли мы себѣ также все то, что можно увидѣть среди бѣла дня въ горныхъ странахъ: тропинку, которая извивами уходитъ за дюны; финиковую пальму, одну среди равнины, которую посадили здѣсь, какъ говорятъ господа офицеры, для топографіи; верблюдовъ, жующихъ своими толстыми мозолистыми языками сѣрую траву и иногда какого-нибудь бѣдняка изъ Бико, сидящаго бокомъ на своемъ ослѣ, котораго онъ бьетъ обѣими ногами, точно старая женщина, работающая на швейной машинѣ. Но особенно ясно мы представляли себѣ утро и вечеръ, когда на поблѣднѣвшемъ небѣ ложатся золотыя и красныя полосы, а ты маршируешь себѣ,—разъ два, разъ два,—на своихъ тридцати-двухъ сапожныхъ гвоздяхъ. Дорога, дорога и выпивка! Вѣкъ идти, а въ промежуткахъ покутить. Вотъ вѣдь для чего созданъ человѣкъ!

„Кольдрю спросилъ:

— „Когда насъ выпустятъ отсюда?

„Бонвенъ отвѣтилъ:

— „Когда выпустятъ отсюда, заставятъ опять бить камни. Разницы никакой.

„Они всѣ думали, какъ Бонвенъ. Я по привычкѣ сказалъ:

— „А досрочное освобожденіе?

— „Для насъ нѣтъ никакого досрочнаго освобожденія,—сказалъ Бонвенъ.—Мы осуждены на каторгу. Не будь дуракомъ.

— „Да,—сказалъ Баргуйль,—для насъ нѣтъ ничего. Я хотѣлъ бы попасть подъ судъ!

— „Какая отъ этого была бы польза?—спросилъ я. Но я еще не успѣлъ сказать этого, какъ всѣ поняли, въ чемъ дѣло. Попасть подъ судъ значило бы выйти изъ ямы.

— „Далеко отсюда судъ?—спросилъ Баргуйль.

— „Судъ,—отвѣтилъ Мальтеръ,—въ Сфаксѣ: сто восемьдесятъ километровъ; девять этаповъ.

„Это значитъ: девять дней. Девять дней идти! Это шикарно, это великолѣпно! Мнѣ казалось, что я слышу музыку, я былъ въ восторгѣ! Весь день больше никто не говорилъ ни слова. Мы только смотрѣли другъ на друга. Я не знаю, кто изъ насъ, наконецъ, сказалъ:

— „Одинъ долженъ отправиться на тотъ свѣтъ. Другіе пойдутъ на судъ.

— „Тогда,—продолжалъ Мальтеръ,—мы стали играть въ четъ и нечетъ, чтобы узнать, кому изъ насъ умереть. Это продолжалось недолго; проигралъ Бонвенъ. Онъ сказалъ:

— „Мнѣ не везетъ! Мнѣ приходится всегда платить за всѣхъ!—Затѣмъ онъ закрылъ глаза, а мы продолжали играть, чтобы узнать, кто-же прикончитъ его. Проигралъ Баргуйль. Онъ только сказалъ Бонвену:

— „Придется это сдѣлать мнѣ, дружище. Не сердись на меня за это.

„Но Бонвенъ не открылъ глазъ. Онъ не хотѣлъ. Онъ даже не пикнулъ. А мы оба, Кольдрю и я, не пошевели и пальцемъ, клянусь въ этомъ. Скажи, Баргуйль, пошевелили-ли мы хоть пальцемъ?

— „И не думали,—подтвердилъ Баргуйль, сплевывая.—Я сказалъ, что это сдѣлалъ я. Я одинъ. И конецъ“.

Барнаво кончилъ. Я спросилъ:

— Что-же сдѣлали съ Баргуйлемъ?

— Разстрѣляли, конечно,—сказалъ Барнаво,—а тѣмъ двумъ прибавили по десять лѣтъ. Они это напередъ знали, имъ было наплевать, свое они взяли: они девять дней шли по дорогѣ подъ солнцемъ. Они знали, что имъ за это будетъ; они не жаловались.

— А вы, старые солдаты, вы тоже остаетесь на службѣ, чтобы шагать по дорогѣ?

— Всѣ болѣе или менѣе!—увѣреннымъ тономъ подтвердилъ Барнаво.

IV.

Баръ.

На одномъ изъ угловъ Севрской улицы, возлѣ Института слѣпыхъ, находится старенькое, бѣлое, уютное и гостепріимное Вогезское кафе. Тамъ я встрѣтилъ Барнаво за столикомъ на террассѣ, въ обществѣ толстаго бѣлокураго человѣка, одѣтаго во все бѣлое: колоніальный костюмъ во всей его чистотѣ, недоставало только каски. Это меня нисколько не удивило: колоніальные служащіе высшаго разряда посѣщаютъ бульварные кафе. Съ тѣхъ поръ, какъ управленіе колоніями перенесли на улицу Удино, остальнымъ кафе пришлось уступить своихъ кліентовъ этому старенькому Вогезскому кафе, гдѣ они встрѣчаютъ чиновниковъ министерства,—людей, по ихъ мнѣнію, могущественныхъ, внушающихъ имъ зависть и уваженіе. Поэтому я подумалъ, что передо мной находится маленькій колоніальный чиновникъ,—служащій въ таможнѣ, который въ эту жару воспользовался своимъ старымъ костюмомъ, за что его можно было только одобрить. Но Барнаво вывелъ меня изъ этого заблужденія.

—Онъ?—сказалъ Барнаво.—Онъ—поваръ въ ресторанѣ, здѣсь, рядомъ!

И, въ самомъ дѣлѣ, никого нельзя такъ легко принять за колоніальнаго чиновника, какъ повара или кондитера въ официальномъ облаченіи его профессіи. Я извинился. Но бѣлокурый, бѣлый человѣкъ сказалъ:

— Тутъ нѣтъ ничего обиднаго. Я и въ самомъ дѣлѣ ношу теперь свои старыя вещи, которыя носилъ тамъ, въ колоніяхъ. Развѣ я зналъ бы Барнаво, если бы не былъ тамъ? Но все-таки я всегда былъ только поваромъ: сначала въ полку, потомъ на пароходахъ „Грузового Общества", а потомъ у господина Лареша, консула въ Ріо-Негро.

Съ запада, гдѣ заходило солнце, лѣтнее парижское небо, неумолимо чистое, окрашивалось въ зеленый и розовый тона. Небо Сахары, рѣзкое, дымчатое, великолѣпное! Но вотъ съ сѣвера подулъ немного болѣе свѣжій вѣтерокъ, и газетчики начали предлагать вечернія газеты. По привычкѣ я взялъ одну. Въ ней опять говорилось о недоразумѣніяхъ съ Германіей по поводу Марокко.

— Мы, конечно, уступимъ,—сказалъ Барнаво.—Вѣдь мы всегда уступаемъ пруссакамъ.

У Барнаво есть большой недостатокъ: онъ говоритъ обо всемъ. Когда онъ начинаетъ разсуждать о дипломатическихъ вопросахъ, я дѣлаю все, что могу, чтобы не слушать: его мнѣнія всегда самаго крайняго характера, а его аргументы недостаточно убѣдительны. Но толстаго человѣка было интересно послушать.

— Это глупости,—сказалъ онъ,—все, что они дѣлаютъ, глупости! Это все люди, которые торопятся. Никогда не слѣдуетъ торопиться. Вотъ это и есть дипломатія: не торопиться.

Барнаво принялся развивать обширный планъ европейской войны. Онъ былъ невыносимъ. Толстякъ опять прервалъ его.

— Нужно послужить въ дипломатіи, чтобы говорить,—сказалъ онъ.—Я-то служилъ у консула. Потому я и знаю. Такая исторія уже была когда-то, въ Ріо-Негро. Это то-же самое.

Дѣло, о которомъ онъ говорилъ, произошло давно. Оно оставило въ моемъ умѣ только смутное воспоминаніе. Я попросилъ его разсказать.

— Ріо-Негро,—началъ поваръ,—маленькій портъ въ африканскихъ владѣніяхъ Португаліи, на берегу Тихаго океана; онъ со всѣхъ сторонъ окруженъ нашими владѣніями. Тѣмъ не менѣе туда посадили консула. Я вамъ скажу, почему. Онъ каждый день повторялъ:

— „Вотъ, что значитъ быть морякомъ и изслѣдователемъ. Эти господа съ набережной Орсэ *) все время даютъ мнѣ гнусныя мѣста: человѣкъ, который что-нибудь умѣетъ дѣлать, никогда не сдѣлаетъ карьеры. Что мнѣ остается дѣлать здѣсь? Писать доклады о торговлѣ? Не могу же я твердить до полусмерти, что португальцы не торгуютъ ничѣмъ, кромѣ своихъ почтовыхъ марокъ“.

„Кажется, португальцы сами находили, что этого недостаточно. Они вступили въ переговоры съ нами, предлагая обмѣнить эту колонію на что-нибудь другое или продать ее. Но все это разбиралось въ Парижѣ. Господина Лареша послали сюда только для того, чтобы показать интересъ, съ которымъ Франція относится къ Ріо-Негро. Но ему не говорили ничего, его не держали въ курсѣ дѣла, и ему нечего было дѣлать, абсолютно нечего. Иногда, во время солнечнаго заката, онъ ходилъ на берегъ рѣки охотиться за ящерицами. Тамъ водятся такія большія ящерицы, которыя очень вкусны.

*) Министерство Иностранныхъ Дѣлъ въ Парижѣ. Прим. перев.

Я приготовлялъ ему ихъ соусъ-тартаръ, но Сараи, его маленькая муссо,—тамошняя, такъ сказать, жена,—отказывалась ѣсть ихъ подъ тѣмъ предлогомъ, что она происходитъ отъ этого животнаго, и что ея принципы не позволяютъ ей ѣсть своего предка безъ крайней необходимости. Въ концѣ концовъ ему опротивѣло приносить дичь и видѣть, что его женщина не хочетъ ея, и онъ далъ мнѣ свое ружье, приказавъ обернуть замокъ жирной тряпкой, заткнуть стволы и положить въ футляръ. Затѣмъ онъ началъ писать романъ, въ которомъ говорилъ, что муссо—маленькая дикарка, что онъ ея не понимаетъ, что никто ея никогда не пойметъ, и что она обманываетъ его съ неграми. Но черезъ двѣ недѣли онъ бросилъ его подъ предлогомъ, что очень жарко, что все это написано другими мореплавателями, и что, слѣдовательно, онъ не имѣетъ права заниматься этимъ, потому что онъ больше не морякъ.

„Вѣроятно, это навело его на мысль о его прежней профессіи. Я уже думалъ, что онъ сойдетъ съ ума отъ скуки, какъ вдругъ у него явилась новая фантазія: онъ сталъ развлекаться катаньемъ по морю въ дрянной мѣстной лодкѣ съ восемью туземцами въ качествѣ гребцовъ. Онъ называлъ это „заниматься гидрографіей бара“, и, дѣйствительно, онъ цѣлый день дѣлалъ измѣренія глубины, дѣлалъ замѣтки, а, вернувшись домой, строилъ множество плановъ. Иногда это, конечно, стоило ему хорошей ванны. Вы знаете, что такое баръ? Это такая мель въ устьѣ рѣки“.

Мы оба утвердительно кивнули головой.

— „Я не знаю, отчего это происходитъ. Говорятъ, что это дѣлается отъ встрѣчи въ устьѣ водъ рѣки съ волнами открытаго моря. Но бары бываютъ и тамъ, гдѣ нѣтъ рѣки, — просто въ морѣ у берега. Переплывать баръ умѣютъ только туземцы. Они дотрогиваются до своихъ амулетовъ, выжидаютъ моментъ, когда вода перестаетъ бурлить и бросаютъ лодку на гребень одного изъ этихъ валовъ... О! ла! О!—секунда, и одинъ валъ позади. О! ла! О!—еще одинъ, и такъ все время. Стòитъ одинъ разъ промахнуться, и дно барки можетъ треснуть, какъ орѣхъ, да и головы человѣческія, хотя народъ тамъ хитрый. Да, тамъ бываетъ скверно съ выгрузкой: гребцы только негры... И вотъ иногда проходятъ дни, недѣли, мѣсяцы, когда они ни за что не берутся за перевозку. Сиди и жди.

„Господинъ консулъ объявилъ, что намѣренъ найти законъ движенія баровъ, разспрашивалъ туземцевъ, бесѣдовалъ со старымъ Уильсономъ, начальникомъ факторіи Вербекъ, который раньше былъ лоцманомъ, и дѣлалъ у себя въ тетрадкѣ какія-то вычисленія. Но вотъ, въ одинъ

прекрасный день приносятъ шифрованную депешу. Онъ расшифровываетъ ее самъ, потому что у него не было секретаря, и раскрываетъ глаза отъ удивленія. Это все изъ-за этого обмѣна съ португальцами, о которомъ говорили уже цѣлые годы и могли говорить еще сто лѣтъ. Какъ видно, нѣмцы вдругъ рѣшили, что имъ это не нравится. Или же имъ за это тоже нужно было что-нибудь получить: Шампань, Бургундію, обелискъ съ площади Согласія или разрѣшеніе свободнаго проѣзда въ трамваяхъ. И, чтобы показать свою рѣшимость, они посылаютъ въ Ріо-Негро канонерку *Фафнеръ*.

„Если бы вы видѣли господина консула! Несомнѣнно, что онъ не радовался такъ со времени своего перваго причастія. Военное судно, въ Ріо-Негро прибудетъ военное судно! Какъ моряку, ему сначала было безразлично, что это нѣмецкій корабль. Онъ сейчасъ же взялся за свой... какъ называется та штука, въ которой моряки находятъ имена всѣхъ военныхъ судовъ всего свѣта, съ описаніемъ ихъ, ихъ изображеніемъ и всякой всячиной?"

— „Морской Еженедѣльникъ" Брассея,—подсказалъ я.

— „Да, оно самое. И когда онъ кончилъ читать, сначала онъ былъ разочарованъ.

— „Да вѣдь это баржа,—сказалъ онъ.—Кастрюля, дрянная маленькая кастрюля!

„Затѣмъ выраженіе его лица измѣнилось. Я никогда не видѣлъ Наполеона. Это было не въ мое время. Но мнѣ никогда не выбьютъ изъ головы, что у Наполеона должно было быть такое выраженіе лица, когда онъ предвидѣлъ побѣду. Онъ потянулъ свою муссо Сараи за утиный хвостикъ, который торчалъ у нея сзади на головѣ—такъ причесываютъ волосы тамошнія женщины—и сказалъ ей:

— „Будетъ большой. Будетъ консулъ, будетъ консулъ перваго класса и главный консулъ. Будетъ посланникъ!

„Хотя онъ приспособлялся къ языку Сараи, она, конечно, не поняла ни слова, но отвѣтила:

— „Будетъ хорошій!

„Я тоже не понималъ, но хозяинъ былъ доволенъ, и это доставляло мнѣ удовольствіе, потому что онъ былъ покладистый человѣкъ и не гордъ. Онъ сейчасъ же отправилъ длинную шифрованную депешу и началъ съ нетерпѣніемъ ждать *Фафнера*. Ему пришлось ждать недолго. Три дня спустя нѣмецкая канонерка была передъ Ріо-Негро. Она салютовала пушечными выстрѣлами, на которые португальцы отвѣтили залпами изъ чего-то вродѣ бомбарды; за этимъ послѣдовалъ визитъ португальскаго губернатора съ его почтовыми марками—никогда не слѣдуетъ терять случая,—визитъ командира господина *Фонъ-деръ-не-знаю-какъ* губерна-

тору: словомъ, безконечная исторія! Но что это была за кастрюля, этотъ *Фафнеръ*! Господинъ консулъ сказалъ правду: кастрюля, въ которой я не согласился бы варить даже горошекъ.

„Однако, я не знаю, что французское правительство отвѣтило консулу. Онъ былъ въ отчаяніи. Онъ кричалъ:

— „Они идіоты тамъ, въ Парижѣ, настоящіе идіоты! Это невообразимо, это чудовищно! Послѣ того, что я имъ сказалъ... Мнѣ уйти... они „полагали бы“, что мнѣ слѣдуетъ убраться! Я уйду въ январѣ, если я ошибся. И пусть они мнѣ тогда даютъ отставку, пусть отзовутъ меня. Ослы! Идіоты!

„Нѣмцы получили приказаніе не сходить на землю. Они все-таки сходили, но инкогнито, маленькими партіями, чтобы, какъ это полагается, познакомиться поближе съ женскимъ населеніемъ Ріо-Негро. Они напивались до безчувствія, тоже какъ полагается. Старикъ Вильсонъ, бывшій англійскій лоцманъ, довольно часто приходившій вечеромъ съ докладомъ, по причинѣ „дружескаго согласія“, говорилъ только, резюмируя:

— „Uneventual, sir!

„Послѣ этихъ визитовъ старика Вильсона господинъ консулъ снова принимался за свои разсчеты съ маленькими буквами вмѣсто цифръ, и я слышалъ, какъ онъ громко повторялъ:

— „Какіе идіоты, какіе непроходимые идіоты! Пусть они ждутъ, пусть тянутъ до конца года. Я увѣренъ...

„Какъ-то разъ онъ обронилъ клочки депешъ. И однажды утромъ я прочелъ:

„Такъ называемый, усиленный приливъ... господинъ министръ, я считаю своимъ долгомъ напомнить вамъ, это представляетъ собой рядъ громадныхъ волнъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней упорно и непрерывно разбивающихся о берегъ. Это очень частое явленіе на западномъ берегу Африки такъ же, какъ на протяженіи всей атлантической части Марокко. Однако, особенно часто эти волненія происходятъ въ зимніе мѣсяцы, отъ ноября до мая, и случается, что они продолжаются безпрерывно въ теченіе лѣтнихъ и осеннихъ мѣсяцевъ вплоть до января.

„Во время этихъ усиленныхъ приливовъ баръ переносится болѣе или менѣе далеко къ открытому морю, причемъ точно опредѣлить его новое расположеніе невозможно: и тогда, если судно стоитъ на якорѣ недалеко отъ берега, волны размываютъ песчаный грунтъ, отрываютъ якорь, и судно не можетъ держаться и можетъ быть легко унесено въ открытое море. Если якори не поддаются, то во всякомъ

случаѣ держаться очень тяжело, и надо, чтобы они были сдѣланы изъ великолѣпнаго матеріала. Единственное спасеніе это—бѣжать въ открытое море... Единственные предвѣстники этихъ приливовъ—это очень сильное охлажденіе воздуха, которое проходитъ незамѣченнымъ, если не знать его причины, и необычайная, предшествующая явленію, тишина.

„Вотъ какова была дипломатическая корреспонденція господина консула. Я въ этомъ ничего не понимаю, но она меня удивляла. Октябрь былъ очень хорошъ, что какъ будто злило господина консула. Несомнѣнно, онъ находилъ, что жара продолжается слишкомъ долго. Но въ ноябрѣ погода перемѣнилась, и вѣтеръ, дувшій съ моря, сильно посвѣжѣлъ. Тогда лицо господина консула порозовѣло, какъ у молодой дѣвушки. Однажды утромъ онъ отправился къ туземцамъ.

— „Надо переѣхать баръ,—сказалъ онъ.

„Но негры не хотѣли и слышать объ этомъ. Господинъ консулъ вернулся домой, потирая руки, и весь день провелъ на балконѣ, глядя на море. Вода вся, сколько видѣлъ глазъ, была перемѣшана съ пескомъ, и *Фафнеръ* каждую минуту клевалъ носомъ, точно утка, вылавливающая изъ тины червяка.

— „Лишь бы только онъ оставался вѣренъ своему долгу, чортъ побери! — сказалъ господинъ консулъ. — Лишь бы только онъ не удралъ. Сюда, старое корыто, сюда послало тебя твое отечество, сюда, а не въ открытое море!

„Вечеромъ, послѣ обѣда, онъ не хотѣлъ ложиться спать. Онъ вышелъ и привелъ съ собой старика Вильсона. Онъ сидѣлъ и курилъ трубку, а господинъ консулъ взялъ книгу и принялся декламировать:

— „О, сколько моряковъ, сколько капитановъ...

„Вильсонъ, знавшій по французски только нѣсколько словъ, слушалъ, не говоря ни слова. Теперь онъ уже не только курилъ трубку, но и пилъ виски. Я легъ спать. Часа въ два утра я услышалъ пушечный выстрѣлъ, за нимъ другой, третій. Я живо одѣлся. Господинъ консулъ говорилъ:

— „Вотъ оно. Я такъ и зналъ! *Фафнеръ* не могъ выдержать, когда къ бару присоединился еще приливъ. *Фафнеръ* въ опасности. Онъ пойдетъ ко дну!

— „Sh'is leaky,—сказалъ Вильсонъ.

— „Да, дружище Вильсонъ, leaky. Ахъ, баръ Ріо-Негро славный баръ! Я былъ увѣренъ, я былъ увѣренъ, что это будетъ такъ!

„Онъ прервалъ себя и вскричалъ:—Это еще не все, надо отправиться туда!

„Вильсонъ былъ того-же мнѣнія. Видны были огни корабля, и отъ времени до времени, зовя на помощь, гремѣла пушка. Негры не проявляли никакого желанія спустить лодку на воду.

— „Двадцать піастровъ на человѣка,—сказалъ господинъ консулъ:—сто франковъ! Куча верблюдовъ!

„Они сдались. Вильсонъ подталкивалъ ихъ кулакомъ въ спину, и они отправились всѣ восьмеро, съ господиномъ консуломъ и лоцманомъ. Ну, и ночь-же была! Какъ они не утонули? Это—чудо! Черезъ полтора часа они вернулись. Они бросили на канонерку конецъ, устроили переправу, и весь экипажъ *Фафнера* былъ спасенъ, включая господина Фонъ-деръ-не-знаю-какъ. Господинъ консулъ вымокъ, какъ губка. Но онъ очень вѣжливо сказалъ командиру *Фафнера*:

— „Мой домъ открытъ для васъ, сударь.

„Тотъ держалъ себя молодцомъ. Онъ отвѣтилъ на превосходномъ французскомъ языкѣ;

— „Я не имѣю права ни въ чемъ вамъ отказать, сударь!

„Они выпили еще по доброй порціи виски съ теплой водой и съ сахаромъ, и я приготовилъ нѣмецкому командиру постель.

„Но, лично убѣдившись, приготовлено ли для гостя все, какъ слѣдуетъ, господинъ консулъ спустился опять въ свой кабинетъ и послалъ послѣднюю депешу:

— „...Какъ я и предсказывалъ Вашему Превосходительству, было невозможно, чтобы канонерка возраста и вмѣстимости *Фафнера* устояла передъ усиленнымъ приливомъ, который дѣлаетъ опаснымъ рѣчной баръ. Я счастливъ довести до свѣдѣнія Вашего Превосходительства, что экипажъ удалось спасти...“

— Ну,—спросилъ я,—и это все?

— Разумѣется все,—отвѣтилъ поваръ.—Событія показали, что, какъ портъ, Ріо-Негро не стоитъ Марсели, а *Фафнеръ* покоится на днѣ моря. Никто не говорилъ больше ни о чемъ.

— Скажите,—спросилъ я,—а въ Агадирѣ нѣтъ бара?

— Никуда негодный. Я проѣхалъ черезъ него въ угольщикѣ, обслуживавшемъ мѣстные порты...

V.

Месть за Ватерлоо.

Несомнѣнно, что скандалъ на бульварѣ былъ вызванъ этимъ англичаниномъ, одѣтымъ, какъ джентльменъ: онъ былъ явно пьянъ, и въ опьяненіи его былъ размахъ, была фантазія. Прежде всего онъ позвалъ извозчика—не потому, чтобы ему было трудно держаться на ногахъ: напротивъ, онъ держался очень прямо и съ великолѣпной гордостью выпрямлялъ свою шестифутовую фигуру. Но, я думаю, ему казалось, что въ каретѣ онъ скорѣе попадетъ въ другое мѣсто, гдѣ найдетъ другое шампанское. Онъ не принялъ въ разсчетъ великолѣпныхъ вдохновеній своего мозга. Многочисленные соціологи отдавали справедливость британской націи: она любитъ дѣйствіе. А мы знаемъ, что хмель развертываетъ природныя дарованія человѣка, доводитъ ихъ до пароксизма. Этотъ англичанинъ долженъ былъ быть великодушной и сострадательной натурой, къ тому-же ему было жарко. Для начала у него явилось желаніе сѣсть на козлы, чтобы освѣжиться. Затѣмъ онъ подумалъ, что кучеру, наоборотъ, должно было надоѣсть дѣлать вѣчно одно и то-же, и онъ вѣжливо предложилъ ему занять мѣсто на подушкахъ кареты, а ему передать возжи. Надо-же было бѣднягѣ какое-нибудь разнообразіе! Кучеръ, которому было хорошо заплачено, счелъ своимъ долгомъ пойти навстрѣчу желаніямъ сѣдока. Нельзя себѣ представить ничего болѣе удивительнаго, какъ чувствительность нѣкоторыхъ лошадей, давно привыкшихъ къ удиламъ. Право, это своего рода телепатія! Съ того момента, какъ возжи перешли къ англичанину, лошадь начала вести себя, какъ пьяная. Она описывала на торцовей мостовой самыя необыкновенныя фигуры, мѣняла направленіе самымъ капризнымъ образомъ. Англичанинъ не понималъ причины этого, но его сердце утопало въ нѣжности; изъ явленій, которыя были передъ его глазами, онъ просто сдѣлалъ выводъ, что бѣдная лошадь устала. Повидимому, устала еще больше, чѣмъ самъ кучеръ, а онъ подумалъ о человѣкѣ прежде, чѣмъ о животномъ! Онъ рѣшилъ загладить эту несправедливость.

Въ этотъ-то моментъ Барнаво и я и увидѣли его. Выпрягши лошадь съ быстротой, указывавшей на дѣйствительныя познанія въ области гиппологіи, англичанинъ старался *заставить ее войти въ карету*.

Лошадь не хотѣла. Несомнѣнно, она находила, что ка-

рета недостаточно велика. Но я убѣжденъ, что, кромѣ того, у нея было чувство приличія, и что она хотѣла, какъ этого требуетъ благопристойность, остаться на своемъ мѣстѣ. Право, у нея былъ шокированный видъ. У кучера тоже. Его сѣдокъ надоѣлъ ему. Я предполагаю, что онъ выразилъ это мнѣніе въ довольно энергичной формѣ, потому что англичанинъ самымъ неоспоримымъ образомъ показалъ ему свое превосходство въ искусствѣ бокса.

Слѣдствіемъ этого было пробужденіе въ публикѣ національныхъ чувствъ. Англичанинъ, раздавленный численнымъ превосходствомъ, нѣсколько минутъ боролся съ неукротимой энергіей; онъ погибъ-бы въ этой неравной борьбѣ, еслибы его не спасло вмѣшательство полиціи. Но больше всего во всей этой исторіи меня удивило безразличіе Барнаво,—безразличіе, которое не было въ его привычкахъ. У Барнаво есть инстинктъ справедливости, по крайней мѣрѣ во всемъ, что касается борьбы; его снисходительность къ людямъ, не отличающимся добродѣтелью трезвости, объясняется личными воспоминаніями и тѣмъ принципомъ, что не слѣдуетъ укорять другихъ за грѣхи, отъ которыхъ не свободенъ самъ; наконецъ онъ любитъ естественныя проявленія геніальности. И однако онъ презрительнымъ окомъ взиралъ на этого несчастнаго англичанина, котораго его героизмъ и фантазія довели до участка. Я горько упрекнулъ его въ этомъ: онъ казался мнѣ недостойнымъ самого себя.

— Потому, что это англичанинъ!—сухо отвѣтилъ Барнаво.—Я ихъ не люблю.

— Барнаво, — сказалъ я ему:—вѣдь они наши друзья почти союзники! Не проявляйте личныхъ пристрастій въ политикѣ.

— Я не проявляю личныхъ пристрастій въ политикѣ,—возразилъ Барнаво.—Но англичане мнѣ противны, потому что, по ихнему, имъ все можно, а другимъ нельзя. Они понимаютъ только своихъ и находятъ извиненія только для своихъ. Другіе народы должны всегда вести себя хорошо. Это несправедливо! Я зналъ когда-то дядю Барбье сапера...

Я порылся въ своей цамяти.

— Барбье... Тотъ, который былъ въ Либревиллѣ?

— Онъ былъ въ Либревиллѣ, — отвѣтилъ Барнаво,—но потомъ его перевели въ Обокъ. Тамъ съ нимъ и приключилась эта бѣда. Вы, навѣрно, помните его! Что это былъ за молодчина! Я такъ и представляю себѣ его съ его большой бородой, съ кускомъ мѣла, который онъ всегда носилъ у себя въ карманѣ и которымъ чистилъ свою каску и полотняные башмаки, какъ только замѣчалъ на нихъ пят-

нышко, царапинку, какой-нибудь пустякъ... и съ кусочкомъ кожи, которымъ онъ теръ свои мѣдныя пуговицы. Это былъ солдатъ, настоящій солдатъ, хотя только саперъ; и въ то-же время чиновникъ! Почеркъ дяди Барбье! Одна буква была какъ другая, а когда ему нужно было написать заглавную букву, онъ выдѣлывалъ перомъ такія финты, точно фехтмейстеръ, который собирается проткнуть васъ шпагой... Такъ вотъ его и назначили охранять Обокъ.

— Но вѣдь въ Обокѣ нѣтъ больше никого!—замѣтилъ я.— Вотъ уже двадцать лѣтъ, какъ въ министерствѣ удостоили замѣтить, что Обокъ недоразумѣніе, большое административное и географическое недоразумѣніе, и что ему слѣдуетъ предпочесть Джибути.

— Потому-то туда и назначили дядю Барбье,—продолжалъ Барнаво.—Вы знаете, что Обокъ устраивали на широкую ногу. Тамъ былъ губернаторскій дворецъ, госпиталь, нѣчто въ родѣ казармы для администраціи, тюрьма,—все, что нужно, чтобы колонія была счастлива,—и четыре пальмы, которыя надо было все время поливать, потому что въ этой странѣ естественнымъ образомъ ничто не произростаетъ. Когда рѣшено было переѣхать въ Джибути, туда перевезли все, что могли: госпитальныя кровати, окна и двери губернаторскаго дворца и домовъ и даже пушку. Но вѣдь принципы священны. Существуетъ принципъ, по которому, если французское знамя развѣвалось однажды на какомъ-нибудь пунктѣ земного шара, оно должно продолжать развѣваться на немъ во вѣки вѣковъ. Дядя Барбье долженъ былъ охранять знамя. У него не было никакого другого дѣла: охранять знамя, да еще поливать пальмы, у которыхъ всегда была жажда,—вотъ все, что отъ него требовалось. И онъ былъ совершенно одинъ, вы понимаете, *совершенно* одинъ! Ни одного бѣлаго, кромѣ него, никого, кромѣ *аскари*, сомалійскихъ милиціонеровъ, у которыхъ съ самаго рожденія лица, какъ у стариковъ. Должно быть, ихъ высушиваетъ солнце, они въ этомъ не виноваты: это—самая жаркая страна на свѣтѣ. Въ концѣ-концовъ они научились маршировать, какъ настоящіе гвардейцы; дядѣ Барбье они повиновались безпрекословно. Отъ времени до времени онъ уводилъ ихъ въ пески въ экспедицію противъ предполагаемаго врага и читалъ имъ великолѣпныя лекціи о стратегическомъ искусствѣ Наполеона Перваго и объ ихъ долгѣ пожертвовать своей жизнью, чтобы уничтожить враговъ Франціи.

„Это васъ удивляетъ? Дѣло, видите-ли, въ томъ, что онъ сошелъ съ ума. Вѣроятно, отъ солнца, но главнымъ образомъ отъ жизни въ одиночествѣ, безъ одной живой души,

съ которой онъ могъ бы поговорить по-человѣчески. Помѣшался онъ на томъ, что онъ генералъ-губернаторъ Пустыни, и что, какъ всѣ генералъ-губернаторы, онъ не обязанъ отчетомъ никому, кромѣ министра и инспекторовъ колоній. Вотъ почему, даже когда пріѣзжали инспектора колоній, они не могли замѣтить, что онъ спятилъ. Онъ былъ очень вѣжливъ съ ними, угощалъ ихъ обѣдомъ и даже доставалъ изъ погреба лишнюю бутылку вина. Но если они уѣзжали, не выпивъ всей бутылки, онъ ставилъ ее опять въ погребъ съ такой, сдѣланной самымъ лучшимъ почеркомъ, надписью; „Бутылка, оставленная въ такомъ состояніи господиномъ инспекторомъ“. По его мнѣнію, хорошіе финансы достигаются благодаря надписямъ. Онъ бесѣдовалъ съ инспекторами о величіи Франціи и о своихъ проектахъ управленія Пустыней, но это дѣлало его симпатичнымъ, и въ сравненіи съ кучей другихъ онъ казался невиннымъ ребенкомъ.

Такъ оно и продолжалось... Такъ продолжалось до того дня, когда вмѣсто инспектора въ Обокъ пріѣхалъ на своей яхтѣ англичанинъ, богатый англичанинъ. Я думаю, что онъ проходилъ Красное море по дорогѣ въ Индію, и ему пришла въ голову фантазія остановиться въ Обокѣ.

„Дядя Барбье былъ почтителенъ съ инспекторами. Я вамъ это говорилъ. Но по отношенію къ англичанину, который не былъ даже чиновникомъ, онъ былъ только губернаторомъ Пустыни; былъ привѣтливъ и... и... Какъ вы говорите, когда съ вами кто-нибудь говоритъ съ такимъ видомъ, какъ будто онъ выше васъ?

— Снисходителенъ,—подсказалъ я.

— „Снисходителенъ. Онъ принялъ англичанина, который предупредилъ его о своемъ визитѣ, стоя на маленькой пристани, дерево которой немного сгнило, но это не было видно, потому что сваи были всѣ покрыты ракушками. На немъ былъ суконный вицмундиръ,—это въ пядьдесятъ-то градусовъ въ тѣни! А его солдаты взяли на караулъ. Англичанинъ протянулъ руку, но Барбье держалъ свои руки по швамъ; затѣмъ онъ отдалъ честь и скомандовалъ:

— „Ружья вольно!

„Милиціонеры опустили ружья; англичанинъ былъ польщенъ. И правда, въ пріемѣ, который ему устроили, было что-то царственное. Но, когда онъ захотѣлъ осмотрѣть окрестности, дядя Барбье отвѣтилъ ему, что это невозможно по причинамъ политическаго характера. Англичанинъ удивился, но не разсердился, потому что дядя Барбье, отдавая ему честь, сказалъ:

— „Милордъ, Франція считаетъ своимъ долгомъ пригласить васъ на обѣдъ!

„Обѣдъ былъ на славу. Дядя Барбье самъ написалъ меню, а каждое блюдо приносилъ его слуга въ сопровожденіи четырехъ солдатъ съ ружьями на перевѣсъ. Когда слуга ставилъ блюдо на столъ, аскари брали на караулъ; а когда дядя Барбье чокался съ англичаниномъ, говоря:—Здоровье вашей дамы! –аскарійскій рожокъ трубилъ зорю.

„Англичанинъ велѣлъ принести ящикъ своего собственнаго шампанскаго, но дядя Барбье отказался отъ него, пояснивъ, что не можетъ ничего принять изъ опасенія быть обвиненнымъ въ подкупности, и что они будутъ пить, сколько угодно, шампанскаго Франціи, съ условіемъ, что англичанинъ подтвердитъ потребленіе доставленныхъ ему бутылокъ, расписавшись въ спеціальной книгѣ „случайныхъ посѣтителей, иностранцевъ, потерпѣвшихъ кораблекрушеніе и т. п.“. Англичанинъ расписался и пилъ вволю, думая, что у него просто попросили его автографъ. Когда онъ поднялся уходить, была полночь. И тогда-то дядя Барбье крикнулъ:

— „Вы думаете, что это пройдетъ такъ? Милордъ, это не пройдетъ такъ!

„Англичанинъ подумалъ, что надо за что-то заплатить, и спросилъ,—сколько.

— „Ничего!—отвѣтилъ дядя Барбье.—Но я долженъ отомстить за Ватерлоо!

„Англичанинъ ничего не понималъ. Но дядя Барбье, повернувшись къ слугѣ, четыремъ милиціонерамъ и трубачу, сказалъ имъ:

— „Стража! Отвести этого человѣка въ казематъ.

„И англичанина отвели въ казематъ,—закончилъ Барнаво.—Если-бы эту штуку выкинулъ онъ самъ, онъ нашелъ-бы ее очень забавной. Теперь-же онъ заявилъ, что въ его лицѣ оскорбили Британскую державу. Онъ отправилъ своему консулу жалобу, онъ заставилъ говорить объ этомъ въ газетахъ, и дядя Барбье былъ разжалованъ. Вернувшись во Францію, онъ сталъ думать, говорить, отвѣчать, какъ всѣ. Онъ выздоровѣлъ, и когда онъ клялся, что ничего не помнитъ, никто не понялъ, что онъ былъ сумасшедшимъ, никто ему не повѣрилъ! Поэтому-то у меня нѣтъ жалости къ англичанамъ, когда они пьяны. Они не чувствуютъ ея къ намъ. Этотъ народъ не знаетъ милосердія“.

VI.

Четыре дня.

Въ Парижѣ у Барнаво была прочная связь, и былъ ребенокъ; но малютка умеръ въ концѣ марта, въ ясный солнечный день. Я положилъ на его колыбель нѣсколько цвѣтковъ, сосѣдки тоже—хотя были небогаты—принесли ему цвѣты: бѣлыя лиліи, бѣлыя фіалки, подснѣжники. Они покрывали бѣдную, но очень чистую пелену, пряча отъ глазъ жалкій остовъ этого истощеннаго, опустошеннаго болѣзнью, превращеннаго почти въ ничто маленькаго тѣльца, одного изъ тѣхъ дѣтскихъ тѣлъ, у которыхъ еще нѣтъ костей, которыя борятся, борятся до исчезновенія всего мяса, и которыя жизнь прежде, чѣмъ рѣшится уйти, защищаясь, пожираетъ изнутри, какъ червь, грызущій плодъ. Отъ нихъ не остается ничего, кромѣ неровнаго, выпуклаго черепа надъ синими ямами закрытыхъ глазъ, надъ осунувшимся старческимъ личикомъ. Увы, въ тотъ моментъ, когда ихъ уже нѣтъ, особенно бросается въ глаза сходство! Эта почти невѣсомая мумія теперь была ужасающе похожа на Барнаво; на Барнаво, какимъ я его видѣлъ однажды въ госпиталѣ, когда онъ, трясясь въ лихорадкѣ, говорилъ мнѣ: „Что? Вы находите, что у меня видъ старика“? Но Луиза, мать ребенка, продолжаетъ покрывать этотъ ужасный остовъ поцѣлуями, она говоритъ о немъ съ безконечной мягкостью, съ какой-то осторожностью, точно стараясь облагородить его, сдѣлать его прекраснымъ въ своемъ воспоминаніи и отъ этого, можетъ быть, меньше страдать самой. И когда ее спрашиваютъ, „какъ онъ умеръ“—это всегда спрашиваютъ, Богъ знаетъ для чего? — она отвѣчаетъ: „Онъ угасъ, какъ птичка“! Какъ птичка! Я вспоминаю этотъ ужасный скелетъ, съ нахмуренными бровями подъ покрытымъ морщинами лбомъ, съ такими скорбными глазами, что, казалось, онъ знаетъ все и боится,—вспоминаю всѣ ужасы дѣтской дизентеріи... Но Луиза стираетъ, зачеркиваетъ все это, не желая видѣть ничего, кромѣ того, что она такъ любила: лучшую часть своего тѣла.

Барнаво присутствовалъ при агоніи малютки и, когда онъ выходилъ изъ комнаты, чтобы вернуться въ фортъ Палэзо подъ Парижемъ, гдѣ находится его казарма, ему сказали: „Вы его больше не увидите!“ Поэтому онъ не удивился, когда на слѣдующій день ему принесли телеграмму, которую я отправилъ ему. Онъ зналъ заранѣе, что содер-

жить въ себѣ эта голубая бумажка. Его капитанъ, наблюдавшій за обученіемъ рекрутовъ на валу, какъ разъ въ этотъ моментъ возвращается въ крѣпость, и Барнаво подаетъ ему телеграмму.

Барнаво—солдатъ, старый солдатъ. Когда онъ протягиваетъ телеграмму и отдаетъ честь, ему не надо принуждать себя стать въ „позицію“, это дѣлается само собой. Впрочемъ, онъ еще не испытываетъ особеннаго горя. Подобно всѣмъ мужчинамъ, получающимъ извѣстіе о несчастьѣ, случившемся въ ихъ отсутствіи, вдали отъ ихъ глазъ, онъ не можетъ хорошенько понять, потому что не видѣлъ. Онъ не представляетъ себѣ разницы между умирающимъ малюткой и маленькимъ мертвецомъ. Капитанъ понялъ скорѣе его. Онъ получилъ другое воспитаніе, его нервы больше воспріимчивы.

— Вашъ ребенокъ умеръ?.. Вамъ нуженъ отпускъ? Похороны... Вы знаете, когда они назначены?.. На четыре дня? Нужна подпись коменданта крѣпости. Но отправляйтесь, не ожидая, я устрою это.

И онъ прибавляетъ другимъ голосомъ:

— Вы должны перенести это мужественно, какъ солдатъ.

Это слова состраданія. Барнаво понимаетъ это, и вокругъ его глазъ что-то подергивается. Но это значитъ также, что разговоръ конченъ, и что онъ можетъ идти. Онъ отдаетъ честь и, сдѣлавъ полуоборотъ, идетъ одѣваться.

Его товарищи уже знаютъ.

Нѣкоторые говорятъ: „Бѣдняга!“ Другіе спрашиваютъ: „Такъ это Луизинъ малютка умеръ“? Конечно есть и такіе, которые думаютъ, что для него это облегченіе. Но большинство думаетъ только о томъ, чтобы принять приличный видъ передъ событіемъ, которое ихъ не касается. На дворѣ дуетъ легкій горный вѣтерокъ, во всѣхъ углахъ чувствуется весна, и это-то и занимаетъ ихъ, этимъ-то они и полны, не сознавая того; они жаждутъ насладиться днемъ. Барнаво самъ удивленъ этой радостью, разлитой въ природѣ, этимъ свѣтомъ и почками. Все это смущаетъ и развлекаетъ его. Тамъ Луиза думаетъ только о своемъ маленькомъ усопшемъ; онъ здѣсь думаетъ, главнымъ образомъ, о Луизѣ. Онъ страдаетъ за нее, но онъ думаетъ и о томъ, какъ досадно, что это случилось въ такой хорошій день. Не думайте, что у него не такое сердце, какъ у всѣхъ. Но что-жъ дѣлать! Его тѣло дѣятельно и здорово; онъ живетъ, и онъ не любитъ горя, онъ не можетъ оторваться отъ всего, что окружаетъ его. И однако что-то непреодолимое влечетъ его туда, гдѣ плачетъ Луиза. Онъ не могъ бы не поѣхать къ ней.

Между тѣмъ какъ поѣздъ мчитъ его къ Парижу, капитанъ Мерль отправляется къ коменданту Бьенно.

— Я позволилъ себѣ отпустить Барнаво на четыре дня,— сказалъ онъ.—У него умеръ ребенокъ.

— Хорошо, — сказалъ комендантъ. — Вы хорошо сдѣлали...

Но вдругъ его мысли приняли другое направленіе.

— Но развѣ Барнаво?.. Я никогда не слышалъ, чтобы онъ былъ женатъ! Понимаете: въ спискахъ вы не найдете ничего. Что это за ребенокъ?

— Можетъ быть, онъ не женатъ,—отвѣтилъ Мерль.—Но это не мѣшаетъ...

— Это не мѣшаетъ имѣть ребенка? Разумѣется! Но этого достаточно, чтобы мы не знали этого ребенка. Послушайте, капитанъ, подумайте сами! Всѣ солдаты роты могутъ, когда имъ вздумается удрать, придти къ вамъ и разсказать ту же исторію. Достаточно и того, что ввели законъ, принуждающій насъ дѣлать исключеніе для женатыхъ солдатъ, давать имъ отпускъ и такъ далѣе, и такъ далѣе. Это вноситъ дезорганизацію. Надо подтягивать гдѣ можно.

— Я обѣщалъ ему отпускъ,—замѣтилъ капитанъ Мерль.— Я думалъ... Я ошибся.

— Отпускъ я подпишу. Но онъ привелъ ловкую причину, чтобы получить его. Поэтому... вы скажете мнѣ, когда онъ вернется.

Но Барнаво не знаетъ ничего о томъ, что происходитъ въ Палэзо. Онъ въ Парижѣ, онъ съ Луизой, и она плачетъ еще сильнѣе съ тѣхъ поръ, какъ онъ съ ней. Она ждала его для этого, она говоритъ ужасныя и почти гадкія вещи, которыя внушаетъ ей ея безграничное горе. Она спрашиваетъ, для чего было все: мужество, съ которымъ она подготовляла будущую жизнь, ея героическій трудъ, страданія беременности, муки родовъ. Она высказываетъ все, она проклинаетъ судьбу. И Барнаво находитъ, что это и въ самомъ дѣлѣ несправедливо. Онъ видѣлъ много смертей, онъ не удивляется, когда кто-нибудь умираетъ, и вѣдь ребенокъ былъ еще крошка, почти неодушевленный предметъ, хотя и плоть отъ его плоти. Но дѣти не должны были бы умирать. Онъ думаетъ почти такъ же, какъ Луиза, только болѣе широко, для всѣхъ; а, главное, онъ чувствуетъ къ ней жалость, инстинктивную и любовную жалость, вызывающую слезы на его глаза. Однако, сначала онъ не знаетъ, что сказать, кромѣ вульгарныхъ утѣшеній. „Будь же благоразумна, Луиза: вѣдь мы сдѣлали все, что могли, не правда ли, мы не виноваты...“ Потомъ вдругъ: „Бѣдная мамочка!.. Бѣдная мамочка!“

И Луиза, которую никогда не называлъ такъ бѣдный, умолкшій навсегда, беззубый ротикъ, Луиза, которую, можетъ быть, уже никогда никто не назоветъ такъ, плачетъ еще сильнѣе. Но въ то же время на душѣ у нея становится невыразимо сладко...

Совсѣмъ маленькихъ дѣтей опускаютъ въ землю безъ большихъ церемоній. Похоронное бюро прислало одного единственнаго факельщика съ маленькимъ гробикомъ.

Но Луиза захотѣла, чтобы тѣло благословили передъ тѣмъ, какъ унести его: безъ этого она не была бы спокойна, она боялась бы за него, а, можетъ быть, и за себя... Явился священникъ, равнодушно пробормоталъ нѣсколько словъ и поспѣшно ушелъ; но это было страхованіе противъ угрозъ тайны, и ей это доставило облегченіе. Затѣмъ факельщикъ набросилъ бѣлую простыню на гробикъ, который поднялъ одной рукой. Въ другую онъ взялъ вѣнокъ изъ бѣлаго бисера, присланный „фирмой", и пучекъ цвѣтовъ. Барнаво, Луиза и я взяли остальные вѣночки. Съ нами пошли двѣ сосѣдки, двѣ старыя женщины, для которыхъ время не играло никакой роли, и мать Луизы. Барнаво горячо благодарилъ ее.

И часъ спустя отъ маленькаго существа не осталось ничего, кромѣ кучки свѣжей земли въ углу общей могилы...

Послѣ похоронъ Барнаво пробылъ въ Парижѣ еще два дня. И оба эти дня я не успѣвалъ подняться съ постели, какъ онъ уже былъ у меня. О, эта праздность, ужасная праздность старыхъ солдатъ, которымъ нужно, чтобы ими командовали! Онъ пытался найти себѣ работу: вычистилъ мое охотничье ружье, привелъ въ порядокъ старое оружіе, привезенное мною изъ далекихъ путешествій. И такъ какъ онъ зналъ происхожденіе каждой вещи, онъ пытался говорить объ этомъ, пытался стать такимъ, какимъ былъ всегда: человѣкомъ, который мыслитъ только образами и который играетъ ими, чтобы мыслить немного болѣе широко, какъ дѣти. Но онъ почти сейчасъ же съ отвращеніемъ останавливался. Послѣ долгаго молчанія онъ пояснилъ:

— Я теперь похожъ на людей, у которыхъ нѣтъ аппетита: мнѣ противно вспоминать!

И онъ опять началъ вертѣться по комнатѣ, какъ старый песъ, который не знаетъ, куда ему лечь, такъ какъ не находитъ знакомыхъ ковровъ въ оставленной хозяевами квартирѣ. Онъ все начиналъ и ничего не кончалъ, онъ начиналъ съ конца. Затѣмъ, такъ какъ онъ былъ хорошимъ судьей въ такихъ вещахъ, онъ чувствовалъ презрѣніе къ самому себѣ и хотѣлъ пить.

Я не люблю, когда Барнаво пьетъ. Я умышленно никогда ничего не предлагалъ ему, если это не было мнѣ нужно. Онъ бралъ свою фуражку, вертѣлъ ее между пальцами, затѣмъ тихонько открывалъ дверь, не прощаясь: доказательство, что онъ скоро вернется, потому что онъ вѣжливъ. Онъ обладаетъ той странной, неровной, свободной отъ установленныхъ правилъ или же безгранично меньше считающейся съ ними вѣжливостью нынѣшнихъ французовъ, которая допускаетъ грубыя слова, непристойныя выраженія, брань, скверныя шутки и вся состоитъ только изъ чуткости и пониманія; во что она разовьется или выродится въ будущемъ, трудно сказать. Онъ скоро возвращался, немного болѣе понятный самому себѣ и гораздо болѣе невыносимый для другихъ и для себя самого, потому что причины его ужасной скуки начинали выясняться передъ нимъ. Но неужели я долженъ присутствовать при этихъ скачкахъ? Мнѣ необходимо каждый день извѣстное количество одиночества; а излишекъ своего времени я долженъ отдавать столькимъ людямъ! Это дѣлаетъ меня почти жестокимъ.

— Барнаво, почему вы не съ Луизой? Вашъ отпускъ скоро кончится.

Онъ смотритъ на меня и отвѣчаетъ безъ увертокъ:

— Мнѣ надоѣло! Я не могу! Я люблю ее, какъ никогда, клянусь вамъ. Когда я одинъ и когда я думаю объ ея горѣ, о несчастьѣ, которое случилось съ нами, обо всемъ,—мнѣ такъ больно, и я чувствую это такъ глубоко, что мнѣ хочется сказать ей это. Но когда я говорю ей, она отвѣчаетъ совершенно иначе, она думаетъ обо всемъ совершенно иначе. На насъ обоихъ какъ будто надѣты намордники! Въ моментъ, когда ты наиболѣе счастливъ или наиболѣе несчастенъ, даже когда ты съ женщиной, которую любишь по настоящему, и которая тебя любитъ по настоящему, даже если она мать ребенка, котораго вы потеряли, и котораго оплакиваете оба,—въ этотъ моментъ ты наиболѣе одинокъ, потому что у тебя свои мысли, а у нея—свои. Я не зналъ этого. Но это вѣрно, и это не можетъ быть иначе... Тутъ ничего не подѣлаешь.

Въ то время, какъ онъ говоритъ, я вижу Луизу, бѣдную покинутую Луизу.

— Значитъ,—сказалъ я,—значитъ... кончено?

— Что?—съ удивленіемъ переспросилъ онъ,—что кончено?

— Луиза...

— Кончено? Почему? Вѣдь я только о ней и думаю. Но мы должны видѣться только послѣ того, какъ каждый изъ

насъ избавится отъ части своихъ мыслей, самой важной... И тогда еще останется довольно такихъ, которыя будутъ принадлежать только намъ двоимъ и будутъ дѣлать насъ болѣе близкими другъ другу, чѣмъ всѣмъ остальнымъ.

Въ четвергъ вечеромъ онъ уѣхалъ въ свои казармы. Луиза проводила его до вокзала, а я взялъ билетъ до Палэзо. При яркомъ свѣтѣ луны земля казалась то совершенно бѣлой отъ цвѣтущихъ яблонь, то розовой отъ цвѣта вишни; въ воздухѣ носился прелестный, легкій, едва уловимый запахъ этихъ цвѣтовъ, которые родятся прежде листвы.

— Что за страна,—сказалъ Барнаво,—что за прекрасная страна. Все здѣсь на мѣстѣ, все обработано человѣкомъ, удобно, богато и все понятно. Тамъ, гдѣ все дико, ничего не понимаешь. Здѣсь можно жить.

Я увидѣлъ, что онъ думаетъ о томъ, чтобы остаться, и былъ тронутъ. Значитъ, душа у него была не низкая, онъ не думалъ воспользоваться смертью ребенка, чтобы уйти изъ жизни Луизы. Сколько другихъ сдѣлали бы это на его мѣстѣ! Вѣдь это было бы такъ легко, у него была такая хорошая отговорка:

„Мнѣ пора въ колоніи, я уѣзжаю. До свиданья!“ И эти два года увеличили бы только запасъ его воспоминаній еще однимъ, правда, не такимъ мимолетнымъ и немного болѣе грустнымъ, хотя и нѣсколько лучшимъ. Это было хорошо... Молодецъ Барнаво!

— Барнаво, а вы помните, что вы мнѣ однажды сказали на Мадагаскарѣ: Франція,—страна, гдѣ живутъ одни только бѣлые! Тамъ нельзя жить: кто-же тамъ будетъ о насъ заботиться?“

Я думалъ, онъ отвѣтитъ мнѣ, что въ его душѣ измѣнилось многое, потому что съ тѣхъ поръ многое произошло, и что теперь у него есть обязанности, есть близкій и дорогой ему человѣкъ. Я упустилъ изъ виду его стыдливость. Французы очень любятъ, чтобы имъ говорили о сентиментальныхъ побужденіяхъ, единственныхъ въ сущности, которыя руководятъ ими, но только не въ частной жизни. Другое дѣло въ театрѣ или въ кафе-концертѣ, тамъ, гдѣ позволяется предполагать, что рѣчь идетъ не о васъ, а о вашемъ сосѣдѣ. Личные-же намеки не допускаются: ихъ не всегда легко перенести, можно потерять самообладаніе, а это неприлично.

Онъ отвѣтилъ:

— Кто будетъ заботиться? Кто будетъ заботиться?... Теперь есть Луиза!

Онъ нашелъ хозяйку, служанку, женщину, жену, словомъ традицію предковъ, и это въ его глазахъ мѣняло все. Это

было справедливо, благотворно, превосходно, это было умилительно, но этого нельзя было говорить. Онъ развилъ свои планы съ практической стороны: со времени его послѣдняго поступленія на службу ни одного наказанія. Это рѣдкая вещь! Ему вернутъ его погоны, его опять произведутъ въ сержанты, и на этотъ разъ онъ останется сержантомъ до конца. Онъ получитъ въ видѣ пенсіи хорошее мѣстечко въ какомъ-нибудь министерствѣ. И даже теперь, если я захочу заняться имъ... У меня есть друзья. Что, если я устрою его вѣстовымъ въ министерствѣ колоній? Изъ вѣстового, если ужъ пойти по этой дорогѣ, нетрудно попасть въ канцелярскіе служители. А потомъ въ швейцары: это вѣнецъ всего! Если все пойдетъ хорошо, можно будетъ жить въ деревнѣ: въ Кламарѣ!

— Съ Луизой?

— Конечно,—удивленно отвѣтилъ онъ.—Съ кѣмъ-же? Посмотрите на меня: я на двадцать лѣтъ старше ея. Больше я этого не найду. У нея тоже будетъ маленькая пенсія, когда...

И это доказало мнѣ, что онъ уже смотрѣлъ на Луизу, какъ на свою жену. Его интересовало даже, что будетъ съ ней, когда его не будетъ! И такъ, она поведетъ его къ мэру. Очень вѣроятно, что и въ церковь, потому что это красивѣе.

Въ Палэзо, по дорогѣ въ крѣпость, я простился съ нимъ.

— Вы не забудете?— серьезно сказалъ онъ.

— Чего?

— Ни одного наказанія, хорошее поведеніе, хорошій служака, сержантъ! Иначе меня не возьмутъ въ вѣстовые.

— Боже мой,—сказалъ я,—Барнаво, какъ вы измѣнились! Но будьте увѣрены...

Онъ былъ счастливъ, вернувшись въ свою казарму: такъ онъ привыкъ къ ней. Утромъ на валу, гдѣ онъ обучалъ рекрутовъ, во время паузы его подозвалъ капитанъ Мерль.

— Вы были на похоронахъ вашего ребенка?

— Да, господинъ капитанъ.

— Вы женаты?

— Нѣтъ, господинъ капитанъ.

— Вы признали этого ребенка?

— Нѣтъ, господинъ капитанъ.

— Вы нехорошо поступили, Барнаво... Что вы говорите?.. Ничего, не правда-ли, ничего? Такъ оно и лучше... Можете идти.

Барнаво ушелъ. Нехорошо поступилъ? Что хотѣлъ сказать капитанъ. Онъ искренно старался понять, но не могъ.

День прошелъ спокойно, безъ событій.

На слѣдующій день, послѣ ученія, передъ обѣдомъ, рота, по обыкновенію, образовала кругъ, чтобы выслушать чтеніе рапорта, за которымъ слѣдуетъ раздача писемъ, привозимыхъ обознымъ. Барнаво не ждалъ писемъ и уже давно не слушалъ рапортовъ, зная заранѣе, что въ нихъ могло заключаться. Сегодня суббота, осмотръ экипировки: что могло быть скучнѣе! Вдругъ онъ услышалъ свое имя. Его имя было въ рапортѣ! Онъ насторожилъ уши:

День 18 Марта 1912 г.—Накозанія: „Барнаво, солдатъ перваго класса, четыре дня карцера, приказъ полковника де-Бьенна, командующаго третьимъ полкомъ колоніальной инфантеріи, расквартированнымъ въ Палэзо".

Всѣ глаза обратились на Барнаво. Онъ выпрямился и вытянулъ руки по швамъ.

— „За то, что онъ обманулъ довѣріе командира третьей роты, испросивъ и получивъ отпускъ для присутствія на погребеніи своего сына, тогда какъ рѣчь шла о незаконномъ ребенкѣ".

Никто не посмѣлъ взглянуть на него, когда онъ поднялся въ комнату, чтобы взять свою старую шинель, а затѣмъ послѣдовалъ за капраломъ, который отвелъ его въ казематъ. Никто изъ тѣхъ, кто приносилъ ему туда ѣду, не заговаривалъ съ нимъ. Онъ не отнесся къ этому наказанію, какъ къ другимъ, ко всѣмъ другимъ, которыя онъ такъ безпечно сносилъ въ теченіе своей долгой карьеры, принимая ихъ съ видомъ человѣка, который знаетъ, за что платитъ, и готовъ повторить, если ему вздумается. И онъ, Барнаво, сидѣлъ въ компаніи молокососовъ, которыхъ презиралъ, и забіякъ, которыхъ не хотѣлъ больше въ товарищи. И онъ возилъ въ тачкѣ булыжникъ, онъ, старый солдатъ, освобожденный отъ работъ. Все рушилось для него, все!

Его старый товарищъ Мюллеръ принесъ мнѣ это извѣстіе, Какъ только я узналъ, что его наказаніе кончилось, и онъ можетъ выйти, я поспѣшилъ къ нему. Онъ вышелъ ко мнѣ немного блѣднымъ, съ стиснутыми зубами, съ недобрымъ лицомъ. И мы долго, молча, ходили по мощеной дорогѣ, ведущей въ Веррьеръ.

— Вотъ вамъ—сказалъ онъ наконецъ:—я не буду сержантомъ,—это судьба. Я не буду никогда ничѣмъ, ничѣмъ! Я оставлю это собачье ремесло безъ гроша и безъ настоящаго ремесла; это ясно, какъ день. Пойдите къ Луизѣ... Скажите ей, что со мной связываться не стоитъ. Что я смогу дѣлать, когда въ корпусѣ меня больше не захотятъ держать? Пусть она идетъ своей дорогой, а я пойду своей. Довольно баловаться!

Я постарался утѣшить его доводами, въ которые вѣрилъ и самъ. Четыре дня карцера и по такому поводу ему назначили изъ принципа. Это не помѣшаетъ ничему, развѣ что задержитъ его производство на три мѣсяца, а, можетъ быть, и того нѣтъ. И онъ долженъ это знать, онъ знаетъ это лучше меня.

Онъ такъ толкнулъ своимъ подкованнымъ сапогомъ камень на дорогѣ, что тотъ отлетѣлъ далеко въ сторону.

— Не въ томъ дѣло!—крикнулъ онъ,—вы не понимаете! Съ меня довольно Франціи! Съ меня довольно! Ахъ, только бы уѣхать, чортъ побери, уѣхать скорѣй! Въ первой же гавани—это такъ же вѣрно, какъ то, что передъ нами Веррьеръ,—я дезертирую! Есть довольно другихъ странъ, гдѣ можно служить, гдѣ мнѣ тоже дадутъ похлебку, табакъ и ружье. И странъ, которыя лучше, серьезнѣе, въ которыхъ да это да, а нѣтъ—нѣтъ! Что значатъ теперь во Франціи слова? Знаетъ-ли кто-нибудь, въ чемъ тутъ дѣло, можете-ли вы объяснить мнѣ? Я—солдатъ. Я туго понимаю, но если только я понималъ приказъ, я никогда не смотрѣлъ на него сквозь пальцы. Такъ вотъ, я не понимаю. Развѣ Луиза не получала отъ этого самаго правительства франка въ день, какъ родившая дѣвушка,—какъ кормящая мать за то, что она произвела на свѣтъ ребенка, все равно какъ, все равно съ кѣмъ? Отвѣтьте-же мнѣ, отвѣтьте! Значитъ производить незаконныхъ дѣтей не плохо, это позволено, это разрѣшено, это... это поощряется! А когда незаконный ребенокъ—мой ребенокъ, можно сказать, ребенокъ правительства—умираетъ, мнѣ говорятъ: „А! это былъ незаконный ребенокъ, а вы взяли отпускъ, чтобы оплакивать его, этого непринадлежащаго никому ребенка, этого вы....ка! Отлично, четыре дня карцера, Барнаво“. Чего же хочетъ Франція, если она права, а не я, если въ ней говорятъ, командуютъ, распредѣляютъ награды и наказанія не безумцы? Вы знаете это? Скажите мнѣ, если знаете!

Я уклонился отъ отвѣта. Что я могъ бы ему сказать? Что то же самое творится, болѣе или менѣе, во всѣхъ государствахъ; что пусть онъ бѣжитъ изъ Франціи, пусть дезертируетъ (а я зналъ, что онъ хвастаетъ, что онъ этого не сдѣлаетъ: Барнаво, какъ всѣ французы, не можетъ жить заграницей; ему нужна его родина или же расы, которыя признавали бы его превосходство), пусть посмотритъ другія страны: вездѣ, за исключеніемъ негровъ и мусульманъ, онъ найдетъ то-же или почти то-же: тотъ же жестокій конфликтъ между античнымъ идеаломъ, цѣльнымъ, какъ все древнее, и новымъ, вдвойнѣ анархическимъ,—во-первыхъ потому, что онъ новый, во-вторыхъ, потому, что никто еще не отдѣлилъ

въ немъ дурного отъ хорошаго; а въ третьихъ потому, что это—идеалъ индивидуалистическій. Все это были тонкости, которыя онъ презиралъ всю свою жизнь: тѣмъ больше онъ долженъ былъ презирать ихъ теперь въ своемъ гнѣвѣ. Я удовольствовался вопросомъ:

— Но чего-же хотите вы, Барнаво?

— Чего хочу я?—вскричалъ онъ.—Я хочу справедливости! А справедливость вовсе не въ томъ, чтобы всегда было самое лучшее, а въ томъ, чтобы всегда было одно и то-же. Думайте, сколько хотите: вы не найдете другого опредѣленія. Справедливость—это приказъ. Гдѣ теперь приказъ, покажите мнѣ его! Когда мы, въ колоніяхъ, видимъ, что происходитъ во Франціи, мы ничего не понимаемъ, мы говоримъ себѣ: „Что они дѣлаютъ, что они дѣлаютъ? Они дерутся изъ-за выѣденнаго яйца. Они не видятъ, сколько дѣла здѣсь, и какъ легко здѣсь добиться всего". Теперь мнѣ это болѣе ясно: они ссорятся изъ-за приказовъ, потому что ихъ безконечное множество, какъ на войнѣ, когда распоряжаются плохіе полководцы. О! я отлично вижу, я не такъ глупъ, какъ вы думаете. Основа—это споръ между старымъ и новымъ. У старыхъ были свои достоинства, они рожали больше дѣтей, они меньше пили. Но у нихъ были и свои недостатки: они были менѣе интеллигентны, болѣе туги на подъемъ, болѣе изнѣжены и, въ сущности, менѣе мужественны и болѣе хвастливы: никогда не было во Франціи столько мужества, какъ теперь... Но мнѣ это все равно. Единственное, чего я требую, это чтобы тамъ, наверху, рѣшились. Какъ вы хотите, чтобы мы знали свое мѣсто, чтобы мы служили, подчинялись? Я сдѣлаюсь, какъ всѣ здѣсь...

Онъ поднялъ руку и поклялся:

— Я больше не буду никому подчиняться!

Явочный періодъ свободы столичной печати *).

I.

Положеніе русской періодической печати въ періодъ, непосредственно предшествовавшій манифесту 17 октября 1905 г., было въ высокой степени своеобразнымъ. Цензура продолжала дѣйствовать, пуская въ ходъ всѣ средства усмиренія и обузданія, а общественное движеніе, органомъ котораго являлась печать, парализовало всѣ эти мѣропріятія.

Растерянность и безсиліе бюрократіи въ этой области проявлялись не менѣе, если не болѣе ярко, чѣмъ въ другихъ отрасляхъ управленія. Какъ только всплывало новое яркое проявленіе «смуты», сейчасъ-же на сцену выступала знаменитая статья 140 устава о цензурѣ и печати: острый вопросъ, острое событіе немедленно изымались изъ обращенія, запрещалось ихъ обсужденіе, и—въ первый моментъ какъ будто достигался желанный результатъ. Печать молчала. Но моментъ длился недолго. Подъ напоромъ событій самые осторожные органы принуждены были нарушать запретъ, и такъ какъ нарушенія эти были и часты, и неизбѣжны, то и само цензурное вѣдомство какъ-то безнадежно махало рукой, тѣмъ болѣе, что нарождались новыя проявленія «смуты», издавались новые запреты, которые заставляли забывать старые.

Главное вниманіе цензуры было обращено, конечно, на газеты. Этимъ объясняется отчасти и тотъ своеобразный фактъ, что въ 1904—1905 г.г. появился и съ благословенія цензуры на свѣтъ рядъ книгъ, въ особенности брошюръ, которыя уже при «обно-

*) Настоящая статья является послѣдней, которую Николай Ѳедоровичъ Анненскій прочелъ и принялъ для «Русскаго Богатства» наканунѣ своей смерти. *Ред.*

вленномъ» строѣ конфисковывались и подвергали авторовъ и даже издателей судебнымъ преслѣдованіямъ.

Что-же касается газетъ, то оппозиціонная печать въ Петербургѣ, въ лицѣ ея наиболѣе яркихъ органовъ («Наша Жизнь», «Сынъ Отечества»), была подвергнута послѣ трехъ предостереженій дѣйствію примѣчанія къ статьѣ 148 устава о цензурѣ и печати, т. е. подлежала наканунѣ выхода, не позже 11 часовъ вечера, просмотру цензуры. Пишущему эти строки пришлось въ этотъ періодъ въ теченіе полугодія, предшествовавшаго изданію манифеста 17 октября, имѣть непрерывныя сношенія съ цензорами по поводу выпуска номеровъ одного изъ указанныхъ выше изданій, и трудно себѣ представить ту полную растерянность, которая царила въ отношеніяхъ къ русскому печатному слову. Сами цензора были въ полномъ невѣдѣніи относительно того, что дозволено и что запрещено, и поневолѣ считались только съ настроеніями данной минуты и указаніями всевластнаго Петербургскаго генералъ-губернатора Трепова.

Когда началось, напримѣръ, «союзное» движеніе, объ этомъ писали свободно. Но потомъ, когда въ этомъ проявленіи общественности была усмотрѣна опасность, то запрещено было употреблять даже самый терминъ «союзъ». Это ригористичное предписаніе, однако, скоро было забыто, когда на сцену появилась новая опасность, на борьбу съ которой цензура должна была обратить свое вниманіе. Но все-таки слѣды запрета еще остались: терминъ «союзъ» считался цензурной практикой недопустимымъ, и его приходилось выражать какимъ-нибудь инымъ, условнымъ терминомъ. Такой былъ найденъ. Вездѣ, гдѣ нужно было употреблять «союзъ», писали «объединеніе». Получались курьезы, надъ которыми не мало смѣялись и журналисты, и сами цензора. Такъ, напримѣръ, въ хроникѣ появлялось извѣстіе, что «объединеніе приказчиковъ вчера торжественно хоронило своего товарища»... И т. д.

Или строгій запретъ былъ наложенъ на всѣ извѣстія объ арестахъ и обыскахъ. Легко себѣ представить, какъ трудно было соблюдать это запрещеніе. Возникъ своеобразный спортъ на ловкость въ обходѣ подобныхъ распоряженій. Такъ одно время въ газетной хроникѣ стали вдругъ появляться свѣдѣнія о томъ, что такія-то и такія-то лица перемѣнили мѣсто жительства и переселились на Выборгскую сторону. Это обозначало, что они арестованы и препровождены въ тюрьму «Кресты», что на Выборгской сторонѣ...

Всѣ свѣдѣнія о земскихъ и другихъ съѣздахъ были совершенно изъяты изъ обсужденія. Однако газеты ухитрялись кое-что сообщать. Такъ, о фактѣ перваго земскаго съѣзда 6 ноября 1904 г. читатели были освѣдомлены такимъ образомъ: въ отдѣлѣ «при-

бывшихъ» крупнымъ шрифтомъ были отмѣчены имена всѣхъ делегатовъ, прибывшихъ на съѣздъ, и обозначены земства, которыя они уполномочены были представлять. Списокъ невольно обращалъ на себя вниманіе даже и непосвященныхъ и вызывалъ интересъ къ этому своеобразному сообщенію.

Нужно отдать справедливость русской оппозиціонной печати: она употребляла героическія усилія, чтобы стоять въ уровень съ общественнымъ движеніемъ; она не страшилась ни жертвъ, ни угрозъ и въ борьбѣ за конституцію въ этотъ періодъ она безспорно сыграла громадную роль, являясь силой, не только отражавшей, но и организовавшей движеніе. Въ исторіи русской свободы не мало страницъ по праву принадлежитъ русской періодической печати 1904—1905 г.г.

II.

Формально противъ всѣхъ запретовъ и придирокъ со стороны цензуры печать была совершенно безсильна. Какихъ-нибудь легальныхъ профессіональныхъ организацій она въ этотъ періодъ не имѣла. Союзъ писателей былъ закрытъ давно. «Ужины» писателей, а также и періодическія собранія редакцій прогрессивныхъ газетъ и журналовъ, происходившія въ Петербургѣ, имѣли большое политическое значеніе, но были далеки отъ чисто профессіональныхъ задачъ и борьбу за свободу печати выставляли лишь, какъ одно изъ требованій и условій правового строя. Борьба велась каждымъ органомъ, такъ сказать, партизански, за свой страхъ и рискъ, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ, въ зависимости отъ ловкости и умѣлости руководителей изданія.

Первая попытка чисто профессіональнаго объединенія для борьбы съ цензурой и ея запретами была сдѣлана послѣ трагическихъ событій 9 января 1905 г. Когда, послѣ забастовки, захватившей въ эти роковые дни и типографіи, печать приступила къ исполненію своей обязанности освѣдомленія о кровавомъ событіи и его освѣщеніи, то оказалось, что газетамъ запрещено что-либо сообщать публикѣ о такъ называемомъ «кровавомъ воскресеньи». Привыкшая ко всему русская печать на этотъ разъ почувствовала потребность въ той или иной формѣ хотя бы оповѣстить общество о запретѣ, сковавшемъ ея языкъ. Въ Петербургѣ были устроены совѣщанія редакцій всѣхъ ежедневныхъ газетъ, безъ различія направленій, въ помѣщеніи «Новаго Времени». Отъ послѣдняго изданія представительствовалъ самъ А. С. Суворинъ, и даже онъ язвительнѣйшимъ образомъ ругалъ на совѣщаніи общество, правительство, печать, обвинялъ всѣхъ въ дряблости, трусости... Но, когда были сдѣланы конкретныя

предложенія выразить протестъ одновременно всѣмъ органамъ печати противъ запрещенія говорить о томъ, что волновало милліоны людей, то, благодаря разногласіямъ, всѣ эти предложенія были провалены. Удалось добиться только помѣщенія во всѣхъ газетахъ кратенькаго сообщенія такого содержанія: «О событіяхъ 9 января и послѣдующихъ дней мы имѣемъ возможность печатать только правительственныя сообщенія, официальныя свѣдѣнія и извѣстія, пропущенныя цензурой г. спб. генералъ-губернатора».

Таковъ былъ результатъ перваго единодушнаго выступленія Петербургской печати въ защиту свободы слова въ этотъ періодъ.

Послѣ того новыхъ попытокъ объединиться для борьбы за свободу печати не послѣдовало до октябрьскихъ дней.

Иниціаторомъ объединенія на этотъ разъ явилась «Наша Жизнь». Это было въ началѣ октябрьскихъ дней, за два-три дня до объявленія всеобщей забастовки. Въ редакціи «Нашей Жизни» собрались делегаты Петербургскихъ газетъ съ цѣлью обсудить положеніе дѣлъ, созданное цензурными запретами, не дающими возможности печати сообщать то, что волновало всю Россію.

Первое засѣданіе не было многолюднымъ. На приглашеніе «Нашей Жизни» откликнулись по преимуществу органы прогрессивной печати. Изъ консервативнаго лагеря явился представитель «Слова» (редакціи П. Перцова), столь прославившійся впослѣдствіи вдохновитель и руководитель «частныхъ» изданій А. Н. Гурьевъ. Слѣдующія засѣданія были гораздо многолюднѣе и оживленнѣе. Забастовка стала захватывать и типографіи, общественное волненіе достигло величайшаго напряженія, отразившагося и на печати. Случайно созванное совѣщаніе какъ-то само собою стало, при общей растерянности, организующимъ центромъ для печати, центромъ чисто профессіональнаго характера. Намѣтились и основныя черты организаціи. Въ нее вошли политическія (ежедневныя и еженедѣльныя) изданія Петербурга; каждая редакція посылала на совѣщаніе: редактора, издателя и, кромѣ того, делегатовъ, выбранныхъ исключительно сотрудниками. Голосованія происходили по редакціямъ *).

*) Вотъ перечень изданій, представленныхъ на засѣданіи 16 октября, дающій представленіе о первоначальной физіономіи будущаго „союза въ защиту свободы печати": „Биржевыя Вѣдомости", „Наша Жизнь", „Недѣля", «Новое Время», „Новости". „Петербургская Газета", Петербургскій Листокъ", «Право», „Русская Газета", „Русь", „Свѣтъ", „Слово", «Сынъ Отечества», «Юристъ», „Деръ-Фрайндъ". Среди участниковъ и делегатовъ были всѣ болѣе или менѣе извѣстные издатели и журналисты Петербурга. Тутъ засѣдали видные нововременцы: М. Суворинъ, Булгаковъ, А. Столыпинъ, Пиленко, Кладо, Гольдштейнъ и, наряду съ ними, дѣятели радикальной печати: Ашешовъ, Ходскій, Голубевъ, Юрицынъ, Н. М. Мин-

Уже въ первомъ засѣданіи опредѣлилось общее настроеніе—рѣшимость не соблюдать запретовъ, установленныхъ циркулярами по 140 статьѣ о цензурѣ и печати. Въ этомъ разногласія не было. Всѣ были согласны, что борьба за свободу печати можетъ и должна вестись солидарно всѣми изданіями, что въ уничтоженіи цензурныхъ запретовъ заинтересованы всѣ изданія, безъ различія направленія, и что на этой чисто профессіональной почвѣ и можетъ быть созданъ особый союзъ. Главный предметъ обсужденія и свелся первоначально къ выработкѣ единообразнаго способа протеста, который бы установилъ наибольшую солидарность органовъ печати для страховки отдѣльныхъ изданій отъ жестокихъ каръ. Въ первомъ засѣданіи ни къ чему однако опредѣленному не пришли.

Въ слѣдующемъ засѣданіи была предложена такая мѣра: бюро изъ представителей всѣхъ изданій, входящихъ въ союзъ, составляетъ особые чисто фактическіе бюллетени о событіяхъ, объявленныхъ цензурой подъ запретомъ; всѣ изданія обязуются одновременно перепечатывать эти бюллетени, безъ всякихъ измѣненій и сокращеній, въ редакціи, установленной бюро. Въ этомъ смыслѣ и состоялось постановленіе, принятое всѣми представленными изданіями. Серьезныя разногласія возникли по вопросу о послѣдствіяхъ, какія должна вызвать эта форма борьбы. Никто не сомнѣвался, что послѣ перваго напечатаннаго бюллетеня на газеты посыплются административныя кары, и что кары эти будутъ неодинаково тяжело падать на всѣ изданія. Какъ должны изданія, входящія въ союзъ, реагировать на эти кары? При обсужденіи этого вопроса гармонія сейчасъ же оказалась нарушенной. Газеты оппозиціонныя, не имѣвшія основанія ждать какой-либо пощады («Биржевыя Вѣдомости», «Наша Жизнь», «Недѣля», «Право», «Русская Газета», «Русь», «Сынъ Отечества») стояли за полную солидарность и круговую поруку вплоть до добровольнаго самозакрытія въ случаѣ прекращенія одной какой-либо газеты. Такія газеты, какъ «Новое Время», «Новости», «Петербургская Газета» и «Петербургскій Листокъ», высказывались за условную круговую поруку въ томъ смыслѣ, что всѣ газеты, входящія въ союзъ, всѣми возможными средствами облегчаютъ положеніе газеты, под-

---

скій, Гр. Шрейдеръ, А. М. Хирьяковъ, А. Яблоновскій. Были тутъ и гг. Проппердъ, и Нотовичъ, и Худековъ, и Левдикъ, и Комаровъ, и Дучинскій (тогда онъ былъ редакторомъ самой лѣвой „Русской Газеты", теперь кажется благополучно редактируетъ изданія «національнаго клуба»), А. А. Суворинъ, Кузьминъ-Караваевъ, Каминка, Лазаревскій, Гессенъ, Ганфманъ, Грибовскій. Когда въ союзъ вошли и толстые журналы, то въ засѣданіяхъ дѣятельное участіе принимали члены редакцій „Русскаго Богатства" (В. А. Мякотинъ, А. В. Пѣшехоновъ, Н. Ѳ. Анненскій), „Міра Божьяго" (Батюшковъ, Кранихфельдъ), „Журнала для всѣхъ" (Миролюбовъ и др.).

вергшейся взысканію въ борьбѣ за свободу печати. А «Слово» и «Свѣтъ» были противъ всякой круговой поруки. Общаго рѣшенія такъ и не послѣдовало.

III.

Между тѣмъ историческія событія развертывались усиленнымъ темпомъ. Забастовка охватила всѣ отрасли труда, и всѣ газеты, кромѣ «Правительственнаго Вѣстника», вынуждены были прекратить свой выходъ... Совѣтъ рабочихъ депутатовъ то въ одной, то въ другой типографіи самочинно сталъ печатать свои «Извѣстія», которыя имѣли всюду замѣнять всѣ органы печати.

Настало 17 октября. Петербургъ былъ полонъ слуховъ. Хорошо освѣдомленныя лица передавали изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ слухи прямо противоположнаго содержанія. Говорили о диктатурѣ Трепова, о назначеніи гр. Витте. Делегаты союза собрались на засѣданіе въ редакцію «Слова» (Невскій 92). Снова дебатировался вопросъ о круговой отвѣтственности органовъ печати, но дебаты шли вяло. Всѣ понимали, что всякое рѣшеніе, въ виду громадной исторической важности совершающихся событій, имѣетъ условное значеніе. Словно для того, чтобы напомнить, среди толковъ о грядущемъ, о суровой дѣйствительности, во время собранія явился полицейскій офицеръ, чтобы освѣдомиться о цѣли собранія...

Часовъ около 6 делегату «Новаго Времени» было сообщено о назначеніи предсѣдателемъ совѣта министровъ гр. Витте. Еще черезъ нѣсколько времени стало извѣстно, что подписанъ «конституціонный манифестъ», и что печати будетъ доставленъ одинъ изъ первыхъ оттисковъ его. Съ напряженіемъ ждали историческаго акта. Наконецъ, около $8^1/_2$ вечера онъ былъ доставленъ. Делегатъ «Новаго Времени» А. А. Пиленко сталъ на возвышеніе и торжественно прочиталъ манифестъ. Каждое изъ основныхъ положеній, устанавливавшихъ начала конституціонализма, было встрѣчаемо горячими рукоплесканіями и криками восторга.—Да, это конституція!—таковъ бмлъ единогласный и радостный откликъ всѣхъ представителей печати безъ различія направленій.

Тутъ же было сдѣлано предложеніе, чтобы всѣ газеты по поводу манифеста помѣстили однородное заявленіе. Собраніе, во имя принципа свободы печати, отвергло это предложеніе, предоставивъ каждому органу, сообразно своему міросозерцанію, оцѣнить этотъ историческій актъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ при обсужденіи предложенія выяснилось, что всѣ делегаты считаютъ необходимымъ дополненіе манифеста указомъ объ амнистіи. Единогласно было рѣшено, чтобы эта тема была обязательно разработана въ первой програм-

ной статьѣ всѣхъ газетъ въ первомъ же номерѣ послѣ возобновленія выхода газетъ. Кромѣ того, столь же единодушно было принято пожеланіе, чтобы во всѣхъ органахъ печати была выражена глубокая благодарность русскому народу и тѣмъ дѣятелямъ, которые дали побѣду освободительному движенію. Въ заключеніе въ виду манифеста, провозгласившаго дѣйствительную свободу слова, прежняя цѣль союза — борьба за свободу печати — была признана собраніемъ уже «устарѣвшей» (!), и новая задача союза была формулирована, какъ «*защита свободы слова*, провозглашенной манифестомъ 17 октября, и осуществленіе ея въ законодательствѣ».

Въ тотъ же день произошли вечеромъ и ночью два засѣданія союза. На нихъ обсуждались способы скорѣйшаго выхода газетъ, для чего делегатамъ союза пришлось вступить въ переговоры со стачечнымъ комитетомъ. Переговоры эти не были особенно удачными, и 18 октября газетамъ не удалось выйти. Затѣмъ въ ночномъ засѣданіи съ 17 на 18 октября (въ редакціи «Нашей Жизни») произошли горячіе дебаты о приглашеніи, которое гр. Витте разослалъ всѣмъ редакторамъ періодическихъ изданій. Было постановлено предоставить каждому редактору полную свободу въ объясненіяхъ съ премьеромъ, въ виду чисто политическаго характера предстоящей бесѣды. На одного изъ членовъ союза было возложено порученіе сообщить гр. Витте о возникновеніи союза и его цѣляхъ и указать на необходимость скорѣйшаго осуществленія свободы печати на основаніи манифеста 17 октября. Эта необходимость, какъ извѣстно, была признана и во всеподданнѣйшемъ докладѣ гр. Витте, приложенномъ въ качествѣ комментарія къ манифесту. Здѣсь «первая задача правительства» была формулирована, какъ «стремленіе къ осуществленію теперь же, впредь до законодательной санкціи черезъ Государственную Думу, основныхъ элементовъ правового строя: *свободы печати*» и т. д.

Первая бесѣда гр. Витте съ приглашенными имъ редакторами дѣйствительно имѣла общеполитическій характеръ, и собственно положенія печати премьеръ коснулся только вскользь, давъ довольно неопредѣленныя обѣщанія относительно коренного измѣненія нынѣшняго ея положенія.

Между тѣмъ, казалось бы, пресса во всякомъ случаѣ имѣла право ожидать, что обѣщаніе немедленнаго осуществленія свободы печати выльется сейчасъ же въ какія-нибудь временныя, но опредѣленныя юридическія нормы, которыя дали бы возможность печати начать новую правомѣрную жизнь. Но этого не послѣдовало, и создался полный юридическій хаосъ, изъ котораго для печати оставался одинъ выходъ — толковать слова манифеста о дѣйствительной свободѣ слова, какъ норму, отмѣняющую всѣ постановленія устава о цензурѣ, ей противорѣчащія. Однако это

толкованіе на практикѣ только терпѣлось, но нисколько не признавалось властью.

Такъ, вслѣдъ за неопредѣленнымъ заявленіемъ гр. Витте, главное управленіе по дѣламъ печати издало 19 октября разъясненіе цензурнымъ комитетамъ, отдѣльнымъ цензорамъ и губернаторамъ, чрезвычайно характерное для медоваго мѣсяца нашего «обновленнаго» строя. Прежде всего указывалось, что впредь до изданія новаго закона *всѣ правила* цензурнаго устава «остаются *въ полной силѣ,* самое же *отношеніе* цензуры къ произведеніямъ печати должно *кореннымъ образомъ измѣниться»*. Уже въ этомъ положеніи циркуляра содержалось непримиримое противорѣчіе. Какъ могло, казалось бы, «измѣниться кореннымъ образомъ» положеніе печати при сохраненіи «въ полной силѣ» всего цензурнаго аппарата стараго режима?.. Это противорѣчіе не устранялось и другими положеніями циркуляра, тѣмъ болѣе, что предлагалось при этомъ цензурнымъ учрежденіямъ руководствоваться на будущее время «уголовнымъ законодательствомъ, предусматривающимъ рядъ преступленій, которыя могутъ быть совершены посредствомъ печати», т. е. подводить правонарушенія печати подъ статьи 103, 104, 128, 129, 132 новаго уголовнаго уложенія, предусматривающія тягчайшія государственныя преступленія, и не предназначавшіяся даже для борьбы съ легальной печатью—подарокъ русскому свободному слову, оказавшійся особенно роковымъ въ дальнѣйшей практикѣ «обновленнаго» строя.

И это была единственная вполнѣ конкретная часть распоряженія главнаго управленія по дѣламъ печати, наряду съ отмѣной всѣхъ циркуляровъ, изданныхъ на основаніи статьи 140 устава о цензурѣ и печати и воспрещавшихъ обсужденіе того или иного вопроса. Если же въ разъясненіи главнаго управленія и рекомендовалось еще при примѣненіи старыхъ правилъ о цензурѣ сообразоваться съ новыми условіями, проявлять тактъ, избѣгать мѣръ, могущихъ вызвать справедливыя нареканія и т. п., то существо прежняго безправнаго положенія печати отъ этихъ прекрасныхъ совѣтовъ не измѣнялось.

IV.

Таковъ былъ первый актъ нашего «обновленнаго» строя, касавшійся печати. Содержаніе его настолько не соотвѣтствовало ни ожиданіямъ общества, ни даже заявленіямъ правительства, что онъ прошелъ совершенно незамѣченнымъ. Вся столичная печать единодушно, какъ Петербургская, такъ и Московская, признала, что свобода слова можетъ и должна *на законномъ основаніи* правомѣрно осуществляться въ силу манифеста 17 октября.

Уже 19 октября, т. е. въ тотъ самый день, когда появилось циркулярное распоряженіе главнаго управленія по дѣламъ печати, состоявшееся въ Москвѣ собраніе представителей періодическихъ изданій («Русскія Вѣдомости», «Русское Слово», «Вечерняя Почта», «Правда», «Русская Мысль») и книгоиздательствъ Сытина, Саблина и др. постановило: печатать безъ цензуры періодическія и прочія изданія и оказывать другъ другу помощь въ борьбѣ за свободу печати, считаясь со всѣми послѣдствіями принятаго рѣшенія.

Въ Петербургѣ (хотя забастовка типографій и затянулась дольше, чѣмъ ожидали, и газеты получили возможность выйти въ свѣтъ только 22 октября) союзъ въ защиту свободы печати не бездѣйствовалъ за это время: былъ выработанъ краткій проектъ тѣхъ законодательныхъ измѣненій, которыя немедленно нужно было, по мнѣнію представителей печати, осуществить для того, чтобы печать правомѣрно могла выполнять свое назначеніе. «Справка», выработанная союзомъ, заключала въ себѣ двѣ части. Въ первой части указывались общія основанія, которыя должны быть приняты при составленіи новаго закона о печати: 1) явочный порядокъ для возникновенія изданій, 2) отмѣна всѣхъ видовъ цензуры и 3) отвѣтственность за общія преступленія, совершенныя путемъ печати, исключительно по суду, съ подсудностью суду присяжныхъ. Вторая часть «справки» заключала въ себѣ перечисленіе тѣхъ мѣръ, которыя печать считала необходимыми въ рамкахъ нынѣ дѣйствующихъ условій, чтобы правомѣрно осуществлять ту свободу, которую союзъ во всякомъ случаѣ будетъ фактически осуществлять теперь же. Тутъ признавалось необходимымъ немедленно, впредь до изданія указаннаго выше общаго закона, установить: 1) отмѣну предварительной цензуры всѣхъ видовъ для всѣхъ періодическихъ изданій, книгъ и брошюръ на всѣхъ языкахъ; 2) отмѣну требованія предъявлять въ цензуру номера періодическихъ изданій ранѣе сдачи ихъ на почту, а книгъ и брошюръ ранѣе выпуска ихъ въ свѣтъ; 3) отмѣну наложенія взысканій въ административномъ порядкѣ, а равно и задержанія и воспрещенія книгъ въ томъ же порядкѣ; 4) сложеніе всѣхъ нынѣ наложенныхъ взысканій со всѣми ихъ послѣдствіями; 5) отмѣну права администраціи изымать изъ обсужденія тѣ или иные вопросы. Эта «справка» была напечатана отъ имени союза во всѣхъ петербургскихъ газетахъ, при чемъ предварительно она была сообщена кабинету. Отъ послѣдняго никакого отвѣта—ни положительнаго, ни отрицательнаго—не послѣдовало, и газеты начали осуществлять свободу печати такъ называемымъ «явочнымъ порядкомъ».

Сколько бы ни говорилось потомъ объ анархіи, которую печать создавала въ то время, но, при мало-мальски объективномъ отношеніи къ событіямъ того времени, должно признать, что мѣры, предложенныя во второй части только что приведенной «справки»,

представляли, дѣйствительно, minimum того, что должно было быть сдѣлано сейчасъ, одновременно съ изданіемъ манифеста 17 октября. Правительство этого не поняло и не хотѣло понимать и предоставило событія «естественному ходу вещей». Между тѣмъ, «естественный ходъ вещей» и представлялъ опасность анархіи, приведя напримѣръ, къ тому, что совѣтъ рабочихъ депутатовъ 21 октября разрѣшилъ наборщикамъ приступить къ выпуску только тѣхъ газетъ, которыя «игнорируютъ цензурный комитетъ, не посылаютъ своихъ номеровъ въ цензуру, вообще поступаютъ такъ, какъ совѣтъ депутатовъ при изданіи своей газеты», съ предупрежденіемъ, что «газеты, не подчинившіяся настоящимъ постановленіямъ, будутъ конфискованы у газетчиковъ и уничтожены, типографіи и машины будутъ попорчены, а рабочіе, не подчинившіеся постановленію совѣта депутатовъ, будутъ бойкотированы». При создавшемся положеніи, съ вмѣшательствомъ наборщиковъ и вообще рабочихъ организацій въ свободное осуществленіе печатью своихъ обязанностей, Петербургскому союзу печати пришлось въ то время сталкиваться вообще неоднократно. Такъ, наборщики «St.-Petersburger Zeitung» потребовали отъ редактора помѣщенія передовой статьи изъ «Извѣстій совѣта рабочихъ депутатовъ» и даже ненапечатанія текста манифеста 17 октября. Союзу пришлось назначить комиссію изъ представителей наборщиковъ и союза для улаженія этого конфликта и установить принципіальное положеніе, что рабочіе печатнаго дѣла не имѣютъ права вмѣшиваться во внутренній строй газетнаго дѣла,—положеніе, которое было признано и представителями рабочихъ.

Объ этомъ такъ называемомъ «явочномъ періодѣ» свободы печати въ публикѣ и въ общественныхъ кругахъ, далеко даже не зараженныхъ враждой къ свободному слову, царитъ теперь вообще не мало ложныхъ представленій и легендъ. Часть ихъ пущена въ обращеніе какъ разъ тѣми самыми журналистами и публицистами, которые участвовали въ общемъ дѣлѣ, когда «начальство ушло». Именно эти господа старались затушевать старые «грѣхи» послѣ того, какъ «начальство пришло»...

Такъ, обвиненіе въ крайней разнузданности печати въ этотъ періодъ требуетъ, напримѣръ, весьма многихъ и многихъ оговорокъ. Конечно, если взять за критерій допустимаго ту мѣру свободы, которая была предоставлена печати при Сипягинѣ и Плеве, то языкъ газетъ послѣ 17 октября былъ, дѣйствительно, совершенно неслыханнымъ. Но если пересмотрѣть самыя рѣзкія статьи сколько-нибудь серьезныхъ политическихъ органовъ подъ угломъ зрѣнія нормъ западно-европейскаго правового строя, то, во всякомъ случаѣ, за этотъ бурный періодъ не слишкомъ много найдется статей, которыя даже въ Пруссіи вызвали бы судебное преслѣдованіе.

Въ общемъ русская печать оказалась вполнѣ достойной ши-

рокой свободы. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, однодневные юмористическіе листки, выросшіе, какъ грибы, въ эти дни, считать за отраженіе свободнаго слова въ то время. Въ этихъ юмористическихъ листкахъ, наряду съ блестками подлинной сатиры, было немало такого, что могло коробить. Но если даже къ этому «ужасу» тѣхъ дней, который теперь такъ раздувается въ извѣстномъ лагерѣ, подойти не съ мѣркой политическаго такта и воспитанности, а просто съ уголовнымъ критеріемъ западно-европейскаго образца, то и тутъ большинство самыхъ нецензурныхъ рисунковъ и замѣтокъ по своей преступности не многимъ будетъ отличаться хотя бы отъ «Ulk»'а, «Lustige Blätter» и «Simplicissimus»'а, терпимыхъ въ щепетильной Германіи. Къ тому же наша періодическая печать въ октябрскіе и ноябрскіе дни естественно и неизбѣжно отражала всѣ настроенія, царившія въ обществѣ въ эти дни потрясенія всего общественнаго организма, какъ положительныя, такъ и отрицательныя. Но о «распущенности раба, вырвавшагося на свободу», по отношенію къ русской печати того времени во всякомъ случаѣ не приходится говорить, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что и безъ скорпіоновъ и героическихъ «средствій», пущенныхъ въ ходъ для борьбы съ «безчинствами» печати, послѣдняя сама использовала бы свободу слова съ достоинствомъ и соотвѣтственно требованіямъ права.

V.

«Явочный періодъ», о которомъ идетъ рѣчь, продолжался въ столицахъ съ 19 октября до 24 ноября, когда были изданы временныя правила о періодическихъ изданіяхъ.

Все это время всѣ изданія, и лѣвыя, и правыя, совершенно игнорировали существованіе цензуры и не представляли даже номеровъ въ цензуру. Фактически печать была совершенно свободна, но несомнѣнно считалась и съ уголовными законами, и съ нормами, формулированными самимъ союзомъ въ вышеприведенной «справкѣ».

Союзъ въ первыхъ своихъ выступленіяхъ, вызванныхъ конфискаціей «Русской Газеты», подчеркивалъ стремленіе печати оставаться въ правовыхъ рамкахъ. Въ своемъ постановленіи отъ 25 октября онъ протестовалъ противъ этого мѣропріятія, какъ наложеннаго административнымъ порядкомъ. А когда сатирическій журналъ «Пулеметъ», редактируемый Н. Г. Шебуевымъ, былъ конфискованъ, редакторъ его заключенъ въ тюрьму, а типографія («Трудъ»), въ которой журналъ печатался, была закрыта полиціей, то союзъ въ своемъ заявленіи, напечатанномъ во всѣхъ петербургскихъ газетахъ, прежде всего подчеркнулъ, что и арестъ,

и закрытіе типографіи были произведены охраннымъ отдѣленіемъ въ порядкѣ охраны, и что «такія мѣры, какъ пользованіе положеніемъ объ усиленной охранѣ для борьбы съ проявленіемъ гражданской свободы вообще и въ частности въ дѣлахъ печати, являются прямымъ нарушеніемъ правъ, возвѣщенныхъ манифестомъ 17 октября».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, союзъ все разростался: въ составъ его входили уже почти всѣ періодическія изданія, выходившія въ Петербургѣ и имѣвшія какое-либо политическое значеніе, и въ періодъ наибольшаго вліянія союза въ немъ принимало участіе до 36 изданий *).

Изъ провинціи поступали запросы о возможности вступленія въ союзъ, были и просьбы о защитѣ отъ произвола администраціи: такъ, «Сибирскій Вѣстникъ» телеграфировалъ союзу о притѣсненіяхъ со стороны мѣстныхъ властей. Союзъ съ своей стороны былъ занятъ выработкой устава, причемъ цѣль была формулирована, какъ осуществленіе и организованная защита свободы печати.

Для правительства союзъ не только не представлялъ никакой тайны, но оно само какъ бы молчаливо признавало законность его существованія. Делегаты союза отъ имени его ходатайствовали передъ правительствомъ о нуждахъ печати, и власть прислушивалась къ этимъ заявленіямъ. Когда, напримѣръ, въ Варшавѣ былъ арестованъ извѣстный писатель Вацлавъ Сѣрошевскій, и ему грозилъ военный судъ за напечатаніе въ «Курьерѣ Ежедневномъ» воззванія, то особой коммиссіи изъ гг. Ѳ. Д. Батюшкова, В. Д. Кузьмина-Караваева, А. А. Столыпина, М. А. Суворина, и Л. В. Ходскаго было поручено явиться къ гр. Витте и просить отъ имени союза о немедленномъ освобожденіи Сѣрошевскаго. Ходатайство это увѣнчалось успѣхомъ.

Такое же отношеніе проявляла и судебная власть къ дѣятельности союза. Такъ, при первомъ арестѣ Шебуева по дѣлу «Пулемета», прокуратура предупредительно сообщила делегатамъ союза, что она не усматриваетъ повода къ возбужденію судебнаго преслѣдованія противъ Шебуева. Еще болѣе рѣзко проявилось вниманіе къ союзу въ другомъ случаѣ. Въ делегатское собраніе

*) Вотъ ихъ перечень: „Биржевыя Вѣдомости", „Иллюстраціи Биржевыхъ Вѣдомостей", „Вопросы Жизни", „Восходъ", „Всемірный Вѣстникъ", „Вѣстникъ Знанія", „Вѣстникъ Фабричнаго Законодательства", „Герольдъ", „Das Leben", „Der Freund", „Жупелъ", „Журналъ для всѣхъ", „Зритель", „Историческій Вѣстникъ", „Край", „Міръ Божій", „Наша Жизнь", „Наборщикъ", „Недѣля", „Новое Время", „Новости", „Петербургская Газета", „Петербургскій Листокъ", „Право", „Разсвѣтъ", „Русское Богатство", „Русь", St.-Petersburger Zeitung", „Свѣтъ", „Слово", „Судебное Обозрѣніе", „Сынъ Отечества", „Театръ и Искусство", „Театральная Россія", „Хозяинъ", „Юристъ".

12 ноября явились представители союза рабочихъ печатнаго дѣла и заявили объ арестѣ 3 наиболѣе вліятельныхъ дѣятелей ихъ союза. Рабочіе грозили въ случаѣ, если не удастся добиться освобожденія арестованныхъ, забастовкой въ типографіяхъ. Немедленно была назначена коммиссія изъ гг. Н. И. Лазаревскаго, А. А. Столыпина и М. И. Ганфмана для выясненія положенія арестованныхъ. Поздней ночью А. А. Столыпинъ и пишущій эти строки направились къ представителю прокурорскаго надзора, и въ самомъ непродолжительномъ времени, по распоряженію прокурора Камышанскаго, арестованные были освобождены...

Слѣдуетъ вообще отмѣтить, что самое энергичное и дѣятельное участіе во всѣхъ шагахъ союза принимали делегаты «Новаго Времени» въ лицѣ гг. Л. Ю. Гольдштейна, А. А. Столыпина, А. А. Пиленко и др., и самыя засѣданія союза чаще всего происходили въ большомъ залѣ редакціи «Новаго Времени». Болѣе того: когда, послѣ ареста Шебуева и закрытія типографіи «Трудъ», въ союзѣ возникло предположеніе объ устройствѣ митинга протеста, то делегатъ «Новаго Времени» предупредительно предложилъ для этого собранія помѣщеніе суворинскаго «Малаго Театра».

Вскорѣ, наряду съ союзомъ въ защиту свободы печати, возникли аналогичныя организаціи съ однородными цѣлями. Союзъ владѣльцевъ печатныхъ заведеній города Петербурга возникъ именно въ эти дни и, подъ напоромъ требованія общественнаго мнѣнія, обратился къ гр. Витте съ заявленіемъ, въ которомъ доказывалъ необходимость для правильнаго теченія работъ въ петербургскихъ типографіяхъ»—1) полной отмѣны предварительной цензуры для книгъ, брошюръ, иллюстрацій, рисунковъ и т. п.; 2) отмѣны цензуры запретительной и замѣны ея судебной отвѣтственностью, причемъ весь надзоръ за печатью и привлеченіе виновныхъ должны быть сосредоточены исключительно въ мѣстахъ судебныхъ; 3) упраздненія главнаго управленія по дѣламъ печати и цензурныхъ комитетовъ. Хотя это заявленіе типографщиковъ тоже осталось безъ отвѣта, но и въ этой области (печати непебіодической) фактически царила еще бо̀льшая свобода, чѣмъ въ области печати періодической. Книги и брошюры печатались безъ представленія въ цензуру. Власть проявляла еще бо̀льшую пассивность по отношенію къ этимъ видамъ печатнаго слова, чѣмъ къ изданіямъ періодическимъ. Кажется, въ этотъ періодъ не было ни одного случая конфискаціи или задержанія какой-либо книги, между тѣмъ попытки такъ или иначе воздѣйствовать на печать періодическую были и до изданія правилъ 24 ноября (конфискаціи «Русской Газеты», «Новой Жизни», закрытіе типографіи «Трудъ», вновь впрочемъ открытой послѣ выступленія союза, вторичный арестъ редактора «Пулемета» Шебуева съ привлеченіемъ по ст. 128 уголовнаго уложенія,—арестъ,

отъ котораго только по ходатайству союза Шебуевъ былъ освобожденъ подъ залогъ 10 тыс. руб.).

По мѣрѣ торжества контръ-революціи, и цензурное вѣдомство стало оправляться, но къ старымъ пріемамъ воздѣйствія возвратиться не рѣшалось. Для этого еще не наступилъ моментъ, по крайней мѣрѣ, въ столицахъ.

Въ Москвѣ первыя репрессіи «явочнаго періода» носили еще чисто судебный характеръ: предсѣдатель цензурнаго комитета обратился къ прокурору московскаго окружнаго суда съ ходатайствомъ о привлеченіи редактора «Вечерней Газеты» по статьѣ 129 и просилъ также возбудить преслѣдованіе противъ издателя И. Д. Сытина и редактора «Русскихъ Вѣдомостей» за непредставленіе изданій въ цензуру.

Въ провинціи «явочный періодъ» проявился менѣе ярко. Фактическое осуществленіе свободы печати имѣло мѣсто и здѣсь и притомъ въ формахъ, близкихъ къ тѣмъ, которыя проявлялись въ столицахъ. Такъ, ростовскія газеты не только печатали статьи, которыя зачеркивала цензура, но даже отмѣчали ихъ звѣздочками.

Въ иныхъ мѣстахъ самая администрація прекратила цензурованіе газетъ, считая цензуру отмѣненной самымъ актомъ 17 октября. Такого взгляда держался, напримѣръ, эстляндскій губернаторъ А. А. Лопухинъ, публично оповѣстившій объ этомъ населеніе (вскорѣ смѣщенъ съ губернаторскаго мѣста). Но, такъ какъ провозглашеніе манифеста 17 октября сопровождалось погромами и введеніемъ исключительныхъ положеній во всѣхъ сколько-нибудь крупныхъ провинціальныхъ центрахъ, свобода печати длилась тамъ еще менѣе, чѣмъ въ столицахъ: «усмиреніе» безпорядковъ вызвало мѣропріятія противъ печати въ духѣ стараго режима. Такъ, уже 23 октября, послѣ «бесѣдъ» редакторовъ съ одесскимъ градоначальникомъ, во всѣхъ одесскихъ газетахъ («Одесскій Листокъ», «Одесскія Новости», «Южное Обозрѣніе», «Коммерческая Россія») появилось однородное сообщеніе, что газеты лишены возможности освѣтить трагическія событія, происходившія только что въ Одессѣ. Въ другихъ мѣстахъ цензура продолжала свирѣпствовать, и отличіе ея отъ прежней состояло только въ передачѣ ея функцій генералъ-губернаторамъ. Въ Харьковѣ, напримѣръ, на цензуру генералъ-губернатора представлялись даже телеграммы офиціальнаго с.-петербургскаго телеграфнаго агентства. Въ Варшавѣ уже въ октябрѣ на основаніи военнаго положенія были пріостанавливаемы газеты, въ числѣ ихъ и русскій «Западный Голосъ»; въ Батумѣ 31 октября—тоже генералъ-губернаторомъ—былъ закрытъ «Черноморскій Вѣстникъ», и редакторъ высланъ въ Астраханскую губернію... И т. д., и т. д.

VI.

Вторая забастовка застала столичную печать еще не связанной временными правилами. Но въ эти дни, когда такъ нуженъ былъ голосъ свободнаго слова, печать вынуждена была молчать. Общее собраніе союза печати почти единогласно *) постановило, что интересы всего общества и самого освободительнаго движенія требуютъ, чтобы забастовка не распространялась на періодическія изданія; въ виду-же того, что рабочіе хотѣли допустить только выходъ своихъ «изданій», собраніе подчеркнуло, что принципъ свободы печати требуетъ, чтобы направленіе изданій не играло никакой роли при рѣшеніи вопроса о выходѣ его въ свѣтъ. Резолюція союза не произвела, однако, никакого дѣйствія, и общество ощутило вскорѣ все роковое значеніе проявившейся въ этомъ случаѣ изолированности культурной и сознательной силы печати отъ стихійнаго движенія.

Прошло еще нѣсколько недѣль, и, наконецъ, 24 ноября были изданы временныя правила о періодической печати—первое осуществленіе обѣщаній манифеста 17 октября. Здѣсь не мѣсто и не время входить въ ихъ оцѣнку: все положеніе печати съ 1905 г. до нашихъ дней является достаточно яркимъ комментаріемъ къ этому первенцу «конституціонныхъ реформъ».

Петербургская печать въ самый моментъ изданія правилъ отлично уразумѣла смыслъ ихъ. Союзъ единогласно призналъ, что новый режимъ нарушаетъ принципъ свободы печати, опубликовалъ протестъ противъ нихъ, напечатанный во всѣхъ изданіяхъ, постановилъ по прежнему осуществлять свободу печати и, кромѣ того, обсудилъ рядъ мѣръ, которыми бы союзъ могъ реагировать на предстоящія репрессіи. Было предложено, чтобы первая же статья, за которую будетъ привлечено къ отвѣтственности какое-либо изданіе, была перепечатана всѣми органами, входящими въ составъ союза. Были внесены и другія, болѣе фантастическія предложенія (напримѣръ, изданіе одной общей газеты союза, въ которой каждой редакціи было бы отведено опредѣленное количество столбцовъ). Серьезно подвергался обсужденію только проектъ о перепечаткѣ «преступныхъ» статей.

Несмотря на единодушіе, съ какимъ всѣ изданія, въ томъ числѣ и «Новое Время», высказались противъ правилъ 24 ноября, конкретная форма протеста встрѣтила большія тренія въ союзѣ. «Чуткіе» публицисты, столь смѣлые въ первый періодъ дѣйствія

*) Возражала одна соціалъ-демократическая „Новая Жизнь" въ лицѣ ея редактора Н. М. Минскаго, вышедшаго послѣ того изъ союза.

союза, угадывали, что «начальство уже пришло», и что благорасположенія его терять невыгодно... При дебатахъ о перепечаткѣ статей, подавшихъ поводъ къ репрессіямъ, нововременскіе делегаты предложили рядъ ограниченій, которыя въ значительной степени уничтожали «криминальность» предложенной формы протеста. Чтобы не разрушать союза, столь важнаго въ первое время примѣненія новаго закона, оппозиціонныя изданія шли въ значительной мѣрѣ навстрѣчу «осторожнымъ» предложеніямъ. Но это не помогло: нововременцы остались вѣрными себѣ, и хотя делегаты вліятельнаго органа взяли на себя въ собраніи моральную обязанность проявить солидарность со всѣми другими органами, но потомъ, когда эта солидарность должна была принять конкретную форму, редакція «Новаго Времени», по совѣщаніи съ издателемъ А. С. Суворинымъ, нашла возможнымъ «разрѣшить» делегатовъ отъ даннаго ими обѣщанія...

Союзъ при такихъ настроеніяхъ заколебался, и первый серьезный ударъ, обрушившійся на печать, въ сущности уничтожилъ эту организацію безъ остатка. Мы говоримъ о первомъ примѣненіи правилъ 24 ноября, подтвердившемъ самыя пессимическія предположенія относительно «реформы» печати. 2 декабря, за напечатаніе такъ называемаго «манифеста» совѣта рабочихъ депутатовъ, крестьянскаго союза и другихъ лѣвыхъ партійныхъ и союзныхъ организацій, комитетъ по дѣламъ печати конфисковалъ номера газетъ: «Сынъ Отечества», «Новая Жизнь», «Наша Жизнь», «Начало», «Свободный Народъ», «Русская Газета» и «Русь». Въ тотъ же день Петербургская судебная палата въ экстренномъ засѣданіи утвердила арестъ и пріостановила, на основаніи новыхъ временныхъ правилъ о печати, всѣ указанныя выше изданія впредь до судебнаго приговора. Это суммарное «дѣйство», разомъ уничтожившее въ Петербургѣ всю оппозиціонную печать, показало, что «начальство пришло окончательно», и что новый законъ, при соотвѣтствующемъ на него «нажимѣ», даетъ возможность принимать противъ печати мѣры пресѣченія и предупрежденія, въ смыслѣ энергіи и по произвольности усмотрѣнія нисколько не уступающія тѣмъ, которыя предусмотрѣны въ старомъ уставѣ о цензурѣ и печати...

«Мѣропріятіе» 2 декабря и явилось гранью между «явочнымъ періодомъ» свободы столичной печати и новой ея жизнью подъ сѣнью временныхъ правилъ 24 ноября и исключительныхъ положеній. Эта же дата явилась и днемъ преждевременной смерти союза въ защиту печати, на который возлагалось столько надеждъ *)...

---

*) Считаемъ не лишнимъ сдѣлать къ исторической справкѣ г. Ганфмана слѣдующее небольшое дополненіе. Послѣ 2-го декабря состоялось еще два собранія представителей ежемѣсячныхъ и еженедѣльныхъ изда-

Но то короткое время, когда столичная печать дѣйствительно пользовалась свободой слова, не прошло безслѣдно. Теперь еще нельзя оцѣнить того историческаго значенія, какое имѣло хотя бы мимолетное, но полное фактическое раскрѣпощеніе русскаго слова отъ путъ, сковывавшихъ его сотни лѣтъ. Только будущій историкъ русской печати, который при иныхъ условіяхъ русской жизни и печати будетъ разбираться въ пестрыхъ фактахъ и событіяхъ тѣхъ дней, сумѣетъ выдѣлить несомнѣнный правотворческій элементъ той «явочной свободы», которая осуществлялась въ октябрѣ и ноябрѣ 1905 г.

М. Ганфманъ.

ній, примкнувшихъ къ союзу. На первомъ изъ этихъ собраній было постановлено, въ видѣ протеста противъ репрессій, постигшихъ указанныя выше газеты и для защиты свободы печати, огласить «манифестъ» также и въ ежемѣсячныхъ и еженедѣльныхъ органахъ. Одинъ изъ участниковъ этого совѣщанія, редакторъ еженедѣльной газеты, исполнилъ постановленіе, и его изданіе было конфисковано. Второе собраніе журналистовъ, по разнымъ соображеніямъ, постановило, что, при данныхъ условіяхъ, рѣшеніе перваго собранія необязательно. При особомъ мнѣніи остались представители „Русскаго Богатства“ (Н. Ѳ. Анненскій и В. Г. Короленко), находившіе, что измѣнять постановленіе, послѣ того какъ одинъ изъ его участниковъ уже пострадалъ,—неправильно. „Русское Богатство“ (въ декабрьскомъ номерѣ) напечатало воззваніе. Журналъ былъ конфискованъ, редакторъ преданъ суду. Дѣло разсматривалось въ суд. палатѣ въ маѣ 1906 года. Въ судебной рѣчи В. Г. Короленко отстаивалъ точку зрѣнія „союза для защиты свободы печати“. Судебная палата вынесла оправдательный приговоръ. *Ред.*

Изъ Англіи.

Многія великія религіозныя и политическія идеи переживаютъ три фазиса: сперва за идею преслѣдуютъ, затѣмъ она становится господствующей, потомъ—увы!—во имя ея начинаютъ преслѣдовать другихъ. Такъ было съ установленнымъ культомъ. И если бы сложить кости всѣхъ людей, убитыхъ только въ IV и V вѣкахъ во время споровъ изъ-за догматовъ, то составилась бы новая горная цѣпь съ вершинами, далеко уходящими въ пустыя небеса. Потомъ можно было бы сложить новые Монбланы и Чимборазо изъ костей людей, истребленныхъ во имя культа всепрощенія и братской любви въ XI, XII и XV вѣкахъ. И сколько горъ ни возводилось бы, осталось бы еще очень много «свободнаго матеріала». Страданія людей, которыхъ преслѣдовали во имя культа, и ихъ слезы—нѣчто неизмѣримое.

Да! Если бы всѣ слезы, кровь и потъ,
Пролитыя за все, что здѣсь хранится,
Изъ нѣдръ земныхъ всѣ выступили вдругъ,
То былъ бы вновь потопъ,—

говоритъ старый баронъ у Пушкина. Та же мысль приходитъ каждому, явившемуся въ Британскій музей, чтобы познакомиться съ какимъ-нибудь періодомъ исторіи установленнаго культа. Трудно понять даже то «раздвоеніе морали», въ силу котораго, съ одной стороны, проповѣдуется всепрощеніе и грѣховность не только отнятія чужой жизни, но даже обзыванія своего ближняго безумнымъ, а съ другой—благословляется безпощадное истребленіе инако вѣрующихъ и мыслящихъ. «Порожденія ехидны! Какъ вы можете говорить доброе, будучи злы?»

Въ области политики три намѣченныхъ фазиса переживаетъ, между прочимъ, идея національзма. Вл. Соловьевъ возставалъ противъ національзма, вступившаго въ третій фазисъ развитія, доказывалъ, что обособленіе каждаго народа и отчужденіе отъ всѣхъ другихъ, «будучи дѣломъ безнравственнымъ по существу (какъ отрицаніе альтруизма и человѣческой солидарности), является при современномъ прогрессѣ внѣшней культуры, физиче-

ской невозможностью». Передъ нами своего рода волшебный кругъ. Чѣмъ воинственнѣе проявляется національизмъ въ третьемъ фазисѣ, тѣмъ національизмъ преслѣдуемыхъ становится болѣе упорнымъ. Національизмъ смѣшивается иногда съ патріотизмомъ. При томъ имѣется въ виду, по преимуществу, тотъ «инстинктивный патріотизмъ», о которомъ Вудъ Ховертъ помѣстилъ крайне интересную статью въ послѣдней книжкѣ американскаго Educational Review. Авторъ противопоставляетъ «инстинктивному» патріотизму «разумный».

«Инстинктивный патріотизмъ,—говоритъ авторъ,—имѣя поверхностное понятіе о наукѣ, оправдываетъ войны, ссылаясь при этомъ на законъ борьбы за существованіе и на выживаніе наиболѣе приспособленныхъ. Разумный патріотизмъ анализируетъ представленіе о наиболѣе приспособленныхъ, находитъ, что оно не имѣетъ этическаго значенія, и стремится развить въ народѣ тѣ умственныя и душевныя качества, которыя дѣйствительно помогли бы ему создать болѣе полную, красивую и счастливую жизнь. Инстинктивный патріотизмъ развязно говоритъ о всѣхъ непредвидѣнныхъ и печальныхъ явленіяхъ нашей жизни, какъ о проявленіяхъ воли Провидѣнія; онъ говоритъ до такой степени легкомысленно, что чуткимъ людямъ эта развязность можетъ показаться даже кощунствомъ. Разумный патріотизмъ признаетъ, что продолжительный и прочный прогрессъ является результатомъ человѣческаго предвидѣнія и предусмотрительности; что ошибки націи не менѣе печальны и не менѣе достойны порицанія, чѣмъ ошибки отдѣльныхъ индивидуумовъ; что необдуманныя или плохо продуманныя дѣйствія отдѣльныхъ людей или цѣлой націи скорѣе проявляютъ волю діавола, чѣмъ божества. Инстинктивный патріотизмъ мелодраматически заявляетъ, что флагъ какой-нибудь страны, разъ поднятый, никогда не долженъ быть спущенъ, внѣ зависимости отъ того, при какихъ условіяхъ его вывѣсили. Разумный патріотизмъ настаиваетъ на томъ, что разъ флагъ поднятъ, какъ результатъ насилія, разъ онъ является символомъ угнетенія и тираніи, то чѣмъ скорѣе онъ будетъ спущенъ, тѣмъ лучше. Разумный патріотъ сознаетъ, что если флагъ, поднятый какъ символъ насилія, не будетъ спущенъ нашими руками, справедливое божество сорветъ его въ гнѣвѣ и сдѣлаетъ на вѣчныя времена посмѣшищемъ въ глазахъ людей. Инстинктивный патріотизмъ вызывающе говоритъ: «Я—за мою страну, все равно, права ли она или виновата»! Разумный патріотизмъ говоритъ: «Я—за мою страну, если она права. Если же она неправа, то я отдамъ жизнь, чтобы направить ее на вѣрный путь». Инстинктивный патріотизмъ, не имѣя что возразить защитникамъ мира и не будучи въ состояніи опровергать ихъ аргументы, пытается увѣрить себя и другихъ, что такъ думать могутъ только невѣжественные сантименталисты и кисляи (mollycoddles). Разумный патріотизмъ спокойно про-

должаетъ организовывать свои лиги мира, ассоціаціи, федераціи, школы и международные трибуналы, вѣруя, что разумъ сдѣлаетъ войну невозможной».

Инстинктивный патріотизмъ основывается на двухъ предпосылкахъ:

1) Все то, что есть у сосѣдней страны и что намъ нравится, должно быть нашимъ, если сосѣди настолько слабы, что не въ состояніи дать сильный отпоръ. Захватывая чужую территорію, мы выполняемъ этимъ самымъ волю Провидѣнія.

2) Война является высшимъ проявленіемъ мужественности націи, исторически необходима и плодотворна по своимъ послѣдствіямъ.

Обыкновенно защитниками этой философіи въ печати выступаютъ люди съ совершенно «опредѣленной» репутаціей, которымъ рѣшительно терять нечего; но въ исключительныхъ случаяхъ мы видимъ въ рядахъ этихъ маленькихъ, сѣренькихъ, грязненькихъ, хитренькихъ и очень сомнительныхъ людей—геніевъ первой величины, благородныхъ, чистыхъ, въ искренности которыхъ никто не можетъ усомниться. Но даже и эти геніи первой величины не въ состояніи выдвинуть такой аргументъ въ пользу войны, который не распался бы при попыткѣ анализа. Вотъ, напримѣръ, одна защита войны, выставленная геніемъ. «Человѣчество любитъ войну... Кто унываетъ во время войны? Напротивъ, всѣ тотчасъ же ободряются, у всѣхъ поднятъ духъ... И не вѣрьте, когда въ войну всѣ, встрѣчаясь, говорятъ другъ другу, качая головами: «Вотъ несчастье, вотъ дожили!» Это—лишь одно приличіе. Напротивъ, у всякаго праздникъ въ душѣ... Положительно можно сказать, что долгій миръ ожесточаетъ людей. Въ долгій миръ соціальный перевѣсъ всегда переходитъ на сторону всего, что есть дурного и грубаго въ человѣчествѣ... Наука и искусства именно развиваются всегда въ періодъ послѣ войны. Война ихъ обновляетъ, освѣжаетъ, вызываетъ, укрѣпляетъ мысли и даетъ толчокъ. Напротивъ, въ долгій миръ и наука глохнетъ. Безъ сомнѣнія, занятіе наукой требуетъ великодушія, даже самоотверженія. Но многіе ли изъ ученыхъ устоятъ передъ язвой мира?.. Какъ ни освобождайте и какіе ни пишите законы, неравенство людей не уничтожится въ теперешнемъ обществѣ. Единственное лѣкарство — война. Пальятивное моментальное, но отрадное для народа. Война поднимаетъ духъ народа и его сознаніе собственнаго достоинства... Война есть поводъ массѣ уважать себя, а потому народъ любитъ войну... Нѣтъ, война въ наше время необходима, безъ войны провалился бы міръ, или, по крайней мѣрѣ, обратился бы въ какую-то слизь, въ какую-то подлую слякоть, зараженную гнилыми ранами» *).

---

*) Ѳ. М. Достоевскій, «Дневникъ писателя» (т. X, стр. 147—152, изд. 1891).

Войну «любятъ», безъ сомнѣнія, тѣ, которые въ ней не участвуютъ. Что касается «просвѣтлѣнія» научной мысли послѣ войны, то Кеплеръ, Коперникъ, Ньютонъ, Лапласъ, Лайель, Дарвинъ, Гельмгольцъ, Сѣченовъ, Менделѣевъ и др., повидимому, не нуждались въ этомъ. Человѣчество дѣйствительно превратилось бы «въ какую-то слизь, въ какую-то подлую слякоть, зараженную гнилыми ранами», если бы исключительно предалось инстинкту самосохраненія и утратило бы совершенно способность къ самоотверженности. Но развѣ для проявленія этой самоотверженности непремѣнно нужна война? Необходима борьба не человѣка съ человѣкомъ, а человѣка за человѣка. Борьба человѣка съ человѣкомъ доводитъ до такого состоянія озвѣрѣнія, что у благорасположенной къ людямъ Цереры *) вырывается горестный вопль:

Ты-ль, зевесовой рукою
Сотворенный человѣкъ?
Для того-ль тебя красою
Олимпійскою облекъ
Богъ боговъ и во владѣнье
Міръ земной тебѣ отдалъ,
Чтобъ ты въ немъ, какъ въ заточенье
Узникъ брошенный, страдалъ?

Въ борьбѣ человѣка за человѣка мы видимъ такое проявленіе героическаго, какого не можетъ явить война, а въ особенности современная. Въ началѣ іюля произошелъ взрывъ въ одной изъ ланкаширскихъ шахтъ. Погибло тридцать человѣкъ. Немедленно вызвались добровольцы, чтобы спуститься въ горящую шахту для спасенія раненыхъ товарищей. И какъ только партія спустилась, произошелъ новый взрывъ, отъ котораго погибло еще пятьдесятъ человѣкъ. Наверхъ подняли обгорѣлые трупы, страшно обезображенные. И, несмотря на это зрѣлище, немедленно нашлись еще углекопы, готовые спуститься на дно шахты, чтобы спасти товарищей. Аналогичные факты могутъ доставить любой большой пожаръ, работа врачей и фельдшерицъ на холерѣ или на тифѣ, спускъ вельбота въ бурю, чтобы спасти экипажъ и пассажировъ гибнущаго судна! На войнѣ солдатъ надо взвинчивать; ихъ надо соблазнять наградами, обольщать славой. Въ борьбѣ человѣка за человѣка люди жертвуютъ своею жизнью, не думая ни о славѣ, ни о наградахъ. Человѣкъ поддается тому самому импульсу, который побуждаетъ Петра бѣжать съ ведромъ воды, когда у Ивана загорѣлась крыша, и покуда идетъ борьба человѣка за человѣка (съ ростомъ культуры и дѣйствительной цивилизаціи эта борьба все будетъ увеличиваться), міръ

*) „Элевзинскій праздникъ“ Шиллера.

не обратится «въ какую-то подлую слякоть, зараженную гнилыми ранами».

Я сказалъ, что инстиктивный патріотизмъ основанъ на двухъ предпосылкахъ. Первая изъ нихъ гласитъ, что «все то, что есть у сосѣдней страны и что намъ нравится, должно быть наше, если сосѣди настолько слабы, что не въ состояніи дать сильный отпоръ». И при неукоснительномъ проведеніи на практикѣ правила, заключеннаго въ этой предпосылкѣ, мы видимъ новую и любопытную варіацію на притчу о сострадательномъ самаритянинѣ. По большой дорогѣ исторіи ѣдетъ слабый, но богатый путникъ (маленькое государство или большая страна, переживающая крайне серьезный кризисъ). На путника нападаютъ «разбойники», слѣдующіе вышеупомянутому правилу, напр., отбираютъ кошелекъ и уходятъ, чтобы накупить на добычу новое оружіе. Ѣдетъ «левитъ», видитъ раненаго и ограбленнаго путника, лежащаго на землѣ и... подходитъ, чтобы убѣдиться, все ли забрали разбойники. Обшаривъ путника, левитъ находитъ у него часы, забираетъ ихъ себѣ и уходитъ дальше. Путникъ лежитъ и стонетъ. Ѣдетъ священникъ, видитъ ограбленнаго путника и останавливается, чтобы поискать, не осталось ли что-нибудь у него. Такъ какъ разбойники и левитъ оставили лишь сапоги, то священникъ стаскиваетъ ихъ, забираетъ еще зонтикъ и уходитъ. Ограбленный путникъ стонетъ. Ѣдетъ сострадательный самаритянинъ, останавливается и производитъ тщательный осмотръ кармановъ у раненаго. Но разбойники, левитъ и священникъ забрали рѣшительно все цѣнное. Сострадательный самаритянинъ неодобрительно крутитъ головой, хлопаетъ руками по бедрамъ и удивляется человѣческой безнравственности, затѣмъ достаетъ арканъ, привязываетъ за шею раненаго и пинкомъ заставляетъ его подняться и слѣдовать за собою.

Добродѣтельный самаритянинъ отводитъ раненаго къ себѣ и присоединяетъ къ числу своихъ крѣпостныхъ. И потомъ, когда выздоровѣвшій путникъ, котораго заставляютъ работать на хозяина, протестуетъ, сострадательный самаритянинъ искренно возмущается человѣческой неблагодарностью и умиляется своимъ великодушіемъ... Подобныя варіаціи притчи мы видимъ теперь постоянно...

II.

Націонализмъ въ третьемъ фазисѣ развитія, т. е. тогда, когда во имя его начинаютъ преслѣдовать и душить, представляетъ антитезу той же идеи въ первомъ фазисѣ развитія. Борьба, напримѣръ, венгерцевъ съ австрійцами за національную независимость вдохновляла поэтовъ и заставляла сердца даже стариковъ сильнѣе биться. Теперь Венгрія во имя націонализма душитъ

славянъ. Исторія освобожденія Италіи—сплошная героическая поэма. Съ нею ассоціируется представленіе о такихъ титаническихъ личностяхъ, какъ Маццини, Гарибальди, Даніэль Манинъ, Маркъ Аврелій Саффи, Піанори, Пизакане. Бойцы, которые за перваго вождя шли на смерть, передъ разстрѣломъ или передъ тѣмъ, какъ вложить голову въ петлю, восклицали: «Viva l'Italia! Evviva Mazzini!» какъ глубоко волнуютъ сердца поэтическія произведенія, написанныя въ періодъ борьбы!

«Siam venuti a morir per nostro lido—
Eran trecento, eran giovani e forti:
E sono morti!»

(«Мы пришли умереть за нашъ край!. Ихъ было триста, они были молоды и сильны. И они умерли!») Это изъ стихотворенія на смерть Пизакане и трехсотъ товарищей его во время несчастной высадки.

Герои узнаются не столько въ борьбѣ, сколько въ долгіе мрачные годы, слѣдующіе за пораженіемъ народнаго движенія. Въ самый моментъ борьбы даже средніе люди способны на подвиги; но только дѣйствительные герои не впадаютъ въ полное отчаяніе въ черные годы реакціи. И въ этомъ отношеніи Гарибальди является единственной въ своемъ родѣ личностью. Его надо себѣ представить не полководцемъ, какъ онъ изображенъ на вершинѣ Яникульскаго холма въ Римѣ; не борцомъ въ традиціонной Camicia rossa (красной рубашкѣ), какъ на памятникѣ въ Неаполѣ, а такимъ, какъ его описываетъ А. И. Герценъ. То было въ моментъ самой страшной реакціи, когда все казалось потеряннымъ. Герценъ встрѣтилъ Гарибальди, когда тотъ на своемъ кораблѣ зашелъ въ Ньюкэстль за углемъ, и сказалъ вождю, что изъ всѣхъ эмигрантовъ онъ выбралъ благую часть.

«А кто не велитъ эмигрантамъ сдѣлать то же!»—отвѣтилъ съ жаромъ Гарибальди. И онъ набросалъ грандіозный планъ. «Меня въ Америкѣ знаютъ; я могъ бы имѣть подъ моимъ начальствомъ три-четыре такихъ корабля. На нихъ я взялъ бы всю эмиграцію: матросы, лейтенанты, работники, повара,—всѣ были бы эмигранты. Что теперь дѣлать въ Европѣ? Привыкать къ рабству, измѣнять себѣ или въ Англіи ходить по міру... Что же лучше моей мысли (и лицо его просвѣтлѣло), что же лучше, пока собраться въ кучку около нѣсколькихъ мачтъ и носиться по океану, закаляя себя въ суровой жизни моряковъ, въ борьбѣ съ стихіями, съ опасностью. Пловучая революція, готовая пристать къ тому или другому берегу, независимая и недосягаемая!» *). Въ то время какъ Италія боролась за національную независимость, она выдвигала не людей, а полубоговъ.

*) Сочиненія А. И. Герцена (Женева, 1879 года). Томъ VIII, стр. 298. Живи теперь Гарибальди, ему не трудно было бы набрать экипажъ

И вотъ теперь мы наблюдаемъ третій фазисъ въ развитіи итальянскаго національзма. Во имя его совершенъ всенародный грабежъ и разбой на большой дорогѣ исторіи: Италія, желая оправдаться въ глазахъ общественнаго мнѣнія Европы, а въ особенности Англіи, поручила нѣкоторымъ авторамъ написать апологію Триполитанской авантюры. Передо мною одна изъ этихъ работъ: «Tripoli and Young Italy», написанная Чарльсомъ Лепуортомъ и Еленой Циммернъ. Апологія сводится къ слѣдующему: у Турціи есть колонія, изъ которой метрополія не умѣетъ извлечь никакой пользы. А такъ какъ Италія можетъ использовать Триполитанію съ большою выгодою для себя и, кромѣ того, нуждается въ колоніяхъ, то, поэтому, имѣетъ полное право забрать себѣ территорію. Больше того. Италія не только имѣетъ право сдѣлать это, но обязана во имя цивилизаціи и прогресса поступить именно такимъ образомъ, а не иначе. И въ упомянутой книгѣ мы видимъ рядъ главъ: «Новая колонія», «Коммерческое значеніе Триполитаніи», «Будущность Ливіи» и т. д., въ которыхъ доказывается, что та страна, которую Италія забрала, стоитъ захвата. «Левитъ» и «священникъ», которыхъ попрекаютъ тѣмъ, что они забрали у путника часы, основываютъ свою защиту на томъ, что часы — золотые, а сапоги—вполнѣ стоющіе съ совершенно крѣпкими подметками! Лапуортъ и Елена Циммернъ описываютъ Ливійскую пустыню, какъ рай въ возможности. Со временемъ туда будутъ ѣздить

среди русской эмиграціи. Вотъ, напр., одинъ случай. Въ Лондонской колоніи былъ эмигрантъ учитель, по происхожденію крестьянинъ. Несмотря на то, что имѣлъ правильный заработокъ, онъ томился въ Лондонѣ и мечталъ о «просторѣ», о «землѣ». Наконецъ, забравъ жену и дочь, онъ отправился въ западную Австралію, въ Пертъ, куда теперь усиленно вызываютъ колонистовъ, знакомыхъ съ земледѣліемъ. Мечтой учителя было взять землю и стать фермеромъ гдѣ нибудь въ глубинѣ страны, на просторѣ, близъ Кульгарди или еще дальше. Учитель прибылъ съ рекомендаціями къ одному изъ министровъ отъ Рамсея Макъ-Дональда. Такъ какъ эмигрантъ прибылъ не «въ сезонъ», то министръ предложилъ покуда мѣсто чертежника съ вознагражденіемъ въ 4 ф. ст. въ недѣлю. Поработалъ въ чертежникахъ учитель, собравшійся быть фермеромъ, 5 недѣль и, къ великому изумленію, встрѣтилъ еще русскихъ эмигрантовъ, инженера, врача и конторщика.

— Что вамъ сидѣть въ душной конторѣ?—предложилъ инженеръ.—Давайте снарядимъ судно и поѣдемъ въ заливъ Географа (подъ экваторомъ на западномъ берегу Австраліи).

— Зачѣмъ?—спросилъ учитель.

— Будемъ бить тамъ акулъ, топить изъ нихъ жиръ и посылать на продажу. Теперь на него большой спросъ. Акулъ въ заливѣ Географа видимо-невидимо. Южная часть залива называется даже Бухтой акулъ.

И русскіе эмигранты снарядили барку, установили необходимые котлы и поплыли изъ Перта на сѣверъ, въ заливъ Географа. Теперь бѣжавшіе послѣ разгрома русской революціи бьютъ гарпунами акулъ, вытапливаютъ жиръ и пишутъ восторженныя письма о свободной жизни на берегу Индѣйскаго океана.

туристы, вмѣсто Ривьеры. Если вырыть артезіанскіе колодцы, если провести дороги, если привлечь колонистовъ, то Ливія станетъ богатымъ краемъ.

Но параллельно съ такими трудами, какъ только что упомянутый, появляются въ Англіи книги, въ которыхъ вполнѣ выясняется характеръ итальянской авантюры. Такова замѣчательно интересная и талантливая книга Фрэнсиса Макъ-Куллаха «Italy's War for a Desert», появившаяся недавно. Въ ней мы найдемъ много данныхъ, иллюстрирующихъ тезисъ о націонализмѣ, выставленный выше въ этомъ письмѣ. «Во время послѣднихъ тридцати лѣтъ,—говоритъ авторъ,—въ Италіи народилась и окрѣпла шовинистская партія. Члены ея называютъ себя націоналистами; оппоненты же именуютъ ихъ итальянскими младотурками; но шовинисты не заслуживаютъ этого названія. Люди, низвергшіе Абдулъ-Гамида, сотворены изъ болѣе твердаго матеріала. Націоналисты представляютъ собою джинго самаго откровеннаго типа. Они вѣрятъ въ войну ради войны. Они проповѣдуютъ, что пролитіе крови дѣлаетъ націю мужественной, сплачиваетъ и увеличиваетъ патріотизмъ населенія. Девизомъ джинго является: «Если нація начинаетъ вырождаться, она должна для своего спасенія начать войну, такъ какъ война возбуждаетъ народы» *). «Италія—цвѣтокъ Западной Европы,—пишетъ англійскій публицистъ цитируемый Макъ-Куллахомъ.—Мы такъ любили и такъ жалѣли Италію пятьдесятъ лѣтъ назадъ. Теперь мы видимъ, что ошиблись, когда повѣрили ея слезамъ. Мы ошиблись, полагая, что свобода явится лѣкарствомъ для ея старыхъ ранъ. Теперь она, какъ безстыдная потаскуша, стоитъ передъ Европой, похваляясь своимъ позоромъ». Сказано очень сильно, но гдѣ же тѣ большія европейскія страны, предъ которыми Италіи должно быть «стыдно»? Мы присутствуемъ при подготовленіи, быть можетъ, безпримѣрнаго грабежа на большой дорогѣ исторіи. Даже пожилые люди, вѣроятно, увидятъ еще, какъ первоклассныя государства, какъ коршуны на цыплятъ, опустятся на нѣсколько слабыхъ странъ въ Азіи и въ Европѣ и, быть можетъ, подерутся между собою изъ-за добычи. По крайней мѣрѣ теперь мы постоянно слышимъ про «соглашенія» съ цѣлью выясненія «сферъ вліянія»...

Итальянскіе націоналисты хотѣли войны, такъ какъ «были убѣждены, что тогда возрастетъ сила націи». Въ самой Италіи находились единичныя личности, доказывавшія, что если даже допустить, что большая война возрождаетъ націю, то Триполитанскую авантюру ни въ коемъ случаѣ нельзя назвать великой кампаніей. «Націоналисты хотятъ большой побѣды,—писалъ цитируемый авторомъ Гамилькаръ Чипріани.—Но какъ итальянцы могутъ одержать въ Триполитаніи большую побѣду, если доподлинно извѣстно, что

*) „Italy's War for a Desert", p. 4.

Турція, не имѣющая флота, не можетъ послать армію? Итальянскіе джинго наводнили страну листками, наполненными невѣроятнымъ хвастовствомъ. Самыя ничтожныя стычки раздувались въ громадныя побѣды. Джинго кричали о колоссальномъ тріумфѣ тогда, когда итальянцы благоразумно отступали подъ защиту пушекъ своихъ военныхъ кораблей. Все это сдѣлало итальянцевъ посмѣшищемъ въ глазахъ всего міра. Мы являемся теперь поставщиками матеріала для юмористическихъ изданій всѣхъ странъ. Насъ изображаютъ новыми Тартаренами, отправившимися бить львовъ». «Теперь втоптали въ грязь и въ кровь прекрасную итальянскую традицію, завѣщанную намъ Гарибальди,—говоритъ въ другомъ мѣстѣ Чиприани Гарибальди.—Нѣкогда мы брались за ружье въ защиту всѣхъ угнетенныхъ народностей, боровшихся за свободу... Прежде мы были странствующими рыцарями и героическими Донъ-Кихотами. Нашу Дульцинею звали Справедливостью. На равнинѣ Ріо Гранде, въ Монтевидео, Польшѣ, Греціи, въ Вогезахъ, Кандіи, Кубѣ, въ Албаніи, словомъ, всюду щедро лилась итальянская кровь. И приносившіе себя въ жертву не требовали никакой награды. Таковъ былъ героическій, славный итальянскій національзмъ. Шесть мѣсяцевъ назадъ мы съ гордостью могли сказать, что никогда никого не угнетали. Напротивъ, мы жертвовали цвѣтомъ нашей молодежи, чтобы сбить оковы съ ногъ другихъ народовъ. А теперь мы убиваемъ и грабимъ, какъ всѣ».

Совершенно другое пишутъ про войну итальянскіе націоналисты Габріель д'Аннунціо посвятилъ Триполитанской авантюрѣ цѣлый сборникъ трескучихъ стихотвореній, въ которыхъ прославляетъ «побѣды» генерала Канева (о нихъ—дальше). Вотъ, напр., гимнъ «Canzone dei Trofei», въ которомъ поэтъ приходилъ въ неистовый восторгъ отъ пальбы изъ пушки, хотя,—по увѣреніямъ Макъ-Куллаха,—восторгаться рѣшительно нечѣмъ, такъ какъ солдаты подвергались при этомъ не большей опасности, чѣмъ работникъ, накачивающій въ деревнѣ воду помпой. Или вотъ, напримѣръ, поэтъ и вождь футуристовъ Маринетта! Этотъ, воспѣвая по французски какъ итальянцы осыпаютъ шрапнелью турокъ, говоритъ о «свинцовомъ потопѣ, о великомъ ливнѣ итальянской силы». «Какъ это прекрасно!—восклицаетъ въ экстазѣ провозвѣстникъ новаго искусства.—Какой успѣхъ! Безумный восторгъ сжимаетъ мнѣ горло! Браво! Браво! Слава вамъ, прекраснымъ пѣхотинцамъ сорокового полка! Низко кланяюсь вамъ, пылкій майоръ Біанкулли, капитанъ Вигевано, капитанъ Галліани! Низко кланяюсь и тебѣ, поручикъ Вичинанца, герой съ резиновымъ тѣломъ». «Несуразность всего этого напыщеннаго вздора станетъ тѣмъ болѣе очевидной,—говоритъ Фрэнсисъ Макъ-Куллахъ,—если мы узнаемъ, что весь подвигъ «прекрасныхъ пѣхотинцевъ», «пылкаго майора Біанкулли» и «поручика Вичинанца» состоялъ въ томъ, что они бѣжали, какъ зайцы, передъ арабами, и что результатомъ стычки было отступле-

ніе итальянцевъ. Но все это не смущаетъ Маринетта. Онъ обращается къ звѣздамъ и выражаетъ имъ свое желаніе превратиться въ громадную гранату, чтобы разорваться среди «ненавистнаго» вражьяго войска. Онъ воспѣваетъ пушку, какъ женщину. Выпуклости орудія напоминаютъ ему бедра. Пулеметъ—это «прекрасная, роковая и божественная женщина», une femme charmante et sinistre, et divine. Маринетта такъ описываетъ паденіе снаряда на песокъ пустыни: «Глубоко взрытый песокъ подскочилъ и поднялся подобно колоссальной нагой женщинѣ съ толстыми грудями... Она шевелила свой громадный животъ въ торжественной пляскѣ». И когда вспомнимъ, что сочинители всего этого бреда не только ходятъ безъ призора, но еще руководятъ теперь итальянской политикой, то поймемъ, какой великой опасности подвергается Европа,—говоритъ Макъ-Куллахъ. О тѣхъ, которые противъ войны, Маринетта говоритъ: «Недавно мы на митингѣ побили кулаками нашихъ жесточайшихъ враговъ и плюнули имъ одновременно въ лицо такіе тезисы: «Доблесть итальянскихъ войскъ должна наконецъ превзойти стократно славу римскихъ легіоновъ. Мы приглашаемъ итальянское правительство, которое стало теперь футуристами, усилить еще національное честолюбіе. Надо презрѣть глупое обвиненіе въ пиратствѣ и провозгласить рожденіе паниталиама» *).

Каковы причины, создавшія итальянскую авантюру? Авторъ находитъ надобнымъ особенно выдвигать психологическія причины, оставивъ нѣсколько въ тѣни причины экономическія. «Съ тѣхъ поръ, какъ Италія объединилась, правители ея рѣшили скрѣпить ее при помощи наступательной войны»,—говоритъ Макъ-Куллахъ. Хотя Кавуръ и говорилъ, что «Italia fara da sè», но онъ былъ исторически неправъ. Единство Италіи создано Франціей и до извѣстной степени Англіей и Пруссіей, но не самой Италіей. Объединеніе явилось результатомъ сраженій при Маджентѣ и Сольферино, но не побѣдъ Гарибальди. Италія, такимъ образомъ, чувствовала себя въ такомъ же положеніи, какъ и Греція. Она выступила вторично на арену исторіи, получивъ свободу изъ рукъ другого народа. Въ теченіе послѣднихъ сорока лѣтъ, поэтому, главною цѣлью (?!) итальянскихъ государственныхъ дѣятелей было искупить этотъ грѣхъ, насколько возможно, блестящей побѣдой, которая «вновь соединила бы Италію» и скрѣпила бы римлянъ, генуэзцевъ, флорентинцевъ, венеціанцевъ, неаполитанцевъ и сицилійцевъ цементомъ общей опасности. Кровь и желѣзо должны были создать, по мнѣнію итальянскихъ государственныхъ дѣятелей, скрѣпу болѣе прочную, чѣмъ искусственный союзъ 1870 года. Такимъ образомъ сперва явилось желаніе захватить Тунисъ или вторгнуться въ Албанію. Такимъ образомъ явился несчастный абиссинскій походъ. Захватъ Триполитаніи былъ задуманъ еще

*) Ibid., p.p. 398—399.

Криспи и, вѣроятно, состоялся бы уже давно, продержись этотъ государственный дѣятель у власти еще нѣсколько мѣсяцевъ. Была еще другая причина, заставившая итальянское правительство принять націоналистическую программу. Эта причина—позоръ пораженія при Адовѣ. Правительство полагало, что надо загладить передъ всѣмъ міромъ этотъ постыдливый разгромъ. Въ своей недавно вышедшей книгѣ Il nazionalismo Сигеле пишетъ: «Мы дожны загладить нашъ грѣхъ и смыть позорное пятно нашего положенія при Адовѣ». Ирредентизмъ является, согласно ученію этого апостола итальянскаго націонализма, исторической необходимостью, продиктованной экономическими интересами, извѣчными правами и стратегическими соображеніями *).

III.

Прежде чѣмъ познакомить читателей подробнѣе съ интересною книгою Макъ-Куллаха, я скажу нѣсколько словъ объ авторѣ ея. Передъ нами—человѣкъ небольшого роста, повидимому слабаго здоровья, застѣнчивый, неловкій. А между тѣмъ это—поразительно смѣлый, настойчивый, пытливый изслѣдователь, подвергавшійся безчисленнымъ опасностямъ во всѣхъ частяхъ свѣта, видавшій поля битвъ и смотрѣвшій много разъ смерти прямо въ глаза. Этотъ застѣнчивый человѣкъ обладаетъ спокойнымъ мужествомъ, которое совершенно иного качества, чѣмъ театральная, нервная, взвинченная «bravoure». Передъ нами—не только мужественный, но еще очень талантливый и знающій человѣкъ, тонкій наблюдатель, хорошо владѣющій многими языками, въ томъ числѣ русскимъ и японскимъ. Жизнь Макъ-Куллаха, это—лѣтопись скитаній. Юношей онъ попалъ въ Банкокъ (Сіамъ), гдѣ редактировалъ англійскую газету; потомъ переѣхалъ въ Японію, гдѣ пробылъ четыре года. Изъ Японіи Макъ-Куллахъ переселился во Владивостокъ, гдѣ изучилъ русскій языкъ. Макъ-Куллахъ былъ военнымъ корреспондентомъ во время русско-японской войны и попался въ плѣнъ при отступленіи изъ Мукдена. Затѣмъ онъ черезъ Америку возвратился въ Англію, откуда поѣхалъ въ Петербургъ и Москву описывать революцію. Послѣ этого англійскія и американскія газеты его отправляютъ «на революцію» (какъ отправляютъ у насъ врачей «на холеру») въ Турцію, а затѣмъ—въ Португалію. Въ 1911 году Макъ-Куллахъ поѣхалъ отъ «Westminster Gazette» и отъ одного американскаго изданія въ Триполитанію. Послѣ массоваго разстрѣла итальянцами арабовъ 26-го октября, Макъ-Куллахъ въ видѣ протеста возвратилъ главнокомандующему свой паспортъ и уѣхалъ въ Англію. «Послѣ всего, что видѣлъ 26-го октября, я рѣшилъ, что не могу оставаться при арміи, заня-

*) Ibid., p.p. 8—18.

мающейся убійствами въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какъ итальянцы. Я возвратилъ свой паспортъ». Описывая рѣзню, устроенную итальянцами, Макъ-Куллахъ прибѣгаетъ къ русскому термину, ставшему интернаціональнымъ. «То была кровавая бойня, a regular pogrom» (то-есть форменный погромъ *). Книга Макъ-Куллаха, такимъ образомъ, является результатомъ личныхъ наблюденій. Къ ней приложены и фотографіи. Нѣкоторые снимки, вывезенные авторомъ изъ Триполитаніи, изображаютъ такія ужасныя сцены, что издатель, щадя читателей, отказался включить эти фотографіи въ книгу. Авторъ констатируетъ, что итальянское правительство тщательно скрываетъ правду. «Итальянская цензура вычеркиваетъ (и, конечно, справедливо) не только тѣ извѣстія, которыя могли бы быть полезны непріятелю, но также всѣ сообщенія о томъ, что война затянется, и что турки и арабы оказываютъ сильное сопротивленіе, — говоритъ авторъ.—Извѣстія, посылаемыя изъ Триполиса, завѣдомо ложны. Двадцать третьяго октября арабы прорвали цѣпь итальянцевъ, что повело къ невѣроятной паникѣ среди послѣднихъ. Между тѣмъ офиціальная телеграмма гласила, что итальянцы пошли въ штыки и взяли турецкое знамя. Атаки этой не было вовсе,—говоритъ Макъ-Куллахъ.—Флагъ (а не знамя) былъ найденъ потомъ подъ грудой тѣлъ арабовъ». Въ результатѣ,—говоритъ авторъ,—крайне односторонній взглядъ на эту войну. Вѣсти, получаемыя изъ Триполитаніи, тщательно подобраны военнымъ цензоромъ. Значительная же часть военныхъ новостей фабрикуется въ самой Италіи. Издатели итальянскихъ газетъ убѣждены, что если напечатаютъ что-нибудь непріятное джинго, то будутъ завалены протестами, а затѣмъ тиражъ газеты сократится. И издатели не ошибаются.

Въ самомъ началѣ войны лондонская газета «Daily Graphic» помѣстила протестъ противъ вторженія въ Триполитанію. Протестъ былъ написанъ извѣстнымъ американскимъ археологомъ Ричардомъ Нортономъ, производившимъ раскопки въ Киренаикѣ. Немедленно вся итальянская печать обрушилась на археологовъ. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль изо дня въ день въ каждой итальянской газетѣ можно было найти два-три столбца съ обличеніями Нортона и «Daily Graphic». Всюду въ Италіи подписчики отказались отъ дальнѣйшаго полученія англійской газеты вслѣдствіе ея «ignobili calunnie contro l'Italia» (недостойной клеветы противъ Италіи) и тоже сдѣлали читатели и библіотеки. Для обличенія ея состоялся рядъ митинговъ. Нѣкоторыя газеты изо дня въ день печатали списки лицъ, бойкотировавшихъ «Daily Graphic». Лондонская газета вынуждена была наконецъ начать мирные переговоры съ читателями и напечатать «объясненіе». Итальянскій цензоръ пропускаетъ телеграммы съ театра войны только въ такомъ случаѣ, если корреспондентъ прибѣ-

*) Ib. P. 249.

гаетъ къ прилагательнымъ въ превосходной степени. Цензоръ, напримѣръ, не позволилъ корреспонденту сказать, что англійскіе матросы лучше итальянскихъ. Онъ не терпитъ никакой критики, а допускаетъ только похвалы, похвалы, похвалы, цѣлыя бочки лести. Корреспондентъ «Lokal Anzeiger», напр., подалъ цензору телеграмму, въ которой находилась, между прочимъ, такая фраза: «Итальянская печать, по всей вѣроятности, изобразила въ слишкомъ мрачномъ свѣтѣ положеніе турокъ въ Триполитаніи». То было непосредственно послѣ первой высадки итальянцевъ, когда газеты помѣщали самыя невѣроятныя сообщенія о той крайности, въ которой находятся турки. Итальянскія газеты писали, что у непріятеля нѣтъ воды, что у него очень мало пищи и почти нѣтъ зарядовъ. Тотъ фактъ, что турки находятся у самаго города (у форта Бумеліана), объяснялся тѣмъ, что они умираютъ отъ жажды. Цензоръ вычеркнулъ фразу о томъ, что положеніе турокъ не такъ отчаянно, какъ его изображаютъ итальянскія газеты. Въ серединѣ октября корреспондентъ агентства Рейтера послалъ телеграмму, представлявшую собою безпристрастный и точный отчетъ о положеніи дѣлъ. Удѣливъ итальянцамъ много похвалъ, корреспондентъ рѣшился, однако, замѣтить, что вторгнувшуюся армію ждутъ великія трудности, въ особенности въ случаѣ похода въ пустыню. «Я могу только сказать,— продолжалъ корреспондентъ,—что итальянцы предприняли гигантское дѣло, не разсчитавъ точно всѣ тѣ препятствія, которыя придется преодолѣть, и не предвидя всѣхъ колоссальныхъ расходовъ». Вся итальянская печать обрушилась на корреспондента.

Итальянцы, взвинченные джингоистской прессой, ждутъ съ театра войны отчетовъ о блестящихъ дѣлахъ, и авторъ показываетъ, какъ безсовѣстно выдумываютъ даже такіе люди, которые должны были бы говорить правду. Вотъ, напримѣръ, сообщеніе соціалистическаго депутата Феличе. Онъ описываетъ побѣдоносное шествіе итальянцевъ по направленію къ Гаріану. «Прежде чѣмъ мое письмо появится въ печати, — заканчиваетъ Феличе,—итальянскія войска, вѣроятно, будутъ уже въ Гаріанѣ». «Стоитъ взглянуть на карту,— говоритъ Макъ-Куллахъ,—чтобы убѣдиться въ одномъ фактѣ. При томъ прогрессѣ, какой они дѣлаютъ теперь, итальянцы будутъ въ Гаріанѣ лишь черезъ пятьдесятъ лѣтъ, развѣ только попадутъ туда плѣнными». Описывая бомбардированіе совершенно беззащитныхъ деревень, итальянскіе корреспонденты употребляютъ такія похвалы, которыя были бы чрезмѣрны, даже если бы были примѣнены къ побѣдителю при Трафальгарѣ,—говоритъ Макъ-Куллахъ. «Это—тотъ самый де-Феличе,—продолжаетъ авторъ,—который, послѣ того, какъ усмотрѣлъ въ Сиди Мессри *) «qualche filo d'erba (нѣсколько стеблей травы) и пустырь, поросшій бурьяномъ, написалъ въ Giornale di Si-

*) Восточная окраина города Триполиса, на границѣ пустыни.

cilia восторженную статью. Въ ней въ самыхъ радужныхъ красках изображалась пригодность колоніи для земледѣлія. «Мы осмотрѣли пустыню. Вся она совершенно пригодна для обработки»... Если соціалистъ пишетъ такъ, то можно представить, что говорятъ джинго и имперіалисты.

Корреспондентъ Times'а, стоящій на сторонѣ Италіи, а не Турціи и безусловно признающій тезисъ, что государство имѣетъ право брать у сосѣда то, чего у него самого нѣтъ, посовѣтовалъ какъ-то итальянскимъ журналистамъ въ одной изъ своихъ телеграммъ—«не терять чувства пропорціи», когда они описываютъ войну. «Въ концѣ концовъ,—писалъ корреспондентъ,—триполитанская кампанія маленькая, и никакого важнаго значенія для военной исторіи всего міра имѣть не можетъ». Итальянскія газеты однако обидѣлись и усмотрѣли въ этой фразѣ несомнѣнный признакъ зависти и ненависти иностранцевъ.

«Италія,—говоритъ Макъ-Куллахъ,—превратилась съ того времени, какъ началась война, въ суффражистку-милитантку среди другихъ націй. Она ломаетъ дипломатическіе, международные, гигіеническіе и стратегическіе законы, какъ миссъ Кристабель Панкхерстъ бьетъ стекла. И если кто-нибудь дерзаетъ критиковать ея дѣйствія, она поднимаетъ истерическій крикъ. Такъ она поступаетъ даже въ случаѣ совершенно дружескаго замѣчанія. Италія носится по Эгейскому морю, какъ г-жа Панкхерстъ съ молоткомъ по Стрэнду. Италія думаетъ, что, создавая рискъ общеевропейской войны, она принудитъ Европу оказать давленіе на Турцію въ смыслѣ уступки Триполитаніи»*).

Итальянскія газеты говорятъ, что война страшно популярна среди нихъ; что солдаты, оторванные отъ плуга, «любятъ» войну. Письма солдатъ, присланныя изъ Триполитаніи, говорятъ другое, хотя прошли черезъ строгую цензуру. «Che bruttissima cosa è la guerra!» (Что за отвратительная вещь—война)—пишетъ матери солдатъ изъ Бенгази. «Націоналисты обманулись въ своихъ разсчетахъ,—говоритъ Макъ-Куллахъ.—Они увѣрили себя, что послѣ одного лишь усилія Италія превратится въ древній Римъ. Къ сожалѣнію, существуетъ пропасть между представленіями націоналистовъ офицеровъ и солдатъ, находящихся у нихъ подъ командой. Солдаты, отъ которыхъ, конечно, всецѣло зависитъ успѣхъ африканской авантюры, ничего не слыхали ни про Сципіона Африканскаго, ни про Адріана и не проявляютъ никакого желанія отличаться въ тщетной борьбѣ съ песками Ливійской пустыни. Одни солдаты желали бы, чтобы ихъ оставили въ покоѣ на родинѣ въ сицилійской деревнѣ, гдѣ остался необработаннымъ виноградникъ. Другому война помѣшала отправиться въ Нью-Іоркъ,

*) «Italy's War» etc. P. XXIX.

гдѣ братъ имѣетъ цирюльню и зарабатываетъ «хорошія деньги». Третій солдатъ былъ въ Чикаго и желалъ бы возвратиться туда. Націоналисты совершенно не желаютъ принять въ соображеніе, что со времени Юлія Цезаря случилось очень многое.»

IV.

Важная роль въ созданіи триполитанской авантюры принадлежитъ Римскому банку (Banco di Roma). Итальянское правительство имѣетъ въ Триполисѣ финансовое учрежденіе, соотвѣтствующее Русско-китайскому банку въ Маньчжуріи и Banque de Paris et des Pays-Bas въ Марокко. Banco di Roma располагалъ сперва капиталомъ въ сто милліоновъ лиръ, потомъ, вслѣдствіе соединенія съ Лигурійскимъ банкомъ, капиталъ этотъ увеличился еще на 50 милл. лиръ. Въ теченіе многихъ лѣтъ Римскій банкъ послѣдовательно пускалъ корни въ Триполитаніи Онъ пріобрѣлъ здѣсь громадныя земли, завелъ мельницы и другія промышленныя предпріятія; искалъ минеральныя удобренія и ископаемыя богатства. Во главѣ банка стоялъ очень способный дѣлецъ, Пачелли, имѣвшій близкое касательство къ ультра-джингоистской и католической газетѣ Giornale d'Italia. Турки, замѣтивъ намѣренія Римскаго банка захватить въ свои руки Триполитанію, приняли нѣкоторыя стѣснительныя мѣры противъ итальянцевъ. «Задачей банка,—говоритъ Макъ-Куллахъ,—несомнѣнно было подкопаться подъ турецкое владычество въ Триполитаніи». Послѣдствіемъ стѣснительныхъ мѣръ, принятыхъ Турціей, былъ вопль во всѣхъ итальянскихъ газетахъ: «Нашихъ соотечественниковъ преслѣдуютъ!» Банкъ между тѣмъ послѣдовательно подкупалъ турецкихъ чиновниковъ и арабскихъ шейковъ. «Для обнищавшаго, не получавшаго жалованья турецкаго чиновника времени Абдула-Гамида Римскій Банкъ явился настоящимъ благодѣяніемъ, хотя послѣднее, конечно, дорого обходилось Италіи. Banco di Roma имѣлъ въ своемъ распоряженіи итальянское казначейство, что было крайне необходимо для банка, такъ какъ онъ постоянно терялъ на своихъ спекуляціяхъ. «Impresa diplomatica di penetrazione», т. е. «дипломатическая дѣятельность проникновенія» обходилась очень дорого. Какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, «работа проникновенія» въ Триполитанію обогатила очень многихъ. Таинственныя суммы, отпускавшіяся для таинственныхъ цѣлей, оставались въ карманахъ многихъ націоналистовъ. Когда Банкъ началь сильно терять на спекуляціи, испуганные акціонеры, боясь краха, стали требовать, чтобы правительство захватило Триполитанію. Въ такомъ случаѣ земли, которыя Римскій Банкъ пріобрѣлъ, должны были, по разсчетамъ акціонеровъ, стремительно подняться въ цѣнѣ. Въ печати началась усиленная агитація въ пользу захвата Триполитаніи.

Надо помнить, кромѣ того, всѣ тѣ причины, которыя были при-

ведены выше. Въ маѣ 1911 года въ Триполитанію прибыла партія итальянскихъ воинствующихъ журналистовъ-націоналистовъ «per intraprendere la campagna in favore dell'occupazione» (чтобы открыть кампанію въ пользу оккупаціи колоніи). Авторъ цитируемой книги доказываетъ, что операціи Римскаго Банка были фиктивны, для отвода глазъ. Банкъ покупалъ, напримѣръ, шкуры, страусовыя перья и лошадей, а затѣмъ продавалъ себѣ въ убытокъ. Такимъ образомъ, напримѣръ, Римскій Банкъ пріобрѣлъ табунъ лошадей за сорокъ тысячъ лиръ, а продалъ его итальянскому правительству—за двадцать пять тысячъ лиръ. Банкъ выстроилъ заводъ для искусственнаго приготовленія льда, но, вмѣсто динамическихъ машинъ, попытался ввозить для завода динамитъ. Банкъ устроилъ «пароходную компанію», для чего получилъ отъ итальянскаго правительства ежегодную субсидію въ 190.000 лиръ. Вся «линія» состояла изъ двухъ крошечныхъ пароходовъ. Банкъ построилъ въ Бенгази паровую мельницу, которой красная цѣна была 300 тысячъ лиръ, но обошлась она въ 1.800.000 лиръ, и постройка не была доведена до конца. «Націонализмъ» (воинственный) какъ то естественно соединенъ съ темными деньгами и воровствомъ.

Въ 1911 году дѣла Римскаго Банка такъ запутались, что единственнымъ спасеніемъ отъ банкротства являлась война. Тогда-то именно патріотическія итальянскія газеты начали особенно усиленно проповѣдывать необходимость пріобщенія варварской Триполитаніи къ цивилизаціи. «Оккупація спасла Банкъ отъ катастрофы, которая иначе была уже неминуема,—говоритъ Макъ-Куллахъ.—Теперь въ рукахъ Банка будетъ находиться почти вся земля, годная для обрабатыванія. Канева издалъ декретъ, имѣющій, какъ будто, цѣлью защитить туземцевъ отъ вампировъ, спекулирующихъ на землю; но это только—отводъ глазъ. Такъ какъ большинство земель принадлежитъ Римскому Банку, то теперь правительство вынуждено будетъ пріобрѣтать у него участки для колонистовъ. И, конечно, Банкъ назначитъ «свою» цѣну. Теперь націоналисты Римскаго Банка захватили также въ свои руки всѣ казенные подряды.

Началась авантюра, которая должна принести Италіи только горе, даже если бы кончилась благополучно. Италія убѣдится тогда, что купила страшно дорогой цѣной пустыню. «Вся Триполитанія не стоитъ одного снаряда десятидюймовой пушки,—говоритъ Макъ-Куллахъ.—Если бы я захотѣлъ цитировать всѣхъ тѣхъ, которые доказываютъ это, то никогда бы не кончилъ. Представляй Триполитанія какую-нибудь цѣнность, французы, давно уже изслѣдовавшіе ее, присоединили бы страну. Француэскій путешественникъ Матюизьё, изслѣдовавшій Триполитанію, полагаетъ, что даже во время римлянъ она не имѣла большей цѣнности, чѣмъ теперь. Страна всегда представляла собою камни и песокъ. Французскій полковникъ Монтей, изслѣдовавшій Триполитанію въ 1893

году, приходитъ къ заключенію, что страна ничего не стоитъ, и что итальянцы будутъ разочарованы, если заберутъ ее. Въ 1905 году вышла брошюра, написанная Гросси, профессоромъ дипломатической школы при римскомъ университетѣ. Авторъ доказываетъ, что, какъ земледѣльческая колонія, Триполитанія совершенно безполезна. Съ торговой же точки зрѣнія страна почти не имѣетъ никакой цѣнности, такъ какъ караваны съ береговъ озера Чадъ направляются теперь не въ Триполисъ, какъ раньше, а въ Египетъ и Тунисъ... Профессоръ Григори и Первенкіери доказываютъ, что артезіанскими колодцами нельзя улучшить дѣла. Предположимъ даже,—продолжаетъ Макъ-Куллахъ,—что Италіи удалось бы путемъ громадныхъ затратъ превратить часть пустыни въ удобное для поселенія мѣсто. Не лучше ли затратить эти деньги въ Италіи? Не лучше ли строить гавани, школы, госпитали и дороги не въ Триполитаніи, а въ Сициліи и Сардиніи?.. Есть итальянскія провинціи, въ которыхъ 70% неграмотныхъ; въ деревняхъ южнѣе Венеціи вслѣдствіе отсутствія водопроводовъ питьевая вода доставляется въ лодкахъ. Есть много мѣстъ въ Италіи, которыя можно превратить въ цвѣтущій садъ, если провести искуственное орошеніе... Итальянцы полагаютъ, что Триполитанія приметъ излишекъ населенія метрополіи. Но зачѣмъ переселенцамъ идти туда, когда есть Нью-Іоркъ, Санъ-Франциско и Американская республика?» (P. 40—41). Эти вопросы можно было бы задать теперь каждой странѣ, преслѣдующей политику захвата. И чѣмъ страна бѣднѣе, темнѣе и несчастнѣе, тѣмъ труднѣе отвѣтить на эти вопросы. «Зачѣмъ гнаться за новыми территоріями, когда и старыя не заселены еще? Зачѣмъ бросать на флотъ сотни милліоновъ, когда населеніе хронически голодаетъ, почти поголовно неграмотно, забито и проявляетъ нравы каменнаго вѣка»? Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ?

Если даже допустить, что война дѣйствительно поднимаетъ духъ націи и не даетъ ей превратиться въ «подлую слякоть» и въ «слизь», то Триполитанская авантюра ни въ коемъ случаѣ не можетъ сослужить итальянскому народу такую службу. Трудно представить себѣ нѣчто болѣе безопасное, чѣмъ «взятіе Триполиса». «Форты» были защищены нѣсколькими пушками стараго образца. У маяка находилась батарея изъ трехъ маленькихъ пушекъ. Главный фортъ (Султаніэ) былъ защищенъ пятью крупповскими пушками отъ 150—240 миллиметровъ. Послѣ третьяго выстрѣла со стороны итальянскихъ пушекъ, турецкая батарея у маяка пробовала отвѣтить, но ея снаряды не долетѣли даже до половины разстоянія. Произошла не артиллерійская дуэль, а бомбардировка. Затѣмъ съ Гарибальди были посланы на берегъ два офицера и два матроса, чтобы привести въ негодность пушки, находившіяся въ оставленномъ фортѣ, чтобы взорвать торпедную станцію. Въ фортѣ не было ни одного турка, и, тѣмъ не менѣе,

итальянская печать изобразила дѣятельность двухъ офицеровъ и двухъ матросовъ, какъ величайшій подвигъ въ военной исторіи, болѣе замѣчательный, чѣмъ попытка Гобсона запереть флотъ адмирала Серверы, или попытка японцевъ закупорить входъ въ Портъ-Артуръ. Газеты говорили о «великомъ подвигѣ», выполненномъ «con una fredezza ed un coraggio incredibili» (съ невѣроятнымъ хладнокровіемъ и мужествомъ). До бомбардировки въ фортѣ находились только четыре турецкихъ солдата. Трое изъ нихъ были убиты. Это не помѣшало итальянскому генералу писать въ своей реляціи о «взятіи штурмомъ» форта. «Итальянцы приходятъ въ восторгъ отъ самыхъ обыкновенныхъ вещей,—говоритъ Макъ-Куллахъ.—Обстрѣливаніе изъ десятидюймовыхъ пушекъ на разстояніи четырехъ миль форта, охраняемаго четырьмя солдатами и защищеннаго пушечками, снаряды которыхъ летятъ только на милю, привело всю Италію въ восторгъ. Всѣ газеты помѣстили портреты героевъ, наводившихъ пушки. Описаніе «боя» было бы напыщено, даже если бы рѣчь шла о Цусимѣ или о штурмѣ Портъ-Артура. Во всякомъ случаѣ, по утвержденію Макъ-Куллаха,

1) турокъ въ Триполисѣ не было, такъ какъ они всѣ ушли;

2) у каждой батареи было только по четыре человѣка, обязанность которыхъ состояла въ томъ, чтобы «соблюдать приличія», т. е. сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ, а затѣмъ идти вслѣдъ за другими солдатами;

3) форты во всѣхъ отношеніяхъ были безполезны. Одно военное судно, съ абсолютной безопасностью для себя, могло ихъ разрушить совершенно. Такимъ образомъ, не для чего было приводить даже весь флотъ, чтобы бомбардировать Триполисъ.

V.

Итальянцы заняли оставленный городъ. Печать представила это, какъ конецъ кампаніи, которая, между тѣмъ, только началась. Очень скоро, черезъ нѣсколько дней, итальянцы убѣдились, что у нихъ во владѣніи только небольшая площадь, что изъ осаждающихъ они сами превратились въ осажденныхъ. Началось то, что Макъ-Куллахъ называетъ осадой пустыни, и что будетъ продолжаться не одинъ десятокъ лѣтъ.

«Первымъ шагомъ триполитанской авантюры была бомбардировка; вторымъ—явилась осада. Итальянцы осаждаютъ пустыню,—пишетъ Макъ-Куллахъ въ Westminster Gazette изъ Триполиса 16 октября 1911 года.—Итальянцы укрѣпились на границѣ пустыни и потребовали, чтобы она сдалась; но до сихъ поръ единственнымъ отвѣтомъ является жалобный вой ночного вѣтра въ Сахарѣ да трескъ винтовокъ турецкихъ солдатъ, укрывающихся между песчаными барханами. Форпосты осаждающихъ кончаются

на разстояніи всего получаса ходьбы отъ того мѣста, гдѣ итальянцы высадились. Какъ велика разница здѣсь и въ Маньчжуріи! Въ Триполисѣ военный корреспондентъ, если возьметъ экипажъ, можетъ въ пятнадцать минутъ добраться до форпостовъ. Въ Маньчжуріи разстояніе между двумя армейскими корпусами было такъ велико, что его нельзя было преодолѣть даже хорошимъ биноклемъ. Въ зонѣ, раздѣлявшей двѣ арміи, корреспондентъ могъ наблюдать неизслѣдованный Китай. Ни русскіе, ни японцы не дерзали занять эту зону. Если бы Куроки внезапно устремился между Линевичемъ и Ренненкампфомъ, онъ оказался бы схваченнымъ, какъ гиганскими щипцами. Устремись Мищенко со своими казаками между арміями Ноги и Оку, онъ никогда не выбрался бы.

«Въ Триполисѣ мы видимъ нѣчто совершенно иное. Самый городъ расположенъ на маленькомъ полуостровѣ. Итальянцы заняли только этотъ полуостровъ и ничего другого. Поперекъ полуострова прорыты теперь траншеи, въ которыхъ плечомъ къ плечу лежатъ итальянскіе солдаты. Траншеи образуютъ полукругъ. Подобная защита города подобаетъ вполнѣ великой наукѣ каменнаго вѣка. Не знаю, почему именно Канева остановился на ней: не потому ли, что онъ зналъ робость своихъ солдатъ и не могъ поручить имъ защиту фортовъ, лежащихъ далеко въ пустынѣ? Въ нашъ вѣкъ генералы, защищающіе городъ, устраиваютъ вокругъ него нѣсколько сильно укрѣпленныхъ позицій, а въ центрѣ держатъ резервы... Въ Триполисѣ итальянскія войска скучены вмѣстѣ, подобно полисмэнамъ, охраняющимъ улицу. Фактически у итальянцевъ нѣтъ ни развѣдчиковъ, ни форпостовъ. Турки вслѣдствіе этого постоянно подбираются къ самому городу и обстрѣливаютъ его. Вся надежда итальянцевъ на то, что турки пожалѣютъ городъ и не будутъ бомбардировать его. Располагая полевой артиллеріей, Несіатъ-Бей можетъ въ любой моментъ осыпать крѣпость снарядами, потому что на берегу нѣтъ (т. е. не было 16 октября) пушекъ, которыя могли бы помѣшать этому. Когда роли между осаждающими и осажденными были распредѣлены иначе, чѣмъ теперь, т. е. когда городъ принадлежалъ туркамъ, итальянцы нисколько не стѣснялись засыпать Триполисъ артиллерійскими снарядами, убившими не мало мирныхъ обывателей. Если турки сдѣлаютъ то же самое, то, конечно, поднимется вопль по поводу жестокости мусульманъ».

«Ничего болѣе поразительнаго передовой линіи въ Триполисѣ я не видалъ,—говоритъ Макъ-Куллахъ.—Оазисъ кончается сразу, подобно зеленому ковру, разостланному на пескѣ. На одной сторонѣ растительность: финиковыя пальмы и сады, а затѣмъ — колодцы, дома, жизнь. По другую сторону пески, безплодность, пустыня, смерть. Хорошо и ясно замѣтная линія отдѣляетъ оазисъ отъ другого элемента, столь же отличающагося отъ пахотной земли, какъ земля отъ воды. За оазисомъ лежитъ ослѣпи-

тельно бѣлая, песчаная, безводная, безкрайная пустыня. Какъ хотите изслѣдуйте ее въ подзорную трубу, вы всюду увидите ту же безводную, необитаемую, непригодную для людей пустыню. На первый взглядъ вамъ покажется, что вы стоите на берегу океана. Этотъ моментъ запомнится на всю жизнь. Пустыня производитъ еще болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ океанъ, своею неподвижностью и тѣмъ, что въ ней никакой жизни, ни растительной, ни животной. Она мертва. Безчисленные барханы придаютъ пустынѣ видъ океана, внезапно застывшаго во время сильной бури. Мы видимъ песчаную рябь, песчаныя волны съ острыми гребешками, съ которыхъ вѣтеръ сдуваетъ тонкій бѣлый песокъ, какъ пѣну. Но мѣсяцъ и звѣзды не отражаются въ песчаномъ океанѣ. Поверхность его при звѣздахъ отсвѣчиваетъ тѣмъ сѣрымъ и тусклымъ блескомъ, который мы замѣчаемъ ночью на лицѣ покойника. Лай бездомныхъ собакъ гдѣ-то вдали кажется жалобнымъ воемъ грѣшныхъ душъ, непринятыхъ землею.

«Итальянцы осаждаютъ пустыню и выводятъ на границѣ ея шанцы. Они огородились отъ пустыни глинобитной стѣной, въ которой прорѣзали бойницы. На таинственное, мрачное, сѣрое лицо сфинкса, видѣвшаго уже столько погибшихъ имперій, итальянцы навели горныя пушки, пулеметы, морскія пушки... Цѣлый день солдаты пристально глядятъ на пустыню, стараясь усмотрѣть что-нибудь въ этой раскаленной печи. Песокъ, песокъ и только песокъ! Засохшая смоковница. Земля, проклятая Аллахомъ на вѣчное безплодіе, но имѣющая въ то же время въ себѣ нѣчто священное, какъ все, до чего касалось Божество!» *). Таковъ тотъ цвѣтущій край, который Италія рѣшила захватить.

На разстояніи полутора миль отъ края пустыни находится островерхій, крутобокій шиханъ, похожій на застывшую волну буруна. На вершинѣ холма форпостъ, гдѣ находится шесть солдатъ. Тутъ — крайняя граница итальянскихъ владѣній. Авторъ книги бесѣдовалъ съ этими солдатами и меньше всего замѣтилъ у нихъ любовь къ войнѣ. Скоро наступитъ день, когда литература, появившаяся во время войны, покажется дикой и варварской даже тѣмъ, которые написали ее. Подобно всѣмъ крѣпкимъ напиткамъ, джингоизмъ оставляетъ туманъ въ головѣ и горечь во рту. И когда Италія отрезвится, она, вѣроятно, придетъ въ ужасъ отъ своихъ дѣяній **).

---

*) «Italy's War for a Desert». P. p. 82—85.

**) Я вспоминаю сцены, списанныя мною съ натуры во время опьяненія южно-африканской войной, и съ удивленіемъ спрашиваю: «неужели все это продѣлывали корректные, сдержанные вслѣдствіе крайней застѣнчивости англичане? «Площадь передъ биржей, — писалъ я въ 1900 году,—приняла живописный видъ. (Только что получилось извѣстіе о взятіи Преторіи). Въ одномъ мѣстѣ, подобравъ полы чернаго сюртука, толстый, налитый жиромъ и кровью джентльмэнъ, дробно семеня но-

Прекрасную Италію во имя національзма напоили неочищеннымъ спиртомъ ложнаго патріотизма. «Спиртъ» этотъ мы находимъ въ изобиліи въ газетныхъ статьяхъ, повѣстяхъ, поэмахъ (напр., у д'Аннунціо). Одинъ поэтъ, воспѣвая битву 16 октября, т. е. избіеніе невооруженныхъ арабовъ въ городѣ и въ оазисѣ, говоритъ про солдата, прижимающаго къ груди, какъ мать прижимаетъ больного ребенка, окровавленный прикладъ ружья. Одному артиллеристу, котораго видѣлъ поэтъ, оторвало часть челюсти, но онъ тѣмъ не менѣе съ гордостью бормочетъ: «Восемь! Я убилъ восемь изъ нихъ!» Рядомъ лежитъ сержантъ. У него челюсти, должно-быть, совсѣмъ нѣтъ, потому что онъ молчитъ; но онъ тѣмъ не менѣе поднимаетъ обѣ руки и показываетъ поэту растопыренные пальцы. Сержантъ убилъ десять арабовъ. «Какъ это прекрасно! восклицаетъ поэтъ.—Бѣшенный восторгъ опьяняетъ меня! Турки узнали, что такое потокъ свинца, и что такое потокъ итальянской доблести!»

Солдаты, съ которыми Макъ-Куллахъ бесѣдовалъ на форпостахъ, не проявляютъ такого опьяненія войной. «Я еще не видалъ вообще солдатъ, которыя любили бы войну,—говоритъ Макъ-Куллахъ.—И меньше всѣхъ проявляли такое войнолюбіе легендарно свирѣпые казаки, съ которыми я шелъ въ Маньчжуріи. Вотъ почему я начинаю подозрѣвать, что единственный классъ, любящій войну и горячо отстаивающій ее, это — газетные публицисты. Тяжелые итальянскіе крестьяне, цирульники и продавцы мороженаго, съ которыми я бесѣдовалъ на форпостахъ, защищали рукой свои глаза отъ солнца, когда вглядывались въ таинственную, неизвѣданную пустыню, укрывавшую, какъ крѣпость, непріятеля-

---

гами, обутыми въ лаковые башмаки, выплясываетъ skirt-dance подъ звуки шарманки, ручку которой энергично вертитъ итальянка, перевязанная платкомъ накрестъ. Противъ джентльмэна, подобравъ одной рукой юбку, выплясываетъ дѣвица съ огромными красными перьями на шляпкѣ. Въ свободной рукѣ у дѣвицы — огромное павлинье перо, которымъ она щекочетъ по носу толстаго джентльмэна. Послѣднему жарко. Толстый, туго обтянутый пестрымъ шелковымъ жилетомъ, животъ дрожитъ и колышется при каждомъ прыжкѣ; джентльмэнъ пыхтитъ, но кричитъ, задыхаясь отъ жары: «Слава Богу!» (генералу Робертсу)... Вотъ другой джентльмэнъ въ цилиндрѣ, тоже толстый, но помоложе, пробуетъ неудачно взобраться на фонарный столбъ. — Другой, молодой джентльмэнъ беретъ что-то изъ рукъ толстаго и лѣзетъ на столбъ. Джентльмэнъ держитъ веревку, къ концу которой привязано чучело Кругера съ библіей въ рукахъ, которое при аплодисментахъ вѣшаютъ. Пронзительно пищатъ дудки, верещатъ трещотки... Вокругъ повѣшеннаго Кругера составился хороводъ. Выплясываетъ дама, довольно пожилая, нарядно одѣтая, старикъ, повидимому, рабочій, молодой джентльмэнъ въ цилиндрѣ и солдатъ въ красной курткѣ» (Діонео, „Очерки Современной Англіи" стр. 34). А евангелія, выпущенныя тогда въ переплетахъ, украшенныхъ національнымъ флагомъ и изображеніемъ солдата и матроса! Все это было, но кажется такимъ невѣроятнымъ, когда угаръ джингоизма прошелъ.

невидимку. Итальянскіе крестьяне не знаютъ даже, какъ называется народъ, съ которымъ они воюютъ. Повидимому, не всѣ знаютъ слово «Турція», и о непріятелѣ говорятъ описательно: «люди той страны, съ которой мы воюемъ». Русскіе солдаты,—продолжаетъ Макъ-Куллахъ,—при мнѣ, говоря о японцахъ, пользовались мѣстоименіемъ «они». Ночью проклятіе, тяготѣющее надъ пустыней, поднимается изъ земли и бродитъ по ней, какъ упырь. Часовые, стоящіе въ пустынныхъ мѣстахъ, почти сходятъ съ ума отъ страха. Послѣ того какъ солдаты часами вглядываются въ сѣрый, таинственный полумракъ пустыни, у нихъ начинаются зрительныя галлюцинаціи. Часовые видятъ черные, страшные призраки. Они стрѣляютъ отъ страха и поднимаютъ на ноги весь лагерь. Ложная тревога обусловливается бродячими собаками или муломъ, потерявшимъ хозяина. Эти безпричинныя ночныя тревоги начинаютъ отражаться на нервахъ солдатъ и молодыхъ офицеровъ. Въ очень рѣдкихъ случаяхъ тревога вызвана дѣйствительнымъ нападеніемъ турокъ, подбирающихся обыкновенно на разсвѣтѣ. Начинается тогда усиленная ружейная и артиллерійская пальба. Утромъ въ пустынѣ находятъ одного или двухъ убитыхъ турецкихъ солдатъ. Въ Италію летитъ реляція о блестящей побѣдѣ.

«И въ то время, какъ вниманіе итальянцевъ всецѣло поглощено пустыней, мнѣ чудится позади ихъ гигантскій, страшный призракъ, поднимающійся изъ темныхъ кварталовъ занятаго города,—говоритъ Макъ-Куллахъ.—Выступаетъ врагъ болѣе страшный, чѣмъ турки, болѣе ужасный, чѣмъ пустыня—холера»... Италія захватила добычу, съ которой не справится. Средневѣковыя легенды говорятъ про удивительные плоды, растущіе на берегу Мертваго моря. Снаружи они прекрасны; но стоитъ дотронуться, какъ они разсыпаются, оставивъ только прахъ. Такимъ плодомъ съ береговъ Мертваго моря Италія найдетъ Триполитанію. «Италія хотѣла присоединить территорію; но захватила только пески, нищету, лохмотья, страданія, холеру и почву, на которой пышнымъ цвѣтомъ зацвѣтетъ казнокрадство. Надобно ли было итальянцамъ для всего этого идти еще за море? Не достаточно ли у ихъ и безъ того всего этого добра?» *).

VI.

Непріятель грозитъ итальянцамъ не только со стороны пустыни. Въ концѣ октября они убѣдились, что даже маленькій полуостровъ, занятый и укрѣпленный такимъ необыкновеннымъ образомъ, можетъ подвергнуться нападенію. Тогда явилась паника, а въ результатѣ ея—избіеніе всѣхъ арабовъ въ оазисѣ. «Въ ночь на 23 октября Триполисъ находился въ большой тревогѣ и испытывалъ болѣе

*) «Italy's War for a Desert, p. 89.

сильный страхъ, чѣмъ Портъ-Артуръ наканунѣ перваго японскаго штурма, или чѣмъ Константинополь въ ночь передъ тѣмъ, какъ Махмудъ-Шефкетъ-Паша взялъ городъ». Боясь потерять городъ и считая каждаго туземца врагомъ, итальянцы черезъ глашатаевъ-арабовъ потребовали сдачу всякаго оружія. «Кто ослушается, будетъ немедленно разстрѣлянъ,»—кричали глашатаи. Туземцамъ приказано было также (и опять подъ угрозой разстрѣла) не выходить изъ дома послѣ заката солнца и не зажигать въ домѣ огня.

«Военные и не военные, проходя днемъ по улицамъ и базарамъ, при встрѣчѣ съ туземцами нащупывали на всякій случай въ карманѣ револьверы, чтобы стрѣлять, если арабъ бросится съ ножемъ. Всѣ эти мѣры предосторожности, принятыя противъ мирныхъ арабовъ, жившихъ въ городѣ и въ оазисѣ, были совершенно излишни,—говоритъ Макъ-Куллахъ.—Вѣчный страхъ довелъ итальянцевъ до крайне напряженнаго нервнаго состоянія. Нѣсколько разъ бывало, что итальянскіе солдаты принимали въ городѣ своихъ за непріятеля. Когда забирали туземца, на которомъ была хоть тѣнь подозрѣнія, офицеръ отдавалъ приказъ: «fuoco» (пли!)... Въ траншеяхъ итальянскіе солдаты пугали другъ друга страшными разсказами про тѣ ужасы, которые бываютъ во время африканскихъ кампаній. Въ ушахъ итальянцевъ слово «Африка» звучитъ вообще зловѣще. Въ печати никогда не были высказаны вполнѣ тотъ страхъ и позоръ, которые были оставлены пораженіемъ при Адовѣ (Адуѣ); но всѣ новобранцы не только знаютъ про пораженіе въ Абиссиніи, но даже преувеличиваютъ ужасъ его. Вокругъ бивуачныхъ огней въ Триполитаніи разсказы про пораженіе въ Адовѣ стали еще страшнѣе и производили еще болѣе потрясающее впечатлѣніе на солдатъ. Правда, солдаты, какъ сообщали корреспонденты итальянскихъ газетъ, много кричали.

Viva l'Italia!
Viva Tripoli italiana!
Viva la marina!
Viva l'esercito!
Viva il Re!
Viva la flotta italiana! *)

Но всѣ эти «gridi d'entusiasmo» (крики восторга),—какъ говоритъ Макъ-Куллахъ,—были похожи на тѣ восклицанія, которыми хотятъ подбодрить себя испуганныя дѣти, оставшіяся въ темнотѣ.

Въ Триполисѣ эти «крики восторга» звучали, какъ miserere nobis! Корреспонденты итальянскихъ газетъ посылали изъ пораженнаго паникой города телеграммы, въ которыхъ прославлялось «великолѣпное поведеніе войскъ». А редакторы газетъ помѣщали

---

*) Да здравствуетъ Италія! Да здравствуетъ итальянскій Триполисъ! Да здравствуютъ матросы! Да здравствуютъ войска! Да здравствуетъ король! Да здравствуетъ итальянскій флотъ!

передовыя статьи, въ которыхъ заявлялось: «Tutta Europa ammira il valore dei nostri marinai e dei nostri soldati» (вся Европа поражена доблестью нашихъ матросовъ и солдатъ!) А солдаты между тѣмъ у бивуачныхъ огней взвинчивали себя страшными разсказами про жестокость, про предательство и коварство арабовъ. По наслышкѣ сообщались разсказы про то, какъ абиссинцы (въ глазахъ итальянскихъ солдатъ они тоже арабы) съ діавольской безпощадностью увѣчатъ раненыхъ. Затѣмъ начали циркулировать разсказы про тѣ ужасы, которые продѣлываютъ арабы съ плѣнными итальянцами. Одинъ берсальеръ, напр., котораго товарищи считали убитымъ, вдругъ объявился въ лагерѣ. На обвиненія въ дезертирствѣ онъ отвѣтилъ, что, вмѣстѣ съ семью товарищами, попался въ плѣнъ арабамъ. Тѣ привязали плѣнниковъ къ деревьямъ и долго мучили ихъ. Солдату удалось бѣжать, а товарищи его погибли. Макъ-Куллахъ считаетъ всѣ разсказы подобнаго рода или вымышленными, или чрезмѣрно преувеличенными. «Всегда въ подобныхъ случаяхъ разсказчикъ былъ единственный изъ семи оставшійся въ живыхъ, но повѣствованіе про побѣгъ было очень несвязно и непонятно. Къ счастью, въ итальянскомъ лагерѣ много людей съ литературнымъ талантомъ. Они редактировали несвязный разсказъ и прибавляли подходящую развязку. Разсказъ про побѣгъ итальянскаго солдата изъ арабскаго плѣна и про замученныхъ товарищей его начиналъ циркулировать въ новой редакціи, а затѣмъ, въ еще болѣе подкрашенномъ видѣ, попадалъ въ итальянскую печать, изъ которой потомъ поэты, какъ д'Аннунціо или Маринетта, черпали матеріалъ для героической поэмы. Итальянскія газеты сообщили, что въ оазисѣ поймали араба «con brandelli di carul umana in un saco» (съ кусками человѣческаго мяса въ мѣшкѣ). Разсказъ про то, что арабы изъ ненависти ѣдятъ итальянцевъ, былъ сообщенъ «убѣжавшимъ изъ плѣна берсальеромъ»... Вокругъ бивуачныхъ огней говорили не только о жестокости арабовъ. Сообщалось также, что весь городъ подрытъ подземными ходами, ведущими далеко въ пустыню, и что черезъ эти «sotterraneas» арабы и турки въ любой моментъ могутъ появиться съ тыла у итальянцевъ. Со словъ совершенно «достовѣрныхъ свидѣтелей» передавалось, что въ подземельяхъ уже сидятъ арабы, дожидаясь только сигнала, чтобы выйти и начать рѣзню въ городѣ.

Итальянскія власти въ Триполисѣ были сильно смущены упорными слухами про подземные ходы. Теоретически было вполнѣ возможно, что какой-нибудь подземный ходъ остался со временъ римлянъ. И вотъ, спеціальнымъ инженерамъ поручено было найти подземелья. Инженеры спустились въ колодцы, изслѣдовали погреба, каналы на кладбищѣ, гдѣ, по разсказамъ, былъ входъ въ корридоры; но поиски не дали никакихъ результатовъ. Наконецъ, власти обратились къ арабскимъ вождямъ, передавшимся итальянцамъ. Арабы сообщили, что подземныхъ ходовъ нѣтъ да и быть не

можетъ, потому что городъ построенъ на песчаной почвѣ, напитанной водою. Ходъ, проведенный въ такой почвѣ, завалился бы. Но поиски продолжались. Иностранные корреспонденты пространно обсуждали вопросъ о подземныхъ ходахъ въ своихъ статьяхъ. И обсужденія были тѣмъ болѣе всесторонни, что только объ этомъ вопросѣ цензоръ разрѣшалъ писать свободно.

Армія—громадное животное, легко поддающееся паникѣ. Разсказы про жестокость арабовъ производили сильное впечатлѣніе на сицилійскихъ солдатъ. Арабы и турки сдѣлали ночное нападеніе и прорвали итальянскую цѣпь. Ужасъ охватилъ итальянцевъ, и одинъ моментъ казалось, что городъ потерянъ. Потомъ, когда цѣпь опять замкнулась, въ городѣ и оазисѣ началось поголовное истребленіе мирныхъ арабовъ, не принимавшихъ никакого участія въ нападеніи на итальянцевъ. На офиціальномъ языкѣ это называлось «очищеніемъ» оазиса. «Мертвыя тѣла валялись всюду,—разсказываетъ Макъ-Куллахъ.—Вотъ по серединѣ улицы лежитъ почти обнаженный громадный арабъ. Верхняя часть черепа снесена, очевидно, ударомъ приклада. Куски мозга валяются въ нѣсколькихъ шагахъ отъ головы. Тѣло еще теплое. Итальянскій солдатъ забавляется тѣмъ, что бьетъ тѣло ногой; онъ наблюдаетъ тотъ подобный студеню трепетъ, который можно видѣть въ неостывшемъ тѣлѣ. Нѣсколько солдатъ рыщутъ по улицамъ съ револьверами въ рукахъ и стрѣляютъ въ каждаго встрѣчнаго араба. Они буквально охмѣлѣли отъ крови и проявляли всѣ признаки опьяненія: лица у солдать покраснѣли, глаза налились кровью, руки дрожали, походка была неровная. Многіе солдаты сняли мундиры и засучили рукава сорочекъ, какъ мясники, приготовившіеся колоть свиней... Одинъ солдатъ вызвался намъ показать всѣхъ убитыхъ. У него въ рукахъ былъ револьверъ. Солдатъ имѣлъ гордый видъ удачливаго охотника, собирающагося похвастать добычей. И она, дѣйствительно, была велика. Тѣла лежали во всѣхъ направленіяхъ. Прежде всего мы натолкнулись на трупъ женщины. Нѣсколько дальше лежалъ ничкомъ трупъ мужчины. Нашъ проводникъ сперва показалъ намъ этотъ трупъ, потомъ вскочилъ на него и радостно крикнулъ: «это я его убилъ!» Это было слишкомъ сильное зрѣлище даже для насъ, и мы убѣжали. За слѣдующимъ поворотомъ мы натолкнулись на группу солдатъ, занятыхъ тоже избіеніемъ арабовъ. Къ великому нашему изумленію, во главѣ солдатъ былъ не офицеръ, но штатскій, графъ X. Въ рукахъ у него тоже былъ револьверъ. Лицо налилось кровью, глаза были мутны, а голосъ хриплый, какъ у человѣка, пьющаго уже нѣсколько дней. Графъ X. опьянѣлъ не отъ алкоголя, а отъ крови. Товарищъ мой спросилъ у графа что-то по нѣмецки.—Achtung, hier sind noch Lebende versteckt (осторожнѣе! Тутъ еще запрятались живые!)—отвѣтилъ графъ тоже по нѣмецки и удалился со своими солдатами. Мы переглянулись въ

изумленіи. Всюду въ оазисѣ шла правильная охота на людей. Итальянцы убивали арабовъ безъ всякаго слѣдствія, безъ суда, все равно, какъ если бы то были волки или другіе дикіе звѣри». Другой очевидецъ этой кровавой бани, фонъ Готтбергъ, такъ описываетъ ее: «Изъ-за домовъ выбѣжали солдаты. По погонамъ видно было, что тутъ солдаты разныхъ полковъ. Повидимому, всѣ они соединились для пикника или для веселой охоты, какою представлялось имъ истребленіе арабовъ. Во главѣ партіи находился поручикъ. И когда солдаты подошли ближе, мы увидѣли, что они ведутъ пять плѣнныхъ арабовъ, со связанными на спинѣ руками. Раздался крикъ. Изъ одного дома выбѣжали солдаты, волоча за собою араба, котораго присоединили къ пяти плѣннымъ и тутъ же разстрѣляли... То былъ уже не военный судъ, а линчеваніе».

Въ углу одного сада Макъ-Куллахъ нашелъ спрятавшуюся арабскую семью. Тутъ были старики и грудной младенецъ. Арабъ, повидимому, главный добытчикъ, выползъ изъ убѣжища, чтобы достать дѣтямъ чего поѣсть. Видъ у него былъ, какъ у травленнаго звѣря. Замѣтивъ Макъ-Куллаха, арабъ въ ужасѣ бросился назадъ. «Я не видалъ, какъ ихъ застрѣлили,—прибавляетъ авторъ книги,—но сомнѣваюсь, чтобы они спаслись. По всей вѣроятности, вся семья, до грудного младенца включительно, была убита. Въ оазисѣ было много дѣтей. Что сталось съ ними? Что сталось съ матерями? Мнѣ говорили, что при «очищеніи оазиса» убиты четыреста дѣтей и женщинъ да четыре тысячи мужчинъ, т. е. одна десятая всего населенія его. Многихъ женщинъ застрѣлили по ошибкѣ, такъ какъ ихъ приняли за мужчинъ». Авторъ—человѣкъ бывалый, много наблюдавшій и умѣющій оцѣнивать явленія, происходящія у него на глазахъ; но, описывая ужасы «усмиренія», онъ иногда, повидимому временно забываетъ, что самъ видѣлъ въ другихъ странахъ. Судя по произведеніямъ того же Макъ-Куллаха, «очищенію» оазиса можно найти аналогію. Во время усмиренія Китая нѣкоторые «союзники» продѣлывали надъ мирнымъ населеніемъ прямо невѣроятные ужасы. Быть можетъ, читатели Русскаго Богатства припомнятъ нѣкоторые факты, которые я приводилъ года три тому назадъ («Высшія и низшія расы») на основаніи англійскаго источника. У итальянцевъ было хоть то слабое извиненіе, что они расправлялись съ непріятелемъ. Къ несчастью, можно привести много случаевъ почти подобныхъ же расправъ со своими собственными согражданами.

Въ Триполитаніи каждый арабъ, во избѣжаніе опасности разстрѣла, долженъ запастись спеціальнымъ итальянскимъ документомъ и особой бляхой. У тѣхъ арабовъ, которые убираютъ трупы людей, скончавшихся отъ холеры—желтыя бляхи, у военныхъ корреспондентовъ—бѣлыя бляхи и т. д. «У германскаго консульства,—разсказываетъ Макъ-Куллахъ,—я остановилъ богатаго араба и попросилъ его указать мнѣ дорогу. Боясь, что я хочу застрѣ-

лить его, арабъ поспѣшно досталъ дрожащими пальцами и показалъ мнѣ разрѣшеніе отъ итальянскихъ властей на жизнь. Съ этимъ умнымъ и образованнымъ арабомъ я потомъ познакомился. Онъ сказалъ мнѣ какъ-то: «Турки обращались плохо съ населеніемъ, но они хоть щадили женщинъ и дѣтей». А вотъ одна изъ многочисленныхъ сценъ трагедіи «очищенія оазиса».

«Внезапно двери ада широко распахнулись,—разсказываетъ Макъ-Куллахъ.—Послышались крики и топотъ. Раздались восклицанія, какъ будто выгоняли пьяницъ изъ кабака передъ закрытіемъ его. Изъ-за угла показалось около пятидесяти солдатъ, которые вели шесть крѣпко связанныхъ плѣнныхъ. Между ними я въ особенности замѣтилъ рослаго араба, одѣтаго по европейски, и свѣтлокожаго мальчика лѣтъ двѣнадцати или тринадцати въ красной фескѣ. Солдаты крикнули намъ, отчаянно ругаясь, чтобы мы отошли въ сторону. Они качались, какъ пьяные. Во главѣ солдатъ находился поручикъ, лицо котораго тоже горѣло, а руки дрожали, какъ у всѣхъ. Офицеръ, повидимому, потерялъ всякій контроль надъ своими солдатами и надъ собою. Рядовые толкали его постоянно, не думая даже извиняться. И когда толпа солдатъ (то ни въ коемъ случаѣ не былъ правильный отрядъ) бросилась въ сторону, она совсѣмъ затолкала офицера. Хотя солдаты дѣйствовали, какъ пьяные, никто изъ нихъ, я увѣренъ, даже не дотронулся до вина. Охмелѣли они отъ крови. Было опасно стоять по близости, такъ какъ солдаты находились въ такомъ возбужденномъ состояніи и такъ неосторожно обращались съ ружьями, что случайный выстрѣлъ могъ раздаться въ любой моментъ. Солдаты сами понимали это, и потому криками и дикимъ размахиваніемъ рукъ приказывали намъ отойти. Они ввели плѣнныхъ въ мурью, сложенную изъ кирпича сырца, одна стѣна которой была разрушена. Эта мурья, повидимому, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль служила отхожимъ мѣстомъ для цѣлаго полка. И въ это вонючее болото вогнали плѣнныхъ попарно, поставили у стѣны и немедленно изрѣшетили пулями. Никто не командовалъ при разстрѣлѣ. Солдаты палили по собственной иниціативѣ... Затѣмъ офицеръ тоже всадилъ въ плѣнныхъ нѣсколько пуль изъ револьвера. Остальные плѣнные спокойно дожидались, покуда и ихъ вгонятъ въ отхожее мѣсто. Они наблюдали разстрѣлъ, какъ будто были только зрителями. Солдатъ, стоявшій рядомъ съ арабомъ, одѣтымъ по европейски, что-то громко кричалъ ему. Другой солдатъ нервно игралъ длинной кистью фески мальчика. Безпокойные пальцы наматывали эти длинныя шелковыя нити, какъ будто то были женскіе волосы. Мальчикъ въ красной фескѣ стоялъ неподвижно. Подобно всѣмъ тѣмъ арабамъ, которыхъ казнили при мнѣ въ Триполисѣ, онъ проявилъ передъ смертью большое мужество и полное спокойствіе.

«Такъ какъ солдаты стояли всего на разстояніи трехъ шаговъ отъ разстрѣливаемыхъ, то каждая пуля попала въ цѣль. Мальчикъ

очутился во второй группѣ разстрѣливаемыхъ. Онъ сильно поблѣднѣлъ, но все таки сохранялъ полное спокойствіе. Чтобы не запачкаться, онъ проворно перебрался черезъ трупы разстрѣлянныхъ уже и сталъ у стѣны. Раздался залпъ, и мальчикъ упалъ. Товарищъ его былъ только тяжело раненъ одной пулей въ лицо, а другой въ плечо. Несмотря на раны, онъ не упалъ и по прежнему спокойно глядѣлъ на солдатъ. Раздался еще залпъ, и арабъ свалился. Одѣтый по европейски плѣнный попалъ въ послѣднюю группу разстрѣливаемыхъ. Повидимому, итальянцы желали вывѣдать у него какой-то секретъ. Они требовали у него какихъ-то показаній, чтобы онъ кого-то выдалъ. Арабъ только отрицательно мотнулъ головою. Его поставили въ дальній уголъ отхожаго мѣста, такъ какъ весь полъ былъ уже покрытъ окровавленными тѣлами, руки и ноги которыхъ странно подогнулись. Рядомъ съ плѣннымъ въ европейскомъ платьѣ поставили стараго, бородатаго араба съ умнымъ, благороднымъ, задумчивымъ лицомъ. За секунду до того, какъ грянулъ залпъ, этотъ арабъ обратился къ своему товарищу по несчастью и совершенно спокойно, какъ дѣлаютъ это знакомые, встрѣтившіеся на улицѣ, сказалъ что-то. Арабъ въ европейскомъ платьѣ утвердительно кивнулъ головой. Что старикъ могъ сказать такимъ спокойнымъ тономъ въ подобный моментъ? Раздался залпъ. Одѣтый по европейски свалился, какъ снопъ; но старикъ завертѣлся волчкомъ. Его загорѣлое лицо побѣлѣло и выразило страшное страданіе. Раздался второй залпъ,и старикъ тоже успокоился на полу. Со всѣхъ сторонъ сбѣжались солдаты и офицеры, чтобы посмотрѣть, какъ разстрѣливаютъ. Они кричали отъ восторга и подплясывали каждый разъ, когда падали арабы. Прибѣжалъ также докторъ со значкомъ краснаго креста на груди,—съ папиросой въ зубахъ и кодакомъ въ рукахъ... Отличительной чертой всѣхъ этихъ казней являются офицеры съ кодаками. Иногда, чтобы посмотрѣть на казнь, приходятъ французскіе монахи... Солдаты-зрители, желая лучше видѣть все происходящее, толкали офицеровъ. И когда наконецъ всѣ плѣнные были разстрѣляны, офицеры и солдаты подбѣжали ближе, чтобы взглянуть на трупы, отпуская при этомъ шутки по поводу положенія тѣлъ. Въ шесть человѣкъ было всажено не меньше четырехсотъ пуль. Итальянскія газеты говорили объ «очищеніи оазиса», какъ о «блестящей побѣдѣ, «какъ о мести за Адову» (Адую). И всѣ офицеры и солдаты носили на каскахъ гербы съ изображеніемъ креста, символа любвеобильнаго Христа»— восклицаетъ Макъ-Куллахъ.

И это восклицаніе невольно порождаетъ цѣлый рядъ вопросовъ. Изъ тайниковъ памяти выползаютъ факты одинъ страшнѣе другого. Можно ли въ дѣйствительно доказать тезисъ, принимаемый какъ аксіома, а именно, что установленный культъ повелъ къ смягченію нравовъ? Есть ли вообще такая страна, въ которой люди, имѣющіе какую бы то ни было безконтрольную власть надъ своими ближ-

ними, руководствовались бы правилами той морали, которую они заучиваютъ съ дѣтства?

У Вольтера въ «Философскомъ словарѣ» геній показываетъ автору пустыню, въ которой лежатъ цѣлыя горы человѣческихъ череповъ. Особенно высоки были четыре горы, стоявшія рядомъ. Геній объясняетъ, что ихъ надо было раздѣлить, иначе гора ушла бы вершиной въ небо. И всѣ эти кости принадлежали людямъ, сожженнымъ, убитымъ, утопленнымъ, замученнымъ во имя установленнаго культа любви и всепрощенія. «Et toutes ces piles étaient surmontées de mitres, de tiares»! Даже въ тѣ эпохи, когда вліяніе установленнаго культа было безгранично, онъ не подсказалъ испанцамъ, напримѣръ, болѣе кроткаго обращенія съ перувіанцами или мексиканцами. Геній показываетъ французскому автору кости двѣнадцати милліоновъ индѣйцевъ, убитыхъ «par ce qu'ils n'avaient pas été baptisés». И если такъ обстояло дѣло тогда, когда авторитетъ культа былъ безграниченъ, то что же можно ждать теперь, когда одно полицейское распоряженіе имѣетъ бо́льшій авторитетъ и болѣе обязательно, чѣмъ всѣ правила возвышенной морали, взятыя вмѣстѣ! Съ тѣхъ поръ, какъ былъ написанъ «Философскій словарь», прибавилось нѣсколько новыхъ горъ человѣческихъ костей.

Десять лѣтъ тому назадъ въ Китаѣ были убиты миссіонеры. Отправляя войска, чтобы они отомстили за смерть людей, проповѣдывавшихъ культъ всепрощенія, германскій императоръ, призывавшій въ своей картинѣ Европу къ новому походу въ защиту креста противъ язычества, совѣтовалъ солдатамъ дѣйствовать безпощадно, чтобы и въ десятомъ поколѣніи китайцы съ ужасомъ вспоминали новыхъ гунновъ. И нѣмцы (и не только нѣмцы!) дѣйствовали безпощадно! Такъ какъ войскъ не было, чтобы съ ними расправляться, то мстили обывателямъ, старикамъ, дѣтямъ и... женщинамъ и дѣвушкамъ. Люди лишены совершенно того, что англичане называютъ sense of humour, когда серьезно говорятъ о смягченіи нравовъ, произведенномъ установленнымъ культомъ. Такимъ образомъ, Макъ-Куллахъ совершенно напрасно указываетъ на тотъ символъ, который носятъ итальянскіе солдаты на каскахъ.

Авторъ попытался уйти отъ описываемыхъ ужасовъ, но натолкнулся на еще болѣе страшное. «По дорогѣ, ведущей изъ Бумеліаны, шло нѣсколько десятковъ солдатъ, конвоируя пятьдесятъ арабовъ, взрослыхъ и мальчиковъ. Одному изъ послѣднихъ, стройному и граціозному, какъ чистокровному арабскому жеребенку, было лѣтъ десять или одиннадцать, не больше. Дѣти, повидимому, были совершенно спокойны. По всей вѣроятности, обусловливалось это тѣмъ, что они видѣли рядомъ съ собою родителей, родныхъ и сосѣдей. Дѣтей, какъ видно, занималъ только вопросъ, куда это ведутъ ихъ иностранцы? А иностранцы вели ихъ по улицѣ, ведущей къ оазису, лежащему на окраинѣ. Отсюда до

пустыни и до итальянскихъ траншей шаговъ пятьсотъ. И по дорогѣ случилось странное дѣло. Изъ-за заборовъ, изъ садовъ пальмовыхъ деревьевъ кто-то нѣсколько разъ выстрѣлилъ. Пули прожужжали у насъ надъ головами. Тогда солдатами внезапно овладѣла паника. Они разсыпались во всѣ стороны и завалились въ канавы, которыми окопана дорога. Солдаты оставили плѣнныхъ, и они спокойно стояли среди дороги, связанные веревкой. Это спокойствіе да длинные, бѣлые балахоны придавали арабамъ видъ барановъ, которыхъ гонятъ на бойню. Потомъ къ плѣннымъ подошелъ одинъ солдатъ. Не знаю по какой причинѣ онъ проткнулъ штыкомъ сперва старика, а потомъ юношу. Когда этотъ свалился, солдатъ оттащилъ его въ сторону, оголилъ снизу до пояса и оставилъ. Трупъ пролежалъ въ такомъ видѣ на дорогѣ до слѣдующаго дня. Старикъ, проткнутый штыкомъ, былъ тяжело раненъ. Онъ тихо стоналъ, истекая кровью. Его оставили умирать. Я видѣлъ потомъ солдата, который вскочилъ ногами на трупъ старика... Солдаты, лежавшіе въ канавѣ, стрѣляли между тѣмъ неизвѣстно въ кого, находившагося за пальмами. Оттуда отвѣчали на выстрѣлы. Я доподлинно знаю,—говоритъ Макъ-Куллахъ,—что за пальмами были только итальянскіе солдаты, стрѣлявшіе въ своихъ, потому что Господь или Сатана ослѣпилъ этихъ безумныхъ, опьяненныхъ кровью людей. Такая же паника царила въ тотъ день всюду въ Триполисѣ и на Сокѣ, т. е. на громадномъ открытомъ рынкѣ на берегу моря. Здѣсь два солдата были убиты шальными пулями, выпущенными итальянцами же.

«Солдаты, лежавшіе въ канавахъ, продолжали между тѣмъ стрѣлять, не обращая никакого вниманія на офицера. То былъ распухшій, краснолицый, жирный человѣкъ, отчаянно кричавшій и ругавшійся, хотя никто его не слушалъ. Такую же деморализацію можно наблюдать во всей итальянской арміи въ Триполисѣ. Наконецъ, на выстрѣлы прибѣжали другіе офицеры и голубые жандармы. Солдатъ, стрѣлявшихъ уже около получаса по своимъ, убѣдили пойти дальше съ плѣнными. Наконецъ, солдаты вылѣзли изъ канавъ, окружили арабовъ и повели ихъ дальше по направленію къ мурьѣ, подобной той, въ которой разстрѣляли шесть человѣкъ. И эта мурья, повидимому, служитъ отхожимъ мѣстомъ для цѣлаго полка. И когда процессія подошла къ этому дому, одинъ изъ солдатъ, повидимому мучимый жаждой крови, воткнулъ штыкъ въ бокъ старику, который тутъ же свалился. Остальныхъ плѣнныхъ поспѣшно повели партіями въ мурью. Затѣмъ начались обычные ужасы. Весь полъ былъ заваленъ трупами до такой степени, что слѣдующія жертвы, не находя мѣста, гдѣ стоять, должны были карабкаться на тѣла разстрѣлянныхъ уже. И такъ какъ руки плѣнныхъ были связаны на спинѣ, то осуждаемые скользили и падали. И вотъ, всѣхъ разстрѣляли. На полу лежала громадная куча тѣлъ. Пулями были сбиты огромные

куски обмазки. Несмотря на большое количество выпущенныхъ пуль, многіе арабы обнаруживали еще признаки жизни. Тогда поручикъ сталъ стрѣлять изъ револьвера въ каждую голову въ этой горѣ тѣлъ. И всетаки тихіе стоны слышались въ кучѣ. Солдаты начали палить пачками въ груду тѣлъ».

Макъ-Куллахъ объясняетъ, что видѣлъ на своемъ вѣку казни въ разныхъ странахъ и оставался спокойнымъ. «То, что я видѣлъ раньше, нисколько меня не волновало, и, вмѣсто протестовъ, я дѣлалъ фотографическіе снимки. Но бойня въ Триполисѣ была такъ отвратительна, что возмутила бы даже Абдулъ-Гамида и вырвала бы протестъ даже у г. Пуришкевича» *).

Бойня продолжалась нѣсколько дней. Солдаты останавливали на улицѣ всѣхъ хорошо одѣтыхъ арабовъ, отводили ихъ въ пустые дома, обирали и потомъ разстрѣливали... Сотни убитыхъ такимъ образомъ зарыты въ песокъ, сотни брошены въ море. Много дней спустя триполисскіе рыбаки вылавливали сѣтями трупы. Въ оазисѣ стояла невыносимая вонь отъ разложившихся тѣлъ. И когда съ моря дулъ вѣтеръ, онъ тоже приносилъ вонь отъ плававшихъ въ бухтѣ распухшихъ тѣлъ...

Къ несчастью, всѣ тѣ ужасы, которые описываетъ Макъ-Куллахъ, не представляютъ собою ничего исключительнаго. Такъ поступаетъ всегда воинственный національзмъ при каждой авантюрѣ, въ которую втягивается. При наиболѣе примитивныхъ проявленіяхъ торжествующаго національзма жертвами его становится не только мирное населеніе только что завоеванной страны, но порой свои же согражданe... Однако каждая авантюра чревата мщеніемъ. Воинственный національзмъ своею собственною жестокостью уготовляетъ себѣ гибель. Итальянцы втянулись въ авантюру, изъ которой не скоро выберутся. «Послѣ пяти мѣсяцевъ войны,— говоритъ Макъ-Куллахъ,—положеніе дѣлъ въ Триполисѣ такое же, какъ въ первый день. Итальянцы все еще занимаютъ только узкую береговую линію, находящуюся подъ защитой пушекъ на военныхъ корабляхъ. Другими словами, это означаетъ, что завоеватели еще ничего не сдѣлали... Въ Триполитаніи есть куски размѣромъ въ Германскую имперію, которыхъ завоеватели еще даже не видали. Отъ Триполиса до Чада и отъ Бенгази до Вадаи разстояніе почти одинаковое, приблизительно въ 2000 — 2200 километровъ, т. е. столько же, сколько отъ Москвы до швейцарской границы. По прямой линіи отъ Триполиса до границы турецкаго вилайета 1400 километровъ, т. е. столько же, сколько отъ Москвы до Кракова. Нѣкоторые турецкіе посты отстоятъ еще дальше на югъ. Вслѣдствіе трудностей дороги и необходимыхъ большихъ роздыховъ, караваны изъ Триполиса до границы и обратно идутъ $1^1/_2$ года. Эти цифры показываютъ, что завоеваніе Триполитаніи въ лучшемъ

*) «Italy's War for a Desert», p. 287.

случаѣ затянется на пятьдесятъ лѣтъ. Французы въ Алжирѣ находились въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ итальянцы въ Триполитаніи, а между тѣмъ на покореніе Кабиліи понадобилось болѣе тридцати лѣтъ». «Послѣдняя глава зловѣщей итальянской авантюры еще не написана,—говоритъ Макъ-Куллахъ.—Дай Богъ, чтобы анархія и гражданская война не написали кровью и огнемъ эту главу на прекрасныхъ поляхъ Италіи. Очень вѣроятно, что война сослужитъ службу только соціалистамъ и террористамъ, которыхъ Италія раньше поставляла въ такомъ количествѣ. И даже если ген. Канева выйдетъ побѣдителемъ, набѣгъ тѣмъ не менѣе неминуемо закончится катастрофой. Триполитанія всегда будетъ бременемъ для завоевателя. Черезъ нѣсколько лѣтъ, а, быть можетъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ итальянскіе революціонеры будутъ имѣть право заявить: «Вѣдь мы это все предсказывали!» Когда Италія проспитъ нынѣшній хмѣль джингоизма и крови, она, по всей вѣроятности, обратится за утѣшеніемъ къ человѣку съ краснымъ флагомъ. Это — единственный итальянецъ, который не опьянѣлъ отъ крови и который ясно представлялъ себѣ положеніе дѣлъ».

Діонео.

На очередныя темы.

Очерки политической ссылки.

(Окончаніе).

IV. Экономическое состояніе ссылки.

Мы знаемъ, въ какомъ видѣ являлись въ Киренскій уѣздъ «лишенцы»: въ большинствѣ—безъ вещей, безъ денегъ, въ арестантскомъ платьѣ... «Какъ жить, чѣмъ существовать?»—вотъ вопросъ, который сразу же вставалъ передъ ними въ самой острой формѣ. Его нужно было рѣшать немедленно: «гдѣ ночевать? гдѣ добыть средства на завтрашній день?» *). Ссыльные готовы были взяться за всякую работу и, если таковая подвертывалась, то хватались за нее, едва дойдя до мѣста, не отдохнувъ, не осмотрѣвшись. Раздумывать было некогда..

Мнѣ,—пишетъ, напримѣръ, одинъ изъ ссыльныхъ 1908 г.—попалось село ничего себѣ, изъ 12 дворовъ, по прозванію Моголь... Пріѣзжаю, несу вещи на земскую квартиру... Разговорились съ хозяиномъ на счетъ работы; онъ мнѣ сказалъ, что можно наняться плавить сѣно въ Киренскъ

*) «Листокъ Ссыльныхъ», № 4.

вѣроятно, рубля за три. Я, не долго думая, пошелъ и нанялся за 3 руб., на его хлѣбѣ. Поѣхали на другой же день. Проплавалъ 10 дней. Работа адская... Но какъ никакъ, а заработалъ 3 руб. Купилъ кое-что на нихъ самое необходимое (у меня не было ни копѣйки). Меня радуетъ, что заработалъ сейчасъ же, такъ что начало недурное; а о дальнѣйшемъ я пока не думалъ...

Не всегда, конечно, такое начало бывало удачно. Иной разъ взятая сгоряча работа оказывалась непосильной, тѣмъ болѣе, что брались за нее люди непривычные, истощенные, полураздѣтые...

Какъ только прибыли въ Марковскую волость,—пишетъ одинъ изъ ссыльныхъ 1911 года,—сейчасъ же пошли на корчевку пней. Ходить приходилось верстъ 8, бродили по колѣно въ водѣ. Проработали недѣли три, ничего не заработали, такъ какъ по причинѣ холодовъ не пришлось кончить работу...

Чаще же всего никакой работы тамъ, куда пригоняли ссыльныхъ, не оказывалось. Инымъ посчастливится, найдутъ что-нибудь по своей спеціальности, а остальнымъ приходится «сидѣть у моря и ждать погоды»: авось, что-нибудь подвернется. Наймутъ выкопать канаву—выкопаютъ; пригласятъ поставить новыя ворота—поставятъ; возьмутъ исполу въ тайгу на охоту—сходятъ... А потомъ опять сидятъ безъ дѣла.

И такъ идутъ иногда мѣсяцы, у нѣкоторыхъ прошли годы,—отъ одной случайной работы до другой. Впрочемъ долго высидѣть на одномъ мѣстѣ при такихъ условіяхъ даже самые неподвижные бываютъ, конечно, не въ силахъ. Получивъ паспорта, а то и просто игнорируя всѣ паспортныя ограниченія, неустроившіеся въ данномъ мѣстѣ разбредаются раньше или позже въ разныя стороны. Иногда бредутъ по письмамъ товарищей или по указаніямъ мѣстныхъ жителей, что вотъ тамъ-то можно найти работу. Нерѣдко эти указанія не оправдываются: работы, въ надеждѣ на которую пробирался ссыльный—пробирался иногда нѣсколько сотъ верстъ,—не оказывается. Приходится брести дальше

Черныхъ *) меня, можно сказать, обманулъ,—писалъ товарищамъ въ мартѣ 1909 г. ссыльный Г.—Когда я пріѣхалъ къ Глотову *), то ему не только слесарей, а рѣшительно никакой категоріи рабочихъ не нужно. Паспортъ мой остался у Черныхъ; значитъ, я и безъ паспорта, и безъ работы. Вотъ дурацкое положеніе-то, чертъ побери... Первымъ дѣломъ я предлагалъ свои услуги въ качествѣ работника крестьянамъ въ окрестностяхъ Киренска. Не берутъ. Мы такихъ работниковъ, говорятъ они, и изъ-за хлѣба-то не держимъ. Это объясняется тѣмъ, что я не умѣю пахать. Я рѣшилъ идти въ Бодайбо. По пути заходилъ на пароходныя пристани и предлагалъ услуги маляра, слесаря, кузнеца, мѣдника, клепальщика и т. д. Наконецъ, въ деревнѣ Чугуевой пароходчикъ заинтересовался: что такой, говоритъ, за мастеръ универсіалъ? Взялъ. Нѣсколько дней работаю чернорабочимъ, нѣсколько—маляромъ, слесаремъ и такъ дальше; вообще замѣняю нѣсколькихъ. Заработная плата неизвѣстна; онъ говоритъ: посмотрю, какъ будешь работать дальше...

---

*) Черныхъ и Глотовъ—крупные мѣстные купцы и промышленники.

Чаще же всего ссыльные, въ поискахъ работы, бредутъ, вовсе не имѣя опредѣленныхъ указаній и руководясь лишь неясными слухами и общими соображеніями. Не найдя работы въ одномъ мѣстѣ, бредутъ въ другое; не устроившись и здѣсь, перебираются въ третье... Нѣкоторымъ удается въ концѣ-концовъ напасть на работу и получить болѣе или менѣе постоянный заработокъ. Вообще же работы на всѣхъ не хватаетъ. Это—основной фактъ, опредѣляющій экономическое положеніе ссылки.

Если перечитать всю корреспонденцію съ мѣстъ,—писала редакція «Листка Ссыльныхъ» въ мартѣ 1909 г., когда ссыльныхъ въ уѣздѣ было лишь 200 человѣкъ,—то мы увидимъ, что отовсюду сообщаютъ о нуждѣ и отсутствіи заработка... Большинство мѣстнаго населенія почти не нуждается въ наемномъ трудѣ, а потому спросъ на него незначителенъ, и условія очень тяжелы. Имѣющійся спросъ на рабочія руки не поглощаетъ всѣхъ, ищущихъ работы уже теперь. Что же будетъ, когда придетъ еще партія? А ихъ придетъ, вѣроятно, не одна и не двѣ *)...

Новыя партіи, дѣйствительно, одна за другой приходили, число ссыльныхъ въ уѣздѣ все увеличивалось. Они приносили съ собой спеціальныя знанія и умѣнья, по большей части очень цѣнныя, и изъявляли полную готовность приложить ихъ къ дѣлу. Но мѣстное населеніе оказалось не въ состояніи использовать это пригнанное къ нему политической бурей, богатство. Для этого нуженъ былъ бы иной хозяйственный строй и иной уровень культурнаго развитія. При данномъ же строѣ и уровнѣ это богатство, въ одной его части, населеніе оказывалось не въ состояніи даже оцѣнить, въ другой—не въ силахъ было оплатить. Главное же, оно прибывало въ такой формѣ, которую трудно было къ мѣстному строю даже приспособить.

Когда ссыльные ѣхали по Тунгузкѣ, то ихъ поразило отсутствіе денегъ въ деревняхъ. Купивъ нужные имъ продукты, они не могли получить сдачи и поэтому вынуждены были подбирать продавцовъ въ группы, расплачиваясь съ каждой изъ нихъ одной монетой. Капиталъ уже сюда проникъ и здѣсь орудуетъ, но мѣновыя отношенія настолько еще не развиты, что населеніе обходится безъ «всеобщаго эквивалента».

Дѣлается это такъ,—пояснялъ въ письмѣ къ товарищамъ одинъ изъ ссыльныхъ:—крестьяне забираютъ товаръ въ долгъ, а въ періоды промысловъ—охоты и рыбной ловли—купцы получаютъ съ нихъ пушниной и рыбой, при чемъ устанавливаютъ цѣны такъ, что крестьяне у нихъ остаются въ кабалѣ.

Достаточно развитыя мѣновыя отношенія, при болѣе высокомъ культурномъ уровнѣ, встрѣчаются лишь по Ленѣ, да и то въ наиболѣе бойкихъ пунктахъ, главнымъ образомъ, въ Киренскѣ. Здѣсь еще имѣются люди, способные оцѣнить спеціальныя знанія

*) «Листокъ Ссыльныхъ», № 6.

и умѣнья, принесенныя ссыльными, располагающіе средствами ихъ оплатить и умѣющіе пролетарскую ихъ форму къ своимъ интересамъ приспособить. Мѣстные купцы, судовладѣльцы и промышленники, судя по нашимъ матеріаламъ, даже предпочитаютъ ссыльный пролетаріатъ мѣстнымъ рабочимъ.

У Глотова,—писалъ г. Ш. своимъ товарищамъ, послѣ того, какъ лѣтомъ 1908 г. побывалъ для развѣдокъ въ Киренскѣ,—теперь пристроиться нельзя: всѣ команды набраны, разсчитывать рабочихъ зря онъ не можетъ, а весной всѣ свободныя мѣста могутъ быть заняты нашей братіей, такъ какъ политическихъ имѣть рабочими онъ предпочитаетъ, какъ элементъ трезвый и добросовѣстно относящійся къ дѣлу. Таковъ приблизительно его отвѣтъ.

То же читаемъ и въ очеркѣ Киренской колоніи, составленномъ осенью 1911 г., то-есть послѣ того, какъ ссыльные уже пробыли три года въ уѣздѣ.

Мѣстное населеніе,—пишетъ въ немъ г. Ѳ.—охотно пользуется рабочей силой политическихъ поселенцевъ во всевозможныхъ отрасляхъ труда, нерѣдко даже предпочитая ихъ мѣстнымъ рабочимъ силамъ. Зависитъ это, конечно, отъ того, что въ поселенцахъ видятъ лучшихъ спеціалистовъ или болѣе добросовѣстныхъ исполнителей. Случается, правда, когда тотъ или другой поселенецъ обманываетъ надежды работодателей, проявляя недобросовѣстность или неуживчивость, но такіе случаи рѣдки, являются исключеніемъ; какъ правило же—поселенцы пользуются довѣріемъ и симпатіями мѣстнаго населенія и работодателей.

«Но, несмотря на сравнительно большой спросъ на трудъ поселенцевъ въ Киренскѣ,—продолжаетъ г. Ѳ.,—его трудовой рынокъ не можетъ все-таки поглотить всей арміи устремляющихся сюда переселенцевъ, и потому безработные составляютъ довольно большой процентъ всего количества поселенцевъ Киренска и его ближайшихъ окрестностей». Потолкавшись безъ дѣла здѣсь, многіе бредутъ дальше,—въ Бодайбо, на пріиски Ленской золотопромышленной компаніи, которая пролетарскимъ трудомъ и въ тайгѣ, какъ извѣстно, умѣетъ пользоваться. Но это уже за предѣлами Киренскаго уѣзда и даже Иркутской губерніи.

Въ предѣлахъ же уѣзда, если исключить Киренскъ и нѣсколько мелкихъ пунктовъ, спросъ на наемный и тѣмъ болѣе квалифицированный трудъ, если и имѣется, то совершенно ничтожный и по большей части случайный. Конечно, и крестьяне не прочь коекакими знаніями и умѣньями ссыльныхъ воспользоваться. Но для этого они должны быть предложены имъ въ другой формѣ,—въ формѣ, такъ сказать, готовыхъ продуктовъ, а не голыхъ рабочихъ рукъ, хотя бы и очень искусныхъ. Да и продукты они часто не въ силахъ оплатить, какъ слѣдуетъ. Иной разъ обнадежатъ ссыльныхъ, что работа будетъ, а потомъ тѣмъ голодать приходится.

Наняли мы,—пишетъ ссыльный 1911 г. изъ Марковской волости,—два дома: одинъ подъ квартиру и для портного, другой—подъ столяр-

ную мастерскую. Первоначально зажили хорошо. Но въ скорости работалъ только портной, а остальные сидѣли такъ. Крестьяне только обѣщали, но когда приходили заказывать, то предлагали такую низкую цѣну, что положительно не было никакой возможности взяться за нее...

Едва ли въ этомъ была прижимка. Вѣроятнѣе другое: трудъ портного крестьяне были въ силахъ оплатить, а до ремесленныхъ столярныхъ издѣлій они еще не доросли, такъ сказать, въ экономическомъ и культурномъ смыслѣ, еще могли и должны были обходиться самодѣльной мебелью.

При сочувственномъ вообще отношеніи къ ссыльнымъ, мѣстное населеніе, по крайней мѣрѣ въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, даже старается, какъ можно думать, обезпечить ихъ работой. Оно не только снабжаетъ ихъ доброжелательными совѣтами, нужными указаніями, необходимыми матеріалами и т. д., но и даетъ иногда, быть можетъ не очень нужную работу, безъ которой вовсе обошлось бы или которую при другихъ условіяхъ выполнило бы само на досугѣ. По крайней мѣрѣ, у ссыльныхъ первыхъ двухъ партій оставалось впечатлѣніе, что они живутъ изъ милости у мѣстнаго населенія, и эта горькая нотка не разъ прорывается въ «Листкѣ Ссыльныхъ».

Товарищамъ,—читаемъ, напримѣръ, въ № 4—приходится до сихъ поръ разсчитывать на ту работу, которую дадутъ сами едва перебивающіеся крестьяне или купцы. Безусловно, что здѣсь часто имѣетъ значеніе милость. Долго ли еще будемъ жить изъ милости?

Поддержка, какую находили ссыльные у мѣстнаго населенія и которая имѣла для нихъ на первыхъ порахъ большое ободряющее значеніе, очень скоро сдѣлалась, конечно, для нихъ нравственно-обременительной. Но съ самаго начала и тѣмъ болѣе въ дальнѣйшемъ она не была и не могла быть экономически достаточной.

Въ общемъ, судя по нашимъ матеріаламъ, ссыльнымъ изъ рабочихъ удается легче и скорѣе найти себѣ подходящую работу, чѣмъ интеллигентамъ. Даже въ Киренскѣ, по словамъ г. Ѳ., «наибольшую возможность найти работу имѣютъ профессіональные мастеровые, ремесленники и приказчики; интеллигентный же элементъ принужденъ или вовсе сидѣть безъ дѣла, или браться за трудъ чернорабочаго, или, наконецъ, учиться какому-либо ремеслу». Это, конечно, понятно, что интеллигентамъ при данныхъ условіяхъ труднѣе устроиться. Хотя среди ссыльныхъ, какъ мы знаемъ, и преобладаютъ рабочіе, но процентъ интеллигентныхъ тружениковъ настолько все-таки великъ, что использовать ихъ всѣхъ, въ качествѣ таковыхъ, былъ бы не въ состояніи и болѣе развитый общественный и хозяйственный строй, чѣмъ какой имѣется въ Киренскомъ уѣздѣ.

Изъ всѣхъ видовъ интеллигентнаго труда сравнительно значи-

тельный спросъ мѣстное населеніе предъявляетъ лишь на учительскій. И въ этомъ отношеніи ссыльные политики играютъ въ мѣстной жизни видную роль, которую, несомнѣнно, отмѣтитъ будущій историкъ просвѣщенія въ этомъ краѣ. Они даютъ уроки въ семьяхъ городской и сельской буржуазіи, обучая ея дѣтей всѣмъ наукамъ и искусствамъ, вплоть до музыки и танцевъ; они же сѣютъ грамоту и начатки знанія по глухимъ деревнямъ, обучая дѣтей челдоновъ. Крестьяне очень охотно и часто прибѣгаютъ въ этомъ случаѣ къ помощи ссыльныхъ. Даже на Тунгузкѣ попутныя селенія приглашали проѣзжавшихъ ссыльныхъ оставаться у нихъ съ этою цѣлью, и нѣкоторые, дѣйствительно, остались. Въ уѣздѣ выработалась даже особая норма вознагражденія за этотъ трудъ: обыкновенно, родители кормятъ по очереди учителя и платятъ ему по 1 рублю (въ рѣдкихъ случаяхъ по 2 р.) съ ученика. Селенія—маленькія и разбросанныя, учащихся, по большей части, бываетъ очень немного, и вознагражденіе это, несомнѣнно, очень скудное, особенно если принять въ разсчетъ мѣстную дороговизну *). Но и имъ многіе ссыльные вынуждены довольствоваться. Нѣкоторые же нашли въ этомъ учительствѣ, если не призваніе свое, то забвеніе ссыльныхъ невзгодъ.

Я,—пишетъ своему товарищу одинъ изъ ссыльныхъ Преображенской волости,—такъ же, какъ и ты, учительствую, имѣю семь, а вскорѣ будетъ восемь учениковъ; съ каждаго ученика получаю по два рубля, но квартира и харчи мои. Къ счастью, благодаря урожаю, эти послѣдніе обходятся дешево. Весь день съ утра до вечера занимаюсь съ учениками, а вечеромъ... а вечеромъ ничего почти не дѣлаю, если не считать дѣломъ чтеніе старыхъ газетъ. Причина этого—холодъ, царящій по вечерамъ въ моей избѣ. И, представь себѣ, учительская дѣятельность оказалась очень и очень мнѣ по нутру. До сихъ поръ я былъ глубоко увѣренъ, что мнѣ съ моимъ характеромъ не годится быть учителемъ, и, признаться, приступая къ дѣлу, побаивался. Но теперь, по прошествіи 1½ мѣс., я съ радостью могу отмѣтить, что чувствую себя прекрасно, когда мои ученики возлѣ меня, и, наоборотъ, довольно таки сильно скучаю по праздникамъ, когда ихъ нѣтъ. Я не совру, если скажу, что безъ нихъ я чувствовалъ бы себя во много кратъ хуже и изнывалъ бы отъ мучительной скуки. Устаю я порядкомъ за день, но усталость эта имѣетъ свою прелесть и пріятна мнѣ (6 дек. 1911 г.).

Кромѣ вольнаго учительства, на первыхъ порахъ нѣкоторые интеллигенты нашли было себѣ работу въ волостныхъ правленіяхъ, въ качествѣ помощниковъ волостныхъ писарей, но вскорѣ

---

*) На первыхъ порахъ ссыльные въ своихъ письмахъ нерѣдко указывали цѣны, какія имъ приходится платить за продукты въ разныхъ мѣстностяхъ. По этимъ свѣдѣніямъ: мука ржаная, 1 р. 15 к.—1 р. 40 к. за пудъ, но бываетъ и дороже (до 3 р.); молоко, 7—10 к. бутылка; мясо, 10—12 к. фунтъ, но его часто вовсе нельзя достать; сохатина, когда бываетъ, 4—6 к. фунтъ; рыба, 10—20 к. Особенно дороги лавочные продукты: сахаръ, 21—25—30—35 к. фунтъ, мыло,—22—35 к., керосинъ, 12—14—25—40 к., спички, 12—18 к. за пачку, свѣчи, 45 к. фунтъ.

же были уволены по требованію полиціи и крестьянскихъ начальниковъ. Вслѣдъ за тѣмъ послѣдовало предписаніе иркутскаго губернатора (22 янв. 1909 г. № 361), разъяснявшее, что служба въ общественныхъ или сословныхъ учрежденіяхъ, а также педагогическая дѣятельность политическихъ ссыльныхъ можетъ быть допускаема не иначе, какъ съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ. Пресѣчь педагогическую дѣятельность полиція оказалась, повидимому, не въ состояніи, но изгнать изъ сословныхъ и общественныхъ учрежденій ссыльный трудъ ей было, конечно, не трудно... Впрочемъ, потомъ ссыльные опять въ общественныя учрежденія проникли,—по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ въ послѣднее время мы видимъ писцами въ волостныхъ правленіяхъ. Что касается учительства, то въ нашихъ матеріалахъ имѣются свѣдѣнія объ одномъ ссыльномъ, который имѣлъ мѣсто даже въ офиціальной школѣ грамоты и получалъ по 25 р. изъ казны. Требованія мѣстной жизни, видимо, оказываются сильнѣе предусмотрительныхъ распоряженій высшаго начальства.

Нѣкоторые изъ ссыльныхъ (даже женщины) занимаются тѣмъ, что пишутъ прошенія, но заработать этимъ можно, конечно, немного. Кое-кто имѣетъ медицинскую практику, подъ часъ даже обширную, какъ, напримѣръ, гг. Г. и Ш. одно время въ Преображенской волости, но и это не столько хлѣбное дѣло, сколько безплатная культурная работа. Вообще же крестьянскую массу нужно еще пріучать къ медицинѣ... Одинъ изъ ссыльныхъ 1908 г., г. Ш., разсчитывая заняться въ Мартыновской волости медицинской практикой, съѣздилъ въ Киренскъ и взялъ тамъ въ долгъ на 30 р. медикаментовъ.

У меня,—писалъ онъ потомъ,—паціентовъ мало, обращаются больше къ знахарямъ, въ которыхъ тутъ недостатка нѣтъ. Главнѣйшее средство отъ всѣхъ болѣзней—кровопусканіе. Пускаютъ кровь при головной боли, пускаютъ при тифѣ, пускаютъ при кровавомъ поносѣ, пускаютъ и при чахоткѣ. Всегда пускаютъ... Денегъ нѣтъ. Расплачиваются натурой. Боюсь, что и къ осени не выручу 30 рублей за лѣкарства.

Представителямъ другихъ интеллигентныхъ профессій, конечно, еще труднѣе найти какой-либо заработокъ по своей спеціальности...

Съ первыхъ же дней ссыльной жизни интеллигенты должны были почувствовать своего рода зависть къ своимъ товарищамъ-мастеровымъ и даже къ тѣмъ колоніямъ, куда они по преимуществу попали.

У васъ,—писалъ г. С. изъ Чечуйска нижне-илимцамъ — все публика мастеровая; есть съ кѣмъ посовѣтоваться, есть руководители, устраиваются мастерскія. А у насъ?—у насъ только и свѣта въ окошкѣ, что интеллигентный заработокъ. А гдѣ его набраться?

Но завистью сытъ не будешь,—надо самимъ учиться. И рады бы, но не всегда это легко сдѣлать. Такъ, чечуйцамъ мѣстный

купецъ посовѣтовалъ устроить пекарню и печь сушки; обѣщалъ и муку давать,—съ тѣмъ однако, чтобы сушки были лучше киренскихъ,—такіе, какъ въ Иркутскѣ: «тогда дѣло пойдетъ и хорошо пойдетъ; можно будетъ сбывать и вверхъ, и внизъ по Ленѣ». «Это хорошо,—писалъ г. Ѳ.,—но дѣло въ томъ, что у насъ нѣтъ специалиста по пекарному дѣлу». Такой спеціалистъ есть среди ссыльныхъ, но онъ—за тысячу верстъ, въ Нижне-Илимскѣ. гдѣ ссыльные устроили уже пекарню. Чечуйцы рѣшили выписать оттуда себѣ учителя, но средствъ на это нѣтъ. И вотъ «приходится сидѣть и ждать, пока товарищъ-пекарь сумѣетъ какъ-нибудь сюда пробраться»...

Какъ никакъ, но многіе изъ интеллигентовъ какое-нибудь ремесло изучили, нѣкоторые—два и три. Ими и кормятся. «Раньше былъ агрономомъ—пишетъ г. С., живущій теперь въ с. Витимѣ,—а въ ссылкѣ сталъ столяромъ и сапожникомъ». На агрономовъ въ послѣднее время небывалый спросъ въ Россіи,—правительство и земства не знаютъ, гдѣ ихъ достать; но въ Киренскомъ уѣздѣ они никому еще не нужны. И здѣсь совсѣмъ не диво, коль сапоги начнетъ точать агрономъ... «Тутъ есть—читаемъ въ очеркѣ Киренской городской колоніи—маляры, печники, столяры, слесаря, сапожники, портные и даже музыканты, ставшіе таковыми только въ ссылкѣ и не имѣвшіе ничего общаго съ подобными занятіями въ Россіи».

Надо сказать, что довольно многіе ссыльные изъ мастеровыхъ и ремесленниковъ тоже не могутъ найти себѣ въ уѣздѣ никакой работы по своей спеціальности. Вотъ, напримѣръ, шлифовщикъ зеркалъ... Можетъ быть, это очень искусный въ своемъ дѣлѣ человѣкъ, но здѣсь онъ никому не нуженъ. Не нужны ткачи за неимѣніемъ ткацкихъ фабрикъ въ уѣздѣ, не нужны типографскіе рабочіе, которыхъ довольно много среди ссыльныхъ, и т. п. Далѣе, и тѣ рабочіе, профессіи которыхъ имѣютъ здѣсь примѣненіе, часто не могутъ найти себѣ подходящей работы, хотя бы они исколесили весь уѣздъ. При общей нехваткѣ въ работѣ, эта нехватка еще острѣе даетъ себя знать по отдѣльнымъ спеціальностямъ...

Въ результатѣ, многимъ, даже знавшимъ какое-либо мастерство до ссылки, приходится здѣсь переучиваться, и часто — не одинъ разъ. «Здѣсь—говорится въ очеркѣ Киренской колоніи—не мало найдется поселенцевъ, которые за время своего пребыванія въ ссылкѣ, въ какихъ-либо 2—3 года, перемѣнили до пяти профессій». По даннымъ одной изъ анкетъ, произведенной осенью 1911 г., изъ 39 человѣкъ (изъ числа живущихъ въ Киренскѣ и около Киренска) лишь 6 сохранили въ ссылкѣ свою профессію: 3 портныхъ, сапожникъ, ювелиръ и слесарь. «Остальные занимаются всѣмъ, только не своей профессіей». Вотъ нѣсколько «ха-

рактерныхъ примѣровъ» изъ числа тѣхъ, которые приведены лицомъ, обработавшимъ собранныя данныя;

Занятія до ссылки.	*Занятія въ ссылкѣ.*
1. Учитель (со средн. образов.) . . .	Чернорабочій, грузчикъ, маляръ, плотникъ.
2. Приказчикъ (съ дом. образов.) . .	Кочегаръ, чернорабочій, ямщикъ, караульный.
3. Учащій въ среднемъ учебн. завед.	Матросъ, обойщикъ, погонщикъ скота, каменщикъ.
4. Неопред. зан. (неоконч. высш. обр.)	Уроки, чернорабочій, маляръ, сторожъ.
5. Ткачъ	С.-хоз. рабочій, грузчикъ, дворникъ.
6. Сапожникъ	Сапожникъ, грузчикъ, клепальщикъ, сплавной рабочій.

Въ погонѣ за заработкомъ, ссыльные, мѣняя профессіи, волей-неволей стремятся приспособиться къ мѣстному спросу и мѣстнымъ условіямъ. Берутся и за такія, чисто туземныя, занятія, какъ охота на бѣлку, сборъ кедровыхъ орѣховъ и т. д. Многіе служатъ работниками у челдоновъ, иногда изъ-за харчей только; нѣкоторые обзавелись собственнымъ земледѣльческимъ хозяйствомъ и, повидимому, готовы сами очелдониться. Ничѣмъ не брезгаютъ, за все хватаются. Одного ссыльнаго товарища считали бѣжавшимъ въ Россію, а потомъ оказалось, что «онъ служитъ лакеемъ въ общественномъ собраніи, т. е. попросту въ игорномъ домѣ»...

Кромѣ приспособленія къ мѣстной жизни въ средѣ ссыльныхъ, несомнѣнно, имѣется и другая тенденція: внести въ эту жизнь нѣчто новое, чего въ ней до сихъ поръ не было. Дѣлается это отчасти безсознательно,—въ силу собственнаго стремленія удержать ту профессію, съ которой каждый сжился еще на волѣ, хотя бы до сихъ поръ никто въ уѣздѣ даннымъ дѣломъ не занимался. Иногда это и удается. Напримѣръ, вышеупомянутый ювелиръ, сохранившій въ ссылкѣ свою профессію,—первый и пока единственный мастеръ этого рода не только въ Киренскѣ, но и во всей округѣ. Но бываетъ, что ссыльные и сознательно стремятся къ нововведеніямъ, иногда сообща обдумываютъ и обсуждаютъ, какой бы имъ завести промыселъ, еще неизвѣстный мѣстному населенію. «Одинъ изъ товарищей, къ великой зависти моей—пишетъ ссыльный изъ Преображенской волости—оказался «піонеромъ вѣтряной мельницы» (какъ вы называли меня, когда я носился осенью прошлаго года съ этой мыслью) на Тунгузкѣ и, кажется, будетъ имѣть успѣхъ въ этомъ начинаніи своемъ». Изъ писемъ, имѣющихся у насъ, видно, что нѣкоторые ссыльные мечтали о молотилкахъ, другіе подумывали о маслобойнѣ и мыловарнѣ, по этому поводу шла даже переписка съ Россіей, но осуществились ли эти планы, неизвѣстно. Имѣются указанія, что былъ выписанъ токарный станокъ для деревянной посуды, огородныя сѣмена и т. д. Возможно, что, благодаря поселенцамъ, кое-что новое и

войдетъ въ обиходъ мѣстной жизни. Почти несомнѣнно также, что, благодаря имъ, техника нѣкоторыхъ ремеслъ и промысловъ, уже имѣвшихся въ Киренскомъ уѣздѣ, поднимется. Киренскіе сушки, быть можетъ, уже не хуже иркутскихъ... Но еще несомнѣннѣе, что значительная часть знаній и умѣній, какія принесли съ собой ссыльные, не найдетъ себѣ здѣсь примѣненія и въ общей народной экономіи пропадетъ безплодно...

При всей готовности ссыльныхъ развить и направить свою энергію въ любую сторону, имъ, какъ уже сказано, съ трудомъ удается обезпечить себѣ достаточно сносный и сколько-нибудь постоянный заработокъ. Кромѣ экономическихъ условій, прочно устроиться мѣшаетъ и правовая обстановка, въ которую поставлены политическіе ссыльные. Разныя законныя и внѣзаконныя ограниченія правожительства, спорадическія водворенія самовольно отлучившихся поселенцевъ въ мѣста ихъ приписки, постоянные аресты и высылки по самымъ разнообразнымъ поводамъ,—все это въ высшей степени тяжело отражается и на экономическомъ состояніи ссылки. Иной и могъ бы получить заработокъ, но не имѣетъ права жительства въ данномъ пунктѣ. Не стоитъ, пожалуй, и пытаться.

Товарищу Г. передайте,—читаемъ, напримѣръ, въ одномъ изъ писемъ,—что въ Киренскѣ безусловно нашелъ бы хорошій заработокъ въ пароходныхъ мастерскихъ, по 1 р. 50 к.—2 р. въ день. Но предлагать перебираться сюда я не рѣшаюсь, потому что нельзя надѣяться на свободу проживанія здѣсь, а скрываться съ женою и ребенкомъ трудно, работая при томъ въ общественномъ учрежденіи.

Да и какъ предлагать, какъ надѣяться, когда исправникъ только что побывалъ въ Иркутскѣ и, видимо, привезъ какія-то инструкціи...

У насъ въ Киренскѣ—читаемъ въ другомъ письмѣ—дѣла скверны. Мирное житіе наше нарушено полицейскимъ усердіемъ, вытекающимъ изъ полицейской законности. Исправникъ вдругъ началъ выселять изъ Киренска одного за другимъ. На дняхъ я имѣлъ несчастіе быть арестованнымъ и выпровожденнымъ въ Чечуйку,—хорошо еще не по этапу, а вѣжливенько, съ урядникомъ, а тамъ составили протоколъ и привлекли меня къ отвѣтственности за побѣгъ изъ волости по 63 ст. Предстоитъ разборъ дѣла у мирового судьи и, можетъ быть, высидка въ тюрьмѣ. И не проходитъ почти дня, чтобы въ полицію не таскали кого-либо изъ насъ съ настойчивымъ предложеніемъ выѣхать. Такимъ образомъ многіе, получившіе здѣсь заработокъ, теперь его потеряли. Я лично тайкомъ снова вернулся и продолжаю заниматься уроками, но какъ долго придется укрываться—вѣдаетъ полиція...

Въ пароходныхъ мастерскихъ Глотова, т. е. въ тѣхъ самыхъ, гдѣ и товарищъ Г. могъ бы найти себѣ работу, работало нѣ-

сколько слесарей-ссыльныхъ, но «несмотря на просьбы самого Глотова оставить ихъ, какъ хорошихъ работниковъ, исправникъ не согласился; также и управляющіе магазиновъ просили за приказчиковъ—и тоже безрезультатно».

Это, можно сказать, «обыкновенная исторія». Устроится гдѣ-нибудь ссыльный, иногда цѣлая группа ихъ,—вдругъ является «Всѣхъ-давишъ» россійской дѣйствительности (такъ похожей въ глазахъ европейцевъ на сказку)... И вновь приходится искать, гдѣ бы устроиться... Изъ 39 ссыльныхъ, опрошенныхъ въ 1911 г. въ Киренскѣ и около Киренска, 20 человѣкъ, т. е. больше половины, подвергались такимъ образомъ аресту и высылкѣ изъ мѣстъ проживанія; изъ нихъ 10 человѣкъ были арестованы и высланы болѣе, чѣмъ по одному разу. Одинъ пишетъ: «арестовывали разъ 15»; другой:—«6 разъ выселяли»...

Полицейскія гоненія все время переплетаются съ экономическими затрудненіями. Въ результатѣ получается почти полная необезпеченность. Даже наиболѣе упругіе и устойчивые элементы изъ среды поселенцевъ часто оказываются не въ силахъ сохранить однажды пріобрѣтенное положеніе. Вновь и вновь приходится мѣнять его. Поэтому, между прочимъ, такъ медленно и «осѣдаетъ» ссылка. Многіе прожили уже три-четыре года,—и все еще «бродятъ»...

Какъ же живутъ, чѣмъ существуютъ ссыльные, когда такъ трудно найти и сохранить заработокъ, когда такъ часто приходится мѣнять профессію и мѣстожительство, когда такъ много въ ихъ средѣ безработныхъ, и когда въ жизни почти каждаго поселенца періоды скуднаго заработка чередуются съ болѣе или менѣе частыми и болѣе или менѣе длинными полосами безработицы? Чѣмъ живутъ?

Нѣкоторые имѣютъ поддержку извнѣ... Надо однако сказать, что это—не общественная поддержка. Можетъ быть теперь, когда метанія изъ стороны въ сторону кончились, и аполитическое настроеніе какъ будто проходитъ, русское общество вспомнитъ о жертвахъ освободительнаго движенія, загнанныхъ въ тайгу и тамъ нерѣдко бьющихся, какъ рыба объ ледъ. Можетъ быть... Но тѣ годы, къ которымъ относятся наши матеріалы, запечатлѣны какимъ-то поразительнымъ равнодушіемъ къ судьбѣ тѣхъ, кто пострадалъ въ періодъ пореволюціонныхъ репрессій. Скудныхъ пожертвованій, какъ извѣстно, далеко не хватало, чтобы помогать даже томившимся въ тюрьмахъ; въ ссылку же попадали развѣ крохи,—только на крохи имѣются указанія въ нашихъ матеріалахъ...

Первое время у ссыльныхъ была еще надежда привлечь общественное вниманіе къ своему бѣдственному положенію; они строили планы, какъ лучше и вѣрнѣе этого добиться,—былъ проектъ обра-

титься въ с.-д. фракцію Гос. Думы, сборникъ о положеніи ссылки и т. д., были предприняты кое-какіе шаги съ этою цѣлью. Но изъ этихъ попытокъ ничего не вышло... Въ концѣ-концовъ даже наиболѣе оптимистично настроенные люди потеряли вѣру въ возможность что-нибудь сдѣлать. Слишкомъ ужъ ясно было, что, съ одной стороны, они брошены обществомъ на произволъ судьбы и предоставлены всецѣло собственнымъ силамъ, а съ другой—что даже прокричать о себѣ достаточно дружно и громко они не могутъ *).

Упомянувъ о внѣшней поддержкѣ, я имѣю въ виду почти исключительно помощь личныхъ друзей и родственниковъ. Такъ какъ ссыльные въ массѣ своей принадлежатъ, какъ мы видѣли, къ недостаточнымъ классамъ, то эта помощь въ общемъ не можетъ быть значительна. Получаютъ ее сравнительно немногіе, не всегда регулярно и обыкновенно въ небольшомъ размѣрѣ. По имѣющимся у насъ даннымъ 1911 года о 80 ссыльныхъ, регулярно получали отъ 1 руб. до 28 руб. въ мѣсяцъ (въ среднемъ около 10 р.)—19 человѣкъ и не регулярно—«изрѣдка», «неопредѣленно»—11 человѣкъ. Судя по другимъ указаніямъ, получающіе болѣе крупныя суммы — напримѣръ, по 50 р. въ мѣсяцъ, — являются рѣдкими исключеніями и считаются чуть не капиталистами.

Кромѣ того, что эта поддержка, получаемая ссыльными, въ общемъ очень незначительна, нерѣдко она бываетъ и нравственно-мучительной. Тяжело взрослому человѣку находиться въ экономической зависимости отъ другихъ, хотя бы и близкихъ людей и

*) Въ 1911 году въ Нью-Іоркѣ образовалось „общество помощи политическимъ ссыльно-поселенцамъ въ Сибири". Однимъ изъ толчковъ, побудившихъ тамошнихъ эмигрантовъ взяться за это дѣло, послужило, повидимому, письмо изъ Киренскаго уѣзда, въ которомъ описывалось тяжкое положеніе одного изъ ссыльныхъ, и были высказаны общія соображенія о необходимости зарубежной помощи. Общество встрѣтило, какъ можно думать, довольно живой откликъ въ эмигрантской средѣ и въ сравнительно короткое время собрало 500 долларовъ. Въ Киренскій уѣздъ былъ присланъ уставъ общества, а также опросный листокъ предпринятой имъ анкеты о положеніи политическихъ ссыльныхъ. Здѣсь уже извѣрившіеся поселенцы отнеслись къ американскому начинанію безъ особаго энтузіазма. Но нѣкоторыя колоніи (въ лицѣ, повидимому, отдѣльныхъ лицъ и кружковъ) все-таки завязали связи съ обществомъ и собрали свѣдѣнія по присланной имъ программѣ. Въ нашихъ матеріалахъ имѣется указаніе лишь на 15 р., присланныхъ изъ Америки и полученныхъ тѣмъ самымъ ссыльнымъ, о положеніи котораго было сообщено въ вышеупомянутомъ письмѣ. Были ли дальнѣйшія получки оттуда,—мы не знаемъ.

Необходимо упомянуть еще, что въ 1910 году ссыльные, находившіеся на заработкахъ въ Бодайбо, собрали между собою и среди тамошнихъ обывателей 214 руб., которые и были присланы въ Киренскъ для помощи нуждающимся товарищамъ. Здѣсь эта капля, конечно, быстро высохла. Учрежденная на эти деньги ссудная касса очень быстро роздала ихъ нуждающимся, но получить ихъ обратно оказалась уже не въ состояніи.

прямо мучительно сознавать при этомъ, что являешься для нихъ тяжелой обузой. Нерѣдко, вѣдь, близкіе люди отдаютъ послѣднія сбереженія, нерѣдко дѣлятся своимъ и безъ того скуднымъ заработкомъ. Зная мѣстныя условія, легко понять, какой смыслъ имѣютъ такія, напримѣръ, сообщенія, встрѣчающіяся въ письмахъ ссыльныхъ: «Х. и У. бьютъ баклуши»; невеселое это занятіе, хотя сообщеніе и отлито какъ будто въ веселую форму: въ дѣйствительности это—безработица. Точно такъ же, встрѣчая сообщеніе, что такой-то «проѣдаетъ сестрино приданое», легко сообразить, что не сладкое это кушанье, что это—хлѣбъ, омытый, быть можетъ, слезами и становящійся тому, кто его ѣстъ, поперекъ горла. Иной разъ это чувство прорывается... Вотъ, напримѣръ, письмо, датированное: «д. Селезнева, Коченской волости, 26 января 1909 г.».

Спасибо тебѣ за письмо, маловато только! Судя по твоему письму, ты все таки съ грѣхомъ пополамъ устроился. Что касается меня, то „бодай ны казаты". Занимаюсь съ двумя ребятишками (они уже теперь читаютъ, пишутъ, дѣлаютъ сложеніе и вычитаніе); за это съ обоихъ керосинъ, стирка бѣлья и ежедневно бутылка молока. Да и этого я, впрочемъ, не просилъ, но и не отказываюсь. Въ Селезневой насъ живетъ двое, оба—украинцы. Товарищъ мой—с.-р., семинаристъ изъ Кіева. Душа парень. Зубы его, бѣднягу, мучаютъ, и, вотъ, онъ проситъ меня сыграть ему гопака или казачка, а самъ пляшетъ, чтобы зубы перестали болѣть. Онъ у одного хозяина учитъ трехъ малышей, и за это получаетъ квартиру, отопленіе, освѣщеніе, стирку, харчи и еще по 1 рублю съ ученика въ мѣсяцъ... Я получаю ежемѣсячно отъ брата 10 р. Но дѣло въ томъ, что онъ, бѣдняга, и самъ бѣдствуетъ, хотя, конечно, не признается, когда получаетъ-то всего самъ 30 р. въ мѣсяцъ... Эхъ дѣла! Категорически отказаться, значитъ, надо положительно пропасть съ голоду, а обременять его—для совѣсти тяжело. И я прямо таки сталъ задумываться—не лучше ли покончить съ собой. Не знаю, какъ для кого, но для меня все это положеніе кажется страшнымъ, и думается, что необходимо прекратить все это... Ну, довольно объ этомъ.

Другой источникъ, изъ котораго до поры до времени покрываются прорѣхи, оставляемыя въ трудовомъ бюджетѣ ссылки безработицей, это—кредитъ. Изъ 24 ссыльныхъ Марковской волости, опрошенныхъ въ 1911 г., 17 человѣкъ были должны, — конечно, небольшія суммы (у одного лишь долгъ достигалъ 51 р.), но вѣдь на широкій кредитъ ссыльный и не можетъ разсчитывать. Само собой также понятно, что этотъ источникъ легко и быстро изсякаетъ.

Возможно, что нѣкоторымъ ссыльнымъ приходится порою жить чуть ли не милостыней. Въ письмахъ встрѣчаются такія, напримѣръ, сообщенія:

На дняхъ былъ въ Баньщиковѣ. Тамъ 8 человѣкъ. Публика сидитъ безъ дѣла. Всѣ, за исключеніемъ С. и Р., живутъ на иждивеніи челдоновъ...

Встрѣчаются и такіе ссыльные, что въ трудныхъ обстоятельствахъ готовы прибѣгнуть къ обману или выкинуть какую другую некрасивую штуку. Напримѣръ, одинъ поселенецъ, возвращаясь изъ Преображенской волости, куда онъ былъ высланъ въ числѣ первыхъ ссыльныхъ, выдалъ себя въ одной деревнѣ за довѣреннаго, который ѣдетъ за товарами, и воспользовался лошадью, обѣщая уплатить деньги за проѣздъ на обратномъ пути. Другой поселенецъ довольно долго водилъ за носъ товарища и мѣстныхъ крестьянъ, увѣряя, что у него есть два банковыхъ билета по тысячѣ рублей и что только размѣнять ихъ негдѣ... Но это—уже исключенія, обыкновенно встрѣчающія рѣзкое осужденіе въ товарищеской средѣ, вплоть до форменнаго суда надъ недоброкачественными элементами.

Главный же способъ для сведенія концовъ съ концами въ бюджетѣ, какой практикуется ссыльными, — это урѣзываніе себя, въ чемъ только возможно, даже въ самомъ необходимомъ. На вопросъ американской анкеты, хватаетъ ли средствъ на прожитіе, всѣ Витимскіе ссыльные (19 человѣкъ), за исключеніемъ двоихъ, отвѣтили: «хватаетъ», хотя многимъ этотъ вопросъ показался «страннымъ». «Поневолѣ всегда хватаетъ — прибавилъ одинъ: — живу, какъ птица». «Хватаетъ,—пишетъ другой,—ибо приходится соблюдать равновѣсіе въ смыслѣ желаній». Какъ сильно многимъ ссыльнымъ приходится ограничивать свои потребности, даже въ пищѣ и одеждѣ, до извѣстной степени видно изъ слѣдующихъ данныхъ, собранныхъ лѣтомъ 1911 г. по Марковской волости. Опрошено 24 человѣка (изъ 30 съ лишнимъ); на вопросъ: «употребляете ли въ пищу мясо и какъ часто?»—отвѣтили: не каждый день—1 чел., нѣсколько разъ въ недѣлю—3 чел., рѣже (разъ въ недѣлю, разъ въ мѣсяцъ, нѣсколько разъ въ годъ, очень рѣдко)—10 чел., совсѣмъ не употребляютъ—8 чел. На вопросъ: «есть ли зимняя одежда, кромѣ арестантской?» — утвердительно отвѣтили только 5 человѣкъ; у четверыхъ имѣется осеннее пальто, у одного—шапка, у 14 — и этого не оказалось. Надо прибавить, что изъ опрошенныхъ лишь 7 человѣкъ прожили въ мѣстѣ водворенія менѣе полугода и, какъ можно думать, прибыли въ ссылку въ 1911 г.; остальные, очевидно, водворены въ уѣздѣ еще въ предыдущемъ году, если не раньше.

Это урѣзываніе потребностей у нѣкоторыхъ, несомнѣнно, переходитъ въ прямое недоѣданіе, а порою и въ голодовку. Изъ опрошенныхъ ссыльныхъ Марковской волости троимъ приходилось сидѣть безъ хлѣба нѣсколько разъ по нѣскольку дней. За два года передъ этимъ, весной 1909 г., въ Марковѣ было лишь двое ссыльныхъ; остальные, водворенные сюда въ 1908 г., разбрелись въ разныя стороны. Вотъ что писала тогда остававшаяся здѣсь поселенка:

Тяжелое чувство пережила я, когда здѣсь были четыре товарища изъ Нижне-Илимска и Карапчанки. Денегъ у нихъ почти не было, у насъ тоже ни денегъ, ни продуктовъ, даже хлѣба, и нельзя было имъ помочь. Хотѣли они прожить здѣсь дня два, чтобы что-нибудь заработать на дорогу, но здѣсь нѣтъ никакой работы, кромѣ пахоты. И они уѣхали въ самомъ грустномъ настроеніи; можетъ быть, заработаютъ что въ Макаровѣ. Плывутъ они на крошечномъ самодѣльномъ плотикѣ... Вчера здѣсь прошли еще два товарища. У обоихъ въ запасѣ тоже, кажется, ничего или, быть можетъ, гроши. Товарищи бредутъ въ поискахъ лучшихъ мѣстъ, а на ихъ мѣсто являются другіе... тоже голодать.

Такъ оно и вышло... Возьмемъ еще одно письмо изъ Марковской же волости, написанное въ декабрѣ 1911 г., то-есть спустя полгода послѣ анкеты, данныя которой о пищѣ и одеждѣ мы привели. За это время успѣли придти еще ссыльные. Читатели, быть можетъ, помнятъ, какъ они ходили на корчевку пней и ничего не заработали; какъ потомъ завели столярную мастерскую въ надеждѣ, что будетъ работа, которой въ дѣйствительности не оказалось.

Въ это время,—говорится въ письмѣ дальше,—намъ пришлось поголодать, часто не было хлѣба. Пріѣхалъ, однако, еще товарищъ (онъ былъ на сплавѣ), и мы опять ожили. Но вдругъ пріѣхалъ урядникъ, арестовалъ двоихъ и отправилъ въ Макаровскую волость. Положеніе наше сдѣлалось снова незавиднымъ: въ кассѣ ни гроша, долгу болѣе 30 р., не было на что купить даже бумаги. На-дняхъ наше положеніе опять улучшилось. Я получилъ деньги и посылку; прислали также и товарищу деньги... Остальная наша публика все неимущая.

Марковская волость принадлежитъ, быть можетъ, къ числу наиболѣе голодныхъ, но она расположена на Ленѣ, и изъ нея хоть утечь легко,—на самодѣльномъ плотѣ можно добраться до Киренска. Приходится, однако, и притомъ нерѣдко, голодать и въ другихъ волостяхъ, откуда гораздо труднѣе выбраться. Вотъ, напримѣръ, письмо изъ д. Кочерги, Коченгской волости, одной изъ самыхъ отдаленныхъ отъ Киренска.

У меня сейчасъ никакой работы нѣтъ. Приходится голодать. Съ латышемъ мы ходили на охоту, но убили только 15 бѣлокъ, вотъ и весь нашъ заработокъ...

Дальше авторъ проситъ поспѣшить пересылкой писемъ и посылки, если таковая будетъ. Проситъ товарищей о присылкѣ книгъ и газетъ,—просить о чемъ, видимо, легче. И лишь въ самомъ концѣ немногословная, но достаточно выразительная просьба: «прошу тебя лично, если можешь, помочь мнѣ въ деньгахъ; пришли, а то у насъ совершенно нѣтъ».

Несомнѣнно, что эти случаи острой нужды и даже голода были бы гораздо чаще, если бы не было еще способа предотвратить или, по крайней мѣрѣ, смягчить ихъ. Даже въ Киренскѣ они были бы зауряднымъ явленіемъ...

Обработка полученныхъ здѣсь отвѣтовъ на американскую анкету (свѣдѣнія собраны относительно 39 человѣкъ) дала такіе выводы: средній заработокъ оказался равнымъ 20 р. 50 к. въ мѣсяцъ *); средній расходъ на квартиру—4 р. 50 к., на столъ—16 р. 60 к., на духовныя потребности (книги, газеты, марки и т. д.)—1 р. 50 к. Если сложить послѣднія три цифры, то получится 22 р. 60 к. Такимъ образомъ заработка не хватаетъ даже на эти только расходы. Правда, есть еще помощь извнѣ, но если послѣднюю разложить на всѣхъ, то въ среднемъ она дастъ около 3 р. 50 к. на человѣка. Между тѣмъ нужны еще расходы на одежду, обувь и т. д. Такъ или иначе, концы съ концами, конечно, сводятся...

Но это—въ среднемъ... Какъ же ухитряются жить тѣ, мѣсячный заработокъ у которыхъ опускается до 3 руб., если даже минимальные расходы на квартиру (1 р.) и пищу (5 р.), по тѣмъ же даннымъ, требуютъ 6 руб.? **). Какъ живутъ тѣ, которые зарабатывать вовсе не могутъ? Есть вѣдь и такіе... Какъ живетъ большинство ссыльныхъ, очевидно, не могущее дѣлать сбереженій и не дѣлающее ихъ, въ періоды безработицы?

«Отвѣтъ на этотъ вопросъ,—пишетъ лицо, обработывавшее собранныя данныя,—можетъ быть только одинъ: чудеса товарищеской среды»... Къ этимъ «чудесамъ» и вообще къ внутренней жизни ссылки мы теперь и перейдемъ. Предупредимъ лишь читателей, что, кромѣ чудеснаго, мы не мало увидимъ въ этой жизни и непривлекательнаго, давящаго...

V.

Экономическія организаціи ссылки и ихъ эволюція.

«Въ условіяхъ русской дѣйствительности,—писалъ г. Н. въ «Листкѣ Ссыльныхъ»,—родилось цѣлое сословіе, въ то же время и новый классъ: ссыльно-политическіе» ***). Развивая ту же мысль, въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ онъ писалъ:

---

*) У 6 человѣкъ, имѣющихъ постоянный мѣсячный заработокъ, онъ оказался равнымъ въ среднемъ 40 р. (при колебаніяхъ отъ 15 до 70 р.); 29 человѣкъ, не имѣющихъ регулярнаго заработка, зарабатываютъ въ среднемъ по 15 р. 50 к. (отъ 3 до 40 р.); остальные не показали заработка вовсе.

**) Мѣстные жители считаютъ эту цифру, по ея мизерности, совершенно невѣроятной и минимальный расходъ на пищу, напримѣръ, опредѣляютъ 8 р. въ мѣсяцъ. Надо сказать, что казна отпускаетъ административнымъ ссыльнымъ въ Киренскомъ у. по 15 руб. кормовыхъ въ мѣсяцъ и даетъ дважды въ годъ на одежду. Казенная же норма, какъ извѣстно, близка къ голодной.

***) «Листокъ Ссыльныхъ», № 4.

Ссыльно-поселенецъ, выброшенный за бортъ изъ политической жизни страны, выбитый изъ колеи своего соціальнаго прошлаго, очутился въ новомъ соціальномъ положеніи; у него слагается свой бытъ, свои специфическія нужды и, слѣдовательно, необходимость въ ихъ разрѣшеніи. Эта необходимость можетъ быть осуществлена только при посредствѣ сословной ссыльно-политической организаціи *).

Въ дѣйствительности ссыльные не являются, конечно, ни сословіемъ, ни классомъ. Но, пока они не растворились въ средѣ мѣстнаго населенія, не слились съ нимъ, у нихъ, несомнѣнно, имѣются свои особыя нужды, свои особые интересы, и они должны чувствовать себя обособленной группой. Само собой понятно, что съ наибольшей силой это чувство близости между собою и обособленности отъ другихъ они должны испытывать на первыхъ порахъ своего пребыванія въ чуждой средѣ и чуждой обстановкѣ. Мы знаемъ, что оно охватывало ихъ прежде, чѣмъ они вступали въ предѣлы уѣзда, назначеннаго для ихъ водворенія. Уже въ Александровской тюрьмѣ ссыльные первой партіи почувствовали, что «необходимо сплотиться, что бросить каждаго на произволъ его собственной судьбы невозможно», и «первая партія вступила на территорію уѣзда съ готовымъ рѣшеніемъ съорганизоваться въ колоніи и установить прочную межколоніальную связь» **). «Вторая партія, будучи въ Александровской тюрьмѣ, волновалась тѣми же вопросами. Глухія вѣсти, долетавшія туда о зарожденіи организаціи по Киренскому уѣзду, и искаженныя свѣдѣнія побудили товарищей этой партіи разрѣшать вопросъ объ организаціи самостоятельно: одни остановились на необходимости объединенія по партійности, другіе разсчитывали на готовую почву въ ссылкѣ, разработанную первой партіей» ***). Вынести опредѣленное рѣшеніе и немедленно приступить къ его осуществленію эти ссыльные были, однако, уже неспособны.

Но ссыльные первой партіи, какъ я уже упоминалъ, не только рѣшили вопросъ объ организаціи, но и тутъ же, въ Александровской тюрьмѣ, положили ей начало: выбрали временное бюро для уѣзда, обсудили нѣкоторые вопросы въ поволостныхъ (будущихъ колоніальныхъ) собраніяхъ и учредили колоніальныя и общеуѣздную кассы взаимопомощи. Всѣ, у кого были деньги, внесли по 5% ихъ въ свои колоніальныя кассы, которыя по уставу, должны были четвертую часть всѣхъ поступленій отчислить въ общеуѣздную. Въ послѣднюю на этомъ основаніи было отчислено 6 р. 38 к. Кромѣ обязательныхъ взносовъ были и пожертвованія. Всего, по отчетамъ за май 1908 г., въ кассы поступило 44 р. 61 коп. Къ слову сказать, судя по имѣющимся свѣдѣніямъ, это былъ наибольшій приходъ за все время существованія кассъ,

*) № 8.
**) № 2,
***) № 8.

хотя число ссыльныхъ потомъ увеличилось, и нѣкоторыя колоніи повысили обязательный взносъ до 10%.

Придя въ уѣздъ, ссыльные довольно дружно взялись за устройство жизни общими силами. «На первыхъ порахъ, по свидѣтельству «Листка Ссыльныхъ», наблюдалась искренняя товарищеская взаимопомощь». Въ это время выработались и коллективныя формы ссыльной жизни, практикующіяся отчасти до сихъ поръ.

Прежде всего, довольно многіе, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже всѣ ссыльные, зажили «коммунами». Это—традиціонная уже форма общежитія въ русской политической ссылкѣ, а иногда и въ тюрьмахъ. Въ данномъ случаѣ ссыльные не создавали чего-либо новаго, а только старались усвоить и продлить традицію. Однако, усвоить вполнѣ коммунистическій образъ жизни, какой практиковался въ прежней, болѣе однородной, ссылкѣ, нынѣшняя политика, безъ предварительнаго отбора и подбора, оказалась не въ состояніи, и ссыльные на опытѣ убѣдились въ этомъ еще до прибытія на мѣсто. Въ прошлый разъ я привелъ отрывки изъ дневника, который велся однимъ изъ поселенцевъ въ Александровской пересыльной тюрьмѣ. Быть можетъ, читатели припомнятъ, что въ этой тюрьмѣ были коммуны, но разныя: богатыя и бѣдныя. Кромѣ того, отъ коммунистическаго принципа въ нихъ допускалось отступленіе: на ряду съ общей собственностью имѣлась и частная (въ одной изъ коммунъ, напримѣръ, половина всѣхъ денегъ оставлялась каждому на его индивидуальныя потребности). На этотъ компромиссъ вынуждены были согласиться даже тѣ, которые сначала его рѣзко осуждали... Можетъ быть, этотъ тюремный опытъ и основанная на немъ осторожность заставили ссыльныхъ, когда они устраивались на мѣстѣ поселенія коммунами, заранѣе въ нѣкоторыхъ случаяхъ допустить подобныя отступленія отъ принципа.

Съ появленіемъ первой партіи въ Нижне-Илимской—читаемъ мы въ очеркѣ Нижне-Илимской колоніи, составленномъ г-номъ А.,—колоніальная жизнь политическихъ была въ то же время и коммунальной. Семь человѣкъ, назначенныхъ въ Нижне-Илимскъ, поселились въ одной квартирѣ... Всѣ заработки и денежныя получки со стороны поселенцы рѣшили вносить въ коммуну, отчисляя 5% въ такъ называемую колоніальную кассу, которая была основана на всякій непредвидѣнный случай (на случай распаденія коммуны, а потомъ нужды отдѣльныхъ товарищей). Но чтобы дать возможность отдѣльнымъ товарищамъ не безпокоить коммунальнаго старосту мелочными индивидуальными и интимными потребностями, рѣшили, что 25 коп. съ заработаннаго рубля и 15 коп. съ рубля, полученнаго со стороны безъ затраты труда, каждый тратитъ самъ на свои потребности индивидуальнаго интимнаго характера.

Однородное отступленіе, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, было допущено и въ возникшей нѣсколько позднѣе Мартыновской «Трудовой группѣ», которая при учрежденіи взяла на себя отвѣтственность даже за долги своихъ членовъ, сдѣланные ими до вступленія въ группу. Въ ней выдавались «карманныя деньги»—по 1 р.

50 к. каждому; однако «брать ихъ при отсутствіи надобности — говорилось въ одномъ изъ постановленій—нравственно воспрещается». Нѣкоторымъ ихъ, очевидно, недоставало или «нравственное воспрещеніе» тяготило, но только у членовъ группы очень скоро появились новые долги на сторонѣ, о чемъ мы узнаемъ изъ слѣдующаго постановленія, состоявшагося спустя два съ небольшимъ мѣсяца: «долги членовъ, сдѣланные по вступленіи въ группу, уплачиваются изъ карманныхъ; на будущее время собраніе убѣдительно проситъ долговъ не дѣлать»... Вернемся, однако, къ Нижне-Илимской коммунѣ.

Пріѣхали—продолжаетъ свой разсказъ г. А.—товарищи изъ Карапчанской волости (12 человѣкъ). Всѣ вступили въ коммуну. Но черезъ нѣкоторое время, въ виду наступленія холодной осени и тѣсноты квартиры, часть товарищей (4 чел.) рѣшила, оставаясь въ коммунѣ, снять (на деньги, имѣвшіяся для индивидуальныхъ потребностей) особую квартиру. Сняли. Товарищи, пріѣхавшіе изъ Коченской волости, одни вступили въ коммуну, другіе остались внѣ ея. Съ тѣхъ поръ начала функціонировать колонія сама по себѣ и коммуна сама по себѣ...

Мы еще увидимъ, какія именно индивидуальныя потребности сказались въ данномъ случаѣ, и, въ частности, у кого и почему явилось стремленіе уйти съ «пересылки», какъ называлась коммунальная квартира въ Нижне-Илимскѣ, въ свой уголокъ. Сейчасъ же, отмѣтимъ лишь, что благодаря этимъ «индивидуальнымъ» и «интимнымъ» потребностямъ, нерѣдко вполнѣ понятнымъ и законнымъ, а также нѣкоторымъ общимъ причинамъ, о которыхъ намъ придется говорить ниже, коммунальная жизнь не получила въ ссылкѣ широкаго развитія. Во всякомъ случаѣ, коммуны не явились той основой, на которой возникла бы общессыльная организація, хотя мысль объ этомъ и до сихъ поръ, судя по имѣющимся у насъ письмамъ, не оставлена нѣкоторыми ссыльными. Но не являясь общей и даже преобладающей формой ссыльной жизни въ уѣздѣ, тѣмъ не менѣе коммуны—въ большинствѣ случаевъ небольшія, въ 4-5 человѣкъ,—играютъ въ ней довольно видную роль. Судя по нашимъ матеріаламъ, къ этой формѣ чаще всего прибѣгаютъ: а) вновь прибывшіе ссыльные, б) работающіе вмѣстѣ, имѣющіе, напримѣръ, общую мастерскую и в) вынужденные довольствоваться случайной работой. Помимо матеріальныхъ соображеній, иногда играютъ роль въ коммунальной жизни и нравственные мотивы: желаніе поддержать товарищей, которые, обособившись, могли бы быстро опуститься.

Мы, всѣ четверо изъ новой партіи,—пишетъ, напримѣръ, одинъ ссыльный 1911 г. изъ Мухтуя—по прибытіи сюда зажили коммуной. Трое изъ насъ были связаны еще дорожной коммуной; относительно четвертаго, поляка, у насъ возникли сомнѣнія, приглашать ли его въ нашу коммуну или нѣтъ. Когда составлялась дорожная коммуна, ему не предлагали войти, въ виду нѣкоторыхъ, хотя и неопредѣленныхъ отзывовъ

о немъ, что скандалилъ гдѣ-то, неуживчивый. Такъ какъ мы считали такія улики противъ него недостаточно вѣскими и, исходя изъ соображеній, что часто отталкиваютъ изъ-за незначительныхъ причинъ малосознательныхъ товарищей и тѣмъ толкаютъ ихъ ниже по наклонной плоскости разложенія, мы рѣшили принять его въ коммуну, но не селиться съ нимъ вмѣстѣ, держаться подальше, выжидать, а дальше относиться къ нему, смотря по его поведенію.

Но этотъ планъ поселиться врозь, видимо, не осуществился. Прибылъ еще ссыльный, изъ старыхъ, латышъ, о которомъ «также слыхали неблагопріятные отзывы, напримѣръ, что онъ торговалъ водкой, не входилъ въ коммуну, когда его туда звали, а жилъ отдѣльно отъ другихъ политическихъ товарищей». Но, подумавъ, и ему дали возможность присоединиться.

И вотъ по какимъ мотивамъ. Ему 42 года; онъ—рабочій, мало духовно-воспитанный, малоразвитый; онъ уже три года въ ссылкѣ; отъ него меньше можно требовать, чѣмъ отъ людей съ прочнымъ сознаніемъ идейнымъ, а опускаются въ ссылкѣ и послѣдніе. Мы думаемъ, что, принимая его въ свою среду и при справедливомъ къ нему отношеніи, мы поможемъ ему подняться выше и пробудимъ въ немъ интересъ къ духовной жизни.

Въ концѣ-концовъ поселились всѣ вмѣстѣ, нанявъ квартиру за 2 р. 50 к. «Квартира была подъ кузницей, но все же мы умудрились помѣститься здѣсь всѣ 5 человѣкъ. Быть можетъ, одинъ изъ насъ пойдетъ жить въ отдѣльную комнату, куда вечеромъ мы можемъ ходить почитать; четверо, въ томъ числѣ и я, здѣсь все время будемъ жить».

Нравственно-воспитательныя цѣли, которыми задаются нѣкоторыя изъ коммунистовъ, не всегда, конечно, достигаются, но въ экономическомъ отношеніи коммуны, несомнѣнно, играютъ положительную роль: во 1-хъ, они удешевляютъ жизнь, и во 2-хъ, являются наиболѣе полнымъ видомъ матеріальной взаимопомощи. Въ мелкихъ и болѣе однородныхъ по своему составу коммунахъ меньше сказывается различіе въ индивидуальныхъ потребностяхъ, и имъ рѣже приходится отступать отъ принципа. Просто живутъ люди, не считаясь: заработалъ одинъ—всѣ сыты; другому прислали изъ дому—и опять всѣ сыты; ни у кого нѣтъ ни заработка, ни получки—всѣ голодаютъ, но голодать приходится все-таки рѣже...

На ряду съ коммунальной практикуется и другая форма совмѣстной жизни--артельная. Ея сущность и значеніе ясны будутъ для читателя изъ слѣдующаго примѣра.

Когда мы прибыли въ Орлинчу--пишетъ ссыльный 1911 г.—тамъ было уже 8 человѣкъ. Черезъ нѣсколько дней мы наняли цѣлый домъ за 25 руб. въ 3 мѣсяца и помѣстились въ немъ 5 человѣкъ. Жили мы всѣ вмѣстѣ на артельныхъ началахъ, а именно: кто имѣлъ въ данную минуту деньги, тотъ и тратилъ ихъ на общія надобности. Черезъ нѣкоторое время всѣ расходы подсчитывались и поровну на каждаго раздѣлялись. Такимъ образомъ, если кто-нибудь имѣлъ деньги, то всѣ были

сыты, но перерасходъ остальные должны были возвратить. Первоначально въ нашей артели было 5 человѣкъ, но одно время число участниковъ достигло 12. Изъ всѣхъ насъ постоянную работу имѣли только двое: одинъ—писцомъ въ волостномъ правленіи за 30 р. въ мѣсяцъ, а другой—наблюдателемъ водомѣрнаго поста за 15 р. въ мѣсяцъ. Всѣ же остальные имѣли только временную работу. Такъ я, напримѣръ, съ 15 іюля по 1 октября заработалъ всего-на-всего 6 р. 15 к., да и остальные заработали немного больше.

Нѣкоторымъ пришлось бы, пожалуй, умирать съ голоду, ну а на артельныхъ-то началахъ, хотя и впроголодь, прожили. Потомъ какъ-нибудь между собою разсчитаются...

Въ Киренскѣ одно время существовало цѣлое учрежденіе довольно сложнаго, артельно-общественнаго типа. На деньги, собранныя сначала жившими здѣсь административными ссыльными между собою и среди сочувствующихъ обывателей, а потомъ на деньги, собравшіяся путемъ обязательныхъ взносовъ между поселенцами, содержалась особая квартира, гдѣ поселялись приходившіе искать сюда заработка. Здѣсь же помѣщалась общая столовая, для чего изъ среды жившихъ на квартирѣ выбирался староста. Въ концѣ недѣли староста подсчитывалъ траты. За того, кто не въ состояніи былъ уплатить причитавшуюся съ него по разверсткѣ сумму, уплачивалось изъ тѣхъ же средствъ, на которыя нанималась квартира. Послѣдняя вмѣстѣ съ находившейся въ ней столовой скоро сдѣлалась организаціоннымъ центромъ Киренской колоніи. Просуществовало это учрежденіе нѣсколько мѣсяцевъ, но послѣ двухъ, послѣдовавшихъ одинъ за другимъ, полицейскихъ разгромовъ колоніи, жильцовъ въ квартирѣ не осталось, и она была закрыта.

Говоря о коммунально-артельныхъ формахъ ссыльнаго общежитія, нельзя не упомянуть еще объ одномъ видѣ товарищеской взаимопомощи. Къ отвѣтамъ Витимскихъ ссыльныхъ на американскую анкету приложенъ листокъ, въ которомъ изложены недоумѣнія ихъ по поводу нѣкоторыхъ вопросовъ программы,—въ частности и по вопросу о коммунахъ. Должны ли они были считать коммуной, если, напримѣръ, въ семьѣ ссыльнаго временно живетъ безработный товарищъ, прибывшій изъ другого мѣста въ поискахъ работы? Этотъ видъ товарищеской помощи, судя по нашимъ матеріаламъ, широко распространенъ въ ссылкѣ и, при кочующемъ образѣ жизни значительной еще части ссыльныхъ, имѣетъ, конечно, немаловажное значеніе въ дѣлѣ предупрежденія острыхъ случаевъ нужды и голода.

Съ первыхъ же дней ссыльной жизни поселенцы внесли коллективное начало и въ производство. Между прочимъ, особенно сильное тяготѣніе они проявили къ организаціи коллективныхъ промышленныхъ предпріятій, главнымъ образомъ, ремесленнаго типа. Въ этомъ отношеніи современная ссылка, несомнѣнно, отличается отъ прежней, въ которой данное стремленіе—по крайней

мѣрѣ, въ такихъ размѣрахъ—не наблюдалось. Толкнуть поселенцевъ на этотъ путь должна была сама жизнь: съ одной стороны, для нихъ необходимъ былъ, во что бы то ни стало, заработокъ; съ другой стороны, какъ я уже говорилъ, въ мѣстной жизни, при данномъ ея хозяйственномъ укладѣ, легче было встрѣтить спросъ на готовые продукты, чѣмъ на рабочія руки. Помимо общественныхъ и товарищескихъ чувствъ, которыя сильны были особенно у первыхъ ссыльныхъ, самыя условія, въ которыхъ они начинали новую жизнь, толкали ихъ къ коллективной именно формѣ. Пришли они съ голыми руками, можно сказать, нищими; между тѣмъ для оборудованія мастерскихъ нужны средства, нужны инструменты, нужны матеріалы. Сообща легче было собрать эти средства, легче было получить кредиты, легче было организовать сбытъ.

Въ Киренскомъ уѣздѣ едва ли не первая приступила къ организаціи мастерскихъ неоднократно упоминавшаяся уже Нижне-Илимская колонія, вообще считавшаяся образцовой. Первой была устроена пекарня сушекъ: менѣе, чѣмъ черезъ мѣсяцъ по прибытіи ссыльныхъ он уже функціонировала, давая работу 5—6 поселенцамъ. На оборудованіе ея пришлось затратить около 60 руб. («помогъ кредитъ»). Сушки пеклись, главнымъ образомъ, по заказу купцовъ, которые давали муку и платили по 3 р. 75 к. съ мѣшка, а пекарня должна была сдавать имъ сушки пудъ за пудъ. Въ первый-же мѣсяцъ пекарня переработала 90 пуд. муки, а во второй окупила расходы на ея устройство. Полицейскій разгромъ, постигшій колонію, прервалъ дѣятельность пекарни, но, по возвращеніи арестованныхъ и съ прибытіемъ новой партіи ссыльныхъ, работы въ ней опять возобновились.

Затѣмъ была построена кузнечнос-лесарная мастерская на землѣ, отведенной сельскимъ обществомъ. Постройка и первоначальное оборудованіе ея обошлись около 100 руб. Вслѣдъ за тѣмъ появились сапожная, колбасная, столярная, портняжная, войлочная мастерскія... Обороты этихъ предпріятій были очень незначительны, и у самаго крупнаго изъ нихъ—пекарни—даже въ лучшіе мѣсяцы не достигали 100 руб. Заработокъ поселенцевъ въ нихъ тоже былъ очень не великъ, а порою и ничтоженъ. Но въ борьбѣ съ безработицей онѣ, несомнѣнно, съиграли свою роль. По крайней мѣрѣ, одно время нижне-илимцы хвалились, что у нихъ нѣтъ безработныхъ, что всѣ такъ или иначе пристроены.

Пекарня и кузнечно-слесарная мастерская считались собственностью всей колоніи. Она и опредѣляла, сколько человѣкъ, и кто именно должны были работать въ нихъ. Для колоніальныхъ предпріятій былъ даже выработанъ особый уставъ, изъ котораго приведу нѣсколько параграфовъ, чтобы показать, какими цѣлями задавались на первыхъ порахъ ссыльные, и на какихъ началахъ они мечтали основать свои экономическія отношенія.

§ 1. Колоніальныя предпріятія создаются для того, чтобы способствовать, съ одной стороны, улучшенію матеріальныхъ условій жизни колоніи, съ другой—развитію солидарности въ товарищеской средѣ на почвѣ удовлетворенія матеріальныхъ потребностей.

§ 3. Колоніальныя предпріятія, имѣя въ виду не только настоящихъ, но и будущихъ политическихъ ссыльныхъ, не могутъ быть обращены въ частную собственность (даже единогласнымъ рѣшеніемъ общаго собранія) ни постороннихъ лицъ, ни отдѣльныхъ товарищей.

§ 10. Наемный трудъ допускается въ колоніальныхъ предпріятіяхъ въ исключительныхъ случаяхъ только для постороннихъ лицъ: а) въ случаѣ, если для веденія дѣла не достаетъ опытнаго человѣка; и б) въ случаѣ недостатка работниковъ.

§ 12. Работать въ колоніальныхъ предпріятіяхъ могутъ и не члены колоніи, но только на товарищескихъ началахъ. *Прим.* Интересы членовъ колоніи удовлетворяются въ первую голову.

§ 13. Работы для колоніи и отдѣльныхъ товарищей въ необходимыхъ случаяхъ, устанавливаемыхъ общимъ собраніемъ, должны производиться безплатно.

§ 14. Въ случаѣ, если колонія, по какимъ-либо причинамъ, уничтожится, всѣ колоніальныя предпріятія закрываются, а весь инвентарь сдается довѣренному лицу для передачи новой колоніи, если таковая вновь образуется.

Несомнѣнно, было стремленіе и всѣ другія мастерскія сдѣлать собственностью колоніи,—тѣмъ болѣе, что оборудованіе ихъ производилось при денежной поддержкѣ обще-колоніальной кассы или въ кредитъ, подъ поручительство колоніи. Но осуществить это не удалось. Послѣ нѣкоторой борьбы, остальныя мастерскія продолжали существовать въ качествѣ товарищескихъ и единоличныхъ предпріятій. Въ своемъ очеркѣ Нижне-Ишимской колоніи г. А. пишетъ:

Было стремленіе въ колоніи построить войлочную, сапожную и др. мастерскія на тѣхъ-же началахъ, что и пекарня съ кузницей, но мастера соотвѣтствующихъ производствъ оказались съ тенденціей «независимости». Они отказались отъ идеи колоніальной мастерской, рѣшили работать независимо отъ товарищей, не желали вмѣшательства общихъ собраній и правленій.

Довольно сильное тяготѣніе къ устройству общихъ предпріятій въ первое время наблюдалось и въ другихъ колоніяхъ. Приведу, для примѣра, нѣсколько отрывковъ изъ письма поселенца изъ Мартыновской волости, гдѣ и внѣшнія, и внутреннія условія колоніальной жизни были существенно отличныя отъ нижне-илимскихъ.

У насъ есть теперь—писалъ этотъ ссыльный въ октябрѣ 1908 г.—своя лавочка и касса взаимопомощи... Лавочка беретъ лишка за товары—тоже идетъ въ кассу. Деньги на товаръ далъ Л. (ссыльный). Онъ-же купилъ за свои деньги инструменты на столярную, кузнечную и слесарную мастерскія, а работать будутъ все, будутъ дѣлать вѣялки и т. д. Купили лошадь для подвозки дровъ, думаемъ сплавлять въ Киренскъ. Л. взялъ подрядъ въ 300 саж., цѣна отъ 1 р. 50 к. до 1 р. 70 к. сажень. Но это очень трудно и врядъ-ли будетъ выполнимо. Словомъ, Л. израсходовалъ около 400 руб. Онъ слишкомъ идеальничаетъ, но долженъ ска-

зать, что если-бы не онъ, то братія сидѣла-бы безъ хлѣба. Онъ купилъ въ Киренскѣ 350 п. муки по 1 р. 20 к. на такихъ условіяхъ: деньги тогда платить, когда получаешь; а мы будемъ ѣздить ежемѣсячно и брать понемногу. Всѣ Киренскіе «тузы» относятся къ ссыльно-политическимъ сочувственно, даже очень хорошо. Все, что мы ни будемъ дѣлать здѣсь, въ Мартыновой, то они будутъ принимать внѣ конкуренціи. Л. проектируетъ заниматься огородничествомъ, снимать въ аренду луга и все, что будетъ выгодно; конечно, не онъ одинъ, а съ тѣми, кто рѣшитъ остаться здѣсь. Думаетъ устроить общую столовую, клубъ, библіотеку и даже организуетъ занятія по части просвѣщенія... Словомъ, у Л. много хорошихъ проектовъ, но врядъ ли они будутъ осуществлены, хотя онъ энергично дѣйствуетъ... Выбранъ совѣтъ колоніи, секретарь, лавочникъ и казначей. Выбрали Л. предсѣдателемъ и организаторомъ работъ...

Нужно однако сказать, что обще-колоніальныя предпріятія не получили достаточно широкаго распространенія даже на первыхъ порахъ; а потомъ они и совсѣмъ почти исчезли. Даже нижнеилимскія довольно скоро начали хирѣть и прекратились. Въ первое время было трудно приспособиться къ мѣстнымъ условіямъ. Иногда не было нужныхъ, знающихъ и энергичныхъ людей и т. д. А потомъ начался разладъ въ колоніяхъ и распадъ. Не даромъ нота сомнѣнія звучала и въ только что приведенномъ письмѣ: спустя 3 мѣсяца Л. былъ исключенъ изъ состава колоніи. Къ этому инциденту мы еще вернемся... Но еще раньше его предложеніе слиться всей колоніи въ одну трудовую организацію, общими усиліями зарабатывающую средства для существованія и имѣющую общую кассу, въ которую стекались бы всѣ деньги, какъ заработанныя, такъ и присланныя изъ Россіи,—было встрѣчено со стороны большинства насмѣшками. Это не смутило однако г. Л.,—человѣка, видимо, энергичнаго и предпріимчиваго. На указанныхъ началахъ была организована трудовая группа изъ желающихъ, и въ нее вошло 15 человѣкъ. Къ трудовой группѣ перешелъ лѣсной подрядъ, взятый г. Л., а также столярная и слесарная мастерскія. Это была, пожалуй, наиболѣе смѣлая попытка организовать соціалистическую общину, но вмѣстѣ съ тѣмъ—совершенно неудачная. Группа просуществовала 4 мѣсяца и затѣмъ признала за лучшее разойтись въ виду «все усиливающихся недоразумѣній на почвѣ личныхъ интересовъ, а также вслѣдствіе различныхъ характеровъ и взглядовъ». Къ тому же и лѣсной подрядъ оказался для группы непосильнымъ. Производившіяся въ лѣсу работы были брошены неконченными. За четыре мѣсяца группою было израсходовано 1934 р. 54 к., въ томъ числѣ: «выдано эконому», т. е. содержаніе членовъ, 704 р. 06 к., квартира 70 р. 80 к. и карманныя—12 р. 28 к. При ликвидаціи имущество группы было оцѣнено въ 755 р. 62 к., долгъ же ея былъ равенъ 1.722 р. 67 к. (въ томъ числѣ частнымъ лицамъ 861 р. 33 к.), и дефицитъ опредѣлился въ 967 р. 05 к. Долгъ былъ разложенъ на всѣхъ членовъ, но отвѣтственнымъ за него былъ г. Л., почему ему и было пере-

дано все имущество для ликвидаціи. «За время совмѣстной жизни и дѣятельности въ колоніи, а потомъ въ группѣ—читаемъ мы въ постъ-скриптумѣ къ отчету—сплотилось 6 человѣкъ».

Они рѣшили, разойдясь теперь въ разныя мѣста, понабраться опыта и знаній, и затѣмъ, когда будетъ выяснено, что сами мы готовы для совмѣстной жизни и дѣятельности, что у насъ достаточно средствъ для устройства хозяйства, когда найдемъ, что у насъ достаточно опыта и знаній и, наконецъ, когда найдемъ наиболѣе подходящее мѣсто для дѣятельности, тогда снова начнемъ совмѣстную жизнь на началахъ, близко подходящихъ къ тѣмъ, на которыхъ строилась трудовая группа.

Осуществилось ли это намѣреніе,—мы не знаемъ *). Во всякомъ случаѣ, неудача обще-колоніальныхъ предпріятій и такихъ организацій, какъ Мартыновская трудовая группа, не повели къ полному отказу отъ коллективнаго начала въ экономической сферѣ. Въ ссылкѣ имѣется не мало всякаго рода предпріятій, главнымъ образомъ—ремесленныхъ, которыя ведутся поселенцами на товарищескихъ началахъ. Стремленіе къ устройству общихъ производительныхъ мастерскихъ до сихъ поръ наблюдается среди поселенцевъ, и нѣкоторые изъ нихъ считаютъ эту форму не только необходимой для добыванія матеріальныхъ средствъ, но и наиболѣе цѣлесообразной въ цѣляхъ взаимопомощи и объединенія политическихъ ссыльныхъ.

Примѣняется артельное начало и въ тѣхъ случаяхъ, когда ссыльнымъ приходится предлагать свои услуги въ качествѣ наемныхъ рабочихъ. Интересныя свѣдѣнія объ одной изъ такихъ артелей сообщаетъ г. Ѳ. въ своемъ очеркѣ Киренской городской колоніи.

Съ весны 1911 г.—пишетъ онъ—съорганизовалась артель чернорабочихъ человѣкъ въ десять, съ выборнымъ старостой во главѣ и съ общей столовой... Артель скоро выросла до 25 человѣкъ, росла бы и еще больше, но сама артель ограничила число своихъ членовъ по неудобству общаго стола для большаго количества... Работу она брала всякую: нагрузка на баржи и разгрузка товаровъ въ магазины; работа на пароходахъ; пилка дровъ; уборка на пристаняхъ; нагрузка сѣна, сплавъ и т. д. Отпускала артель отдѣльныхъ членовъ для работы на сторону. Заработную плату за всѣхъ получалъ староста. Общая сумма дѣлилась поровну между всѣми по количеству проведенныхъ каждымъ на работѣ дней. Членъ артели, не вышедшій въ какой либо день на работу, по уставу, не только не получалъ заработной платы, но и не могъ пользоваться столомъ, за исключеніемъ больныхъ, которые питались на артельный счетъ въ теченіи 10 дней. Различія въ трудности работъ и въ заработкѣ отдѣльныхъ частей артели (если онѣ выполняли разныя работы) не принимались во вниманіе: всѣ деньги соединялись вмѣстѣ и дѣлились поровну между всѣми работавшими... Заработки временами были хороши, до 4 руб. на каждаго, но бывали недѣли, когда совсѣмъ не было работы. Въ среднемъ члены

*) Намъ сообщенъ адресъ, по которому можно узнать «о дальнѣйшей судьбѣ предпріятія и товарищей», но, къ сожалѣнію мы не могли этого сдѣлать.

зарабатывали рублей по 25—30 въ мѣсяцъ. При общей столовкѣ, удешевлявшей питаніе, оставались деньги и для другихъ нуждъ.

Дѣла въ общемъ шли настолько успѣшно, что у артели явилось даже стремленіе монополизировать всѣ черныя работы около Киренска. Довольно скоро однако обнаружилась и слабая сторона артели. Такъ какъ въ нее входили люди неодинаковой силы и выносливости, то намѣтились двѣ группы: сильные и слабые. Первые съ сознаніемъ своего превосходства и покровительственно смотрѣли на послѣднихъ. Тѣмъ это не нравилось, и они предложили, чтобы сильные получали на 10% больше. Соотвѣтствующій пунктъ былъ введенъ въ уставъ, но провести его въ жизнь было трудно: слишкомъ уже щекотливъ былъ вопросъ, когда дѣло подходило къ дѣлежу денегъ.

Между тѣмъ не замедлили напомнить о себѣ и внѣшнія условія... Квартира и столовая артели сдѣлались своего рода штабомъ, или клубомъ всей Киренской организаціи. Сюда являлись вновь прибывшіе и находили себѣ здѣсь пріютъ и пропитаніе; здѣсь же начали устраиваться собранія. Полиція терпѣла артель не болѣе мѣсяца: рядомъ арестовъ и высылокъ ея членовъ она заставила закрыть столовую и сдать квартиру. Артель потеряла послѣ этого свою организованность и сплоченность. Когда г. Ѳ. писалъ свой очеркъ (въ іюлѣ 1911 г.), она еще существовала, но въ «распыленномъ» уже состояніи.

Болѣе прочными и съ внѣшней, и съ внутренней стороны являются, повидимому, мелкія артели и товарищества, которыя, какъ я уже сказалъ, не переводятся въ ссылкѣ. Помимо большей устойчивости, какую они даютъ отдѣльнымъ лицамъ въ борьбѣ съ неблагопріятными экономическими условіями, они имѣютъ и другое немаловажное значеніе: соединяясь съ опытными и знающими товарищами, новички постепенно научаются мастерству, которое такъ необходимо въ ссылкѣ. Но въ общемъ ихъ роль все-таки очень не велика и во всякомъ случаѣ не такова, какую мечтали придать общественнымъ предпріятіямъ и производительнымъ ассоціаціямъ піонеры Киренской ссылки.

Послѣдними, какъ мы уже знаемъ, была создана и еще сѣть экономическихъ учрежденій: не дойдя еще до мѣста, ссыльные первой партіи учредили кассы взаимопомощи. Эта форма товарищеской поддержки, естественно, первой пришла имъ въ голову: она представлялась самой простой и при всякихъ условіяхъ осуществимой. Въ частности, ея устойчивости и развитію не могли помѣшать ни «индивидуальныя и интимныя потребности», ни «различія во взглядахъ и характерахъ».

Но, какъ я уже упомянулъ, поступленія въ колоніальныя кассы, учрежденныя въ Александровской тюрьмѣ, за все время ихъ существованія были очень незначительны. Дальше и правильнѣе всѣхъ изъ этихъ кассъ функціонировала, повидимому, Нижне-

Илимская. У насъ имѣются ея отчеты за 11 мѣсяцевъ (май 1908 г.—мартъ 1909 г.); за это время въ нее поступило: обязательныхъ процентныхъ отчисленій (сначала 5%, а съ декабря 10%) отъ членовъ 91 р. 69 к. и пожертвованій (главнымъ образомъ отъ мѣстныхъ жителей)—34 р. 41 к. И это при численности колоніи около 30 человѣкъ. Поступленія въ другія кассы были еще болѣе скудны и еще менѣе регулярны. Но и при ничтожныхъ своихъ средствахъ кассы эти успѣли кое-что сдѣлать, смягчая наиболѣе острые случаи нужды и выдавая даже производительныя ссуды.

Слабое поступленіе денегъ въ кассы въ первое время ссыльной жизни, въ сущности, вполнѣ понятно: заработки были особенно скудны, нужда была особенно велика, и почти каждый невольно оттягивалъ свои взносы. Та же причина дѣйствовала, конечно, и въ дальнѣйшемъ. Вслѣдствіе ея же, кассы не могли собрать, хотя бы и по маленьку, сколько нибудь значительныя суммы; онѣ быстро пустѣли, выданныя же ссуды возвращались крайне неаккуратно, а то и вовсе не возвращались. У нѣкоторыхъ ссыльныхъ стало даже складываться убѣжденіе, что «при настоящихъ условіяхъ, когда едва ли не большинство товарищей лишены возможности имѣть работу, взаимопомощь не осуществима: заработокъ на мѣстахъ голодный и случайный; меньшинство, имѣющее работу, не можетъ поддержать безработное большинство» *)... Если не ошибаюсь, то къ концу года всѣ основанныя въ Александровской тюрьмѣ кассы уже прекратили свое существованіе. Еще большую роль, чѣмъ экономическія затрудненія, съигралъ въ этомъ случаѣ начавшійся распадъ колоній.

Мысль однако невольно возвращалась къ кассамъ, какъ къ наиболѣе простой и пріемлемой для всѣхъ формѣ организованной взаимопомощи. Одно время зародился даже планъ устроить общегубернскую кассу, и по этому поводу велась переписка между ссыльными разныхъ уѣздовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кассы вновь возникали и вновь закрывались, — и это происходило неоднократно. Можно сказать, что при первомъ проблескѣ общественности, какой появлялся въ томъ или иномъ пунктѣ, неизмѣнно почти всякій разъ поднимался этотъ вопросъ. Кое-гдѣ кассы и теперь существуютъ, но именно лишь кое-гдѣ, при чемъ онѣ имѣютъ, повидимому, характеръ не общессыльныхъ, а товарищескихъ учрежденій. Напримѣръ, въ Карапчанской волости, въ февралѣ нынѣшняго года, было 38 ссыльныхъ, но въ кассѣ взаимопомощи числилось лишь 18 членовъ и 8 членовъ въ ея филіальномъ отдѣленіи. Очевидно, что это не общеколоніальное, а групповое учрежденіе.

Читатели, конечно, уже замѣтили, что въ этомъ направленіи происходило развитіе и другихъ экономическихъ организацій,—

---

*) «Листокъ ссыльныхъ», № 9.

правильнѣе, однако, сказать не развитіе, а ихъ упадокъ, деградація. Первые поселенцы стремились охватить экономическими организаціями, по возможности, всю ссылку и придать имъ общественный, даже соціалистическій характеръ. Можно сказать, что созданныя ими формы сохранились въ уѣздѣ, но сохранились лишь въ видѣ мелкихъ и разбросанныхъ осколковъ. Экономическія организаціи имѣются далеко не вездѣ, охватываютъ далеко не всѣхъ ссыльныхъ данной мѣстности и носятъ не общессыльный а частно-товарищескій, мелко-групповой характеръ.

Эта деградація и распаденіе ссыльныхъ экономическихъ организацій происходили въ тѣсной связи съ другимъ болѣе общимъ явленіемъ, которое чаще всего называютъ «разбродомъ», а иногда и «распыленіемъ» ссылки.

А. В. П.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Хроника внутренней жизни.

1. Повседневное. Новый проектъ закона о печати. Предварительная цензура и «предварительный просмотръ». Предположенія о судебной реформѣ по дѣламъ печати.—2. За предѣлами дѣйствительности. Противорѣчія въ политикѣ репрессій, направленныхъ противъ печати.—3. Проектъ разсѣченія и обкарнанія отечества. Новѣйшій типъ «автономій».

18 іюля 1912 года:

Редакторы «Рѣчи» и «Современнаго Слова» за напечатаніе благодарственнаго адреса ленскихъ рабочихъ адвокатамъ оштрафованы въ административномъ порядкѣ на 500 р. каждый, съ замѣною, въ случаѣ неуплаты штрафа, арестомъ на 3 мѣсяца.

Московскій комитетъ по дѣламъ печати наложилъ арестъ на брошюру: «С. Закъ. Крестьянство и соціализація земли.. Москва 1906 г. Ц. 15 коп.». Въ содержаніи брошюры усмотрѣны признаки преступленія, предусмотрѣннаго 2 п. 129 ст. угол. уложен.

19 іюля:

Редакторъ «Русскаго Знамени» оштрафованъ на 500 р.

Редакторъ газеты «Правда» оштрафованъ на 500 р.

Наложенъ арестъ на № 162 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей».

За хроникерскія замѣтки о начальникѣ почтово-телеграфнаго округа подвергнутъ въ административномъ порядкѣ аресту на мѣсяцъ, безъ замѣны денежнымъ штрафомъ, редакторъ «Нижегородскаго Листка» Дробышевскій.

20 іюля:

Петербургскій градоначальникъ постановилъ арестовать редактора газеты «Правда» Сабурова за помѣщеніе статьи «Засилье» на 3 мѣсяца.

Выходъ «Нижегородскаго Листка» прекратился впредь до совершенія необходимыхъ формальностей относительно утвержденія новаго редактора (на мѣсто арестованнаго г. Дробышевскаго).

Въ теченіе этихъ трехъ дней произведено и еще нѣсколько конфискацій, состоялось нѣсколько судебныхъ приговоровъ по ранѣе возбужденнымъ литературнымъ дѣламъ, сдѣлано нѣсколько общихъ распоряженій,—между прочимъ, оглашенъ характерный циркуляръ губернатора Муратова... Разумѣется, эти три числа: 18, 19, 20 іюля, ничѣмъ особенно не выдаются среди другихъ чиселъ. Я ихъ беру на справку просто потому, что надо же взять какія-либо числа для иллюстраціи повседневныхъ мѣръ поощренія и содѣйствія отечественной литературѣ. Въ краткія минуты затишья мѣры становятся менѣе энергичными. Въ случаѣ малѣйшаго намека на общественное безпокойство или по причинѣ сколько-нибудь нервнаго воодушевленія самихъ начальствующихъ лицъ—вотъ какъ теперь по поводу выборовъ—печать подвергается усиленному покровительству, мѣры содѣйствія сыплются на нее градомъ, принимаютъ характеръ пальбы изъ пулеметовъ. Это—повседневное. Это всѣ знаютъ. Къ этому привыкли. И это отнюдь не мѣшаетъ охочимъ людямъ утверждать, что у насъ есть не только «свобода», но и «разнузданность печати». Неизмѣнно повышаются требованія «обуздать», усилить строгости, придать репрессіямъ еще болѣе ожесточенный характеръ. И точно также неизмѣнно ведутся разговоры о необходимости замѣнить нынѣ дѣйствующія «революціонныя» временныя правила о печати постояннымъ и «твердымъ» закономъ. Уже неоднократно разныя лица брались за составленіе проектовъ требуемаго закона. Такого рода труды обречены на неудачу уже потому, что претензіи обуздывать неуклонно повышаются. Что еще вчера казалось достаточно строгимъ, то нынче представляется слишкомъ мягкимъ, а завтра—и прямымъ попустительствомъ; суровое на сегодняшнюю оцѣнку черезъ нѣсколько недѣль разсматривается, какъ вредная снисходительность... Новаго закона о печати не выходитъ. Но труды по его составленію не остаются вовсе безплодными. Попутно при выработкѣ проектовъ и плановъ являются разныя болѣе или менѣе удачныя мысли. Проекты глохнутъ. Но отдѣльныя удачныя мысли развиваются, совершенствуются, и мало-по-малу претворяются въ мѣропріятія. Одна изъ нихъ какъ разъ въ минувшемъ іюлѣ достигла полной зрѣлости и получила окончательное завершеніе: въ циркулярномъ порядкѣ разрѣшенъ вопросъ о мѣрахъ пресѣченія извѣстной тактики лѣвыхъ партій, стремящихся использовать трибуну Государственной Думы, какъ мѣсто, откуда можно «говорить для страны». Посредствомъ циркуляра главнаго управленія по дѣламъ печати «разъяснено», что законъ о неприкосновенности думскихъ рѣчей и заявленій дѣйствителенъ лишь въ томъ случаѣ, если печатается полный стенографическій

отчеть засѣданій Думы. Въ случаѣ же малѣйшаго «количественнаго или качественнаго» отступленія отъ стенограммы, думскіе отчеты, не говоря уже объ отдѣльныхъ извлеченіяхъ и цитатахъ, прикосновенны наравнѣ со всѣми другими произведеніями печати: за нихъ можно судить и карать издателей и редакторовъ на общихъ основаніяхъ. Такъ какъ полныя стенограммы пресса лишена физической возможности печатать, а обыкновенные читатели—прочесть, то задача рѣшена, безъ сомнѣнія, удовлетворительно: отнынѣ «лѣвые» поговорятъ для страны не больше, чѣмъ дозволитъ цензура «С.-Петербургскаго Телеграфнаго Агенства», разсылающаго краткія официальныя извлеченія изъ стенограммъ...

Теперь еще разъ подлежащія лица и учрежденія трудятся надъ составленіемъ закона о печати. По свѣдѣніямъ, «Голоса Москвы» разработка проекта поручена гр. С. С. Татищеву *),—новому «начальнику печати». Удастся ли создать законъ,—неизвѣстно, даже сомнительно. Но при обсужденіи проекта возникаетъ очень много чрезвычайно удачныхъ мыслей. Сведенныя во едино «Московскими Вѣдомостями», онѣ производятъ впечатлѣніе. У нихъ, вѣроятно, есть будущее. И, на мой взглядъ, ихъ не лишне оцѣнить и взвѣсить.

«Московскія Вѣдомости»—органъ, кстати сказать, имѣющій не малыя связи съ цензурнымъ вѣдомствомъ—отвергаютъ предложеніе «возстановить предварительную цензуру». «Возстановить» трудно даже по техническимъ условіямъ:

Для того, чтобы предварительная цензура достигла своей цѣли, необходимъ большой штатъ чиновниковъ со спеціальной подготовкой, и врядъ ли эта цензура осуществима теперь въ Россіи и при томъ количествѣ непо временныхъ и повременныхъ изданій, которыя въ настоящее время выходятъ.

Да и по существу, какъ сейчасъ увидимъ, возстановленіе нежелательно. Болѣе цѣлесообразной и полезной

мѣрой для пресѣченія распространенія преступныхъ газетъ и журналовъ могло бы явиться представленіе ихъ въ учрежденіе по дѣламъ печати не одновременно съ выпускомъ ихъ въ свѣтъ, а за извѣстный срокъ до выпуска въ свѣтъ, какъ это установлено, напр., въ Австріи.

Ссылка на Австрію—поэтическая вольность. Но кое-гдѣ, дѣйствительно, «установлено» такъ, какъ проектируютъ «Московскія Вѣдомости». Въ «Голосѣ Москвы», напримѣръ, читаемъ:

Въ Челябинскѣ существуетъ мѣстное потребительское общество, имѣющее собственный органъ: „Извѣстія Челябинскаго общества потребителей". Въ этомъ журналѣ помѣщаются статьи и замѣтки исключительно кооперативнаго характера. Никакой политики не допускается". И тѣмъ не менѣе, «когда „Извѣстія" бываютъ изготовлены, отпечатаны и сброшюрованы,

*) „Голосъ Москвы" 20 іюля.

владѣлецъ типографіи долженъ немедленно отправить инспектору печати 18 экземпляровъ журнала и ждать, когда придетъ отъ цензора разрѣшеніе выпустить номера изъ типографіи „на предметъ сдачи заказчику", издателю-редактору. Были случаи, когда цензоръ задерживалъ выпускъ просто изъ-за служебныхъ вакацій *).

«Установлено» это и въ Казани,—и установлено «очень просто»:

губернаторъ на основаніи усиленной охраны предписалъ типографіямъ ничего не печатать безъ надлежащаго разрѣшенія. Типографіи изъ боязни закрытія стали посылать въ цензуру и нумера газетъ **).

Въ однихъ мѣстахъ это «установлено» въ видѣ общей, постоянно дѣйствующей мѣры пресѣченія. Въ другихъ устанавливается экстренно по отношенію только къ отдѣльнымъ изданіямъ, въ видѣ изъятія изъ общаго правила. Такъ, въ одной корреспонденціи изъ Хабаровска читаемъ:

Начиная съ 12 іюня, печатаніе и выходъ газеты „Амурскій Піонеръ" происходили подъ наблюденіемъ чиновника особыхъ порученій, котораго каждый разъ командировалъ для этой цѣли въ типографію вице-губернаторъ Чаплинскій. Чиновникъ бралъ первый экземпляръ газеты прямо со станка ***).

Мнѣ уже приходилось отмѣчать аналогичное мѣропріятіе въ Петербургѣ: «Земщина» потребовала установить насильственно предварительный просмотръ нѣкоторыхъ — соціалъ-демократическихъ—газетъ, что и было выполнено: а юридическія основанія этой мѣры стали называться «закономъ Земщины»..

Словомъ, «предварительный просмотръ» существуетъ. Его отличіе отъ предварительной цензуры настолько извѣстно, что о немъ достаточно лишь напомнить вкратцѣ. Фактически отличія можетъ и не быть. Въ Казани, напр., система предварительнаго просмотра въ просторѣчіи такъ и называется «предварительной цензурой»: газету въ гранкахъ представляютъ цензору, цензоръ «зачеркиваетъ», «исключаетъ»; сообразно его указаніямъ, газета верстается и выпускается въ свѣтъ ****). Но юридически между предварительной цензурой и предварительнымъ просмотромъ огромное различіе. Въ первомъ случаѣ представитель государственной власти пишетъ на представленномъ ему въ проектномъ видѣ изданіи: «дозволено цензурой». И если потомъ въ дозволенномъ государственной властью текстѣ будутъ усмотрѣны кѣмъ-либо признаки государственнаго же преступленія, то, очевидно, ни авторъ, ни издатель, ни редакторъ не могутъ подлежать отвѣтственности, по крайней мѣрѣ, по суду. Иное дѣло «предварительный просмотръ»:

*) «Голосъ Москвы», 15 іюня.
**) «Русскія Вѣдомости», 22 іюня.
***) «Рѣчь», 10 іюля.
****) „Русскія Вѣдомости", 22 іюня.

тутъ представители государственной власти не «дозволяютъ», не «разрѣшаютъ», а лишь наблюдаютъ и пресѣкаютъ. И если потомъ, несмотря на пресѣченія, въ текстѣ кѣмъ-либо будутъ обнаружены «признаки», то редакторъ, издатель или авторъ и т. д. разсматриваются какъ лица, совершившія преступленіе, несмотря на установленный за ними надзоръ, и несомнѣнно подлежащія судебной отвѣтственности.

И замѣтьте,—такъ понимаетъ «просмотръ» не только административная практика. Выше я упомянулъ о брошюрѣ г. Зака: издана въ 1906 г., конфискація и привлеченіе по 2 п. 129 ст. угол. улож. состоялись въ іюлѣ 1912 г. Мнѣ неизвѣстно, какъ издана эта брошюра. Но, полагаю, достаточно извѣстенъ цѣлый рядъ аналогичныхъ дѣлъ. Книга или брошюра своевременно, а если въ ней меньше 5 листовъ, то и предварительно, представляется спеціальнымъ органамъ государственнаго надзора за печатью. Послѣдніе ничего преступнаго въ ней не находятъ. «Сочиненіе» поступаетъ въ продажу. Иногда,—какъ это случилось, напримѣръ, съ книгою Вл. В. Бернштама: „За право"—выдерживаетъ 2—3 изданія, подвергаясь повторному просмотру органовъ надзора. Такъ проходитъ 3—4 года, или даже 5—6 лѣтъ,—и вдругъ пожалуйте подъ судъ, усмотрѣны такіе-то признаки, предусмотрѣнные такими-то статьями... При этомъ, конечно, «запрашивается» цензурное вѣдомство; разъ оно «пропустило» книгу, то ему, обыкновенно, приходится отстаивать правильность своихъ мнѣній, утверждать, что въ книгѣ нѣтъ преступленія. Это, однако, не мѣшаетъ «привлекать» автора или издателя, судить и даже выносить обвинительные приговоры (напомню хотя бы дѣло о брошюрѣ А. В. Пѣшехонова: «Старый и новый порядокъ владѣнія надѣльной землею»).

Прецеденты установлены... И то, что уже существуетъ, какъ фактъ, а главное, какъ тенденція, нынѣ рекомендуется лишь возвести въ систему, объявить законнымъ, равно для всѣхъ обязательнымъ порядкомъ вещей. Предлагаемый порядокъ возстановитъ всѣ выгодныя стороны предварительной цензуры и устранитъ всѣ стороны невыгодныя (юридическую недопустимость судебныхъ каръ). Въ частности, онъ, навѣрное способенъ возстановить и еще одно важное условіе, которое существовало, пока было дѣленіе печати на «подцензурную» и «безцензурную». Если имѣть въ виду періодическія изданія, то право выходить безъ предварительной цензуры предоставлялось обыкновенно только органамъ испытанной, такъ сказать, заслуженной «благонадежности». И это ставило ихъ «внѣ конкуренціи», создавало для нихъ непреодолимое техническое превосходство. Съ отмѣною предварительной цензуры техническія условія для «благонадежныхъ» и «неблагонадежныхъ» изданій стали одинаковыми. И «благонадежная» печать постоянно и основательно жалуется на невозможность выдержать конкуренцію. Нельзя сказать, что начальство оставляетъ эти жалобы безъ вниманія:

помимо освященныхъ давностію «казенныхъ объявленій» и субсидій, есть «темныя деньги», возрождены каталоги изданій «рекомендованныхъ» и «допущенныхъ» и т. д. Откровенны были мѣры въ этомъ направленіи и прежде. Теперь время чрезвычайно откровенныхъ выступленій. И администраторы не такъ ужъ рѣдко возвышаются до той классической простоты нравовъ, съ какою курскій губернаторъ г. Муратовъ предписалъ земскимъ начальникамъ принять мѣры, чтобы одни періодическія изданія доставлялись волостными правленіями по адресу, другія, столь же легальныя, непремѣнно конфисковывались и уничтожались. Гдѣ нельзя одержать побѣду даже классической простотой нравовъ, тамъ много помогаетъ изобрѣтательность, или, напримѣръ, такія на рѣдкость счастливыя совпаденія:

Пермь. 1 іюня. Вице-губернаторъ Европеусъ наложилъ на номеръ «Пермскаго Края» штрафъ въ размѣрѣ 300 рублей за напечатаніе объявленія о коньякѣ... и перепечатку изъ «Колокола», издаваемаго синодальнымъ миссіонеромъ Скворцовымъ, полемики между епископомъ Никономъ и Алексѣевымъ. Редакторъ газеты Якимовъ арестованъ безъ предъявленія постановленія о штрафѣ или арестѣ и безъ запроса, можетъ ли онъ уплатить этотъ штрафъ. Слѣдующій уже составленный редакторомъ номеръ газеты полиціей задержанъ выпускомъ. Изданіе пріостановлено до утвержденія новаго редактора. Мѣры эти *совпали съ выходомъ сегодня націоналистической газеты, въ числѣ пайщиковъ которой находятся чины губернскаго правленія.* *)

И несмотря на все это, до случайныхъ совпаденій включительно, «охранительная» пресса не выдерживаетъ конкуренціи. Тѣмъ большаго вниманія заслуживаетъ мысль о повсемѣстномъ, равно для всѣхъ обязательномъ предварительномъ просмотрѣ: ибо при немъ легко устроить такъ, что печать охранительная, а, слѣдовательно, и заслуживающая довѣрія будетъ своевременно съ ближайшею почтою доходить до читателя, печать прогрессивная, а, стало быть, и недостойная довѣрія, станетъ систематически запаздывать. Получится то же, что было прежде при дѣленія изданій на «безцензурныя» и «подцензурныя». Пожалуй, будетъ даже лучше прежняго. «Безцензурность» была все-таки *правомъ*, присвоеннымъ изданію. Это право переходило по наслѣдству, подлежало куплѣ-продажѣ. И вотъ, напримѣръ, пока «Сынъ Отечества» принадлежалъ одному собственнику, безцензурность не вредила; изданіе перешло въ собственность С. П. Юрицына,—и получилось «Богъ знаетъ что». При томъ порядкѣ, который нынѣ предлагается, никакихъ правъ не будетъ. Возможны лишь нѣкоторыя льготы, оказываемыя частнымъ образомъ опредѣленному лицу, пока оно заслуживаетъ довѣрія. Нѣтъ довѣрія—нѣтъ и льготъ...

Словомъ, предварительный просмотръ обѣщаетъ огромныя блага. Именно поэтому надо полагать, что мысль о немъ не останется безплодной. Къ ея осуществленію стремятся теперь; частичное

*) „Русское Слово“, 2 іюня; курсивъ мой.—*А. П.*

осуществленіе уже достигнуто. По мѣрѣ выясненія тѣхъ благъ, которыя она сулитъ, къ ней будутъ стремиться настойчивѣе, упорнѣе... «Толцыте и отверзется». Навѣрное, отверзется. Въ сущности добиться цѣли, выраженной въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», мѣшаютъ лишь чисто формальныя препятствія: какъ отмѣнить нынѣшній «плохой» законъ и какъ ввести предлагаемый «хорошій». Но это—вопросъ, пожалуй, даже не законодательной, а разъяснительной техники. Она поставлена высоко. И «предварительный просмотръ» можно считать, если не вполнѣ обезпеченнымъ, то весьма вѣроятнымъ будущимъ.

Столь же плодотворны и другія мысли, развиваемыя въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Газета предлагаетъ гр. Татищеву въ новомъ законѣ реформировать судебную отвѣтственность по дѣламъ печати. Какъ извѣстно, характеръ нынѣшнихъ литературныхъ процессовъ во многомъ зависитъ отъ основного факта: изданія, выходящія въ свѣтъ согласно временнымъ правиламъ, основаннымъ на манифестѣ 17 октября 1905 г., подчинены карательнымъ нормамъ Уголовнаго Уложенія, которое утверждено 16 апрѣля 1903 года, когда законодатель не предполагалъ и не могъ предполагать ни манифеста 17 октября, ни вытекающихъ изъ него новеллъ. Другими словами, дѣйствующая относительно печати часть Уголовнаго Уложенія обращена не на тѣ юридическія явленія, для которыхъ она могла быть предназначена. У насъ много говорили и говорятъ, напримѣръ, о каучуковыхъ свойствахъ знаменитой 129 статьи, о томъ, что подъ нее при желаніи все можно подвести,—даже церковныя пѣснопѣнія, даже священное писаніе, и т. д. Не надо, однако, забывать, что это свойство не природное, а благопріобрѣтенное. 129 статья предназначалась отнюдь не для пѣснопѣній и писанія. Она предусматриваетъ призывъ и возбужденіе (между прочимъ, путемъ печати) къ бунту, измѣнѣ, ниспроверженію существующаго строя и пр. И когда законодатель писалъ и утверждалъ эту статью, печатныя произведенія предусматриваемаго имъ свойства не могли появиться въ свѣтъ легально. Рѣчь могла идти лишь о нелегальныхъ подпольныхъ изданіяхъ. Для нихъ и предназначалась 129 статья. А такъ какъ подпольныя изданія—предметъ самъ по себѣ довольно опредѣленный, то относящуюся къ нимъ карательную норму можно было выразить такъ обще, неопредѣленно, какъ она и редактирована. Но, разумѣется, положеніе существенно измѣнилось, когда «кабинетъ» гр. Витте обрушилъ эту неопредѣленно редактированную норму на легальную печать. Произошелъ подмѣнъ юридическихъ понятій. И онъ прежде всего знаменуетъ ту ошибку, въ которую со временъ гр. Витте-Трепова и гр. Витте-Дурново впадаютъ многіе офиціальные документы. Недавно её повторилъ курскій губернаторъ, г. Муратовъ. Перечисливъ цѣлый рядъ совершенно легальныхъ изданій, онъ смѣло утверждаетъ въ циркулярѣ земскимъ начальникамъ, что всѣ они, въ сущности, «старая прокламація, со всѣми характерными

ея признаками, но съ новыми доказательствами»...*) Нынѣшняя легальная литература — все равно, что прежняя подпольная... Такое убѣжденіе сложилось у начальствующихъ лицъ въ «дни свободы». Такимъ оно остается и понынѣ.

Легальное равно нелегальному... Пока это уравненіе имѣетъ общій, такъ сказать, алгебраическій видъ, его несообразность можетъ ускользать отъ человѣка, недостаточно освѣдомленнаго относительно свойствъ и задачъ легальной печати. Но, когда общую алгебраическую формулу надо примѣнить къ конкретнымъ явленіямъ, одной неосвѣдомленности мало. Вотъ, напр., тѣ газеты, которыя г. Муратовъ отождествляетъ съ подпольными прокламаціями: «Утро Россіи», «Русское Слово», «Раннее Утро», «Русскія Вѣдомости», «Копѣйки» (московская и петербургская), «Рѣчь», «Современное Слово», «Всеобщая Маленькая Газета», «Вѣстникъ Знанія», «Утро» «Южный Край», «Сатириконъ» **). До сихъ поръ ни одно изъ названныхъ изданій не сдѣлало попытки привлечь г. Муратова къ отвѣтственности. А самъ онъ, къ сожалѣнію, не считаетъ нужнымъ подтвердить доказательствами свое утвержденіе, что, напримѣръ, «Биржевыя Вѣдомости» или «Вѣстникъ Знанія» не отличаются отъ «старыхъ прокламацій». Впрочемъ, курскій губернаторъ въ этомъ случаѣ не оригиналенъ. Наши администраторы нерѣдко освобождаютъ себя отъ обязанности представить доказательства. И пути ихъ мышленія для насъ во многихъ отношеніяхъ—секретъ. Но прокуроры и суды все таки не могутъ освободиться отъ необходимости доказывать на конкретныхъ примѣрахъ, что легальное равно нелегальному. И хорошо извѣстно, какимъ путемъ это достигается. Изъ текста порою большой книги вырываются отдѣльныя слова и выраженія, не считаясь съ тѣмъ, когда и при какихъ условіяхъ книга издана, и какой смыслъ имѣли тѣ или иныя фразы въ моментъ изданія: изъ взятыхъ цитатъ составляютъ сплошной текстъ, и получается нѣкоторое подобіе подпольной прокламаціи. Съ неменьшимъ правомъ можно продѣлать, напр., слѣдующую логическую операцію. Возьмите жизнь любого честнѣйшаго человѣка. Въ раннемъ дѣтствѣ у него, вѣроятно, было что-либо въ родѣ «самовольно взялъ яблоко въ саду у сосѣда». Въ школьномъ возрастѣ, навѣрное, обманывалъ учителей. Въ зрѣлыхъ годахъ иногда по разсѣянности опускалъ въ свой карманъ чужія спички и т. д. Вырвавъ изъ цѣлой жизни подобные эпизоды и не обращая вниманія на тѣ обстоятельства, при которыхъ они произошли, вы легко можете «доказать», что самый честный человѣкъ есть воръ и мошенникъ. Пока рѣчь идетъ о воровствѣ и мошенничествѣ, юридическихъ понятіяхъ, точно опредѣленныхъ закономъ, такого сорта «доказательства» не имѣютъ уголовнаго значенія. Но если дѣло касается печати, то у насъ, слава Богу, есть 129 статья. Ея неопредѣленная, каучуковая редак-

*) Цит. по „Утру", 19 іюля.

**) Тамъ же.

ція наиболѣе приспособлена къ тому, чтобы не замѣчать «нажимовъ» на логику. А разъ путемъ выдергиванія отдѣльныхъ фразъ можно устанавливать составъ преступленія по 129 статьѣ, то почему нельзя примѣннть этотъ способъ и ко всякой другой статьѣ, предусматривающей преступленія въ печати?

Легальное равно нелегальному... Чтобы сохранять такое «убѣжденіе», нужно и еще кое-что, помимо прямой неосвѣдомленности и нажимовъ на логику. Человѣкъ опустилъ въ свой карманъ чужую коробку спичекъ... Объявить его за это воромъ и привлечь къ судебной отвѣтственности нельзя не только потому, что понятіе воровства точно опредѣлено закономъ. Современное намъ уголовное право не довольствуется констатированіемъ факта: «взялъ чужое», оно требуетъ еще доказать завѣдомость: «съ цѣлью украсть». И въ этомъ пунктѣ, казалось бы, попытка замѣнить понятіе «нелегальный» понятіемъ «легальный» должна потерпѣть крушеніе. NN, стараясь ускользнуть отъ органовъ правительственнаго надзора, нелегально издаетъ или распространяетъ подпольную прокламацію. Самый фактъ обращенія къ подпольнымъ средствамъ даетъ достаточное основаніе предполагать, что NN имѣетъ намѣреніе «призвать» или «возбудить» «къ ниспроверженію», «бунту» и т. д. Но вотъ легальный человѣкъ Иванъ Ивановъ легально издаетъ книгу. Пусть прокуроры усмотрѣли въ ней нѣкоторыя выраженія и мысли, по ихъ мнѣнію, преступныя. Но какъ доказать, что Иванъ Ивановъ имѣлъ бунтовщическія намѣренія, разъ этому противорѣчитъ самый фактъ легальности, своевременнаго представленія книги органамъ правительственнаго надзора? Отвѣтъ можно найти въ цѣломъ рядѣ офиціальныхъ документовъ. Беру для примѣра все тотъ же злободневный циркуляръ курскаго губернатора. Приказывая истреблять названныя «лѣвыя газеты», г. Муратовъ пишетъ:

> Такое распоряженіе мое представляется совершенно закономѣрнымъ: если лѣвый газетчикъ и издатель хочетъ вести среди населенія пропаганду и дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ *по своему усмотрѣнію*, то я, какъ представитель высшей власти въ губерніи, такой пропаганды не хочу и въ отвѣтъ на усмотрѣніе газетчиковъ выдвигаю свое собственное *).

«Газетчикъ» представляетъ каждый номеръ изданія органамъ государственнаго надзора за печатью, сдаетъ для доставки подписчикамъ въ государственныя же почтовыя учрежденія, передаетъ для розничной продажи въ тѣ мѣста и тѣмъ лицамъ, которыя зарегистрированы правительствомъ и производятъ торговлю произведеніями печати подъ его надзоромъ. Эти легальные пути изданія и распространенія всѣмъ хорошо извѣстны. Но они не мѣшаютъ г-ну Муратову утверждать, что «газетчикъ» дѣйствуетъ «по своему усмотрѣнію». То есть, фактъ легальности, фактъ несовмѣстимости

*) Цит. по „Утру“, 19 іюля; курсивъ мой.—*А. П.*

легальныхъ путей съ бунтарскими замыслами по-просту игнорируется. На игнорированіи этихъ фактовъ и построена вся система. Легальнаго издателя и легальнаго распространителя Ивана Иванова привлекаютъ; ему вручаютъ обвинительный актъ, гдѣ говорится, что онъ, Иванъ Ивановъ, *завѣдомо* для него стремился къ такимъ-то и такимъ-то бунтовщическимъ цѣлямъ. Но на судѣ прокуроры не считаютъ нужнымъ доказывать завѣдомость. А если самъ обвиняемый Иванъ Ивановъ захочетъ доказать, что завѣдомости не было, что онъ не имѣлъ и не могъ имѣть приписываемыхъ ему намѣреній, то онъ заранѣе обреченъ на неудачу: ибо вообще отрицательныя положенія логически не доказуемы, и каждая попытка построить такія доказательства легко можетъ быть разбита тѣмъ-же прокуроромъ. Такъ и явилась возможность религіознаго дѣятеля Михаила Семенова, нынѣ старообрядческаго епископа, обвинить и осудить за призывъ къ террору, идейныхъ послѣдователей Л. Н. Толстого — привлекать и осуждать за возбужденіе къ политическому бунту. Явилась, какъ мы видѣли, возможность привлекать и осуждать даже за такія сочиненія, въ которыхъ сами органы спеціальнаго правительственнаго надзора за печатью не усмотрѣли и не усматриваютъ ничего преступнаго. Пусть Иванъ Ивановъ въ книгѣ, вышедшей 5 — 6 лѣтъ назадъ и выдержавшей нѣсколько изданій, употребилъ инкриминируемыя ему фразы. Онъ могъ это сдѣлать по крайне разнообразнымъ мотивамъ; могъ сдѣлать безъ всякихъ мотивовъ, а просто такъ, «случайно». Могъ добросовѣстно заблуждаться,—такъ-же не находить, что въ предъявленныхъ выраженіяхъ содержится «призывъ», «возбужденіе», какъ не нашли этого своевременно разсмотрѣвшіе книгу чины правительственнаго надзора. Завѣдомость въ этихъ случаяхъ нельзя доказать. Но въ нравы уже вошла привычка не обращать вниманіе на отсутствіе доказательствъ по этому важнѣйшему пункту современнаго намъ уголовнаго процесса. И судьи выносятъ обвинительный приговоръ. Мало-по-малу возникла тенденція прокуроровъ освободиться и отъ обязанности доказывать самый фактъ распространенія того изданія, въ которомъ усмотрѣны признаки преступнаго. Вмѣсто доказательствъ, стали предъявлять общія разсужденія:

— Книжка была напечатана,—стало быть, она была и распространена...

Правильно,—если можно устанавливать «составъ преступленія» посредствомъ вырыванія отдѣльныхъ фразъ и словъ, то законы логики вообще теряютъ обязательную силу. Если можно не доказывать завѣдомость, то не стоитъ доказывать и распространеніе,— вполнѣ достаточно: до суда выписать нѣсколько цитатъ изъ обвиняемой книги, а на судѣ подняться и произнести сакраментальную формулу: «поддерживаю обвиненіе въ предѣлахъ обвинительнаго акта». А если такъ, то зачѣмъ и вообще суды съ ихъ процессуальной громоздкостью и «волокитой?»

Жизнь ставитъ этотъ вопросъ. Она даетъ и отвѣтъ на него. Я упомянулъ, въ числѣ прочихъ взятыхъ для примѣра репрессивныхъ распоряженій, «административный» арестъ редактора «Нижегородскаго Листка» г. Дробышевскаго. Постановленіе губернатора, наложившаго эту кару, опубликовано въ газетахъ. Съ обычною для многихъ администраторовъ нашего времени непосредственностью, губернаторъ въ офиціальномъ документѣ дѣлаетъ любопытныя признанія. «Нижегородскій Листокъ», видите-ли, много разъ печаталъ замѣтки, непріятныя начальнику мѣстнаго почтово-телеграфнаго округа г. Панафутину. Губернаторъ ничего въ этомъ не усматривалъ, и «преступленіе» оставалось ненаказаннымъ своевременно. Для своей защиты г. Панафутинъ располагалъ, помимо всего прочаго, статьями о диффамаціи. Онъ могъ во всякое время обратиться къ суду. Но зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, судъ? И даже не самъ г. Панафутинъ, а г-жа Панафутина, вѣроятно, его родственница, обратилась съ «заявленіемъ» къ мѣстному губернатору г. Хвостову; при «заявленіи» «представила» №№ «Нижегородскаго Листка»: «142 отъ 26 мая, 143 отъ 27 мая, 177 отъ 30 іюня, 180 отъ 3 іюля, 184 отъ 7 іюля»; представила «также письмо доктора Пржисецкаго и удостовѣренье доктора Аврамова». Разсмотрѣвъ все это и, видимо, не справляясь о томъ, что можетъ сказать редакція «Нижегородскаго Листка», губернаторъ призналъ напечатанныя замѣтки «ложными». Кромѣ того, губернатору кто-то представилъ «№ 23 отъ 19 іюня сего года журнала «Почтово-Телеграфный Вѣстникъ». Сличивъ напечатанное въ этомъ журналѣ съ замѣтками, напечатанными въ обвиняемой газетѣ, губернаторъ пришелъ къ заключенію: «можно съ увѣренностью предположить, что распространяемые газетою «Нижегородскій Листокъ» ложные слухи имѣютъ политическую подкладку». А посему и на основаніи обязательныхъ постановленій опредѣлено: заочно обвиняемаго редактора А. А. Дробышевскаго «подвергнуть аресту при тюрьмѣ на одинъ мѣсяцъ» *). Такимъ образомъ, губернаторъ документально удостовѣряетъ, что имъ учрежденъ въ Нижнемъ Новгородѣ особый судебный трибуналъ не предусмотрѣннаго законами восточнаго, гарунъ-аль-рашидовскаго типа. Если кто-либо считаетъ себя обиженнымъ мѣстною печатью, то пусть самъ обиженный или его родственникъ «заявитъ» губернатору, представитъ необходимые документы,—губернаторъ разсмотритъ, разсудитъ и постановитъ...

Передъ нами какъ бы двѣ стороны одного и того же явленія Судебная практика, построенная на игнорированіи очень важныхъ юридическихъ понятій, все замѣтнѣе упрощается до уподобленія административнымъ расправамъ. И чѣмъ больше она упрощается,

*) Постановленіе Нижегородскаго губернатора было напечатано, между прочимъ, въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», 24 іюля.

тѣмъ резоннѣе становится мысль: зачѣмъ судъ, разъ администрація можетъ сдѣлать то же самое, но гораздо скорѣе? И администрація мало-по-малу вытѣсняетъ судъ. Создаются подобія 129 статьи и публикуются подъ видомъ обязательныхъ постановленій, карающихъ штрафомъ до 500, а при чрезвычайной охранѣ до 3.000 р., или арестомъ до 3 мѣсяцевъ, напримѣръ,

за «оглашеніе или публичное распространеніе какихъ-либо статей или иныхъ сообщеній, возбуждающихъ враждебное отношеніе къ правительству»;

за «оглашеніе или распространеніе ложныхъ о дѣятельности правительственнаго установленія или должностнаго лица, войска или воинской части свѣдѣній, возбуждающихъ въ населеніи враждебное къ нимъ отношеніе» *).

И получился административный судъ. Постепенно администрація расширила свои права опредѣлять характеръ репрессій,—напримѣръ, присуждать къ аресту безъ замѣны штрафомъ. Исподволь она завела по дѣламъ о печати пріемъ частныхъ жалобъ, прошеній, заявленій. И такимъ образомъ административная расправа неуклонно усложняется до уподобленія порядку судебному. Эти завоеванія уже сдѣланы. Остается ихъ юридически оформить и систематизировать. Это и предлагается совершить посредствомъ новаго закона о печати. Сотрудники «Московскихъ Вѣдомостей» находятъ необходимымъ окончательно разъяснить вопросъ о завѣдомости. Нужно, видите ли, прямо объявить, что незавѣдомое наказуемо, «причемъ въ случаѣ доказанной завѣдомости наказаніе увеличилось бы». А затѣмъ надо подвести итоги тому, что уже достигнуто въ смыслѣ упрощенія суда и усложненія административной расправы.

«Въ интересахъ болѣе быстраго рѣшенія литературныхъ дѣлъ и для того, чтобы нѣсколько разгрузить суды... слѣдовало бы предоставить учрежденіямъ по дѣламъ печати, придавъ имъ административно-судебный характеръ, право рѣшенія литературныхъ дѣлъ»...

Тутъ есть, конечно, спорныя положенія. Разработка новаго закона о печати поручена графу Татищеву, и «Московскія Вѣдомости» рекомендуютъ возложить «административно-судебную» власть на «учрежденія по дѣламъ печати». Если бы разработку поручили г. Саблеру, то «Колоколъ» могъ бы доказать, что всего лучше предоставить эту власть консисторіямъ и епископамъ. Г. Харузинъ могъ бы выдвинуть преимущественныя права охранныхъ отдѣленій, г. Макаровъ—губернаторовъ и градоначальниковъ и т. д. По этому поводу возможны вѣдомственныя пререканія. Но они не измѣняютъ существа. Предлагаются не новшества, не реформы, а простое констатированіе факта, оформленіе и упорядоченіе уже существующаго. «Московскія Вѣдомости» не торопятся излишне забѣгать впередъ. Онѣ не предлагаютъ совсѣмъ упразднить судъ и возложить на «учрежденія по дѣламъ печати» власть приговаривать къ каторжнымъ работамъ, къ ссылкѣ на поселеніе, къ лишенію правъ. Это было бы нѣсколько смѣло. До этого мы не

*) Изъ обязательныхъ постановленій нижегородскаго губернатора.

созрѣли. Особо важныя дѣла, сопряженныя съ тягчайшими карами и правопораженіями, все-таки рекомендуется направлять въ судебныя палаты. Проектируютъ совершить только то, что уже достаточно назрѣло и не можетъ вызвать сомнѣній и возраженій въ правящихъ кругахъ. Сотрудниками г. Льва Тихомирова какъ бы намѣчаются всего лишь темы ближайшихъ очередныхъ распоряженій и разъясненій. И надо отдать должное,—темы намѣчены своевременно, толково, съ полнымъ пониманіемъ тенденцій и особенностей репрессивной политики. Именно къ намѣченному она идетъ. Именно намѣченнаго надо ожидать и, быть можетъ, въ недалекомъ будущемъ. Того и гляди, обзаконятъ и предварительный просмотръ, и наказуемую незавѣдомость, и «административно-судебное» «рѣшеніе литературныхъ дѣлъ».

II.

Угрозы не шуточныя. Но какова степень ихъ остроумія, ихъ приспособленности не къ политикѣ, а къ жизни? Ну, вотъ, положимъ, разъяснена «неприкосновенность» извлеченій изъ отчетовъ Государственной Думы. Отнынѣ за сокращенные отчеты и за цитаты изъ стенограммъ будутъ «привлекать», могутъ наказывать въ порядкѣ обязательныхъ постановленій. Стремленію «лѣвыхъ» говорить странѣ съ думской трибуны поставлена препона. Но, вѣдь, стремились къ этому наиболѣе умѣренные элементы лѣвыхъ. Есть другіе, непримиримые лѣвые, которые находили и находятъ, что разговоры съ думской трибуны и самое участіе въ думской работѣ—не дѣло, а иллюзія. Циркуляромъ главнаго управленія по дѣламъ печати этотъ сложный споръ разрѣшенъ въ пользу непримиримыхъ теченій. Иллюзіи устранены. Но кому выгодно такое разрѣшеніе спора,—правительству или его наиболѣе прямолинейнымъ противникамъ? Авторскія права на циркуляръ приписываютъ гр. Татищеву. Если это вѣрно, то бывшій саратовскій губернаторъ въ своей нынѣшней роли проявилъ энергію свѣжаго человѣка,—по пословицѣ о новой метлѣ. Онъ собственно лишь выполнилъ то, что уже давно предрѣшено, подготовлено, а, между прочимъ, и предсказано все тѣми-же «лѣвыми», «врагами правительства». Орбиту успокоительной политики они, вѣдь, давно «вычислили» и давно предсказали, что эта политика до извѣстнаго предѣла будетъ подавлять «революцію» и усиливать реакцію, но затѣмъ перейдетъ предѣлъ и превратится въ собственную противоположность,—станетъ усиливать «революцію» и вредить реакціи. «Разъясненіе» права печатать думскіе отчеты, проекты предварительнаго просмотра, наказуемой незавѣдомости... Такъ ли ужъ страшно это стремленіе идти по предсказанному пути и шагать черезъ предугаданные предѣлы? И такъ ли ужъ трудно предугадать, какія картины открываются за этими предѣлами?

Не зачѣмъ угадывать, ибо вполнѣ можно видѣть. Беру уже извѣстный намъ циркуляръ курскаго губернатора. Г. Муратовъ, конечно, перешагнулъ черезъ предѣлъ, да такъ энергично, что самъ кн. Мещерскій, выражая принципіальное сочувствіе циркуляру, тѣмъ не менѣе рѣшительно возмущается и протестуетъ:

Это слишкомъ чудовищный видъ произвола. Это было бы такъ же недопустимо при Николаѣ I, какъ недопустимо въ настоящее время, тѣмъ болѣе, что губернаторовъ въ Россіи 70, и каждый изъ нихъ можетъ дѣлить изданія на овецъ и козлищъ по своему. Нельзя допустить, чтобы губернаторъ своимъ дѣйствіемъ говорилъ всенародно высшему начальнику по дѣламъ печати и самому министру внутреннихъ дѣлъ: вы не находите... преступнымъ, а я нахожу. Это и произволъ, и анархія.

«И произволъ, и анархія»... Слышали и видимъ. Видимъ и другое: представитель государственной власти, на которомъ, безъ сомнѣнія, лежатъ многотрудныя обязанности, не нашелъ ничего лучшаго, какъ вызвать на бой кн. Мещерскаго («Гражданинъ» не значится въ спискѣ разрѣшенныхъ г. Муратовымъ изданій), объявить революціонерами гг. Проппера, Рябушинскаго, Сытина, какъ издателей «запрещенныхъ» циркуляромъ газетъ: «Биржевыя Вѣдомости», «Утро Россіи», «Русское Слово»... Оригинальная тактика: вооружить противъ себя всѣхъ. Это мы тоже и слышали, и видимъ. Есть, однако, въ запредѣльномъ существованіи и еще одна особенность, доселѣ не вполнѣ учтенная. Обратимся къ мотивамъ, которыми курскій губернаторъ подкрѣпляетъ свое распоряженіе.

Гг. земскимъ начальникамъ,—читаемъ въ циркулярѣ,—совершенно точно извѣстно, чего хочетъ и къ чему стремится, такъ называемая лѣвая пресса. На знамени ея давно и ярко написаны всѣ символы безпощадной борьбы со всѣмъ тѣмъ, что до сихъ поръ было дорого и свято русскому народу. Всякія «Копейки», „Биржевки"... и главное, дешевыя простыни «Русскаго Слова» широкимъ потокомъ льются въ деревню съ цѣлью допросвѣтить русскій народъ до тѣхъ идеаловъ, до которыхъ онъ еще побоялся дойти въ 1905 и 1906 годахъ.

«Биржевки», «Русское Слово» «допросвѣтятъ» до 1905 г. Но есть другія изданія: «Курская Быль», «Двуглавый Орелъ», «Земщина» и пр. Они «дружественны правительству». Они отвращаютъ отъ повторенія того, что было въ 1905 г., а потому ихъ и разрѣшается доставлять подписчикамъ. Такъ полагаетъ г. Муратовъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ изданія имъ циркуляра «Голосъ Москвы» напечаталъ такія фактическія свѣдѣнія о тѣхъ крестьянахъ, которыхъ вполнѣ удалось ввести въ сферу вліянія «правой», «дружественной правительству», печати:

Въ Липовецкомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи, деревенскіе союзники требуютъ, чтобы женщины не шли на работу къ помѣщику иначе, какъ за плату 2 рубля въ день, мужчины—3 руб., а съ лошадьми за 5 руб. Этимъ способомъ надѣются принудить помѣщиковъ къ продажѣ крестьянамъ своей

земли, которая, безъ сомнѣнія, должна достаться имъ, союзникамъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ деревенскіе союзники угрожаютъ забастовками и прочими страхами 1905 года, когда эти угрозы исходили отъ такъ называемаго „лѣваго крестьянства". Нѣкоторые помѣщики Кіевской губерніи, по слухамъ, намѣрены обратиться съ жалобой къ министру внутреннихъ дѣлъ на дѣятельность крестьянъ-союзниковъ...

Очевидно, между мнѣніями курскаго губернатора и фактическимъ положеніемъ вещей существуетъ нѣкоторое разногласіе. Да и какъ не быть разногласію? Г. Муратовъ пишетъ: «Копейки», «Биржевки», «Русское Слово» являются *съ цѣлью* допросвѣтить и т. д. Но вѣдь это — лишь официальное подтвержденіе, что у нѣкоторыхъ россійскихъ администраторовъ ужъ слишкомъ развилась привычка смѣло утверждать не только то, чего они не могутъ доказать, но и то, что явно противорѣчитъ дѣйствительности. «Гг. земскимъ начальникамъ совершенно точно извѣстно»...—пишетъ г. Муратовъ. Нѣкоторыя «лѣвыя газеты» изъ перечисленныхъ въ циркулярѣ и сами въ точности не знаютъ, чего онѣ хотятъ и къ чему стремятся, стараясь каждый день выполнить чисто профессіональную задачу: собрать «интересный матеріалъ». Какимъ же образомъ эта тайна можетъ быть «совершенно точно извѣстна земскимъ начальникамъ?» И вотъ чего ужъ совсѣмъ никто не знаетъ и предугадать не можетъ: какъ воспринимается читателемъ напечатанное въ газетѣ, и особенно такимъ малоизвѣстнымъ читателемъ, какъ крестьянинъ? Есть догадки; есть отдѣльныя наблюденія, позволяющія думать, что прогрессивная печать умѣряетъ чувство ненависти, накопленныя въ массахъ, печать черносотенная, наоборотъ, обостряетъ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ это можно установить очень точно. Но такъ ли бываетъ вообще,—мы не знаемъ. Вопросъ сложный, спорный, мало изученный. Если разсуждать апріорно, то прогрессивная литература, проникнутая идеалами человѣчности и солидарности, должна именно смягчать ту особо напряженную борьбу интересовъ и мнѣній, какая нынѣ происходитъ въ странѣ; печать черносотенная, проникнутая злобными и мстительными выходками, должна именно ожесточать и обострять. Пойти дальше этихъ общихъ и апріорныхъ соображеній не позволяетъ слишкомъ скудный фактическій матеріалъ. Такъ обстоятъ дѣла на нашей грѣшной землѣ. Но гг. губернаторы, перешагнувъ черезъ предѣлы, словно переносятся на какую-то другую планету и пріобрѣтаютъ магическое свойство: не знаютъ того, что всѣ знаютъ, и знаютъ то, чего никто знать не можетъ; не видятъ видимаго и видятъ невидимое; подобно городничему, принявшему нѣкогда сосульку за важнаго человѣка, бульварную газетку смѣшиваютъ съ прокламаціей, «Биржевку» съ революціей... Борьба съ фантомами во всеоружіи фантасмагорическихъ предположеній. Старые учебники «словесности» утверждали, что въ этомъ и заключается психологическій узелъ комедіи. И, должно быть, правда: грозный циркуляръ

написанъ г. Муратовымъ, но даже изданія, подвергнутыя остракизму, меньше негодуютъ, чѣмъ смѣются.

Громы и молніи обрушены на печать. Ее такъ стиснули, что даже «Русское Знамя» возмущается и пишетъ:

Перепутаны всѣ правовыя нормы, и многое изъ того, что было даровано населенію милостями монарховъ, нынѣ отмѣнено. Наиболѣе важнымъ изъ понесенныхъ лишеній является лишеніе гарантіи правосудія въ видѣ отвѣтственности только передъ закономъ и только по суду... Обязательныя постановленія..., касающіяся печати, страдаютъ такою расплывчатостью, такою неопредѣленностью выраженій и столь объемлющею полнотою, что буквально каждую статью... можно при желаніи подвести подъ обязательное постановленіе.

Можно подвести, но можно и не подводить. Нѣтъ правъ, но есть милость начальства. Захочетъ—дозволитъ, захочетъ—накажетъ. Это достигнуто. Въ дальнѣйшемъ проектируется достигнуть еще большаго всемогущества. И, говоря вообще, такъ и быть должно. Бюрократія всегда и вездѣ стремится къ всемѣрному расширенію своей власти. Естественно, что она стремится и къ расширенію власти надъ печатью. Все такъ. Но вотъ что при этомъ любопытно. За замѣтку о неисправности почталіона или некорректности подвыпившаго городового любая газета, по усмотрѣнію начальства, можетъ быть подвергнута штрафу, аресту редактора И рядомъ съ этимъ анекдоты.

— Бывшій одесскій градоначальникъ предлагалъ «раздѣлывать» въ подвѣдомственныхъ ему газетахъ своего непріятеля—предсѣдателя совѣта министровъ.

— В. В. Коковцову были представлены корректурныя гранки направленной противъ него статьи Меньшикова съ исправленіями, сдѣланными рукой одного изъ товарищей министра торговли и промышленности *)...

— Въ одну изъ петербургскихъ газетъ попали свѣдѣнія о закрытомъ засѣданіи коммиссіи государственной обороны, гдѣ военнымъ министромъ давались объясненія. Потребовали объясненій. Газета въ отвѣтъ прислала корректуру замѣтки, исправленную самимъ военнымъ министромъ **)...

А самъ военный министръ, г. Сухомлиновъ, тоже подвергся солидной кампаніи, до сихъ поръ не оконченной: вынесли на улицу не только дѣла, подлежащія сужденію, но и такія обстоятельства интимной жизни, которымъ на улицѣ не мѣсто; къ этимъ деликатнымъ обстоятельствамъ приплели исторію о военномъ шпіонствѣ, о продажѣ иностранцамъ секретовъ государственной обороны... Кто во главѣ кампаніи? Одинъ изъ сановниковъ, затѣмъ г. Гучковъ, затѣмъ «Вечернее Время», «Новое Время»... Гдѣ семья г. Сухомлинова нашла мѣсто для публичной самозащиты? Между прочимъ, въ той самой «Биржевкѣ», которую г. Муратовъ смѣшиваетъ съ революціей. И сколько такихъ анекдотовъ!

*) „Утро Россіи“, 1 мая.

**) „Русское Слово“, 1 мая.

Спускаясь со столичныхъ высотъ въ провинціальную глушь, мы видимъ тѣ же анекдоты, но въ болѣе первобытномъ видѣ. Вотъ, напр., что разсказываетъ «Голосъ Москвы»:

Редакторъ нѣкоторой пріуральской газеты былъ оштрафованъ губернаторомъ на 500 руб. за критику дѣйствій губернатора сосѣдней С—кой губерніи. Редакторъ бросился хлопотать. Губернаторъ выслушалъ редактора и развелъ руками:

— Ничего не могу сдѣлать. Взаимное страхованіе... Сегодня вы затронете с—кую администрацію, а завтра меня подхватятъ на зубокъ с—кія газеты. А вотъ, если я васъ оштрафую, с—кій губернаторъ и меня въ обиду не дастъ...

Но губернаторъ—человѣкъ добрый. Когда ему объяснили, что штрафъ зарѣжетъ маленькую газету, онъ сказалъ редактору:

— Богъ съ вами. Я приказъ объ оштрафованіи отдамъ, а деньги прикажу не взыскивать. Только чуръ,—секретъ *)...

Это—если сосѣдній губернаторъ признается благопріятствующей державой. Но между сосѣдями не всегда бываетъ миръ. Случаются конфликты, разрывы дипломатическихъ отношеній. Доходитъ дѣло и до настоящей войны. Тогда, конечно, не оштрафуютъ редактора за критику сосѣдей. Помимо внѣшнихъ войнъ, бываютъ внутреннія междоусобія. Городового не тронь, но, напримѣръ, предводителя дворянства или инженерное вѣдомство, учебный округъ, дирекцію народныхъ училищъ—пожалуйста, ибо «генералы на ножахъ», и тотъ генералъ, во власти котораго наказать и помиловать, не только не огорчится, что «продернули врага», но, наоборотъ, даже будетъ доволенъ. Наконецъ, возможно, что тамбовскій, кіевскій, амурскій или одесскій генералъ огорченъ тѣмъ или инымъ министромъ, ну, и пусть про министра пишутъ, такъ ему и надо...

Стало быть, есть въ бюрократіи не только фатальное стремленіе расширить власть надъ печатью. Есть еще и «анархія», какъ выражается кн. Мещерскій. «Анархія», конечно, всегда была, хотя, можно думать, и не въ такой степени, какъ теперь. Всегда были интриги, борьба самолюбій и честолюбій, бюрократическое междоусобіе. Разница лишь въ размѣрахъ междоусобія и въ обстановкѣ, при которой оно происходитъ. Въ прежнія времена пресса не шла дальше тонкаго слоя интеллигенціи. Типографскій станокъ былъ по преимуществу орудіемъ мысли и лишь въ очень слабой степени могъ сыграть роль булыжника, которымъ одно начальствующее лицо можетъ нанести ударъ другому. Теперь у прессы милліоны читателей въ самыхъ разнообразныхъ слояхъ населенія, нерѣдко имѣющихъ большое вліяніе и значеніе. Прежде не было смысла выносить междоусобіе на улицу. Теперь смыслъ прямой и большой. Печать стала силой. Въ практической жизни ее нельзя не признавать. Ею соблазнительно

*) „Голосъ Москвы", 6 іюля.

пользоваться, а порою и нельзя не пользоваться. И та же бюрократія къ ней въ сущности ежедневно прибѣгаетъ и не только, разумѣется, для междоусобныхъ надобностей.

И вотъ, признаться, мнѣ не легко логически связать два положенія. Читаю въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» проекты дальнѣйшаго обузданія. И невольно думаю:

— Несчастная русская печать! До какой же степени ты жалка и ничтожна, если тебя такъ можно трактовать.

Спускаюсь съ фантасмагорическихъ высотъ, гдѣ витаетъ мысль сочинителей новыхъ проектовъ, на грѣшную землю и вижу, что печать вовсе не ничтожество, а серьезная, практически признанная сила. И когда я хочу соединить оба положенія,—совершенно отвлеченное изъ «Московскихъ Вѣдомостей» съ тѣмъ, которое реально,—у меня получаются, вмѣсто выводовъ, фантасмагоріи. Представляется мнѣ, напримѣръ, слѣдующее: проекты осуществлены; въ рукахъ, положимъ, ялтинскаго градоначальника вся полнота даже не власти, а всемогущества надъ печатью; въ одно скверное утро ялтинскій градоначальникъ разсердится на правительствующій сенатъ или на министра финансовъ... Боюсь, что нынѣшняя «анархія» приметъ видъ еще болѣе «анархическій». И не только этого боюсь.

Появились, повторяю, милліоны читателей. И при томъ особыхъ читателей, не такихъ, какіе бываютъ въ статическіе періоды исторіи. Статическаго, твердаго, признаннаго несомнѣннымъ у насъ пока не сложилось, да и неизвѣстно, когда оно сложится. Силы, поднятыя событіями 1905 г., не нашли равнодѣйствующей, вопросы не рѣшены, мысли недодуманы. Бореніе продолжается, и когда настанетъ миръ, и каковы будутъ его условія,— ничего неизвѣстно. Мы живемъ на переломѣ, въ учредительный періодъ русской исторіи. И у нашего нынѣшняго читателя, кто бы онъ ни былъ—мужикъ, монахъ Иліодоръ или высокопоставленный сановникъ—особая, такъ сказать учредительная психологія. До нѣкоторой степени аналогичную психологію наши предки замѣчали у французовъ и наивно смѣшивали ее съ легкомысліемъ: французъ, молъ, дитя,—шутя разрушаетъ, шутя создаетъ. Но, разумѣется, аналогія не тожество. Француза считали легкомысленнымъ ребенкомъ въ то время, когда силы, поднятыя событіями 1789 года уже нашли свою равнодѣйствующую въ буржуазіи, и послѣдняя искала путей и способовъ примирить и совмѣстить предъявляемыя къ ней исторіей требованія. Силы, поднятыя у насъ, повторяю, еще не нашли равнодѣйствующей. Наше «легкомысліе» сложнѣе, острѣе, легкомысленнѣе, если такъ можно выразиться.

И не только читатели такіе—страна такая. Читателей милліоны. А кто считалъ слагателей новой политической частушки? Помимо политической частушки, есть частушка революціонная въ

бытовомъ смыслѣ, революціонная въ религіозномъ смыслѣ, просто обличительная, сатирическая. И не однѣ частушки. Вообще родилась особая изустная словесность,—злободневная, эфемерная, вродѣ фельетонныхъ откликовъ на событія дня. Родилась такого же типа словесность рукописная. Создалась всякаго рода профессіональная литература,—даже чиновники стараются обзавестись своею печатью, своими газетами и журналами. Своими органами обзавелась и обзаводится торговля и промышленность. Возникла уѣздная пресса,—во многихъ даже маленькихъ уѣздныхъ городахъ дѣлаются попытки издавать собственныя газеты. За отсутствіемъ силъ, средствъ и сколько-нибудь сносныхъ правовыхъ условій, эти попытки чаще всего кончаются крахомъ: возможностей и пороху хватаетъ всего лишь на нѣсколько номеровъ. Но «надъ павшимъ строемъ свѣжій строй». Одни гибнутъ, другіе все-таки пытаются итти въ томъ же направленіи. Рынокъ затопленъ всякаго рода «дикой литературой»,—литературой случайнаго обывателя, вдругъ выскакивающаго съ никому, казалось бы, ненужнымъ романомъ, сборникомъ виршей, разсказовъ, размышленій на политическія темы, съ никому ненужной газетой; часто это производитъ впечатлѣніе графоманической болтовни, иногда графоманической порнографіи, и порою вовсе графоманическаго бреда. Но я не знаю, возможна ли графоманія, какъ повѣтріе, какъ эпидемическая болѣзнь. И если даже возможна такая болѣзнь, то все-таки, думается, она лишь одинъ изъ симптомовъ нынѣшняго «легкомысленнаго» состоянія страны. Обыватель мыслитъ обо всемъ вообще. И у него есть потребность не только оформить свою мысль, но и вынести на публику, на улицу, сдѣлать общественнымъ достояніемъ. Въ примитивномъ видѣ, эта потребность довольствуется частушкой, пѣсенкой; усложняясь, за неимѣніемъ ничего лучшаго, она довольствуется рукописаніемъ; при малѣйшей возможности, жадно пользуется услугами типографскаго станка. И когда берешь все вмѣстѣ,—и частушки, и рукописанія, и профессіональную, и уѣздную печать, и плоды какъ бы эпидемической графоманіи,—то невольно замѣчаешь нѣкій общій множитель, который и можетъ быть вынесенъ за скобки: въ странѣ, въ обывательской массѣ, въ самыхъ разнообразныхъ слояхъ населенія, не только возникла, но и достигла большого напряженія потребность общественнаго мышленія, однимъ изъ органомъ котораго и является печать. И не одна мужицкая, рабочая, демократическая Россія прониклась этой потребностью. Послушны общему закону и рекомые «зубры» и бюрократы, и первѣйшіе сановники, и чиновники губернскаго правленія, составляющіе паевой капиталъ для выпуска собственнаго органа, и монахъ Иліодоръ, приготовлявшійся издавать «Громы и Молніи», и Григорій Распутинъ, выпускающій какія-то брошюрки... Лихорадочная издательская дѣятельность «національнаго клуба», безчисленное множество черносотенныхъ газетъ,

прокламацій, памфлетовъ; стремленіе чуть ли не каждаго губернатора завести, если не свою газету, то хоть «собственнаго литератора»; сановники, которые имѣютъ при своихъ особахъ профессіональныхъ публицистовъ, агенты охранной полиціи, выполняющіе роль газетныхъ информаторовъ,—во всемъ этомъ много темныхъ денегъ, много «личной политики», вѣроятно, много и темныхъ цѣлей, наблюдаются и совсѣмъ скверныя цѣли, какъ, напр., подготовка погромовъ; но есть и законное само по себѣ желаніе вести пропаганду, хотя и осложненное совсѣмъ незаконнымъ стремленіемъ зажать ротъ противнику; есть много и неожиданностей:

Нѣкто Добросмысловъ издалъ субсидированную «Исторію Ташкента», пользуясь матеріалами казенныхъ архивовъ. Однако, вмѣсто ожидаемаго благонамѣреннаго выхваленія правителей, которымъ воздвигнуты памятники, въ свѣтъ вышла правдивая исторія мошенничествъ и разоблаченіе ташкентскихъ героевъ. По слухамъ, „Исторія Ташкента" будетъ конфискована *)

Сотрудникъ правительственной „Россіи" и „Голоса Москвы", бывшій профессоръ академіи генеральнаго штаба и учитель нынѣшняго военнаго министра Сухомлинова ген.-отъ-инфантеріи А. Н. Витмеръ обратился въ редакцію «Русской Мысли» со статьею «Объ обязательной воинской повинности». За напечатаніе этой статьи іюньская книжка «Русской Мысли» конфискована съ привлеченіемъ редактора по 3 и 5 пункту 129 ст. уг. ул. **).

Подобные эпизоды довольно таки обычны. И уже они обязываютъ не мазать весь «правый лагерь» сплошь черной краской: рептиліи, зубры и т. д. Въ лѣвомъ лагерѣ частенько встрѣчаются люди, которые, начавъ съ чрезвычайныхъ радикализмовъ, неожиданно приходятъ къ «черносотеннымъ» выводамъ. То же есть и въ правомъ лагерѣ: начинаютъ за упокой и кончаютъ о здравіи. И тамъ, и здѣсь есть искренніе люди. А всего больше и тамъ, и здѣсь обывательскихъ головъ, начиненныхъ сумбурными, противорѣчивыми, неприведенными въ порядокъ мыслями,—головъ, безысходно мятущихся въ попыткахъ связать концы съ концами, и, быть можетъ, отчасти именно поэтому инстинктивно жаждущихъ публичной арены: мѣсто, гдѣ можно подвергнуться жестокому огню критики, но зато и выяснить неясное, распутать спутанное, освободиться отъ тягостнаго чувства недоумѣнія и противорѣчивости.

Обостренная потребность народа, едва ли не всѣхъ слоевъ населенія—въ общественномъ мышленіи... Такова стихійная подпочва современной намъ печати. И пока рѣчь идетъ объ «освѣдомительномъ бюро», о содѣйствіи изданіямъ національнаго клуба, о темныхъ деньгахъ, начальствующія лица, видимо, имѣютъ нѣкоторое представленіе объ этой стихіи. Но лишь только дѣло касается мѣръ обузданія, нѣтъ ни стихіи, ни властной потребности всѣхъ слоевъ населенія; представляется нѣчто такое, съ чѣмъ не

*) „Кіевская Мысль", 8 іюля.

**) „Нижегородскій Листокъ", 23 іюня.

нужно церемониться, и основныя начала уголовнаго процесса можно ниспровергнуть, и совсѣмъ судъ можно упразднить; вообще можно распорядиться такъ, какъ распоряжаются съ ничтожной кучкой интеллигентовъ, «мальчишекъ», задумавшихъ «пущать революцію»... Я боюсь, что, въ частности, г. Левъ Тихомировъ впалъ въ представленія не болѣе правильныя, чѣмъ мотивы въ циркулярѣ курскаго губернатора. Не кажется ли нынѣшнему арендатору «Московскихъ Вѣдомостей», что онъ все еще живетъ въ обстановкѣ 70-ыхъ и 80-ыхъ годовъ прошлаго вѣка: нѣсколько десятковъ молодыхъ людей распространяютъ заразу, — стоитъ имъ заткнуть ротъ, и зараза исчезнетъ? Странная претензія расправляться съ величиной, признаваемой въ отдѣльныхъ случаяхъ стихійной, какъ съ ничтожествомъ, не заслуживающимъ ни правъ, ни церемоній, уже привела къ довольно серьезнымъ послѣдствіямъ: по вопросу объ отношеніяхъ къ печати власть административная и власть судебная, оказались въ конфликтѣ со всѣми, — даже съ кн. Мещерскимъ, даже съ «Русскимъ Знаменемъ»; даже октябристы, по крайней мѣрѣ, для публичныхъ сужденій объ этой безцеремонности, находятъ только слова неодобренія. Въ дальнѣйшемъ предполагается конфликтъ со стихійнымъ явленіемъ углубить и расширить. Это неизбѣжно, но это «не безумство храбрыхъ», пожалуй, даже «не храбрость невѣдѣнія», а просто движеніе по инерціи, кое-какъ мотивируемое давно устарѣвшими или явно фантастическими представленіями о дѣйствительности.

Бюрократія стремится къ полнотѣ всемогущества, стремится прибрать къ рукамъ такой мощный органъ общественной мысли, какъ печать. Не отдѣльные бюрократы, а вся вообще бюрократія-какъ соціальная сила. Повторяю, это фатально, неизбѣжно, понятно. Но когда разсматриваешь эти естественныя стремленія не вообще, а въ нашихъ нынѣшнихъ условіяхъ пространства и времени, то становится, право же, смѣшно. Что ужъ говорить о всей печати. Огромная это величина. Прибрать ее рукъ не хватитъ. Но у насъ, слава Богу, есть многовѣтвистое дерево черносотенной литературы. Какъ оно возникло,—объяснитъ исторія, для которой пока современники лишь накапливаютъ факты и свидѣтельскія показанія. Впослѣдствіи исторія сопоставитъ многочисленныя свидѣтельства и сдѣлаетъ изъ нихъ надлежащій выводъ. Мы, современники, можемъ лишь не сомнѣваться, кѣмъ рождено это дѣтище. Кто родилъ, тотъ, казалось бы, и долженъ быть полнымъ хозяиномъ и распорядителемъ. Но вотъ есть, положимъ, газетка «Гроза», почти нечленораздѣльный органъ нѣкоего дикаго, но высокаго политическаго салона. На высотахъ, какъ извѣстно, теперь много всякихъ политическихъ салоновъ, и почти у каждаго изъ нихъ собственный органъ: у одного «Русское Знамя», у другого «Прямой Путь», у третьяго «Колоколъ»... На провинціаль-

ныхъ маленькихъ олимпахъ тожъ завелись политическіе салоны со своими «Русскими Правдами», «Орлами», «Друзьями», и прочими наименованіями. Но остановимся на примѣрѣ «Грозы». Она—«литература» въ кавычкахъ. Во главѣ изданія стоитъ г. Жеденевъ—онъ тоже имѣетъ къ большой литературѣ нѣсколько отдаленное и отчасти даже морганатическое отношеніе: когда-то палилъ изъ пистолета въ редакціи «Недѣли» по г. Меньшикову. Огнестрѣльный характеръ г. Жеденева сказывается въ самомъ названіи газетки: «Гроза!». А о томъ, противъ кого, по волѣ рока, направляются изъ этой тучи громы и молніи, можно судить на основаніи довольно многочисленныхъ репрессій: несмотря на олимпійское происхожденіе «Грозы», ее частенько штрафуютъ, порою привлекаютъ; съ нею ведетъ войну столичная администрація; съ нею воюетъ провинціальная администрація. За невозможностью уязвить самое «Грозу», провинція уязвляетъ ея сотрудниковъ, попадающихъ въ сферу досягаемости. Въ «Русскомъ Словѣ» находимъ, напримѣръ, такое сообщеніе изъ Севастополя (№ 8 мая):

Генералъ-губернаторъ оштрафовалъ мѣстную жительницу г-жу Розанову, напечатавшую въ черносотенной петербургской „Грозѣ" статью подъ заглавіемъ: „Плоды свободы отъ совѣсти", въ которой усмотрѣно возбужденіе населенія противъ правительства.

И произошла такая непріятность и для «Грозы»,—да, безъ сомнѣнія, и для начальства, очень просто. Какіе-то олимпійцы пожелали при посредствѣ этого изданія вѣщать улицѣ. Какъ слушаетъ улица и какъ понимаетъ,—неизвѣстно. Но она быстро сообразила, что при помощи той же «Грозы» можно, если не разговаривать съ олимпомъ, то доводить до его свѣдѣнія обо всемъ, что вздумается, желательно или необходимо. Если меня не обманываетъ память, то петербургскіе извозчики первыми широко воспользовались «Грозою», чтобы довести до олимпа разныя свои жалобы. А потомъ и пошли писать изъ самыхъ разнообразныхъ мѣстъ и, повидимому, крайне разнообразные люди. Пишутъ о губернаторахъ, архіереяхъ, о градоначальникахъ, объ исправникахъ, полицеймейстрахъ, о всякомъ иномъ большомъ и маломъ начальствѣ. Напомню, что точно также улица пользуется и «Русскимъ Знаменемъ» и «Земщиной», и почти всѣми другими органами этого типа; всѣ они превращены какъ бы въ почтовые ящики, куда опускается корреспонденція, предназначенная для олимпа, для тѣхъ или иныхъ его уголковъ. И всѣмъ имъ много пишутъ. Пишутъ часто такое и такъ, что не приведи Господь. Беру для примѣра хотя бы такой отрывокъ изъ «разоблаченій», направленныхъ противъ одного епископа (напечатаны «Русскимъ Знаменемъ» въ концѣ іюня):

...О вкушеніи владыкою рыбы Великимъ постомъ... знаютъ... всѣ... На архіерейскомъ подворьѣ живетъ бабье всѣхъ возрастовъ и положеній... и

сродницы, и свойственницы, и чужія... Частная квартира для своей семьи, гдѣ была молодайка „одной прислугой". Не устроитъ ли о. ректоръ въ архіерейскомъ подворьѣ родовспомогательное заведеніе, такъ какъ въ Монастырской слободѣ такого нѣтъ, кстати и скотный-то дворъ находится въ монастырской оградѣ, а не внѣ ея...

По вполнѣ, надѣюсь, понятнымъ причинамъ, опускаю имя епископа, на котораго вылитъ полный ушатъ этихъ благоуханій. Помимо благоуханій, сплошь и рядомъ встрѣчаются иного сорта сплетни, ябеды, кляузы, печатный сыскъ, политическій извѣтъ, обвиненія въ юдофильствѣ, въ сочувствіи «кадюкамъ»... Словомъ, арсеналъ средствъ, испытанныхъ еще М. Н. Катковымъ, пополненъ улицею и ею же вульгаризированъ. Улица, и при томъ даже не вся улица, а едва ли не худшая ея часть—до нѣкоторой степени заняла мѣсто Каткова и создала своеобразную катковщину. Но въ улицѣ, даже самой плохой и грязной, есть хорошія стороны. Въ перемежку съ кляузой, ябедой, извѣтомъ она старается довести до свѣдѣнія олимпа и о такихъ достойныхъ вниманія вещахъ, какъ казнокрадство, лихоимство, темныя деньги, эксцессы землеустроительной политики, поборы и обиды, какимъ подвергаются отдѣльныя группы населенія... Самыя благоуханія, какъ ни противны они, имѣютъ порою большой общественный смыслъ; напомню хотя бы роль черносотенной печати въ разоблаченіяхъ, напр., о. Восторгова, Макарія Гнѣвушева, Григорія Распутина.

И вотъ начальники сердятся. Начальники штрафуютъ, привлекаютъ. Но весьма часто въ разоблаченіяхъ черносотенной прессы встрѣчаемъ такія подробности, которыя обыкновеннымъ смертнымъ могутъ быть извѣстны лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Есть всѣ основанія думать, что по улицѣ, гдѣ водворилась катковщина, совсѣмъ не рѣдко ходятъ люди въ кокардахъ и даже въ мундирахъ, украшенныхъ весьма солиднымъ шитьемъ. Это фактически можно бы установить. Да и какъ же иначе? Въ старые годы, когда мундирному человѣку съ солиднымъ шитьемъ надо было что-либо довести до олимпа, «подкузьмить» противника, или хотя бы распространить желательную по тонкимъ политическимъ соображеніямъ сплетню, онъ тратилъ нѣсколько дней (а случалось, и недѣль), чтобы объѣхать нужныхъ людей, побывать въ извѣстныхъ гостинныхъ, нанести кому слѣдуетъ визиты, тамъ показать интересную бумажку, здѣсь разсказать анекдотъ, въ одномъ мѣстѣ шепнуть, въ другомъ намекнуть. Въ концѣ-концовъ желательный эффектъ получался, но цѣною сколькихъ хлопотъ! Теперь просто: сѣлъ и написалъ въ «Грозу», въ «Русскую Правду», въ «Русское Знамя». Не надо даже самому писать,—достаточно инспирировать. И оно дойдетъ по назначенію. Раздѣлилось царство. Одни начальники сердятся. Другіе потираютъ руки отъ удовольствія. Одни тѣснятъ. Другіе поощряютъ. Одни уязвляютъ.

Другіе врачуютъ язвы. Черносотенная печать, во всякомъ случаѣ, стала главнѣйшей ареной бюрократическаго междоусобія.

Она быстро создала особаго спеціалиста по разоблачительной части. Его цѣли и мысли,—Богу одному вѣдомы. Но если у васъ, у самаго обыкновеннаго обывателя, возникло пререканіе съ начальствомъ, если вамъ желательно, положимъ, отплатить за понесенныя непріятности,—идите къ спеціалисту; за нѣкоторую мзду (а бываетъ и безмездно) онъ «поможетъ»; ему извѣстно, куда всего лучше писать о губернаторѣ, куда объ архіереѣ, куда о предводителѣ, у кого есть «заручка» въ «Русскомъ Знамени», на кого злы въ «Грозѣ»; спеціалистъ знаетъ, *какъ* писать: нагородитъ всякаго вздора, насплетничаетъ, наябедничаетъ, но въ этомъ соусѣ подастъ и то, въ чемъ собственно заключается ваше дѣло. Маленькій и къ тому же нерѣдко озлобленный человѣкъ, спеціалистъ «съ удовольствіемъ» «раздѣлаетъ» и начальника, и духовное лицо, и земца, и доктора, и купца... «Съ удовольствіемъ»,—ибо для маленькаго человѣчка всѣ они одинаково «бары», «господа»,—власть, если не офиціальная, то бытовая. Всѣхъ выше его стоящихъ онъ въ глубинѣ души ненавидитъ. И его «разоблаченія» часто страдаютъ избыткомъ огульной злости. Получается ниспроверженіе іерархической стройности, разложеніе всѣхъ началъ субординаціи. Мелкій писецъ имѣетъ возможность привести въ трепетъ большого начальника. Уличный торгашъ можетъ поразить важнаго сановника. Напомню недавно описанный въ газетахъ случай съ однимъ изъ южныхъ губернаторовъ: губернаторъ, видите-ли, осмѣлился прекратить безпорядокъ, производимый мелкимъ торговцемъ, и оборвать попытки этого торговца вмѣшиваться въ дѣла управленія губерній; въ результатѣ — «разоблачительная» корреспонденція въ «Прямомъ Пути»; и губернаторъ со всею своею «полнотою власти» поспѣшилъ въ Каноссу; уплатилъ контрибуцію, въ видѣ пожертвованія 1000 р. на союзническія организаціи; мѣстная офиціозная газетка выступила съ оправданіями «разоблаченнаго» начальника, видимо, не соображая, какая обидная для власти и ея законныхъ представителей получается «потѣха для улицы».

Подняли, далѣе, голову всевозможные Кифы Мокіевичи. Прежде они размышляли и писали о темахъ философическаго свойства: если бы, напримѣръ, слонъ снесъ яйцо, то какой бы величины оное могло быть? Теперь и Кифы Мокіевичи, покорные общему закону эпохи, размышляютъ и пишутъ о темахъ соціальныхъ и политическихъ. Прежде труды Кифы Мокіевича безслѣдно гибли для потомства. Теперь имѣется полная возможность каждое такое сочиненіе представить на высоты олимпа. И Кифы Мокіевичи представляютъ. Чего въ ихъ домыслахъ больше—укрѣпленія или ниспроверженія основъ, охраны или «революціи», хотя бы и «правой»,—даже такіе свѣдущіе люди, какъ кн. Мещерскій и г. Мень-

шиковъ, перестали понимать. Но черносотенная пресса печатаетъ труды Кифовъ Мокіевичей съ такимъ же глубокомысліемъ, съ какимъ увѣковѣчиваетъ шалости своего постояннаго сотрудника, коллективнаго юмориста, пишущаго подъ псевдонимами: Карудъ, Цепулгъ, Анибудъ, съ дополненіемъ фамиліи редактора, написанной въ томъ же обратномъ порядкѣ буквъ... Улица, между прочимъ, любитъ позабавиться, позубоскалить,—органы олимпа оказываются вполнѣ пригодными и для этой надобности.

Родили дѣтище олимпійцы, а выросъ уличный мальчишка. Завладѣла имъ и приспособила его къ своимъ цѣлямъ самая небрезгливая часть улицы,—наиболѣе приспособленная не останавливаться передъ неопрятными средствами. И напичкала она мальчишку всѣмъ тѣмъ, чѣмъ сама богата въ наше «легкомысленное» время. Вся вообще улица нынѣ богата адогматизмомъ. У нечистоплотной части улицы это свойство эпохи переходитъ въ грубое, вульгарное отрицаніе какихъ бы то ни было святынь. Во всей улицѣ есть склонность къ ниспроверженію. Въ неопрятныхъ закоулкахъ оно доходитъ до дикой, безсмысленной злобы, ненавистнической жажды разрушенія. Во всей улицѣ есть изрядная сумятица. Въ закоулкахъ—невѣжественный и озлобленный бредъ. Всѣми этими качествами закоулки и наполняютъ олимпійское дѣтище. На него порою съ ужасомъ смотрятъ въ самомъ охранительномъ лагерѣ: «и это сынъ благородныхъ родителей! да онъ—настоящій апашъ!» О немъ говорятъ: «революція справа», прикрытая реакціонной фразеологіей. Мальчишку, какъ мы уже видѣли, частенько сѣкутъ. Но всѣ должны понимать, что онъ неисправимъ, и что тутъ сцѣпленіе роковыхъ обстоятельствъ. Въ нашу легкомысленную эпоху не могутъ не быть политическіе салоны на олимпѣ. Разъ возникнувъ, салоны непремѣнно захотятъ разговаривать съ публикой и, слѣдовательно, имѣть собственный органъ. И каждый такой органъ неминуемо будетъ использованъ улицей и станетъ уличнымъ мальчишкой: ибо—увы!—жизнь сильнѣе воли родительской.

Это—хорошій урокъ, хотя, вѣроятно, и безполезный для тѣхъ, кому его даетъ жизнь. Маленькую величину, «дружественную правительству» черносотенную газетку люди не могутъ прибрать къ рукамъ. А стремятся подвергнуть этой операціи всю литературу... Вотъ ужъ именно страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ.

III.

Нѣкогда рецепты спасенія отечества изобрѣтались Катковымъ и Леонтьевымъ. Одинъ изъ наиболѣе счастливыхъ рецептовъ былъ формулированъ такъ: «надо заморозить Россію, чтобъ она не жила». И заморозили. Потомъ мороженую въ фабричномъ котлѣ варили. Потомъ на медленномъ огнѣ зубатовщины жарили. Весеннимъ духомъ остуживали. На жаркомъ огнѣ погромовъ дожаривали. По-

томъ стали «успокаивать». А такъ какъ, несмотря на всѣ эти тяжкіе труды, порядка не получается, то снова и снова приходится изобрѣтать рецепты спасенія. И одному изъ современныхъ намъ спасателей, г-ну Меньшикову, пришла, наконецъ, въ голову геніальная мысль: можно и морозить, и жарить, и варить, и успокаивать, но пока Россія не разрѣзана,—толку не будетъ. Надо разрѣзать Россію,—конечно, посредствомъ автономій, но не совсѣмъ тѣхъ, о которыхъ говорятъ «лѣвые». Лѣвые признаютъ допустимой, желательной или необходимой (относительно этихъ степеней существуютъ разногласія) систему федераціи, но отнюдь не расчлененіе, не распаденіе. Г. Меньшиковъ смотритъ на дѣло иначе.

Если бы—пишетъ онъ въ „Новомъ Времени"—вопросъ объ этомъ былъ поставленъ серьезно, я со всею рѣшительностью настаивалъ бы на соблюденіи не только автономіи Финляндіи и Бухары, но и на возвращеніи автономіи Польшѣ, отнятой 80 лѣтъ назадъ. И Литва, и Грузія, и Арменія, если дѣйствительно онѣ желаютъ автономіи, мнѣ кажется, должны бы получить ее. Скажутъ: автономныя окраины стремятся обыкновенно къ полному отпаденію. Ну что жъ,—хотя это и не общій законъ, но допустимъ даже полное отпаденіе такихъ окраинъ, каковы Финляндія, Польша, Арменія и т. п. Я лично былъ бы счастливъ дожить до этого.

«Геніально». Но уже предсказано и не оригинально. Предсказано въ самомъ началѣ третьей Думы, когда «Новое Время» только еще приступало къ передѣлкѣ «упокойниковъ» въ «націоналистовъ». Между прочимъ, пишущій эти строки тогда же старался вскрыть въ этой затѣѣ попытку сплотить силы на вопросахъ военнаго свойства. Уже въ ту пору не трудно было объяснить, что попытка потерпитъ крушеніе. И случилось, какъ по писанному. Тогда же предвидѣлось,—между прочимъ, и мною—что, потерпѣвъ крахъ на разговорахъ объ оборонѣ, «національная идея», вѣроятно, докатится до соблазненія «австрійскими примѣрами». И это произошло: если не вполнѣ докатилась, то, видимо, докатывается. Въ самомъ дѣлѣ, попытаемся разрѣзать Россію,—приблизительно такъ же, какъ нѣкогда Вѣна, не умѣя справиться съ общеимперскимъ движеніемъ, разрѣзала Австрію. Изъ Царства Польскаго у насъ выйдетъ, положимъ, нѣчто въ родѣ Венгріи, изъ Вильны—Прага: изъ Кавказа—Галиція... Вообще, примѣнимъ къ національному вопросу уже испытанный принципъ землеустроительной политики, народы, населяющіе Россійскую имперію, пусть укрѣпляютъ за собою свои полоски въ «единоличную собственность». Укрѣпляя, они неминуемо вступятъ во взаимныя пререканія. А такъ какъ при этомъ столь же неминуемы пререканія съ имперскимъ начальствомъ, то долженъ разогрѣться пока вообще довольно слабый окраинный сепаратизмъ. Это задѣнетъ государственную народность, и начнется у насъ превосходная національная склыка,—ничуть не хуже, чѣмъ въ Австріи, и ничуть не меньше, чѣмъ нынѣшняя землеустроительная склыка въ русской деревнѣ. Какія отсюда

проистекутъ послѣдствія? Первое, важнѣйшее и, навѣрное, неминуемое: національный раздоръ заслонитъ проклятые соціальные вопросы. Быть можетъ, мужикъ и не совсѣмъ забудетъ о земелькѣ и о всемъ прочемъ, что у него теперь въ головѣ. Но, если явится обида противъ поляка, досада на финна, раздраженіе противъ армянина, то мало ли о чемъ, кромѣ земельки, придется думать? Второе послѣдствіе, довольно вѣроятное: при этой диспозиціи могутъ случиться «полныя отпаденія». Но, во-первыхъ, спокойно смотрѣть на отпаденіе никто не станетъ. Навѣрное, будутъ и волненія, и раздраженія; безъ сомнѣнія, понадобится усмирять отпадающихъ силою оружія, — это опять полезно въ смыслѣ уклоненія отъ соціальныхъ вопросовъ. А, во-вторыхъ, если даже усмирить не удастся, и отпаденіе произойдетъ,—пусть отпадаютъ... Относительно Царства Польскаго, напр., еще въ 1905 году говорили пусть... Теперь, во время предвыборныхъ выступленій, у націоналистовъ срывается та же мысль: пусть. Лидеръ екатеринославскихъ націоналистовъ г. Бѣляевъ, видный чиновникъ и дѣятель по министерству финансовъ, въ недавней полемикѣ съ «Южной Зарей» высказалъ относительно Царства Польскаго нѣчто большее: не только пусть, но и желательно. Г. Меньшиковъ подымаетъ знамя еще выше: онъ «лично былъ бы счастливъ дожить» до «полнаго отпаденія такихъ окраинъ, каковы Финляндія, Польша, Арменія и т. п.». Г. Меньшиковъ—мужчина, кажется, далеко не первой молодости. И возможно, разумѣется, что онъ хочетъ сказать: былъ бы счастливъ прожить еще очень и очень долго. Но возможно, что онъ былъ бы счастливъ, если бы отпаденіе совершилось поскорѣе, въ теченіе нѣсколькихъ ближайшихъ лѣтъ. Дѣйствительно, пусть окраины отпадаютъ: это выгодно уже потому, что останется маленькое пространство, на которомъ легче справиться. Другіе «патріоты»—въ томъ числѣ и г. Бѣляевъ—предполагаютъ собственно не отпаденіе, а «уступку» сосѣдямъ. Мысль г. Меньшикова обширнѣе. По его схемѣ, возможно, напримѣръ, «соглашеніе» съ «лѣвыми»: оставьте г-ну Меньшикову нѣсколько внутреннихъ губерній, возьмите себѣ и Польшу, и Литву, и Арменію, и Финляндію, и что хотите, то и дѣлайте съ ними...

По предсказанному пути идетъ мысль націоналистовъ. Но предсказано также о нынѣшнихъ выводахъ г. Меньшикова, что все это—суета и томленіе духа. Въ извѣстное время и при извѣстныхъ обстоятельствахъ Вѣнѣ удалось. У насъ и время не то, и обстоятельства иныя. Мнѣ незачѣмъ возвращаться къ выясненію нашихъ особыхъ обстоятельствъ: писалъ я объ этомъ и не разъ писалъ. Отмѣчу лишь одно существенное различіе. Вѣна, заслонивъ соціальные вопросы, могла продвинуть вопросы политическіе, и она не перестаетъ продвигать ихъ до всеобщаго избирательнаго права. У насъ, если хоть немного продвинуться въ политикѣ, острый и больной соціальный вопросъ, напримѣръ, о

дворянскомъ оскудѣніи, разрѣшится быстро и самъ собою: и земля отъ сословія уйдетъ, и остатки вотчинной власти, потерявъ всякую почву, исчезнутъ. Дать конституцію Польшѣ, Литвѣ и оставить усиленную охрану въ Смоленскѣ, Калугѣ, Орлѣ,—невозможно: это значило бы зажигать костры вокругъ центральныхъ губерній. А замѣнить въ Калугѣ и Орлѣ охрану возвѣщенными 17 октября начатками права и свободы значило бы ускорить разрѣшеніе важнѣйшихъ соціальныхъ вопросовъ самой жизнью. А разъ такъ, то незачѣмъ и огородъ городить. И не только незачѣмъ, но и опасно. Зажечь костры недолго. Но сумѣетъ ли г. Меньшиковъ затушить ихъ? Съ увѣренностью можно отвѣтить: нѣтъ, не сумѣетъ.

Не зажгутъ они костровъ. Суета это у нихъ. Но характерная суета. Характерна она сама по себѣ: до чего доходятъ люди въ борьбѣ за свой соціальный интересъ. Характерна и въ хронологическомъ отношеніи. Стихнувшее было рабочее движеніе снова приподнялось. Видимо, приподнимается—и количественно, и качественно,—волна «крестьянскихъ безпорядковъ». На протяженіи немногихъ мѣсяцевъ или даже недѣль произошло что-то неладное въ отдѣльныхъ и немногихъ частяхъ арміи и флота: за Каспіемъ быстро подавленный «бунтъ»; на Балтикѣ и Черноморьѣ слѣды какой-то пропаганды... И вотъ—давайте разрѣзать Россію и разбрасывать ее по кускамъ, куда попало... Погодите, господа «патріоты», не торопитесь. Разбросать, конечно, дѣло не хитрое. Но такъ просто произвести эту операцію вамъ, смѣю думать, начальство не позволитъ, хоть вы и считаетесь «патріотами». У начальства есть свои мѣры. Напр., Кронштадтъ и Севастополь объявлены на военномъ положеніи. Такая «автономія», по крайней мѣрѣ, испытана, а не прыжокъ въ неизвѣстность. Испытана еще болѣе серьезная «автономія»: осадное положеніе. Испытаны чрезвычайныя и усиленныя «автономіи», называемыя также охранами. Кромѣ того, начинаютъ получать все болѣе и болѣе замѣтное значеніе автономіи особаго рода, не предусмотрѣнныя положеніями объ охранахъ. И если бы г. Меньшиковъ къ нимъ внимательнѣе отнесся, то, быть можетъ, онъ и не сталъ бы искать иныхъ путей въ храмъ счастья и славы.

У насъ былъ долго централизмъ. И мы много говорили о диктатурѣ. Въ ближайшее къ намъ время въ числѣ особъ, воплощавшихъ въ своемъ лицѣ идею централизма, былъ, напримѣръ, г. Крыжановскій: главный спеціалистъ и распорядитель, «магъ и волшебникъ» по выборной части. Послѣднее по времени покушеніе на диктатуру воплощалось въ лицѣ П. А. Столыпина. При ближайшемъ разсмотрѣніи «магъ и волшебникъ» оказался обыкновеннымъ смертнымъ съ присущими всѣмъ смертнымъ слабостями. Покушеніе на диктатуру доказало лишь, что «вся полнота власти» можетъ спасовать при столкновеніи даже не съ генера-

ломъ Думбадзе, а всего лишь съ монахомъ Иліодоромъ. И потерпѣвшая крушеніе идея централизма сама собою въ процессѣ жизни смѣнилась идеей децентрализаціи. Прошло со времени первыхъ опытовъ въ этомъ направленіи, послѣ смерти Столыпина, меньше года. И, несмотря на столь краткое время, результаты оказались прямо таки блестящими.

Налаживаются выборы безъ единаго центральнаго руководителя и безъ покушенія на диктатуру. Нѣтъ мага и волшебника, но всѣ 40.000 столоначальниковъ (беру число, какое было при Николаѣ Павловичѣ,—теперь, навѣрное, больше) обязаны замѣнить ихъ. Нѣтъ ни диктатора, ни покушенія на диктатуру, но всѣ 40.000 столоначальниковъ, каждый въ своей области, должны достигнуть не меньшо, чѣмъ могъ бы достигнуть диктаторъ. И посмотрите, что получается.

Вопросъ. Какъ поставлено необходимое предъ выборами изъятіе неблагонадежныхъ и сомнительныхъ элементовъ?

Отвѣтъ. Ежедневныя сообщенія газетъ объ арестахъ, обыскахъ, «многочисленныхъ арестахъ», «многочисленныхъ обыскахъ»... И среди этого однообразнаго, какъ песокъ, фактическаго матеріала, такія, напримѣръ, бытовыя картинки:

Въ Остерскомъ уѣздѣ, Черниговской губерніи, появилась шайка воровъ, умѣло использовавшая... начало предвыборной кампаніи. Члены шайки являлись въ квартиры мѣстныхъ обывателей подъ видомъ сыщиковъ, полицейскихъ агентовъ..., объясняли квартировладѣльцу, что, въ виду наступленія предвыборнаго времени, нужно произвести обыскъ. Обыскъ заканчивается благополучно; ничего подозрительнаго не обнаружилось. Вмѣстѣ съ сыщиками исчезали обыкновенно драгоцѣнности. Обысканные чаще всего молчали, радуясь, что дешево отдѣлались. Шайка на дняхъ обнаружена, и нѣсколько членовъ ея задержано *).

Цѣлая отрасль промышленности начинаетъ возникать въ видѣ бытового дополненія къ предвыборнымъ мѣропріятіямъ. Какихъ еще нужно доказательствъ, что изъятіе неблагонадежныхъ элементовъ поставлено на исключительную высоту.

Вопросъ. Какъ организовано «разъясненіе» сомнительныхъ избирателей?

Отвѣтъ. Массовымъ способомъ. Всѣ разъясняютъ: губернаторы, архіереи, исправники, благочинные, земскіе начальники, пристава, городскія и земскія управы, паспортисты, добровольцы изъ обывателей...

Вотъ что, напримѣръ, придумали нѣкоторые московскіе домовладѣльцы. Чтобы устранить отъ участія въ предстоящихъ выборахъ нежелательныхъ имъ лицъ, домовладѣльцы переписываютъ квартирныя книжки съ мужей на ихъ женъ и, такимъ образомъ, лишаютъ мужей избирательнаго права по квартирному налогу. Такъ владѣлецъ двухъ доходныхъ домовъ... Т. М. Зоновъ, примыкающій по своимъ взглядамъ къ союзникамъ, безъ всякаго со-

---

*) „Утро Россіи", 17 іюня.

гласія квартирантовъ переписалъ нѣкоторыя квартирныя книжки на имя женъ этихъ квартирантовъ *).

И протестовать опасно: домовладѣлецъ можетъ такія свѣдѣнія дать полиціи, что отъ разъясненія все равно не уйдешь, а, сверхъ того, и большія непріятности получишь. Тутъ тоже намѣчается цѣлая отрасль промышленности: хочешь невозбранно пользоваться избирательными правами, ублаготвори домовладѣльца, дворника, швейцара, расторопнаго сосѣда, приходскаго дьячка... Въ этомъ и сила массового метода. Онъ позволяетъ довести до максимальной зоркости наблюденіе за каждымъ въ отдѣльности взятымъ избирателемъ. Чуть сомнителенъ и неблагонадеженъ—можно разъяснить безъ шума, не безпокоя высшаго начальства. А если наблюдается множество однообразныхъ индивидуальныхъ случаевъ, вопросъ естественно переходитъ въ должныя инстанціи и получаетъ надлежащее разрѣшеніе, какъ, напр., активныя избирательныя права евреевъ внѣ черты осѣдлости, пассивныя избирательныя права духовныхъ лицъ и пр. Превосходство массового метода можно пояснить сравненіемъ. Одинъ хозяинъ самъ распоряжается, самъ приказываетъ, а слуги только исполняютъ. Другой зоветъ слугъ и говоритъ: мнѣ нужно то-то; не сдѣлаете,—взыщу, сдѣлаете—хорошо дамъ на чай. Первый измучается отъ напряженія, второй будетъ спокойно кушать, почивать, благодушествовать. И все-таки у перваго результатъ, навѣрное, получится менѣе удовлетворительный, чѣмъ у второго.

Иначе бываетъ въ случаяхъ, такъ сказать, творческаго характера, когда хозяинъ творитъ, а слуги по самой природѣ вещей могутъ быть только исполнителями. Но передъ нами не творчество. Просто,—надо однихъ не пущать, другихъ (напр., монаховъ пенсіонеровъ) тащить. Эту несложную работу 40.000 столоначальниковъ исполнятъ всего лучше, если имъ предоставятъ «автономію».

И не только на время выборовъ такого рода автономіи полезны. Беру одинъ изъ злободневныхъ примѣровъ—знаменитый «донской», или «казацкій референдумъ». Суть вкратцѣ такова. Законодательными учрежденіями былъ принятъ законопроектъ о распространеніи дѣйствія городового положенія на городъ Новочеркасскъ. По газетнымъ свѣдѣніямъ, представители военнаго министерства представляли возраженія, но остались въ меньшинствѣ. 16 іюня 1912 г. постановленіе Государственной Думы и Государственнаго Совѣта было Высочайше утверждено, затѣмъ въ надлежащемъ порядкѣ опубликовано и стало закономъ. Офиціальныя «Донскія Областныя Вѣдомости», съ своей стороны, поспѣшили объявить, что эта государственная мѣра «равносильна смерти величавой столицы Донского войска, равносильна заранѣе предрѣшенному

*) „Русское Слово" 24 іюня.

намѣренію влить новую каплю яда», что она исходитъ отъ «кучки людей», которая «во имя честолюбія ведетъ массу къ раззоренію и даже больше—къ постепенному умиранію» *). А областное правленіе особымъ постановленіемъ признало, что эта мѣра «является какъ бы умаленіемъ всемилостивѣйше дарованныхъ войску донскому правъ и привилегій» **). Не знаю, что сказало начальство наказному атаману Донской области, генералу Мищенку. Но пресса не замедлила объяснить, что мѣра, столь энергически осуждаемая, уже прошла всѣ стадіи законодательнаго процесса, стала закономъ, и такое отношеніе къ ней со стороны офиціальныхъ правительственныхъ органовъ и учрежденій, во всякомъ случаѣ, оригинально. Это не помѣшало, однако, поднять и поставить вопросъ объ измѣненіи новаго закона. Онъ былъ поставленъ на разрѣшеніе собраній новочеркасскихъ домовладѣльцевъ, но только казаковъ, при чемъ и казаковъ «полиція оповѣщала не всѣхъ, а только нѣкоторыхъ» ***). Собранія эти, созываемыя,—да отчасти и руководимыя,—чинами мѣстной администраціи, не одобряли новаго закона. Постановлено: благодарить, но просить, чтобы законъ не былъ приведенъ въ дѣйствіе, а подвергся пересмотру... Словомъ, новый варіантъ старой сказки о томъ, какъ цыганъ-кузнецъ мужику топоръ ковалъ. Мужикъ принесъ большой кусокъ желѣза. Цыганъ не счелъ возможнымъ отказываться. Положилъ въ горнъ,—желѣзо сгорѣло, топора не вышло. Сталъ ковать ножикъ,—и ножика не вышло. Въ концѣ-концовъ осталось желѣза только на иголку. Иглу цыганъ выковалъ. Но опустилъ въ воду, чтобъ закалить,—она «пшикнула», потонула и пропала. Уже давно Донъ ждетъ земской реформы. И въ началѣ третьей Думы противъ этого кузнецы явныхъ возраженій не имѣли. Ковали, ковали,—земства не выковали, и къ концу 3 Думы вышла всего лишь иголка,—городовое положеніе для Новочеркасска. Затѣмъ опустили иглу для закалки въ «референдумъ»,—«пшикнула» и, быть можетъ, потонула. По этому случаю газеты говорятъ о «сепаратизмѣ», о сопротивленіи велѣніямъ государственной власти. Полагаю, однако, что новочеркасскіе начальники ни въ сепаратизмѣ, ни въ сопротивленіи не повинны. Можетъ быть, въ ихъ дѣйствіяхъ есть нѣкоторая доза военной прямолинейности, въ гражданскихъ дѣлахъ не всегда удобной, но и только. Зачѣмъ же дѣлать видъ, что мы не понимаемъ, въ чемъ дѣло? Городовое положеніе для Новочеркасска есть уступка духу времени. Физической необходимости дѣлать эту уступку не было. Но бываютъ психологическія необходимости,—нельзя же изъ куска желѣза совсѣмъ ничего не выковать. Ну, а генералъ Мищенко настолько автономенъ, что можетъ во ввѣренной ему области нежелательныя уступки духу времени отвергать. Скажутъ:

---

*) Цит. по «Донской Жизни», 21 іюля.
**) Тамъ же.
***) „Донская Жизнь", 18 іюля.

— Гдѣ же предѣлъ? Въ іюнѣ-іюлѣ одинъ генералъ подвергъ «референдуму» городовое положеніе. Затѣмъ состоялось обычное продленіе охранъ. И другой генералъ возьметъ и подвергнетъ ихъ такому же «референдуму» въ августѣ-сентябрѣ...

Любопытно было бы, однако, посмотрѣть на генерала, который осмѣлится отвергнуть исключительныя положенія. Сколько часовъ послѣ этой операціи онъ продержался бы на посту? Въ томъ и достоинство водворившихся автономій, что они имѣютъ силу ровно до тѣхъ поръ, пока дѣйствуютъ въ нежелательномъ направленіи. При малѣйшемъ уклоненіи въ желательную сторону автономія прекращаетъ свое бытіе и торжествуетъ унитарный принципъ.

Получается идеальное сочетаніе автономности съ субординаціей. А дальше будетъ и еще идеальнѣе. Предметовъ желательныхъ и нежелательныхъ безконечное множество. Новочеркасская администрація разреферендила нежелательное городовое положеніе. Курскій администраторъ можетъ разреферендить нежелательные законы о печати, о почтовыхъ учрежденіяхъ, о биржевыхъ комитетахъ. Владивостокскому администратору, пожалуй, захочется разреферендить законъ, коимъ только судъ уполномачивается рѣшать имущественныя тяжбы. Мало ли у насъ законовъ, которые признаются нежелательными, или о нихъ существуетъ мнѣніе, что они нежелательны? И ужъ совсѣмъ счета нѣтъ предметамъ, которые желательно, наоборотъ, зареферендить. О владивостокскомъ администраторѣ газеты писали недавно, что онъ зареферендилъ себѣ права гражданскихъ судовъ. Другой можетъ зареферендить себѣ право составлять земскія смѣты, права городскихъ думъ, права назначать кандидатовъ, подлежащихъ обязательному избранію... А такъ какъ субъективизмъ въ этомъ случаѣ неизбѣженъ, и непремѣнно одинъ администраторъ сосредоточитъ свое вниманіе не на тѣхъ предметахъ, которые интересуютъ другого, то по мѣрѣ углубленія автономной практики у каждаго изъ 40000 столоначальниковъ устанавливаются все болѣе и болѣе оригинальные законы, не такіе, какъ у другихъ столоначальниковъ. И само собою создастся то, что намъ предлагаютъ «патріоты» à la Меньшиковъ: Россія будетъ разсѣчена, но, разумѣется, по линіямъ не національнаго, а административнаго дѣленія. По этимъ линіямъ ее и разсѣкаютъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ глубже.

Само собою создается и другое. Тому же г. Меньшикову пришлось недавно разбираться въ разнообразіи «патріотическихъ» и административныхъ взглядовъ на «равнодушіе» избирателей. По мнѣнію однихъ, «равнодушіе»—желательное и отрадное явленіе. Другихъ оно безпокоитъ и нервируетъ. Администраторы, склоняющіеся къ первому мнѣнію, стараются пресѣкать неравнодушіе, если оно замѣчается. Администраторы, которымъ равнодушіе представляется опаснымъ, наоборотъ, принимаютъ мѣры, чтобы явилось хоть какое-нибудь оживленіе. Вопросъ, очевидно, нахо-

дится въ дискуссіонной стадіи. Г. Меньшиковъ попытался разрѣшить его,—призналъ, что равнодушіе нежелательно. Но его мнѣніе сочувственно отмѣчено либеральной прессой. А это уже признакъ, вызывающій сомнѣнія. Съ одной стороны, г. Меньшиковъ правъ,—на равнодушіи далеко не уѣдешь: это—«пассивный бойкотъ»—сочетаніе нелогичное, но въ Россіи многое въ разладѣ съ логикой. А съ другой, и оживленіе—вещь опасная. Повидимому, вопросъ такъ и останется не рѣшеннымъ до конца выборовъ. И до конца выборовъ у администраторовъ фактически предоставленная имъ автономія будетъ дѣйствовать во взаимно противоположныхъ направленіяхъ: въ однихъ мѣстахъ подавлять оживленіе, въ другихъ—если не содѣйствовать оживленію, то мириться съ нимъ. Субординація же, благодаря которой, несмотря на автономію, господствуетъ унитарный принципъ, вынуждена молчать, ибо по данному вопросу не выяснено, что же именно желательно, и что не желательно.

Можетъ быть, освобожденіе автономности отъ субординаціи въ данномъ пунктѣ не такъ ужъ важно. Оживляй или подавляй оживленіе,—разница небольшая. Возьмите, однако, землеустроительную политику. Сначала твердо было принято: долой общину. Затѣмъ возникли сомнѣнія. И уже при Столыпинѣ вопросъ сталъ возвращаться въ дискуссіонную стадію. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше выясняется, что покончить съ общиной поторопились. Съ одной стороны, она какъ будто и вредитъ сохраненію устоевъ, а съ другой,—безъ нея устоямъ и вовсе не сдобровать. Мало-по-малу, и въ этомъ пунктѣ автономія освобождается отъ сдерживающихъ началъ субординаціи и попадаетъ въ зависимость отъ мѣры разумѣнія каждаго въ отдѣльности взятаго администратора. Еще немного, и автономія окажется, пожалуй, совсѣмъ свободной: можетъ отмѣнить землеустроительныя новеллы, можетъ и признать ихъ обязательную силу,—то и другое одинаково безнаказанно. А такъ какъ положеніе все болѣе и болѣе усложняется, то и число вопросовъ, переходящихъ въ дискуссіонную стадію, увеличивается. Тѣмъ самымъ увеличивается и число пунктовъ, гдѣ автономія предоставлена самой себѣ и дѣйствуетъ независимо отъ субординаціи. Дожили мы, наконецъ, и до того, что въ дискуссіонную стадію переходитъ даже вопросъ о желательности разбросать Россію по кускамъ. Повторяю, съ этой мыслишкой выскочили было еще въ 1905 г., но быстро сконфузились и примолкли. Постепенно конфузъ прошелъ. И теперь выступаютъ открыто, безъ стѣсненія прямо говорятъ: «были бы счастливы дожить»... Повидимому, окончательный переходъ въ дискуссіонную стадію обезпеченъ. И представьте тогда положеніе хотя бы, напримѣръ, полицейскаго пристава въ бессарабскомъ пограничномъ мѣстечкѣ. У господина пристава автономія. Но какъ ему ею распорядиться—прирефереидить мѣстечко къ Румыніи или не надо? Одни «патріоты» говорятъ: желательно разбросать Россію, другіе находятъ

это нежелательнымъ. Субординація, вслѣдствіе спорности вопроса, бездѣйствуютъ. И все такимъ образомъ попадаетъ въ зависимость отъ мѣры разумѣнія мѣстечковаго пристава. А такъ какъ за мѣру разумѣнія каждаго администратора ни одно правительство не можетъ вполнѣ поручиться, то, какъ знать, быть можетъ, г. Меньшиковъ и доживетъ до того, въ чемъ онъ полагаетъ свое «счастье». Потому и говорю «патріотамъ»: не торопитесь, не ищите иныхъ автономій, кромѣ тѣхъ, которыя сами даются вамъ. Если Богъ попуститъ, то все будетъ для васъ къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ.

А. Петрищевъ.

P. S. Когда текущая книжка «Русскаго Богатства» была уже составлена, въ газетахъ появилось извѣстіе о смерти А. С. Ѳуворина. Отмѣчая это событіе, мы откладываемъ оцѣнку этого во всякомъ случаѣ замѣтнаго человѣка до слѣдующаго раза.

Обозрѣніе иностранной жизни.

I.—Эволюція Японіи въ царствованіе Мутсухито. II.—Продолженіе турецкаго кризиса.

I.

Смерть японскаго императора, послѣдовавшая въ ночь съ 28 на 29 іюля н. с., послужила предметомъ многочисленныхъ комментаріевъ въ туземной и міровой прессѣ. И странное дѣло. Вдумываясь въ характеръ оцѣнокъ покойнаго монарха, вы не можете не придти къ заключенію, что здѣсь даже повидимому серьезные и научно-образованные публицисты оказались снова и снова жертвами обычной исторической иллюзіи, въ силу которой то, что было сдѣлано стараніями всего народа и цѣлыхъ группъ выдающихся дѣятелей, приписывается одному лицу, случайностью рожденія поставленному въ центрѣ сплетенія матеріальныхъ и духовныхъ силъ страны. Какъ на древне-египетскихъ фрескахъ фараоны рисуются исполинами, которые подавляютъ своимъ ростомъ окружающихъ ихъ обыкновенныхъ смертныхъ, такъ и Мутсухито подъ перомъ біографовъ и авторовъ некрологовъ принимаетъ гигантскіе размѣры настоящаго полубога, заслоняющаго своею величественною тѣнью реальный процессъ японской исторіи и развитія мѣстной культуры. Мы не будемъ уже говорить о прессѣ въ странахъ сравнительно отставшихъ въ своемъ политическомъ развитіи: для писателей, не освоившихся на практикѣ съ значеніемъ коллективной дѣятельности цѣлаго народа, естественно говорить о Мутсухито, какъ о какомъ-то Петрѣ Великомъ желтой расы. Но и

публицисты тѣхъ передовыхъ націй, гдѣ народная самодѣятельность издавна играетъ важную роль, не могли удержаться отъ того, чтобы не свести чуть не цѣликомъ общую работу развивающейся Японіи къ инициативѣ «великаго реформатора» на тронѣ.

Можно прямо подумать, что съ самаго начала своего 45-лѣтняго царствованія монархъ Ниппона, вступившій на престолъ на 15-мъ году отъ рожденія, уже былъ геніальнымъ преобразователемъ, сознательно выдвигавшимъ одну реформу за другой, постепенно объединявшимъ ихъ въ цѣлую политическую систему и все время работавшимъ надъ пріобщеніемъ Японіи къ семьѣ цивилизованныхъ народовъ и первоклассныхъ державъ. Мало того. Та же самая аберрація заставляетъ наблюдателей общественной и политической жизни въ «Имперіи Восходящаго Солнца» приписывать всѣ ея успѣхи въ матеріальной и духовной области опять-таки Мутсухито, хотя, казалось бы, естественнаго развитія націи, увеличенія народонаселенія, роста торговли, расширенія сѣти желѣзныхъ дорогъ было бы достаточно для того, чтобы объяснить непрерывный прогрессъ Японіи *).

Намъ хотѣлось бы, поэтому, познакомить читателя съ причинами и условіями тѣхъ дѣйствительно крупныхъ преобразованій, которыя произошли въ царствованіе покойнаго императора, но объясняются не личными достоинствами самого монарха, а естественной тягой великихъ историческихъ событій. Банальное изображеніе хода реформъ при Мутсухито сводится, какъ извѣстно, къ слѣдующей схемѣ. Увидѣвъ все зло, проистекающее отъ чрезмѣрнаго развитія феодальнаго строя, необыкновенно умный юноша, при поддержкѣ старыхъ политиковъ Японіи, рѣшилъ возстановить потрясенную императорскую власть и совершилъ, не безъ упорнаго сопротивленія сеньйоровъ, необходимый переворотъ, придавшій власти строго централизованный характеръ. Затѣмъ онъ воспользовался мощнымъ орудіемъ сконцентрированнаго такимъ образомъ въ его рукахъ просвѣщеннаго абсолютизма для того, чтобы произвести цѣлый рядъ преобразованій общественнаго, политическаго и образовательнаго характера, и, пріучивъ страну къ извѣстной самодѣятельности, далъ ей, наконецъ, представительныя учрежденія. Такое понятіе о громадномъ переворотѣ, потрясшемъ до основанія старый японскій укладъ, пахнетъ, однако, несомнѣннѣйшей легендой. На самомъ дѣлѣ, превращеніе Японіи изъ средневѣковаго феодальнаго государства въ современное централизованное и конституціонное объясняется вполнѣ тѣми особенностями политической и соціальной эволюціи, которыя подготовля-

*) Населеніе: 33,7 милл. въ 1873 и 51,6 милл., а съ колоніями даже 68,6 милл. въ 1911; внѣшняя торговля: 28 милл. йенъ (йенъ—немного меньше рубля) въ 1867 и 965,5 милл. въ 1910; длина желѣзныхъ дорогъ: 138 километровъ въ 1881 и 8255 километровъ въ 1910; періодическая пресса: 1 газета въ 1871, 266 въ 1878, 2300 въ 1910.

лись всею исторіею въ быстро прогрессировавшей странѣ. Естественная игра этихъ историческихъ факторовъ и должна была въ извѣстный моментъ продвинуть Японію съ низшей стадіи развитія на высшую.

Намъ придется въ доказательство охарактеризовать двумя словами предшествовавшій путь политической эволюціи Ниппона. Мы знаемъ, что уже въ XII вѣкѣ носители императорской власти въ Японіи позволили впервые выпасть значительной долѣ своего могущества изъ ихъ ослабѣвшихъ рукъ въ руки энергичныхъ военныхъ правителей, совершенно на подобіе того, какъ это случилось во Франціи съ Меровингами, у которыхъ власть была отобрана высшими придворными чинами, заправлявшими феодальнымъ государствомъ подъ именемъ майордомовъ. Японскіе императоры, именуемые на языкѣ страны *тенно* («микадо» является лишь поэтическимъ названіемъ, не употребляемымъ самими японцами въ прозѣ), принуждены были окончательно поступиться въ XVII вѣкѣ своею реальною властью въ пользу такъ называемыхъ *сіогуновъ*, или *шогуновъ* (собственно *сейитай-шогунъ*, или «главнокомандующій, побѣждающій варваровъ»), а за собою оставить лишь духовную власть, основанную на глубочайшемъ религіозномъ почитаніи старинныхъ владыкъ со стороны населенія. Идея верховной власти въ Японіи, дѣйствительно, сильно пропитана элементами культа предковъ и патріархальнаго отношенія подданныхъ къ императору, какъ къ своему отцу. Легко понять, какимъ ореоломъ должна была быть окружена личность императоровъ, принадлежащихъ къ династіи Джимму-Тенно, которая возникла въ VII-мъ в. до Р. Х. и продолжается непрерывно вплоть до нашего времени, когда въ лицѣ Мутсухито Японія имѣетъ 121-го императора изъ этой фамиліи.

Возникнувъ въ тотъ моментъ, когда въ народѣ были еще сильны родовыя и патріархальныя традиціи, тѣсно связывавшія власть политическую съ властью духовной, императорскій авторитетъ продолжалъ въ глазахъ народа опираться на самыя глубокія основы религіозныхъ представленій. И вотъ, когда политическая революція выбила свѣтскій мечъ изъ рукъ микадо и передала его сіогунамъ, послѣдніе съ замѣчательнымъ историческимъ чутьемъ воспользовались этимъ чрезвычайно набожнымъ взглядомъ народа на своего властителя, чтобы представить грубую операцію лишенія императора политической власти въ видѣ церемоніи возвеличенія его въ религіозномъ и нравственномъ отношеніяхъ. Сіогунъ съ охотою подчеркивалъ и развивалъ еще далѣе выраженія религіознаго піэтета и обожествляющаго культа, питаемаго японцами по отношенію къ своему монарху. Микадо—божество, и, какъ Богъ, долженъ быть отрѣшенъ отъ всякихъ низменныхъ заботъ и попеченій. Сынъ Неба,—онъ долженъ быть какъ можно меньше связанъ съ землей. Это проявляется даже во внѣшней символистикѣ этикета: онъ никогда не долженъ касаться своими

ногами почвы; никогда солнце не должно освѣщать его августѣйшую голову; онъ долженъ царить во внутреннихъ покояхъ своего дворца почти безъ всякаго общенія съ внѣшнимъ міромъ и лишь въ крайнихъ случаяхъ поставляется въ извѣстность о томъ, что происходитъ на родинѣ, да и тогда можетъ вмѣшиваться въ ходъ событій лишь возсыланіемъ молитвъ къ тѣнямъ своихъ предковъ. Такъ шли долгіе годы, и прошли цѣлые вѣка.

Но и сіогунатъ сталъ подвергаться тому же самому процессу вырожденія, жертвой котораго пала раньше императорская власть. И у сіогуновъ нашлись свои майордомы въ лицѣ министровъ, которые столь же успѣшно выбили у нихъ изъ рукъ власть и присвоили ее себѣ, какъ то нѣсколькими столѣтіями ранѣе продѣлали съ императорами сіогуны. Этотъ распадъ энергичной власти пошелъ быстрыми шагами съ конца XVII вѣка, т. е. почти съ того самаго момента, какъ сіогуны совершенно оттѣснили на задній планъ императоровъ. Эта эпоха характеризуется усиленной кристаллизаціей общественныхъ отношеній. Все болѣе и болѣе вырабатывавшійся феодальный строй создавалъ различные соціальные классы и проводилъ между ними рѣзкія границы, раздѣляя націю на плебеевъ и на привилегированное меньшинство, а затѣмъ раскалывая и обѣ эти основныя группы населенія на нѣсколько категорій. Наканунѣ реформъ 60-хъ годовъ японское общество состояло, дѣйствительно, прежде всего, изъ трехъ рѣзко отграниченныхъ одно отъ другого сословій: императорскаго двора и придворныхъ знатныхъ фамилій, или *куге*; военнаго сословія, называвшагося *буке*, болѣе извѣстнаго подъ популярнымъ въ Европѣ именемъ *самураи*; и, наконецъ, простонародья, или такъ называемаго *геймина*.

Куге, въ числѣ 155 семействъ, пользовались необыкновеннымъ внѣшнимъ почетомъ, напоминавшимъ въ маломъ масштабѣ культъ императора и его семьи, но не имѣли дѣйствительной власти, не обладали земельной собственностью и влачили свое гордое, но бѣдное существованіе, получая отъ двора лишь самое скудное содержаніе, чтобы не умереть съ голоду на своихъ почетныхъ должностяхъ. Значительно ниже ихъ размѣщался на соціальной лѣстницѣ чисто военный классъ самураевъ, который составлялъ около пяти или шести процентовъ всей націи, былъ воспитанъ въ традиціяхъ героизма и сословной чести, получалъ наслѣдственные доходы и занималъ большинство наслѣдственныхъ же административныхъ должностей. Въ тѣсной связи съ самураями и опираясь на ихъ могучую корпорацію, постепенно выработался классъ владѣтельныхъ князей, или дайміо, обладавшій обширными помѣстьями, пользовавшійся правами верховной юрисдикціи на своихъ земляхъ и превратившійся съ теченіемъ времени въ широко развѣтвленную іерархію феодальныхъ властителей, автономно управлявшихъ различными областями и дѣленіями государства. Съ

теченіемъ времени и дайміо потеряли значительную долю своей власти, фактически перешедшей къ непривилегированному, но предпріимчивому кругу управителей ихъ владѣній. Наконецъ, что касается до простого народа, то онъ въ свою очередь распадался на три сословія: земледѣльцевъ, которые пользовались довольно значительнымъ уваженіемъ; ремесленниковъ, слѣдовавшихъ по своему общественному положенію за ними; и торговцевъ, которые, вслѣдствіе преобладающаго характера земледѣлія и почетныхъ ремеслъ въ древней Японіи, равно какъ неразвитости мѣновыхъ отношеній, занимали послѣднюю ступень на соціальной лѣстницѣ,— если не считать, впрочемъ, особаго класса парій, или *хининъ*, закономъ обособленныхъ отъ всѣхъ остальныхъ классовъ и принужденныхъ въ количествѣ 700 тысячъ ютиться въ небольшихъ деревняхъ, заключая браки между собою и никогда не мѣшаясь съ другими сословіями.

Первую крупную брешь въ многовѣковой цитадели феодальныхъ учрежденій пробило возстановленіе императорской власти и уничтоженіе сіогуната. Эти оба важныя историческія событія послѣдовали въ результатѣ чрезвычайно ожесточенной борьбы крупнѣйшихъ феодаловъ сѣвера и юга. Наиболѣе замѣчательный изъ нихъ, Кейки, человѣкъ, одаренный выдающимися политическими способностями и проницательностью, ясно увидѣлъ, уже въ концѣ 50-хъ годовъ, что Японіи не справиться съ начавшими обступать ее со всѣхъ сторонъ культурными иностранцами, если власть въ имперіи будетъ по прежнему раздѣляться между теряющимся въ облакахъ божественнаго культа императоромъ и все болѣе слабѣющимъ свѣтскимъ владыкой. Кейки, бывшій послѣднимъ сіогуномъ, и рѣшилъ добровольно отказаться отъ своей власти въ пользу императора, но съ тѣмъ, чтобы реорганизованное центральное правительство сейчасъ же обратило оружіе противъ крупныхъ феодальныхъ родовъ, въ которыхъ сіогунъ видѣлъ главныхъ какъ своихъ, такъ и государственныхъ враговъ. Произошло замѣшательство. Формальнымъ образомъ многіе феодальные владѣльцы стали соглашаться на передачу дѣйствительной власти императору, но видѣли въ послѣднемъ прежде всего орудіе низверженія однихъ соперничающихъ родовъ и возвеличенія другихъ. Молодой императоръ Мутсухито по смерти своего отца, Комэи-Тенно, вступилъ на престолъ 13 февраля 1867 г. И сейчасъ же къ нему были обращены жаркія чаянія боровшихся между собою крупныхъ феодаловъ. Эта ожесточенная война могла бы продолжаться долго, если бы рядомъ съ привилегированнымъ классомъ придворныхъ и воинственной кастой самураевъ не существовала упомянутая нами выше дѣятельная група управителей землями сеньйоровъ, съ теченіемъ времени успѣвшая притянуть къ себѣ реальную власть самихъ феодаловъ, а имъ оставившая лишь часть доходовъ и призрачный авторитетъ. Этотъ-то кругъ людей, стоявшій на рубежѣ между

привилегированными сословіями и простымъ народомъ,—кстати сказать, принимавшимъ въ то время лишь слабое участіе въ политической жизни,—и былъ однимъ изъ главныхъ элементовъ готовящейся революціи, которая должна была нанести рѣшительный ударъ феодализму. Ему помогала кучка юной и очень энергичной интеллигенціи, которая состояла изъ возвратившихся на родину студентовъ, успѣвшихъ ознакомиться съ политическою жизнью цивилизованныхъ странъ, и изъ молодыхъ ученыхъ, желавшихъ поскорѣе примѣнить усвоенные ими принципы культурныхъ государствъ къ своему отечеству.

Силы реформаторовъ, однако, въ общемъ не были все же очень значительны. И не будь нѣкоторыхъ благопріятныхъ условій, этотъ прогрессивный факторъ не могъ бы такъ скоро оказать рѣшительнаго вліянія на политическую исторію страны. Но его удѣльный вѣсъ очень возросъ въ тотъ критическій моментъ, когда междоусобная война между крупными феодалами ослабила силу ихъ напора на государство, а среди низшей, но замѣчательно воинственной части привилегированнаго сословія, а именно самураевъ, возникла мысль разрушить ту территоріальную политическую автономію, которою пользовались феодалы въ своихъ личныхъ цѣляхъ, и, уничтоживъ ее, помочь императорской власти водвориться на развалинахъ прежняго строя. За эту существенную услугу самураи разсчитывали получить отъ императора соотвѣтствующія матеріальныя и политическія выгоды, напр., въ формѣ замѣщенія ими административныхъ и военныхъ постовъ. Кромѣ того, тутъ проснулась старинная историческая традиція самураевъ, которые въ прежнее время были вѣрными слугами императора и теперь, по истеченіи цѣлыхъ столѣтій, снова шли на помощь центральной власти, начинавшей заниматься процессомъ собиранія японской земли. 1871 г. ознаменовался рядомъ очень радикальныхъ для того времени реформъ, которыя номинально исходили отъ императора (ему было въ то время лишь 19 лѣтъ), а на самомъ дѣлѣ, были продиктованы той либеральной интеллигенціей и той группой прогрессивныхъ управителей феодальныхъ владѣній, о которыхъ мы говорили выше. Эти радикальныя реформы состояли главнымъ образомъ въ уничтоженіи феодальной автономіи областей, равно какъ въ выкупѣ сеньйоріальныхъ доходовъ государствомъ съ замѣной ихъ отчасти единовременными взносами, отчасти ежегодными платежами изъ казначейства. Эта соціально-политическая мѣра съ финансовой стороны качественно уравнивала крупныхъ феодаловъ и служилый классъ самураевъ и лишь количественно устанавливала извѣстное различіе между ними въ соотвѣтствіи съ бóльшимъ количествомъ доходовъ, получавшихся феодалами, или такъ называемыми дайміо.

Нѣсколько лѣтъ спустя политическій прогрессъ былъ ускоренъ новымъ и чрезвычайно ожесточеннымъ мятежемъ 77 г., исходив-

шимъ изъ провинціи Сатсума, гдѣ и крупные феодалы и самураи, сгруппировавшись вокругъ вождя Сайго, подняли знамя возстанія противъ центральнаго правительства за нерѣшительность его политики по отношенію къ Кореѣ: захватъ ея милитаристы тогдашней Японіи считали необходимымъ для того, чтобы внѣшнею войною снова усилить соціальное значеніе феодаловъ и отвести остріе радикальныхъ реформъ отъ груди старыхъ привилегированныхъ классовъ. Это возстаніе свирѣпствовало въ теченіе цѣлыхъ девяти мѣсяцевъ и, несмотря на отчаянное сопротивленіе воинственнаго класса, который могъ выставить всего 40.000 героическихъ солдатъ противъ 60.000 императорскихъ войскъ, закончилось побѣдой центральной власти. Оплотъ феодализма былъ разрушенъ, и съ конца 70-хъ годовъ наступаетъ эра болѣе или менѣе непрерывныхъ реформъ, проводимыхъ выдающимися политиками Японіи,—при сочувствіи императора, у котораго было достаточно здраваго смысла, чтобы не противодѣйствовать обновленію всего государственнаго и общественнаго строя. То была пора увлеченія иностранными учителями. Въ этомъ отношеніи японское правительство отличалось любопытнымъ эклектизмомъ. Оно обращалось одновременно къ представителямъ различныхъ культурныхъ націй, ища среди каждой спеціалистовъ по извѣстной области. Такъ, за собственно народнымъ образованіемъ, за почтовыми реформами, за земледѣльческими и колонизаціонными планами Японія шла къ американцамъ. Постройкѣ желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ, флота и маяковъ Имперія Восходящаго Солнца училась у англичанъ. Отъ французовъ были восприняты основанія реформы законодательства и военной стратегіи и тактики, тогда какъ обученіе офицеровъ было ввѣрено Германіи, получившей также привилегію на обученіе медицинѣ и на выработку коммерческаго законодательства. И даже Италія была притянута въ учительскій персоналъ Японіи въ области живописи и скульптуры.

Слѣдующій періодъ, захватывающій приблизительно всѣ 80-ые годы, проходитъ въ двоякой борьбѣ, помогающей однако общимъ успѣхамъ политической свободы. Прежде всего наблюдается явленіе, которому можно подыскать аналогію и въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ (хотя бы у насъ, въ Россіи, въ періодъ смутнаго времени и замѣны одной династіи другою): жестоко борясь другъ съ другомъ и истребляя себя почти до взаимнаго уничтоженія, соперничающіе феодальные роды начинаютъ понимать, что возвышеніе на ихъ общихъ развалинахъ императорской власти должно будетъ въ концѣ концовъ отдать ихъ связанными по рукамъ и ногамъ центральному правительству. Имъ казалось поэтому необходимымъ запастись въ этотъ переходный моментъ гарантіями отъ новой власти. И если въ пылу ожесточенія каждый изъ враждующихъ клановъ готовъ былъ служить микадо, лишь бы добиться разгрома своего врага, то всѣ они вмѣстѣ ставили однако въ видѣ возна-

гражденія за эту помощь требованіе извѣстныхъ ограниченій императорской власти. Другая борьба шла по иной болѣе широкой линіи и вела къ правовымъ учрежденіямъ болѣе прямымъ путемъ. Дѣло въ томъ, что мало-по-малу реформы, предпринятыя при участіи иностранцевъ и касавшіяся различныхъ матеріальныхъ и духовныхъ сторонъ стараго режима, успѣли пробудить нѣкоторый интересъ въ остававшихся дотолѣ индифферентными массахъ. А сформировавшаяся къ тому времени сильная партія либеральной интеллигенціи уже не удовлетворялась проведеніемъ важныхъ и все же частныхъ преобразованій руками поддерживаемой ими центральной власти, но прямо ставила вопросъ о необходимости представительныхъ учрежденій. Во всякомъ случаѣ, поддержка широкихъ слоевъ не отличалась еще въ это время особою энергіею, а о прямомъ воздѣйствіи народа на вожаковъ и думать было нечего.

Сравнительною слабостью этого давленія японской націи на либеральныхъ лидеровъ и объясняется привилегированный олигархическій характеръ конституціи, подготовленіе которой съ каждымъ годомъ шло все дѣятельнѣе и энергичнѣе. Этотъ олигархическій отпечатокъ носятъ, напримѣръ, тѣ предварительныя провинціальныя собранія, которыя были вызваны къ жизни декретомъ въ концѣ 70-хъ годовъ и которыя, по мнѣнію тогдашнихъ выдающихся наблюдателей (Льва Мечникова, Элизэ Реклю и другихъ), являлись подражаніемъ «положенію о земскихъ учрежденіяхъ» въ Россіи, опирались на существованіе цензовыхъ избирателей и характеризовались кратковременностью сессій. Въ томъ же духѣ, но ближе къ прусскому образцу, вырабатывалась и конституція самой центральной власти. Она была обнародована 11 февраля 1889 г.,— обнародована, какъ часто забываютъ сказать объ этомъ историки, не столько по иниціативѣ Мутсухито, сколько подъ давленіемъ его выдающихся совѣтниковъ. Послѣдніе, дѣйствительно, указывали, что, въ случаѣ промедленія, та ожесточенная политическая борьба между старой и молодой Японіей, которая во второй половинѣ 80-хъ годовъ выражалась со стороны энергичныхъ прогрессистовъ въ заговорахъ противъ министровъ, въ динамитныхъ покушеніяхъ, въ попыткахъ поднять возстаніе въ Кореѣ, а со стороны правительства въ разгонѣ политическихъ собраній полицейскими, въ закрытіи журналовъ по произволу министра внутреннихъ дѣлъ, и вообще въ жестокихъ преслѣдованіяхъ оппозиціи, — что эта борьба можетъ въ концѣ концѣ превратиться въ настоящую междоусобную войну и нанести серьезный ущербъ всей націи.

Авторы конституціи,—какъ они сами признавались въ томъ впослѣдствіи,—разсчитывали, что дарованіе этой хартіи успокоитъ черезчуръ возбужденные ожиданіемъ полной политической свободы умы, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, по самому характеру своему, не дастъ возможности «незрѣлому» народу безконтрольно распоряжаться

своими судьбами. И, дѣйствительно, достаточно припомнить лишь нѣкоторыя черты японской конституціи, чтобы видѣть, какъ далеко она отстоитъ отъ истинной демократіи. Японскій императоръ обладаетъ очень значительной властью, такъ какъ, если законодательную функцію онъ дѣлитъ съ парламентомъ, то функція исполнительная находится цѣликомъ въ его рукахъ, ибо онъ назначаетъ министровъ, являющихся отвѣтственными только передъ нимъ. Не менѣе показателенъ, въ смыслѣ слабости демократическихъ принциповъ въ этой конституціи, и составъ, и характеръ японскаго парламента. Верхняя палата, или палата пэровъ (кизокуинъ), состоитъ изъ членовъ императорской фамиліи и представителей высшихъ сословій, изъ лицъ, непосредственно назначенныхъ императоромъ за услуги государству или за ученость, наконецъ, изъ лицъ, избранныхъ наиболѣе крупными плательщиками податей и утвержденныхъ опять-таки императоромъ. А низшая палата, или палата депутатовъ (шуги-инъ), состоитъ изъ цензовиковъ, вносящихъ не менѣе 10 йенъ (около 10 рублей) прямыхъ налоговъ, что для Японіи является значительной суммой. Достаточно сказать, что, стиснутая этимъ цензомъ, общая сумма избирателей едва превышаетъ полтора процента всего населенія.

Не менѣе типиченъ для японскаго парламента самый наказъ его, имѣющій очевидною цѣлью ослабленіе престижа законодательнаго собранія и приданіе ему характера бюрократическаго совѣщательнаго учрежденія. Всякій мало-мальски серьезный законопроектъ не можетъ служить предметомъ обсужденія на общихъ засѣданіяхъ, пока не былъ предварительно переданъ въ спеціальную комиссію и разработанъ въ ней такъ, что послѣ этой операціи палатѣ приходится въ сущности вотировать только «да» или «нѣтъ», и рѣчи, могущія перевернуть настроеніе парламента, становятся безполезными. Съ другой стороны, засѣданія парламента немногочисленны и коротки. Но машина комиссій работаетъ съ такимъ усердіемъ, что въ лѣтописяхъ японскаго законодательства встрѣчаются нерѣдко года, когда на какихъ-нибудь трехъ десяткахъ засѣданій, занимавшихъ въ общемъ немногимъ больше 110 часовъ (то-есть менѣе 4-хъ часовъ каждое), было проведено болѣе 55 биллей, изъ которыхъ иные представляли собою большую важность, вродѣ, напримѣръ, закона о золотой валютѣ, о таможенныхъ пошлинахъ, о бюджетѣ и т. д.

Этотъ характеръ не столько широкаго парламентарнаго, сколько бюрократическаго,—въ тѣни комиссій,—обсужденія мѣръ, идетъ параллельно со слабымъ развитіемъ общей политической жизни и партійной борьбы въ Японіи, гдѣ, по замѣчанію проницательныхъ наблюдателей, до сихъ поръ партіи отграничены одна отъ другой не столько своими программами, сколько вопросами личнаго вліянія того или иного вожака. Достаточно вспомнить хотя бы происхожденіе «либеральной» партіи, съ одной стороны, и «прогрессивной»,

съ другой, чтобы видѣть, въ какой степени партійный водораздѣлъ проходитъ не по великимъ группировкамъ матеріальныхъ и идейныхъ интересовъ, а въ зависимости отъ честолюбія и стремленія къ власти различныхъ политическихъ дѣятелей, такъ что европеецъ зачастую съ недоумѣніемъ спрашиваетъ себя, да чѣмъ же собственно разнятся соперничающія партіи, кромѣ состава лидеровъ.

Настоящее министерство маркиза Сайонзи, ставшее у власти 30 августа 1911 года, пытается, правда, выработать практику партійнаго управленія страной. Большое количество депутатовъ изъ партіи сейю-кай, прошедшихъ на выборахъ 15 мая текущаго года (на 217 депутатовъ этой партіи приходится всего 89 націоналистовъ, 27 членовъ центральнаго клуба, 44 независимыхъ) и принадлежащихъ къ одинаковому оттѣнку съ главнымъ министромъ, можетъ быть, дѣйствительно, дастъ возможность осуществить правильную смѣну борющихся партій и политическихъ направленій, какъ то мы видимъ въ странахъ съ давнишней парламентской традиціей, напримѣръ, въ Англіи. Но главная трудность заключается въ томъ, что въ Японіи, какъ было уже сказано, избирательный корпусъ представляетъ собою пирамиду съ очень узкимъ основаніемъ, и массы до сихъ поръ слабо втянуты въ политическую борьбу. Въ Ниппонѣ истинный парламентаризмъ пока отсутствуетъ. Отсутствуетъ не только въ томъ смыслѣ, что министерство отвѣтственно передъ императоромъ, а не народными представителями, но еще и въ томъ спеціальномъ смыслѣ, что основная линія политики вырабатывается не только кабинетомъ, стоящимъ въ даннымъ моментъ у власти, а и тѣмъ неофиціальнымъ, но могущественно работающимъ за кулисами конституціи органомъ управленія, который состоитъ изъ старыхъ опытныхъ политиковъ и ветерановъ бюрократіи. Это своеобразное учрежденіе, извѣстное подъ именемъ генро, является крѣпко сплоченнымъ ядромъ олигархіи, сохраняющимъ извѣстныя традиціи, подсказывающимъ опредѣленныя рѣшенія съ одной стороны верховной власти, а съ другой—находящемуся у власти министерству, дѣятельность котораго въ значительной степени вдохновляется указаніями этихъ «политическихъ старѣйшинъ». Словомъ, пока въ Японіи не будетъ расширено число избирателей, и привлечены къ политической дѣятельности широкія массы, до тѣхъ поръ и политика страны, въ силу самой малочисленности правящаго контингента, будетъ сводиться къ борьбѣ не программъ, а лицъ.

Не надо, кромѣ того, забывать, что современная Японія представляетъ собою страну, въ которой живутъ и борются далеко не спаявшіяся между собой воззрѣнія старой и новой эпохи. Такъ, феодализмъ сошелъ со сцены, исчезъ и абсолютизмъ, и юридически все населеніе пользуется одинаковыми гражданскими пра-

вами. Но въ японскомъ обществѣ бродятъ еще элементы политическаго средневѣковья и почти первобытнаго культа верховныхъ властителей. Пока душа японскаго народа въ цѣломъ не потерпитъ значительнаго измѣненія въ смыслѣ современности, и пока свѣжія идеи не распространятся изъ сравнительно узкихъ донынѣ круговъ крайнихъ демократовъ и соціалистовъ по всей странѣ, до тѣхъ поръ японская политика будетъ носить не только метафизическій характеръ, который приписывался проницательнымъ умомъ Огюста Конта правленію адвокатовъ и вообще легистовъ, но и рѣзко выраженный теологическій характеръ, который считается съ велѣніями заоблачныхъ божествъ въ сферѣ чисто земной дѣятельности. Это столкновеніе старыхъ и новыхъ идей можно было наблюдать какъ разъ во время агоніи императора.

Вопросъ шелъ въ сущности о переходѣ власти изъ рукъ одного конституціоннаго монарха въ руки другого такого же монарха. Но посмотрите, какая удивительная психологія выростала на фонѣ этой перемѣны, которая, какова бы ни была роль императора, во всякомъ случаѣ относится къ вполнѣ житейской области, тогда какъ настроеніе умовъ, сопровождавшее исчезновеніе стараго микадо съ политической сцены, отодвигало насъ въ эпоху чисто первобытныхъ религіозныхъ отношеній. Монархъ вырисовывался теперь во всемъ своемъ мифическомъ величіи, и иллюзія, созданная самими же подданными, превращала его смерть въ нѣчто грандіозное, чуть ли не въ какой-то космическій переворотъ. Сочетаніе современной цивилизаціи въ формѣ строго научной и технической мысли и старой культуры, основанной на почитаніи духовъ предковъ, и во главѣ ихъ духа императоровъ, образовало одну пеструю, причудливую идейную ткань, переносившую насъ за тысячелѣтія назадъ. Съ одной стороны, у изголовья монарха находилось все, что было только крупнаго и серьезнаго въ области научной японской медицины. Съ тѣмъ поразительнымъ умѣніемъ овладѣвать послѣднимъ словомъ техники, которое характеризуетъ японцевъ, доктора, смѣнявшіеся у одра микадо, прибѣгали къ самымъ тонкимъ и научнымъ пріемамъ леченія. А, съ другой стороны, во всѣхъ окрестностяхъ дворца шло своего рода коллективное мистическое врачеваніе императора всенародными моленіями толпы, безчисленными тысячами облегавшей дворецъ и прибѣгавшей ко всѣмъ стариннымъ заклинаніямъ религіознаго чудотворства, которое входитъ необходимымъ элементомъ въ различныя офиціальныя и неофиціальныя религіи Японіи.

Въ одномъ мѣстѣ жрецы національнаго синтоистскаго культа, окруженные цѣлымъ сонмомъ вѣрующихъ, возносили къ благодѣтельнымъ духамъ мольбы о ниспосланіи здоровья отцу народа, въ другомъ—группы фанатическихъ женщинъ прибѣгали къ древнѣйшимъ пріемамъ заклинанія злыхъ геніевъ, сидя на землѣ и удерживая, при помощи удивительной эквилибристики, цѣлый рядъ

зажженныхъ свѣчей на обнаженныхъ рукахъ и ногахъ. Десятки дѣвушекъ обрѣзали свои косы, принося эту жертву Небу ради спасенія Мутсухито. Были даже случаи традиціоннаго самоубійства, когда страшная операція *харакири* продѣлывалась ревностными слугами монарха, нежелавшими пережить своего господина, напоминая намъ о томъ стародавнемъ обычаѣ, когда смерть священной особы императора влекла за собою умерщвленіе цѣлыхъ толпъ людей и животныхъ, служившихъ при жизни властителю, для того, чтобы продолжать ему это служеніе и въ царствѣ Свѣта. Въ бюллетеняхъ о здоровьѣ самый точный медицинскій діагнозъ выражался въ терминахъ, поражающихъ современнаго цивилизованнаго человѣка религіознымъ характеромъ почитанія императора. И европейцы не безъ удивленія читали въ этихъ бюллетеняхъ о «досточтимой» температурѣ, которая достигала стольких-то градусовъ, и объ «августѣйшемъ» пульсѣ, который бился столько-то разъ въ минуту. Это сочетаніе современной научной техники и навыковъ теологическаго періода мысли и даютъ читателю въ частномъ случаѣ хорошее понятіе о томъ, до какой степени пріобщеніе японцевъ къ цивилизаціи однѣми сторонами ихъ существованія идетъ пока рука объ руку съ сохраненіемъ міровоззрѣнія, еще пропитаннаго элементами древнѣйшихъ теологическихъ и метафизическихъ взглядовъ.

Не нужно, конечно, черезчуръ преувеличивать непоколебимость этой древней идеологіи. Если не о хлѣбѣ единомъ живъ человѣкъ, то онъ еще менѣе живетъ одними идеями и воззрѣніями стараго періода. Реальная жизнь, вступающая все болѣе въ свои права, и вся та научная техника, которую съ такимъ мастерствомъ усваиваютъ себѣ японцы, оригинально развивая нѣкоторыя стороны ея, должна въ концѣ концовъ подѣйствовать и на измѣненіе цѣлаго міровоззрѣнія. Желѣзныя дороги, усовершенствованныя взрывчатыя вещества, радіотелеграфъ и аэропланъ, а съ другой стороны все болѣе распространяющіяся сочиненія европейскихъ авторовъ, подтвергаютъ мозгъ японца такимъ неустаннымъ умственнымъ толчкамъ, которые въ концѣ концовъ должны будутъ опрокинуть зданіе повидимому самыхъ прочныхъ доисторическихъ идеологій и замѣнить ихъ болѣе реальнымъ міропониманіемъ, лучше соотвѣтствующимъ дѣйствительности.

Новые взгляды уже даютъ себя знать не только среди японской интеллигенціи, передовые представители которой прекрасно знакомы съ выдающимися мыслителями Европы и Америки, но и среди рабочихъ слоевъ, выдвинутыхъ быстрымъ образованіемъ промышленности, которую само же правительство создало за послѣднія 40—50 лѣтъ въ теплицѣ покровительственнаго и строго регламентаціоннаго режима. И на многовѣковой почвѣ Японіи уже ведется борьба труда и капитала, нынѣ охватившая весь міръ, и вызываетъ оживленный обмѣнъ и столкновеніе противоположныхъ

общественныхъ идеаловъ. Къ сожалѣнію, пресса культурныхъ странъ мало обращаетъ вниманія на матеріальныя и духовныя проявленія этой соціальной борьбы, которая въ концѣ концовъ должна и въ Ниппонѣ произвести то же самое обостреніе и усложненіе политической борьбы, какое она произвела въ странахъ европейской культуры.

Такъ мнѣ уже раза два-три приходилось и въ этихъ обозрѣніяхъ, и въ отдѣльныхъ статьяхъ упоминать о промахахъ европейской буржуазной печати, которая въ пику своимъ антимилитаристамъ сплошь умиляется пресловутымъ патріотизмомъ японцевъ и не обращаетъ вниманія на тѣ проявленія новаго духа, которыя напоминаютъ намъ соотвѣтствующія теченія въ умственной жизни странъ, уже давно пріобщившихся къ цивилизаціи. Японскій патріотизмъ, выросшій въ очень давнія времена, характеризуется, напримѣръ, поглощеніемъ личности государствомъ, принесеніемъ въ жертву отдѣльнаго человѣка интересамъ цѣлаго общежитія. Но современныя условія японской жизни начинаютъ уже вырабатывать въ индивидуумѣ стремленіе защищать свои законныя права противъ цѣлаго общества и бороться съ государственными традиціями, разъ онѣ подавляютъ развитіе человѣческой личности. Любопытно, что въ Японіи послѣднихъ лѣтъ развивается не только европейскій соціализмъ, старающійся разумно разрѣшить противорѣчіе между свободою индивидуума и благомъ всего общежитія, но и соціалистическій и даже индивидуалистическій анархизмъ, который питается не столько писателями крайняго революціоннаго направленія, вродѣ Крапоткина, сколько сравнительно умѣренными мыслителями свободомыслящей буржуазіи, вродѣ Спенсера, нападающими на соціализмъ во имя личности. Индивидуумъ видимо начинаетъ пробуждаться и въ Японіи и заявлять о своихъ неотчуждаемыхъ естественныхъ правахъ, которыя онъ желаетъ отстаивать отъ притязаній архаическаго общественнаго союза.

Въ японской періодической прессѣ и на засѣданіяхъ политическихъ обществъ традиціоннаго типа все чаще и чаще слышатся жалобы на то, что старинный могучій патріотизмъ японцевъ, побуждавшій ихъ расточать свою жизнь въ государственныхъ цѣляхъ съ чрезвычайной легкостью, начинаетъ уступать мѣсто сознанію человѣческаго достоинства и стремленію разсматривать живую личность, какъ высокую самоцѣль.

Въ мѣстныхъ газетахъ, издаваемыхъ въ Японіи образованными туземцами на европейскихъ языкахъ, особенно на англійскомъ, и дающихъ возможность иностранцамъ слѣдить за событіями и умственными теченіями въ «Имперіи Восходящаго Солнца», можно было недавно найти проникнутое неподдѣльнымъ ужасомъ описаніе театральныхъ представленій, на которыхъ давались драмы Ибсена, привлекавшія цѣлыя толпы эманципирующихся молодыхъ женщинъ

и дѣвушекъ. Еще какія-нибудь 10-15 лѣтъ тому назадъ,—такъ приблизительно восклицали эти органы,—вся страна встрепенулась бы отъ негодованія, если бы на подмосткахъ японскаго театра, дававшаго зрителямъ въ теченіе стольких вѣковъ возвышенные образцы патріотическихъ добродѣтелей и семейныхъ традицій, появились какая-нибудь Нора изъ «Кукольнаго дома» или Ревекка изъ «Росмерсгольма» съ проповѣдью самаго горделиваго, самаго анархическаго, притомъ женскаго индивидуализма...

Во всякомъ случаѣ, фактъ пробужденія живого интереса среди японцевъ къ самымъ послѣднимъ продуктамъ европейской мысли несомнѣненъ. И въ то время, какъ хранители традицій съ негодованіемъ указываютъ на это колебаніе вѣковыхъ основъ, среди привилегированной и рабочей интеллигенціи все чаще и чаще встрѣчаются люди, которые съ такимъ же умѣніемъ и быстротою усваиваютъ себѣ современное міровоззрѣніе, съ какимъ раньше они схватывали послѣднее слово техники и заимствовали данныя положительной науки. Дѣло мыслящаго наблюдателя—прослѣдить тѣ сочетанія современности и старинныхъ традицій, которыя нынѣ придаютъ порою такой причудливый, противорѣчивый характеръ японской жизни. Повтореніемъ банальныхъ фразъ о великой патріотической Японіи или же, наоборотъ, презрительнымъ отношеніемъ къ «подражательному» японскому уму, яко бы неидущему выше ума ученой обезьяны,—этими пріемами уже нельзя больше обходиться при изученіи Японіи нашихъ дней. Смерть Мутсухито можетъ, думается намъ, явиться гранью между Ниппономъ переходной эпохи, характеризуемой борьбою между старыми и новыми идеалами, и Ниппономъ ближайшаго будущаго, когда міръ древнихъ традицій будетъ подорванъ развитіемъ современнаго міровоззрѣнія. По отношенію къ новому микадо, Іошихито, уже слышатся иныя,—болѣе дѣловыя, чѣмъ мистическія,—ноты оцѣнки и критики.

II.

Турецкій кризисъ, о которомъ мы говорили въ прошломъ обозрѣніи, далеко еще не пришелъ къ своему концу. Нами было упомянуто, какъ подъ давленіемъ военной лиги, либераловъ-федералистовъ и албанскихъ мятежниковъ, возставшихъ во имя независимости страны, младотурецкій кабинетъ принужденъ былъ выйти въ отставку, и на его мѣсто сталъ у власти кабинетъ Гази-Ахмеда-Мухтара и Кіамиля. Съ тѣхъ поръ каждый день приносилъ новыя событія. Появленіе у власти новаго министерства, желавшаго порвать съ младотурецкой политикой, заставило выдающихся представителей комитета Единенія и Прогресса напрячь всѣ силы, чтобы удержать за собой шатающіяся позиціи и организовать сопротивленіе противъ своихъ враговъ. Въ нѣкоторыхъ центрахъ,

гдѣ комитетъ располагалъ наиболѣе сильными развѣтвленіями, быстро сформировались боевыя группировки младотурецкаго офицерства, имѣвшія цѣлью противодѣйствовать во что бы то ни стало политикѣ новаго кабинета. И въ то же самое время, въ Константинополѣ, и особенно въ стѣнахъ парламента, гдѣ переплетаются въ данный моментъ нити политической борьбы, наиболѣе талантливые вожаки побѣжденной партіи пытались выработать линію поведенія, которая дала бы имъ возможность хоть временно выдержать натискъ противниковъ, пока сторонники комитета не соберутся съ силами въ провинціи. Вотъ почему декларація новаго кабинета, рѣзко обличавшая тактику младотурокъ, была тѣмъ не менѣе вотирована палатой, почти цѣликомъ состоящей изъ партіи Единенія и Прогресса. Но и эта тактика не остановила ликвидирующей прошлое политики министерства, которое рѣшило распустить палату,—чего требовали албанскіе мятежники, ставившіе однимъ изъ пунктовъ примиренія съ Портой распущеніе парламента, въ которомъ они видѣли выраженіе крайней узурпаціи и насилія надъ избирателями во время весеннихъ выборовъ. Этотъ энергичный актъ кабинета, объявившаго на 15 августа новые «искренніе» выборы, «безъ давленія со стороны властей», вызвалъ необычайное раздраженіе палаты, которая и послѣ роспуска, объявленнаго декретомъ султана, выразила недовѣріе новому министерству и вмѣстѣ съ тѣмъ твердое желаніе бороться до конца за попираемыя, какъ ей казалось, основанія конституціи и вообще свободнаго политическаго строя.

Эта борьба двухъ направленій совершается, однако, въ обстановкѣ, чрезвычайно усложняемой событіями каждаго новаго дня и обнаруживающей такія противорѣчивыя явленія, которыя не позволяютъ безпристрастному наблюдателю цѣликомъ принять точку зрѣнія того или другого изъ враждующихъ лагерей. Возьмемъ, напримѣръ, хотя бы такой фактъ, какъ политическое міросозерцаніе побѣжденныхъ младотурокъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія,—и мы неоднократно указывали на это въ нашихъ обозрѣніяхъ,—что эта партія вызвала раздраженіе противъ своей политики главнымъ образомъ изъ-за чрезмѣрныхъ централистическихъ тенденцій, которыя побуждали ее безжалостно подавлять во имя интересовъ господствующей національности вполнѣ законныя національныя же стремленія всѣхъ прочихъ народностей и расъ, живущихъ на территоріи Оттоманской имперіи. Но не нужно забывать и того обстоятельства, что, каковы бы ни были въ этой области грѣхи якобинствующихъ младотурокъ, все же ихъ общая дѣятельность въ возрожденной Турціи носила прогрессивный характеръ въ противоположность абдулъ-гамидовскому деспотизму, цѣлыми десятками лѣтъ подавлявшему всѣ живыя силы страны.

Съ другой стороны, новый кабинетъ, заявившій о своемъ желаніи вступить на почву широкой либеральной политики, счи-

тающейся съ національными стремленіями различныхъ народностей, опирается не на одни свободолюбивые и федералистическіе элементы, но и на реакціонныя центробѣжныя силы, которыя находятся въ фатальномъ родствѣ съ многовѣковой султанской деспотіей *). Взять хотя бы тѣхъ же албанцевъ. Уже нѣсколько разъ мы указывали читателю на тѣ требованія національной автономіи, которыя все ярче и ярче выдвигаются жителями Албаніи въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ возстаній. Мы отнюдь не отрицали, что эта автономія, составляющая предметъ настоящихъ желаній албанцевъ, заключаетъ въ себѣ и политическіе, и культурные, и матеріальные элементы прогресса. Албанскій языкъ въ школѣ, администраціи и судѣ; замѣщеніе административныхъ и другихъ постовъ, если не албанцами, то людьми хорошо знакомыми съ языкомъ и обычаями страны; извѣстная самостоятельность мѣстной арміи и мѣстнаго бюджета,—всѣ эти требованія, конечно, не заключаютъ сами по себѣ ничего реакціоннаго. Но когда вы желаете охватить одной общей формулой движеніе, совершающееся по всей Албаніи и уже вызвавшее серьезныя уступки со стороны турецкаго правительства, то вамъ по необходимости приходится обратить вниманіе и на извѣстныя реакціонныя стороны этого возстанія, объясняемыя общественнымъ строемъ и исторіей Албаніи.

Попробуйте проанализировать хотя бы такое соціальное учрежденіе, какъ власть старѣйшинъ рода, или *байрактаровъ*, дружное дѣйствіе которыхъ въ послѣднее время и придало такой серьезный характеръ національному движенію. Съ одной стороны, байрактаръ является естественнымъ представителемъ своего племени и защитникомъ его независимости отъ сосѣднихъ племенъ и отъ турокъ. Но, съ другой стороны, тотъ же самый старѣйшина играетъ роль мелкаго туземнаго деспота, который старается добиться самостоятельности для своего рода только для того, чтобы имѣть возможность вполнѣ держать его въ своихъ рукахъ. Не забудьте, что старѣйшина представляетъ собой столько же начальника рода, сколько феодальнаго властителя извѣстнаго племени.

---

*) Жорэсъ въ „L'Humanité“ прямо называетъ современное движеніе противъ идей „молодой Турціи“ балканской Вандеей, въ чемъ нельзя не видѣть извѣстнаго преувеличенія. Но не менѣе преувеличиваетъ, хотя въ обратномъ смыслѣ, полемизирующій съ нимъ Биссолати. Лидеръ итальянскихъ умѣренныхъ соціалистовъ отрицаетъ какую бы то ни было реакціонность въ элементахъ, сплотившихся нынѣ для борьбы съ политикой младотурокъ. См. его статью „La rivoluzione balcanica“, № 16642 миланскаго „Il Secolo“ отъ 14 августа 1912. Истина—между этими двумя противоположными точками зрѣнія: сопротивленіе централистической политикѣ комитета Единенія и Прогресса сблизило и прогрессистовъ, и реакціонеровъ. Кто отрицаетъ этотъ сложный, смѣшанный характеръ современнаго оппозиціоннаго движенія, тотъ черезчуръ упрощаетъ смыслъ внутренней борьбы, завязавшейся нынѣ на территоріи Турціи.

Вѣдь и на почвѣ Албаніи мы встрѣчаемся съ тѣмъ самымъ міровымъ процессомъ выработки феодализма въ рамкахъ первобытной родовой общины, который, со времени знаменитаго юриста-соціолога Мэна, называется «процессомъ феодализаціи недвижимой собственности».

Извѣстно, что осѣвшій на опредѣленной территоріи родъ слагался изъ большаго или меньшаго числа членовъ, располагавшихъ, на правахъ общиннаго владѣнія и пользованія, природными богатствами клана. Лѣса, пастбища, пахатныя земли, въ большей или меньшей степени, съ большей или меньшей разверсткой между отдѣльными группами и лицами, принадлежали всему роду; и каждый сородичъ имѣлъ большее или меньшее право на участіе въ эксплуатаціи племенной территоріи. Когда изъ массы общинниковъ стали выдѣляться старѣйшины, они прежде всего были primi inter pares, «первыми между равными», родовыми должностными лицами, которыя должны были, въ качествѣ представителей клана, отправлять административныя и судебныя обязанности, а вмѣстѣ съ тѣмъ распоряжаться родовыми угодьями въ интересахъ всего племени и каждаго изъ соплеменниковъ. Въ земельной области главная функція албанскихъ байрактаровъ заключалась, какъ и среди другихъ первобытныхъ народовъ, въ томъ, чтобы надлежащимъ образомъ утилизировать естественныя богатства клана и распредѣлять земли между членами цѣлаго рода. Ихъ участокъ земли ничѣмъ не отличался качественно отъ участковъ обыкновенныхъ сородичей.

Но этотъ строй грубой первобытной демократіи носилъ въ самомъ себѣ зародыши разложенія. Дѣло въ томъ, что въ Албаніи, какъ это было въ древности и среди современныхъ культурныхъ націй Европы, старѣйшина, въ качествѣ высшаго отвѣтственнаго чиновника всего рода, располагалъ пустырями, не принадлежавшими пока никому въ частности изъ общинниковъ и составлявшими земельный фондъ всего клана. На этихъ-то свободныхъ участкахъ земли и выросла впервые политическая и экономическая мощь байрактаровъ. Они стали призывать на эти сначала лишь управлявшіяся ими земли тѣхъ бездомныхъ и безземельныхъ горцевъ, которые появлялись въ результатѣ безпрестанныхъ враждебныхъ столкновеній разныхъ клановъ и, разъ выбитые изъ рамокъ правильной родовой организаціи, принуждены были спасаться отъ своихъ братьевъ-враговъ и искать себѣ возможности зарабатывать хлѣбъ гдѣ-нибудь по сосѣдству. Эти злополучные изгои представляли собою послушный и удобный для политическихъ экспериментовъ матеріалъ въ рукахъ байрактаровъ, которые, поселяя ихъ на общественныхъ пустыряхъ и снабжая ихъ своимъ личнымъ инвентаремъ, въ видѣ скота, земледѣльческихъ орудій, примитивныхъ зданій и построекъ, превращали постепенно прежнія

общественныя земли въ свои болѣе или менѣе личныя владѣнія, а поселенныхъ ими чужеродцевъ—въ своихъ крѣпостныхъ.

На этой стадіи развитія мы и въ Албаніи встрѣчаемся какъ разъ съ тѣмъ самымъ расширеніемъ и усиленіемъ процесса феодализаціи собственности, которое было изучено во многихъ мѣстахъ уже упомянутымъ нами Мэномъ и другими изслѣдователями первобытныхъ соціальныхъ отношеній. Мы должны здѣсь считаться съ очень извѣстной психологіей человѣка. Если свобода есть благо, легко теряемое и трудно достигаемое, то, наоборотъ, деспотизмъ представляетъ собою необыкновенно живучее соціальное явленіе, которое, пустивъ корни въ какой-нибудь уголокъ почвы, въ состояніи быстро пронизать всю ее своими побѣгами и покрыть ее пышной паразитарной растительностью. Когда байрактары успѣли поселить на общественныхъ земляхъ пришлыхъ людей, снабжая ихъ своимъ инвентаремъ, то этотъ процессъ образованія крупной привилегированной собственности, обрабатываемой крѣпостными, долженъ былъ, какъ масляное пятно на бумагѣ, распространиться и на всю территорію даннаго рода. Постепенно вся собственность клана присоединялась къ прежнимъ пустошамъ, переходила къ старѣйшинамъ, которые начинали воздѣлывать ее руками закрѣпощаемыхъ чужеродцевъ, пока, наконецъ, оскудѣніе земельныхъ угодій клана не вызвало и среди свободныхъ общинниковъ стремленіе перейти въ зависимое положеніе отъ своихъ байрактаровъ и такимъ образомъ стать ихъ подневольными людьми.

Что же представляетъ собою въ данный моментъ какой-либо албанскій родъ вмѣстѣ съ его территоріей? Совокупность мелкихъ (отъ 1 до 50 *денумовъ* = $^1/_{10}$ до 5 десятинъ) владѣній простыхъ общинниковъ, рядомъ съ которыми существуетъ крупная (100 десятинъ и болѣе) собственность байрактара, обрабатывающаго ее при помощи подчиненныхъ ему малоземельныхъ сородичей и вмѣстѣ съ тѣмъ являющагося отвѣтственнымъ сборщикомъ податей предъ лицомъ Оттоманскаго правительства. А такъ какъ хозяйственныя условія существованія байрактаровъ заключаются въ эксплуатаціи ими крѣпостныхъ и полу-свободныхъ соплеменниковъ, то чѣмъ больше старѣйшина стремится извлечь себѣ феодальныхъ повинностей изъ сочленовъ рода, тѣмъ неохотнѣе онъ дѣлится этими доходами съ центральнымъ правительствомъ, которое требуетъ отъ него извѣстныхъ взносовъ, какъ отъ финансоваго представителя данной племенной единицы. Отсюда тенденціи байрактаровъ по возможности широко провести автономію своего рода и по возможности меньше питать мѣстными сборами бюджетъ всего государства. Поэтому нѣтъ никакого сомнѣнія, что, рядомъ съ естественнымъ стремленіемъ албанскихъ клановъ отстоять свою независимость отъ Оттоманскаго правительства, большую роль во всѣхъ ихъ возстаніяхъ играютъ желанія старѣйшинъ оставить

цѣликомъ въ своихъ рукахъ эксплуатацію территоріальныхъ богатствъ и самихъ членовъ рода.

Естественно, что чѣмъ менѣе культурна центральная власть, тѣмъ менѣе ея дѣйствія обнаруживаются на периферіи государства, и тѣмъ легче для родовъ сохранить свою независимость, а для родовыхъ старѣйшинъ—отстоять свои мѣстныя феодальныя права. Именно таково было отношеніе между кланами албанскихъ горцевъ и деспотіей султана, которая принимала ужасающія формы въ самомъ Константинополѣ, но очень быстро теряла свою силу по мѣрѣ удаленія отъ столицы. При «кровавомъ султанѣ», Абдулъ-Гамидѣ, который превратилъ весь Константинополь въ одну огромную тюрьму, охраняемую шпіонами и провокаторами, Албанія пользовалась очень большой независимостью. И хитрый падишахъ старался даже подкупить взятками вліятельныхъ байрактаровъ, лишь бы они ограничились стрижкою своихъ сородичей и не мѣшались въ борьбу за политическую свободу, которая велась, однако, наиболѣе передовыми албанцами и въ царствованіе Абдулъ-Гамида.

Но вотъ султанскій деспотизмъ низвергнутъ. На его мѣсто іюльская революція 1908 г. ставитъ правовое государство, обладающее, повидимому, всѣми свойствами современныхъ культурныхъ государствъ. Политическій гнетъ значительно уменьшается въ самомъ центрѣ. Но зато стягивающая сила современной централизованной власти начинаетъ проявлять свое дѣйствіе и въ тѣхъ сравнительно отдаленныхъ уголкахъ имперіи, куда власть кровяваго султана не могла достигнуть. Нуждаясь въ правильно поставленномъ бюджетѣ, новое конституціонное государство, созданное младотурками, идетъ съ фискальными требованіями къ тѣмъ областямъ, которыя дотолѣ были внѣ сферы притяженія податного насоса. Съ другой стороны, имѣя самую настоятельную потребность въ большомъ организованномъ на современный ладъ войскѣ, новая власть обращается за рекрутами ко всѣмъ расамъ и народностямъ, безъ различія ихъ вѣры и происхожденія. Наконецъ, желая, чтобы его воля проникала по возможности легко во всѣ части общественнаго организма, центральное правительство считаетъ своимъ долгомъ сдѣлать изъ языка господствующей расы обязательное орудіе офиціальныхъ сношеній между людьми на всемъ пространствѣ имперіи.

Такъ постепенно правовое государство захватываетъ все болѣе и болѣе отдаленныя области, вмѣшивается въ ихъ самостоятельную жизнь, наконецъ, стираетъ во имя политическаго единства національныя и расовыя различія. И, лишь продвинувшись довольно далеко въ своемъ развитіи по пути демократіи, такое государство, какъ бы возвращаясь по закону гегелевской тріады къ своему исходному пункту, начинаетъ бережно относиться къ этимъ различіямъ и возстановляетъ прежнюю самостоятельность областей и

народностей, но обогащая ихъ новымъ историческимъ содержаніемъ. Раньше, какъ въ низшемъ организмѣ, независимость частей вытекала изъ того, что не было истинной связи между отдѣльными органами политическаго цѣлаго. А нынѣ, въ конечномъ пути своего развитія, истинно-демократическое государство приходитъ къ отправному пункту общественной эволюціи, т. е. возстановляетъ автономію областей и возможно полную свободу отдѣльныхъ личностей, уже потому, что онѣ оказываются теперь достаточно связанными между собою единствомъ общаго политическаго и культурнаго идеала при всемъ разнообразіи мѣстныхъ особенностей.

Вопросъ для турецкаго государства, проходящаго начальную стадію по пути своего конституціоннаго развитія, и заключается въ томъ, насколько быстро Оттоманской имперіи удастся оставить за собою этапы либеральнаго якобинизма и централистическихъ тенденцій и начать считаться съ здоровыми стремленіями національностей и областей къ независимости и самостоятельности. Люди, стоящіе у власти, повидимому, искренно желали бы отказаться отъ младотурецкаго якобинизма. Но одного желанія въ данномъ случаѣ еще недостаточно. И было бы близоруко, отмѣчая недавнія централистическія тенденціи младотурокъ, черезчуръ преувеличивать значеніе либеральной эры, яко бы открывшейся съ образованіемъ новаго кабинета.

Прошлый разъ, упоминая о выступленіи на политическую арену министерства Гази-Ахмеда Мухтара и Кіамиля, я сообщалъ со словъ европейскихъ органовъ печати объ упорныхъ слухахъ, циркулирующихъ касательно отмѣны всѣхъ исключительныхъ положеній, возстановленія обѣщанныхъ конституціею свободъ и неприкосновенности личности, а также о желаніи правительства произвести вполнѣ свободные выборы, отказавшись отъ всякаго давленія на избирателей и строго предписавъ мѣстнымъ властямъ оставаться нейтральными при этой политической борьбѣ. Но слухи остаются слухами, и одна противорѣчивая вѣсть слѣдуетъ за другой. Дѣйствительно, не успѣло новое правительство пообѣщать отмѣну военнаго положенія,—которое было введено въ Константинополѣ въ апрѣлѣ 1909 г., послѣ извѣстной попытки реставраціи, и снова возобновлялось съ году на годъ,—какъ тревожная молва о попыткѣ младотурокъ произвести возстаніе въ наиболѣе крупныхъ центрахъ страны, низвергнуть новый кабинетъ, созвать распущенную палату и снова поставить у власти комитетъ Единенія и Прогресса, послужили предлогомъ министерству Гази-Мухтара и Кіамиля для того, чтобы не только ввести снова военное положеніе, но распространить его на Адріанополь, на Салоники, на Смирну. Такимъ образомъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, и либеральный кабинетъ вынужденъ,—какъ онъ утверждаетъ,—обстоятельствами стать на путь репрессій, не особенно отличающихся отъ той политики

исключительныхъ мѣръ, которой слѣдовали смѣнявшіеся у власти младотурецкіе кабинеты.

Наиболѣе благопріятнымъ исходомъ для безпрепятственнаго развитія турецкой свободы и конституціи было бы, конечно, прежде всего примиреніе съ албанцами на почвѣ удовлетворенія тѣхъ основныхъ требованій политической и культурной автономіи, программу которой мы уже нѣсколько разъ приводили въ нашихъ статьяхъ по мѣрѣ того, какъ стремленія мятежниковъ находили свое выраженіе во все болѣе и болѣе законченныхъ формулировкахъ. Повидимому, бо̀льшая часть сѣверной Албаніи готова вступить на путь компромисса, вырабатываемаго такъ называемой Примирительной комиссіей, которая въ настоящее время засѣдаетъ въ Приштинѣ и состоитъ изъ делегатовъ турецкаго правительства и наиболѣе видныхъ вождей албанскихъ племенъ. Этотъ компромиссъ приближается въ гораздо большей степени къ требованіямъ, выставленнымъ самими албанцами, чѣмъ къ тѣмъ полумѣрамъ, которыми Порта думала удовлетворить албанцевъ въ началѣ движенія. И есть большая вѣроятность, что такое же соглашеніе будетъ выработано и для южной Албаніи.

Въ настоящее время миръ съ албанцами зависитъ, впрочемъ, отчасти и отъ того, насколько политическая борьба партій, завязавшаяся въ самой Турціи, не отразится непосредственно на албанскихъ событіяхъ. И въ этомъ смыслѣ, прежде всего, слѣдуетъ отмѣтить тотъ тактическій пріемъ, который пускаютъ въ ходъ младотурки, пытаясь повернуть колесо капризной фортуны въ желательномъ для нихъ направленіи. Тѣ самые дѣятели комитета Единенія и Прогресса, которые въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ своей непримиримой централистической политикой и разжигали больше всего албанское возстаніе, готовы вступить въ соглашеніе съ частью албанскихъ родовъ, желая оторвать ихъ отъ общей національной арміи мятежниковъ и найти въ нихъ себѣ надежныхъ союниковъ. Это соглашеніе имѣетъ цѣлью сближеніе съ христіанами (католиками) племенъ мирдитовъ и малиссоровъ, которымъ, какъ извѣстно, въ прошломъ году были обѣщаны младотурецкимъ правительствомъ извѣстныя реформы. Опираясь на этотъ прецедентъ, младотурки и пытаются вступить въ болѣе тѣсныя сношенія съ этими сѣверными христіанскими родами и двинуть ихъ противъ среднихъ и южныхъ албанцевъ, гдѣ преобладаютъ арнауты-мусульмане, особенно расположенные къ новому кабинету. Если планъ младотурокъ удастся, то въ результатѣ можетъ возникнуть вражда между сѣверными и южными албанцами, и общій напоръ этихъ племенъ на центральную власть съ цѣлью добиться полной автономіи будетъ въ такомъ случаѣ значительно парализованъ. Но пока, громадное большинство албанскихъ родовъ, забывъ свои прежнія несогласія и распри, дружно идутъ къ намѣченной ими общей цѣли. Они захватили въ данный моментъ такіе

важные города, какъ Приштина, Скопліе (Ускюбъ), Призрендъ, уже появились въ Салоникахъ и двигаются все дальше на востокъ и юго-востокъ, въ предѣлы Македоніи и собственно Турціи въ направленіи Адріанополя и самой столицы.

Правда, самыя послѣднія извѣстія говорятъ о полномъ примиреніи албанцевъ съ турками подъ вліяніемъ нападеній черногорцевъ на пограничныя турецкія владѣнія. Но насколько эти свѣдѣнія соотвѣтствуютъ дѣйствительности, провѣрить пока трудно.

Разумѣется, есть еще другой путь умиротворенія албанскаго возстанія, путь не столько политическихъ, сколько соціальныхъ реформъ. Затрогивая существеннымъ образомъ экономическія отношенія Албаніи, правительство можетъ стать популярнымъ въ странѣ, гдѣ, какъ мы видѣли, политическія требованія автономіи сильно поддерживаются реакціонными стремленіями старѣйшинъ, эксплуатирующихъ своихъ бѣдныхъ и безземельныхъ соотчичей. И начало въ этомъ направленіи уже сдѣлано Портой. Мы имѣемъ въ виду довольно широко задуманный планъ аграрной реформы, который уже получилъ санкцію султана и преслѣдуетъ надѣленіе сельскихъ рабочихъ и мелкихъ землевладѣльцевъ Албаніи извѣстнымъ количествомъ земель изъ государственнаго фонда. Къ сожалѣнію, этого будетъ недостаточно. А принадлежность наиболѣе обширныхъ и плодородныхъ участковъ уже упомянутымъ байрактарамъ сильно суживаетъ площадь территоріи, которую можно было бы обратить на пользу вновь надѣляемыхъ земледѣльцевъ. Кромѣ того, вліяніе этой мѣры,—даже отвлекаясь отъ ея половинчатаго характера,—должно сказаться лишь по истеченіи извѣстнаго времени, когда улучшеніе экономическаго положенія бѣднѣйшихъ категорій населенія возбудитъ въ немъ симпатіи къ турецкимъ законодателямъ и заставитъ вмѣстѣ съ тѣмъ албанцевъ отнестись болѣе критически и къ политикѣ байрактаровъ. Осуществленіе аграрной реформы даже въ томъ размѣрѣ, какъ это предположено турецкимъ правительствомъ, должно, дѣйствительно, рано или поздно возбудить въ рядовыхъ албанцахъ мысль, что благодѣтельная мѣра оказала бы еще большую услугу нуждающемуся населенію, если бы центральное правительство въ цѣляхъ надѣленія землей неимущихъ и малоимущихъ туземцевъ могло провести отчужденіе привилегированной собственности байрактаровъ. И, въ этомъ случаѣ нѣтъ никакого сомнѣнія, что требованія полной политической автономіи, выдвигаемыя старѣйшинами албанскихъ родовъ, оказались бы отодвинутыми на задній планъ чисто экономическими требованіями неимущихъ и мелкихъ земледѣльцевъ, которые не могутъ не желать увеличенія обрабатываемыхъ ими участковъ за счетъ крупной собственности байрактаровъ.

Пока что, современный турецкій кризисъ еще далеко не миновалъ, и каждый новый день приноситъ намъ съ Балканскаго полуострова противорѣчивыя вѣсти, въ которыхъ и близкому на-

блюдателю трудно отдѣлить правду отъ лжи и вымыселъ отъ факта. Въ данный моментъ нельзя, напримѣръ, даже увѣренно сказать, присутствуемъ ли мы при процессѣ распаденія Оттоманской имперіи, или при процессѣ выработки новыхъ жизненныхъ формъ на развалинахъ старыхъ. Трудность рѣшенія этого вопроса зависитъ, помимо внутренней національной междоусобицы и политической борьбы партій въ самой Турціи, еще и отъ того сильнаго броженія, которое обнаруживается теперь въ государствахъ полуострова,— Болгаріи, Сербіи, Греціи, Румыніи, — и отъ колеблющейся и неискренней политики Италіи, Австріи, Германіи и Россіи. Всѣ эти крупныя и мелкія политическія тѣла образуютъ совокупность сложно комбинирующихся интернаціональныхъ силъ, которыя въ случаѣ серьезнаго замѣшательства на территоріи Оттоманской имперіи могутъ предъявить свои притязанія на наслѣдство умирающаго государства и вызвать своими запутанными взаимоотношеніями такое серьезное положеніе вещей во всей Европѣ, какое можетъ быть ликвидировано только грандіозной войной.

Н. С. Русановъ.

Новыя книги.

А. Яблоновскій. Разсказы. Москва 1912 г. Стр. 288. Ц. 1 р.

Если бы слово «юмористъ» не было у насъ затрепано, и значеніе его извращено, если бы юмористическими у насъ не назывались произведенія, въ которыхъ нѣтъ ни слѣда подлиннаго юмора, а есть лишь голый, по преимуществу чисто внѣшній комизмъ, мы бы сказали, что г. А. Яблоновскій есть настоящій юмористъ. Онъ даже больше юмористъ, чѣмъ художникъ; какъ непосредственный наблюдатель, онъ вялъ и не глубокъ. Но онъ умѣетъ, позабавивъ, заставить задуматься, насмѣшивъ, растрогать; у него есть даръ смѣха сквозь слезы. И комизмъ ему не чуждъ. Какъ немногіе, онъ умѣетъ найти въ народномъ обиходѣ бойкое комическое словечко, приклеить его къ явленію и пустить въ оборотъ; этотъ даръ ядовитой насмѣшки, какъ извѣстно, сдѣлалъ автора популярнымъ общественно-политическимъ фельетонистомъ.

Въ разсказахъ онъ смѣется по иному. Тамъ, въ саркастической публицистикѣ, героями его были насильники, и онъ зло издѣвался надъ ними; здѣсь его герои—насилуемые, и онъ благодушно и сочувственно посмѣивается надъ ними, надъ ихъ слабостями, надъ ихъ безпомощностью, надъ ихъ неприспособленностью къ жизни, грубой и жестокой, надъ мелкой практичностью. Нищая еврейка, изголодавшаяся съ дѣтьми, сдѣлалась «хозяйкой» проститутки; ей и страшно, и тягостно, что полусумасшедшая Ита будетъ кор-

мить ее и ея «волчатъ» своимъ страшнымъ промысломъ. У другого изъ этого вышла бы трагедія, и уже на границѣ трагическаго это «Хайкино счастье», когда «впереди начинается новая сытая жизнь для обѣихъ, а между тѣмъ къ горлу подступаютъ непрошенныя слезы и такъ мучительно, такъ неудержимо хочется плакать». Но малыши, радуясь новому, помогаютъ матери устроить квартиру, юркій маленькій Айзикъ, съ горящими черными глазами, носится по дому съ нетерпѣливымъ крикомъ: «Мама, разставляй же кровать!»—и тихая усмѣшка смѣняетъ въ душѣ читателя тягостную безвыходную тоску. Онъ принимаетъ участіе и въ охранной «перепутанницѣ», въ которую безсмысленно втянули стараго еврея-переплетчика Репетура, и въ блестящихъ жизненныхъ успѣхахъ» «потерпимаго» уличнаго адвоката Гольденвейзера, и въ печальной судьбѣ стрѣлочника Якова, который позавидовалъ «счастью» товарища, получившаго пособіе за увѣчье, сунулъ правую руку подъ вагонъ, но, увы, пособія не получилъ. Маленькіе люди, маленькія судьбы привлекаютъ г. Яблоновскаго; особенно охотно онъ изображаетъ еврейскую городскую мелкоту, суетливую, истерзанную вѣковой борьбой за жизнь, забавную въ своихъ ухваткахъ, въ своей своеобразной русской рѣчи. Здѣсь довольно много условнаго, отдающаго ходячимъ «еврейскимъ анекдотомъ», остроумной выдумкой, но всетаки выдумкой; въ русской рѣчи стараго Репетура и молодого Гольденвейзера, комичной въ типичныхъ извращеніяхъ и по своему мѣткой, всетаки чувствуется шаблонъ. Но въ общемъ фигуры правдивы, исторіи увлекательны, а надъ всѣмъ вѣетъ мягкое настроеніе, слегка сантиментальное, и всетаки заражающее читателя.

Евг. Ляцкій. Гончаровъ. Жизнь, личность, творчество. Изд. 2-е, переработанное и дополненное. Кн-во „Огни". Спб. 1912. Стр. V + 324. Ц. 2 р. 50 к.

Второй подзаголовокъ «критико-біографическіе очерки» какъ бы отклоняетъ притязаніе книги на цѣльность; и, въ самомъ дѣлѣ, работа г. Ляцкаго запечатлѣна нѣкоторой фрагментарностью, какъ будто она вышла изъ отдѣльныхъ очерковъ. Однако, у нея есть своя внутренняя связь и даже двойная. Она, во-первыхъ, стремится дать возможно полный обзоръ жизни, личности и творчества Гончарова; во-вторыхъ, обзоръ этотъ построенъ на единой идеѣ: идеѣ субъективности художественнаго творчества Гончарова. Гончарова принято считать художникомъ объективнымъ по преимуществу, чистымъ созерцателемъ, воплощеніемъ художественнаго безпристрастія и даже безстрастія. Г. Ляцкій принадлежитъ къ критикамъ, отстаивающимъ тезисъ прямо противоположный. И надо отдать ему справедливость: нигдѣ не собраны въ такой полнотѣ, послѣдовательности и пестротѣ доводы,

которыми возможно защитить мысль о субъективности Гончарова. Съ точки зрѣнія этой основной мысли освѣщены въ книгѣ г. Ляцкаго образы Гончарова, пересмотрѣны его идеи, общественно-политическія и художественно-литературныя, изложены событія его жизни, охарактеризована его личность. Не все представляется здѣсь достаточно убѣдительнымъ,—главнымъ образомъ потому, что авторъ слишкомъ широко раздвинулъ границы понятія субъективности, въ извѣстномъ смыслѣ затушевавъ ихъ и тѣмъ значительно облегчивъ себѣ задачу. Отражаютъ ли герои Гончарова его личность; повторяютъ ли они его собственныя воззрѣнія, высказанныя имъ въ другомъ мѣстѣ отъ своего лица, пытается ли онъ въ своихъ произведеніяхъ проводить любезныя ему тенденціи, изображаетъ ли онъ близкихъ ему людей,—все это служитъ для его біографа показателемъ субъективности Гончарова. Между тѣмъ вѣдь при такомъ способѣ доказательствъ, совершенно ясно, не останется ни одного объективнаго поэта: изъ своей шкуры ни при какой объективности не вылѣзешь.

Шекспиръ и Гёте представляются г. Ляцкому образцами объективныхъ поэтовъ; однако, извѣстно вѣдь, что, напримѣръ, антидемократическія тенденціи Шекспира болѣе чѣмъ ясны въ его «объективномъ» творчествѣ, а о Гёте, не только «олимпійцѣ», но и величайшемъ лирикѣ Германіи, объ авторѣ автобіографическихъ «Вильгельма Мейстера», «Фауста», «Тассо», оставившимъ намъ не одно признаніе въ своей субъективности, и говорить не приходится. Отъ такой субъективности,—а именно такую, не больше, съумѣлъ найти г. Ляцкій въ Гончаровѣ,—не свободенъ ни одинъ поэтъ, и къ самому объективному изъ нихъ примѣнимъ часто повторяемый аргументъ: «о чемъ бы ни говорилъ художникъ, онъ говоритъ о себѣ». Конечно, говорилъ о себѣ и Гончаровъ, и это всегда знали его читатели и критика. Самъ г. Ляцкій напоминаетъ о томъ, что «на сходство автора съ И. И. Обломовымъ указывалось съ давнихъ поръ, еще при жизни Гончарова», такъ же какъ о томъ, что С. А. Венгеровъ «характеризуетъ Гончарова чертами, извлеченными изъ анализа типа Адуева старшаго». И, однако, это вѣдь не помѣшало С. А. Венгерову признать Гончарова «корифеемъ» объективнаго «романа». Очевидно, дѣло не только въ собираніи тѣхъ безчисленныхъ фактовъ, которые такъ условно подмѣтилъ и уяснилъ новый защитникъ мысли о субъективности Гончарова, но и въ уясненіи понятія этой субъективности.

Мало противопоставить «Капитанскую дочку» «Парусу» и Гёте Достоевскому. Мало сказать, что существеннымъ признакомъ объективнаго творчества является «стремленіе поглотить собственное «я» процессомъ работы, направленной на болѣе яркое и выпуклое изображеніе предмета въ его сущности», тогда какъ «для субъективнаго художника внѣшній міръ представляется

не содержимымъ, а содержащимъ, тою суммою внѣшнихъ условій, среди которыхъ съ возможною полнотой и опредѣленностью выражается его я». Не въ этой огульной субъективности дѣло; въ основѣ характеристики должно, очевидно, лежать болѣе тонкое различеніе, и задача характеризующаго изслѣдователя заключается совсѣмъ не въ томъ, чтобы грубо причислить Гончарова къ слишкомъ обширной категоріи субъективныхъ или объективныхъ писателей, но въ томъ, чтобы опредѣлить ея субъективность, показать ея особенности, ея предѣлы, ея завоеванія и промахи. Въ сущности значительная часть этого изслѣдованія уже произведена въ работѣ г. Ляцкаго, который, къ сожалѣнію, въ ней видитъ какъ бы не цѣль, а побочный результатъ своего труда. И намъ представляется, что, покончивъ съ полемикой, выйдя изъ нея побѣдителемъ, онъ можетъ удѣлить вниманіе и другой сторонѣ творчества Гончарова, а именно, показать, что совсѣмъ не такъ грубо ошибались тѣ, которые считали Гончарова художникомъ объективнымъ, что и въ ихъ впечатлѣніяхъ была правда. Въ концѣ концовъ смѣшно же упорствовать въ утвержденіи, что создатель великолѣпной бытовой картины Обломовки, создатель неумирающихъ женскихъ образовъ былъ только субъективенъ. Не съ себя же писалъ Гончаровъ Вѣру и Марѳиньку.

И разъ мы уже стали на этотъ путь, выскажемъ Е. А. Ляцкому еще пожеланіе. Пусть его книга,—которая, конечно, не можетъ быть замѣнена никакой изъ существующихъ книгъ о Гончаровѣ и выйдетъ еще не въ одномъ изданіи,—пусть она перестанетъ быть только «критико-біографическими очерками», связанными лишь единствомъ предмета и полемической идеей, но перельется въ настоящую полную біографію и всестороннюю характеристику Гончарова. Такой книгой г. Ляцкій долженъ увѣнчать свои цѣнные труды по изученію корифея русскаго—неужто только субъективнаго?—романа.

В. И. Стражевъ, В. В. Спасскій. Первоцвѣтъ. Хрестоматическое пособіе при изученіи теоріи словесности. Изд. Ступина. Москва, 1912. Стр. VIII+480. Ц. 1 р. 30 к.

Составитель хрестоматіи В. И. Стражевъ—въ вѣдѣніи художника В. В. Спасскаго находилась лишь иллюстраціонная часть изданія—съ полнымъ правомъ жалуется въ предисловіи на неопредѣленное положеніе такъ называемой теоріи словесности въ практикѣ преподаванія современной средней школы. «Наполненная множествомъ обломковъ старой схоластики, эта «школьная наука» то мерещится какою-то литературной энциклопедіей, вѣнчающей собою все зданіе «средняго» литературнаго образованія, и преподается въ послѣднемъ, VIII-омъ классѣ, то низводится къ пестрой группѣ отрывочныхъ свѣдѣній, долженствующихъ быть подготовкой

къ курсу литературы, и занимаетъ промежуточное мѣсто—въ IV—V классахъ—между грамматикой съ одной стороны и курсомъ историко-литературнымъ,—съ другой». Исправить такое положеніе не мечтаетъ составитель; его книга только «пытается отвѣтить на нѣкоторые вопросы средне-школьнаго преподаванія теоріи словесности въ постановкѣ нѣсколько иной, чѣмъ было раньше».

Къ сожалѣнію, отвѣтъ этотъ является слишкомъ практическимъ, чтобы признать его достаточнымъ. Остается совершенно неяснымъ, какіе вопросы имѣетъ въ виду составитель, и въ чемъ своеобразіе его отвѣтовъ. Въ сущности, многія изъ трудностей и противорѣчій, смущающихъ его—какъ и другихъ—въ значительной степени преувеличены. Нѣтъ нужды спорить о томъ, *наука*-ли теорія словесности; достаточно печально уже то, что мы не имѣетъ ея законченныхъ университетскихъ курсовъ. Пусть для средней школы теорія словесности есть «не болѣе, какъ научно-педагогическій компромиссъ»; и въ этомъ видѣ она продолжаетъ быть важнѣйшимъ общеобразовательнымъ *предметомъ преподаванія*, воспитательнымъ по умственнымъ требованіямъ, энциклопедичнымъ по составу. Достаточно напомнить, что въ средней школѣ «теорія словесности» является единственнымъ источникомъ знакомства съ европейской литературой. Въ связи съ этимъ обстоятельствомъ, роль хрестоматическаго пособія представляется очень важной, и потому въ особенности нѣтъ никакого основанія съуживать составъ такой хрестоматіи: напримѣръ, ограничивать его русской литературой. Старый Галаховъ былъ книгой для чтенія—и какой интересной, какой содержательной, несмотря на то, что въ ней (особенно въ первой части) было не мало балласта. Новая хрестоматія могла бы, конечно, быть еще интереснѣе и содержательнѣе. Кой-что въ этомъ отношеніи достигнуто составителемъ; онъ обновилъ традиціонную физіономію хрестоматіи, наряду со старыми классиками показалъ ученику новыхъ писателей—Ключевскаго и Вл. Соловьева, Овсянико-Куликовскаго и Бальмонта. Къ сожалѣнію, въ выборѣ изъ новой литературы составитель явно прихотливъ и едва ли не пристрастенъ, а, можетъ быть, и плохо освѣдомленъ. У него слишкомъ много Брюсова, и совсѣмъ нѣтъ Бунина; есть Сологубъ, и нѣтъ Плещеева. Въ этомъ предпочтеніи модернистовъ чувствуются не столько педагогическія, сколько пропагандистскія намѣренія. Какъ ни смотрѣть на новѣйшій фазисъ въ развитіи русской лирики, совершенно очевидно, что нѣтъ никакой необходимости спѣшить ввести ихъ въ школу: пусть время оправдаетъ ихъ—школа придетъ къ нимъ; а пока для цѣлей преподаванія и воспитанія эстетической мысли у насъ достаточно безспорнаго матеріала. Стань составитель на эту точку зрѣнія, ему не пришлось бы быть несправедливымъ къ ненужнымъ ему, но несомнѣннымъ поэтамъ; ему не пришлось бы также выбирать изъ Бальмонта и Брюсова наиболѣе эклектическія, наименѣе характерныя

для ихъ индивидуальности и направленія стихотворенія, другими словами—быть не до конца искреннимъ. Вообще, школа должна съ большой осторожностью относиться къ явленіямъ, еще недостаточно опредѣлившимся и оцѣненнымъ. Поэтому намъ представляется также преждевременнымъ введеніе частушекъ въ хрестоматіи по теоріи словесности. Не трудно, конечно, изъ массы ежедневно нарождающихся и умирающихъ частушекъ выбрать два десятка пристойныхъ, но что скажетъ о нихъ учитель въ классѣ? Чему онѣ соотвѣтствуютъ въ курсѣ, спутникомъ котораго—не больше—должна служить хрестоматія? Вотъ почему намъ кажется, что г. Стражевъ началъ не съ того конца: выступая новаторомъ, надо было сдѣлать это прежде всего не въ хрестоматіи, а въ курсѣ, который оправдалъ бы хрестоматію.

Особенность труда г. Стражева составляетъ также то, что—вопреки обычаю—въ хрестоматіи его соединены двѣ различныя категоріи произведеній: образцы литературныхъ твореній и отрывки, научные и поэтическіе, имѣющіе предметомъ художественное творчество. Въ этой второй части составитель создалъ нѣчто новое сравнительно съ извѣстными сборниками Воскресенскаго и Лезина; такъ онъ даетъ собраніе лирическихъ признаній поэтовъ объ ихъ творчествѣ: чтеніе интересное для углубляющихся въ загадку поэтическаго созданія, но по существу едва ли доступное юному адепту школьной теоріи словесности. И здѣсь въ выборѣ г. Стражева не мало прихотливаго. Такъ, здѣсь нѣтъ ни Потебни, ни Веселовскаго—изъ которыхъ можно было бы выбрать подходящее,—но есть г. Вяч. Ивановъ. Отрывокъ статьи послѣдняго, касающійся языка Пушкина, не лишенъ интереса; но и о языкѣ Пушкина у насъ есть работы, болѣе широкія, болѣе документированныя и болѣе пригодныя для начинающаго.

А. С. Пругавинъ. „Братцы" и трезвенники. Изъ области религіозныхъ исканій. Съ портретами и иллюстраціями. М. 1912. Стр. 119. Ц. 40 к.

Въ своей книжкѣ А. С. Пругавинъ сгруппировалъ разнообразныя, отчасти собранныя имъ въ литературѣ, отчасти полученныя путемъ личныхъ знакомствъ и наблюденій, свѣдѣнія о движеніи такъ называемыхъ трезвенниковъ, съ большою силою проявившемся за послѣдніе годы въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ крупныхъ городскихъ центровъ, главнымъ образомъ въ Петербургѣ и Москвѣ. Какъ извѣстно, движеніе это съ перваго момента своего зарожденія вызвало сильныя подозрѣнія и опасенія среди православнаго духовенства и особенно миссіонеровъ, и, вслѣдствіе этого власти мѣстами принимали и продолжаютъ принимать репрессивныя мѣры противъ трезвенниковъ и прежде всего, конечно, противъ ихъ руководителей, носящихъ въ средѣ своихъ послѣдователей названіе «братцевъ».

«Братецъ» Иванъ Чуриковъ, въ теченіе ряда лѣтъ устраивающій собранія трезвенниковъ въ Петербургѣ, въ 1898 г. былъ отправленъ въ самарскую психіатрическую больницу, въ которой и пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ, а въ 1900 г. былъ даже заключенъ въ знаменитую тюрьму Суздальскаго Спасо-Ефиміевскаго монастыря, откуда ему удалось, впрочемъ, скоро освободиться. Въ Москвѣ «братцы» Иванъ Колосковъ и Дмитрій Григорьевъ въ 1910 г. были отлучены отъ православной церкви и торжественно преданы «анаѳемѣ», а въ слѣдующемъ году арестованы вмѣстѣ съ нѣкоторыми болѣе близкими къ нимъ людьми, по обвиненію въ созданіи изувѣрской и безнравственной вѣры, и съ тѣхъ поръ остаются въ заключеніи, несмотря на всѣ просьбы и хлопоты своихъ послѣдователей. Въ своей книгѣ г. Пругавинъ подробно останавливается на этихъ фактахъ гоненія противъ трезвенниковъ и на подозрѣніяхъ, давшихъ поводъ къ такому гоненію, и убѣдительно доказываетъ полную несостоятельность выдвигаемыхъ противъ трезвенниковъ и «братцевъ» обвиненій въ образованіи безнравственной секты. Меньше можетъ удовлетворить читателя другая сторона книжки г. Пругавина,—именно та, гдѣ онъ пытается оцѣнить явленіе, нашедшее себѣ выраженіе въ дѣятельности «братцевъ», не съ уголовно-юридической, а съ болѣе широкой точки зрѣнія. Г. Пругавинъ сообщаетъ довольно много матеріала, касающагося дѣятельности петербургскаго «братца» Чурикова, приводя и отзывы другихъ литераторовъ, посѣщавшихъ Чурикова, и цитаты изъ бесѣдъ послѣдняго, и разсказы о своихъ личныхъ впечатлѣніяхъ отъ него. Но весь этотъ разнородный и подчасъ противорѣчивый матеріалъ, переданный иногда даже съ чрезмѣрной подробностью, не слитъ авторомъ въ одинъ цѣльный и ясный образъ, не сведенъ къ одному стройному представленію, которое могло бы быть безъ сомнѣній принято читателемъ.

Отечественная война и русское общество. Юбилейное изданіе. Историческая Комиссія Учебнаго Отдѣла О. Р. Т. З. Редакція А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова, В. И. Пичета. Изданіе Т-ва И. Д. Сытина. Томъ V. М. 1912. Стр. 235.

Вновь вышедшій въ свѣтъ, — пятый, — томъ «Отечественной войны» богатъ интереснымъ содержаніемъ. По характеру включенныхъ въ него статей онъ раздѣленъ редакціей на два отдѣла. Первый изъ нихъ, носящій общее заглавіе: «Война и русское общество», открывается статьею В. Н. Бочкарева: «Война и правительство». Это послѣднее заглавіе, пожалуй, нѣсколько шире самой статьи, къ которой оно относится, такъ какъ работа г. Бочкарева представляетъ собою лишь сжатый очеркъ той дѣятельности, какая была развита въ періодъ Отечественной войны комитетомъ министровъ, получившимъ въ это время чрезвычайныя полномочія и выдвинутымъ на первое мѣсто среди другихъ выс-

шихъ правительственныхъ учрежденій, но все же не вполнѣ олицетворявшимъ въ себѣ правительство. Слѣдующая статья, принадлежащая И. Н. Игнатову и носящая названіе: «Двѣнадцатый годъ и великосвѣтское общество», содержитъ въ себѣ интересно задуманную и выполненную попытку охарактеризовать по «Войнѣ и миру» Толстого великосвѣтское общество названной эпохи и то вліяніе, какое оказали на него событія Отечественной войны и ближайшихъ къ ней лѣтъ.

За статьею г. Игнатова идутъ взаимно дополняющія одна другую и представляющія выдающійся интересъ двѣ статьи— А. К. Кабанова: «Ополченія 1812 года» и В. И. Семевскаго: «Волненія крестьянъ въ 1812 г. и связанныя съ Отечественной войной». Статья г. Кабанова, основанная частью на печатныхъ, частью на архивныхъ матеріалахъ, заключаетъ въ себѣ крайне любопытный очеркъ исторіи ополченій 1812 г., вскрывающій составные элементы «того патріотизма, который составлялъ единственную декорацію чувствъ, мыслей и поступковъ дѣятелей 12 года въ изображеніи восторженныхъ историковъ-современниковъ». Въ рядѣ яркихъ и убѣдительныхъ фактовъ авторъ показываетъ, что организація ополченій далеко не была результатомъ одного лишь патріотическаго порыва: «сложные пріемы дѣйствія на націоналистическія чувства, поощренія, понужденія со стороны правительства соотвѣтствовали сложнымъ же мотивамъ, руководившимъ населеніемъ—одни шли изъ ненависти къ врагу, изъ любви къ родинѣ, другіе по личнымъ мотивамъ честолюбія, славы, по бѣдности, третьи, наконецъ, по самому настойчивому, самому грубому принужденію» (69 — 70). В. И. Семевскій въ своей статьѣ, въ свою очередь написанной на основаніи не только печатныхъ, но и архивныхъ источниковъ, и вводящей въ научный оборотъ немалое количество свѣжаго матеріала, сперва разсказываетъ о крестьянскихъ волненіяхъ 1812 г., не стоявшихъ въ связи съ войною, а затѣмъ даетъ очеркъ волненій, вызванныхъ вторженіемъ Наполеоновской арміи въ Россію и сопровождавшими его условіями. По первоначальному плану редакціи въ этомъ же отдѣлѣ должны были находиться еще статьи объ отношеніи къ войнѣ дворянства. Но матеріалъ, который долженъ бы былъ войти въ первую изъ нихъ, оказался уже включеннымъ въ другія статьи настоящаго изданія, а вторая статья не могла быть во время доставлена редакціи. Поэтому въ данномъ отдѣлѣ помѣщена одна лишь статья, принадлежащая П. А. Берлину и озаглавленная: «Русское купечество и война 1812 года»,—статья, очень небольшая по объему и весьма незначительная по своему содержанію.

Во второмъ отдѣлѣ настоящаго тома, посвященномъ «отраженіямъ войны въ литературѣ и искусствѣ», на первомъ мѣстѣ помѣщена статья К. В. Сивкова: «Война и цензура». За нею слѣдуютъ двѣ статьи, И. И. Замотина и Н. П. Сидорова, трактующія о русской

журналистикѣ въ періодъ Отечественной войны, причемъ въ первой изъ нихъ дается характеристика «Русскаго Вѣстника» Глинки, а во второй—«Сына Отечества» Греча. Еще двѣ статьи Н. П. Сидорова говорятъ объ отголоскахъ Отечественной войны въ русской повѣсти, романѣ и лирикѣ, статья В. В. Каллаша посвящена Отечественной войнѣ въ русской народной поэзіи, и статья Л. Н. Бродскаго—характеристикѣ русскаго театра и драмы въ эпоху Отечественной войны. Наконецъ, г. Кузьминскій въ особой статьѣ говоритъ объ Отечественной войнѣ въ русской живописи, удѣляя при этомъ много мѣста характеристикѣ возродившейся среди шумныхъ событій двѣнадцатаго года русской политической каррикатуры. Въ совокупности своей всѣ перечисленныя статьи даютъ, дѣйствительно, яркую и полную глубокаго интереса картину тѣхъ отраженій, какія вызвала Отечественная война въ русской литературѣ и искусствѣ, отраженій, въ свою очередь явившихся свидѣтельствомъ о тѣхъ слѣдахъ, которые оставила эта эпоха въ сознаніи различныхъ круговъ народа. Что касается многочисленныхъ и разнообразныхъ иллюстрацій, приложенныхъ къ настоящему тому, то среди нихъ, помимо портретовъ и снимковъ съ изображающихъ отдѣльные моменты Отечественной войны картинъ извѣстныхъ художниковъ, слѣдуетъ еще особо упомянуть воспроизведенныя въ довольно большомъ количествѣ русскія и иностранныя каррикатуры той эпохи, высмѣивающія Наполеона и его армію.

Инж. Б. Гинцбургъ. Логическіе выводы о народномъ представительствѣ. Съ предисл. М. М. Ковалевскаго. С.П.Б. 1912 г. Стр. 83. Ц. 1 руб.

Самое интересное въ книгѣ—предисловіе М. М. Ковалевскаго. Но... оно трактуетъ о предметѣ, совершенно чуждомъ книгѣ г. Гинцбурга. Авторъ предисловія говоритъ о томъ, какъ достичь возможно большаго соотвѣтствія между волей народныхъ представителей и волей народа—въ частности о пропорціональномъ представительствѣ. Инженера же Б. Гинцбурга интересуютъ иныя, куда болѣе простыя, проблемы. Какъ это объяснить? М. М. Ковалевскій въ первыхъ строкахъ своего предисловія сознается, что его знакомство съ книгой было «бѣглое». Думается, именно это обстоятельство и явилось причиной тому, что предисловіе къ книгѣ не вполнѣ соотвѣтствуетъ ея предмету, и что вообще у книги, или, говоря правильнѣе, брошюры инж. Гинцбурга есть предисловіе М. М. Ковалевскаго.

Въ брошюрѣ, если откинуть предисловіе и пустыя страницы, всего семьдесятъ страницъ крупнаго шрифта и небольшого формата. Первая часть (стр. 13—42) содержитъ въ себѣ фельетонное изложеніе той простой и слишкомъ очевидной мысли, что парламентское большинство, дѣйствующее солидарно съ правительствомъ,

при правопорядкѣ, ничѣмъ не защищающемъ правъ меньшинства, можетъ сдѣлать что угодно, провести какіе угодно законопроекты, осуществить какія угодно рѣшенія. Во второй части, авторъ высказавшись противъ такого полноправія большинства, предлагаетъ извѣстную систему сдержекъ для его воли. При этомъ любопытнѣе всего то, что г. Гинцбургъ беретъ за основаніе своихъ построеній существующій русскій строй народнаго представительства и, оставляя его специфическія черты нетронутыми и, такимъ образомъ какъ бы санкціонируя ихъ, пытается лишь ввести частичныя улучшенія (хотя съ точки зрѣнія автора они и не являются частичными). Улучшенія эти очень немногочисленны. Инж. Гинцбургъ предлагаетъ (стр. 63) слѣдующее дополненіе къ наказу Думы. Если часть членовъ (не менѣе 75 человѣкъ или одной трети присутствующихъ) выскажется противъ законопроекта, то законопроектъ передается въ согласительную (междупартійную) комиссію. Если въ комиссіи не будетъ достигнуто соглашенія относительно законопроекта, онъ считается отклоненнымъ. Аналогичныя въ общемъ гарантіи воли меньшинства предлагаются авторомъ по вопросу о прекращеніи записи ораторовъ, о сокращеніи времени рѣчей, о неполномъ или полномъ прекращеніи преній и пр. и пр.

Интереснѣе вторая часть *«поправокъ»* инж. Гинцбурга, на которой нельзя не остановиться. Съ общимъ ходомъ его мыслей она нѣсколько не вяжется, но... дѣло не въ этомъ. Исходя изъ того положенія, что компетентнымъ въ общегосударственныхъ дѣлахъ можетъ быть лишь образованный человѣкъ, инж. Гинцбургъ (стр. 65) предлагаетъ слѣдующую реформу: «Правомъ голоса при разрѣшеніи общегосударственныхъ законопроектовъ могутъ пользоваться члены, имѣющіе образовательный цензъ... Члены же, не имѣющіе образовательнаго ценза, имѣютъ право голоса только при разрѣшеніи законопроектовъ, касающихся ихъ мѣстныхъ дѣлъ,— при разрѣшеніи вопросовъ, затрагивающихъ интересы ихъ избирателей. Депутаты отъ крестьянъ, которые не имѣютъ образовательнаго ценза, могутъ принимать участіе въ голосованіи только при разрѣшеніи законопроектовъ, касающихся крестьянскихъ дѣлъ, или имѣющихъ отношеніе къ крестьянскимъ дѣламъ». Какіе законопроекты не касаются такъ или иначе крестьянства въ крестьянской Россіи—авторъ не поясняетъ.

Мы уже исчерпали содержаніе брошюрки. Написанная, какъ говорится, съ кандачка, послѣ прочтенія четырехъ-пяти книжекъ, написанная по обывательски, безъ элементарнаго знанія государственнаго права, безъ пониманія принциповъ партійности и пр.,— кому нужна она, и какую пользу можетъ она принести?

Цѣна книги (1 рубль за 83 стр.)—непомѣрно высока.

Г. Гомперцъ. Ученіе о міровоззрѣніи. Томъ I. Методологія. Пер. Базарова и Столпнера. Стр. 568. Ц. 4 руб.

«Философскую дисциплину, которую теперь называютъ *то метафизикой, то теоріей познанія*, а иногда подраздѣляютъ на метафизику и теорію познанія, мы въ слѣдующемъ будемъ называть *ученіемъ о міровоззрѣніи, или космотеоріей* (стр. 15).

Такими словами авторъ объясняетъ значеніе и смыслъ своего термина «міровоззрѣніе», термина, которымъ онъ пользуется вмѣсто аристотелевскаго термина «первая философія» лишь потому, что этотъ терминъ Аристотеля кажется ему «невыносимымъ въ лингвистическомъ отношеніи» (стр. 16).

Книга Гомперца является одной изъ самыхъ интересныхъ и замѣчательныхъ попытокъ реорганизовать ученіе Канта, замѣнивши явственно-негодныя части его ученія другими, болѣе жизнеспособными. Впрочемъ, такъ какъ отъ Канта исходитъ почти вся новѣйшая нѣмецкая философія, то почти и не было надобности упоминать, что и исходнымъ пунктомъ ученія Гомперца является Кантъ. Зато слѣдуетъ упомянуть, что ближайшимъ образомъ нашъ авторъ примыкаетъ къ Гегелю, а отчасти и къ Авенаріусу, котораго онъ, правда, строго осуждаетъ за его идею «чистаго опыта», но къ которому онъ примыкаетъ въ своемъ основномъ ученьи о чувствѣ.

Весь историческій (хотя и не столько историческій, какъ логическій) ходъ развитія философскихъ ученій Гомперцъ излагаетъ въ духѣ гегелевской діалектики: возникаетъ какое либо ученіе, но затѣмъ обнаруживается какъ внутреннее его противорѣчіе, такъ и противорѣчіе его съ другими элементами; это противорѣчіе «снимается» новымъ ученіемъ, которое также обнаруживаетъ противорѣчіе, «снимаемое» въ свою очередь слѣдующимъ за нимъ ученіемъ (переводчики нѣмецкій терминъ «aufheben» передаютъ русскимъ терминомъ «отмѣнять», но мы предпочитаемъ старую манеру передавать этотъ нѣмецкій терминъ русскимъ—«снимать»).

Первичное міровоззрѣніе, міровоззрѣніе, не оставившее слѣда въ письменной формѣ, было «анимистическое». «Анимизмъ» объяснялъ всѣ мировыя явленія весьма просто, какъ дѣйствія живыхъ существъ. Но зарождающееся естествознаніе (т. е. первичное наблюденіе міра) показало, что дѣйствія вещей лучше мыслить механически. Отсюда противорѣчіе, которое снимается «метафизикой». «Метафизика» полагаетъ, что за измѣнчивыми проявленіями вещей лежитъ неизмѣнная «субстанція», недоступная нашему опыту. Но психологія показываетъ, что понятія имѣютъ какой либо смыслъ лишь тогда, когда въ основѣ ихъ лежитъ эмпирическое переживаніе. Отсюда противорѣчіе, которое снимается «идеологіей» (терминъ «идеологія» Гомперцъ употребляетъ вмѣсто термина «эмпиризмъ», лишь въ силу разныхъ постороннихъ соображеній). «Идеологія» отвергаетъ существованіе внѣопытной субстанціи и сводитъ

всѣ наши понятія къ представленіямъ. Но практика не можетъ отказаться отъ сведенія всего, что она считаетъ цѣльнымъ и устойчивымъ, къ текучимъ и разрозненнымъ представленіямъ. Отсюда противорѣчіе, которое снимается «критицизмомъ» Канта, учившаго, что общее и неизмѣнное является продуктомъ безсознательной дѣятельности разсудка. Но психологія для всѣхъ понятій требуетъ въ качествѣ основы сознательныхъ переживаній» (стр. 411). Отсюда противорѣчіе, снимаемое *„патэмпиризмомъ"* Гомперца, который утверждаетъ, что такой основой является чувство.

Итакъ «патэмпиризмъ» Гомперца является тѣмъ же кантіанствомъ, въ которомъ лишь «категоріи» и «формы созерцанія» замѣнены чувствомъ.

Такое измѣненіе въ ученіи Канта, безспорно, является улучшеніемъ. И это по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, у Канта всѣ его «категоріи» и «формы созерцанія» являются пустыми, безсодержательными формами, неизвѣстно откуда явившимися и совершенно нами не сознаваемыми. Эти мифическія существа нужны Канту лишь для того, чтобы «подводить» подъ нихъ ощущенія, и все ихъ оправданіе заключается въ томъ, что нужно-же какъ-нибудь объединить разрозненныя ощущенія. Но они не даны нашему сознанію. Тогда какъ чувство, несомнѣнно, для насъ самая знакомая вещь на свѣтѣ. Но если сознаваемость объединяющаго элемента есть первое достоинство поправки Гомперца, то вторымъ его достоинствомъ мы считаемъ то обстоятельство, что имъ подчеркнуто основное значеніе чувства, ибо несомнѣнно, что именно чувство есть самая сущность человѣка.

Однако, признавая всѣ эти достоинства ученія Гомперца, мы не можемъ не указать и на то, что ученіе это пока является крайне смутнымъ и неопредѣленнымъ. Тотъ ходъ разсужденій Гомперца, который мы изложили относительно понятія субстанціи, онъ повторяетъ (иногда съ утомительнымъ однообразіемъ) и относительно другихъ объединяющихъ элементовъ нашего духа. «Тожество», «отношеніе», «форма»—все это проводится имъ по пяти ступенямъ: «анимизма», «метафизики», «идеологіи», «критицизма» и «патэмпиризма». Причемъ, подобно тому, какъ Кантъ, по остроумному замѣчанію Шопенгауэра, для соблюденія симметріи прибѣгалъ къ построенію «фальшивыхъ окошекъ»,—и Гомперцъ, хотя и былъ вынужденъ къ заявленію, что «божество тожества мнѣ, по крайней мѣрѣ, исторически неизвѣстно» (стр. 196), однако, для соблюденія симметріи (т. е., чтобы и понятіе тожества прошло анимистическую фазу развитія) сейчасъ же прибавилъ: «Мы имѣемъ, однако, право считать это обстоятельство относительно случайнымъ», а затѣмъ сказалъ, что «никто бы не удивился», если бы въ греческомъ пантеонѣ оказался «Ζεῦς ναγκωριοτικός».

Но если «богъ тожества» «случайно» неизвѣстенъ, то извѣстно ли патэмпирическое «чувство тожества», и въ чемъ оно состоитъ?

«*Для патэмпирической точки зрѣнія тожество состоитъ* во вложенномъ въ предметъ (эндопатическомъ) чувствѣ непрерывности «я» (стр. 219). «Эндопатическое чувство» строится Гомперцомъ изъ комбинаціи «вчувствованія» Р. Фишера и «интроекціи» Авенаріуса. Мы сознаемъ непрерывность нашего «я», и это есть основа сознанія нашего тожества съ самими собою въ теченіе всей нашей жизни. Теперь, когда мы, напримѣръ, возвратившись домой, видимъ свой письменный столъ, котораго не видѣли нѣкоторое время, и при этомъ утверждаемъ, что это «*тотъ самый*» письменный столъ, который былъ у насъ ранѣе, то этимъ признаніемъ тожества нашего стола, мы, собственно, хотимъ, по Гомперцу, сказать: «Если бы я былъ этимъ предметомъ (т. е. столомъ) все время отъ перваго до второго переживанія (т. е. отъ того момента, когда я видалъ столъ въ послѣдній разъ до даннаго момента), я переживалъ бы слѣдующія подъ-рядъ, другъ за другомъ, чувства непрерывности «я» (стр. 240).

Теперь спрашивается, если Гомперцъ приступилъ къ разрушенію ученія Канта лишь потому, что не нашелъ въ своемъ духѣ ни малѣйшаго слѣда сознанія «категорій» и «формъ» Канта,— то не имѣемъ ли мы право сдѣлать ему тотъ же упрекъ, не находя въ своемъ духѣ никакого сознанія того, что тожественнымъ мы признаемъ каждый предметъ лишь потому, что думаемъ: «если бы я былъ этимъ предметомъ, то я переживалъ бы тожественность своего «я», подобно тому, какъ теперь, въ теченіе всей своей жизни, переживаю эту тожественность моего «я»?

Повторяемъ, мы не менѣе Гомперца склонны искать основу всей нашей душевной жизни въ чувствѣ, и подобная попытка Гомперца могла вызвать у насъ лишь самое живое сочувствіе; но думаемъ, что слишкомъ ужъ прямолинейно поступилъ онъ, замѣняя никогда несуществовавшаго «бога тожества» никогда не сознаваемымъ «эндопатическимъ» чувствомъ тожества.

Нужно замѣтить, что, такъ какъ чувство принадлежитъ къ наиболѣе неуловимымъ и невыяснимымъ элементамъ нашего духа, то существуетъ весьма сильная наклонность все маловыясненное, плохо опредѣлимое именовать «чувствомъ». «Нравственное чувство» Гетчесона и «религіозное чувство» англійскихъ деистовъ являются хорошими примѣрами подобныхъ попытокъ: стремленія ссылкой на хорошо извѣстное, но малоуловимое чувство, яко-бы разъяснить какой-либо трудный вопросъ.

Однако, ясно сознавая эту слабую сторону ученія Гомперца, мы не можемъ въ то же время не признать и крупныхъ достоинствъ его книги.

Русскій переводъ сдѣланъ хорошо, но отсутствіе оглавленія не мало затрудняетъ пользованіе книгой.

Проф. Лёбъ. Жизнь. Пер. съ нѣмец. I. Левитовъ. Одесса 1912 г. Стр. 30. Ц. 30 к.

Эта брошюра есть воспроизведеніе доклада, читаннаго на «конгрессѣ монистовъ» весьма извѣстнымъ американскимъ біологомъ Дж. Лёбомъ.

Темой своего доклада нашъ авторъ сдѣлалъ разсмотрѣніе слѣдующаго вопроса: „Въ правѣ ли мы при современномъ уровнѣ науки разсчитывать, что жизни, т. е. всей совокупности жизненныхъ явленій, можетъ быть дано физико-химическое объясненіе?“ (стр. 5).

Авторъ энергически подчеркиваетъ то обстоятельство, что современная біологія есть наука чисто экспериментальная, и что, слѣдовательно, смѣна различныхъ умозрительныхъ теорій въ области біологіи не можетъ вліять на ходъ самой науки, которая имѣетъ въ виду только явленія двухъ родовъ: или удается настолько овладѣть тѣмъ или другимъ явленіемъ жизни, что его можно по желанію вызвать въ любой моментъ (напр., сокращеніе мышцы); или-же «намъ удается найти количественную зависимость между условіями опыта и біологическимъ результатомъ“ (стр. 5—6). Примѣромъ явленій второго рода авторъ считаетъ „законъ Менделя о наслѣдственности“.

Авторъ говоритъ: „съ научной точки зрѣнія жизнь начинается съ ускоренія въ яйцѣ окислительныхъ процессовъ..., а прекращается жизнь, когда въ тѣлѣ прекращаются процессы окисленія... Поэтому было бы ненужнымъ анахронизмомъ говорить теперь, что начало индивидуальной жизни опредѣляется, кромѣ ускоренія окислительныхъ процессовъ, еще и вступленіемъ въ яйцо какого то метафизическаго жизненнаго начала“ (стр. 15). Въ подтвержденіе этой мысли авторъ довольно подробно излагаетъ факты, дозволяющіе заключить, что роль оплодотворяющаго начала заключается въ устраненіи условій, задерживающихъ окислительные процессы въ яйцѣ. Опытъ, между прочимъ, показалъ, что, напримѣръ, развитіе неоплодотворенныхъ яицъ морского ежа можетъ быть вызвано обработкой этого яйца концентрированной морской водой, а у морской звѣзды и у нѣкоторыхъ червей тотъ же результатъ можетъ быть достигнутъ механически: встряхиваніемъ.

Законъ наслѣдственности Менделя выясняетъ условія развитія при скрещиваніи, а именно, Мендель показалъ, что гибриды образуютъ половые продукты двухъ сортовъ, причемъ одинъ сортъ соотвѣтствуетъ чистому отцовскому типу, а другой—чистому материнскому.

Какъ читатель видитъ изъ всего вышесказаннаго, Лёбъ является самымъ рѣшительнымъ противникомъ витализма. Онъ говоритъ: „Лично у меня такое чувство, что искусственное изготовленіе живой матеріи пока не удается лишь вслѣдствіе нѣкоторыхъ чисто техническихъ условій нашей молодой науки“ (стр. 7).

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются.* Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Проф. ***М. И. Назаревскій.*** Очерки по исторіи и теоріи коллективно-капиталистическаго хозяйства. Т. I. Ц. 80 к. Москва. 1912 г.

А. Н. Опацкій. Фабрично-заводская промышленность Харьковской. губ. и положеніе рабочихъ. Ц. 2 р. Харьковъ. 1912.

А. П. Постниковъ. Учебникъ физики. Ч. I. Ц. 1 р. Изд. В. С. Спиридоновъ. Москва. 1912.

А. Пѣшехонова. Сборникъ вычисленій и простѣйшихъ задачъ. 6-е изд. Ц. 15 к. Спб. 1912.

Н. Поповъ. Война и летъ воиновъ. Ц. 30 к. Москва. 1912.

В. Пуришкевичъ. Въ дни бранныхъ бурь и непогодъ. Сб. стихотвореній. Т. I. Спб. Ц. 1 р. 50 к. 1912.

А. М. Волковъ. Разсказы. Ц. 1 р. 20 к. Кострома. 1912.

Д-ръ мед. ***Н. Реформатскій.*** Мысли о воспитаніи высшихъ чувствованій. Спб. 1912.

Н. Е. Румянцевъ. Обзоръ литературы по психологіи дѣтства. Ц. 60 к. Спб. 1912.

С. Н. Сыромятниковъ и ***Б. Юрьевскій.*** Землеустроительный смотръ. Ц. 30 к. Спб. 1912.

М. И. Тимофеевъ. Азбука для обученія грамотѣ по естественному методу. Ц. 25 к. Изд. 4-е. Одесса. 1912.

А. А. Овчинниковъ. Къ ученію о соединеніи труда. Ц. 3 р. Казань. 1912.

Н. И. Кузнецовъ. Систематическій сводъ указовъ Правительствующаго Сената, послѣдовавшихъ по земскимъ дѣламъ. Т. VIII. 1911. Ц. 3 р. 30 к. Воронежъ. 1912.

Статистическій Ежегодникъ Московской губерніи за 1911 г. Москва. 1912.

Статистическое Отд. Московской уѣздн. земской Управы. Экономическо-статистическій Сборникъ. Вып. IV. Ц. 1 р. Москва. 1912.

Труды областныхъ Сельско-Хозяйственныхъ Совѣщаній въ г.г. Харьковѣ и Саратовѣ. Ч. I и ч. II. Спб. 1912.

Сельскохозяйствен. обзоръ Псковской губерніи за 1911 г. Пск. 1912.

Читинское Отдѣленіе Приамурскаго Отдѣла Имп. Русскаго Географическаго Общества. Труды Агинской Экспедиціи. Чита, 1911 г.

Книгоизд. „Просвѣщеніе". Спб. 1912.—Новыя идеи въ физикѣ. Сборникъ № 1. Строеніе вещества. 2-е изд. Ц. 80 к.—Сборникъ № 5. Природа свѣта. Ц. 80 к.—Новыя идеи въ педагогикѣ. Сборникъ № 1. Самоуправленіе въ школахъ. Ц. 80 к.—Новыя идеи въ философіи. Сборникъ № 2. Борьба за физическое міровоззрѣніе. Ц. 80 к.

Книгоизд. „Матезисъ". Одесса. 1912.—***Г. Ми,*** проф. Курсъ электричества и магнетизма. Пер. Ѳ. Ѳ. Соколова. Ч. I. Электричество. В. I. Подп. цѣна 5 р.—Успѣхи физики. Сборникъ. В. II. Ц. 1 р. 20 к.—Успѣхи біологіи. Сборникъ. Ц. 1 р. 50 к.—***К. Гассертъ,*** проф. Изслѣдованія полярныхъ странъ. Пер. подъ ред. проф. Г. Танфильева. Ц. 1 р. 50 к.—***Ш. Морепъ.*** Физическое состояніе матеріи. Пер. подъ ред. проф. Л. В. Писаржевскаго. Ц. 1 р. 40 к.—***Дж. Перри,*** проф. Вращающійся волчокъ. Изд. 3-ье. Ц. 60 к.

Изд. Т-ва И. Д. Сытина. М. 1912.—***П. Юницкій.*** Справочникъ по организаціи низшаго промышленнаго образованія. Ц. 75 к.—***Фонъ Іелинъ.*** 1812. Запись офицера арміи Наполеона. Ц. 25 к.—***Л. Либанова.*** Утреннія тѣни. Для дѣтей. Ц. 60 к.—***Л. Урусовъ.*** Три дочери было у матери Колодія. Ц. 15 к.—***Его же.*** Злая страсть. Драма. Ц. 15 к.—Отечественная война, ея причины и слѣдствія. Ц. 1 р.—***Пушкинъ, А. С.*** Избранныя сочиненія. Для дѣтей. Ц. 60 к.—***А. Р.*** Историческая переписка о судьбахъ православной церкви. Ц. 50 к.—***И. Т. Костинъ.*** Правописаніе и экспериментальная психологія. Ц. 30 к.—***Софусъ Михаэлисъ.*** 1812. Вѣчный сонъ. Романъ. Ц. 75 к.

Кн-во „Польза" В. Антикъ и К°. М. 1912.—***В. Игнатьевъ.*** Физическое воспитаніе. Гимнастика, спортъ, подвижныя игры. Ц. 1 р. 60 к.—Универсальная библіотека: ***Г. Сенкевичъ.*** Въ пустынѣ и дебряхъ. Ц. 50 к.—***Гр. де-Сегюръ.*** Походъ въ

Россію. Записки адъютанта Наполеона 1-го. Ц. 50 к.—***Г. Мало.*** Безъ семьи. Романъ. Ч. 1-ая. Ц. 30 к.—***В. Раймонтъ.*** Мужики. IV. Лѣто. Ц. 40 к.—***Ст. Пшибышевскій.*** Сумерки. Ц. 30 к.—***В. Пичетъ.*** Причины отечественной войны. Истор. очеркъ. Ц. 10 к.—***Т. Сократовъ.*** Наполеонъ въ Россіи. Ц. 10 к.—***Л. А. Мей.*** Псковитянка. Драма. Ц. 10 к.—***Его же.*** Царская невѣста. Драма. Ц. 10 к.—Русско-французскій карманный словарь. Ц. 50 к.

Изд. „Шиповникъ". Спб. 1912.—***О. Л. Д'оръ.*** Смѣхъ среди руинъ. Ц. 1 р. 25 к.—***Гюи де-Мопассанъ.*** Т. XXX. Жизнь и творчество Мопассана. Ц. 1 р. 25 к.

Я. Боринъ. Зародные очаги. Ц. 50 к. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. М. 1912.

А. Лунашевичъ. Тѣни мелькнувшія. Стихотв. Ананьевъ. 1912. Ц. 1 р.

Е. Гликманъ. Разсказы. Ц. 25 к. Калуга. 1912.

Ел. Щировская. Сборникъ разсказовъ, миніатюръ и пр. Т. II. Харбинъ. 1912. Ц. 1 р.

Sa-We. Банкроты. Пьеса въ 5 д. Спб. 1912. Ц. 65 к.

З. Дорофеевъ. Пѣсни и думы народнаго учителя. М. Ц. 1 р.

Ник. Животовъ. Южные цвѣты. Стихотв. Кн. 2-я. 1912. Ц. 1 р.

П. Полежаевъ. За шесть лѣтъ. Спб. 1912. Ц. 25 к.

Отечественная война въ Прибалтійскомъ краѣ 1812—1912 г. Рига. 1912. Ц. 80 к.

Ч. Вѣтринскій. 1812 г. Н.-Новгородъ. Ц. 6 к.

А. И. Ярошевичъ. Очерки экономической жизни Юго-Западнаго края. В. V. Кіевъ. 1912. Ц. 25 к.

Н. Г. Донскихъ. Система міра. Изд. 2-е. Томскъ. 1910.

Б. Н. Книповичъ. Къ вопросу о дифференціаціи русскаго крестьянства. Спб. 1912. Ц. 80 к.

Н. Изорскій. Проблема чужой одушевленности. Спб. 1912. Ц. 50 к.

И. М. Козьминыхъ-Ланинъ, инж. Врачебная помощь фабрично-заводскимъ рабочимъ въ Московской губ. М. 1912.

Д. Ив. Дубовицкій. Обратите вниманіе, что Россія находится на краю гибели. Пенза. 1912. Ц. 85 к.

Л. В—онъ. Всероссійскій кооперативный съѣздъ въ Спб. Кіевъ. Ц. 35 к.

И. М. Трояновскій. Курсъ природовѣдѣнія. Ч. III. Ц. 95 к.

Б. Юрьевскій. Правительство и земля. Спб. 1912. Ц. 20 к.

М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ. Т. III. Подъ ред. М. К. Лемке. Спб. 1912. Ц. 4 р.

Г. П. Сазоновъ. Лѣсное госуд. хозяйство. Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

Образовательныя экскурсіи. ***П. Перцовъ.*** Венеція. Изд. 2-е. М. 1912. Ц. 75 к.

Въ пользу голодающихъ: Уфимскій альманахъ. Уфа. 1912. Ц. 1 р.

П. А. Сикорскій. Основы алкогольной политики въ Россіи. Кіевъ. 1912. Ц. 20 к.

Третья Государственная Дума. Сессія 5-я. Фракція народной свободы. Отчетъ о рѣчи депутатовъ. Спб. 1912.

R. Birkhäuser д-ръ. Практическія свѣдѣнія по глазнымъ болѣзнямъ для врачей неспеціалистовъ. М. 1912. Ц. 1 р.

Г. М. Гречешкинъ. Теберда, горная климатическая станція и дачная мѣстность. 1912. Ц. 75 к.

Вѣстникъ Новоузенскаго земства. Январь—Іюнь 1912.

Изд. Совѣта съѣзда нефтепромышленниковъ. Баку. 1912.—Справочная книжка для нефтепромышленниковъ на 1912. Ц. 2 р.—Труды XXX очередного съѣзда нефтепромышленниковъ въ Баку. Ц. 3 р.—Потребленіе топлива желѣзн. дорогами въ 1910 г. Ц. 40 к.—Нефтяная промышленность и торговыя дѣла $19^{11}/_{12}$. Ц. 1 р.—Заработная плата служащихъ и рабочихъ Бакинскаго нефтепром. района. Ц. 1 р. 50 к.

Изд. М-ва Финансовъ. Спб. 1912.—Государст. расходы по главнымъ предметамъ назначенія въ 1907—1911 гг.—Государств. доходы по главн. источникамъ поступленія въ 1907—1911 гг.—Распредѣленіе государств. доходовъ за 1907—1911 г. по числу душъ населенія.—Свободная наличность государств. казначейства.—Матеріалы къ пересмотру русско-американскаго торговаго договора. I и II.—1911 годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. В. VI.—1912 г. въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. В. I.

Статистико-экономическій обзоръ Херсонской губ. за 1910 годъ. Херсонъ. 1912.

Телеграммы и письма.

полученныя послѣ кончины Н. Ѳ. Анненскаго его семьей и редакціей «Русскаго Богатства».

Баку. Совѣтъ старшинъ Бакинскаго литературно-художественнаго кружка присоединяетъ свой голосъ къ общей скорби по кончинѣ одного изъ лучшихъ людей Россіи, Николая Ѳедоровича Анненскаго.—Предсѣдатель совѣта Кара Мурза.

Гейдельбергъ. Пироговская общественная библіотека-читальня оплакиваетъ потерю благороднаго гражданина и цѣннаго культурнаго дѣятеля.

Каменецъ-Подольскъ. Глубоко потрясены вѣстью о кончинѣ незабвеннаго Николая Ѳедоровича. Вѣримъ, что близко уже то, чѣмъ жилъ и чему служилъ покойный.—Группа Каменецъ-Подольской интеллигенціи.

Минскъ. Минская городская общественная библіотека тяжело скорбитъ объ утратѣ неутомимаго и стойкаго борца-литератора, Николая Ѳедоровича Анненскаго.

Москва. Глубоко опечаленные смертью незабвеннаго Николая Ѳеодоровича, высокаго учителя и выразителя общественности, санитарные врачи московскаго земства просятъ васъ принять выраженіе горячаго соболѣзнованія въ постигшей васъ тяжелой утратѣ, составляющей вмѣстѣ утрату русскаго обществ.—Богословскій, Григорьевъ, Касторскій, Кельхъ, Дурново, Кирьяковъ, Куркинъ, Лебедевъ, Ливицкій, Мальковъ, Михайловъ, Невядомскій, Новохатный, Поповъ, Скаткинъ, Скибневскій, Слетовъ, Хабаровъ, Сосынъ.

Николаевъ. Дирекція Николаевской Общественной Библіотеки скорбитъ объ утратѣ одного изъ лучшихъ гражданъ Россіи, Николая Ѳедоровича Анненскаго.

Ницца. Вмѣстѣ съ вами, скорбимъ о тяжелой утратѣ, понесенной интеллигентной Россіей въ лицѣ Николая Ѳедоровича, горячо сочувствовавшаго зарожденію Герценовскаго общества.—Герценовскій комитетъ.

Псковъ. Прошу принять выраженіе искренней печали по поводу кончины рѣдкаго общественнаго дѣятеля.—А. Е. Грузинскій, предсѣдатель «Общества любителей русской словесности».

Римъ. Общество Толстого горячо раздѣляетъ вашу скорбь о тяжкой утратѣ, понесенной журналомъ, обществомъ, страной.—Правленіе.

С.-Петербургъ. Комитетъ Литературнаго фонда, глу-

боко потрясенный скорбною вѣстью о кончинѣ незабвеннаго Николая Ѳедоровича, отдавшаго дѣлу фонда столько силъ, любви и энергіи, бывшаго его незамѣнимой опорой, раздѣляетъ Ваше горе и шлетъ Вамъ выраженіе горячаго сочувствія.—Товарищъ предсѣдателя Набоковъ.

С.-Петербургъ. Совѣтъ всероссійскаго литературнаго общества выражаетъ Вамъ самыя сердечныя соболѣзнованія и глубокое огорченіе по случаю утраты незабвеннаго Николая Ѳедоровича.—Товарищъ предсѣдателя Кремлевъ.

С.-Петербургъ. Совѣтъ Петербургскаго отдѣленія Комитета о сельскихъ товариществахъ высказываетъ глубокое соболѣзнованіе по случаю кончины одного изъ старѣйшихъ членовъ отдѣленія и неутомимаго общественнаго дѣятеля.—Предсѣдатель отдѣленія Исаковъ.

С.-Петербургъ. Еврейское научно-литературное общество шлетъ выраженіе глубокой скорби по поводу тяжелой утраты, понесенной русской литературой и общественностью въ лицѣ Н. Ѳ. Анненскаго.

Ташкентъ. Правленіе Пушкинскаго просвѣтительнаго общества въ Ташкентѣ свидѣтельствуетъ искреннее соболѣзнованіе редакціи въ утратѣ незабвеннаго Николая Ѳедоровича Анненскаго и проситъ выразить семьѣ глубокое сочувствіе.—Предсѣдатель Сосновскій.

Двинскъ. Редакція «Двинскаго Листка» выражаетъ свое соболѣзнованіе по поводу утраты Николая Ѳедоровича.

Двинскъ. Глубоко опечалены утратой незабвеннаго Николая Ѳедоровича.—Сотрудники «Двинскаго Листка» Ляховичъ, Магринъ, Радзевичъ, Оборенко, Туркельтаубъ, Домбровскій, Боровскій, Альтшуллеръ.

Келломяки. Соболѣзную горю редакціи «Русскаго Богатства», потерявшей вѣрнаго товарища, человѣка чести и совѣсти. Передайте семьѣ покойнаго соболѣзнованіе «Жизни для всѣхъ».—Поссе.

Кіевъ. Вмѣстѣ съ вами скорбимъ о незамѣнимой утратѣ. Пусть славная, прекрасная, кристально-чистая жизнь Николая Ѳедоровича остается надолго свѣтлой вѣхой на тяжеломъ пути русскаго общества къ грядущему.—Редакція Кіевской Почты.

Мглинъ. Въ глуши Черниговской губерніи, узнавъ о кончинѣ незабвеннаго Николая Ѳедоровича, присоединяюсь къ вашему и всероссійскому горю.—Редакторъ-издатель журнала «Крестьянское Земледѣліе» Павелъ Шимановскій.

Москва. Редакція московской газеты «Копѣйка» съ глубокой скорбью приняла вѣсть о кончинѣ Николая Ѳедоровича Анненскаго и спѣшитъ выразить редакціи Русскаго Богатства и супругѣ покойнаго чувства искреннаго соболѣзнованія.

Москва. Редакція издательства «Порывы» выражаетъ свое искреннее соболѣзнованіе осиротѣвшему «Русскому Богатству» по поводу кончины Николая Ѳедоровича.—Редакторъ Валентинъ Португаловъ.

Москва. Редакція «Русскихъ Вѣдомостей» проситъ осиротѣвшую редакцію «Русскаго Богатства» принять выраженіе глубокой скорби и сочувствія по поводу понесенной русской журналистикой тяжелой утраты въ лицѣ Николая Ѳедоровича Анненскаго.

Москва. Редакція «Русской Мысли» проситъ принять выраженія сочувствія въ тяжелой незамѣнимой утратѣ, понесенной въ лицѣ Николая Ѳедоровича Анненскаго редакціей «Русскаго Богатства» и всей русской литературой.

Москва. «Столичная Молва» скорбитъ вмѣстѣ со всей русской интеллигенціей о тяжкой утратѣ «Русскимъ Богатствомъ» незабвеннаго Николая Ѳедоровича, всегда стоявшаго насторожѣ идеаловъ гражданственности, свободы и высокой писательской морали. Вѣчная память писателю, человѣку и гражданину.

Москва. Оплакиваемъ скорбно кончину борца за свѣтлое будущее родины.—«Студенческое дѣло».

Москва. Раздѣляемъ скорбь русскаго общества и вашу. Смерть отняла борца за правду и радость жизни, но никогда она отнять не можетъ твердой увѣренности въ осуществленіи свѣтлыхъ идеаловъ, которымъ такъ долго и беззавѣтно служилъ почившій Анненскій.—Редакція «Украинской Жизни».

Озерки. Къ скорби о потерѣ незабвеннаго Николая Ѳедоровича всѣхъ тѣхъ, кому дорога идея правды, свободы и просвѣщенія нашей родины, позвольте присоединить и голосъ газеты «Школа и Жизнь».—Фальборкъ.

Полтава. Редакція «Полтавской Рѣчи» скорбитъ объ ушедшемъ со славнаго поста общественномъ дѣятелѣ и публицистѣ Николаѣ Ѳедоровичѣ Анненскомъ.—Редакція.

Рязань. Редакція и сотрудники «Рязанской жизни» шлютъ свое соболѣзнованіе по поводу утраты незабвеннаго Н. Ѳ. Анненскаго. Вашу скорбь раздѣлитъ вся мыслящая Россія, потерявшая въ лицѣ Николая Ѳедоровича стойкаго борца за лучшее будущее.—Редакторъ Радугинъ.

С.-Петербургъ. Журналъ «Женское дѣло» выражаетъ глубокое соболѣзнованіе по поводу невознаградимой утраты, понесенной редакціей «Русскаго Богатства» въ лицѣ Николая Ѳедоровича, стойко отстаивавшаго гражданскіе идеалы и равноправіе.—Редакція.

С.-Петербургъ. Редакція журнала «Наборщикъ» и «Печатный Міръ», глубоко скорбя о смерти Николая Ѳедоровича Анненскаго, стойкаго, убѣжденнаго борца за правое дѣло, проситъ редакцію «Русскаго Богатства» принять ея искреннее соболѣзнованіе.—Редакторъ Филипповъ.

С.-Петербургъ. Выражаемъ глубокое соболѣзнованіе въ понесенной утратѣ въ лицѣ Николая Федоровича Анненскаго, демократа и гражданина.—Редакція «Наша Заря».

С.-Петербургъ. Примите наше искреннее выраженіе глубокаго участія и скорби объ утратѣ Николая Ѳедоровича, незамѣнимаго свѣтлаго борца за свободу.—Книгоиздательство «Освобожденіе».

С.-Петербургъ. Редакція газеты «Правда» выражаетъ редакціи журнала «Русское Богатство» свое искреннее соболѣзнованіе по поводу тяжелой утраты, понесенной ею въ лицѣ Николая Ѳедоровича Анненскаго, одного изъ стойкихъ представителей честной демократической мысли. Редакція «Правды».

С.-Петербургъ. Потрясенная кончиной дорогого Николая Ѳедоровича, незамѣнимаго предсѣдателя литературныхъ организацій, защищавшихъ въ тяжелые для родины годы лучшіе завѣты литературы, редакція «Современнаго Міра» выражаетъ свое искреннее сочувствіе вашему горю.

С.-Петербургъ. Просимъ принять выраженіе искренняго соболѣзнованія по поводу кончины Николая Ѳедоровича Анненскаго.—Товарищество М. О. Вольфъ.

Симферополь. Редакція «Южныхъ Вѣдомостей» шлетъ выраженіе сочувствія дружной семьѣ «Русскаго Богатства», потерявшей соратника въ борьбѣ за лучшіе идеалы русской интеллигенціи, Николая Ѳедоровича Анненскаго.

Смоленскъ. Вмѣстѣ съ товарищами покойнаго по журналу и плодотворной общественной дѣятельности, редакція «Смоленскаго Вѣстника» глубоко скорбитъ о кончинѣ Николая Ѳедоровича.

Ставрополь. Дорогую редакцію постигаетъ новый ударъ! Въ такое время, когда нравственные маяки особенно необходимы обществу, потеря незабвеннаго и высокаго по авторитету Николая Ѳедоровича есть потеря всего образованнаго общества. Раздѣляя постигшее редакцію общественное горе, желаемъ ей перенести тяжелое потрясеніе, черпая силы въ высокихъ идеалахъ покойнаго.—Редакція «Сѣверо-Кавказскаго Края».

Тифлисъ. Редакція грузинской газеты «Сахалхо» выражаетъ соболѣзнованіе редакціи «Русское Богатство» по поводу смерти примѣрнаго человѣка и горячаго поборника народной свободы, Анненскаго.

Умань. Редакція газеты «Провинціальный Голосъ» выражаетъ редакціи журнала «Русское Богатство» свое искреннее соболѣзнованіе по поводу понесенной демократической честной мыслью утраты въ лицѣ Николая Ѳедоровича Анненскаго.

Харьковъ. Скорбная вѣсть о смерти Николая Ѳедоровича Анненскаго тяжелой печалью отозвалась въ вашей редакціонной семьѣ. Съ глубокимъ сочувствіемъ раздѣляемъ съ осиротѣвшей

редакціей «Русскаго Богатства» горе утраты идейнаго борца за лучшіе завѣты русской публицистики.—Редакція газ. «Утро».

Баденъ. Потрясенъ и опечаленъ кончиной незабвеннаго Николая Ѳедоровича. Еще гражданиномъ меньше стало! Славной редакціи желаю мужественно перенести невознаградимую потерю.—Ратнеръ (другая подпись неразборчива).

Балашовъ. Нѣтъ словъ выразить всю глубину печали по поводу невознаградимой потери моего покровителя и моего учителя, дорогого Николая Ѳедоровича. Передайте искреннее соболѣзнованіе его семьѣ, Литературному фонду и Русскому Богатству.—Арефьевъ.

Бердичевъ. Раздѣляю вашу глубокую скорбь о кончинѣ свѣтлаго, благороднѣйшаго, безконечно дорогого Николая Ѳедоровича.—Ан-скій.

Берлинъ. Глубоко скорблю о смерти дорогого Николая Ѳедоровича.—Петръ Рыссъ.

Бильдерлингсгофъ. Пораженъ извѣстіемъ о смерти Николая Ѳедоровича. Позвольте выразить Вамъ мое глубочайшее огорченіе.—Александръ Потресовъ.

Бѣжецкъ. Потрясенъ извѣстіемъ о незамѣнимой утратѣ русской общественности. Имя Николая Ѳедоровича останется незабвеннымъ, какъ и журналъ, которому онъ отдалъ столько лѣтъ жизни.—Кузьминъ-Караваевъ.

Везо. Искреннее сочувствіе въ тяжелой утратѣ.—Ивановъ-Разумникъ

Бильманстрандъ. Земно кланяюсь дорогому Николаю Ѳедоровичу.—Отоцкій.

Воскресенскъ. Огорченные смертью дорогого Николая Ѳедоровича, шлемъ свое соболѣзнованіе, просимъ передать Александрѣ Никитичнѣ глубокое наше сочувствіе ея горю.—Карѣевы.

Вязьма. Всѣмъ сердцемъ раздѣляю наше общее горе, смерть чуднаго нашего, дорогого Николая Ѳедоровича. Прошу передать Александрѣ Никитичнѣ мою скорбь, мое горячее сочувствіе.—Лѣткова-Султанова.

Гамбургъ. Вмѣстѣ съ вами скорбимъ о кончинѣ незабвеннаго, любимаго Николая Ѳедоровича.—Петръ Струве.

Гатчина. Глубоко потрясенный кончиной незабвеннаго Николая Ѳедоровича Анненскаго, присоединяю мое скорбное чувство къ общему горю всѣхъ знавшихъ, любившихъ и почитавшихъ покойнаго.—Владиміръ Тихоновъ.

Городище (А. Н. Анненской). Примите и отъ меня, глубокоуважаемая Александра Никитична, выраженіе сердечнаго сочувствія вашему тяжелому горю.—Ольнемъ-Цѣховская.

Городище («Русскому Богатству»). Тяжелая утрата «Русскаго Богатства» отзывается скорбной болью и въ моей душѣ.—Ольнемъ-Цѣховская.

Двинскъ. Всей душой раздѣляемъ Ваше тяжелое горе.—Мякотинъ, Пѣшехоновъ.

Евпаторія. Глубоко потрясенъ вѣстью о смерти незабвеннаго Николая Θедоровича.—Мокіевскій.

Звѣрево. Глубоко опечаленъ утратой всѣмъ дорогого Николая Θедоровича.—Владиміръ Оболенскій.

Инжавино. Глубоко скорблю о потерѣ горячо любимаго Николая Θедоровича.—Мельгуновъ.

Кави ди Лаванья. Глубоко опечалены кончиною честнаго гражданина и борца, Николая Θедоровича Анненскаго.—Прибылевъ, Тютчевъ, Колосовъ.

Камбарскій. Глубоко опечаленъ невознаградимой утратой Николая Θедоровича Анненскаго.—Черепановъ.

Кисловодскъ. До глубины души огорченъ смертью Анненскаго. Вмѣстѣ съ редакціей оплакиваю кончину незабвеннаго Николая Θедоровича, свѣтлый образъ котораго никогда не изгладится изъ памяти его знавшихъ.—Александръ Леонтьевъ.

Кларанъ-Монтрё. Глубоко оплакиваемъ утрату незабвеннаго Николая Θедоровича.—Рубакинъ, Сахаровы, Лида Снѣжинская.

Лозанна. Посылаемъ самыя искреннія соболѣзнованія А. Н. Анненской и Вамъ. Василій и Эмилія Богучарскіе.

Мордвиново. Сердечно присоединяюсь къ Вашему горю и горю литераторовъ одинаковыхъ взглядовъ съ незабвеннымъ Николаемъ Θедоровичемъ. Тяжела утрата. Пѣшкова-Толивѣрова.

Москва. Прошу васъ принять мое глубокое соболѣзнованіе объ утратѣ дорогого Николая Θедоровича. Пусть будетъ вамъ утѣшеніемъ, что жизнь свою онъ принесъ въ жертву добру и справедливости.—Александръ Титовъ.

Москва. Искренно сожалѣю о смерти многоуважаемаго Николая Θедоровича Анненскаго.—Александръ Энгельмееръ.

Москва. Страшно удрученъ горестной утратой незабвеннаго Николая Θедоровича.—Виссаріонъ Гуревичъ.

Москва (Т. А. Богдановичъ). Сейчасъ съ Вами, дорогая Татьяна Александровна. Перенесите мужественно тяжкую утрату. Передайте мое и Сергѣя Николаевича глубокое сочувствіе Александрѣ Никитишнѣ.—Кускова.

Москва. Съ глубокой скорбью узнали о кончинѣ дорогого, незабвеннаго Николая Θедоровича. Просимъ осиротѣвшую семью «Русскаго Богатства» принять наше горячее сочувствіе.—Кускова, Прокоповичъ.

Москва. Примите выраженіе глубокаго соболѣзнованія по по-

воду кончины дорогого Николая Өедоровича и невознаградимой утраты, понесенной редакціей.—Поповъ.

Москва. Вернувшись изъ деревни и узнавъ сейчасъ горестную для всей интеллигентной Россіи вѣсть о смерти Николая Өедоровича, глубоко сочувствую горю, постигшему семью «Русскаго Богатства».—Козловскій.

Москва. Всѣмъ сердцемъ раздѣляю печаль объ утратѣ дорогого Николая Өедоровича.—Синегубъ.

Мстиславль. Глубоко сочувствуемъ вашему горю.—Бѣлевичъ, Станкевичъ.

Наугеймъ. Прошу принять сочувствіе по случаю смерти честнѣйшаго гражданина-народника.—Цодиковъ.

Нейшлотъ. Незамѣнимая утрата! Глубокій поклонъ праху почившаго, горячее сочувствіе редакціи.—Викторъ Португаловъ.

Николаевъ. Примите выраженіе искренняго соболѣзнованія по случаю кончины дорогого намъ Николая Өедоровича Анненскаго.—Антоновъ, Осмоловскій.

Нодендаль. Глубоко потрясенъ извѣстіемъ о той огромной утратѣ, которую понесли вы, русское общество и печать, въ лицѣ незабвеннаго Николая Өедоровича, этого свѣтлаго рыцаря безъ страха и упрека.—Саликовскій.

Нустаго. Глубоко потрясенъ неожиданной кончиной высокочтимаго Николая Өедоровича Анненскаго. Выражаю искреннее соболѣзнованіе Владиміру Галактіоновичу Короленко и всей редакціи «Русскаго Богатства».—Академикъ А. Фаминцынъ.

Одесса. Всей душой скорблю о кончинѣ благороднѣйшаго Николая Өедоровича.—Федоровъ.

Одесса. Глубоко опечаленъ смертью Николая Өедоровича, въ которомъ семья русскихъ литераторовъ потеряла достойнѣйшаго своего представителя. Вмѣстѣ съ вами скорбимъ о тяжелой утратѣ, понесенной редакціей «Русскаго Богатства».—Геккеръ, Бекерманъ, Брусиловскій, Заксъ, Кипенъ, Осиповичъ, Сакеръ.

Одесса. Пораженъ кончиной Николая Өедоровича. Опустѣлъ еще одинъ славный постъ. Вѣчная память честному борцу и доброму человѣку.—Николай Олигеръ.

Одесса. Раздѣляю безграничную скорбь о потерѣ выдающагося мужа совѣта, доблестнѣйшаго гражданина, честнѣйшаго публициста Николая Өедоровича.—Чудновскій.

Одесса. Примите выраженіе глубокаго соболѣзнованія и скорби. Смерть Анненскаго — тяжелая утрата для всей прогрессивной Россіи.—Овсянико-Куликовскій.

Опочка. Глубоко скорбимъ о невознаградимой потерѣ Николая Өедоровича, стойкаго борца, душевнаго человѣка. Игнатовичъ, Быховскій.

Петергофъ. Сочувствую Вашему горю, сожалѣю о тяжелой утратѣ.— Бородаевскій.

Ревякино. Всѣмъ сердцемъ ощущаю смерть прекраснаго, благороднаго Николая Өедоровича.—Любовь Гуревичъ.

Ростовъ н/Д. Только сейчасъ узналъ о смерти Николая Өедоровича. Скорблю всѣмъ сердцемъ о великой утратѣ. Отошелъ отъ насъ человѣкъ удивительный по своей необычайной вѣчно юной душевной красотѣ.—Алексѣй Сиговъ.

Сэнъ-Жанъ-де-Люзъ. Глубоко потрясенъ смертью дорогого Николая Өедоровича, скорблю о потерѣ, понесенной журналомъ и русскимъ обществомъ.—Діонео.

Сестрорѣцкъ. Примите мое сердечное соболѣзнованіе о потерѣ одного изъ лучшихъ людей, честнѣйшаго писателя и образцоваго гражданина.—Михаилъ Лемке.

Силламяги. Съ любовью скорблю и поминаю свѣтлую, ясную душу незабвеннаго Николая Өедоровича.—Франкъ.

Сочи. Съ сердечной болью узнала, что покинулъ насъ навсегда дорогой, свѣтлый Николай Өедоровичъ. Раздѣляю ваше горе. Желаю мужественно перенести тяжелую новую потерю.—Дмитріева.

С.-Петербургъ. Удрученъ скоропостижной кончиной Николая Өедоровича. Присоединяюсь къ общей скорби всей передовой Россіи.—Левъ Закъ.

С.-Петербургъ («Русскому Богатству»). Глубоко опечаленный кончиной дорогого Николая Өедоровича, раздѣляю постигшее редакцію горе. Память о мужественномъ защитникѣ лучшихъ идеаловъ пребудетъ надолго. Въ этомъ утѣшеніе осиротѣвшей редакціи и русской интеллигенціи въ настоящіе часы скорби.—Брусиловскій.

С.-Петербургъ. (А. Н. Анненской). Постигшее васъ горе раздѣляется всѣми, имѣвшими общеніе съ дорогимъ Николаемъ Өедоровичемъ. Общее сочувствіе да облегчитъ вамъ перенести утрату, понесенную всѣми нами. Брусиловскій.

С.-Петербургъ. Вмѣстѣ съ Вами скорбимъ о потерѣ дорогого Николая Өедоровича.—Ложкины.

С.-Петербургъ. Остановилось еще одно великое сердце; все сиротливѣе становится жить. Прошу передать семьѣ незабвеннаго Николая Өедоровича мое глубокое соболѣзнованіе.—Сергѣй Арефинъ.

С.-Петербургъ. Всѣмъ сердцемъ и душою скорбимъ о Вашей утратѣ и утратѣ всей культурной Россіи; пусть поддержитъ Васъ въ эти страшныя минуты сознаніе, что поистинѣ вѣчной будетъ память о прекрасной истинно святой жизни дорогого усопшаго.—Ашешовы.

С.-Петербургъ. Вмѣстѣ съ Вами переживаемъ тяжелую потерю, ничѣмъ невознаградимую.—Негрескулъ, Миртовъ, Розенфельдъ.

С.-Петербургъ. Горячо сочувствую Вашему тяжелому горю. Миръ

праху высокочтимаго Николая Θедоровича. Память о немъ дорога каждому, знавшему его свѣтлую жизнь.—Клавдія Лукашевичъ.

Струги. Всей душой горюю о смерти дорогого Николая Θедоровича, шлю выраженія глубочайшаго сочувствія Александрѣ Никитичнѣ и «Русскому Богатству» въ личной ихъ и всеобщей незамѣнимой утратѣ.—Ватсонъ.

Тимирязево. Примите и передайте Александрѣ Никитичнѣ выраженіе горячей скорби. Начавшіяся въ Казани на совмѣстной земской работѣ тридцатилѣтнія дружескія отношенія съ дорогимъ Николаемъ Θедоровичемъ, незабвеннымъ образцомъ служенія русскому народу, всегда останутся свѣтлымъ воспоминаніемъ въ жизни.—Профессоръ Васильевъ.

Торжокъ. Всей душой скорблю о кончинѣ дорогого, незабвеннаго Николая Θедоровича. Его не забудетъ родина.—Корниловъ.

Торошино. Глубоко опечаленный безвременной кончиной Николая Θедоровича, раздѣляю съ вами эту незамѣнимую потерю.—Муйжель.

Угличъ. Вмѣстѣ съ вами многіе тоскуютъ о потерѣ дорогого Николая Θедоровича. Если это сознаніе можетъ хоть отчасти облегчить вашу скорбь, примите наше соболѣзнованіе.—Кондурушкины.

Уфа. Горько на душѣ отъ потери Николая Θедоровича Анненскаго. Выражаемъ соболѣзнованіе осиротѣвшей семьѣ Русскаго Богатства.—Мухачевъ, Сперанскій.

Царское Село. Глубоко сочувствую вашему горю, скорблю, что, за окончаніемъ книжки «Вѣстника Европы», не могу теперь же отозваться на тяжелую потерю литературы и общества. —Арсеньевъ.

Челябинскъ. Руководителю и другу русской интеллигенціи, борцу за народные идеалы, Анненскому.—С. Таринъ.

Череповецъ. Глубоко пораженъ утратой любимаго, незамѣнимаго Николая Θедоровича.—Гуковскій.

Черниговъ. Искренне соболѣзную въ тяжелой утратѣ.—Мих. Могилянскій.

Баку. Статистики съѣзда нефтепромышленниковъ глубоко огорчены кончиной славнаго ветерана земской статистики, Николая Θедоровича.—Стопани.

Веребье. Свѣтлая память Николаю Θедоровичу, красѣ и гордости русской статистики, идейному вдохновителю и руководителю поколѣній статистическихъ работниковъ, благородной личности, вызвавшей уваженіе и преклоненіе независимо отъ партій и направленій.—Александръ Кауфманъ.

Владиміръ. Грустно терять дорогого учителя и стойкаго общественнаго дѣятеля.—Владимірскіе земскіе статистики.

Геленджикъ. Глубоко поражены смертью незабвеннаго Николая Өедоровича Анненскаго. Шлемъ искреннее соболѣзнованіе всѣмъ близкимъ покойнаго.—Щербина, Тезяковъ.

Котованижъ. Потрясенъ вѣстью о кончинѣ незабвеннаго Николая Өедоровича. Не стало одного изъ лучшихъ людей, которые встрѣчались на моемъ жизненномъ пути. Разнообразіе, глубокая эрудиція, громадный критическій умъ, умѣніе привлекать сердца своей отзывчивостью всякому сердечному горю создавали прочность всѣмъ его предпріятіямъ, создадутъ и прочную память его имени. Передайте глубокое соболѣзнованіе Александрѣ Никитичнѣ и Татьянѣ Александровнѣ.—Шмидтъ.

Кострома. Статистики костромскаго земства скорбятъ о кончинѣ Николая Өедоровича Анненскаго, творца земской статистики. По порученію товарищей, Верховскій, Воробьевъ, Дюбюкъ.

Москва. Глубоко скорбимъ объ утратѣ одного изъ лучшихъ духовныхъ учителей русской интеллигенціи. — Статистики: Овчинниковъ, Ярре.

Москва. Прошу уважаемую редакцію принять и мое выраженіе глубокой скорби о кончинѣ незабвеннаго и любимаго мною Николая Өедоровича Анненскаго.—Бывшій тамбовскій земскій статистикъ Романовъ.

Нижній Новгородъ. Статистическое бюро Нижегородскаго губернскаго земства скорбитъ о кончинѣ незабвеннаго своего основателя, Николая Федоровича. Во всѣхъ насъ всегда было и будетъ живо чувство глубокаго почтенія къ свѣтлому образу всегда отзывчиваго, безконечно добраго, высоко авторитетнаго учителя и товарища.—Лядовъ.

Новгородъ. Новгородскіе земскіе статистики, глубоко скорбя о смерти Николая Өедоровича Анненскаго, какъ піонера земской статистики и сотрудника вашего уважаемаго журнала, выражаютъ вамъ и семьѣ почившаго свое искреннее сочувствіе.

Омскъ. Потрясенъ кончиной Николая Федоровича Анненскаго. Выражаю глубокое сочувствіе редакціи, прошу передать искреннее соболѣзнованіе семьѣ почившаго доблестнаго гражданина.—Статистикъ Кузнецовъ.

Петровско-Разумовское. Глубоко опечаленъ кончиною дорогого Николая Өедоровича, благороднаго гражданина, славнаго вождя земской статистики.—Алексѣй Фортунатовъ.

Полтава. Глубоко огорчены смертью уважаемаго Николая Өедоровича. Имя его, какъ одного изъ творцовъ земской статистики, никогда не будетъ забыто, а память о немъ, какъ о публицистѣ, общественномъ дѣятелѣ и человѣкѣ, у всѣхъ, его знавшихъ, сохранится навсегда, какъ свѣтлое и дорогое воспоминаніе о несокрушимой энергіи и бодрости человѣческаго духа.—Полтавскіе статистики.

Псковъ. Псковскіе земскіе статистики глубоко скорбятъ о тяжелой утратѣ старѣйшаго статистика, организатора, убѣжденнаго учителя жизни и стойкаго человѣка-гражданина, Николая Ѳедоровича Анненскаго.—Пиголкинъ, Мих. Кисляковъ, Раздеришинъ, Кузнецовъ, Барабина, Толстояновъ, Годевальдъ, Лапотниковъ, Преображенскій, Кирьяковъ, Коданевъ, Потаповъ, А. Чистосердовъ, Богдановъ, Игнатовичъ, Зальцбергъ, М. Козлова, Кузнецова-Богушевичъ, Иванова, Кондратьева, Ивановъ, Семягинъ, Васильева, Селюгина, Кисляковъ, Сущевская, Галамей, А. Меринова.

Саратовъ. Статистики Саратовской Губернской Управы выражаютъ скорбь объ утратѣ въ лицѣ Н. Ф. Анненскаго статистика, экономиста, человѣка и незамѣнимаго общественнаго дѣятеля.—Серебряковъ, Миловзоровъ, Бѣляковъ, Россовъ, Новинскій.

Тула. Александра Никитична, глубоко скорбимъ вмѣстѣ съ Вами объ утратѣ дорогого Николая Ѳедоровича, который былъ для насъ не только товарищемъ, но и учителемъ, въ школѣ котораго учились и учатся земскіе статистики. Примите же и отъ насъ, земскихъ статистиковъ, сочувствіе въ эти тяжелые дни.—Поповъ, Матвѣевъ, Гинце, Аляксинскій, Романовъ, Хрящева, Шишковъ, Віолентовъ, Сорокинъ, Поклонскій, Раздерихина, Абрамкина, Воробьевъ, Воробьева, Клюйковъ.

Уфа. Вмѣстѣ съ вами скорбимъ о Николаѣ Ѳедоровичѣ.—Уфимскіе статистики.—Красильниковъ.

Харьковъ. Глубоко потрясены печальною вѣстью о неожиданной кончинѣ дорогого, незабвеннаго Николая Ѳедоровича Анненскаго. Онъ былъ нашимъ учителемъ земской статистики, внушая пытливость, исканіе истины, познаніе жизни и нуждъ населенія; онъ былъ стойкимъ убѣжденнымъ борцомъ за лучшее будущее, нашимъ другомъ и товарищемъ, помогая совѣтомъ и сердечнымъ участіемъ въ невзгодахъ. Память свѣтлаго, чуднаго Николая Ѳедоровича всегда съ нами, согрѣвая и освѣщая жизнь.—Статистики: С. Жилкинъ, Буторинъ, Бриллингъ, В. Терешкевичъ, Веселовская, Лютая, Гвоздевъ, Цвѣтухина, Поспѣевъ, Полякъ, Еновъ, Ключарева, Ленманъ, Палѣева, Крамчукъ, Потресовъ.

Черниговъ. Пораженные тяжелой вѣстью о кончинѣ дорогого Николая Ѳедоровича, спѣшимъ выразить наше глубокое сочувствіе близкимъ покойнаго въ постигшемъ ихъ безмѣрномъ горѣ. Ихъ скорбь раздѣлятъ всѣ, кому былъ дорогъ покойный Николай Ѳедоровичъ, какъ душевный и обаятельный человѣкъ и какъ свѣтлый и чуткій общественный и литературный дѣятель. Мы же, какъ статистики, скорбимъ еще и о потерѣ славнаго нашего учителя и

основателя нижегородской земско-статистической школы.—Черенковъ. Слѣдуютъ 22 подписи.

Аксеново. Поражены печальной вѣстью о кончинѣ незабвеннаго Николая Өедоровича. Шлемъ выраженія глубокаго сочувствія въ тяжеломъ постигшемъ Васъ и семью лучшихъ русскихъ литераторовъ горѣ.—Семья Рубель.

Александровскъ. Прошу передать семьѣ Николая Өедоровича мое глубокое сочувствіе.—Дмитрій Жуковскій.

Алушта. Шлемъ искреннее соболѣзнованіе по поводу вашей тяжелой утраты глубоко чтимаго нами человѣка и общественнаго дѣятеля.—Алчевскій.

Армавиръ. Узналъ о смерти Анненскаго, искренно скорблю, соболѣзную вашей тяжелой утратѣ.—Котовъ.

Батуринъ. Присоединяюсь къ горю редакціи, утерявщей товарища и свѣтлаго человѣка-гражданина. — Николай Архиповъ.

Біюкъ-Ламбатъ. Горячо сочувствую тяжелой утратѣ, постигшей «Русское Богатство» въ лицѣ незабвеннаго Николая Өедоровича.—Яроцкій.

Біюкъ-Ламбатъ. Глубоко сочувствую Вашей тяжелой утратѣ.—Ольга Оболенская.

Бинцъ (Рюгенъ). Сердечно соболѣзнуемъ о потерѣ незабвеннаго Николая Өедоровича, непоколебимаго въ своей неисчерпаемой любви къ человѣчеству. Семья Герценштейнъ.

Буй. Присоединяюсь къ общему горю о потерѣ незабвеннаго учителя.—Александръ Киренскій.

Бьерво. Потрясена печальною новостью и спѣшу выразить вамъ самое искреннее соболѣзнованіе.—Вѣра Гоцъ.

Бьерво. Оплакиваю незамѣнимую утрату замѣчательнаго человѣка и борца за свободу.—Сергѣй Ивановъ.

Вартемяги (Т. А. Богдановичъ). Безконечно огорчена кончиной дорогого, незабвеннаго Николая Өедоровича... Всей душой съ Вами.—Варвара Икскуль.

Вевэ. Глубоко потрясены и оплакиваемъ смерть Николая Өедоровича.—Семья Потапова.

Винница. Выражаемъ глубокое соболѣзнованіе Вашей незамѣнимой потерѣ.—Русовы, Михайловы.

Вильдунгенъ. Примите выраженіе сердечной скорби о горестной утратѣ незабвеннаго Николая Өедоровича, такъ дивно сочетавшаго непреклонность убѣжденій съ обаятельной, чарующей мягкостью души.—Винаверъ.

Вологда. Вспоминая незабвенные дни, проведенные съ Николаемъ Өедоровичемъ, вмѣстѣ съ Вами скорблю о невознаградимой утратѣ. —Деларовъ.

Воскресенскъ. Не стало лучшаго сына родины, дорогого Николая Өедоровича. Раздѣляемъ глубокую печаль семьи и редакціи «Русскаго Богатства».—Гедеоновскіе, Сотникова, Клеменцъ.

Ганге. Примите мое глубокое соболѣзнованіе вашему горю.—Софія Дегтерева.

Генуя. Смерть еще одного изъ лучшихъ людей Россіи глубоко огорчила нашу группу.—Носкуреневъ, Вѣра Лебедева.

Городище. Вмѣстѣ съ Вами глубоко опечаленъ кончиной незабвеннаго Николая Өедоровича.—Левъ Симиренко.

Женева. Примите искреннія соболѣзнованія въ поразившемъ васъ горѣ.—Бахъ съ семьей.

Иркутскъ. Глубоко опечаленъ кончиной незабвеннаго Николая Өеодоровича, искренно соболѣзную редакціи, въ лицѣ покойнаго потерявшей незамѣнимаго товарища, благороднаго и беззавѣтнаго соратника за правду и справедливость.—Кроль.

Кауфманская. Глубоко скорбимъ объ утратѣ. Просимъ выразить наше соболѣзнованіе Александрѣ Никитичнѣ.—Сосновскій.

Кисловодскъ. Глубоко огорченные смертью дорогого Николая Өедоровича Анненскаго, шлемъ свое сочувствіе редакціи «Русскаго Богатства» въ ея тяжелой утратѣ.—Александръ и Зоя Демяновы.

Кисловодскъ. Присоединяюсь къ общей вашей скорби по поводу кончины Николая Өедоровича Анненскаго. Передайте вдовѣ мое сердечное сочувствіе.—Ляхницкій.

Кіевъ. Возвратясь изъ Кіева, узнала съ глубокой скорбью о кончинѣ дорогого, незабвеннаго Николая Өедоровича. Я и сестра просимъ васъ передать глубокоуважаемой Александрѣ Никитичнѣ наше сердечное сочувствіе. Мы чувствуемъ и раздѣляемъ общее глубокое горе.—Румянцева, Быковская.

Кіевъ. Сегодня въ заупокойной молитвѣ по скончавшемся отцѣ моемъ упомяну передъ Господомъ имя дорогого учителя жизни, Николая Өедоровича. Утѣшьтесь, остается примѣръ.—Александръ Цитронъ.

Кларанъ-Монтрё. Глубоко опечаленъ смертью дорогого Николая Өедоровича. Вмѣстѣ съ семьей и редакціей чувствую тяжесть утраты.—Оберучевъ.

Кстово. Шлемъ сердечное соболѣзнованіе осиротѣвшимъ семьѣ и редакціи. Скорбимъ о кончинѣ дорогого Николая Өедоровича.—Чириковы, Рождественскіе, Соколовъ, Соколовы, Григорьевъ, Щегловъ, Станиловскій

Лозанна. Глубоко скорбимъ о потерѣ неутомимаго поборника правъ трудового народа.—Маркъ Натансонъ, Варвара Натансонъ, Валеріанъ Лункевичъ, Зоя Лункевичъ.

Лондонъ. Горюю съ вами.—Твердохлѣбовъ.

Малаховка. Переживаемъ съ Вами, родные, утрату дорогого, горячо любимаго Николая Өедоровича.—Л о ш к а р е в ы.

Малышево. Примите выраженія искренняго соболѣзнованія о невознаградимой потерѣ, понесенной въ лицѣ Николая Өедоровича Анненскаго, незамѣнимаго редактора, кристальной души общественнаго дѣятеля, чуднаго человѣка. Вашу скорбь раздѣлитъ вся мыслящая Россія.—К а м и н к а.

Марьина Горка. Глубоко скорбимъ объ утратѣ чистаго сердцемъ, глубокаго умомъ человѣка и общественнаго дѣятеля.—Б о н ч ъ-О с м о л о в с к і е, В р ж о с е к ъ, К о в а л и к ъ.

Минскъ. Группа читателей «Русскаго Богатства» города Минска выражаетъ свое глубокое сожалѣніе по поводу кончины дорогого Николая Өедоровича Анненскаго, незамѣнимаго сотрудника журнала, всю жизнь положившаго за общественное дѣло.

Москва. Глубоко опечаленные смертью дорогого учителя и товарища Николая Өедоровича Анненскаго, московскіе друзья и товарищи по партіи шлютъ свое соболѣзнованіе редакціи «Русскаго Богатства» и семьѣ покойнаго въ дни тяжелыхъ испытаній. Николай Өедоровичъ былъ всегда впереди и одушевлялъ насъ всѣхъ. Память о немъ будетъ поддерживать и объединять насъ въ дальнѣйшемъ пути.—Т и т о в ъ, М е л ь г у н о в ъ, К н я з е в ъ, Б а л и ц к і й, П е р ц е в ъ, К у д р я в ц е в ъ, Л е й б е н ъ, Я р р е, С у з д а л ь ц е в ъ.

Москва. Извѣстіе о смерти Николая Өедоровича глубокимъ горемъ отозвалось въ нашихъ сердцахъ. Мы оплакиваемъ невозвратимую потерю неутомимаго борца на передовыхъ позиціяхъ русской интеллигенціи. Преклоняясь передъ умомъ и талантомъ дорогого намъ покойника, мы еще болѣе цѣнимъ въ немъ величіе его нравственной личности, особенно ярко отражающееся на фонѣ нашей мрачной дѣйствительности.—П и х т и н ъ, семья Л я н д ы-Г р о м о в ы, Л ю б о в ц ы, З е н з и н о в ы, П о п о в ы, И в а н и ц к і й, К а з а к о в ъ, М а л ь ц е в ъ.

Москва. Недавно Михайловскій, Южаковъ, Якубовичъ... Теперь Анненскій. Больно видѣть, какъ смерть разитъ старыхъ стойкихъ народниковъ. Шлю искреннее соболѣзнованіе сиротѣющей редакціи.—Д у н о в и ч ъ.

Москва. Жгучая скорбь охватываетъ при мысли, что русскій народъ потерялъ еще одного преданнѣйшаго работника, борца за его счастье и освобожденіе. Прошу передать Александрѣ Никитичнѣ мое сердечное соболѣзнованіе.—Б ы в ш і й н а р о д н ы й у ч и т е л ь, Н и к о л а й С к в о р ц о в ъ.

Москва. Глубоко скорбя о кончинѣ дорогого Николая Өедоровича, просимъ принять искреннія соболѣзнованія въ постигшей насъ утратѣ.—С е р г ѣ й Г а р и н ъ, Н и ф о н т ъ и В ѣ р а Д о л г о п о л о в ы.

Мюнхенъ. Сочувствуемъ горю редакціи, общему горю Россіи и

русской интеллигенціи.—Евдокимовъ, Кулишный, Майскій, Маціевичъ.

Нейшлотъ. Сейчасъ узналъ. Перестало биться чуткое сердце неутомимаго борца за общее дѣло. Крѣпко жму руки его осиротѣвшимъ друзьямъ. Моисей Брамсонъ.

Нижній-Новгородъ. Потеря Николая Ѳедоровича больно отзывается въ сердцѣ каждаго знавшаго его. Раздѣляемъ ваше горе и выражаемъ вамъ горячее сочувствіе.—Граціановы.

Нижній-Новгородъ. Сейчасъ, вернувшись изъ деревни, узналъ о потрясающемъ событіи — кончинѣ Николая Ѳедоровича. Примите, дорогой Владиміръ Галактіоновичъ, выраженіе безконечной скорби объ утратѣ незабвеннаго Николая Ѳедоровича и передайте чувство искренняго и глубокаго соболѣзнованія Александрѣ Никитичнѣ и Татьянѣ Александровнѣ.—Килевейнъ.

Нижній-Новгородъ. Примите выраженіе глубокаго горя по поводу кончины рѣдкой чистоты человѣка, дорогого Николая Ѳедоровича.—Салазкинъ.

Нижній Новгородъ. Глубоко сожалѣемъ о кончинѣ дорогого Николая Ѳедоровича. Примите наше соболѣзнованіе постигшему Васъ горю.—Савельевы.

Нижній-Новгородъ. Глубоко сочувствуемъ Вашему горю и скорбимъ о кончинѣ дорогого Николая Ѳедоровича.—Гориновы.

Новоселки. Всѣмъ сердцемъ сочувствую Вашему и Татьяны Александровны горю.—Вѣчно признательный дорогому Николаю Ѳедоровичу Алексѣй Кондратовъ.

Оберегеръ. Шлемъ сердечныя соболѣзнованія о потерѣ дорогого Николая Ѳедоровича.—Аргуновы, Берсеневы.

Одесса (на имя А. Ѳ. Пѣшехоновой). Передайте пожалуйста семьѣ, редакціи, друзьямъ покойнаго Николая Ѳедоровича мое искреннее соболѣзнованіе въ постигшей ихъ тяжелой утратѣ.—Сталь.

Одесса (А. Н. Анненской). Родная, любимая, душа моя съ вами.—Цомакіонъ.

Одесса. Скорблю о смерти выдающагося статистика, публициста, общественнаго дѣятеля, рѣдкаго по душевнымъ качествамъ человѣка, незабвеннаго Николая Ѳедоровича Анненскаго.—Неориневичъ.

Оренбургъ. Глубоко скорбимъ о кончинѣ дорогого Николая Ѳедоровича. Просимъ передать Александрѣ Никитишнѣ наше искреннее сочувствіе.—Ольга, Валерій Каррикъ.

Павлово Село. Вмѣстѣ съ редакціей скорблю о потерѣ Николая Ѳедоровича, народника-соціалиста.—Кудрявцевъ.

Парижъ. Искреннія соболѣзнованія. Семьи Деникера и Леруа.

Парижъ. Скорбимъ вмѣстѣ съ вами и всей прогрессивной Россіей объ утратѣ стойкаго борца за трудовые идеалы и свѣт-

лаго человѣка, Николая Ѳедоровича Анненскаго.—Натансонъ, Ракитниковъ, Аргуновъ, Бунаковъ, Авксентьевъ.

Парижъ. Глубоко скорбимъ о кончинѣ незабвеннаго Николая Ѳедоровича Анненскаго, доблестнаго гражданина и борца за народное благо. — Василій Леоновичъ, Марія Орлина, Иванъ Смирновъ, докторъ Богоразъ, Стефанъ Слетовъ, Владиміръ Черновъ.

Полтава. Глубоко потрясены кончиной дорогого Николая Ѳедоровича, красы и гордости русской интеллигенціи, отдавшаго всѣ силы своей кристально-чистой души и горячаго сердца на служеніе правдѣ, добру и свободѣ. Передайте дорогой Александрѣ Никитичнѣ наше горячее сочувствіе въ ея тяжеломъ горѣ.—Семья Имшенецкихъ.

Приколотное. Позвольте выразить Вамъ, глубокоуважаемая Александра Никитична, и редакціи «Русскаго Богатства» искреннее глубокое участіе въ тяжеломъ горѣ.—Лихаревъ.

Псковъ. Глубоко опечалены извѣстіемъ о кончинѣ дорогого и незабвеннаго Николая Ѳеодоровича, имя котораго въ теченіе двадцати пяти лѣтъ съ неизмѣннымъ благоговѣніемъ произносилось въ нашей семьѣ. Просимъ принять наше сердечное выраженіе сочувствія вашему горю.—Кисляковы.

Пятигорскъ. Глубоко удручена смертью дорогого Николая Ѳедоровича. Раздѣляю Ваше горе, выражаю горячее сочувствіе.—Александра Ткачева.

Римъ. Безмѣрно потрясены, неутѣшно горюемъ о миломъ, дорогомъ, незабвенномъ Николаѣ Ѳедоровичѣ.—Флора, Григорій Шрейдеръ.

Руза. Передайте семьѣ, примите сочувствіе въ незамѣнимой утратѣ русскимъ обществомъ доблестнаго борца.—Павелъ Долгоруковъ.

Самара. Примите выраженіе участія горю вашему о потерѣ Николая Ѳедоровича Анненскаго, старѣйшаго изъ высокочтимыхъ работниковъ журнала.—Иванъ Марковъ.

Святошинъ. Дорогая Александра Никитична. Всѣмъ сердцемъ раздѣляю ваше горе и оплакиваю любимаго, незабвеннаго Николая Ѳедоровича.—Р. Якубовичъ.

Серебряково. Поражены вѣстью о безвременной кончинѣ незабвеннаго Николая Ѳедоровича. Вмѣстѣ съ осиротѣвшимъ «Русскимъ Богатствомъ» переживаемъ тяжкую скорбь о незамѣнимой утратѣ, вмѣстѣ со всѣми близкими, сердцемъ приросшими къ покойному людьми, оплакиваемъ свѣтлую память человѣка великой любви, несравненной сердечности, вмѣстѣ съ русской интеллигенціей скорбимъ о потерѣ лучшаго гражданина, рыцаря безъ страха и упрека.—Марія Крюкова, Борисъ Пѣшехоновъ, Федоръ Крюковъ, Алексѣй Роде.

Сестрорѣцкъ. Группа студентовъ психо-неврологическаго инсти-

тута, проживающихъ въ Сестрорѣцкѣ, глубоко потрясенная кончиной незабвеннаго Николая Ѳедоровича Анненскаго, поручила мнѣ выразить осиротѣлой редакціи «Русскаго Богатства» искреннее соболѣзнованіе по поводу смерти стойкаго борца за свѣтлое будущее родины.—Семенъ Осиповичъ Грузенбергъ.

Симбирскъ. Глубоко опечаленные кончиной незабвеннаго Николая Ѳедоровича Анненскаго, скорбимъ вмѣстѣ съ почитателями его.—М. В. Зелененко.

Симферополь. Желаемъ въ общемъ сочувствіи обрѣсти силы перенести утрату товарища-друга.—Лурія, Дерманъ.

Сорочинцы (А. Н. Анненской и Т. А. Богдановичъ). Всей душой сочувствуемъ Вашему тяжелому горю.—Кистяковская, Беренштамъ.

Сорочинцы. («Р. Богатству»). Скорбимъ о тяжелой утратѣ, раздѣляемъ ваше горе. —Скуревичъ, Волкенштейнъ, Мякотины, Васильевъ, Моргуны, Беренштамъ, Кистяковская.

Сорочинцы. Глубоко скорбимъ объ утратѣ дорогого Николая Ѳедоровича. Искренно сочувствуемъ Вашему горю.—Мякотины, Гамперъ.

Смоленскъ. Съ сердечнымъ сочувствіемъ присоединяемся къ Вашей глубокой скорби и оплакиваемъ дорогого незабвеннаго Николая Федоровича.—Силантьевы.

С.-Петербургъ. Слушатели петербургскихъ хозяйственныхъ курсовъ присоединяются къ глубокой скорби всего демократическаго общества по поводу кончины Николая Ѳедоровича Анненскаго, бывшаго всю жизнь идейнымъ борцомъ за лучшіе завѣты русской общественности.

С.-Петербургъ. Горячо сочувствую тяжелой утратѣ Николая Ѳедоровича Анненскаго.—Постоянный читатель его и политическій единомышленникъ.

С.-Петербургъ. Примите выраженіе глубокаго соболѣзнованія о незамѣнимой потерѣ въ лицѣ покойнаго Николая Ѳедоровича.—Красносельскій.

С.-Петербургъ (А. Н. Анненской). Душевно сочувствую Вашему горю. Огорчена, что не была на похоронахъ. Сердечно цѣлую Васъ.—С. Вильчевская.

Ставрополь. Глубоко скорбимъ объ утратѣ Николая Ѳедоровича, искренно соболѣзнуемъ Александрѣ Никитишнѣ, Редакціи, Короленкамъ.—Владиміръ, Катерина Золотницкіе.

Ставрополь. Присоединяю Вамъ и Александрѣ Никитичнѣ свою скорбь о незамѣнимой утратѣ глубокоуважаемаго Николая Ѳедоровича. Это—утрата всего образованнаго общества.—Голубевъ.

Сэнъ-Бріакъ. Примите искреннія соболѣзнованія въ смерти Н. Ѳ. Анненскаго представляющей великую утрату для современной

русской литературы. Выражаемъ сердечное сочувствіе въ горѣ его семьѣ.—Наталья и Владиміръ Розенбергъ.

Тамань (Т. А. Богдановичъ). Только сейчасъ узналъ о постигшемъ вашу семью горѣ, нѣтъ словъ выразить Александрѣ Никитичнѣ и вамъ мои чувства.—Богдановичъ.

Тверь. Земно кланяюсь праху дорогого учителя Николая Өедоровича Анненскаго.—Секретарь Тверской губернской земской управы Бунинъ.

Тетюши. Вмѣстѣ со всей интеллигентной Россіей раздѣляемъ вашу глубокую скорбь.—Купріяновы, Стахевичъ, Флоровская.

Томскъ. Прогрессивное томское общество глубоко взволновано извѣстіемъ о кончинѣ одного изъ лучшихъ русскихъ людей. Предъ именемъ Николая Өедоровича Анненскаго стушевываются различія политическихъ и соціальныхъ воззрѣній; остается глубокая скорбь о потерѣ мужественнаго хранителя идеаловъ свободы и соціальной справедливости.—Н. В. Некрасовъ, С. А. и Е. Л. Зубашевы, П. В. Вологодскій, А. М. Головачевъ, М. Д. Михайловскій, П. И. и А. И. Макушины, М. И. Шиницына, Вс. Крутовскій, Гинзбергъ, Ганъ, Патрушевъ, Веліонъ, Май, Хаймовичъ, Петровичъ, Поповъ, Куссе, Кюзъ, Ульяновъ, Богоявленскій, Молотковскій.

Торжокъ. Чувствуемъ, что не стало чуднаго человѣка, съ чистымъ и горячимъ сердцемъ, истиннаго сына своей родины, и шлемъ наши соболѣзнованія семьѣ его.—Стоюнина, Лосскіе.

Угловка. Глубоко опечаленъ смертью всѣмъ близкаго Николая Өедоровича. Сердечно сожалѣю о незамѣнимой утратѣ.—Бартъ.

Усть-Кутъ. Группа политическихъ ссыльныхъ Усть-Кута Киренскаго выражаетъ сердечное соболѣзнованіе редакціи «Русскаго Богатства» по случаю новой потери одного изъ своихъ сочленовъ, глубокоуважаемаго Николая Өедоровича Анненскаго.—Мееровъ (и 67 подписей).

Харбинъ. Глубоко сочувствуемъ вашему тяжелому горю. Скорбимъ, какъ члены родственной семьи и какъ члены общества, объ утратѣ всѣмъ намъ дорогого Николая Өедоровича.—Хмара-Борщевскіе.

Харьковъ. Выражаю глубокое сожалѣніе по поводу кончины незабвеннаго Николая Өедоровича.—Профессоръ Орловъ.

Черниговъ (А. Н. Анненской). Пораженъ страшнымъ извѣстіемъ о смерти дорогого Николая Өедоровича. Всѣмъ сердцемъ раздѣляю ваше и Татьяны Александровны безмѣрное горе. — Добровольскій.

Черный-Яръ. Глубоко опечаленные смертью славнаго народника, незабвеннаго Николая Өедоровича, шлемъ свое глубокое соболѣзнованіе осиротѣвшей редакціи «Русскаго Богатства».—Черноярскіе политическіе ссыльные Астраханской губерніи: Гольденбергъ,

Ваврживскій, Клименко, Лаздинъ, Малишевскій, Антонина Мякотина, Романова, Семеновъ, Семенъ Теръ-Семеновъ, Вадимъ Чайкинъ.

Черный Яръ. Шлю глубокое сочувствіе редакціи и Александрѣ Никитичнѣ. Мякотина.

ОТЧЕТЪ

конторы редакціи журнала „Русское Богатство".

ПОСТУПИЛО:

Въ пользу голодающихъ крестьянъ: отъ Черемшанской—5 р.; отъ М. О.—100 р.; отъ Н. С.—5 р. 59 к.; отъ И. Вступова—3 р.; отъ М. Лапушкиной—1 р.; отъ в-ча Рогожина — 50 к.; отъ П. М. Покровскаго — 50 к.; отъ Г. А. Дивильковскаго —75 к.; отъ М. Бурцевой—5 р.; отъ механика—15 р.; отъ Н—скихъ—7 р.; собранные на товарищескихъ проводахъ—87 р. 20 к.; отъ И. Кудрина— 8 р.; отъ служащихъ и рабочихъ фабрики И. П. Абрамова и отъ мѣстнаго учительскаго персонала — 30 р. 05 к.; отъ неизлѣч. больного—200 р.; отъ Е. М. С.—5 р.; отъ Л. М.—1 р. 50 к.; отъ С. А. Петровскаго—10 р.; отъ Я. П. Рахвалова—25 р.; отъ Жени и Лели Сосновскихъ—4 р.; отъ М. С.—10 р.; отъ Н. Л.—5 р. 50 к.; собранные учащимися средне-учебныхъ заведеній г. Царицына—90 р.; отъ О. Федоровой — 50 к.; отъ группы слушательницъ 4-го курса Харьковскаго женскаго медицинскаго института—31 р.; отъ группы политическихъ ссыльныхъ г. Онеги -24 р. 50 к.; отъ К. Трапезниковой—5 р.; отъ служащихъ Русско-Азіатскаго Банка—55 р. 50 к.; отъ Лазаревской—25 р.; отъ А. Черемшанской—3 р.; отъ В. Киріаковой—1 р.; отъ учащихъ и служащихъ при земской школѣ—18 р.; отъ чиновъ землеустройства Алтайскаго округа—153 р. 25 к.; отъ служащихъ Русско-Азіатскаго Банка въ Армавирѣ—25 р. 85 к.; отъ Л. С. Бѣлецкаго—50 р.; отъ М. Т. Поповскаго—1 р.; отъ М. С. В.—10 р.; отъ преподавателей Кокандскаго коммерческаго уч-ща—27 р.; отъ в-ча М. П. Звѣрева—5 р.; отъ в-ча Ѳ. Я. Щербакова—5 р.; отъ преподавателей Хабаровскаго „Николаевскаго" уч-ща—17 р. 02 к.; отъ „Ворсмага"—18 р. 10 к.; черезъ К. В. Козловскаго—45 р.; отъ О. Н. Ваньковичъ—5 р.; отъ д-ра М. Н. Коноплева—5 р.; отъ В. Киріаковой—1 р.; отъ группы учителей станицы Константиновской, Дон. обл.—43 р. 62 к.; отъ II класса 5-го 4-хъ класснаго городского уч-ща—3 р. 40 к.; отъ А. Подосеновой—3 р.; отъ Н. К. Бурлаковой—5 р.; отъ Коли и Гали Васильевыхъ—5 р.; отъ М. А. Волынской—5 р.; отъ А. В. Сарандинаки—20 р.; отъ б-ки имени В. Г. Короленко въ Cöthen—18 р.; отъ Н. И. и С. А. Карѣевыхъ—50 р.; отъ И. Кудрина—7 р.; отъ А. В. Неудачина—10 р.; черезъ М. Браиловскаго, изъ Тулузы—9 р. 74 к.; отъ служащихъ Русско-Азіатскаго Банка въ Армавирѣ—21 р. 25 к.; отъ Ж. Г., изъ Барнаула—20 р. 60 к.; изъ с. Ильинскаго—15 р.; собранные слушательницами высш. ж. курс. въ Харьковѣ—318 р.; отъ лѣсничаго В. Колупаева—10 р; отъ чиновъ землеустройства Алтайскаго округа—158 р. 43 к.; отъ Н. Пастушенко—68 р.; отъ В. Ф. Соловьева—28 р.; отъ Медицинскаго персонала Харьковской Холодногорской земской больницы—8 р. 82 к.; отъ И. Соколова и другихъ—7 р.; отъ В. Крыжицкаго—5 р.; отъ П. И. Ковалевскаго—3 р.; отъ Ю. Я. Божовскаго—5 р. 50 к.; отъ В. М. Мацневой—10 р.; отъ Г. Муравина—6 р.; отъ группы Рославльской молодежи—9 р.; отъ М. Шурубовой—5 р.; собранные среди студентовъ Страсбургскаго университета—23 р. 61 к.; отъ А. Д. Спувъ—1 р.; отъ М. В. Ватсонъ—25 р.; отъ группы подругъ изъ Читы—48 р.; отъ „солдатъ подписчиковъ и читателей „Русскаго Богатства" кр. Владивостокъ"—17 р. 50 к.; отъ Г. М. Н.—1 р.; отъ Е. Д.—

10 р.; отъ Д. Чистякова—5 р.; отъ И. Соколова и другихъ—13 р.; отъ группы нижнихъ чиновъ N. Сибирскаго стрѣлковаго полка—6 р,; отъ А. и О. Г. и Е. Г.—1 р. 85 к.; отъ Н. К.—5 р.; „собранные кружкомъ любителей драматическаго искусства на ст. Медвѣдево М.-В.-Р. ж. д.“—122 р. 31 к.; отъ М. Миронова—11 р.; отъ преподавателей Кокандскаго коммерческаго уч-ща—30 р.; изъ Лахвы—38 р. 88 к.; отъ А. Петровскаго—5 р.; отъ О. Свѣшниковой—2 р.; отъ дѣтей Крыжицкихъ—8 р. 45 к.; отъ О. И. Ничипоренко—25 р.; отъ О. В. и А. Н. Яницкихъ—5 р.; отъ Ш.—25 р.; отъ политическихъ ссыльныхъ с. Усть-Цыльмы—20 р.; отъ О. I. Т.—6 р.; отъ К. Мыттусъ—1 р; отъ 5-го 4-хъ класснаго городского уч-ща—4 р. 50 к.; отъ учeницъ VI-го кл., начальницы и преподавателей Б. Ж. Г.—10 р. 50 к.; изъ Ижмы—34 р.: собранные служащими Торг. Дома „К. Чевилевъ и С-ья“—20 р.; отъ Н. И. Черневскаго—11 р.; отъ группы преподавателей Константиновскаго реальнаго уч-ща—8 р. 85 к.; отъ преподавателей Кокандскаго коммерческаго уч-ща—28 р.; отъ О. А. Бодиско—2 р.; отъ свящ. Голубятникова—2 р.; отъ А. Шапиро—50 к.; отъ В. Фьерфоръ—5 р; отъ д-ра I. Эпштейна—1 р.; отъ служащихъ Русско-Азіатскаго Банка въ Армавирѣ—19 р. 60 к.; черезъ учителя П. Сидоренко—9 р.; собранные учащимися среднеучебныхъ заведеній г. Царицына 37 р.; отъ А. П.—1 р.; отъ В. К.—2 р.; отъ преподавателей Хабаровскаго „Николаевскаго“ городского уч-ща—33 р.; отъ политическихъ ссыльныхъ с. Усть-Цыльмы—27 р. 22 к.; отъ слушателей Политехн. курсовъ Т-ва профессоровъ—93 р. 14 к.; отъ малороссійскаго кружка любителей сценическаго искусства, служащихъ и рабочихъ Народнаго Дома Ленскаго Т-ва—420 р.; отъ Е. Олейниченко—5 р.; отъ Е. П. Галкиной—7 р. 50 к.; отъ А. Володкиной—100 р.; отъ В. Н. Ф.—450 р.; отъ служащихъ депо Мервъ Ср. Аз. ж. д.—30 р.; отъ Г. Эльснеръ—7 р.; отъ преподавателей Кокандскаго коммерческаго уч-ща—28 р.; отъ В. Мацневой—5 р.; отъ Н. И. Черневскаго—3 р. 30 к.; отъ служащихъ Русско-Азіатскаго Банка въ Армавирѣ—18 р. 75 к.; отъ С. Б. Вольфа—10 р.; отъ Савина—10 р.; отъ В. Н. Ф.—56 р. 23 к.; отъ Б.—2 р. 50 к; отъ подписчика № 8659—25 р.; отъ А. М. К-о и А. С-ихъ—50 р.; отъ преподавателей Хабаровскаго „Николаевскаго уч-ща—16 р. 10 к.; отъ группы лицъ изъ Верховажья—18 р. 75 к.; отъ „калужанъ“—9 р.;—отъ И. Г. Липскаго, А. Г. Вендта, А. И. Кернажицкаго и М. А. Долгорукова—2 р. 50 к.; черезъ И. Н. Анцыгина—2 р. 50 к.; отъ преподавателей Кокандскаго коммерческаго уч-ща—30 р.; отъ преподавателей Хабаровскаго „Николаевскаго“ городскаго уч-ща—15 р. 50 к.; отъ служащихъ Русско-Азіатскаго банка въ Армавирѣ—18 р. 75 к.; отъ А. П. Тутовой—50 р.; отъ А. М. Митяньшевой—5 р.; отъ Торг. Дома „Чевилевъ“, и С-ья—25 р.; отъ группы В—скихъ семинаристовъ III класса 5 р. 85 к.; отъ Денисевичъ—5 р.; отъ преподавателей Кокандскаго коммерческаго уч-ща—30 р.: отъ преподавателей Хабаровскаго „Николаевскаго“ уч-ща—14 р. 77 к.; изъ Лейзина, черезъ Беренштама—37 р.; отъ Нины и Вѣры—3 р. 74 к.; изъ Ижмы—7 р.; собранные на вечерѣ 23—IV въ г. Копалѣ—240 р. 24 к.; отъ Тарасевича, Зелинскаго и Гепштейна—31 р. 35 к.: отъ преподавателей Кокандскаго коммерч. уч-ща—82 р. 25 к.; отъ Ю. М.—8 р. 65 к.; отъ преподавателей Хабаровскаго „Николаевскаго“ уч-ща—15 р. 55 к.; черезъ В. Н. Ф., изъ Цюриха—75 р,; отъ Саввина—20 р; отъ Зяблицкой—6 р.; отъ разныхъ лицъ—450 р. 49 к.; отъ В. Колупаева—5 р.; отъ В. Попова—3 р. 50 к.; процентное отчисленіе сотрудниковъ и служащихъ въ конторѣ «Русскаго Богатства»—377 р. 95 к.; отъ г. Монпельежа—10 р.

Итого . . . 5688 р. 30 к.

Въ распоряженіе В. Г. Короленко: отъ А. Ф. Рябовича—50 р.; отъ З.—1000 р.; отъ Василія и Калеріи Зотиныхъ—20 р.; отъ служащихъ Торг. Дома С. и В. Бергъ—1154 р. 35 к.; отъ „группы изъ Бендеръ“—44 р. 65 к.; отъ В. В. Полуботокъ—14 р.; изъ Полтавы—600 р.; отъ Н. И. Черневскаго—3 р. 30 к.; отъ М. А. Коломенкиной (вмѣсто вѣнка на гробъ тети Нади)—10 р.; отъ Ируси Скрынниковой—20 р.; отъ С. В. Скрынникова—2 р.; отъ Кобылинскаго—75 к.; отъ одесской молодежи, черезъ А. М.—61 р.; отъ нѣкоторыхъ служащихъ Семип-скаго Окружнаго Суда и присяжнаго пов. Н. В. В-ра—30 р.; отъ учащихся радомской мужской и женской гимназіи—70 р. 38 к.; отъ полтавскихъ адвокатовъ, черезъ г-на Т. 332 р. 70 к.

черезъ г-на Шестакова, изъ Ургенчъ—90 р.; отъ служащихъ Русско-Азіатскаго Банка—14 р. 30 к.; отъ издат. газеты „Современное Слово"—200 р.; отъ Е. А. Ганейзера—50 р.

Итого . . . 3767 р. 43 к.

Всего поступило въ пользу голодающихъ крестьянъ 5688 р. 30 к.
„ „ „ распоряженіе В. Г. Короленко . 3767 р. 43 к. 9455 р. 73 к.

Послано въ Казанскую губ. Н. П. Купріяновой . . . . 5094 р. 45 к.
„ „ Вольно-Экономическое О-во. . 246 р. 01 к.
„ „ Самарскую губ., Бузулукскій уѣздъ, С. В. Короленко (отрядъ Е. И. Орловой) . . . . 4115 р. 27 к. 9455 р. 73 к.

Въ пользу семействъ рабочихъ, пострадавшихъ на Ленскихъ пріискахъ: отъ „разныхъ лицъ"—25 р. 70 к.; отъ кишиневскихъ учащихъ и учащихся—14 р. 50 к.; отъ М. А. Р.—50 р.

Итого . . . 90 р. 20 к.

Съ благотворительной цѣлью: отъ А. А. Переводова—9 р.; отъ Д. Голубятникова—1 р.; отъ А. Борисовой—1 р.

Итого . . . 11 р.

Редакторъ *С. В. Короленко*. Издатель *Вл. Г. Короленко*.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 118002200